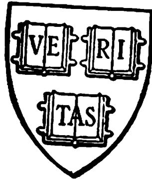

VE RI
TAS

ЯНВАРЬ 1916 ПТРГ.

ѢТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

ѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

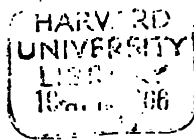
ЖУРНАЛЪ

№ 1

ВАРЬ 1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи переписанными на пишущей машинѣ, или совершенно четко перомъ.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи — по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря — по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". П-дъ, Забалканскій пр., № 75.

ЗАСУХА ВЪ РАЮ.

Отъ пальмъ увядшихъ слабы тѣни.
Ища воды, кричатъ въ тоскѣ
Сереброголосые олени
И пожираютъ змѣй въ пескѣ.

Въ сухомъ лазоревомъ туманѣ
Очерченъ солнца алый кругъ,
И самъ Аллахъ сжимаетъ длани,
Таитъ тревогу и испугъ.

Снимая съ исхудѣвшихъ пальцевъ
Златые перстни съ бирюзой,
Онъ дальній вопль земныхъ рыдальцевъ
Внимаетъ съ гнѣвомъ и слезой.

Онъ говоритъ: „О родъ безсильный!
О племя трусовъ и невѣждъ“!..
И жарко вѣетъ вѣтеръ пыльный
Подъ легкій шелкъ Его одеждъ.

Ив. Бунинъ.

АЛЕНУШКА.

Аленушка въ лѣсу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячіе, —
Блескучіе, стоячіе, —
Мала, мала Аленушка,
А пьетъ съ отцомъ — до донушка.
Пошла она въ лѣса гулять, —
Желалося любовь понять, —
Да кто въ лѣсу встрѣчается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Лѣсной жарой измучилась,
Зажгла она большой костеръ,
А въ сушь огонь — куда востеръ.
Сожгла лѣса Аленушка
На тыщу верстъ, до пенушка,
И гдѣ сама дѣвалася —
Донынѣ не узналося!

Ив. Бунинъ.

СКОМОРОХИ.

Веселые скоморохи,
Люди смѣтливые!
Поломайтесь, позабавьте
Свѣтъ боярина!

Скучно ему въ палатѣ!
Днемъ онъ выспался,
Шашки, сказки до побаски
Ужъ пріѣлися.

На лежаночкѣ въ павлинахъ
Сѣлъ онъ, батюшка,
Въ желтомъ стеганомъ халатѣ,
Въ ярь мурмолочкѣ.

Шибче, шибче, скоморохи!
Ишь, какъ ожилъ онъ!
Глазки узкіе, косые
Засвѣтилися,

Все лицо его тугое
Смѣхомъ сморщилося,
Корешки зубовъ изъ рота
Зачернѣлися...

Ахъ, недаромъ вы, собаки,
Виды видывали:
Шибче, шибче! Чтобъ сосѣди
Намъ завидовали!

Ив. Бунинъ.

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

I.

Я — въ людяхъ, служу «мальчикомъ» при магазинѣ «модной обуви», на главной улицѣ города.

Мой хозяинъ — маленькій, круглый человѣчекъ; у него бурое, стёртое лицо, зеленые зубы, водянисто-грязные глаза. Онъ кажется мнѣ слѣпымъ, и, желая убѣдиться въ этомъ, я дѣлаю гримасы.

— Не криви рожу, — тихонько, но строго говоритъ онъ.

Непріятно, что эти мутные глаза видятъ меня и не вѣрится, что они видятъ — можетъ быть, хозяинъ только догадывается, что я гримасничаю?

— Я сказалъ — не криви рожу, — еще тише внушаетъ онъ, почти не шевеля толстыми губами.

— Не чеши рукъ, — ползетъ ко мнѣ его сухой шопотъ. — Ты служишь въ первоклассномъ магазинѣ на главной улицѣ города, это надо помнить! Мальчикъ долженъ стоять при двери, какъ статуй...

Я не знаю, что такое статуй и не могу не чесать рукъ — обѣ онѣ до локтей покрыты красными пятнами и язвами, ихъ нестерпимо разъѣдаетъ чесоточный клещъ.

— Ты чѣмъ занимался дома? — спрашиваетъ хозяинъ, разсматривая мои руки.

Я разсказываю, онъ качаетъ круглой головой, плотно оклеенной сѣрыми волосами, и обидно говоритъ:

— Ветошничество — это хуже нищенства, хуже воровства.

Не безъ гордости, — я заявляю:

— Я вѣдь и воровалъ тоже.

Тогда, положивъ руки на конторку, точно котъ лапы, онъ испуганно упирается въ лицо мнѣ и шипитъ:

— Что-о? Какъ это воровалъ?

Я объясняю — какъ и что.

— Ну, это сочтемъ за пустяки! А если ты у меня украдешь ботинки, али деньги, я тебя устрою въ тюрьму до твоихъ совершенныхъ лѣтъ...

Онъ сказалъ это спокойно, я испугался и еще больше не взлюбилъ его.

Кромѣ хозяина въ магазинѣ торговалъ мой братъ, Саша Якововъ, и старшій приказчикъ — ловкій, липкій и румяный человѣкъ. Саша носилъ рыженькій сюртучекъ, манишку, галстукъ, брюки на выпускъ, былъ гордъ и не замѣчалъ меня.

Когда дѣдъ привелъ меня къ хозяину и просилъ Сашу помочь мнѣ, поучить меня, — Саша важно нахмурился, предупреждая:

— Нужно, чтобъ онъ меня слушался!

Положивъ руку на голову мою, дѣдъ согнулъ мнѣ шею.

— Слушай его, онъ тебя старше и по годамъ, и по должности...

А Саша, выкативъ глаза, внушилъ мнѣ:

— Помни, что дѣдушка сказалъ!

И съ перваго же дня началъ усердно пользоваться своимъ старшинствомъ.

— Каширинъ, не вытаращивай зенки, — совѣтовалъ ему хозяинъ.

— Я — ничего-съ, — отвѣчалъ Саша, наклоняя голову, но хозяинъ не отставалъ:

— Не бычись, покупатели подумаютъ, что ты козелъ...

Приказчикъ почтительно смѣялся, хозяинъ уродливо растягивалъ губы, Саша, багрово налившись кровью, скрывался за прилавкомъ.

Мнѣ не нравились эти рѣчи, я не понималъ множества словъ, иногда казалось, что они говорятъ на чужомъ языкѣ.

Когда входила покупательница, хозяинъ вынималъ изъ кармана руку, касался усовъ и приклеивалъ на лицо свое сладостную улыбку, она, покрывая щеки его морщинами, не измѣняла слѣпыхъ глазъ. Приказчикъ вытягивался, плотно приложивъ локти къ бокамъ, а кисти ихъ почтительно развѣшивалъ въ воздухѣ, Саша пугливо мигалъ, стараясь спрятать выпученные глаза, я стоялъ у двери, незамѣтно почесывая руки, и слѣдилъ за церемоніей продажи.

Стоя передъ покупательницей на колѣняхъ, приказчикъ примѣряетъ башмакъ, удивительно растопыривъ пальцы. Руки у него трепещутъ, онъ дотрагивается до ноги женщины такъ осторожно,

точно боится сломать ногу, а нога — толстая, похожа на бутылку съ покатыми плечиками, горлышкомъ внизъ.

Однажды какая-то дама сказала, дрыгая ногой и поеживаясь:

— Ахъ, какъ вы щекочете...

— Это-съ — изъ вѣжливости, — быстро и горячо объяснилъ приказчикъ.

Было смѣшно смотрѣть, какъ онъ липнетъ къ покупательницѣ, и, чтобы не смѣяться, я отворачивался къ стеклу двери. Но неодолимо тянуло наблюдать за продажей — ужъ очень забавляли меня пріемы приказчика, и въ то же время я думалъ, что никогда не сумѣю такъ вѣжливо растопыривать пальцы, такъ ловко насаживать башмаки на чужія ноги.

Часто, бывало, хозяинъ уходилъ изъ магазина въ маленькую комнатку за прилавкомъ и звалъ туда Сашу; прикзчикъ оставался глазъ на глазъ съ покупательницей. Разъ, коснувшись ноги рыжей женщины, онъ сложилъ пальцы щепотью и поцѣловалъ ихъ.

— Ахъ, — вздохнула женщина, — какой вы шалунишка!

А онъ надулъ щеки и тяжко произнесъ:

— Мм-ухъ!

Тутъ я расхохотался до того, что, боясь свалиться съ ногъ, повисъ на ручкѣ двери, дверь отворилась, я угодилъ головой въ стекло и вышибъ его. Приказчикъ топалъ на меня ногами, хозяинъ стучалъ по головѣ моей тяжелымъ золотымъ перстнемъ, Саша пытался трепать мои уши, а вечеромъ, когда мы шли домой, строго внушалъ мнѣ:

— Прогонятъ тебя за эти штуки! Ну, что тутъ смѣшного?

И объяснилъ: если приказчикъ нравится дамамъ — торговля идетъ лучше.

— Дамѣ и не нужно башмаковъ, а она придетъ да лишніе купитъ, только бы поглядѣть на пріятнаго приказчика. А ты — не понимаешь! Возись съ тобой...

Это меня обидѣло — никто не возился со мной, а онъ тѣмъ болѣе.

По утрамъ кухарка, женщина больная и сердитая, будила меня на часъ раньше, чѣмъ его; я чистилъ обувь и платье хозяевъ, приказчика, Саши, ставилъ самоваръ, приносилъ дровъ для всѣхъ печей, чистилъ судки для обѣда. Придя въ магазинъ, подметалъ полъ, стиралъ пыль, готовилъ чай, разносилъ покупателямъ товаръ, ходилъ домой за обѣдомъ, мою должность у двери въ это время исполнялъ Саша и, находя, что это унижаетъ его достоинство, ругалъ меня:

— Увалень! Работай вотъ за тебя...

Мнѣ было тягостно и скучно, я привыкъ жить самостоятельно, съ утра до ночи на песчаныхъ улицахъ Кунавина, на берегу мутной Оки, въ полѣ и въ лѣсу. Не хватало бабушки, товарищей, не съ кѣмъ было говорить, а жизнь раздражала, показывая мнѣ свою неказистую, лживую изнанку.

Нерѣдко случалось, что покупательница уходила ничего не купивъ, тогда они трое чувствовали себя обиженными. Хозяинъ прятал въ карманъ свою сладкую улыбку, командовалъ:

— Каширинъ, прибери товаръ!

И ругался:

— Ишь, нарыла, свинья! Скушно дома сидѣть дурѣ, такъ она по магазинамъ шляется. Была бы ты моей женой — я бъ тебя . . .

Его жена, сухая, черноглазая, съ большимъ носомъ, топала на него ногами и кричала, какъ на слугу.

Часто, проводивъ знакомую покупательницу вѣжливыми поклонами и любезными словами, они говорили о ней грязно и безстыдно, вызывая у меня желаніе выбѣжать на улицу и, догнавъ женщину, разсказать, какъ говорятъ о ней.

Я, конечно, зналъ, что люди вообще плохо говорятъ другъ о другѣ за глаза, но эти говорили обо всѣхъ особенно возмутительно, какъ будто они были кѣмъ-то признаны за самыхъ лучшихъ людей и назначены въ судьи міру. Многимъ завидуя, они никогда никого не хвалили и о каждомъ человѣкѣ знали что-нибудь скверное.

Какъ-то разъ въ магазинъ пришла молодая женщина, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и сверкающими глазами, она была одѣта въ бархатную ротонду съ воротникомъ чернаго мѣха — лицо ея возвышалось надъ мѣхомъ, какъ удивительный цвѣтокъ. Сбросивъ съ плечъ ротонду на руки Саши, она стала еще красивѣе — стройная фигура была туго обтянута голубовато-сѣрымъ шелкомъ, въ ушахъ сверкали брилліанты, она напомнила мнѣ Василису Прекрасную, и я былъ увѣренъ, что это сама губернаторша. Ее приняли особенно почтительно, изгибаясь передъ нею, какъ передъ огнемъ, захлебываясь любезными словами. Всѣ трое метались по магазину, точно бѣсы; на стеклахъ шкаповъ скользили ихъ отраженія, казалось, что все кругомъ загорѣлось, таетъ и вотъ сейчасъ приметъ иной видъ, иныя формы.

А когда она, быстро выбравъ дорогія ботинки, ушла, хозяинъ, причмокнувъ, сказалъ со свистомъ:

— С-сука . . .

— Одно слово — актриса, — съ презрѣніемъ молвилъ приказчикъ.

И они стали разсказывать другъ другу о любовникахъ дамы, о ея кутежахъ.

Послѣ обѣда хозяинъ легъ спать въ комнаткѣ за магазиномъ, а я, открывъ золотые его часы, накапалъ въ механизмъ уксуса. Мнѣ было очень пріятно видѣть, какъ онъ, проснувшись, вышелъ въ магазинъ съ часами въ рукахъ и растерянно бормоталъ:

— Что за оказія? Вдругъ — часы вспотѣли! Никогда этого не бывало — вспотѣли! Ужъ — не къ худу ли?

Несмотря на обиліе суеты въ магазинѣ и работы дома, я словно засыпалъ въ тяжелой скукѣ и все чаще думалось мнѣ: что бы такое сдѣлать, чтобъ меня прогнали изъ магазина?

Снѣжные люди молча мелькаютъ мимо двери магазина, кажется, что они кого-то хоронятъ, провожаютъ на кладбище, но опоздали къ выносу и торопятся догнать гробъ. Трясутся лошади, съ трудомъ одолѣвая сугробы. На колокольнѣ церкви за магазиномъ каждый день уныло звонятъ — великій постъ; удары колокола бьютъ по головѣ, какъ подушкой — не больно, а глупѣешь и глохнешь отъ этого.

Однажды, когда я разбиралъ на дворѣ, у двери въ магазинъ ящикъ только что полученнаго товара, ко мнѣ подошелъ церковный сторожъ, кособокій старичекъ, мягкій, точно изъ тряпокъ сдѣланъ, и растрепанный, какъ будто его собаки рвали.

— Ты бы, человѣче Божій, укралъ мнѣ калошки, а? — предложилъ онъ.

Я промолчалъ. Присѣвъ на пустой ящикъ, онъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и — снова:

— Украдь, а?

— Воровать — нельзя! — сообщилъ я ему.

— А воруютъ, однако. Уважь старость!

Онъ былъ пріятно непохожъ на людей, среди которыхъ я жилъ; я почувствовалъ, что онъ вполнѣ увѣренъ въ моей готовности украсть, и согласился подать ему галоши въ форточку окна.

— Вотъ и ладно, —не радуясь, спокойно сказалъ онъ. — Не омманешь? Ну, ну, ужъ я вижу, что не омманешь...

Посидѣлъ съ минуту молча, растирая грязный мокрый снѣгъ подошвой сапога, потомъ закурилъ глиняную трубку и вдругъ испугалъ меня:

— А ежели я тебя омману? Возьму эти самыя калоши, да къ хозяину отнесу, да и скажу, что продалъ ты мнѣ ихъ за полтину? А? Цѣна имъ свыше двухъ цѣлковыхъ, а ты за полтину! На гостинцы, а?

Я нѣмотно смотрѣлъ на него, какъ будто онъ уже сдѣлалъ

то, что обѣщалъ, а онъ все говорилъ тихонько, гнусаво, глядя на свой сапогъ и попыхивая голубымъ дымомъ.

— Если окажется, напримѣръ, что это хозяинъ же и научилъ меня: иди, испытай мнѣ мальца, насколько онъ воръ? Какъ тогда будетъ?

— Не дамъ я тебѣ калоши, — сказалъ я сердито, испуганно.

— Теперь ужъ нельзя не дать, коли обѣщалъ!

Онъ взялъ меня за руку, привлекъ къ себѣ и стукая холоднымъ пальцемъ по лбу моему, лѣниво продолжалъ:

— Какъ же это ты — ни съ того, ни съ сего — на, возьми!?

— Ты самъ просилъ.

— Мало ли чего я могу попросить! Я тебя попрошу церкву ограбить, какъ же ты — ограбишь? Развѣ можно человѣку вѣрить? Ахъ, ты, дурачекъ...

И оттолкнувъ меня, онъ всталъ.

— Калошевъ мнѣ не надо краденыхъ, я не баринъ, калошей не ношу. Это я пошутилъ только... А за простоту твою, когда Пасха придетъ, я те на колокольню пущу, звонить будешь, городъ поглядишь...

— Я знаю городъ.

— Съ колокольни онъ краше...

Зарывая носки сапогъ въ снѣгъ, онъ медленно ушелъ за уголъ церкви, а я, глядя вслѣдъ ему, уныло, испуганно думалъ: дѣйствительно пошутилъ старичекъ, или подосланъ былъ хозяиномъ провѣрить меня? Идти въ магазинъ было боязно.

На дворъ выскочилъ Саша и закричалъ:

— Какого чорта ты возишься!

Я замахнулся на него клещами, вдругъ взбѣсившись.

Я зналъ, что онъ и приказчикъ обкрадываютъ хозяина: они прятали пару ботинокъ или туфель въ трубу печи, потомъ, уходя изъ магазина, скрывали ихъ въ рукавъ пальто. Это не нравилось мнѣ и пугало меня, я помнилъ угрозу хозяина.

— Ты воруешь? — спросилъ я Сашу.

— Не я, а старшій приказчикъ, — объяснилъ онъ мнѣ строго, — я только помогаю ему. Онъ говоритъ — услужи! Я долженъ слушаться, а то онъ мнѣ пакость устроитъ. Хозяинъ! Онъ самъ вчерашній приказчикъ, онъ все понимаетъ. А ты молчи!

Говоря, онъ смотрѣлъ въ зеркало и поправлялъ галстукъ тѣми же движеніями неестественно растопыренныхъ пальцевъ, какъ это дѣлалъ старшій приказчикъ. Онъ неутомимо показывалъ мнѣ свое старшинство и власть надо мною, кричалъ на меня басомъ,

а приказывая мнѣ, вытягивалъ руку впередъ отталкивающимъ жестомъ. Я былъ выше его и сильнѣе, но костлявъ и неуклюжъ, а онъ плотненькій, мягкій и масляный. Въ сюртукѣ и брюкахъ на выпускъ, онъ казался мнѣ важнымъ, солиднымъ, но было въ немъ что-то непріятное, смѣшное. Онъ ненавидѣлъ кухарку, бабу странную — нельзя было понять, добрая она, или злая.

— Лучше всего на свѣтѣ люблю я бои, — говорила она, широко открывъ черные горячіе глаза. — Мнѣ все едино какой бой: пѣтухи ли дерутся, собаки ли, мужики — мнѣ это все едино!

И если на дворѣ дрались пѣтухи или голуби, она, бросивъ работу, наблюдала за дракою до конца ея, глядя въ окно, глухая, нѣмая. По вечерамъ она говорила мнѣ и Сашѣ:

— Что вы, ребятишки, зря сидите, подрались бы лучше!

Саша сердится:

— Я тебѣ, дурѣ, не ребятишка, а второй приказчикъ!

— Ну, этого я не вижу. Для меня, покуда не женатъ, ребенокъ!

— Дура, дурья голова...

— Бѣсъ уменъ, да его Богъ не любитъ.

Ея поговорки особенно раздражали Сашу, онъ дразнилъ ее, а она, презрительно скосивъ на него глаза, говорила:

— Эхъ, ты, тараканъ, Богова ошибка!

Но однажды онъ уговаривалъ меня намазать ей, сонной, лицо ваксой или сажей, натыкать въ ея подушку булавокъ или какъ-нибудь иначе «подшутить» надъ ней, но я боялся кухарки, да и спала она чутко, часто просыпаясь, проснется, зажжетъ лампу и сидитъ на кровати, глядя куда-то въ уголъ. Иногда она приходила ко мнѣ за печку и, разбудивъ меня, просила хрипло:

— Не спится мнѣ, Лексѣйка, боязно чего-то, поговори-ка ты со мной.

Сквозь сонъ я что-то разсказывалъ ей, а она сидѣла молча и покачивалась. Мнѣ казалось, что горячее тѣло ея пахнетъ воскомъ и ладономъ и что она скоро умрётъ. Можетъ быть, даже сейчасъ вотъ ткнётся лицомъ въ полъ и умрётъ. Со страху я начиналъ говорить громко, но она останавливала меня:

— Шш! А то сволочи проснутся, подумаютъ про тебя, что ты любовникъ мой...

Сидѣла она около меня всегда въ одной позѣ: согнувшись, сунувъ кисти рукъ между колѣнъ, сжимая ихъ острыми костями ногъ. Грудей у нея не было, и даже сквозь толстую холстину рубахи проступали ребра, точно обручи на разсохшейся бочкѣ. Сидитъ долго молча и вдругъ прошепчетъ:

— Хоть умереть бы, что ли, такая всё тоска...

Или спросить кого-то:

— Вотъ и дожила — ну?

— Спи! — говорила она, прерывая меня на полусловѣ, разгибалась и, сѣрая, таяла безшумно въ темнотѣ кухни.

— Вѣдьма! — звалъ ее Саша за глаза.

Я предложилъ ему:

— А ты въ глаза скажи ей это!

— Думаешь, побоюсь?

Но тотчасъ же сморщился, говоря:

— Нѣтъ, въ глаза не скажу! Можетъ, она и вправду вѣдьма...

Относясь ко всѣмъ пренебрежительно и сердито, она и мнѣ ни въ чемъ не мирволила, дернетъ меня за ногу въ шесть часовъ утра и кричитъ:

— Буде дрыхнуть-то! Тащи дровъ! Ставь самоваръ! Чисти картошку!...

Просыпался Саша и нылъ:

— Что ты орешь? Я хозяину скажу, спать нельзя...

Быстро передвигая по кухнѣ свои сухія кости, она сверкала въ его сторону воспаленными безсонницей глазами:

— У, Богова ошибка! Былъ бы ты мнѣ пасынокъ, я бы тебя ощипала.

— Проклятая, — ругался Саша и по дорогѣ въ магазинъ, внушалъ мнѣ: — Надо сдѣлать, чтобъ ее прогнали. Надо незамѣтно соли во все подбавлять, если у нея все будетъ пересолено, прогонятъ ее. А то керосину! Ты чего зѣваешь?

— А ты?

Онъ сердито фыркнулъ:

— Трусъ!

Кухарка умерла на нашихъ глазахъ: наклонилась, чтобы поднять самоваръ, и вдругъ осѣла на полъ, точно кто-то толкнулъ ее въ грудь, потомъ молча свалилась на бокъ, вытягивая руки впередъ, а изо рта у нея потекла кровь.

Мы оба тотчасъ поняли, что она умерла, но стиснутые испугомъ долго смотрѣли на нее, не въ силахъ слова сказать. Наконецъ, Саша стремглавъ бросился вонъ изъ кухни, а я, не зная, что дѣлать, прижался у окна, на свѣту. Пришелъ хозяинъ, озабоченно присѣлъ на корточки, пощупалъ лицо кухарки пальцемъ, сказалъ:

— Дѣйствительно, умерла... Что такое?

И сталъ креститься въ уголъ, на маленькій образокъ Николы Чудотворца, а помолившись, окомандовалъ въ сѣни:

— Каширинъ, бѣги, объяви полиціи!

Пришелъ полицейскій, потоптался, получилъ на чай, ушелъ; потомъ снова явился, а съ нимъ ломовой извозчикъ, они взяли кухарку за ноги, за голову и унесли ее на улицу. Заглянула изъ сѣней хозяйка, приказала мнѣ:

— Вымой полъ!

А хозяинъ сказалъ:

— Хорошо, что она вечеромъ померла...

Я не понялъ, почему это — хорошо. Когда ложились спать, Саша сказалъ мнѣ необычно кротко:

— Не гаси лампу!

— Боишься?

Онъ закуталъ голову одѣяломъ и долго лежалъ молча. Ночь была тихая, словно прислушивалась къ чему-то, чего-то ждала, а мнѣ казалось, что вотъ въ слѣдующую секунду ударятъ въ колоколъ, и вдругъ всѣ въ городѣ забѣгаютъ, закричатъ въ великомъ смятеніи страха.

Саша высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла и предложилъ тихонько.

— Давай, ляжемъ на печи, рядомъ?

— Жарко на печи.

Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Какъ она — сразу, а? Вотъ тебѣ и вѣдьма... Не могу уснуть...

— И я не могу.

Онъ сталъ разсказывать о покойникахъ, какъ они, выходя изъ могилъ, бродятъ до полуночи по городу, ищутъ, гдѣ жили, гдѣ у нихъ остались родные.

— Покойники помнятъ только городъ, — тихонько говорилъ онъ, — а улицы и дома не помнятъ ужъ...

Становилось все тише, какъ будто темнѣе. Саша приподнялъ голову и спросилъ:

— Хочешь, посмотримъ мой сундукъ?

Мнѣ давно хотѣлось узнать — что онъ прячетъ въ сундукѣ. Онъ запиралъ его висячимъ замкомъ, а открывалъ всегда съ какими-то особенными предосторожностями и, если я пытался заглянуть въ сундукъ, грубо спрашивалъ:

— Чего тебѣ надо? Ну?

Когда я согласился, онъ сѣлъ на постели, не спуская ногъ на полъ, и уже тономъ приказанія велѣлъ мнѣ поставить сундукъ на постель, къ его ногамъ. Ключъ висѣлъ у него на гайтанѣ, вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ. Оглянувъ темные углы кухни, онъ важно нахмурился, отперъ замокъ, подулъ на крышку сундука,

точно она была горячая, и, наконецъ, приподнявъ ее, вынулъ нѣсколько паръ бѣлья.

Сундукъ былъ до половины наполненъ аптечными коробками, свертками разноцвѣтной чайной бумаги, жестянками изъ-подъ ваксы и сардинъ.

— Это что?

— А вотъ увидишь...

Онъ обнялъ сундукъ ногами и склонился надъ нимъ, напѣвая тихонько:

— Царю небесный...

Я ожидалъ увидѣть игрушки — я никогда не имѣлъ игрушекъ и относился къ нимъ съ наружнымъ презрѣніемъ, но не безъ зависти къ тому, у кого они были. Мнѣ очень понравилось, что у Саши, такого солиднаго, есть игрушки, хотя онъ и скрываетъ ихъ стыдливо; но мнѣ понятенъ былъ этотъ стыдъ.

Открывъ первую коробку, онъ вынулъ изъ нея оправу отъ очковъ, надѣлъ ее на носъ и, строго глядя на меня, сказалъ:

— Это ничего не значитъ, что стеколъ нѣтъ, это ужъ такіе очки!

— Дай мнѣ посмотрѣть!

— Тебѣ они не по глазамъ. Это для темныхъ глазъ, а у тебя какіе-то свѣтлые, — объяснилъ онъ и по-хозяйски крикнулъ, но тотчасъ же испуганно осмотрѣлъ всю кухню.

Въ коробкѣ изъ-подъ ваксы лежало много разнообразныхъ пуговицъ, онъ объяснилъ мнѣ съ гордостью:

— Это я все на улицѣ собралъ! Самъ. Тридцать семь, ужъ...

Въ третьей коробкѣ оказались большія мѣдныя булавки, тоже собранныя на улицѣ, потомъ сапожныя подковки, стертыя, сломанныя и цѣльныя, пряжки отъ башмаковъ и туфель, мѣдная дверная ручка, сломанный костяной набалдашникъ трости, дѣвичья головная гребенка, «Сонникъ и оракулъ» и еще множество вещей такой же цѣнности.

Въ моихъ поискахъ тряпокъ и костей я легко могъ бы собрать такихъ пустяковыхъ штучекъ за одинъ мѣсяцъ въ десять разъ больше. Сашины вещи вызвали у меня чувство разочарованія, смущенія и томительной жалости къ нему. А онъ разглядывалъ каждую штучку внимательно, любовно гладилъ ее пальцами, его толстыя губы важно оттопырились, выпуклые глаза смотрѣли умиленно и озабоченно, но очки дѣлали его дѣтское лицо смѣшнымъ.

— Зачѣмъ это тебѣ?

Онъ мелькомъ взглянулъ на меня сквозь оправу очковъ и спросилъ ломкимъ дискантомъ:

— Хочешь, подарю что-нибудь?

— Нѣтъ, не надо...

Видимо обиженный отказомъ и недостаткомъ вниманія къ богатству его, онъ помолчалъ минуту, потомъ тихонько предложилъ:

— Возьми полотенце, перетремъ все, а то запылилось...

Когда вещи были перетерты и уложены, онъ кувырнулся въ постель, лицомъ къ стѣнѣ. Дождь пошелъ, капало съ крыши, въ окна торкался вѣтеръ.

Не оборачиваясь ко мнѣ, Саша сказалъ:

— Погоди, когда въ саду станетъ суше, я тебѣ покажу такую штуку — ахнешь!

Я промолчалъ, укладываясь спать.

Прошло еще нѣсколько секундъ, онъ вдругъ вскочилъ и, царапая руками стѣну, съ потрясающей убѣдительностью заговорилъ:

— Я боюсь... Господи, я боюсь! Господи помилуй! Что же это?

Тутъ и я испугался до онѣмѣнія — мнѣ показалось, что у окна во дворъ, спиной ко мнѣ, стоитъ кухарка, наклонивъ голову, упираясь лбомъ въ стекло, какъ стояла она живая, глядя на пѣтушиный бой.

Саша рыдалъ, царапая стѣну, дрыгая ногами. Я съ трудомъ, точно по горячимъ угольямъ, не оглядываясь, перешелъ въ кухню и легъ рядомъ съ нимъ.

Наревѣвшись до утомленія, мы заснули.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого былъ какой-то праздникъ, торговали до полудня, обѣдали дома и когда хозяева послѣ обѣда легли спать, Саша таинственно сказалъ мнѣ:

— Идемъ!

Я догадался, что сейчасъ увижу штуку, которая заставитъ меня ахнуть.

Вышли въ садъ. На узкой полосѣ земли между двухъ домовъ, стояло десятка полтора старыхъ липъ, могучіе стволы были покрыты зеленой ватой лишаевъ, черные голые сучья торчали мертво и ни одного вороньяго гнѣзда среди нихъ. Деревья точно памятники на кладбищѣ. Кромѣ этихъ липъ въ саду ничего не было, ни куста, ни травы; земля на дорожкахъ плотно утоптана и черна, точно чугунная; тамъ, гдѣ изъ-подъ жухлой прошлогодней листвы видны ея лысины, она тоже подернута плѣсенью, какъ стоячая вода ряской.

Саша прошелъ за уголъ, къ забору съ улицы, остановился подъ липой и, выкативъ глаза, поглядѣлъ въ мутныя окна сосѣд-

няго дома. Присѣлъ на корточки, разгребъ руками кучу листьевъ, обнаружился толстый корень и около него два кирпича, глубоко вдавленные въ землю. Онъ приподнялъ ихъ, подъ ними оказался кусокъ кровельнаго желѣза, подъ желѣзомъ—квадратная дощечка, наконецъ, предо мною открылась большая дыра, уходя подъ корень.

Саша зажегъ спичку, потомъ огарокъ восковой свѣчи, сунулъ его въ эту дырку и сказалъ мнѣ:

— Гляди! Не бойся только . . .

Самъ онъ, видимо, боялся: огарокъ въ рукѣ его дрожалъ, онъ поблѣднѣлъ, непріятно распустилъ губы, глаза его стали влажны, онъ тихонько отводилъ свободную руку за спину. Страхъ его передался мнѣ, я очень осторожно заглянулъ въ углубленіе подъ корнемъ — корень служилъ ей сводомъ, въ глубинѣ ея Саша зажегъ три огонька, они наполнили пещеру синимъ свѣтомъ. Она была довольно обширна, глубиною, какъ внутренность ведра, но шире, бока ея были сплошь выложены кусками разноцвѣтныхъ стеколъ и черепковъ чайной посуды. Посрединѣ, на возвышеніи, покрытомъ кускомъ кумача, стоялъ маленькій гробъ, оклеенный свинцовой бумагой, до половины прикрытый лоскутомъ чего-то, похожаго на парчевый покровъ, изъ-подъ покрова высовывались сѣренькія птичьи лапки и остроносая головка воробья. За гробомъ возвышался аналой, на немъ лежалъ мѣдный натѣльный крестъ, а вокругъ аналоя горѣли три восковые огарка, укрѣпленные въ подсвѣчникахъ, обвитыхъ серебряной и золотою бумагой отъ конфектъ.

Острія огней наклонялись къ отверстію пещеры; внутри ея тускло блестѣли ранзоцвѣтныя искры, пятна. Запахъ воска, теплой гнили и земли билъ мнѣ въ лицо, въ глазахъ переливалась, прыгала раздробленная радуга. Все это вызвало у меня тягостное удивленіе и подавило мой страхъ.

— Хорошо? — спросилъ Саша.

— Это зачѣмъ?

— Часовня, — объяснилъ онъ. — Похоже?

— Не знаю.

— А воробей — покойникъ! Можетъ, мощи будутъ изъ него, потому, что онъ невинно пострадавшій мученикъ . . .

— Ты его мертвымъ нашелъ?

— Нѣтъ, онъ залетѣлъ въ сарай, а я накрылъ его шапкой и задушилъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ . . .

Онъ заглянулъ мнѣ въ глаза и снова спросилъ:

— Хорошо?

— Нѣтъ!

Тогда онъ наклонился къ пещерѣ, быстро прикрылъ ее доской, желѣзомъ втиснулъ въ землю кирпичи, всталъ на ноги и, очищая съ колѣнъ грязь, строго спросилъ:

— Почему не нравится?

— Воробья жалко.

Онъ посмотрѣлъ на меня неподвижными глазами, точно слѣпой, и толкнулъ въ грудь, крикнувъ:

— Дуракъ! Это ты отъ зависти говоришь, что не нравится! Думаешь, у тебя въ саду, на Канатной улицѣ, лучше было сдѣлано?

Я вспомнилъ свою бесѣдку и увѣренно отвѣтилъ:

— Конечно, лучше!

Саша сбросилъ съ плечъ на землю свою сюртучекъ и засучивая рукава, поплевавъ на ладони, предложилъ:

— Когда такъ — давай драться!

Драться мнѣ не хотѣлось, я былъ подавленъ ослабляющей скукой, мнѣ неловко было смотрѣть на озлобленное лицо брата.

Онъ наскочилъ на меня, ударилъ головой въ грудь, опрокинулъ, усѣлся верхомъ на меня и закричалъ:

— Жизни, али смерти?

Но я былъ сильнѣе его и очень разсердился, черезъ минуту онъ лежалъ внизъ лицомъ, протянувъ руки за голову и хрипѣлъ. Испугавшись, я сталъ поднимать его, но онъ отбивался руками и ногами, все болѣе пугая меня. Я отошелъ въ сторону, не зная, что дѣлать, а онъ, приподнявъ голову, говорилъ:

— Что взялъ? Вотъ, буду такъ валяться, покуда хозяева не увидятъ, а тогда пожалуюсь на тебя, тебя и прогонятъ!

Онъ ругался, угрожалъ; его слова разсердили меня, я бросился къ пещерѣ, вынулъ камни, гробъ съ воробьемъ перебросилъ черезъ заборъ на улицу, изрылъ все внутри пещеры и затопталъ ее ногами.

— Вотъ тебѣ, видѣлъ?

Саша отнесся къ моему буйству странно: сидя на землѣ, онъ, пріоткрывъ немножко ротъ и сдвинувъ брови, слѣдилъ за мною, ничего не говоря, а когда я кончилъ, онъ не торопясь всталъ, отряхнулся и, набросивъ сюртучекъ на плечи, спокойно и зловѣще сказалъ:

— Теперь увидишь, что будетъ, погоди немножко! Это вѣдь я все нарочно сдѣлалъ для тебя, это — колдовство! Ага?..

Я такъ и присѣлъ, точно ушибленный его словами, все внутри

у меня облилось холодомъ. А онъ ушелъ, не оглянувшись на меня, еще болѣе подавивъ спокойствіемъ своимъ.

Я рѣшилъ завтра же убѣжать изъ города, отъ хозяина, отъ Саши съ его колдовствомъ, отъ всей этой нудной, дурацкой жизни.

На другой день утромъ новая кухарка, разбудивъ меня, закричала:

— Батюшки! Что у тебя съ рожей-то?...

«Началось колдовство!» — подумалъ я угнетенно.

Но кухарка такъ заливчато хохотала, что я тоже улыбнулся невольно и взглянулъ въ ея зеркало: лицо у меня было густо вымазано сажей.

— Это — Саша?

— А то — я! — смѣшливо кричала кухарка.

Я началъ чистить обувь, сунулъ руку въ башмакъ, въ палецъ мнѣ впилась булавка.

— Вотъ оно колдовство!

Во всѣхъ сапогахъ оказались булавки и иголки, пристроенныя такъ ловко, что они впивались мнѣ въ ладонь. Тогда я взялъ ковшъ холодной воды и съ великимъ удовольствіемъ вылилъ ее на голову еще не проснувшагося или притворно спавшаго колдуна.

Но все-таки я чувствовалъ себя плохо, — мнѣ все мерещился гробъ съ воробьемъ, сѣрыя, скрюченныя лапки и жалобно торчавшій вверхъ восковой его носъ, а вокругъ — неустанное мельканіе разноцвѣтныхъ искръ, какъ будто хочетъ вспыхнуть радуга и — не можетъ. Гробъ расширялся, когти птицы росли, тянулись вверхъ и дрожали, оживая.

Бѣжать я рѣшилъ вечеромъ этого дня, но передъ обѣдомъ, разогрѣвая на керосинѣ судокъ со щами, я, задумавшись, вскипятилъ ихъ, а когда сталъ гасить огонь, опрокинулъ судокъ себѣ на руки, и меня отправили въ больницу.

Помню тягостный кошмаръ больницы: въ желтой, зыбкой пустотѣ слѣпо копошились, урчали и стонали сѣрыя и бѣлыя фигуры въ саванахъ, ходилъ на костыляхъ длинный человѣкъ съ бровями, точно усы, трясъ большой черной бородой и рычалъ, присвистывая:

— Пре-освященному донесу!

Койки напоминали гроба, больные, лежа кверху носами, были похожи на мертвыхъ воробьевъ. Качались желтыя стѣны, парусомъ выгибался потолокъ, полъ зыбился, сдвигая и раздвигая ряды коекъ, все было ненадежно, жутко, а за окнами торчали сучья деревьевъ, точно розги, и кто-то трясъ ими.

Въ двери приплясывалъ рыжій, тоненькій покойникъ, дергалъ коротенькими руками саванъ свой и визжалъ:

— Мнѣ не надо сумашедшихъ!

А человѣкъ на костыляхъ оралъ въ голову ему:

— Пре-освящен-ному-съ...

Дѣдъ, бабушка, да и всѣ люди всегда говорили, что въ больницѣ морятъ людей, я считалъ свою жизнь поконченной. Подошла ко мнѣ женщина въ очкахъ и тоже въ саванѣ, написала что-то на черной доскѣ въ моемъ изголовьѣ — мѣлъ сломался, крошки его посыпались на голову мнѣ.

— Тебя какъ зовутъ? — спросила она.

— Никакъ.

— У тебя же есть имя?

— Нѣтъ.

— Ну, не дури, а то высѣкутъ!

Я и до нея былъ увѣренъ, что высѣкутъ, а потому не сталъ отвѣчать ей. Она фыркнула, точно кошка, и кошкой, безшумно ушла.

Зажгли двѣ лампы, ихъ желтые огни повисли подъ потолкомъ, точно чьи-то потерянные глаза, висятъ и мигаютъ, досадно ослѣпляя, стремясь сблизиться другъ съ другомъ.

Въ углу кто-то сказалъ:

— Давай въ карты играть?

— Какъ же я безъ руки-то?

— Ага, отрѣзали тебѣ руку!

Я тотчасъ сообразилъ: вотъ — руку отрѣзали за то, что человѣкъ игралъ въ карты. А что сдѣлаютъ со мной передъ тѣмъ, какъ уморить меня?

Руки мнѣ жгло и рвало, словно кто-то вытаскивалъ кости изъ нихъ. Я тихонько заплакалъ отъ страха и боли, а чтобы не видно было слезъ, — закрылъ глаза, но слезы приподнимали вѣки и текли по вискамъ, попадая въ уши.

Пришла ночь, всѣ люди повалились на койки, спрятавшись подъ сѣрыя одѣяла, съ каждой минутой становилось все тише, только въ углу кто-то бормоталъ:

— Ничего не выйдетъ, и онъ — дрянь, и она — дрянь...

Написать бы письмо бабушкѣ, чтобы она пришла и выкрала меня изъ больницы, пока я еще живъ, но писать нельзя — руки не дѣйствуютъ и не на чемъ. Попробовать — не удастся ли улизнуть отсюда?

Ночь становилась все мертвѣе, точно утверждаясь навсегда. Тихонько спустивъ ноги на полъ, я подошелъ къ двери, половинка

ея была открыта, въ коридорѣ, подъ лампой, на деревянной скамьѣ со спинкой торчала и дымилась сѣдая, ежовая голова, глядя на меня темными впадинами глазъ. Я не успѣлъ спрятаться.

— Кто бродитъ? Подь сюда!

Голосъ не страшный, тихій. Я подошелъ, посмотрѣлъ на круглое лицо, утыканное короткими волосами — на головѣ они были длиннѣе и торчали во всѣ стороны, окружая ее серебряными лучиками, а на поясѣ человѣка висѣла связка ключей. Будь у него борода и волосы длиннѣе, — онъ былъ бы похожъ на апостола Петра.

—Это — варены руки? Ты чего же шлендаешь ночью? По какому закону?

Онъ выдулъ въ грудь и лицо мнѣ много дыма, обнялъ меня теплой рукой за шею и привлекъ къ себѣ.

— Боишься?

— Боюсь!

— Здѣсь — всѣ боятся вначалѣ. А бояться — нечего. Особливо со мной — я никого въ обиду не дамъ... Курить желаешь? Ну, не кури. Это тебѣ рано, погоди года два... А отецъ-мать гдѣ? Нѣту отца-матери! Ну, и не надо — безъ нихъ проживемъ, только не трусь! Понялъ?

Я давно уже не видалъ людей, которые умѣютъ говорить просто и дружески, понятными словами — мнѣ было невыразимо пріятно слушать его.

Когда онъ отвелъ меня къ моей койкѣ, я попросилъ:

— Посиди со мной!

— Можно, — согласился онъ.

— Ты — кто?

— Я? Солдатъ, самый настоящій солдатъ, кавказскій. И на войнѣ былъ, а — какъ же иначе? Солдатъ для войны живетъ. Я съ венграми воевалъ, съ черкесомъ, полякомъ — сколько угодно! Война, братъ, большое озорство!

Я на минуту закрылъ глаза, а когда открылъ ихъ, на мѣстѣ солдата — сидѣла бабушка въ темномъ платьѣ, а онъ стоялъ около нея и говорилъ:

— Поди-ка, померли всѣ, а?

Въ палатѣ играло солнце, — позолотитъ въ ней все и спрячется, а потомъ снова ярко взглянетъ на всѣхъ, точно ребенокъ шалитъ.

Бабушка наклонилась ко мнѣ, спрашивая:

— Что, голубой? Изувѣчили? Говорила я ему, рыжему бѣсу...

— Сейчасъ я все сдѣлаю по закону, — сказалъ солдатъ, уходя, а бабушка, стирая слезы съ лица, говорила:

— Нашъ солдатъ, балахонскій оказался...

Я все еще думалъ, что сонъ вижу и молчалъ. Пришелъ докторъ, перевязалъ мнѣ ожоги и вотъ — я съ бабушкой ѣду на извозчикѣ по улицамъ города. Она разсказываетъ:

— А дѣдъ у насъ — вовсе съ ума сходитъ, такъ жаденъ сталъ — глядѣть тошно! Да еще у него недавно сторублевую изъ псалтиря скорнякъ Хлыстъ вытащилъ, новый пріятель его. Что было — и-и!

Ярко свѣтитъ солнце, бѣлыми птицами плывутъ въ небѣ облака, мы идемъ по мосткамъ черезъ Волгу, гудитъ, вздувается ледъ, хлюпаетъ вода подъ тесинами мостковъ, на мясисто-красномъ соборѣ ярмарки горятъ золотые кресты. Встрѣтилась широкорожая баба, съ охапкой атласныхъ вѣтокъ вербы въ рукахъ — весна идетъ, скоро Пасха!

Сердце затрепетало жаворонкомъ.

— Люблю я тебя очень, бабушка!

Это ее не удивило, спокойнымъ голосомъ она сказала мнѣ:

— Родной потому что, а меня, не хвастаясь скажу — и чужіе любятъ, слава Тебѣ, Богородица!

Улыбаясь, она добавила:

— Вотъ — обрадуется Она скоро, Сынъ воскреснетъ! А Варюша, дочь моя...

И — замолчала...

II.

Дѣдъ встрѣтилъ меня на дворѣ — тесалъ топоромъ какой-то клинъ, стоя на колѣняхъ. Приподнялъ топоръ, точно собираясь швырнуть его въ голову мнѣ и снявъ шапку, насмѣшливо сказалъ:

— Здравствуйте, преподобное лицо, ваше благородіе! Отслужили? Ну, ужъ теперь какъ хотите живите, да! Эхъ, вы-и...

— Знаемъ, знаемъ, — торопливо проговорила бабушка, отмахиваясь отъ него, а войдя въ комнату и ставя самоваръ, разсказывала:

— Теперь — начисто разорился дѣдушко-то; какія деньги были, всѣ отдавалъ крестнику Николаю въ ростъ, а расписокъ, видно, не бралъ съ него — ужъ не знаю, какъ это у нихъ сталось, только — разорился, пропали деньги. А все за то, что бѣднымъ не помогали мы, несчастныхъ не жалѣли — Господь-то и подумалъ про насъ: для чего же Я Кашириныхъ добромъ одѣлилъ? Подумалъ, да и — лишилъ всего...

Оглянувшись, она сообщила:

— Ужъ я все стараюсь Господа задобрить немножко, чтобы не больно онъ старика-то пригнеталъ — стала теперь отъ трудовъ своихъ тихую милостыню подавать по ночамъ. Вотъ, хошь, пойдемъ сегодня — у меня деньги есть...

Пришелъ дѣдъ, сощурился и спросилъ:

— Жрать нацѣлились?

— Не твое, — сказала бабушка. — А коли хочешь, садись съ нами, и на тебя хватитъ.

Онъ сѣлъ къ столу, молвивъ тихонько:

— Налей...

Все въ комнатѣ было на своемъ мѣстѣ, только уголъ матери печально пустовалъ, да на стѣнѣ, надъ постелью дѣда висѣлъ листъ бумаги, съ крупною надписью печатными буквами:

«Исусе Спасе Едино Живый! Да пребудетъ святое имя Твое со мною во вся дни и часы живота моего».

— Это кто писалъ?

Дѣдъ не отвѣтилъ, бабушка, подождавъ, сказала съ улыбкой:

— Этой бумагѣ — сто рублей цѣна!

— Не твое дѣло! — крикнулъ дѣдъ. — Все чужимъ людямъ раздамъ!

— Раздать-то нечего, а когда было — не раздавалъ, — спокойно сказала бабушка.

— Молчать! — взвизгнулъ дѣдъ.

Здѣсь все въ порядкѣ, все по-старому.

Въ углу на сундукѣ, въ бѣльевой корзинкѣ проснулся Коля и смотрѣлъ оттуда — синія полоски глазъ едва видны изъ-подъ вѣкъ. Онъ сталъ еще болѣе сѣрымъ, вялымъ, тающимъ; онъ не узналъ меня, отвернулся молча и закрылъ глаза.

На улицѣ меня ждали печальныя вѣсти: Вяхирь — померъ, его на Страстной недѣлѣ «вѣтрякъ задушилъ»; Хаби — ушелъ жить въ городъ, у Язя отнялись ноги, онъ не гулялъ. Сообщивъ мнѣ все это, черноглазый Кострома сердито сказалъ:

— Ужъ очень скоро мрутъ мальчишки!

— Да вѣдь померъ только Вяхирь?

— Все равно: кто ушелъ съ улицы, тоже будто померъ. Только подружишься, привыкнешь, а товарища либо въ работу отдадутъ, либо умретъ. Тутъ на вашемъ дворѣ, у Чеснокова, новые живутъ — Евсѣенки; парнишка — Нюшка, ничего ловкій! Двѣ сестры у него, одна еще маленькая, а другая хромая, съ костылемъ ходитъ, красивая!

Подумавъ, онъ добавилъ:

— Мы, братъ, съ Чуркой влюбились въ нее, все ссоримся!

— Съ ней?

— Зачѣмъ? Промежду себя. Съ ней — рѣдко!

Я, конечно, зналъ, что большіе парни и даже мужики влюбляются, зналъ и грубый смыслъ этого. Мнѣ стало непріятно, жалко Кострому, неловко смотрѣть на его угловатое тѣло, въ черные сердитые глаза.

Хромую дѣвушку я увидалъ вечеромъ, въ тотъ же день. Сходя съ крыльца на дворъ, она уронила костыль и безпомощно остановилась на ступеняхъ, вцѣпившись въ струну перилъ прозрачными руками, тонкая, слабенькая. Я хотѣлъ поднять костыль, но забинтованныя руки дѣйствовали плохо, я долго возился и досадовалъ, а она, стоя выше меня, тихонько смѣялась:

— Что это съ руками у тебя?

— Сварилъ.

— А вотъ я — хромаю. Ты съ этого двора? Долго въ больницѣ лежалъ? А я лежала тамъ до-олго!

Вздохнувъ, она прибавила:

— Очень долго!

На ней было бѣлое платье съ голубыми подковками, старенькое, но чистое, гладко причесанные волосы лежали на груди толстой, короткой косой. Глаза у нея — большіе, серьезные, въ ихъ спокойной глубинѣ горѣлъ голубой огонекъ, освѣщая худенькое, остроносое лицо. Она пріятно улыбалась, но — не понравилась мнѣ. Вся ея болѣзненная фигурка какъ будто говорила:

— Не трогайте меня, пожалуйста!

Какъ могли товарищи влюбиться въ нее?

— Я — давно хвораю, — разсказывала она охотно и словно хвастаясь. — Меня сосѣдка заколдовала, поругалась съ мамой и заколдовала меня, на зло ей... Въ больницѣ — страшно?

— Да...

Съ нею было неловко, я ушелъ въ комнату.

Около полуночи бабушка ласково разбудила меня.

— Пойдемъ, что ли? Потрудишься людямъ — руки-то скорѣе заживутъ...

Взяла меня за руку и повела во тьмѣ, какъ слѣпого. Ночь была черная, сырая, непрерывно дулъ вѣтеръ, точно рѣка быстро текла, холодный песокъ хваталъ за ноги. Бабушка осторожно подходила къ темнымъ окнамъ мѣщанскихъ домишекъ, перекрестясь трижды, оставляла на подоконникахъ по пятаку и по три кренделя, снова крестилась, глядя въ небо безъ звѣздъ, и шептала:

— Пресвятая Царица Небесная! — помоги людямъ. Всѣ — грѣшники предъ Тобою, Матушка!

Чѣмъ дальше уходили мы отъ дома, тѣмъ глуше и мертвѣе становилось вокругъ. Ночное небо бездонно углубленное тьмой, словно навсегда спрятало мѣсяцъ и звѣзды. Выкатилась откуда-то собака, остановилась противъ насъ и зарычала, во тьмѣ блестятъ ея глаза — я трусливо прижался къ бабушкѣ.

— Ничего, — сказала она, — это просто собака, бѣсу — не время, ему поздно, пѣтухи-то вѣдь уже пропѣли!

Подманила собаку, погладила ее и совѣтуетъ:

— Ты смотри, собачонка, не пугай мово внучонка!

Собака потерлась о мои ноги и дальше пошли втроемъ. Двѣнадцать разъ подходила бабушка подъ окна, оставляя на подоконникахъ «тихую милостыню»; начало свѣтать, изъ тьмы выростали сѣрые дома, поднималась бѣлая, какъ сахаръ, колокольня Напольной церкви; кирпичная ограда кладбища порѣдѣла, точно худая рогожа.

— Устала старуха, — говорила бабушка, — домой пора! Проснутся завтра бабы, а ребятишкамъ-то ихъ припасла Богородица немножко! Когда всего не хватаетъ, такъ и немножко — годится! Охъ-хо, Олёша, бѣдно живетъ народъ и никому нѣтъ о немъ заботы.

— Богатому о Господѣ не думается,
О страшномъ Судѣ не мерещится,
Бѣдный-то ему ни другъ, ни братъ,
Ему бы все только золото собирать —
А — быть тому злату въ аду угольями!

— Вотъ оно какъ! Жить надо — другъ о дружкѣ, а Богъ — обо всѣхъ! А рада я, что ты опять со мной...

Я тоже спокойно радъ, смутно чувствуя, что пріобщился чему-то, о чемъ не забуду никогда. Около меня тряслась рыжая собака съ лисьей мордой и добрыми виноватыми глазами.

— Она будетъ съ нами жить?

— А — что жъ? Пускай живетъ, коли хочетъ. Вотъ я ей крендель дамъ, у меня два осталось. Давай, сядемъ на лавочку, что-то я устала...

Сѣли у воротъ на лавку, собака легла къ ногамъ нашимъ, разгрызая сухой крендель, а бабушка разсказывала:

— Тутъ одна еврейка живетъ, такъ у ней — девять человѣкъ, малъ-мала меньше. Спрашиваю я ее: какъ же ты живешь, Мосевна? А она говоритъ: живу съ Богомъ со своимъ — съ кѣмъ иначе жить?

Я прислонился къ теплому боку бабушки и заснулъ.

* * *

Жизнь снова потекла быстро и густо, широкій потокъ впечатлѣній каждый день приносилъ душѣ что-то новое, что восхищало и тревожило, обижало, заставляло думать.

Вскорѣ я тоже всѣми силами стремился какъ можно чаще видѣть хромую дѣвочку, говорить съ нею или молча сидѣть рядомъ, на лавочкѣ у воротъ, — съ нею и молчать было пріятно. Была она чистенькая, точно птица пѣночка, и прекрасно разсказывала о томъ, какъ живутъ казаки на Дону: тамъ она долго жила у дяди, машиниста маслобойни, потомъ отецъ ея, слесарь, переѣхалъ въ Нижній.

— А еще дядя, второй, такъ тотъ служитъ при самомъ царѣ.

Вечерами, по праздникамъ, все населеніе улицы выходило «за ворота», парни и дѣвушки отправлялись на кладбище водить хороводы, мужики расходились по трактирамъ, на улицѣ оставались бабы и ребятишки. Бабы разсаживались у воротъ прямо на пескѣ, или на лавочкахъ и поднимали громкій галдежъ, ссорясь и судача; ребятишки начинали играть въ лапту, въ городки, въ «шаръ-мазло», матери слѣдили за играми, поощряя ловкихъ, осмѣивая плохихъ игроковъ. Было оглушительно шумно и незбвенно весело, присутствіе и вниманіе «большихъ», возбуждая насъ, мелочь, — вносило во всѣ игры особенное оживленіе, страстное соперничество. Но какъ бы сильно ни увлекались игрою мы трое — Кострома, Чурка и я, все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да тотъ или другой бѣжитъ похвастаться передъ хроменькой дѣвушкой.

— Видѣла, Людмила, какъ я всѣ пять чушекъ изъ города вышибъ?

Она ласково улыбалась, кивая головой, нѣсколько разъ къ ряду.

Раньше наша компанія старалась держаться во всѣхъ играхъ вмѣстѣ, а теперь я видѣлъ, что Чурка и Кострома играютъ всегда въ разныхъ партіяхъ, всячески соперничая другъ съ другомъ въ ловкости и силѣ, часто — до слезъ и драки. Однажды они подрались такъ бѣшено, что должны были вмѣшаться большіе и враговъ разливали водою, какъ собакъ.

Людмила, сидя на лавочкѣ, топала о землю здоровой ногой, а когда бойцы подкатывались къ ней, отталкивала ихъ костылемъ, боязливо вскрикивая:

— Перестаньте!

Лицо у нея было до синя блѣдное, глаза погасли и закатились, точно у кликуши.

Другой разъ Кострома, позорно проигравъ Чуркѣ партію въ городки, спрятался за ларь съ овсомъ у бакалейной лавки, сѣлъ тамъ на корточки и молча заплакалъ, — это было почти страшно: онъ крѣпко стиснулъ зубы, скулы его высунулись, костлявое лицо окаменѣло, а изъ черныхъ угрюмыхъ глазъ выкатываются тяжелыя, крупныя слезы. Когда я сталъ утѣшать его, онъ прошепталъ захлебываясь слезами:

— Погоди... я его кирпичемъ по башкѣ... увидитъ!

Чурка сталъ заносчивъ, ходилъ по срединѣ улицы, какъ ходятъ парни-женихи, заломивъ картузъ на бекрень, засунувъ руки въ карманы; онъ выучился ухарски сплевывать сквозь зубы и обѣщалъ:

— Скоро курить выучусь. Ужъ я два раза пробовалъ, да — тошнитъ.

Все это не нравилось мнѣ. Я видѣлъ, что теряю товарища и мнѣ казалось, что виною этому Людмила.

Какъ-то разъ, вечеромъ, когда я разбиралъ на дворѣ собранныя кости, тряпки и всякій хламъ, — ко мнѣ подошла Людмила, покачиваясь, размахивая правой рукой.

— Здравствуй, — сказала она, трижды кивнувъ головой. — Кострома съ тобой ходилъ?

— Да.

— А — Чурка?

— Чурка съ нами не дружится. Это все ты виновата, влюбились они въ тебя и — дерутся...

Она покраснѣла, но отвѣтила насмѣшливо:

— Вотъ еще! Чѣмъ же я виновата?

— А зачѣмъ влюбляешь?

— Я ихъ не просила влюбляться! — сказала она сердито и пошла прочь, говоря: — Глупости все это! Я старше ихъ, — мнѣ четырнадцать лѣтъ. Въ старшихъ дѣвочекъ не влюбляются...

— Много ты знаешь! — желая обидѣть ее, крикнулъ я. — Вонъ лавочница, Хлыстова сестра, совсѣмъ старая, а какъ путается съ парнями-то!

Людмила воротилась ко мнѣ, глубоко всаживая свой костыль въ песокъ двора.

— Ты самъ ничего не знаешь, — заговорила она торопливо, со слезами въ голосѣ, и милые глаза ея красиво разгорѣлись. — Лавочница — распутная, а я — такая, что ли? Я еще маленькая, меня нельзя трогать и щипать, и все... ты бы вотъ прочиталъ романъ «Камчадалка», часть вторая, да и говорилъ бы!

Она ушла, всхлипывая. Мнѣ стало жаль ее — въ словахъ

ея звучала какая-то невѣдомая мнѣ правда. Зачѣмъ щиплютъ ее товарищи мои? А еще говорятъ — влюблены...

На другой день, желая загладить вину свою передъ Людмилой, я купилъ на семишникъ леденцовъ «ячменнаго сахара», любимаго ею, какъ я уже зналъ.

— Хочешь?

Она насильно-сердито сказала:

— Уйди, я съ тобой не дружусь!

Но тотчасъ взяла леденцы, замѣтивъ мнѣ:

— Хоть бы въ бумажку завернулъ — руки-то грязныя какія.

— Я — мылъ, да ужъ не отмываются.

Она взяла мою руку своей, сухой и горячей, посмотрѣла.

— Какъ испортилъ...

— А у тебя пальцы истыканы...

— Это — иголкой, я шью много...

Черезъ нѣсколько минутъ она предложила мнѣ, оглядываясь:

— Слушай, давай, спрячемся куда-нибудь и станемъ читать «Камчадалку» — хочешь?

Долго искали — куда спрятаться, вездѣ было неудобно. Наконецъ, рѣшили, что лучше всего забраться въ предбанникъ: тамъ — темно, но можно сѣсть у окна, оно выходитъ въ грязный уголъ между сараемъ и сосѣдней бойней, люди рѣдко заглядываютъ туда.

И вотъ она сидитъ, бокомъ къ окну, вытянувъ больную ногу по скамьѣ, опустивъ здоровую на полъ, сидитъ и закрывъ лицо растрепанной книжкой, взволнованно произноситъ множество непонятныхъ и скучныхъ словъ. Но я — волнуюсь. Сидя на полу, я вижу, какъ серьезные глаза двумя голубыми огоньками двигаются по страницамъ книжки, иногда ихъ овлажняетъ слеза, голосъ дѣвочки дрожитъ, торопливо произнося незнакомыя слова въ непонятныхъ соединеніяхъ. Однако, я хватаю эти слова и, стараясь уложить ихъ въ стихи, перевертываю всячески — это ужъ окончательно мѣшаетъ мнѣ понять, о чемъ разсказываетъ книга!

На колѣняхъ у меня дремлетъ собака, я зову ее — Вѣтеръ, потому что она мохнатая, длинная, быстро бѣгаетъ и ворчитъ, какъ осенній вѣтеръ въ трубѣ.

— Ты слушаешь? — спрашиваетъ дѣвочка. Я молча киваю головой. Сумятица словъ все болѣе возбуждаетъ меня, все безпокойнѣе мое желаніе разставить ихъ иначе, какъ они стоятъ въ пѣсняхъ, гдѣ каждо слово живетъ и горитъ звѣздою въ небѣ.

Когда стало темно, Людмила, опустивъ побѣлѣвшую руку съ книгой, спросила:

— Хорошо, вѣдь? Вотъ, видишь...

Съ этого вечера мы часто сиживали въ предбанникѣ. Людмила, къ моему удовольствію, скоро отказалась читать «Камчадалку». Я не могъ отвѣтить ей, о чемъ идетъ рѣчь въ этой безконечной книгѣ — безконечной потому, что за второй частью, съ которой мы начали чтеніе, явилась третья; и дѣвочка говорила мнѣ, что есть четвертая.

Особенно хорошо было намъ въ ненастные дни, если ненастье не падало въ субботу, когда топили баню.

На дворѣ льетъ дождь — никто не выйдетъ на дворъ, не заглянетъ къ намъ, въ темный нашъ уголъ! Людмила очень боялась, что насъ «застанутъ».

— Знаешь, что тогда подумаютъ? — тихонько спрашивала она. Я зналъ и тоже опасался, какъ бы не «застали». Мы просиживали цѣлые часы, разговаривая о чемъ-то, иногда я разсказывалъ бабушкины сказки, Людмила же — о жизни казаковъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ.

— Ой, какъ тамъ хорошо! — вздыхала она. — Здѣсь — что? Здѣсь только нищимъ жить...

Я рѣшилъ, что когда выросту, непремѣнно схожу посмотрѣть рѣку Медвѣдицу.

Скоро мы перестали нуждаться въ предбанникѣ — мать Людмилы нашла работу у скорняка и съ утра уходила изъ дому, сестренка училась въ школѣ, братъ работалъ на заводѣ изразцовъ. Въ ненастные дни я приходилъ къ дѣвочкѣ, помогая ей стряпать, убирать комнату и кухню, она смѣялась:

— Мы съ тобой живемъ, какъ мужъ съ женой, только спимъ порознь. Мы даже лучше живемъ — мужья женамъ не помогаютъ...

Если у меня были деньги, я покупалъ сластей, мы пили чай, потомъ охлаждали самоваръ холодной водой, чтобы крикливая мать Людмилы не догадалась, что его грѣли. Иногда къ намъ приходила бабушка, сидѣла, плетя кружева или вышивая, разсказывала чудесныя сказки, а когда дѣдъ уходилъ въ городъ, Людмила пробиралась къ намъ и мы пировали беззаботно.

Бабушка говорила:

— Ой, хорошо мы живемъ! Свой грошъ — строй, что хошь!

Она поощряла нашу дружбу.

— Мальчику съ дѣвочкой дружиться — это хорошее дѣло! Только баловать не надо...

И простѣйшими словами объясняла намъ, что значитъ «баловать». Говорила она красиво, одухотворенно, и я хорошо понялъ,

что не слѣдуетъ трогать цвѣты, пока они не распустились, а то не быть отъ нихъ ни запаху, ни ягодъ.

«Баловать» не хотѣлось, но это не мѣшало мнѣ и Людмилѣ говорить о томъ, о чемъ принято молчать. Говорили, конечно, по необходимости, ибо отношеніе половъ въ ихъ грубой формѣ, слишкомъ часто и назойливо лѣзли въ глаза, слишкомъ обижали насъ.

Отецъ Людмилы, красивый мужчина лѣтъ сорока, былъ кудрявъ, усатъ и какъ-то особенно побѣдно шевелилъ густыми бровями. Онъ былъ странно молчаливъ — я не помню ни одного слова, сказаннаго имъ. Лаская дѣтей, онъ мычалъ, какъ нѣмой, и даже жену билъ молча.

Вечерами, по праздникамъ, одѣвъ голубую рубаху, плисовые шаровары и ярко начищенные сапоги, онъ выходилъ къ воротамъ съ большой гармоникой, закинутой на ремнѣ за спину и становился, точно солдатъ въ позиціи «на караулъ». Тотчасъ же мимо нашихъ воротъ начиналось «гулянье»: уточками шли одна за другою дѣвицы и бабы, поглядывая на Евсѣенка прикрыто — изъ-подъ рѣсницъ — и открыто — жадными глазами, а онъ стоитъ, оттопыривъ нижнюю губу и тоже смотритъ на всѣхъ выбирающимъ взглядомъ темныхъ глазъ. Было что-то непріятно собачье въ этой безмолвной бесѣдѣ глазами, въ медленномъ, обреченномъ движеніи женщинъ мимо мужчины, казалось, что любая изъ нихъ, если только мужчина повелительно мигнетъ ей, покорно свалится на сорный песокъ улицы, какъ убитая.

— Выпялился козелъ, безстыжая харя! — ворчитъ мать Людмилы. Тонкая и высокая, съ длиннымъ, нечистымъ лицомъ, съ коротко остриженными — послѣ тифа — волосами, она была похожа на изработанную метлу.

Рядомъ съ нею сидитъ Людмила, и безуспѣшно старается отвлечь вниманіе ея отъ улицы, упрямо разспрашиваетъ о чемъ-нибудь.

—Отстань, назола, уродъ несчастный! — бормочетъ мать, безпокойно мигая; ея узкіе монгольскіе глаза странно свѣтлы и неподвижны — задѣли за что-то и навсегда остановились.

— Ты не сердись мамочка, все равно ужъ, — говоритъ Людмила.

— Ты погляди-ка, какъ рогожница разодѣлась!

— Я бы получше одѣлась, кабы васъ троихъ не было, сожрали вы меня, слопали, — безжалостно и точно сквозь слезы отвѣчаетъ мать, вцѣпившись глазами въ большую, широкую вдову рогожника.

Она похожа на маленькій домъ, грудь у нея выпятилась, подобно крыльцу; красное лицо, прикрытое и срѣзанное зеленымъ платкомъ, напоминаетъ слуховое окно, въ часъ, когда стекла его отражаютъ солнце.

Евсѣенко, перекинувъ гармонію на грудь, играетъ. На гармоніи множество ладовъ, звуки ея неотразимо тянутъ куда-то, со всей улицы катятся ребятишки, падаютъ къ ногамъ гармониста и замираютъ въ пескѣ, восхищенные.

— Погоди, свернутъ тебѣ башку, — обѣщаетъ Евсѣенко мужу. Онъ молча косится на нее.

А рогожница камнемъ сѣла неподалеку, на скамью у Хлыстовой лавки, и, склонивъ голову на плечо, слушаетъ пылая.

Въ полѣ, за кладбищемъ, рдѣетъ вечерняя заря, по улицѣ, какъ по рѣкѣ, плывутъ ярко одѣтые, большіе куски тѣла, вихремъ вьются дѣти, теплый воздухъ ласковъ и пьянъ. Чѣмъ-то острымъ дышитъ нагрѣтый за день песокъ, особенно слышенъ жирный, сладковатый запахъ боенъ — запахъ крови; а со дворовъ, гдѣ живутъ скорняки, солоно и ѣдко пахнетъ мездрой. Бабій говоръ, пьяный рёвъ мужиковъ, звонкіе крики дѣтей, басовитой пѣнье гармоники — все сливается густымъ гуломъ, мощно вздыхаетъ неутомимо творящая земля. Все — грубо, обнаженно и внушаетъ большое, крѣпкое чувство довѣрія къ этой черной жизни, безстыдно животной. Хвастаясь своими силами, она тоскливо и напряженно ищетъ, куда излить ихъ.

И сквозь шумъ порою доходятъ до сердца, навсегда укрѣпляясь въ памяти, какія-то особенно жуткія слова:

— Одного всѣмъ сразу нельзя бить — надо по очереди...

— Кто насъ пожалѣетъ, коли сами себя не жалѣемъ...

— Али Богъ бабу на смѣхъ родилъ?..

Ночь близко; свѣжѣе воздухъ, тише гулъ, деревянные дома пухнутъ, растутъ, одѣваясь тѣнями. Дѣтей растащили по дворамъ — спать, иные заснули тутъ же подъ заборами, у ногъ и на колѣняхъ матерей. Ребятишки побольше становятся къ ночи смирнѣе мягче. Евсѣенко незамѣтно исчезъ, точно растаялъ, рогожницы тоже нѣтъ, басовитая гармоника играетъ гдѣ-то далеко, за кладбищемъ. Мать Людмилы сидитъ на лавкѣ скорчившись, выгнувъ спину, точно кошка. Бабушка моя ушла пить чай къ сосѣдкѣ, повитухѣ и сводне, большой, жилистой бабѣ, съ утинымъ носомъ и золотой медалью «за спасеніе погибавшихъ» на плоской, мужской груди. Вся улица боится ея, считая колдуньей, про нее говорятъ, что она вынесла изъ огня, во время пожара, троихъ дѣтей какого-то полковника и его больную жену.

У бабушки съ нею — дружба; встрѣчаясь на улицѣ, обѣ онѣ еще издали улыбаются другъ другу какъ-то особенно хорошо.

Кострома, Людмила и я сидимъ у воротъ на лавкѣ; Чурка вызвалъ брата Людмилы бороться, обнявшись они топчутся на пескѣ и пылятъ.

— Перестаньте! — боязливо проситъ Людмила.

Скосивъ на нее черные глаза, Кострома разсказываетъ про охотника Калинина, сѣденькаго старичка, съ хитрыми глазами, человѣка дурной славы, знакомаго всей слободѣ. Онъ недавно померъ, но его не зарыли въ пескѣ кладбища, а поставили гробъ поверхъ земли, въ сторонѣ отъ другихъ могилъ. Гробъ — черный, на высокихъ ножкахъ, крышка его расписана бѣлой краской, изображены крестъ, копье, трость и двѣ кости.

Каждую ночь, какъ только стемнѣетъ, старикъ встаетъ изъ гроба и ходитъ по кладбищу, все чего-то ищетъ вплоть до первыхъ пѣтуховъ.

— Не говори о страшномъ! — проситъ Людмила.

— Пусти! — кричитъ Чурка, освобождаясь отъ объятій брата ея, и насмѣшливо говоритъ Костромѣ: — Что врешь? Я самъ видѣлъ, какъ зарывали гробъ, а сверху — пустой, это для памятника... А что ходитъ покойникъ — это пьяные кузнецы выдумали...

Кострома, не глядя на него, сердито предложилъ:

— Поди, переспи на кладбищѣ, коли такъ!

Они начали спорить, а Людмила, скучно покачивая головой, спрашивала:

— Мамочка, покойники по ночамъ встаютъ?

— Встаютъ, — повторила мать, точно издали отозвалось эхо.

Подошелъ сынъ лавочницы Валёкъ, толстый, румяный парень лѣтъ двадцати, послушалъ нашъ споръ и сказалъ:

— Кто изъ трехъ до свѣта пролежитъ на гробу — двугривенный дамъ и десятокъ папиросъ, а кто струситъ — уши надеру, сколько хочу — ну?

Всѣ замолчали, смутясь, а мать Людмилы сказала:

— Глупости какія! Развѣ можно дѣтей подбивать на эдакое...

— Давай рубль — пойду! — угрюмо предложилъ Чурка.

Кострома тотчасъ же ехидно спросилъ:

— А за двугривенный — трусишь?

И сказалъ Вальку:

— Дай ему рубль, все равно не пойдетъ, форситъ только...

— Ну, бери рубль!

Чурка всталъ съ земли и молча, не торопясь, пошелъ прочь, держась близко къ забору. Кострома, сунувъ пальцы въ ротъ, пронзительно свистнулъ вслѣдъ ему, а Людмила тревожно заговорила:

— Ахъ, Господи, хвастунишка какой... что же это!

— Куда вамъ, трусы! — издѣвался Валекъ. — А еще первые бойцы улицы считаетесь, котята...

Было обидно слушать его издѣвки; этотъ сытый парень не нравился намъ, онъ всегда подстрекалъ ребятишекъ на злыя выходки, сообщалъ имъ пакостныя сплетни о дѣвицахъ и женщинахъ, училъ дразнить ихъ; ребятишки слушались его и больно платились за это. Онъ почему-то ненавидѣлъ мою собаку, бросалъ въ нее камнями, однажды далъ ей въ хлѣбѣ иглу.

Но еще обиднѣе было видѣть, какъ уходитъ Чурка, съежившись, пристыженный.

Я сказалъ Вальку:

— Давай рубль, я пойду...

Онъ посмѣиваясь и пугая меня, отдалъ рубль Евсѣенковой, но женщина строго сказала:

— Не хочу, не возьму!

И сердито ушла. Людмила тоже не рѣшилась взять бумажку, это еще болѣе усилило насмѣшки Валька. Я уже хотѣлъ идти, не требуя съ парня денегъ, но подошла бабушка и, узнавъ въ чемъ дѣло, взяла рубль, а мнѣ спокойно сказала:

— Пальтишко надѣнь, да одѣяло возьми, а то къ утру холодно станетъ...

Ея слова внушили мнѣ надежду, что ничего страшнаго не случится со мною.

Валёкъ поставилъ условіемъ, что я долженъ до свѣта лежать или сидѣть на гробѣ, не сходя съ него, что бы ни случилось, если гробъ закачается, когда старикъ Калининъ начнетъ вылѣзать изъ могилы. Спрыгнувъ на землю, — я проиграю.

— Гляди же, — предупредилъ Валекъ, — я за тобой всю ночь слѣдить буду!

Когда я пошелъ на кладбище, бабушка, перекрестивъ меня, посовѣтовала:

— Ежели что померещится — не шевелись, а только читай Богородицу Дѣво радуйся...

Я шелъ быстро, хотѣлось поскорѣе начать и кончить все это. Меня сопровождали Валёкъ, Кострома и еще какіе-то парни. Перелѣзая черезъ кирпичную ограду, я запутался въ одѣялѣ, упалъ и тотчасъ вскочилъ на ноги, словно подброшенный пескомъ. За

оградой хохотали. Что-то ёкнуло въ груди, по кожѣ спины пробѣжалъ непріятный холодокъ.

Спотыкаясь, я дошелъ къ черному гробу, съ одной стороны онъ былъ занесенъ пескомъ, съ другой — его коротенькія, толстыя ножки обнажились, точно кто-то пытался приподнять его и пошатнулъ. Я сѣлъ на край гроба, въ ногахъ его, оглянулся: бугроватое кладбище тѣсно заставлено сѣрыми крестами, тѣни, размахнувшись, легли на могилы, обняли ихъ щетинистые холмы. Кое-гдѣ, заплутавшись среди крестовъ, торчатъ тонкія, тощія березки, связывая вѣтвями разъединенныя могилы; сквозь кружево ихъ тѣней торчатъ былинки — эта сѣрая щетина самое жуткое! Снѣжнымъ сугробомъ поднялась въ небо церковь, среди неподвижныхъ облаковъ свѣтитъ маленькая, истаявшая луна.

Язёвъ отецъ — «Дрянной мужикъ» — лѣниво бьетъ въ сторожевой колоколъ, каждый разъ, когда онъ дергаетъ веревку, она, задѣвая за желѣзный листъ крыши, жалобно поскрипываетъ, потомъ раздается сухой ударъ маленькаго колокола — онъ звучитъ кратко, скучно.

— Не дай Господь безсонницу, — вспоминается мнѣ поговорка сторожа.

Жутко. И почему-то — душно, я обливаюсь потомъ, хотя ночь свѣжая. Успѣю ли я добѣжать до сторожки, въ случаѣ, если старикъ Калининъ дѣйствительно начнетъ вылѣзать изъ могилы?

Кладбище хорошо знакомо мнѣ, десятки разъ я игралъ среди могилъ съ Язёмъ и другими товарищами. Вонъ тамъ, около церкви, похоронена мать...

Еще не все уснуло, со слободы доносятся всплески смѣха, обрывки пѣсенъ. На буграхъ, въ желѣзнодорожномъ карьерѣ, гдѣ берутъ песокъ, или гдѣ-то въ деревнѣ Катызовкѣ верещитъ, захлебываясь гармоника, за оградою идетъ всегда пьяный кузнецъ Мячовъ и поетъ — я узнаю его по пѣснѣ:

— А у нашей маменьки
И грѣхи-то маленьки, —
Она не любя никого,
Только тятю одново...

Пріятно слышать послѣдніе вздохи жизни, но послѣ каждаго удара колокола становится тише, тишина разливается, какъ рѣка по лугамъ, все топитъ, скрываетъ. Душа плаваетъ въ безкрайней, бездонной пустотѣ и гаснетъ, подобно огню спички во тьмѣ, растворясь безслѣдно среди океана этой пустоты, гдѣ живутъ,

сверкая, только недосягаемыя звѣзды, а все на землѣ исчезло, ненужно и мертво.

Закутавшись въ одѣяло, я сидѣлъ, подобравъ ноги, на гробницѣ, лицомъ къ церкви, и когда шевелился, гробница поскрипывала, песокъ подъ нею хрустѣлъ.

Что-то ударило о землю сзади меня разъ и два, потомъ близко упалъ кусокъ кирпича — это было страшно, но я тотчасъ догадался, что швыряютъ изъ-за ограды Валёкъ и его компанія — хотятъ испугать меня. Но отъ близости людей мнѣ стало лучше.

Невольно думалось о матери... Однажды, заставъ меня, когда я пробовалъ курить папиросы, она начала бить меня, а я сказалъ.

— Не трогай, и безъ того ужъ мнѣ плохо, тошнитъ очень...

Потомъ, наказанный, я сидѣлъ за печью, а она говорила бабушкѣ:

— Безчувственный мальчишка, никого не любитъ...

Обидно было слушать это. Когда мать наказывала меня, мнѣ было жалко ее, неловко за нее — рѣдко она наказывала справедливо и по заслугамъ.

И вообще — очень много обиднаго въ жизни — вотъ, хотя бы эти люди за оградой — вѣдь они хорошо знаютъ, что мнѣ боязно одному на кладбищѣ, а хотятъ напугать еще больше. Зачѣмъ?

Хотѣлось крикнуть имъ:

— Подите къ чорту!

Но это было опасно — кто знаетъ, какъ отнесется къ этому чортъ? Онъ навѣрное гдѣ-нибудь близко.

Въ пескѣ много кусочковъ слюды, она тускло блестѣла въ лунномъ свѣтѣ и это напомнило мнѣ, какъ однажды я, лежа на плотахъ на Окѣ, смотрѣлъ въ воду — вдругъ, почти къ самому лицу моему всплылъ подлещикъ, повернулся бокомъ и сталъ похожъ на человѣчью щеку, потомъ взглянулъ на меня круглымъ птичьимъ глазомъ, нырнулъ и пошелъ въ глубину, колеблясь, какъ падающій листъ клена.

Память работала все напряженнѣе, воскрешая различные случаи жизни, точно защищаясь ими противъ воображенія, упрямо создававшаго страшное.

Вотъ катится ёжъ, стуча по песку твердыми лапками: онъ напоминаетъ домового — такой же маленькій, встрепанный.

Вспоминаю, какъ бабушка, сидя на корточкахъ передъ подпечкой, приговаривала:

— Ласковый хозяинъ, выведи таракановъ...

Далеко надъ городомъ — не виднымъ мнѣ — становилось свѣтлѣе, утренній холодокъ сжималъ щеки, слипались глаза. Я

свернулся калачикомъ, окутавъ голову одѣяломъ — будь, что будетъ!

Разбудила меня бабушка — стоитъ рядомъ со мной и, стаскивая одѣяло, говоритъ:

— Вставай! Не озябъ ли? Ну, что — страшно?

— Страшно, только ты не говори никому про это — ребятишкамъ не говори!

— А почто молчать? — удивилась она. — Коли не страшно, такъ и хвалиться нечѣмъ...

Пошли домой, и дорогой она ласково говорила:

— Все надо самому испытать, голубà-душа, все надо самому знать... Самъ не поучишься — никто не научитъ...

Къ вечеру я сталъ «героемъ» улицы, всѣ спрашивали меня:

— Да неужто не страшно?

И когда я говорилъ:

— Страшно!

Качая головами восклицали:

— Ага! Вотъ видишь?

Лавочница же громко и убѣжденно заявила:

— Стало быть, врали — что Калининъ встаетъ. Кабы вставалъ, — развѣ испугался бы мальчишки? Да онъ бы его смахнулъ съ кладбища и не видать куда.

Людмила смотрѣла на меня съ ласковымъ удивленіемъ, даже дѣдъ былъ, видимо, доволенъ мною, все ухмылялся. Только Чурка сказалъ угрюмо:

— Ему — легко, у него бабушка — вѣдьма!

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

М. Горькій.

ЛЮБАВА.

ПОВѢСТЬ.

Любава засидѣлась въ дѣвкахъ, — не потому, что жениховъ не находилось, или собой была непригожа, а потому, что жила на заимкѣ, рѣдко выѣзжала въ село, за сорокъ верстъ, а къ нимъ въ таежныя мѣста даже и дороги телѣжной не было. Лѣтомъ попадали въ село верхами на лошадяхъ, а зимой на лыжахъ, да и то рѣдко.

Однажды, зимою, мужики, Любавины братья, стали на лыжи и ушли бѣлковать, а потомъ вернулись черезъ село и принесли оттуда новость:

— Аринка Троеглазова, Любавина подружка, замужъ вышла!

Любава мыла полъ въ избѣ и громко, завистливо сказала:

— Ну, изжаби меня, не родилась же я мужикомъ: не сидѣла бы тутъ, какъ медвѣжиха въ ямѣ...

Ѳедотовна взъѣлась на Любаву:

— А што тебѣ: пить-ѣсть нечего у насъ, али нужда какая обуяла? Небойсь, вонъ жиру-то сколько накопила... Рыло-то, какъ спѣлая малина, налилось...

Любава, выжимая тряпку, злобно покосилась на старуху:

— А на каку жабу онъ мнѣ сдался, жиръ-отъ, ежели, другой разъ, съ тоски-то хоть въ петлю полѣзай?..

И, звякнувъ бисерами, Любава выпрямилась, съ сердцемъ перекинула черезъ плечо сползавшую на грудь тяжелую льняную косу и укоряюще глядѣла на Ѳедотовну свѣтло-синими огромными глазами.

Въ просторномъ красномъ сарафанѣ, босая, съ бѣлыми и толстыми голяшками, Любава, казалось, сейчасъ топнетъ и провалитъ полъ...

— Да ты сдурѣла, дѣвка! Ты перекрестись! — испуганно заговорила мать и попятилась отъ дѣвки въ кутъ. — Вотъ дико-шарая-то! Дурману ты обожралась, чего ли: этакъ-то на мать кричать!..

— Опостылѣло мнѣ въ дѣвкахъ жить! — сверкнувъ глазами на братьевъ, крикнула Любава. — Да што я уродина какая, али стыдъ свой потеряла! Двадцать восьмой годъ сижу... Аринка-то, вонъ, на пять лѣтъ меня моложе...

— А вотъ я те какъ возьму за косу да почну молоть! — проговорилъ большакъ Никита и угрожающе погладилъ спутанную большую бороду. — Ты, дѣвка, не дури!.. Али, што родной отецъ въ гробу, дакъ, думаешь, тебя и поучить некому... Да ежели сказать добрымъ людямъ, вѣдь засмѣютъ тебя и насъ... Ишь захотѣла, мотри, мужика... Безстыжая!..

Любава наклонилась къ полу, и видно было, какъ ея лоснящіяся щеки запылали, будто кумачомъ покрылись...

Вдругъ она выпрямилась, бросила въ лохань ветошку, такъ что брызги полетѣли по избѣ, и закричала:

— Ну, изжàби васъ въ сердце въ самое! Да я докуда на васъ чертомѐлить-то буду?.. И за што, за каки-таки услады?..

— Любàшка!.. — наступая, стиснулъ кулаки Никита.

Всѣ въ избѣ насторожились и притихли.

Но Любава закричала пуще прежняго:

— Ну, вдарь!.. Не привыкать мнѣ въ синякахъ-то отъ тебя ходить!.. — И подбородокъ ея запрыгалъ, глаза часто заморгали и заблестѣли крупными слезами... — Не стану я больше жить у васъ... Уйду!... За Тырлыкàнку, да уйду, вотъ возьму да...

Любава не договорила. Никита схватилъ ее за косу и какъ метлой мотнулъ вокругъ себя по влажному, не вымытому полу.

Ѳедотовна съ ухватомъ бросилась къ Никитѣ, чтобы заступиться за Любаву, а Никитова баба, сухопарая Ульяна, схватила двухъ малыхъ ребятишекъ на руки и прижала ихъ къ груди, чтобы они не видѣли осатанѣвшаго отца.

Но Никита, пнувъ Любаву, не сталъ больше бить ее и, не взглянувъ ни на кого, быстро вышелъ изъ избы.

Любава поднялась, оправилась и, всхлипывая, стала домывать въ избѣ.

Потомъ, когда вошелъ Никита, усѣлись всѣ за столъ обѣдать.

Любава подавала щи, крòшила мясо и даже что-то говорила съ меньшимъ братомъ Трошкой. Скоро всѣ забыли о «грѣхѣ» и словахъ Любавы объ уходѣ изъ семьи.

Но вечеромъ, подоивъ коровъ, Любава принесла въ избу подойникъ и сказала матери:

— Ты процѣди молоко-то, а я пойду телушку загоню... Вырвалась сейчасъ да убѣжала, ревѣтъ гдѣ-то за пригонами...

А сама надѣла новый овечій тулупчикъ, рукавички теплыя; въ сѣняхъ украдкой сунула за пазуху калачикъ и какой-то красный узелокъ.

Возлѣ крыльца стояли двѣ пары лыжъ, на которыхъ бѣлковали братья. Любава выбрала какія полегче, взяла шомпаки и, обогнувъ пригоны, стала на лыжи и скользнула въ озаренный полумѣсяцемъ еловый лѣсъ... Долго, безъ передышки, бѣжала, какъ воровка, торопясь и путаясь въ лѣсу, и вдругъ перепугалась и остановилась: изъ-за чернаго ствола внезапно вынырнуло что-то живое и побѣжало рядомъ, кувыркаясь въ пушистомъ, искристомъ снѣгу...

— Барбо-оска!... У-у, изжаби те, какъ испугалъ!... — обрадованно выругалась Любава и начала сильнѣе толкаться и скользить по снѣгу, густо устланному темно-синими тѣнями лѣса.

Тамъ, гдѣ приходилось скатываться съ косогора, она присѣдала на плотно сомкнутыя лыжи и катилась на нихъ, какъ на салазкахъ. Отъ быстроты бѣга подолъ сарафана раздувался, а къ тѣлу прикасался и холодно щекоталъ снѣгъ. Любава взвизгивала короткимъ смѣхомъ и, слетая съ лыжъ, катилась кубаремъ... Тогда Барбоска бросался къ ней и начиналъ тормошить ее и лаять, не то отъ радости, не то отъ безпокойства... И чѣмъ дальше убѣгала въ глубь чѐрни Любава, тѣмъ больше торопилась и, то и дѣло, вздрагивала отъ холодныхъ мурашей, внезапно пробѣгавшихъ по ея спинѣ, когда Барбоска настораживался и испуганно повизгивалъ...

Но все-таки шла впередъ, а назадъ даже и не оглядывалась. Только въ одномъ мѣстѣ, на просторной, бѣлой полянѣ, присѣла на пень передохнуть и, тяжело дыша, задумалась. Барбоска сѣлъ на хвостъ у пня и, лизнувъ Любаву въ носъ острой сѣрой мордой съ рѣдкими заиндевѣвшими усами, пытливо озирался по сторонамъ.

Въ лѣсу было тихо, и Любава смотрѣла на синіе, безчисленные огоньки снѣжинокъ и боялась посмотрѣть въ мертвое и молчаливое лицо полумѣсяца.

— Да хучь бы ужъ было къ кому бѣжать, изжаби его въ сердце!.. — вдругъ сказала она громко и, испугавшись собственнаго голоса, впервые оглянулась назадъ. — А имъ хучь до старости работай, чертомель, — все равно, не дождешься яснаго денечка...

Любава опять стала на лыжи и еще быстрѣе побѣжала дальше, точно боялась, какъ бы кто не сталъ догонять ее...

Острые, загнутые кверху носки лыжъ быстро перебѣгали другъ друга, распахивая верхній слой пушистаго и чуть-чуть позванивавшаго снѣга, подъ которымъ самыя лыжи прятались, какъ подъ серебрянымъ пескомъ.

Любава по-мужицки раскачивалась на ногахъ, сильно подпираясь шомпаками, и Барбоска едва поспѣвалъ за нею, кувыркаясь въ снѣжныхъ ямахъ, подлѣ кустарниковъ и пней.

Быстрѣй погнался за Любавой мѣсяцъ, какъ будто слѣдопытъ.

II.

Тырлыканъ, калмыкъ Ойротовой кости, жилъ въ своемъ аулѣ, въ дневномъ перебѣгѣ на лыжахъ отъ заимки Захара, Любавина отца. Тырлыканъ — старый танышъ — знакомецъ Захара, и Захаръ всегда былъ Тырлыкану долженъ, но выходило всегда, будто долженъ Тырлыканъ. А Тырлыканъ богачъ. На всю окрестную чернь славится. Много русскихъ беретъ у него и скота, и скотскихъ шкуръ, и денегъ, и не платятъ ему долга. Тырлыканъ и не проситъ, а если его ласково примутъ да угостятъ разбавленнымъ спиртомъ, онъ и еще дастъ. Лошадей у него много и барановъ много, и много звѣря добываетъ. Съ знакомымъ купцомъ каждый годъ по нѣскольку вьюковъ на Ирбитскую ярмарку отправляетъ.

Захаръ покойникъ въ дружеской бесѣдѣ болталъ ему, бывало:

— Танышъ твой — купецъ — на Ирбитской-то, поди, продастъ на тысячу, а тебѣ скажетъ: на пятьсотъ...

При этомъ въ глазахъ Захара вмѣстѣ съ усмѣшкою сверкала зависть.

Но Тырлыканъ Захару не хотѣлъ вѣрить.

Тырлыканъ весь годъ ѣздитъ къ купцу, беретъ товаръ, какъ у себя дома... Купецъ никогда слова не скажетъ, — даетъ. «Бери. Послѣ Ирбитской разсчитаемся...», — скажетъ и ведетъ чай пить въ горницу...

— Худой человѣкъ такъ не сдѣлаетъ... — тоненькимъ, сиплымъ голоскомъ говоритъ Тырлыканъ Захару, доставая и закуривая трубку.

Но Захаръ терпѣть не могъ табачниковъ и постоянно говорилъ:

— Ну, съ этимъ, другъ, на улицу ступай!..

И выводилъ хихикавшаго Тырлыкана изъ избы.

Тырлыканъ никогда не обижался и продолжалъ бесѣду на улицѣ.

— Все ладно: кони много, бараны много, деньги водятся, — говорилъ Тырлыканъ, — одно худо: бабы нѣтъ, хозяйки нѣтъ...

— Малю ихъ, калмычекъ-то развѣ?! — совѣтовалъ Захаръ, усмѣхаясь въ бороду: — Взялъ бы да и женился!

— Какой чортъ! — вспыхивая, пищалъ калмыкъ. — Калмычки у меня не ведутся. Три бабы было — всѣ умерли... Ни одного ребятишка не оставили...

— Самъ больно борохлявый, вотъ и ребятишекъ нѣтъ, — резонно замѣчалъ Захаръ. — Гляди, ты весь-то аршинъ съ шапкой. Какіе отъ тебя будутъ ребятишки? Другое дѣло, — старичонко ужъ...

— Какой старикъ?! Пятьдесятъ годовъ, — развѣ много? Отецъ сто лѣтъ прожилъ, — возражалъ Тырлыканъ и, присѣвъ на корточки, долго выколачивалъ о носокъ обутка трубку.

Однажды, такъ же выколачивая трубку, Тырлыканъ вдругъ визгливо захихикалъ и сказалъ:

— Ты вотъ чего, Захаръ... я твою дѣвку Любку замужъ отберу!..

Захаръ выругалъ его по-русски крѣпкимъ словомъ и отвѣтилъ:

— Ты шутки-то, другъ, не шути... Гдѣ же это слыхано, чтобы за некрещенаго татарина русскихъ дѣвокъ выдавали?!.

— Пошто не крещеный?.. — завопилъ, вставая на ноги, калмыкъ. — Давно крещеный!.. Лѣтъ теперь, поди, двадцать будетъ. Мисанеръ былъ, самъ крестилъ... Бумагу далъ... Русское имя «Степанъ Василичъ» далъ... Какъ не крещеный?..

— Давно крещеный, а тряпичной «Катеринкѣ» молишься... — добродушно усмѣхнулся Захаръ. — Брось не дѣло-то болтать, пойдемъ-ка чай пить...

Такой разговоръ при жизни Захара повторялся много разъ. Раза два уже затѣвалъ его Тырлыканъ и послѣ смерти Захара при Никитѣ и при Өедотовнѣ. А прошлой осенью проѣздомъ отъ родственника, у котораго было камланье, Тырлыканъ заѣхалъ на Захарову заимку и заговорилъ съ самой Любавой. Никита и Өедотовна были на ярмаркѣ.

— Да ты сдурѣлъ, татарская башка, изжаби те! — съ хохотомъ отвѣтила ему Любава. — Какъ я почну тебя охаживать ухватомъ за такія рѣчи-то!..

— У-у-уй, сама сдурѣлъ, дѣвка!.. — пищалъ, смѣясь, Тырлыканъ и слезливо щурилъ и безъ того узкіе и впалые глаза, между

которыми лежала широкая и плоская переносица. — Ты думаешь, я старикъ... Нѣтъ, приходи, сама узнаешь, я не старикъ еще, — простодушно увѣрялъ онъ, теребя и безъ того выдерганную рѣденькую, полусѣдую бороденку.

На немъ въ то время былъ бѣлый бараній халатъ съ лисьимъ воротникомъ и широкой каймой по подолу изъ рыжей лошадиной шкуры шерстью вверхъ, на ногахъ были новые «кисы» изъ шкурокъ маральихъ ногъ, а на головѣ высокая барашковая шапка.

Тырлыканъ молодцевато сѣлъ на окованное серебромъ сѣдло и, уѣзжая съ заимки, подбоченясь, курилъ свою трубку и пѣлъ изъ любимой пѣсни о Канзѣ-богатырѣ:

„Эта тюрьма, что построена русскимъ, —
Тюрьма, въ которой Канза умеръ...
А эти слова, что русскій говоритъ,
Больно скребутъ у меня подъ ребрами".

И долго, постоянно скребли у Тырлыкана подъ ребрами русскія слова, только всегда терпѣлъ онъ.

И въ ту ночь, когда Любава ушла изъ дома, скребли подъ ребрами у него слова только что уѣхавшаго изъ его аула русскаго волостного писаря Михайлы Васильича.

— И когда ты сдохнешь, Тырлыканка? — безъ злобы кричалъ писарь. — Изъ-за тебя вотъ коня чуть не рѣшилъ... Повѣстку тебѣ привезъ, на судъ вызываютъ... Почему за подножное не платилъ?.. Вотъ сколько: двѣсти семнадцать рублей недоимки накопилъ...

— Уй, Михалша Василичъ!.. Какой недоимки?.. Какой подножный? — обиженно пищалъ Тырлыканъ и все-таки смѣялся узкими глазами. — Вся кругомъ наша земля, у калмыковъ у всѣхъ своя земля... Даже русскихъ пускаемъ жить... Вонъ Захаркина заимка живетъ, вонъ Иванкина заимка живетъ, много живетъ... Какой-такой двѣсти семнадцать?..

— Ты о землѣ и рта не разѣвай, а то я живо протоколъ аграрный на тебя...

— У-уй, Михалша Василичъ! Пошто бротоколъ? — испугавшись, еще униженнѣе захихикалъ Тырлыканъ и повелъ писаря въ свою шестиугольную юрту угощать аракой * и чаемъ съ затасканными пряниками отъ знакомаго купца.

Потомъ подарилъ ему козьихъ шкуръ на доху, узду подъ серебромъ и переметныя сумы, въ которыя писарь уже самъ, подъ

*Водка изъ молока.

добродушное хихиканье Тырлыкана, поймалъ и посадилъ двухъ живыхъ ягнятъ.

— Трудовъ, другъ, много попадать къ тебѣ! — садясь въ сѣдло, сѣтовалъ Михайла Васильичъ, какъ бы недовольный подарками, и какъ будто онъ привезъ не повѣстку о взысканіи съ Тырлыкана двухсотъ семнадцати рублей, а всю эту сумму отъ какого-нибудь добросовѣстнаго должника.

Тырлыканъ въ своемъ большомъ шестиугольномъ срубѣ, крытомъ берестой, изрѣдка подкладывалъ дровъ въ еле тлѣющій костеръ и, кашляя отъ дыму, не могъ сообразить: какіе-такіе двѣсти семнадцать рублей? . . .

Въ это время въ аулѣ поднялся свирѣпый лай собакъ.

Тырлыканъ насторожился. Потомъ толкнулъ ногою спящаго возлѣ костра племянника Сапыргая.

— Ступай, погляди: кто тамъ?

Сапыргай поднялся, почесалъ темную, никогда не мытую и не застегивавшуюся грудь, просунулъ въ рукава стараго кожана руки и безъ шапки вышелъ изъ юрты . . .

А тамъ уже вышли изъ своихъ юртъ два пастуха и натравливали злыхъ собакъ на человѣка, который стоялъ поодаль отъ аула у комолой, толстой лиственницы и что-то кричалъ бабьимъ голосомъ . . .

III.

Зимою въ аулѣ Тырлыкана Любава не бывала и потому, кое-какъ пробравшись къ нему, не узнала мѣстности и думала, что заблудилась.

Безконечно долгими показались ей и ночь, и дорога къ Тырлыкану, и чѣмъ дальше уходила она отъ дома, тѣмъ страшнѣе ей казалось идти и впередъ, и назадъ . . .

— Да не окаянный ли меня погналъ! — удивлялась сама себѣ Любава.—Да не сдурѣла ли ты, безстыжая ты харя?!—стыдила она самоё себя, но все дальше и скорѣе убѣгала отъ родной заимки.

Когда же внезапно очутилась возлѣ самого аула, скатившись къ нему съ крутой горы, то вдругъ рѣшила уходить обратно на заимку или повернуть въ деревню, которая, по ея расчетамъ, была теперь отсюда не менѣе какъ въ двухдневномъ перебѣгѣ. Но набросились собаки, а испуганные пастухи могли еще и выстрѣлить. Любава знала, какъ мѣтко попадаютъ пулей калмыки.

И она закричала:

— Эй, вы, окаянные! . . Гаркните собакъ-то, а то онѣ разорвутъ меня-а!

Но собаки уже принялись терзать Барбоску, и Любава скользнула къ юртамъ, оставивъ позади себя живой, отчаянно лаявшій и визжавшій клубокъ грызшихся собакъ...

— Ну, изжàби тебя!.. — выругала она выбѣжавшаго изъ юрты, оторопѣвшаго Тырлыкана. — Да ты за што меня чуть не скормилъ собакамъ-то?!

— Ты, Любава, чего ли? — суевѣрно попятился отъ нея Тырлыканъ. — Ты пошто ночью попалъ сюда?..

— «Попалъ»!.. — сердито передразнила Любава. — По то и попала: пошла въ деревню, да и заблудилась.

— Уй-уй!.. — пищалъ старикъ. — Деревня совсѣмъ на другой сторона!.. Однако че-нибудь съ тобой не лàдно... Айда, — пойдемъ въ юрту, грѣйся!.. Ишь замерзла...

Очагъ въ юртѣ горѣлъ плохо и сильно дымилъ. Любава сразу же задохнулась дымомъ и пригнулась къ полу.

Тырлыканъ склонился къ дровамъ и сталъ губами раздувать огонь. Сапыргай внесъ въ юрту охапку сухихъ еловыхъ вѣтокъ.

Когда вѣтки вспыхнули яркимъ огнемъ, а дымъ ушелъ въ верхнее отверстіе юрты, Любава оглянулась, и прежде всего изъ передняго угла юрты на нее глянули два мѣдные блестящіе глаза деревяннаго идольчика...

И уже потомъ ей показалось и грязнымъ, и вонючимъ, и убогимъ жилище Тырлыкана.

— А я думала, ты и вправду богатый! — презрительно сказала она Тырлыкану и стала грѣть озябшія руки надъ огнемъ.

— Пошто не богатый? — поспѣшно возразилъ хозяинъ. — Вонъ гляди: четырнадцать паръ сумъ разнаго добра... — Онъ указалъ на свою постель, намощенную изъ звѣриныхъ шкуръ на множествѣ кожаныхъ, толсто набитыхъ чѣмъ-то сумъ. — Вотъ шкуры много, вотъ серебро много... Лошадей, однако, триста будетъ барановъ, поди, двѣ тысячи будетъ... Пошто не богатый?...

— Ну, богатый, такъ покорми чѣмъ-нибудь!.. Проголодалась, какъ собака...

— Пошто собака!.. — заступился за нее Тырлыканъ. — Собака не надо!..

И онъ суетливо началъ рыться въ берестяныхъ коробахъ, доставая баранину, медвѣжье сало, темно-сѣрый, какъ куски земли, копченый сыръ и сухіе городскіе пряники.

Впервые Любава ѣла изъ калмыцкихъ рукъ. Ѣла, морщилась и говорила:

— Лучше бы сама я мясо-то изжарила... А то, того гляди, стошнитъ...

Тырлыканъ разсыпался мелкимъ, тоненькимъ смѣшкомъ:

— Айда, ступай за меня замужъ, — все сама будёшь дѣлать.. Избу новую по-русски сдѣлаемъ... Айда!.. Хе-хе-хе...

И Любава не отвѣтила. Любава промолчала и перестала ѣсть, задумалась, глядя въ огонь. А Тырлыканъ, какъ бы почуявъ что-то, уже не усмѣхался и говорилъ не умолкая:

— Вотъ: Тырлыканомъ звать меня не надо! Звать Степанъ Василичъ надо... Коней много, барановъ много, коровъ много... Деньги есть... Вотъ: хозяйка будешь!... Иноходый конь отдамъ хорошій, чегэдэкъ сошью богатый... Избу сдѣлаемъ по-русски новую... Вотъ — живи... Айда!? — и спрашивалъ, и приказывалъ Тырлыканъ Любавѣ.

Но Любава все еще молчала, задумчиво глядя въ огонь. Уставшее и перёмерзшее тѣло разомлѣло возлѣ огня и просило отдыха... Но въ душѣ было безпокойство, и вспыхивали короткіе вопросы-мысли:

«А какъ утромъ по слѣдамъ найдутъ?.. Прійдутъ сюда да бить начнутъ... За косы поволокутъ... А гдѣ Барбоска?..»

— Гдѣ моя собака? — спросила Любава у молчаливаго Сапыргая.

— Ступай, найди! — приказалъ Тырлыканъ племяннику.

Сапыргай вышелъ, а Любава снова оглядѣла грязное, прокопченное въ дыму и такое чужое, дикое жилище. А усталая мысль подсказала:

«Если найдутъ да увезутъ домой — теперь ужъ совсѣмъ житья не будетъ».

А слѣдомъ за этой другой шептала:

«Зато первая богачка будешь... Сядешь на лихого коня, — всѣмъ бабамъ тошно станетъ... И мужъ — курёнокъ... Что захочешь, то и сдѣлаешь...»

И третья появлялась мысль:

«Ну, ужъ тогда въ деревню не показывайся... Засмѣютъ, осрамятъ и старъ, и младъ...»

А Тырлыканъ все нагсваривалъ:

— Вотъ: завтра лошадей осѣдлаемъ, — писарь сегодня уѣхалъ: дорожка есть, — въ село поѣдемъ, обновы купимъ... Потомъ знакомый попъ найдемъ... Той свадьбу сдѣлаемъ... Гу-у-ля-ай! — весело прикрикнулъ и захихикалъ Тырлыканъ.

Вошелъ Сапыргай.

— Собака тутъ! — ткнулъ онъ за дверь юрты и бросилъ туда кусокъ баранины.

Любава встала. Прошла въ передній уголъ, присѣла на по-

стель, потрогала медвѣжью шкуру, разостланную на сумахъ, и передернула плечами не то отъ озноба, не то отъ брезгливости.

— Вотъ: избу русскую построимъ, — снова началъ искушать Тырлыканъ. — Сама стряпать будешь, все чисто убирать будешь. Чего? Завтра знакомый попъ найдемъ...

— Не надо попа! — вдругъ рѣзко выговорила Любава. — Такъ, по-татарски буду жить... Твоему идолу молиться буду, — крикнула она сквозь слезы и толкнула кулакомъ въ раскрытый сальный ротъ деревяннаго божка съ мѣдными солдатскими пуговками вмѣсто глазъ.

— Уй-уй!.. Нашто дерешься? — съ суевѣрнымъ страхомъ зашепталъ калмыкъ. — Этотъ богъ скотину пасетъ...

Но Любава не слушала его и, навалившись грудью на медвѣжью шкуру, дала волю накопившимся слезамъ.

Сапыргай, не понимавшій ничего, сидѣлъ возлѣ огня, подбрасывая въ него сухія вѣтки, и недоумѣвающе косился въ сторону плакавшей русской дѣвки...

А Тырлыканъ, забывъ объ обиженномъ идолѣ, утѣшалъ Любаву:

— Пошто плакать? Вотъ: хозяйка будешь, домой въ гости сама поѣдешь... Иноходаго коня Сапыргайка осѣдлаетъ. Саврасаго!..

Но Любава плакала навзрыдъ.

За юртой, у дверей жалостно повизгивалъ искусанный собаками Барбоска.

IV.

Ночь провела Любава плохо, все дрожала, какъ отъ озноба, и рано утромъ, наскоро похватавъ свѣжей горячей баранины, которую Сапыргай сварилъ до свѣта, стала торопить Тырлыкана:

— Ну, сѣдлай скорѣе, што ли!..

— Айда! — коротко и громко приказалъ тотъ Сапыргаю.

И Сапыргай безъ словъ понялъ, что надо дѣлать. Онъ суетливо выбралъ два лучшихъ сѣдла подъ серебромъ и, выйдя съ ними изъ юрты, загомонилъ, залопоталъ съ пастухами.

Не успѣла Любава надѣть теплую шубу покойной Тырлыкановой жены, какъ Сапыргай шагнулъ въ юрту, и Любава увидѣла возлѣ двери двѣ веселыя лошадиныя морды.

Съ задорной усмѣшкой прыгнула Любава на богатое сѣдло, и Тырлыканъ, державшій за поводъ жирнаго иноходца, впервые показался ей не такимъ, какимъ она привыкла его видѣть. Въ расфранченной фигурѣ его, въ заботливой поспѣшности и въ робкой

усмѣшкѣ, съ которою онъ заглядывалъ вверхъ на цвѣтущую Любаву, почудилось ей что-то свойское, будто Тырлыканъ былъ для нея далекій, младшій родственникъ.

Пока Тырлыканъ, подсаживаемый Сапыргаемъ, садился на сѣдло и оправлялъ полы шубы, Любава лихо пробѣжалась мимо юрты, пробуя бѣгъ иноходца, у ногъ котораго виновато юлилъ Барбоска. Крикнула Сапыргаю по-калмыцки:

— Если кто прійдетъ меня искать, — говори, что ничего не знаешь, не видалъ!

Крикнула и, увидѣвъ покорную улыбку молодого калмыка, еще разъ улыбнулась и подумала: «Слушается калмыченокъ... Ровно настоящую хозяйку!»

И, позвавъ Барбоску, поѣхала по плохо топтанной тропѣ, не ожидая Тырлыкана.

На высокихъ горныхъ маковкахъ уже лежали золотые колпаки восхода, все ниже опускаясь и нахлобучиваясь на горы, все больше блѣднѣя и сливаясь съ бѣлизною снѣга, и наконецъ бѣлый иней на пихтахъ и березахъ засверкалъ безчисленными огоньками. Тырлыканъ взглянулъ навстрѣчу солнышку, поморщился и спросилъ:

— Н-но... Какой попъ сперва поѣдемъ?..

Любава отвернулась и мѣшкала отвѣтомъ. Затѣмъ насмѣшливо взглянула на него и прокричала:

— А, можетъ, я ни къ какому не поѣду!.. Вотъ проводишь до деревни и ступай назадъ!..

— Пошто шутки дѣлаешь? — вдругъ сердито взвизгнулъ Тырлыканъ и обиженно и вопросительно глядѣлъ въ глаза Любавѣ.

Любава снова отвернулась и промолчала. Потомъ, когда переметнулись черезъ закутанную въ снѣжные сугробы рѣку, покосилась на третью не осѣдланную лошадь, которую Тырлыканъ велъ въ поводу, и ей показалось невозможнымъ и почему-то даже обиднымъ, что ей теперь дѣйствительно нельзя шутить.

Съ дѣловитой строгостью она сказала Тырлыкану:

— Зачѣмъ такого добраго коня попу ведешь?.. Можно было взять похуже!

— Три не жалко! — азартно вскрикнулъ Тырлыканъ. — Пусть только дѣло дѣлаетъ скорѣе!..

И онъ, обогнувъ Любаву, рысью побѣжалъ по крутой гористой тропкѣ.

«Теперь ужъ, видно, наготово запросваталась!» — съ горь-

кой усмѣшкою подумала Любава и почуяла, какъ хорошо несетъ-покачиваетъ разгоряченный иноходецъ.

Вечеромъ въ попутной деревенькѣ, отогрѣваясь въ теплой избѣ обрусѣвшаго, крещенаго таныша, Любава говорила Тырлыкану:

— Ну, женишокъ, коли хочешь, штобы не убѣжала отъ тебя, въ первую голову избу мнѣ теплую строй!.. Не буду я въ юртѣ твоей мерзнуть!

А назавтра, когда по торной дорогѣ они подъѣзжали къ селу, и когда Любава еще издали на фонѣ красной, угасающей зари увидѣла церковку, она совсѣмъ смирилась съ мыслью, что будетъ женою Тырлыкана. Но когда остановились на ночлегъ въ опрятномъ домикѣ купца, Любава вспомнила, что ночью Тырлыканъ можетъ къ ней прійти, такой дряблый, прокопченный и просаленный, съ слезящимися узкими глазами и плоскимъ переносьемъ...

Она невольно съежилась и украдкой сплюнула подъ столъ, за которымъ надменная купчиха нехотя угощала ихъ чаемъ.

Но ночью Тырлыканъ къ Любавѣ не пришелъ, а утромъ она снова заспѣшила и сама взялась за хлопоты о вѣнчаньѣ.

Разнаряженные, на богатыхъ сѣдлахъ, поѣхали они къ священнику и въ поводу повели красиваго Рыжку.

— Н-но, здорово, батюшка-попъ! — еще у оконъ поповскаго дома закричалъ Тырлыканъ, требуя этимъ, чтобы батюшка вышелъ на крыльцо.

Но батюшка былъ во дворѣ и показался въ открытыхъ воротахъ.

— На-ка, возьми! — улыбаясь и протягивая поводъ Рыжки, началъ Тырлыканъ.

Батюшка не понималъ и, нерѣшительно беря поводъ, улыбался.

— Ну, потомъ что?.. Слѣзай съ лошади-то! Заходи!

Любава стояла поодаль и, забывши поздороваться съ священникомъ, не знала, что ей дѣлать.

— Ну, подарка это тебѣ! — объявилъ Тырлыканъ и ждалъ.

— Пода-арокъ?! — протянулъ священникъ. — Да за что же?

Любава подстегнула иноходца и чуть было не смяла батюшку.

— Мы, батюшка, до вашей милости...

— Вѣнчай! — строго приказалъ Тырлыканъ.

Священникъ пристально поглядѣлъ на дѣвку и на калмыка и недовѣрчиво опять протянулъ:

— Вѣнчать?!. Да какъ это такъ вѣнчать? Ты чья такая?

— Съ заимки я... Признаться тебѣ, сказать: убѣгомъ я хочу...

— Убѣгомъ?! За старика-то?. Да онъ крещеный ли?...

— Но, крещеный! — сердито завопилъ Тырлыканъ и тутъ же мелкимъ смѣхомъ засмѣялся.

Улыбнулся священникъ, поглядѣлъ на Рыжку, еще разъ улыбнулся, покачалъ головой и пригласилъ:

— Ну, такъ слѣзайте съ коней-то да заходите въ избу!.. Потолкуемъ!

И собственноручно ввелъ во дворъ заиндевѣвшаго Рыжку.

Выслушалъ священникъ Тырлыкана и Любаву, посмотрѣлъ какія-то бумаги, которыя калмыкъ досталъ изъ кожанаго кисета, походилъ по избѣ, подумалъ, на минутку вышелъ изъ избы, — должно быть, съ матушкой посовѣтоваться, а, можетъ быть, еще разъ Рыжку поглядѣть; вернулся и сказалъ Любавѣ:

— Попостовать ему надо, въ церковь хоть съ недѣльку походить... Молитвы кое-какія выучить... А то какой же онъ христіанинъ?!.

Отъ батюшки поѣхали къ купцу. Любава сама выбрала для жениха серебряный крестикъ на шелковомъ гайтанѣ, купила русскій поясокъ и множество обновъ и въ тотъ же вечеръ, сидя въ купеческой горницѣ, возлѣ стола съ шитьемъ, начала учить его молитвамъ. И для того, чтобы онъ былъ послушнымъ и понятливымъ, а также для того, чтобы хозяева не перестали относиться къ нимъ съ почтеніемъ, она ужъ больше не звала своего будущаго мужа Тырлыканомъ, а величала его:

— Степанъ Васильевичъ!

Тырлыканъ хихикалъ отъ удовольствія, покорно повторялъ за нею слова коротенькихъ молитвъ, которыя и сама Любава кое-какъ помнила, и коверкалъ имена святыхъ, за что Любава кричала на него и даже потихоньку шлепала, какъ малаго и безтолковаго ребенка, одними пальцами по головѣ.

И каждый день водила его къ батюшкѣ, который уже ѣздилъ на калмыцкомъ Рыжкѣ, былъ очень имъ доволенъ и однажды въ воскресенье пригласилъ ихъ въ горницу, гдѣ сидѣлъ танышъ Тырлыкана, писарь.

— А-а! Михалша Василичъ! — обрадованно запищалъ Тырлыканъ и, поздоровавшись за руку, сѣлъ возлѣ него на корточки и досталъ трубку, чтобы закурить и помѣняться ею со знакомымъ по обычаю.

V.

Любава, отойдя къ сторонкѣ, полушопотомъ разсказывала матушкѣ, какой смѣшной да непонятливый ея женихъ, и прятала свой смѣхъ въ рукавъ не снятаго алтайскаго тулупа.

Тырлыканъ сидѣлъ на корточкахъ и безучастно курилъ трубку, но, когда услышалъ жалобу Любавы, поднялся и началъ упрекать ее:

— Какъ не знаю?.. Шибко знаю!.. Вотъ: О́споди Сусъ Кристе, помилуй нашъ...

И старательно, но неправильно перекрестился.

Священникъ долго поправлялъ изуродованную молитву и, увидѣвъ на головѣ Тырлыкана жесткую, какъ конскій хвостъ, полусѣдую косу, обратился къ Любавѣ, какъ бы совѣтуясь съ нею:

— А косу-то убрать бы надо.

Любава вспыхнула, почуявъ на себѣ пристальный взглядъ писаря, и, оборачиваясь къ Тырлыкану, закричала на него:

— Слышишь? Косу-то отрѣзать надо!..

— Но!... — вдругъ испугался Тырлыканъ. — Пошто отрѣзать?.. Мой богъ — Яік-ханъ — скотину пасти не хочетъ тогда... Нѣтъ, косу рѣзать не дамъ!.. Твой Богъ мнѣ не мѣшаетъ, мой богъ пусть тебѣ не мѣшаетъ... Вотъ!..

— Ну, што же я съ нимъ буду дѣлать? — безпомощно хлопнувъ себя по бедрамъ, обратилась къ матушкѣ Любава.

И матушка помогла:

— Да пусть ужъ онъ съ косою будетъ!.. — попросила она батюшку.

— Ну, Богъ съ нимъ!.. Только ужъ ты, мила дочь, — строго наказалъ Любавѣ батюшка, — подучи его потомъ молитвамъ-то!.. А завтра я ужъ повѣнчаю васъ... Вотъ и отца вамъ посаженаго пригласилъ, — указалъ онъ на писаря, который всталъ со стула, подошелъ къ Тырлыкану и сильно хлопнулъ его по плечу.

— Только, братъ, когда пріѣду, чтобы и мнѣ былъ конь этакій же, какъ у батюшки!

Онъ обернулся къ Любавѣ:

— Безъ меня вѣнчать не стали бы: у тебя вѣдь никакихъ документовъ! А я вотъ батюшкѣ завѣрилъ, что ты дѣвка, и въ книгахъ въ церкви распишусь...

Любава и Тырлыканъ съ минуту глядѣли на сытое, усатое лицо писаря, а батюшка сказалъ ему:

— Ну, ты, поди, и сбавишь? Коня-то много...

— Прибавить надо, батюшка, а не сбавлять, — заговорилъ писарь. — У него есть изъ чего дать-то...

Но онъ взглянулъ въ глаза Любавѣ, усмѣхнулся и мягко сказалъ ей:

— Ничего, тамъ сторгуемся... Удостовѣрю...

Любавѣ показалось, что писарь какъ-то по-особому, сощуренно поглядѣлъ въ ея глаза и еще разъ повторилъ:

— Сторгуемся... чего тамъ!

Назавтра батюшка ихъ повѣнчалъ, и у писаря отпраздновали свадебное пиршество, на которомъ были и батюшка съ попадьей, купецъ, учительница, старшина, молчаливый и степенный пожилой мужикъ, а на крыльцѣ и возлѣ оконъ толпились любопытные.

Писарша, сморщенная, высохшая отъ болѣзни женщина, усадила молодыхъ въ передній уголъ и простосердечно величала ихъ по имени и отчеству, а писарь Тырлыкану подливалъ вина и, подвыпивши, пытался даже цѣловаться съ нимъ.

Но Любава отставляла вино отъ Тырлыкана и не давала ему много пить. Тырлыканъ хихикалъ и съ видимымъ трудомъ удерживалъ себя отъ выпивки, но слушался, часто вылѣзалъ изъ-за стола и садился подъ порогомъ съ трубкою въ зубахъ.

Законною женою Тырлыкана, новобрачною, поѣхала въ аулъ Любава. Пріѣхала, вошла въ шестиугольный, грязный, закопченный срубъ, заваленный шкурами, сбруей и другимъ добромъ калмыцкимъ, и опустила руки.

— Господи!... Пречистая Богородица, да это што же я надѣлала!..

И задохнулась, заревѣла, толкая отъ себя совсѣмъ потеряннаго, маленькаго, отвратительнаго старика.

Наревѣлась, наплакалась вдосталь и съ озлобленіемъ принялась наводить порядокъ и чистоту въ новомъ своемъ жилищѣ... Все прибрала, перевернула по-своему, вычистила, подмела, изжарила баранины, а ѣсть не стала... Сѣла на свою постель да опять въ слезы...

И такъ прошло съ недѣлю, пока въ аулъ не заявились братья.

Никита шагнулъ въ юрту съ свирѣпымъ взглядомъ, и по его движенію Любава поняла, что онъ хочетъ снова схватить ее за косы.

Онъ уже шагнулъ къ ней и процѣдилъ сквозь зубы:

— Дакъ ты такъ-то насъ срамишь?!.

Но Любава схватила со стѣны Тырлыкановъ ножъ и, пряча его за спиной, кричала:

— Только тронь меня!.. Ужъ ежели я за татарина пошла, — мнѣ все равно теперь!..

И Никита отступилъ.

— А дьяволъ тебя бей, коли такъ!.. — вдругъ обмякнувъ, проворчалъ онъ и посторонился при видѣ входившаго въ юрту Тырлыкана.

— Н-но, здравствуй, проходи! — захихикалъ Тырлыканъ и сбросилъ на полъ для сидѣнья Никитѣ одно изъ сѣделъ. — Садись, сватъ-братъ...

Никита смѣрилъ глазами Тырлыкана, скосился на Любаву и спросилъ:

— Да у васъ и взаболь што ли все излажено?

— На-вотъ!... На той недѣлѣ попъ вѣнчалъ! — строго объявилъ хозяинъ.

— А-а, будьте вы прокляты! — выругался Никита и мирно сѣлъ на сѣдло.

Вскорѣ Сапыргай внесъ дровъ, и Любава принялась готовить ужинъ.

Только Любава ни слова не сказала братьямъ, а съ Тырлыканомъ вдругъ стала ласковѣе и веселѣе глядѣла на него.

Тырлыканъ, посмѣиваясь, жаловался новой роднѣ:

— Вотъ: баба есть, попъ привязалъ, а со мной не спитъ... Я ночью говорю: «иди со мной лежать — теплѣе будетъ». Она не хочетъ... Ишь, свою постель состроила...

И, обращаясь уже къ молодой женѣ, онъ строго спрашивалъ ее:

— Пошто ты сергишься чего ли?..

— Вотъ, погоди ужо: состроишь избу русскую — можетъ быть, и пріобыкну... — уклончиво отвѣтила Любава и потупилась.

На другой день Никита съ Трошкой ушли домой веселые и унесли съ собою подарки Тырлыкана: двѣ волчьихъ шкуры, пару сухихъ маральихъ роговъ да узду подъ серебромъ.

Ѳедотовна, узнавъ подробности, долго позаочь ругала и кричала на Любаву, грозя снять съ нея свое родительское, по гробъ жизни нерушимое, благословеніе...

Но когда черезъ четыре дня Любава въ сопровожденіи Тырлыкана подбѣжала на лыжахъ прямо къ окнамъ избы, Ѳедотовна вдругъ радостно запричитала и въ одной юбчонкѣ выбѣжала навстрѣчу дочери.

Непривычно было для Ѳедотовны называть Тырлыкана Степаномъ Васильевичемъ. Она не глядѣла на него и не знала, о чемъ

теперь ей говорить съ Любавой... А Любава, выполняя обѣщаніе, данное священнику, передъ ѣдой и послѣ ѣды кричала Тырлыкану, какъ глухому:

— Богу-то молиться позабылъ!... Ну, крестись... Читай за мной...

Тырлыканъ визгливо и тихонько хохоталъ, но слушался и повторялъ непонятныя слова молитвъ.

Вскорѣ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ и селамъ стали разсказывать о Любавѣ разныя были и небылицы.

А она, со скуки ли, или съ отчаянія, или отъ того, что отъ природы работящая была, крѣпко взялась за Тырлыканово хозяйство, и напрасно братья и писарь, пріѣхавъ въ гости, выпрашивали у Тырлыкана взаймы денегъ, шкуръ и лошадей.

Любава вмѣшивалась въ разговоры, отстраняя Тырлыкана:

— Онъ старыхъ-то долговъ собрать не можетъ, не токмо вновь давать... Да и како-тако у насъ богатство: избы доброй нѣту!

Тырлыканъ посмѣивался на Любаву, но ревностно оберегалъ отъ нея деревяннаго Яік-хана съ пуговками вмѣсто глазъ и жаловался писарю:

— Всѣмъ баба ладно, однимъ худой: кажнай день сердится...

И онъ усердно хлопоталъ съ постройкою новой русской избы, которою надѣялся умягчить бабье сердце.

VI.

Пришелъ апрѣль.

Всѣ горы облысѣли и днемъ курились бѣлымъ паромъ, а по утрамъ сѣдѣли, покрываясь пушистымъ синеватымъ инеемъ.

Твердый заледенѣлый снѣгъ въ оврагахъ и ущельяхъ держалъ копыта лошади лишь съ полночи и до восхода солнца, а когда солнце выйдетъ изъ-за горъ на небо — подъ толщею снѣга залопочутъ звонкіе ручьи, и снѣгъ рыхлѣетъ и садится: точатъ его прѣлые, весенніе ручьи.

Чуть забрезжитъ заря, — лѣсъ въ горахъ наполнится страстнымъ говоромъ тетеревовъ, а когда взойдетъ солнце — всѣ горы загудятъ отъ шороховъ и звуковъ, среди которыхъ ярко вспыхиваютъ и внезапно таютъ пѣсни пастуховъ, пробирающихся со стадами по крутымъ южнымъ склонамъ безъ тропы, по оттаявшимъ розсыпямъ и перелѣскамъ, на лысыя верхушки сопокъ.

Туда же, вслѣдъ за пастухами, на вершину ближняго холма, часто тянетъ и молодого Сапыргая, Тырлыканова племянника.

Тамъ ближе къ солнцу, оттуда дальше видны синія курящіяся горы, тамъ можно громче и свободнѣй пѣть.

Сѣрымъ, спутаннымъ узломъ оттуда кажется аулъ, въ которомъ только и пріятнаго для глаза Сапыргая, что изъ острыхъ юртъ постоянно вьется голубой дымокъ, напоминающій о вкусной баранинѣ, о копченомъ сырѣ, о веселой теплой аракѣ...

И тотчасъ же отворачивается отъ аула Сапыргай, когда среди сѣдыхъ пригоновъ или возлѣ желтаго воскового сруба строющейся избы покажется живое ярко-красное пятно Любавы. Но, и отвернувшись, Сапыргай невольно слушаетъ ея звонкій, сочный голосъ и про себя бормочетъ:

— Чужая плотниковъ опять ругаетъ...

Ни вражды къ Любавѣ, ни страха передъ нею Сапыргай въ себѣ не имѣлъ. Она просто для него была посторонняя, чужая здѣсь, въ старомъ гнѣздѣ полудикаго и полусоннаго народа.

Сапыргай никакъ не могъ привыкнуть къ Любавѣ, и возлѣ нея ему было неловко. И еще болѣе неловко сдѣлалось съ тѣхъ поръ, какъ Любава стала пристально глядѣть на него, смѣяться и даже изрѣдка потихоньку шлепать его по головѣ и по плечамъ, которыя почти всегда у Сапыргая были голыя.

— Ишь оборвался какъ. Рубаху-то какъ сшили, такъ, видно, и не снялъ ни разу. Отъ грязи и разлѣзлась.

Она сшила ему новую, хорошую рубаху на русскій ладъ, но Сапыргай поносилъ ее дня два и, незамѣтно для Любавы, снялъ и сунулъ въ уголокъ за сумы, а самъ на бронзовое тѣло надѣлъ одну овчинную, просаленную шубу, да такъ и не снималъ ее.

— Ты пошто рубаху-то не носишь? — строго закричала на него Любава и хотѣла шлепнуть его по обнаженной груди, но онъ увернулся отъ нея, засмѣялся, какъ отъ щекотки, запахнулъ шубенку и подпоясался.

— Мало горя, вши-то вотъ съѣдятъ тебя! — сердилась Любава и надолго умолкала, задумавшись возлѣ горящаго костра, на которомъ почти всегда изъ молока выпаривалось свѣжее вино.

Тутъ же, въ полудремотѣ отъ постоянной пробы араки, съ трубкою въ зубахъ сидѣлъ и тихо что-то напѣвалъ Тырлыканъ.

Сапыргай видѣлъ, какъ злобно иногда Любава взглядывала на старика.

— У-у... Статуй!.. — выдыхала она сквозь зубы и поспѣшно поднималась съ мѣста, шла изъ юрты, и тогда въ аулѣ поднимался ея крикъ на пастуховъ, на ихъ бабъ, на ребятишекъ, на собакъ, которыя все еще косились на нее и рычали, и на Сапыргая, который ничего-то не умѣетъ сдѣлать, какъ ей надобно.

Калмыки плохо понимали русскій языкъ, но знали, что разъ «Чужая» заговорила по-русски, — значитъ, ругается и, значитъ, сегодня все будетъ дѣлать сама: и коровъ доить, и телятъ поить, ягнятамъ сѣно постилать, отъ юрты снѣгъ отгребать, отъ сруба щепы въ юрту таскать.

Но Сапыргаю больше всѣхъ доставалось отъ Любавы, и все-таки онъ не сердился на нее, потому что нравилось ему, какъ она, обозлившись, вырветъ у него работу и сдѣлаетъ сама.

— Черти вы, изжаби васъ въ сердце въ самое!.. Живете, какъ свиньёшки... За три версты отъ васъ воняетъ... Окаянный меня связалъ съ вами!.. — ругается Любава, а у самой въ рукахъ все такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Наработается, накричится досыта, потомъ придетъ въ юрту, приготовитъ на кострѣ обѣдъ и, проворно наѣвшись, снова утихнетъ, даже подобрѣетъ. Сядетъ шить и долго о чемъ-то непонятнымъ голосомъ по-русски распѣваетъ.

Сапыргай слушалъ Чужую и начиналъ ее жалѣть, потому что пѣсни ея казались ему плачемъ.

И если не было въ юртѣ Тырлыкана, онъ тихо говорилъ ей:

— Ступай домой!..

При этомъ скалилъ зубы и махалъ рукою по направленію къ русскимъ деревнямъ.

— Домо-ой?! — удивлялась Любава. — Да я тебѣ тутъ чѣмъ мѣшаю?

— Тутъ худо тебѣ... Тамъ худо не будетъ. Ступай! — гналъ ее Сапыргай и пугливо озирался, какъ бы боясь, что его кто-нибудь подслушаетъ.

— Ишь ты!.. — лукаво прищуривалась Любава и почему-то долго разглядывала Сапыргая.

А потомъ, приблизившись, внезапно шлепала его по бронзовой груди и, смѣясь, начинала щекотать.

Долго визгливо хохочетъ отъ щекотки Сапыргай, но въ черныхъ узкихъ глазахъ его свѣтятся слезы и недоумѣніе, и, когда Любава броситъ щекотать его, онъ сразу же заплачетъ и уйдетъ изъ юрты.

Сидѣлъ на вершинѣ холма Сапыргай, вспоминалъ все это про Чужую и все-таки не могъ разсердиться на нее, потому что солнце какъ-то ласково трогало его грудь и обнаженную голову теплымъ, [illegible] золотымъ дыханіемъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя на розовые стебли пробивающейся свѣжей травки, на набухшія почки сосѣдняго маральника, на криволапыя и темныя громады рѣдкихъ лиственницъ, уходящихъ все выше и выше на гору, а за горою

небо, синее, какъ вода въ горномъ озерѣ, а по небу надъ горою облака плывутъ, пышныя и бѣлыя, какъ послѣ бури пѣна на рѣкѣ.

Межъ деревьевъ по склону горы разбрелись коровы, а межъ ними, какъ старый пень, стоитъ Карамесъ-пастухъ и поетъ что-то жиденькимъ, съ дѣтства раздавленнымъ горами, голосомъ.

Сапыргаю тоже хочется запѣть, потому что надо ему что-то вспомнить или пожалѣть о чемъ-то.

Безъ пѣсни онъ не можетъ вспомнить. И онъ запѣлъ, а какъ запѣлъ, вспомнилъ, потому что запѣлъ о томъ, о чемъ надо было пожалѣть:

„Былъ у Сапыргая конь буланой масти, —
Какъ камень, брошенный богатырской рукою,
Умѣлъ онъ носиться по горамъ.
Пріѣхалъ камъ Байбадакъ,
Отправилъ буланаго на небо къ Ульгеню.
Послѣ ѣздилъ Сапыргай на саврасомъ иноходцѣ,
Пришла въ аулъ Чужая — взяла коня себѣ...
Обучилъ Сапыргай еще коня — гнѣдого, —
Пріѣхалъ писарь сердитый, съ усами, какъ лошадиный хвостъ,
Увидѣлъ коня, отнялъ, сѣлъ, уѣхалъ,
Тырлыканъ только посмѣялся...“

И вдругъ Сапыргай оборвалъ пѣсню, вспомнилъ, что Чужая, пожалуй, и лошадь хорошую не дастъ ему: всѣмъ распоряжаться стала, Тырлыкану даже не даетъ распоряжаться.

Вскочилъ Сапыргай съ мѣста, схватилъ камень и съ силой швырнулъ его съ горы, въ пустое пространство...

Потомъ пошелъ къ пастуху Карамесу пожаловаться на Чужую.

Карамесъ, держа во рту трубку, сонно глядѣлъ красными, больными глазами внизъ, на посинѣвшую, кривую рѣку, еще покрытую льдомъ, сквозь который кое-гдѣ уже бурлила живая, черная вода.

Сапыргай самъ взялъ у него изо рта трубку, обтеръ рукавомъ съ мундштука Карамесову слюну и потянулъ въ себя крѣпкій дымъ.

Карамесъ, не переставая глядѣть внизъ, молча показалъ туда рукою, какъ будто ему было лѣнь сказать хоть одно слово.

Сапыргай взглянулъ внизъ и увидѣлъ, что тамъ, на берегу рѣки, по кривой дорожкѣ, проваливаясь въ снѣгу и ведя въ поводу осѣдланныхъ лошадей, идутъ два человѣка.

Лошади, то и дѣло, прыгали, проваливаясь, то задомъ, то передомъ, то останавливались на какомъ-либо удобномъ мѣстѣ и

не хотѣли сходить съ него, то снова проваливались и лежали на снѣгу.

Сапыргай поглядѣлъ, заморгалъ глазами, передалъ трубку обратно Карамесу и, сплюнувъ, сердито отрубилъ:

— Бисаръ!..

Потомъ еще разъ сплюнулъ, шагнулъ впередъ и, не то радуясь, не то дразня пріѣзжихъ, закричалъ:

— Эй, би-са-аръ!.. Михалка Васили-ишь!..

Снизу отъ дорожки въ отвѣтъ чуть слышно доносились голоса пріѣхавшихъ, и по тому, что передній поднималъ руку и потрясалъ ею надъ головой, Сапыргай понялъ, что писарь сердится.

Онъ быстро побѣжалъ съ холма къ аулу сказать Тырлыкану, что ѣдетъ русскій гость.

VII.

Въ аулѣ всполошились всѣ собаки и съ остервенѣніемъ лаяли, окруживъ приблизившихся къ юртамъ писаря и старшину.

— Эй, ты!.. Старый песъ! Какого чорта смотришь! Онѣ загрызутъ совсѣмъ!.. — ревѣлъ писарь вышедшему изъ юрты и недоумѣвающе глазѣвшему Тырлыкану.

Любава, краснѣя въ оконномъ пролетѣ новаго сруба, со щепами въ передникѣ, стояла какъ-то неподвижно и растерянно. Ребятишки выползли изъ пастушьихъ юртъ, черные, оборванные, съ испуганными узкими глазами; грязныя калмычки выглядывали изъ дверей юртъ, — всѣ точно оторопѣли и, застывъ на мѣстѣ, молча глядѣли на пріѣхавшихъ. Только собаки надрывались, лаяли и по какому-то собачьему закону всю свою злобу обратили на Барбоску, въ котораго попала писарская палка.

И только когда старшина привязалъ обѣихъ лошадей къ городьбѣ и, расправляя длинную бороду, съ улыбкою направился къ Любавѣ, она вспомнила, что по русскому обычаю надо привѣтствовать гостей.

Она выбросила изъ подола щепки, раздергала подтыканную юбку и оскалила бѣлые и частые зубы навстрѣчу старшинѣ:

— Здорово ты живешь, Иванъ Филатычъ!.. А я, гляди-ка, какъ обасурманилась, и поздоровкаться — изъ ума вонъ... Здравствуй-ка, Михайла Василичъ!.. — подошла она и къ писарю. — Цыцъ! Будьте вы со свѣту прокляты! — притопнула она въ сторону собакъ... — Сапыргайка, чего же ты стоишь?... Отвязывай сумы-то съ сѣделъ... Ишь, лошади-то какъ умаялись!..

— Лошадей-то жаль, а человѣка такъ собакамъ стравить готовы! — зло сказалъ ей писарь и сталъ отворачивать голенища, чтобы стряхнуть съ колѣнокъ насыпавшійся мокрый снѣгъ.

— Пошто же намъ травить?.. Вѣдь ротъ имъ не заткнешь... А безъ собакъ намъ тоже нельзя... — говорила съ улыбкою Любава и, оттолкнувъ съ дороги Тырлыкана, все еще стоявшаго на одномъ мѣстѣ, открыла дверь въ юрту и стала возлѣ нея.

— Проходите-ка, давайте, грѣйтесь... Сапыргайка, щепокъ неси скорѣе!..

— Ну-ко, поглядимъ, какъ ты тутъ живешь-можешь? — сказалъ старшина, шагая первымъ въ юрту.

— А видишь, какъ командуетъ! — смягчаясь, сказалъ писарь и сейчасъ же, не снимая полушубка, повалился на опрятную Любавину постель. — У-ухъ, язви те въ дорожку... Ну, и даетъ она баню!..

Любава покосилась на грязныя ноги писаря, положенныя на клѣтчатое ситцевое одѣяло, и сказала:

— Какая ужъ неволя васъ и гонитъ въ экое разгалье-то?.. Вотъ скоро вѣдь и рѣки задурятъ... Доведется тогда вамъ гдѣ ни на есть дарма сидѣть...

— А доведется, дакъ и ты не выгонишь!... Изъ-за васъ же и ѣздить-то доводится. Вотъ уже третью недѣлю по ордѣ шатаемся...

Но Любава не дослушала, хлопотливо уходя изъ юрты.

Молча вошелъ Тырлыканъ и какъ-то нехотя сѣлъ возлѣ потухавшаго костра.

И ни писарь, ни старшина все еще не поздоровались съ нимъ, будто не замѣтили его. Онъ закурилъ трубку и, попыхивая дымомъ, поглядывалъ то на того, то на другого гостя, не удостаивая ихъ ни однимъ словомъ.

— Н-ну, Тырлыканша!... Какъ поживаешь? — дружелюбно улыбнулся ему старшина.

— Пошто Тырлыканъ?! — обиженно взвизгнулъ хозяинъ. — Степанъ Василичъ надо!.. Пошто Тырлыканъ?..

Писарь совсѣмъ подобрѣлъ, полежавъ на кровати. Скинувъ ноги на полъ, онъ проворно сѣлъ и громко разсмѣялся:

— Ха-ха-ха!.. Еще и Степанъ Василичъ!.. А ты, Иванъ Филатычъ, погляди: крестъ есть у него на шеѣ?..

— Пошто погляди! — совсѣмъ обидѣлся хозяинъ и, запахивая шубой обнаженную грудь, торопливо отползъ отъ старшины.

— Ха-ха-ха!.. Потѣха да и только!..

И писарь снова развалился на постели.

Тырлыканъ, сплюнувъ горькую табачную слюну, отвернулся и снова замолчалъ.

— Выгонять — не выгоню, понятное дѣло, — начала вошедшая съ бараньей лыткою Любава, — а только што самимъ-то вамъ у насъ не поглянется... Ишь какъ живемъ... А изба совсѣмъ тихо подается... Опять же черезъ какую-нибудь недѣлю Пасха подойдетъ... Не вовсе весело у насъ вамъ будетъ праздникъ-то встрѣчать... Я и сама на праздникъ-то къ своимъ хотѣла, да не знаю: надо быть, не пустятъ рѣчки...

— Не заживемся, не заживемся, не бойся! — недружелюбно отозвался писарь. — Вотъ передохнемъ, дѣло сдѣлаемъ и дальше тронемся...

— А дѣло-то какое у васъ тутъ? — спросила Любава и вытянула шею.

— Дѣло-то? — ехидно усмѣхнулся писарь. — Дѣло для васъ не совсѣмъ веселое: описывать за долгъ велятъ! Двѣсти семнадцать рублей долгу хозяинъ твой не уплатилъ.

Тырлыканъ, не вставая съ мѣста, вдругъ всѣмъ корпусомъ круто повернулся къ писарю и громко, возмущенно прозвенѣлъ:

— А-а?!.

Любава встала, выпрямилась и спросила:

— Ты пошто, Михайла Василичъ, эдакъ-то шутишь?..

— Шутишь?! — сердито крякнулъ писарь.

— Какія тутъ шутки! — тихо, но глубоко вздохнулъ старшина и сталъ помогать Любавѣ подкладывать въ костеръ щепки.

Тырлыканъ часто заморгалъ глазами и, круто поворачиваясь на одномъ мѣстѣ, то къ писарю лицомъ, то къ Любавѣ, все сердитѣе взвизгивалъ:

— А-а?!.

Любава вдругъ набросилась на него:

— А да а!.. Только ты и смыслишь!.. Намоталъ тамъ, наплелъ чего-то, да теперь и акаешь, дуракъ!.. Молчи ужъ лучше!

И Тырлыканъ замолкъ съ оттопыренной, трясущейся нижней губою, съ моргающими, красными, безъ рѣсницъ, глазами. А Любава урезонивала писаря:

— Дакъ нѣтъ ужъ, ты, Михайла Василичъ... И ты, Иванъ Филатычъ... Ужъ вы повремените!.. Я сама все хорошень узнаю: што же онъ тутъ смыслитъ?.. Это кто-нибудь его просто обсуюзилъ!.. — И она вдругъ угрожающе повысила голосъ: — Я сама все разберу!.. Я и къ становому, и къ самому крестьянскому поѣду!.. Тутъ подвохъ какой-то, вѣрьте Богу, подвохъ!

— Ну, объ этомъ мы потомъ поговоримъ... Давай-ка, покорми скорѣе насъ! — вдругъ оборвалъ ее писарь, и Любава, встрѣтивъ его насмѣшливый и хитрый взглядъ, завѣшенный большими рыжими бровями, опять подумала, что писарь пошутилъ, и съ облегченнымъ сердцемъ стала суетиться возлѣ пылавшаго костра.

VIII.

Все горячѣй и веселѣй смотрѣло съ неба солнце, все гомонливѣе неслись ручьи, и меньше оставалось снѣжныхъ пятенъ на горахъ. Распутица крѣпко посадила старшину и писаря въ аулѣ.

Рано, чуть заря, пробуждался и выходилъ изъ юрты Иванъ Филатычъ. Не спалось ему въ бодрое и свѣжее, зовущее къ хозяйственнымъ заботамъ, утро. Все ярче и настойчивѣе вспоминалась пашня, прилѣпившаяся на отлогихъ увалахъ, близъ села.

Чуть заря, онъ быстро встанетъ, вспомнитъ, что весна идетъ, что на дворѣ свѣжѣе, чище воздухъ, а возлѣ сруба пахнетъ свѣжею лиственною смолою, и, быстро натянувъ зипунъ, идетъ къ постройкѣ. Долго смотритъ на тяжелыя и гладкія бревна, щупаетъ пазы — хозяйственно ли сдѣлано, — поглядитъ на склоны горъ, на далекую, румяную зарю и позавидуетъ:

— Эка благодать тутъ скотинѣ-то ходить! Лѣтомъ большетравіе, въ лѣсу прохлада, а на бѣлкахъ и вовсе, поди, ни комара, ни мухи. Только соли надо здѣсь скотинѣ припасать. А то трава прѣсная, пить съ нея не позываетъ...

Думаетъ такъ старшина и потихоньку бродитъ возлѣ сруба, косясь на все еще непримиренныхъ злыхъ собакъ.

Потомъ пройдетъ на берегъ рѣки, которая уже шумитъ, проламывая большія темно-синія окошки во льду.

— Куда тутъ сунешься!? — говоритъ съ собою старшина и мысленно сѣтуетъ на свою старшинскую обязанность.

Но то, что праздникъ не придется встрѣтить дома, безпокоило его, толкало къ измышленіямъ какъ бы поскорѣе выбраться отсюда, а рядомъ съ этимъ безпокойствомъ вспоминалось дѣтство, когда, послѣ длительныхъ и постныхъ семи недѣль, вмѣстѣ съ первыми подснѣжными цвѣтками, приходили вкусная говядина и шаньги, и яички, для которыхъ сами же они, малые ребятки, бѣгали на сопки рвать синенькія вѣтреницы: хорошо ими яички красить.

И не говядина, не шаньги, не яички, а эти самые цвѣтки тогда особенно всѣхъ веселили. Мѣстами можно было ужъ и босикомъ бѣгать, мѣстами можно было уже накопать и кандыку, а главное,

подъ солнышкомъ, да на пригрѣтомъ и сухомъ увалѣ, хорошо было побѣгать босикомъ въ однѣхъ рубашкахъ.

— У-ухъ-ты! Смѣхъ да и только! — бормочетъ старшина, и въ длинную, большую бороду съ лица его сбѣгаетъ, прячется широкая усмѣшка.

Долго бродилъ онъ по берегу рѣки, пока позади его, въ аулѣ, не раздастся веселый, гулкій стукъ топоровъ. Оглянувшись, старшина видитъ надъ аулами столбы кудряваго дыма и идетъ покалякать съ плотниками.

Сядетъ на бревно и смотритъ, какъ ловко плотникъ гонитъ длинную и ровную щепу; слушаетъ, какъ сильно и отрывисто онъ крякаетъ при этомъ, точно воздухъ изъ себя выбрасываетъ комьями.

Любавинъ голосъ уже звенитъ то тутъ, то тамъ, и старческое мокрое покашливанье Тырлыкана слышится изъ юрты, и короткія, приглушенныя тяжестью горъ нотки пастушьихъ окриковъ, и мычаніе коровъ, удаляющихся отъ аула. И ужъ потомъ замѣтитъ старшина, что изъ-за горы свѣтлымъ и горячимъ глазомъ въ ущелье заглядываетъ солнышко.

На третье утро, послѣ восхода, онъ поспѣшно прошелъ въ юрту и съ ласковымъ упрекомъ протянулъ:

— Ну-ко, Михайла Василичъ, поднимайся... Будемъ новый день безъ дѣла коротать... А-ахъ, ты, хлопота! Застряли мы съ тобой тутъ, а весна къ воротамъ пришла, ждать не будетъ. Недаромъ говорится: што въ день весной упустишь, то годомъ не воротишь...

Писарь потянулся подъ овечьей шубою, перевернулся на спину и, позѣвывая, сказалъ:

— Ну и стужа, язви ихъ тутъ... Какъ они и спятъ?! А тутъ еще какія-то животныя по тѣлу ползаютъ...

Онъ сѣлъ, накинулъ шубу на плечи и, какъ бы не замѣчая Тырлыкана, посмотрѣлъ на пышную фигуру Любавы, возившуюся съ тѣстомъ возлѣ сковородки, и сказалъ:

— Хотѣлъ я ночесь къ тебѣ, Захаровна, подъ одѣяло лѣзть, погрѣться. Не дай Богъ, какъ околѣлъ!

Любава обернулась, и свѣтлые, большіе глаза ея встрѣтились съ степеннымъ взглядомъ старшины.

— Я, мотри, съ ножомъ сплю! — оскаливъ зубы, пригрозила она и испытующе взглянула на Тырлыкана, кряхтѣвшаго возлѣ костра.

— Съ ножо-омъ? — недовѣрчиво протянулъ Иванъ Филатычъ. — Пошто съ ножомъ-то?..

— Для всякаго случаю... — назидательно отвѣтила Любава.

— Хо-хо!.. Ножъ у нея для Тырлыкана припасенъ, — сказалъ писарь и, вставляя въ зубы цигарку, хитро прищурился на Тырлыкана, который какъ будто и не слышалъ словъ писаря. — Этакое добро зря пропадаетъ! — кивнулъ писарь въ сторону Любавы. — Гляди, хоть на картину срисовывай.

— Не подъѣзжай-ка! — огрызнулась Любава, но глаза ея съ какимъ-то острымъ любопытствомъ задержались на усатомъ, коренастомъ писарѣ. — Давай-ка, умывайся да чаевать начнемъ: сейчасъ лепешку испеку. Иванъ Филатычъ-то, давно, поди, проголодался.

Иванъ Филатычъ еще разъ пристально взглянулъ на Любаву и сказалъ:

— И правда што: не завидна же твоя судьба, Захаровна.

— Пошто это? — почти обидѣлась Любава.

— Али ничего, привыкла? — спохватился старшина.

Тырлыканъ лѣниво потянулся къ аракѣ.

На сковородѣ шипѣло и распространяло дразнящій запахъ коровье масло подъ лепешкою.

Любава спрятала улыбку и украдкой поглядѣла на писаря, который, подсаживаясь къ низкому столу, будто невзначай оперся на ея колѣнко.

И вдругъ Тырлыканъ сердито закричалъ на писаря:

— Пошто домой не уѣзжаешь?.. Пошто долго въ гостяхъ живешь?

Писарь презрительно взглянулъ на Тырлыкана, усмѣхнулся и, принимая отъ Любавы чашку, спокойно заявилъ:

— Погоди, сперва дай дѣло сдѣлать!..

— Какой дѣло?!

Писарь вдругъ разсвирѣпѣлъ:

— Чего прикидываешься дуракомъ-то?.. Шутя я тебѣ зимой повѣстку привозилъ?! Почему не уплатилъ во́-время?... Сейчасъ захочу и опишу весь скотъ, продамъ вотъ старшинѣ за двѣ сотни!.. Ну?!

Тырлыканъ не выдержалъ пристальнаго злого взгляда писаря и отвернулся.

— Ну, будетъ вамъ шумѣть-то!.. — умиротворяюще заговорила Любава. — Пей съ лепешкой-то, Михайла Василичъ!.. Въ маслице-то вотъ макай... Иванъ Филатычъ, а тебя не знаю, чѣмъ и потчевать, не обезсудь ужъ, Бога ради!.. Вотъ, Богъ велитъ, весной избу новую отстроимъ, все будетъ у меня, какъ слѣдно быть... Теперь вотъ только бы промаяться...

Потомъ она повысила голосъ и обратилась къ Тырлыкану, какъ къ глухому:

— Никакого у тебя обхожденья нѣтъ съ людьми!..

Она помолчала, глотнула съ блюдечка чаю и снова громко закричала:

— А вотъ возьмусь сама за дѣло и никакого взыску не будетъ. Поѣду вотъналицо къ самому крестьянскому... Къ исправнику заявлюсь...

Но Любава видѣла, какъ ядовито усмѣхался писарь, ощупывая острыми синими глазами обвѣтрившееся, но свѣжее лицо Любавы и всю ея крупичатую, полную фигуру.

И, какъ бы что-то сообразивъ, писарь мягче, чѣмъ всегда, заговорилъ:

— Если сама поѣдешь хлопотать, пожалуй, дѣло выгоритъ. А описать мы все-таки обязаны... Не зря же мы сюда заѣхали, — добавилъ онъ, и подъ нависшими бровями его снова зазмѣились огоньки лукавства.

Любава вдругъ перемѣнила тонъ:

— Ну, ужъ не ломайся, Михайла Василичъ!.. Безъ подарку, понятное дѣло, тебя не отпустимъ...

— А это будетъ видно... — загадочно улыбнулся писарь. — А поѣхать тебѣ надо. Вотъ теперь же съ нами и поѣдемъ.

Тырлыканъ круто повернулся на своемъ мѣстѣ:

— Я тоже буду поѣхать! — вдругъ заверещалъ онъ, какъ бы учуявъ что-то неладное въ совѣтѣ писаря.

Любава глянула на него долгимъ волчьимъ взглядомъ.

— И-ихъ, кикимора!.. — бросила она сквозь зубы и громко прибавила: — Такъ вотъ тамъ тебя и послушаютъ!

— Тебя пошто послушаютъ? — затрясъ головою Тырлыканъ.

— А вотъ и послушаютъ!... — твердо сказала Любава и шумно опрокинула на блюдце чашку.

— Я буду ѣхать! — упрямо повторилъ Тырлыканъ.

— А мнѣ горя мало, — поѣзжай! — отвѣтила Любава вялымъ голосомъ и, увидѣвъ въ дверяхъ Сапыргая, сердито закричала на него, какъ бы срывая на немъ всю досаду: — Чего свѣтъ-то загородилъ? Иди, зови плотниковъ чай пить!...

IX.

Всю ночь подъ праздникъ старшина не могъ уснуть и подъ шумный говоръ рѣки ворочался и раздумывалъ разное, никогда раньше не приходившее въ голову.

То ему хотѣлось угадать, куда пойдетъ душа Тырлыкана, когда онъ умретъ. «Неужели въ рай пустятъ?.. Да и въ адъ какъ будто не за что. Онъ никого не обижаетъ, а его всякій можетъ изобидѣть».

Потомъ онъ мысленно сердился на писаря за то, что тотъ завезъ его въ распутицу въ такое мѣсто, откуда къ празднику домой нельзя было попасть.

«А самъ день и ночь лежитъ въ юртѣ, съ бабой перемигивается, прости Господи!..»

То вспоминалъ вдругъ свое давнишнее, когда былъ женихомъ теперь поблекшей Аграфены.

«Тоже дѣвка была мягкая», тайно улыбнулся самъ себѣ Иванъ Филатычъ и тутъ же спохватился: «въ этакую ночь да этакіе помыслы!..»

— О Господи, прости!.. — кряхтѣлъ онъ и не могъ уснуть.

Въ юрту доносился отдаленный шумъ все прибывавшей рѣки, а возлѣ близко слышалось сонное посвистываніе свернувшагося подъ порогомъ Сапыргая и тяжелое храпѣніе Тырлыкана, который, нѣтъ-нѣтъ, и отрыгнетъ во снѣ. Писарь ворочается: должно быть, безпокоятъ блохи... Любавы не слыхать.

— Захаровна, ты спишь?

— Нѣтъ, Иванъ Филатычъ... А чего тебѣ?

Старшина помолчалъ и отвѣтилъ:

— Теперь, поди, въ селѣ-то къ заутренѣ давно ударили.

Любава повернулась на лежанкѣ, вслухъ зѣвнула и сказала:

— Я вставать же скоро буду. Не знаю, што бы для праздничка состряпать... Вѣдь горе: ни посудинки, ни удобьица... Лежу вотъ, да и думаю: кабы васъ съ Михайлой Василичемъ не было, — завылась бы я завтра!.. Такъ волкомъ и провыла бы весь день. Всю жисть вотъ такъ! Дома тоже свѣту не видала. Праздникъ-то сидишь, бывало, на заимкѣ да воешь...

— Воемъ не пособишь! — сказалъ Иванъ Филатычъ. — Сама свою судьбу нашла...

— Спите вы, пожалуйста! — рявкнулъ писарь, а отъ этого проснулся и закашлялъ Тырлыканъ.

Старшина затихъ и заглядѣлся вверхъ юрты, гдѣ сквозь дымовое отверстіе виднѣлась яркая, далекая звѣзда. Что-то далекое и непонятное метнулось въ думахъ старшины и исчезло вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ смутнаго недоумѣнія.

Опять какой-то отрывочекъ изъ дѣтства промелькнулъ въ воспоминаніяхъ: когда-то маленькій лежалъ на гумнѣ и вотъ этакъ же глядѣлъ на звѣзды и недоумѣвалъ: «Какой такой есть Богъ?..»

Потомъ звѣзда стала блѣднѣть и угасать, а сквозь щель двери просачивалась желтая полоска отъ зари.

Иванъ Филатычъ закрылся съ головою зипуномъ и крѣпко захрапѣлъ.

А когда проснулся, — былъ яркій и теплый день, такой же скучный и бездѣльный, какъ и всѣ дни, прожитые здѣсь нехотя и подневольно.

Передъ завтракомъ Иванъ Филатычъ хотѣлъ было похристосоваться съ писаремъ и съ Любавою, но, вспомнивъ, что и Тырлыканъ крещеный, какъ-то застыдился своего желанія и нахмурился... А писарь зло вышучивалъ Любаву:

— Хоть ты и сердишься на Сапыргайку, а, вижу я, тебѣ безъ него не прожить... Хорошо ему тутъ живется, я гляжу...

— А тебѣ завидно, дакъ ты поступай на его должность!.. — лукаво засмѣялась Любава. — Будешь мнѣ воду носить да спать подъ порогомъ.

Писарь прикусилъ усы, сверкнулъ глазами и промолчалъ.

Любава вдругъ обмякла, будто испугалась, что неласково отвѣтила.

— А ты, я вижу, ужъ и разсердился!.. И пошутить нельзя... Кушай съ аладушками-то!.. Не обезсудь — какія есть...

Тоскливо почему-то стало вдругъ Ивану Филатычу. Онъ всталъ изъ-за столика, перекрестился на востокъ и вышелъ изъ юрты. Потомъ поднялся на ближайшій холмъ, глянулъ въ даль, на пѣгія, горбатыя горы и синіе, глубокіе овраги и долго такъ стоялъ въ раздумьѣ. Потомъ, увидѣвъ Тырлыкановыхъ коровъ, началъ было ихъ считать, но не досчиталъ и бросилъ.

Забота о семьѣ, о домѣ, о надвигавшейся пахотѣ перебила его счетъ, и онъ, бродя по сопкамъ, не зналъ, какъ скоротать длинный, ничѣмъ не напоминающій о Пасхѣ, день.

Спустился на берегъ бушующей рѣки, которая большими, зыбкими, мутно-зелеными волнами заплескивала каменные берега, рвала прибрежныя деревья, въ мелкое серебро дробила остатки бирюзовыхъ льдинъ. И неслась впередъ, могучая и властная, раскованная отъ холодныхъ льдовъ зимы и безразсудно мчавшаяся въ слѣпое и невѣдомое далеко.

«Н-да... Всякому до себя... — трудили думы голову Ивана Филатыча. — И у меня вонъ тоже дѣвка не пристроена... Богъ знаетъ, какая судьба ей на роду написана... Жисть... она не милуетъ... Какъ тутъ судить другихъ, когда свой грѣхъ, быть можетъ, у порога»...

И только тутъ понялъ Иванъ Филатычъ, почему не сидится

ему въ юртѣ: чуетъ онъ, что лишній тамъ, какъ лишній и старый Тырлыканъ. Оба они мѣшаютъ писарю съ Любавой. Видать, что между ними завязалось что-то такое, отъ чего другимъ надо бѣжать...

Онъ рѣшилъ сейчасъ же уѣзжать отсюда.

«Ежели домой не попаду, гдѣ-нибудь на заимкахъ поживу... Все не на одномъ мѣстѣуракамъ сидѣть...»

И поспѣшною походкой направился къ аулу. Но, приближаясь, издали услышалъ смѣшанный бранчливый крикъ, въ которомъ непрерывной нотою звенѣлъ озлобленный голосъ Любавы.

Возлѣ юрты Тырлыкана толпились пастушьи бабы и ребята, и лица ихъ были испуганны и хмуры...

Иванъ Филатычъ распахнулъ дверь юрты.

Тырлыканъ, пошатываясь и часто моргая заспанными глазами, стоялъ съ винтовкою въ рукахъ противъ Любавы и сипѣлъ:

— Айда домой!.. Ступай!.. Ты мнѣ не надо, ступай!..

— Не боюсь я тебя!.. Стрѣляй!.. Убей!.. Стрѣляй!.. — звенѣла Любава и толкалась грудью въ дуло винтовки, которую Тырлыканъ отдергивалъ въ сторону.

У порога юрты стоялъ испуганный и блѣдный Сапыргай, а писарь сидѣлъ на корточкахъ поодаль отъ Любавы и спокойно ухмылялся про себя.

Но Тырлыканъ, увидѣвъ старшину, самъ отдалъ ему ружье и плаксивымъ, тонкимъ голосомъ залепеталъ:

— Айда, бери меня каталажка!.. Хозяйка-то я стрѣлять хотѣлъ.

— Чего такое тутъ у васъ? — хмуро спросилъ старшина у писаря.

Но ему отвѣтилъ Тырлыканъ:

— Я напилъ араку да спалъ... Проснился да гляжу: она ему мѣстѣ лежитъ...

— Вретъ онъ все!.. — неожиданно заплакала Любава. — Какъ передъ Господомъ, передъ тобой, Иванъ Филатычъ: какъ была я дѣвка, дѣвка и сейчасъ... А только што дѣйствительно, ежели захочу собой распорядиться, нѣту ему дѣла до того!.. Надоѣло мнѣ младеномъ быть...

Но Иванъ Филатычъ не хотѣлъ слушать Любаву и снова обратился къ писарю:

— Ты пошто это, Михайла Василичъ, эдакъ-то не ладно поступаешь? Какъ-никакъ, вѣдь онъ дому хозяинъ... А ты тутъ грѣхъ заводишь... Просто, скажемъ даже, стыдъ!..

Писарь всталъ съ мѣста и злобно поглядѣлъ на старшину.

— Не лѣзь-ка ты, Иванъ Филатычъ, не въ свое дѣло!

А потомъ расхохотался и шагнулъ изъ юрты.

Иванъ Филатычъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, вызвавъ за собою Сапыргая, потихоньку приказалъ ему: «Иди-ко, поскорѣе осѣдлай мнѣ мою лошадь» и поглядѣлъ на высоко поднявшееся солнышко.

Увидѣвъ, что Иванъ Филатычъ собирается, Любава быстро нарядилась въ новый красный сарафанъ, надѣла плисовый, недавно сшитый халатъ, подпоясала его по-мужицки зеленой опояской, голову покрыла красной шалью и, взявъ въ руки узду и плеть, строго сказала, ни къ кому не обращаясь: «Ну, вотъ и я готова!» — и велѣла Сапыргаю осѣдлать ей иноходца.

Тырлыканъ волчкомъ закрутился на одномъ мѣстѣ, заспѣшилъ, вытащилъ изъ юрты тяжелое, окованное въ серебро сѣдло, заковылялъ во дворъ, гдѣ стояли лошади, и визгливо сталъ кричать тамъ на Сапыргая, чтобы тотъ сѣдлалъ коня сперва ему, а не Любавѣ.

Писарь смотрѣлъ на суетливые сборы и бѣготню Любавы и сердито спросилъ у нея:

— Ты совсѣмъ, што ли, отсюда?..

Любава вдругъ остановилась, мѣшкая отвѣтомъ и какъ бы спрашивая объ этомъ у самой себя.

Потомъ досадливо отвѣтила:

— А дьяволъ меня знаетъ!.. Можетъ, и совсѣмъ!

Она отбѣжала къ лошади и оттуда громко и насмѣшливо спросила писаря:

— А ты описывать, што ли, останешься?..

Но писарь не отвѣтилъ ей и молча, съ ехидною усмѣшкой, собственноручно сталъ сѣдлать себѣ коня.

X.

Солнце повернуло съ полудня, когда всѣ четверо отправились по узенькой и скользкой горной тропкѣ, по крутому косогору, надъ рѣкой.

Впереди всѣхъ ѣхала Любава, за нею — писарь, потомъ Иванъ Филатычъ и послѣднимъ Тырлыканъ.

Отъѣзжая отъ аула и оглядываясь, Любава долго видѣла провожавшаго ихъ Сапыргая. Онъ шелъ за ними слѣдомъ, и на смугломъ и сухомъ лицѣ его такъ и осталось недоумѣніе.

«Поди, глазамъ своимъ не вѣритъ, что я уѣзжаю», подумала Любава и впереди себя увидѣла Барбоску.

Потряхивая большими лохмами еще не вылинявшей грязной

шерсти, Барбоска былъ забавенъ, и Любава усмѣхнулась: «Ишь приданое-то мое не отстаетъ!» и вспомнила, что если броситъ Тырлыкана, у нея, кромѣ этой привязавшейся собаки, никого и ничего не будетъ.

Тоской и злобою забилась въ ней душа.

«Докуда же я мыкаться-то буду безъ пути, безъ талану?!» — подавленно заныла она и тоскливо оглянулась вокругъ.

Сѣрыя, большія горы, кое-гдѣ подернутыя свѣжей зеленью, и зыбкая, бурливая рѣка внизу, и темный лѣсъ въ оврагахъ по ту сторону рѣки, и даже свѣтлое и голубое небо съ яркимъ краснымъ солнцемъ посрединѣ показались ей постылыми... Будто это они во всемъ виноваты, будто они загородили ей пути-дороги изъ этихъ тѣсныхъ, сумрачныхъ ущелій и не пускаютъ, не даютъ ей воли пожить, какъ хочется.

Впервые въ жизни стукнулось ей въ голову:

«У другихъ бабъ хоть и горе тамъ, али маета какая, дакъ хоть въ ребятишкахъ есть утѣха... У звѣря, и у того, дитёнокъ есть и мужъ извабольшный... А тутъ живешь, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга... Ишь вонъ, песъ-то старый увязался!» — оглянулась она на Тырлыкана, но взглядъ ея встрѣтился съ хитрыми глазами писаря, и Любава, отвернувшись, сильно дернула поводья иноходца.

— Ну, изжаби те, запинайся!.. — выругала она ни въ чемъ неповиннаго коня и, больно ударивъ его нагайкой, быстро понеслась по крутому, жуткому карнизу надъ обрывомъ.

«Все равно!.. — мелькнуло у нея въ сознаніи. — Чортъ броситъ въ рѣку, туда и дорога!..»

И что-то дикое овладѣвало ею, когда саврасый иноходецъ стрѣлою перебрасывался черезъ мелкіе овраги, камни и трухлявыя колодины.

Полы синяго халата и подолъ краснаго сарафана бойко развѣвались надъ сѣдломъ, тугія икры плотно прижимались къ теплымъ бокамъ саврасаго, а упругія ноги стояли твердо и увѣренно въ посеребренныхъ стременахъ.

— Нѣтъ, врешь! — съ кѣмъ-то спорила Любава. — Еще не Богъ вѣсть, какой я перестарокъ!.. Врешь!..

Саврасый часто перебиралъ ногами, осыпая въ пропасть мелкіе камни и кое-гдѣ скользя копытами по обнаженнымъ корнямъ лиственницъ.

По временамъ Любава оборачивалась на сѣдлѣ и видѣла, что писарь тоже гонитъ свою лошадь, но замѣтно отстаетъ, когда тропа идетъ въ опасномъ мѣстѣ...

Иноходецъ несъ лихимъ, баюкающимъ ходомъ, хотя Любавѣ и казалось, что онъ облѣнился, зажирѣлъ.

Настегивая его нагайкой, Любава звонко кричала:

— Ну-у-ка-а, бо-оро-овъ!

Скоро узкая тропинка сорвалась съ утеса на лужайку, а на лужайкѣ раздвоилась: одна тропа пошла по берегу, другая же нырнула въ рѣку и черной, узенькою змѣйкой выползла на другой берегъ.

Любава осадила лошадь и оправила растрепанные волосы.

Рѣка, черезъ которую здѣсь лѣтомъ перебродятъ овцы, теперь взыграла, поднялась и ревмя ревѣла на все глубокое ущелье.

— Кабы хоть лодка! — думаетъ Любава. — Берега тутъ отлогіе, съ кустами: хоть и снесетъ, — поймâться есть за што...

И такъ ей захотѣлось перебраться черезъ рѣку, попасть въ село, поговорить съ подружками, побыть на народѣ, русскій обиходъ увидѣть...

— Неужто всплыветъ лошадь?.. — бормотала она, помышляя объ отважной переправѣ. — Ежели всплыветъ, — вымокну, простыну...

Сзади послышался топотъ лошади, и писарь еще издали кричалъ:

— Ты не вздумай здѣсь брести!..

— А пошто и не брести? — задорно отозвалась Любава.

— Попробуй!..

— И попробую!..

— Теперь, смотри, она по дну-то камни гонитъ... Измелетъ за милую душу...

— А давай вмѣстѣ побредёмъ! — съ какимъ-то озорствомъ потребовала вдругъ Любава.

Писарь пытливо поглядѣлъ въ ея большіе, смѣхомъ и лукавствомъ засверкавшіе глаза.

— Слышишь? — настаивала Любава и, высвобождая ноги изъ стремянъ, невзначай обнажила розовое колѣно.

Писарь молча и нерѣшительно глядѣлъ въ ея зардѣвшееся круглое лицо и не зналъ, что̀ ей отвѣтить.

— Смотри, вонъ ѣдутъ! — ткнула она плетью въ сторону отставшихъ. — Ну?..

И тронулась къ рѣкѣ.

— Любава! — вдругъ позвалъ писарь какимъ-то прыгающимъ голосомъ.

Но Любаву обуяло дикое, непреодолимое упрямство.

5*

— Ну, писарь, пропаду — молись за упокой!.. Господи, благослови!

И заўросившаго на берегу коня Любава со всего плеча ударила нагайкой.

Иноходецъ прыгнулъ въ воду, и вѣеръ брызгъ обдалъ Любаву съ ногъ до головы. Волны хлестнули въ грудь коня, и онъ остановился, порываясь назадъ, но Любава вновь ударила его нагайкой и громко закричала, поднимая ноги отъ воды:

— Эй, писарь!.. Кланяйся домашнимъ!..

Но писарь бросился за нею вслѣдъ.

Заревѣла, закипѣла вода у самыхъ сѣделъ, и обѣ лошади, настигая одна другую, зафыркали и, все глубже, глубже погружаясь въ ледяную воду, плавно закачались на волнахъ.

— У-у!.. Стю-денó-о!.. — хватаясь за гриву и растягиваясь возлѣ лошади, взвизгнула Любава.

И берегъ передъ нею быстро-быстро побѣжалъ назадъ, мелькая сѣрыми камнями и кустарникомъ. Но вскорѣ же копыто иноходца четко стукнулось о камень, и Любава повисла на гривѣ у крутого берега.

И вмѣсто того, чтобы выбираться на берегъ, Любава стояла по колѣно въ водѣ и громко хохотала.

— Да это... не жаба ли... меня погнала!.. Да гляди-ка ты, какая я лягуша стала!.. Господи-и!.. А ты-то, глянь-ка на себя!..

Но писарь, злобно прикусивъ усы, схватилъ ее за опояску и поволокъ на берегъ.

Съ нихъ струями текла вода, лошади дрожали и, тяжело дыша, отряхивались, а Любава, вымокшая до груди, стояла на камняхъ и не могла передохнуть отъ смѣха.

Но вотъ за шумомъ рѣки она услышала знакомый крикъ и оглянулась.

На томъ берегу, размахивая руками, кричалъ Тырлыканъ, а рядомъ съ нимъ, въ чемъ-то убѣждая его, неодобрительно качалъ головою старшина.

Но Тырлыканъ еще сильнѣе замахалъ руками и началъ бить коня, посылая его въ воду вслѣдъ за переплывшими...

Любава замерла на мѣстѣ и, переставъ смѣяться, лепетала:

— Матушки!.. Богородица!.. Да не сдурѣлъ ли онъ?.. Эй!.. Глубоко! Не броди-и!.. — закричала она Тырлыкану.

Но Тырлыканъ уже побрелъ.

И только онъ добрелъ до глубины, лошадь его запнулась, упала въ воду, но, поднимаясь, бѣшено взвилась на дыбы и всѣмъ корпусомъ винтообразно повернулась назадъ, къ берегу. И въ пѣнѣ

мутныхъ волнъ Любава не замѣтила, куда дѣвался Тырлыканъ. Она только увидѣла, какъ лошадь его выпрыгнула на берегъ и, встряхиваясь на бѣгу и наступая на поводъ, лихо помчалась обратно по тропѣ. А старшина Иванъ Филатычъ побѣжалъ было вдоль берега внизъ по теченію, что-то крича и безпомощно размахивая руками...

Любава затряслась отъ охватившаго ее озноба и, выжимая перемокшую одежду, вспрыгнула на лошадь и безъ дороги кинулась внизъ по рѣкѣ. Но писарь догналъ ее, схватилъ за поводъ иноходца и закричалъ:

— Ну, перестань блажить-то!.. Теперь ужъ поздно, не спасешь!..

И долго еще стояли они у рѣки, не произнося больше ни слова и напряженно прислушиваясь къ неизмѣнному и несмолкаемому шуму равнодушной ко всему рѣки.

О чемъ-то имъ кричалъ Иванъ Филатычъ, но они не разслышали, и онъ, махнувъ рукой, свернулъ на ту дорожку, которая идетъ вдоль берега къ русскимъ заимкамъ.

— Ну, не околѣвать же и намъ тутъ! — наконецъ строго сказалъ писарь. — Надо погонять: на ѣздѣ скорѣй согрѣемся...

Любава впереди себя опять увидѣла Барбоску съ мокрою приглаженною шерстью, отчего онъ показался тощимъ и костистымъ.

Солнце склонялось къ западу, когда вдали Любава разглядѣла дымокъ въ знакомой одинокой пасѣкѣ.

Писарь настёгивалъ отощавшаго коня, чтобы скорѣй добраться до жилья.

XI.

Шустрый суетливый старичокъ, хозяинъ пасѣки, Онисимъ Минеичъ, въ новыхъ насмоленныхъ бродняхъ, съ ножикомъ въ большихъ ножнахъ на поясѣ, въ длинномъ бѣломъ балахонѣ и кошемной шапкѣ пирожкомъ, стоялъ возлѣ открытаго омшанника, когда у городьбы остановились писарь и Любава.

Онъ пытливо и долго глядѣлъ на пріѣхавшихъ, какъ бы не вѣря, что кто-то могъ пріѣхать къ нему въ эту глушь и въ это время, но, узнавъ писаря, поспѣшно отворилъ жердяныя, скрипучія ворота и скороговоркою залепеталъ:

— Здорово ты живешь, Михайла Василичъ! Здорово... Давайте-ка, слѣзайте да бѣгите въ избушку... Тамъ печка топится... Эко, гдѣ-то васъ Господь-отъ выкупалъ!... Давай-ка, мила дочь, лошадь-то мнѣ, я разсѣдлаю... Бѣги, бѣги, сушись скорѣича!.. Да ты никакъ Захарова дочка?.. Не ты ли за Тыр-

лыканку-то ушла... Ишь Господь-отъ попустилъ какую участь для тебя...

Любава одеревенѣлыми ногами, въ облипшей и связавшей всю ее одеждѣ, кое-какъ зашла въ избушку и сразу же стала все снимать съ себя и развѣшивать возлѣ огня.

Писарь снялъ бешметъ и тужурку и сѣлъ къ огню плечомъ въ плечо съ Любавой.

Какъ бы не замѣчая писаря и молча хмурясь, Любава сидѣла въ одной рубахѣ изъ домашняго суроваго холста и слегка дрожала, лязгая зубами.

Онисимъ Минеичъ былъ уже въ избушкѣ и, звеня чернымъ котелкомъ, болталъ:

— Вотъ такъ, вотъ такъ, мила дочь!.. Какой тутъ стыдъ? здоровье-то дороже... А я вотъ сейчасъ для васъ и ужинъ сгоношу. Мясцо у меня есть. Мясца привезъ... И праздничекъ пришлось не дома встрѣтить... Дня три ужъ какъ пріѣхалъ. Забота, пчелки заботятъ, ровно дѣтки малыя... Выставлять-то еще рано, а забота не даетъ покою... Господь ихъ знаетъ, какъ прозимовали? Сегодня вотъ, благословясь, для праздничка Господня, открылъ подвалъ, вошелъ — теплынь, спаси ихъ Богъ! За зиму-то надышали. Ну, слава Богу, думаю, живы. Приложилъ ухо къ той, къ другой колодкѣ — гудутъ... Только въ двухъ колодочкахъ мертво... — Старикъ печально сморщилъ лобъ и жалостливо повторилъ: — Мертво!.. Послушалъ, — молчатъ, и колодочка студеная. Умерли и, видать, давно умерли, — должно быть, съ осени, потому ульи тяжелые, запасъ въ нихъ долженъ быть... И что за причина — Богъ ихъ знаетъ!.. Кабы отъ холода, дакъ всѣ бы умерли. Ужо вотъ погляжу, открою: что за причина?... А вы тутъ доглядите за варевомъ-то, чтобъ жирокъ-отъ не сплылъ... Пойду, заботятъ меня пчелки...

И, уходя отъ печки, Онисимъ Минеичъ игриво шлепнулъ по обнаженному плечу Любаву и съ мелкимъ смѣшкомъ проговорилъ:

— Ишь какая гладкая досталась калмыку, да еще старому, суди его Господь!.. Хе-хе... Ну, согрѣвайтесь, согрѣвайтесь!.. Да доглядите за мясцомъ-то... А я пока за солнышко еще обслушаю съ десяточекъ...

Старикъ старательно захлопнулъ за собою дверь, и въ маленькой избушкѣ стало вдругъ темно, какъ ночью. Только свѣтъ отъ огня въ печи игралъ на розовыхъ плечахъ Любавы и тянулъ къ себѣ обильный паръ съ подсыхавшей ея рубашки. Любава для того, чтобы рубашка высохла скорѣе, то и дѣло поворачивалась къ печкѣ то спиной, то грудью, то боками.

Писарь оглядывалъ Любаву жадными глазами и все больше свирѣпѣлъ отъ ея упорнаго молчанія. Въ то же время его тянуло къ ней, но не хватало смѣлости приблизиться, какъ будто онъ боялся, что Любава плюнетъ ему въ лицо или ударитъ по щекѣ и скажетъ: «Уйди, я вѣдь еще дѣвка!».

Но какой-то звѣрь крѣпко обнялъ писаря, сдавилъ его въ горячихъ когтяхъ, вытѣснилъ разсудокъ и съ силою толкнулъ къ Любавѣ.

— Ты злишься на меня? — глухо спросилъ онъ, обхватывая влажное тѣло Любавы крѣпкими руками.

Любава, обернувшись, поглядѣла на него въ упоръ и, отстраняя отъ груди его руку, зло проговорила:

— На себя я злюсь!.. Загубила человѣка ни за что — и горя мало!..

Но писарь перебилъ ее, злорадно засмѣявшись:

— А-а!.. Чортъ его погналъ, куда не надо!..

И, медленно слабѣя въ рукахъ писаря, Любава пристально глядѣла въ его помутнѣвшіе глаза и спрашивала полушопотомъ:

— А какъ ежели да насъ съ тобою завинятъ?...

— Никто не завинитъ... Самъ напишу начальству... Да и старшина свидѣтель...

Писарь говорилъ поспѣшно и прерывисто и все крѣпче прижималъ къ себѣ Любаву, пока она не выдыхнула съ безсильной горечью, сквозь слезы:

— А-а, пропади я пропадомъ!.. Туда мнѣ и дорога!

Когда же въ задымленной печкѣ стали догорать дрова и когда вошедшій Онисимъ Минеичъ сталъ корить гостей за то, что они сплавили весь жиръ съ похлебки, Любава, надѣвая высохшее платье, виновато усмѣхалась и совсѣмъ по-новому безъ умолку болтала, какъ бы желая болтовнею заглушить въ себѣ какую-то большую не то боязнь, не то вину, не то, быть можетъ, новый незнакомый раньше и какой-то пьяный стыдъ...

Онисимъ Минеичъ понялъ все по-своему:

— Ишь языкъ-отъ оттаялъ — заработалъ... А я вотъ медку, смотрите-ка, нарѣзалъ... — говорилъ старикъ, выкладывая изъ рѣшета старые потемнѣвшіе соты. — Да вѣдь какая оказія случилась! — оживился онъ, сокрушенно раскачивая головой. — Открылъ я улей и долго дивился: колодка полна меду, а пчелы мертвыя. Глядѣлъ я, глядѣлъ и сталъ вырѣзывать осотины. Только дошелъ до пяты и вижу, братецъ ты мой: тамъ на низу весь ходъ завалили мертвяки, здоровымъ-то и некуда податься. Кабы лѣто — онѣ бы выбросили ихъ въ очко и только. А зи-

мой-то некуда, онѣ тутъ же и здоровыя-то замаялись... А пчелѣ, ей тоже ходу надо больше: она поѣстъ, пройдетъ вокругъ, а замѣсто себя другую пуститъ... А безъ ходу-то онѣ, слышь, такъ вокругъ кольцомъ всю осотину облѣпили да и умерли... Вѣдь вотъ, скажи на милость, какая оказія случилась!.. Ну, давайте похлебаемъ, что Господь послалъ, да медкомъ закусимъ, пчелочекъ помянемъ... Чаю у меня не водится, не посудите...

Дѣдъ засвѣтилъ восковой огарокъ и досталъ краюшку хлѣба.

Но Любавѣ не пилось, не ѣлось.

Она опять уже сидѣла молча и исподлобья глядѣла на писаря, когда тотъ, обмакивая длинные усы въ похлебку, жадно ѣлъ и съ дѣловитой строгостью разсказывалъ хозяину о только что случившемся несчастіи.

— Да кто же это васъ погналъ въ такое время черезъ рѣку?! — стоналъ старикъ. — Какъ же тутъ не утонуть?.. Ахъ-ахъ-ахъ, сердечная головушка, Тырлыканушка! Крещеный вѣдь онъ былъ, царство ему небесное...

— Такъ ты ужъ, Онисимъ Минеичъ, въ случаѣ тебя кто спроситъ, — наставлялъ писарь хозяина, — такъ и сказывай, что дескать пріѣхали на пасѣку чуть живы, мокрые...

— А што видѣлъ, то и покажу, Михайла Василичъ... То и покажу... Ахъ, ты, грѣхъ какой, а!.. — сокрушался дѣдъ и, вдругъ повеселѣвъ, сказалъ Любавѣ: — Ну, а ты теперь молодого женишь на себѣ!.. Богатая, любой позарится... Хе-хе...

Любава не отвѣтила. Она услышала, что за дверьми повизгиваетъ голодный, передрогшій Барбоска, и, собравъ косточки, вышла изъ избушки.

Звѣздная ночь висѣла надъ горами. Какъ бы приблизившись вплотную къ пасѣкѣ, горы глухо шумѣли, разговаривая съ вѣтромъ на вершинахъ и съ весенними потоками въ ущельяхъ.

Безъ думъ и безъ желаній, враждебно оглянулась Любава вокругъ на высокія темныя стѣны горъ, кинула короткій взглядъ на небо, усѣянное непонятными блестками свѣта, и, наклоняясь къ собакѣ, почему-то обозлилась на нее:

— На-ты, жри-и!.. — и бросила ей кости, а потомъ, выпрямившись, долго стояла, всматриваясь въ тьму ночи, вслушиваясь въ ея глухіе шорохи.

Но, ничего не понявъ и не услышавъ, вспомнила, что гдѣ-то бурная рѣка несетъ теперь и треплетъ, бьетъ о каменные берега безпомощное тѣло Тырлыкана... Вспомнила, вздрогнула и вошла въ избушку, гдѣ сытый и обсохшій писарь укладывался спать на нарахъ.

Любава постояла у порога, помолчала, потомъ взяла халатъ и, разостлавъ его на нарахъ, улеглась вблизи писаря.

И дѣдушкѣ Минеичу, когда онъ потасилъ огарокъ, послышалась безпечная усмѣшка Любавы, когда въ темнотѣ она сказала:

— Согрѣться бы скорѣе да уснуть!.. Намаялась, намерзлась...

XII.

Назавтра, въ полдень, когда снова засіяло солнце, и горы отступили на свои мѣста, а отдохнувшій иноходецъ плавно несъ Любаву по зеленѣющимъ уваламъ въ русское село, писарь еле поспѣвалъ за нею на своемъ Гнѣдкѣ.

Что-то новое, влекущее увидѣлъ онъ теперь въ Любавѣ, и его черствая и хитрая душа обмякла, потеплѣла, какъ твердая дорожная земля послѣ весенняго дождя.

Стараясь не отставать отъ нея, онъ негромко говорилъ ей, хотя здѣсь никто не могъ услышать:

— Любава!.. Слушай-ка. Ты, язви те, меня приковала, что ли! Прямо силища въ тебѣ какая-то, — не оторваться мнѣ теперь...

— Растобаривай! — насмѣшливо протянула Любава. — Пріѣдешь вотъ домой да за другой увяжешься... Другую дѣвку бабой сдѣлаешь... Безстыжій!.. И о бабѣ своей позабылъ...

И во взглядѣ ея крупныхъ синихъ глазъ, рядомъ съ усмѣшкою, горѣли укоръ и стыдливое раскаяніе.

— Какъ я теперь бабѣ-то твоей въ глаза буду глядѣть?..

Но писарь продолжалъ свое:

— Пріѣду, дѣла, какія накопились, подгоню да опять къ тебѣ уѣду въ гости... Ладно, что ли?

— Опять, люди, описывать за долгъ пріѣдешь? — подозрительно взглянула на него Любава.

Писарь прищурился и наставительно сказалъ:

— Ты смотри, какъ бы Сапыргайка не ввязался въ дѣло да достояніе-то у те не отобралъ...

— Сапыргайка-а... — вдругъ нахмурилась Любава, и въ глазахъ ея блеснула хищность.

Она выпрямилась на сѣдлѣ, откинулась назадъ, высоко подтянувъ голову иноходца кверху, крѣпко зажала въ рукѣ плеть и, скосивъ глаза на писаря, долгимъ, строгимъ взглядомъ посмотрѣла на него, угадывая, что онъ еще хочетъ...

Писарь такъ же долго глядѣлъ на нее и, наконецъ, сказалъ:

— Ты ссориться со мною, видно, собралась... Не рано ли?..

— А ты, видно, командовать мной захотѣлъ? — спросила, въ свою очередь, Любава и, отвернувшись, не стала ждать отвѣта и пустила иноходца полнымъ ходомъ.

«Мало ему, что самоё взялъ, дакъ еще и къ достоянію подбирается... Ишь ты, присосался, дьяволъ!» — думала она, чувствуя, что лошадь писаря не поспѣваетъ за саврасымъ.

Дорога пошла равниною, та самая, по которой ѣхала зимой Любава съ Тырлыканомъ, но почему-то въ ея сердцѣ не было теперь къ нему ни жалости, ни злобы; напротивъ, гдѣ-то глубоко въ душѣ неясно копошилось хищное злорадство, какъ у звѣролова, который только что осилилъ добрую добычу.

Впереди бѣжалъ Барбоска, старательно помахивая искривленнымъ калачомъ хвоста, на которомъ смѣшно тряслись длинные лохмотья скатавшейся и грязной шерсти.

Увидѣвъ эту неотвязную и вѣрную, невѣдомо за что привязавшуюся къ ней собаку, Любава снова вспомнила гнавшагося за нею писаря, который гонится за ней какъ волкъ и гдѣ-нибудь настигнетъ и безъ стыда, безъ жалости поймаетъ, изведетъ, задавитъ...

— Господи... Неужто мнѣ и не пожить по-человѣчьи!.. — простонала она сквозь слезы и, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ стонъ, услышала отдаленный трезвонъ колоколовъ, неровный, съ перебоями, но ласковый, какъ бы скликающій къ себѣ все затерявшееся гдѣ-то, далеко, въ ущельяхъ, напоминающій о Богѣ, о грѣхахъ людскихъ, объ ихъ невысыхающихъ слезахъ.

Все ниже пригибалась на сѣдлѣ Любава, какъ бы ожидая, что ее кто-то вотъ сейчасъ ударитъ, все сильнѣе погоняла лошадь. А когда вбѣжала въ грязное, пахучее весеннее село, на нее залаяли собаки, окружили, стали грызть Барбоску, но Любава, ничего не замѣчая, гнала коня прямо къ поповскому двору, а какъ пріѣхала, упала на луку сѣдла и заголосила, не слѣзая съ лошади.

Сперва выбѣжалъ трапезникъ, потомъ матушка, а потомъ и батюшка.

— Что такое?.. Что случилось?..

Любава голосила громко, съ непонятными причетами...

Когда же досыта наплакалась и слѣзла съ лошади, вошла пошатываясь въ горницу, по-мужицки помолилась на иконы и, вытеревъ рукавомъ загорѣлое лицо, хотѣла было все по порядку разсказывать, но опять заплакала, опять запричитала, долго не умѣя овладѣть собой.

Въ горницу за нею вскорѣ же вошелъ, весь въ брызгахъ грязи,

писарь. Лицо у него было блѣдное, въ глазахъ стояли злоба и растерянность.

— Слышали?.. Штука-то какая съ нами произошла! — пожимая руку батюшкѣ, говорилъ онъ. — Тырлыканъ-то утонулъ вѣдь...

И точно боясь, что Любава разскажетъ что-нибудь не такъ, онъ торопливо сталъ все по порядку самъ разсказывать.

Когда же онъ окончилъ, Любава упала въ ноги батюшкѣ и снова стала причитать:

— Научи ты меня, батюшка, што же мнѣ-ка теперича дѣлать-то! Штобъ имущество-то не отняли... — торопливо лепетала она. — Тамъ у него племянникъ Сапыргайка остался, дакъ... Ужъ я, батюшка, тебѣ пару коровушекъ пригоню... Только не оставь ты меня, не брось...

Долго и испытующе глядѣлъ священникъ на Любаву и на писаря...

Подозрѣніе батюшки передалось трапезнику, а отъ трапезника въ тотъ же вечеръ разлилось по селу, какъ будто въ вечернемъ звонѣ колоколовъ онъ разослалъ его во всѣ четыре стороны... А на другой день изъ села пошла худая молва и по другимъ селеніямъ, донеслась и до родни Любавы... И Любава вскорѣ же была оплетена косыми, подозрительными взглядами, ехидными усмѣшками и недомолвками; всѣ отъ нея отшатнулись, всѣмъ стала она чужая, басурманка незнакомая, разбойница.

Почуяла это Любава, огрызаться стала, пробовала плакать и божиться, но худыя вѣсти все росли и ширились и дѣлали Любаву одинокой и безпомощной.

А черезъ недѣлю, въ послѣдній разъ покричавъ безъ толку въ волости, гдѣ важно засѣдали писарь и Иванъ Филатычъ, распрощалась съ ними, съ матушкой и батюшкой, осѣдлала иноходца, позвала Барбоску и отправилась обратно, въ горы.

Ѣхала, глядѣла на лохматаго, прихрамывавшаго Барбоску и ругалась:

— Всѣ, изжаби ихъ въ сердце, отвернулись... Всѣмъ чужая стала!... А обирать — дакъ ни у кого рука не дрогнетъ!... И тому отдай лошадь, и тому корову подари... Нѣтъ, врете вы!... Безъ васъ я справлюсь!... Знаю я што сдѣлать, знаю!...

Но о томъ, что размышляла сдѣлать, вслухъ даже сама съ собой не говорила, а крѣпко затаила въ мысляхъ: «Добьюсь же я того: оболвано, окрещу я этого Сапыргайку и повѣнчаюсь съ нимъ... Ничего, што языка не знаетъ, — выучу!»

И, тайно усмѣхаясь надъ забавнымъ и покорнымъ молодымъ

алтайцемъ, который вовсе не похожъ на стараго и дряблаго Тырлыкана съ красными глазами, Любава снова вспомнила о писарѣ, снова заругалась вслухъ:

— А этотъ-то, изжаби его въ сердце, вѣдь повадится!.. Пріѣдетъ вѣдь опять!.. И сама по немъ стоскуюсь! Вотъ дьяволъ-то связалъ меня!..

И не то отъ смѣха, не то отъ злой обиды у нея кривился ротъ, а рука противъ воли сильно хлестала иноходца, который чернобурою лисою несся къ темнымъ и глухимъ ущельямъ, гдѣ затерялся сѣренькій аулъ.

Въ большихъ прищуренныхъ глазахъ Любавы сверкало лезвее какой-то новой, ядовитой хищности, какъ жало на концѣ стрѣлы, пущенной самой судьбою.

Георгій Гребенщиковъ.

ОСЕННЕЕ.

ЭТЮДЪ.

Въ вагонѣ было полутемно, почти пусто и душно.

Вѣра Николаевна вышла на площадку.

Кончался іюль, и ночь казалась напряженно-горячей, жуткой, — совсѣмъ черная и недобрая.

Только что отъѣхали отъ Бахчисарая, — началась гроза, какой Вѣра Николаевна никогда не видѣла. Какъ переломившееся, горящее копье, изгибалась голубая молнія, разсыпаясь и вертясь золотымъ столбомъ, то вдругъ разбѣгаясь синими уродливыми хвостами. Точно хвастливый волшебникъ развертывалъ на небѣ все новыя и новыя чудеса, и конца не было его богатству. Вотъ побѣжалъ за поѣздомъ, захохоталъ и раскатился ударъ, отъ котораго какъ будто дрогнула земля и, казалось, сейчасъ въ щепки разсыплются вагоны. Великолѣпной мощью, грубымъ восторгомъ и страстью дышало разгорячившееся небо. Не хотѣлось возвращаться въ сонный вагонъ.

Очень блѣдная, болѣзненно красивая женщина съ двумя дѣвочками и какой-то высокій человѣкъ въ непромокаемомъ модномъ пальто, оказались сосѣдями Вѣры Николаевны. Дѣвочки спали, свѣсивъ загорѣлыя коричневыя ножки. Мать закрыла ихъ пледомъ и тоже легла. Высокій человѣкъ снялъ пальто, досталъ изъ сака книгу и началъ перелистывать, разрывая пальцами страницы.

Вѣра Николаевна разсѣянно глядѣла на мокрыя, черныя, грустно отстающія отъ поѣзда поля. Изрѣдка, успокаиваясь, постарчески добродушно ворчалъ громъ. Какія-то три дерева тѣсно прижались другъ къ другу и безсильно и жалко гнулись подъ вѣтромъ, какъ будто бы очень испугались и не вѣрили, что гроза прошла.

— Точно женщины послѣ несчастья: бабушка, мать и дочь, — вдругъ сказалъ незнакомый человѣкъ, тоже заглянувъ въ окно.

Сказалъ онъ это просто, будто продолжая разговоръ, и Вѣра Николаевна спросила тоже просто:

— Какъ вы думаете — деревьямъ страшно или это только человѣкъ награждаетъ ихъ чувствами?

Поговорили, поспорили, незамѣтно придя къ одному выводу, но все-таки не соглашаясь.

Мужчина говорилъ, что жизнь — слишкомъ трудная и жестокая штука; привыкаешь и проходишь почти равнодушно мимо страданій дѣтей, мимо ужасовъ казней и войны, и какъ-то ужъ слишкомъ сантиментально и смѣшно думать, что деревья и цвѣты плачутъ.

Подъѣхали къ темному, сонному вокзалу и вышли на платформу, купили липкихъ лиловыхъ сливъ и разбухшихъ персиковъ, хотя ни ему, ни ей не хотѣлось ни сливъ, ни персиковъ.

Передавая ей пакетъ, мужчина замѣтилъ кольцо и удивился, какъ всѣ:

— Вы развѣ замужемъ?

Спать не хотѣлось. Помолчали, поглядѣли въ окно, на спящихъ дѣвочекъ и стали разговаривать вполголоса.

Онъ разсказалъ ей простодушно, — будто зналъ ее двадцать лѣтъ, — что ѣдетъ онъ въ Москву на три дня, всегда живетъ въ К., гдѣ занимается дѣломъ, которое не любитъ; онъ — адвокатъ, былъ въ деревнѣ, въ Крыму, чтобы очистить копоть съ души; въ Москвѣ у него дочка Вѣрочка, съ женой онъ разошелся уже давно.

У него было блѣдное, пожалуй, некрасивое лицо, умные, живые, сѣрые глаза, много морщинъ на молодомъ лбу и непріятныя складки у слишкомъ красныхъ губъ. Но при улыбкѣ, — а смѣялся онъ часто, — лицо у него молодѣло и дѣлалось наивнымъ, добрымъ и лукавымъ.

Женщина замѣтила, какъ потеплѣли и стали грустными его свѣтлые глаза, когда заговорилъ онъ о своей дѣвочкѣ, и сказала, вертя слишкомъ большое для пальца кольцо:

— Ахъ, если бъ вы знали, какъ мнѣ жаль всегда дѣтей въ нашихъ супружескихъ драмахъ и комедіяхъ! Если бъ у меня былъ ребенокъ, все было бы по другому... Вы бы попробовали помириться съ женой... Жизнь, право, такая маленькая, хрупкая! Не успѣешь оглядѣться, конецъ! Жаль ломать ее и мучиться!.. Не стоитъ...

Мужчина слушалъ тихія, слабыя слова, едва сдерживая неумѣстную, ласковую усмѣшку. Никакъ не могъ онъ понять, почему нарождается въ немъ такое теплое и странно нѣжное чув-

ство, будто онъ, старикъ, знаетъ эту женщину давно-давно, когда она была еще дѣвочкой, и — смѣшно! — ему хочется погладить ее по гладко причесанной головѣ и сказать что-нибудь въ родѣ: «Маленькая ты моя, глупенькая!» Вотъ бы обидѣлась мужняя жена!

— Вы, можетъ, персиковъ хотите или спать? Я мѣшать не буду? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, спать я не хочу, — сказала она сухо, — и прошу васъ, извините меня, если я вмѣшивалась въ вашу личную жизнь.

— Боюсь, что вы обидѣлись, madame, — сказалъ мужчина и не вытерпѣлъ, засмѣялся, показавъ ровные бѣлые зубы.

Ей стало почему-то непріятно. Она отвернулась, взяла книжку Универсальной Библіотеки и попробовала читать.

Мужчина замолчалъ, любопытно разглядывая ея тонкую руку, смуглое внимательное лицо съ опущенными черными рѣсницами. Ему понравилось, какъ она читала, шевеля губами, будто неслышно произносила слова, и глядѣла, близко приложивъ книгу къ огромнымъ близорукимъ глазамъ. Было въ ней, во всемъ хрупкомъ тѣлѣ, окутанномъ широкимъ бѣлымъ платьемъ, въ манерѣ чуть-чуть на бокъ держать голову, въ незвонкомъ голосѣ, что-то слабое, трогательное и красивое. Ему понравились ея нѣжные, чуть слышные, какіе-то знакомые и забытые духи.

Она перестала читать и подняла на него черные безъ блеска глаза.

— Темно! — сказала она.

Онъ спросилъ, что̀ любитъ она изъ современной литературы.

Она подумала и сказала, что послѣдняго, новаго она не чувствуетъ и не понимаетъ, а любитъ мудраго и милаго Чехова. Хотя она не знала и никогда не видѣла его, но бережно прячетъ въ душѣ такое хорошее теплое и свѣтлое чувство, какъ ребенокъ къ умершему, большому, прекрасному брату. Можетъ быть, она устарѣла и отстала отъ жизни, летящей какъ лента кинематографа, но она любитъ все простое, искреннее, сложившееся годами.

Она улыбнулась, и въ матовыхъ глазахъ ея блеснулъ смѣхъ.

— Какъ-то зимой былъ у насъ вечеръ «молодыхъ». Представьте, одинъ изъ «будущихъ», здоровый и рослый мужчина вышелъ на сцену съ деревянной ложкой въ петлицѣ. Я спросила сосѣда, только что прочитавшаго докладъ изъ нанизанныхъ странныхъ, холодныхъ и красивыхъ, какъ чешуя, словъ: «Это — ложка, если не ошибаюсь?» — «Ложка», сказалъ онъ. — «Зачѣмъ?» — «А это роза, если не ошибаюсь?» — спросилъ онъ, показывая на цвѣтокъ на моей груди. — «Роза». — «Какая же разница — ложка или роза?! Красота субъективна».

Вошелъ проводникъ и погасилъ одинъ тюльпанъ. Стало темнѣе, мягче и уютнѣе. Черезъ открытое окно сладко запахло смоченной пылью. Захотѣлось говорить еще тише и правдивѣе.

Мужчина придвинулся и заговорилъ, какъ человѣкъ, задѣтый за живое, наболѣвшее:

— Ахъ, Боже мой, вѣдь цѣнно и велико все, что идетъ впередъ, рушитъ старое, какъ бушующая веселая рѣка! Пусть странно, нелѣпо, шершаво, но все новое — молодо, а если талантливо, то прощается и нелѣпое, и странное. Жизнь познается изъ жизни, какъ война понятна только на войнѣ. Надо испытать, пробовать всѣ формы, хвататься за все, пока не найдешь настоящаго...

Онъ замолчалъ, вдругъ потерявъ нужныя слова, и сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Вотъ посмотрите на меня: мнѣ нѣтъ еще тридцати двухъ лѣтъ, а я уже очерствѣлъ, постарѣлъ, запылился и могу только завидовать тѣмъ, кто ошибается, ищетъ, волнуется, куда-то спѣшитъ. Можетъ быть, оттого, что я потерялъ чувствующую и реагирующую часть души, я разучился уже любить чисто, жертвовать и умиляться.

Женщина слушала, прижавшись щекой къ дивану. Онъ поглядѣлъ въ ея внимательные ласковые глаза и сталъ говорить то, о чемъ думалъ неотступно послѣдніе годы, что срослось съ нимъ и начинало давить.

— Вы меня простите, если я грубъ, но съ вами мы никогда, вѣроятно, не встрѣтимся, и оттого, должно быть, что не знаемъ другъ друга, мнѣ хочется позволить себѣ такую рѣдкую роскошь, какъ откровенность съ женщиной. Очень ужъ намолчался я за эти мѣсяцы!.. Знаете, раньше я любилъ въ женщинѣ нѣжнаго, прекраснаго друга, идеалъ материнства, вѣчно женственное, но послѣ многихъ мучительныхъ ошибокъ я понялъ, что вы, женщины, такіе же звѣри, какъ мы, и пересталъ играть Пьеро, потерявшаго свою Коломбину. Я уже привыкъ быть одинъ. Знаю, что нѣтъ въ жизни выдуманнаго замѣчательнаго слова «любовь», и пересталъ каждаго линючаго голубя принимать за Синюю птицу. О любви пишутъ и пишутъ въ романахъ, воспѣваютъ ее въ красивыхъ стихахъ, а отъ книгъ заражаются и болѣютъ этою «любовью», одинъ — почти на ходу, другой — сваливается. Я вѣрю въ привычку, въ страсть, въ желаніе имѣть ребенка отъ той или другой женщины. И вотъ, когда мой туманъ разсѣялся, стало легче жить, потому что я пересталъ обманывать себя и другихъ. Все показалось такимъ простымъ, понятнымъ, но иногда такъ

грустью отъ этой ясности и покоя. Вотъ дѣтей я очень люблю и потому никогда не беру защиты по обвиненію въ обидахъ малолѣтнимъ.

Небо стало зеленѣть, мягко и осторожно двигались пѣнистыя, слабыя облака, похожія на взбитыя сливки. Подуло холодноватымъ предутреннимъ вѣтеркомъ.

— Давайте спать, — сказалъ мужчина, взглянувъ на свои часы. — Ого, какъ поздно! Заговорилъ я васъ, сосѣдка!..

Онъ помогъ ей устроить постель, укрылъ пледомъ, какъ-то по-женски, умѣло и ловко раскладывая вещи, потомъ пошелъ къ двери.

— Не сердитесь на меня, и пусть ангелы вамъ снятся, — сказалъ онъ, обернувшись и улыбаясь блѣдно и расплывчато въ полутьмѣ.

Она промолчала, повернулась лицомъ къ мягкой стѣнкѣ и закрыла глаза. Въ головѣ легко и пріятно шумѣло, сладко ныло въ предчувствіи сна уставшее за день тѣло.

«Какой онъ странный... Должно быть, хорошій... и некрасивый, кажется», успѣла она подумать и вдругъ провалилась куда-то вмѣстѣ съ диваномъ и надоѣдливымъ дребезжащимъ поѣздомъ.

Мужчина вернулся, легъ, но заснуть не могъ, поворочался, поднялъ упавшую книгу и сталъ читать развернувшуюся наудачу страницу.

Взошло неяркое, холодноватое, какъ бы стеклянное солнце. Потянулись бѣлые, похожіе на игрушечные, — малороссійскіе домики.

Проснулась поблѣднѣвшая отъ сна женщина съ больнымъ лицомъ, разбудила дѣвочекъ и начала собираться. Слабыя руки ея не слушались; она заторопилась, растерялась, боясь, что проѣдутъ станцію, а въ синихъ глазахъ ея замерло пугливое, виноватое изумленіе.

Вѣра Николаевна спала, неслышно дыша. Во снѣ лицо ея съ спокойными рѣсницами было еще чище, лучше и нѣжнѣе.

Онъ сталъ думать, какъ ее зовутъ, потомъ вспомнилъ, какъ въ послѣдній разъ его дѣвочка спросила: «Отчего это, когда папа приходитъ, — мама уходитъ?» и велѣла ему поцѣловать жену, и какъ они оба смутились подъ внимательными строгими глазами ребенка. Вспомнились почему-то женщины, которыя любили его; выползли старыя, забытыя тѣни, побѣжали за поѣздомъ, уже не ревнуя и не замѣчая другъ друга. Однѣ ушли и растаяли вмѣстѣ съ умершей ночью; лица другихъ онъ забылъ, и ко всѣмъ былъ

одинаково холодно и отдаленно равнодушенъ. Онъ увидѣлъ свою красивую, умную и благородную жену, которую возненавидѣлъ только за то, что у нея не было недостатковъ.

Онъ глядѣлъ на спящую женщину, и грустное и хорошее чувство плакало въ его душѣ, и отчего-то показался онъ себѣ усталымъ, старымъ, будто живетъ онъ долго-долго, страшно много говоритъ, много ѣздитъ и возвращается все къ старому корыту; и уже забылъ онъ, когда начались эти безконечные ненужные дни и ночи, и кажется, что все это было, было, будто живетъ онъ уже третью, давно знакомую жизнь.

Онъ поднялся, поправилъ сползшій пледъ и укуталъ ноги женщины, потомъ пошелъ въ буфетъ пить кофе.

Весь день они были вмѣстѣ. Что-то приблизило и тянуло ихъ другъ къ другу, — можетъ быть, боязнь, что дорога кончится, разойдутся они, потеряются и не успѣютъ ничего сказать. Хотѣлось говорить все, что думаешь, очистить душу отъ приставшаго сора. Какъ два друга, встрѣтившіеся послѣ долгой томительной разлуки, спѣшили они наговориться за годы молчанія и лжи.

Она разсказывала о своемъ умномъ, солидномъ мужѣ, котораго зоветъ она докторомъ, какъ всѣ знакомые, и голосъ ея звучалъ мягкой, ласковой насмѣшкой. Сонъ она любитъ больше жизни: во снѣ все такъ красиво, легко, радужно, какъ въ дѣтствѣ. А дома у нея большія комнаты съ лѣпными тяжелыми потолками, съ блестящими холодно и лживо зеркалами, отъ потолка до полу, — отъ нихъ не спрячешься, и оттого должно быть, она чувствуетъ себя такой маленькой и одинокой.

Она улыбнулась, повертѣла широкое кольцо и сказала вспоминая:

— По вечерамъ, когда докторъ уѣзжаетъ играть въ карты въ какой-то кружокъ или клубъ, я остаюсь совсѣмъ одна, прихожу въ спальню, гдѣ у меня уголокъ моего кабинета, и иногда пишу письма, которыя никогда не посылаю, — прочту и спрячу ихъ у себя... А мужъ потомъ изумляется: зачѣмъ такъ много покупаю я бумаги? — и дѣлаетъ видъ, что ревнуетъ. Иногда, когда писать некому, я подхожу къ окну и жду, закрывъ глаза, и кажется мнѣ: онъ, кого я жду, сейчасъ придетъ... И сердце замираетъ и слушаетъ... Любите вы слушать тишину?.. Откроешь всѣ двери и прислушиваешься, и вдругъ въ третьей комнатѣ, гдѣ рояль, кто-то идетъ осторожно, подходитъ, касается клавишъ, и звукъ родится и умираетъ, вѣрный, слабый и пугливый... Это глупо, должно быть, что я говорю? — спрашиваетъ она, глядя

ему въ глаза прямо и пытливо, какъ глядятъ дѣти, когда ихъ спрашиваютъ: «А ты правду говоришь?»

Уже прозрачно-блѣдно, по сѣверному, и темнѣетъ медленно, осторожно — собирая тѣни, какъ вдумчивый художникъ. Уже югъ отошелъ далеко, тянутся сѣро-зеленыя поля, убогія станціи, жандармы, стада гусей, босыя бабы и березы, березы... Невеселые, милые русскіе пейзажи...

А имъ кажется, — ѣхать еще долго, и боятся повѣрить, что черезъ три часа — освѣщенный вокзалъ, короткое и страшное «прощайте», и опять потеряются въ огромномъ городѣ они, вчера только нашедшіе другъ друга.

— Если бъ вы знали, какъ грустно мнѣ, что мы встрѣтились!—говоритъ мужчина, гладя ея пальцы.—Какой близкой, родной стали вы мнѣ, другъ мой! Ахъ, Боже мой, если бъ это было хоть шесть-семь лѣтъ назадъ, я похитилъ бы васъ, какъ царевну въ старой сказкѣ, гдѣ все такъ хорошо и счастливо кончается! Я укралъ бы васъ у будней, увезъ далеко и глядѣлъ бы въ ваши милые, грустные глаза. Боже мой, раньше на игру тратились силы, были смѣлыя, нужныя слова, была вѣра, а теперь, когда пришло настоящее, я уже боюсь звать васъ, боюсь тянуться за вами, опутать старой паутиной новую жизнь, вывихнуть вамъ душу... Куда позвать васъ, когда мнѣ всѣ пути безразличны?!

Близко-близко знакомые темные глаза.

— Какъ васъ зовутъ? — вспоминаетъ онъ вдругъ, цѣлуя ея мягкіе похолодѣвшіе пальцы.

Женщина довѣрчиво тянется къ нему и прячетъ голову на груди.

— Я никуда не пошла бы съ вами, голубчикъ! — говоритъ она тихо, и плечи ея дрожатъ отъ толчковъ поѣзда. — Я не умѣю ломать и дѣлать больно. Какъ-нибудь пройдетъ жизнь. Какое грустное у васъ лицо! Вамъ больно? Не надо... Скоро мы пріѣдемъ, я останусь одна и буду думать о васъ и иногда писать вамъ письма... Не надо адреса и фамиліи... Я скажу вамъ: «Милый, если бъ раньше, если бъ по-другому... Если бъ можно было проснуться отъ жизни, какъ отъ ненужнаго сна, — какъ было бы хорошо!..»

* * *

Ночью, на площади, около вокзала, сонно и строго свѣтло; точно во снѣ плетутся экипажи, беззвучно, какъ по воздуху, идутъ люди, расползаясь и пропадая за угломъ.

Холодноватая легкость, печаль и безплотность ранней осени,

казалось, плавала надъ городомъ, и, омывшись, сталъ онъ воздушнѣе, чище, какъ нарисованный ласковой, нѣжной акварелью.

Какой-то человѣкъ прошелъ мимо, заглянулъ въ ихъ лица, вернулся и вопросительно протянулъ аккуратный пучокъ бѣлыхъ и лиловыхъ, ночью черныхъ, астръ, такихъ холодныхъ, сырыхъ и безжизненныхъ. Человѣкъ подождалъ, молча взялъ монету и ушелъ, какъ растаялъ, оставивъ цвѣты, и тотчасъ они забыли его лицо.

— Ну, что же, прощайте! — сказала, не глядя, женщина.

— Да, да, надо прощаться, — говорилъ онъ, цѣлуя ея пальцы, и укололъ лицо объ упругіе жесткіе лепестки.

И вдругъ ему показалось все — и ночь, и ихъ прощанье, и улица — нелѣпымъ, затянувшимся сномъ; захотѣлось разбудить себя, крикнуть, что вотъ сейчасъ, черезъ минуту, онъ потеряетъ самаго близкаго теперь человѣка, умретъ послѣдняя живая полоса его жизни, но онъ молчалъ, глядѣлъ въ ея странно заблестѣвшіе глаза, а потомъ сказалъ стертыя, безкровныя слова, которыя и она, и онъ сейчасъ же забыли.

Онъ позвалъ извозчика, запомнивъ его номеръ: 9149.

— Закутайте горло, не простудитесь, — говорилъ онъ суетливо, шагая у пролетки, снявъ шляпу и забывъ, что съ ней дѣлать.

— Ахъ, да, да... Остановитесь, извозчикъ!.. Что̀ я хотѣла сказать?... — вдругъ вскрикнула женщина, приподнимаясь.

Было бѣлесовато-свѣтло, все казалось расплывчатымъ, шаткимъ и мутнымъ, а ей захотѣлось въ послѣдній разъ разглядѣть его лицо: она забыла вдругъ, какіе у него глаза, губы, волосы, и только сейчасъ поняла, что онъ уходитъ.

— Ахъ, да, я вспомнила! — бормотала она, наклоняясь, вглядываясь и не видя. — Вѣдь вы ни разу еще... Поцѣлуйте меня.

Ей было стыдно равнодушно и терпѣливо ждущаго извозчика, и говорила она срывающимся шопотомъ, чтобъ онъ не разслышалъ.

— Я съ вами доѣду до конца улицы, — сказалъ онъ слабымъ и какимъ-то безвольнымъ голосомъ. — Шагомъ, извозчикъ!

Въ темнотѣ тѣсной неудобной пролетки она прижалась къ нему, толкая плечомъ, задѣвая сползшей колючей шляпой, гладя его лицо, руки, щекоча щеки мокрыми тяжелыми рѣсницами.

— Голубчикъ, голубчикъ мой... — говорила она скоро, скоро, забывъ всѣ ласковыя слова, и все гладила его пальто, плечи, подставляя лицо его торопливымъ, неловкимъ поцѣлуямъ.

— А теперь уходите, — сказала она, вздохнувъ прерывисто и покорно, и отвела его руки.

— Дайте мнѣ на память нѣсколько цвѣтовъ, — попросилъ онъ, незамѣтно воруя послѣднія секунды.

Она стала искать букетъ. Руки ихъ столкнулись.

Онъ опять почувствовалъ кольцо.

— Сейчасъ, сейчасъ... Боже мой, гдѣ же они?.. Я потеряла ваши астры, другъ мой... — говорила, тоскливо оглядываясь, женщина.

И такъ мучительно, до слезъ, до безсильнаго, злого крика, жаль было потерянныхъ печальныхъ цвѣтовъ, своей молодости и зачѣмъ-то родившейся и задушенной сказки...

Ф Ласковая.

СВЯТКИ.

I.

На этотъ разъ они уговорились собраться у начальника станціи Абакумова. Онъ холостяга — живетъ одиноко, а квартиру занимаетъ большую — двѣ комнаты съ кухней, у него можно располагаться просторно, сидѣть до заутрени, а то и вовсе заночевать. Первымъ къ условленному сроку — восьми часамъ вечера явился телеграфистъ Сережа.

Въ натопленной столовой, куда онъ вошелъ прямо съ мороза, — огня не было, царилъ пріятный сухой полумракъ. Туго натянутыя полосы луннаго свѣта падали сквозь замерзшее окно на полъ, къ печкѣ, образуя тамъ лежащій немного наискось бѣлый прямоугольникъ, похожій на раскрытую большую книгу съ матовыми въ крупную клѣтку страницами.

Стояли Святки, полнолуніе и звонкій крещенскій морозъ. И, вѣроятно, поэтому лунный блескъ въ окнѣ показался сегодня Сережѣ особенно таинственнымъ и звучнымъ. Отражаясь отъ пола, онъ легкимъ свѣтящимся газомъ разсѣивался по комнатѣ и, осаживаясь на оштукатуренныхъ стѣнахъ, заставлялъ ихъ фосфорически свѣтиться и чуть слышно гудѣть.

Полюбовавшись лунными причудами, Сережа меланхолически вздохнулъ, подошелъ на цыпочкахъ къ висѣвшей надъ столомъ лампѣ и зажегъ въ ней фитиль.

Комната позеленѣла и перестала звучать, лунная книга на полу замутилась, померкла, предметы уплотнились и заняли свои обычныя мѣста.

Отъ этой перемѣны на Сережу повѣяло скукой. Онъ горестно оглянулся, снялъ со стѣны обшарканную ногтями гитару, опустился въ качалку и, слегка въ ней раскачиваясь, сталъ медленно играть грустный вальсъ «На сопкахъ Манчжуріи».

Онъ былъ молодъ, строенъ, одинокъ и склоненъ къ меланхоліи. Изъ-подъ его щегольской фуражки, когда онъ выходилъ встрѣчать курьерскій поѣздъ, бурно, какъ клубы пара изъ-подъ

крышки, вырывались подвитыя русыя кудри. Онъ видѣлъ такія же у одного проѣзжаго гвардейца, а быть офицеромъ — объ этомъ онъ мечталъ непрестанно и страстно.

— Послѣ Святокъ засяду зубрить въ юнкерское! — подумалъ онъ и, бросивъ вальсъ, перешелъ на энергичную мазурку.

Дверь въ сѣни открылась. Изъ нея хлынула стужа и бѣлымъ свиткомъ развернулась на полу. Въ дверномъ окладѣ, среди клубовъ пара, показалась мохнатая, вся въ куржакѣ фигура, тащившая волокомъ черезъ порогъ огромный запакованный ящикъ.

— Закрывай дверь! Настудишь! — сердито закричалъ Сережа и поднялъ съ полу свои тонкія, зябкія ноги.

Вновь прибывшій не спѣша управился съ ящикомъ, захлопнулъ дымящуюся дверь и, переваливаясь съ боку на бокъ, какъ медвѣдь, сталъ раздѣваться. На немъ, кромѣ повязанной по-бабьи пуховой шали, оказались двѣ шубы, демисезонное модное пальто, а сверхъ пиджака — спортсменская фуфайка. На ногахъ — оленьи «кисы» и глубокія галоши.

Съ каждой снятой одеждой онъ, какъ пасхальное складное яйцо, мѣнялъ свой цвѣтъ, дѣлался подвижнѣе и меньше, а когда всѣ онѣ были, наконецъ, совлечены, — гора родила мышь, огромная туша превратилась въ тщедушнаго Іоську Анцелевича — отставного комми-вояжера, человѣка добрѣйшей души, но весьма невзрачной одесской наружности.

— Замѣчательная сегодня погодка! Холодно немножко, но зато какая роскошь природы... луна... звѣзды... — оживленно заговорилъ онъ, оттаивая волосатыми пальцами примерзшія къ могучимъ чернымъ усамъ ледяныя сосульки.

— А ну-ка, покажи, что привезъ? — дѣловито прервалъ его Сережа.

Вдвоемъ они втащили ящикъ въ столовую и, развязавъ веревки, вскрыли его тупымъ косаремъ.

— Коньякъ... водчонка... столовое... такъ-съ. А пиво гдѣ?

— На днѣ въ рогозѣ! Ѣдемъ это мы мимо озера, а надъ нимъ — паръ, замѣчательно красиво...

— Вынуть надо, а то лопнутъ съ мороза!

Анцелевичъ покорно снимаетъ свой модный табачнаго цвѣта пиджакъ и, бережно повѣсивъ его на спинку стула, принимается за разборку.

Сережа провѣряетъ по списку — все ли куплено, что надо.

За этимъ занятіемъ ихъ засталъ хозяинъ квартиры, сѣдой одутловатый усачъ — бывшій паровозный машинистъ, нынѣ — начальникъ станціи «Песочки».

— За дѣломъ?! Добре! Ужò-ко я вамъ помогу, только вотъ накладныя спрячу!

Съ нимъ вмѣстѣ пришли: собака и дорожный мастеръ Симонычъ.

Собака — черный, весь въ папильоткахъ гордонъ, подошла къ каждому изъ гостей, каждому радушно помахала развѣсистымъ, какъ еловая вѣтка, хвостомъ и исполнивъ долгъ гостепріимства, ушла въ спальню погрѣться.

Тощій, со впалою грудью, бородатый Симонычъ войдя перекрестился и, грѣя спину и руки, всталъ, сгорбившись, къ печкѣ, черный на ея бѣлыхъ, глянцевитыхъ изразцахъ.

Черезъ минуту хозяинъ накрывалъ уже обѣденный столъ, а Сережа съ Анцелевичемъ подавали ему вина и закуски.

Всѣмъ стало весело. Сережа дурачился, танцовалъ съ бутылками, жонглировалъ колбасой и уронилъ ее на полъ. Анцелевичъ обращался съ покупками чрезвычайно осторожно, особенно съ бутылками: онъ бралъ ихъ въ обѣ руки, бережно распеленывалъ, точно младенца, и, повернувъ къ себѣ надписью, радостно объявлялъ: «мальчикъ» или «дѣвòчка». Дѣвочекъ нѣжно цѣловалъ, вытянувъ дудочкой губы.

— Уть ти, моя славная!

Иногда прочитывалъ этикетки:

— Хересъ братьевъ Елисѣевыхъ... основана въ 18.. году! Замѣчательно солидная фирма!

Когда разборка была окончена, то на столѣ, раздѣляя его въ длину пополамъ, стояли неровнымъ частоколомъ свыше двадцати бутылокъ разныхъ формъ, цвѣтовъ и вмѣстимостей. По бокамъ на тарелкахъ лежали накромсанные тупымъ ножомъ куски колбасы, зеленая въ уксусѣ селедка, обложенная, какъ могила — вѣнками, бѣлыми кольцами лука; заливное изъ нельмы съ морковными звѣздочками; соленые рыжики и нѣсколько жестянокъ съ консервами. Среди яствъ блестѣли стаканы, рюмки, груды вилокъ и ножей златоустовской работы.

— Ну-съ, однако, теперь все въ порядкѣ!

Хозяинъ вытеръ о штаны липкія ладони, разгладилъ молодецки сѣдые усы и веселыми глазами оглядѣлъ настольное убранство.

— Цвѣтовъ только не хватаетъ! — пожалѣлъ Сережа.

— И женщинъ! — добавилъ, надѣвая пиджакъ, Анцелевичъ.

Въ комнатѣ стало уютнѣе. Обнаженныя бутылки покрылись съ холода стыдливой отпотѣлостью, изъ открытыхъ горлышекъ струился сладковатый спиртуозный запахъ. Острыя закуски раз-

дражали обоняные и аппетитъ. Теплый свѣтъ лампы сгущался на стеклѣ въ текучіе блики и придавалъ посудѣ и бутылкамъ пріятную округлость и емкость.

Даже застѣнчивый Симонычъ и тотъ глоталъ слюнки и поглядывалъ на столъ съ черной, предвкушающей улыбочкой.

— Зови Агамемнона, пора начинать! — распорядился хозяинъ.

Сережа трижды ударилъ кулакомъ по стѣнѣ.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ учитель желѣзнодорожной школы, высокій, сухожильный, безбородый семинаристъ, съ длинными писательскими волосами, въ суконной, черной блузѣ, препоясанный узкимъ ремешкомъ.

— Was ist dis? — спросилъ онъ, прищуриваясь и засунувъ за поясъ желтые, длинные пальцы, совсѣмъ такъ, какъ Левъ Толстой на портретѣ Рѣпина.

— Слабо, два съ минусомъ! — закричалъ ему весело Сережа.

— Что это у васъ опять пьянство? — продолжалъ горделиво Агамемнонъ. — Зачѣмъ же я вамъ въ данномъ случаѣ?!

— А кто же, батенька, читать будетъ? — отвѣтилъ мягко хозяинъ. — Мы всѣ, Богъ дастъ, перепьемся. Кромѣ васъ — некому, вы только одинъ и есть у насъ такой... Сервантѐсъ!

Польщенный Агамемнонъ сладко потянулся, потеръ лобъ, зѣвнулъ и снисходительно изрекъ:

— Ну, такъ и быть — посижу съ вами. Усталъ писать! Комики вы въ сущности! Благодарный матеріалъ!...

И сѣлъ на предсѣдательское мѣсто за короткой стороной стола, всѣ остальные размѣстились по двумъ длиннымъ.

Торжественно помолчали.

Агамемнонъ откинулъ назадъ волосы.

— До Москвы? — спросилъ онъ, перелистывая желѣзнодорожный указатель съ курчавыми отъ частаго употребленія углами.

— Это ужъ кому какъ Богъ приведетъ! — отозвался Абакумовъ.

— Умру, а буду въ Москвѣ! — воскликнулъ энергично Сережа.

Учитель позвонилъ ножомъ по стакану:

— Въ такомъ разѣ — второй звонокъ! Пассажиры, извольте занять ваши мѣста!

Гости придвинулись поближе къ столу, выбрали себѣ рюмки и протянули ихъ хозяину, а тотъ привычной рукою налилъ въ нихъ изъ хрустальнаго графина, гдѣ плавали апельсиновыя корки, холодную, чуть золотистую водку, и такъ ловко, что надъ ка-

ждой рюмкой вздулась маслянистая подушечка, но ни капли влаги не пролилъ на столъ.

— Третій звонокъ! Поѣздъ трогается!

Анцелевичъ сложилъ лодочкой ладони и свистнулъ — какъ паровозъ.

Всѣ встали и чокнулись.

— Съ отъѣзжающимъ! — провозгласилъ хозяинъ и поклонился гостямъ.

— Дай Богъ счастливо! — отозвался серьезно Симонычъ, переложилъ рюмку въ лѣвую руку, а правой перекрестился въ пустой уголъ.

Крикнули хоромъ «ура», выпили всѣ, кромѣ учителя, и сѣли закусывать.

Агамемнонъ положилъ себѣ на тарелку изрядный кусъ нельмы и работая челюстью вбокъ, по-лошадиному, въ промежуткахъ между кусками читалъ:

— Станція Песочки... до Москвы 4327 верстъ... Станція Устюжино — до Москвы 4309 верстъ... Тулумбашъ — до Москвы 4287 верстъ... Станція Чаръ — чайный буфетъ!

Сидящіе за столомъ придвинули рюмки хозяину, и онъ съ прежнимъ искусствомъ наполнялъ ихъ водкой.

— Станція Тахтарева до Москвы 4230 верстъ... Станція Инженерная... — продолжалъ читать съ разстановкой учитель, пока не дошелъ до буфета. — Перевалъ, буфетъ со спиртными напитками. Поѣздъ стоитъ цванцыгъ минутъ!

Пассажиры снова опорожнили рюмки.

Такъ продолжалось и дальше: на полустанкахъ готовились, на буфетахъ пили и закусывали.

Первую тысячу верстъ поѣздъ двигался медленно и часто останавливался. Пассажиры были голодны и подолгу засиживались надъ закусками. Къ тому же заѣзжали еще и къ знакомымъ: на станціи «Карагачъ» служилъ «матеріальнымъ» братъ Абакумова, — заѣхали къ брату и на радости выпили двойную порцію. Въ «Полдневой» проживала Симочка «симпатія» Сережи, съ которой онъ перестукивался по телеграфу; — выпили за Симочку и другія «утѣхи любви», намекая этимъ на тайный Сережинъ порокъ, о которомъ всѣ знали.

Сережа вспыхнулъ до шеи, но сдержался.

Въ «Налимѣ» происходило скрещенье поѣздовъ, — выпили и за скрещенье.

Красивѣе всѣхъ это дѣлалъ Абакумовъ: онъ бралъ рюмку за ножку двумя пальцами, точно цвѣтокъ, поднималъ ее медленно къ

нижней мягкой губѣ, нюхалъ, а затѣмъ быстро, не шевеля головой, опрокидывалъ подъ усы. Это было изящно и давало ему ощущеніе внезапнаго ожога; онъ втягивалъ воздухъ ноздрями, — ожогъ проходилъ и смѣнялся эѳирнымъ холодкомъ, пріятно щекотавшимъ языкъ, глотку и нёбо. Послѣ водки онъ никогда не закусывалъ.

Симонычъ пилъ по-мужицки, съ широкимъ размахомъ и запрокидываніемъ головы. Выпивши, морщился, сплевывалъ и заѣдалъ круто посоленной коркою чернаго хлѣба.

Сережа пить не умѣлъ: попадалъ не въ то горло, обжигался, но всячески старался не обнаруживать этого.

Хуже всѣхъ приходилось Анцелевичу: онъ водки не любилъ, и тянулъ ее какъ микстуру — глоточками; при этомъ норовилъ сплеснуть или выпить неполную.

— Господа, Іоська ѣдетъ зайцемъ! — доносилъ на него злорадно Сережа, и провинившагося заставляли пить по двойному тарифу.

Съ каждымъ буфетомъ путешественники чувствовали себя все уютнѣе и веселѣе. Они поснимали пиджаки, разстегнули жилеты, а вмѣстѣ съ жилетами распахнулись и души. Голодъ былъ утоленъ. По тѣлу разливалась пріятная теплота, впечатлительность притупилась, зато усиленно работало воображеніе. И вотъ неприбранная холостецкая конура съ пятнами раздавленныхъ по стѣнамъ клоповъ, превратилась незамѣтно въ уютный, гостепріимный салонъ, продавленная, какъ верблюжья спина, кушетка — въ заманчивое ложе нѣги и отдохновенія, табачный дымъ пріятно одурманивалъ голову. Хотѣлось быть изящнымъ, танцовать и безъ удержу смѣяться.

Анцелевича попросили показать фокусы: онъ ловко глоталъ ножи, изображалъ драку кошки съ собакой, угадывалъ задуманныя карты и въ заключеніе, танцовалъ съ Сережей «танго». Въ знакъ благодарности его заставили обманомъ выпить вмѣсто пива — свирѣпый «ершъ», и чуть не умерли отъ хохота, глядя на его остолбенѣвшую фигуру, вытаращенные отъ ужаса глаза, и ротъ, открытый, какъ у задыхающейся рыбы.

Симонычъ смѣялся до слезъ, а когда полѣзъ за платкомъ, то вмѣстѣ съ нимъ вынулъ, невзначай, резиновую дѣтскую соску, и очень сконфузился.

Ему налили вина въ соску и заставили выпить за «новорожденнаго».

— Балагуры, вамъ бы все баловать! — сказалъ онъ, вспотѣвъ отъ смущенія.

Послѣ него дошла очередь до Агамемнона. Трое, подкрав-

шись, сзади схватили его за руки, а Сережа, пользуясь этимъ, старался всунуть ему въ зубы бутылку. Зазвенѣла на столѣ посуда, затрещали стулья, лица борющихся налились кровью.

— Черти! Блузу порвете! — оралъ, барахтаясь, учитель.

Его растянули на полу и влили ему въ глотку добрый стаканъ коньяку.

Послѣ возни захотѣлось отдохнуть; всѣ размѣстились, кому какъ удобнѣе, и стали бесѣдовать.

Темой была, конечно, Москва.

— Что такое Томскъ, развѣ можно сравнивать!? Въ Москвѣ одинъ Мюръ-Мерлизъ чего стоитъ! Это такой замѣчательный магазинъ, что вы можете ходить тамъ цѣлый день и ничего не покупать, никто не запрещаетъ! — ораторствуетъ, сидя верхомъ на стулѣ, раскраснѣвшійся Іоська. — Когда у меня свободное время, я обязательно иду туда и гуляю себѣ сколько угодно. Это же интереснѣй всякаго кинематографа!

— Ну, а въ театрахъ ты бывалъ? Шаляпина, напримѣръ, видѣлъ? — задаетъ вопросы растянувшійся въ качалкѣ Агамемнонъ.

— Сколько угодно! И въ Фаустѣ и въ томъ... какъ его... Риголетто. Замѣчательный голосъ! Меня даже въ уборную къ нему приглашали, познакомиться, но я не пошелъ! Какой смыслъ! Вѣдь онъ — не женщина! А вы знаете, между прочимъ, что онъ-таки еврей, только скрываетъ. Даже въ газетахъ было написано...

— Абсурдъ! — опровергъ авторитетно учитель. — Его біографія общеизвѣстна. Онъ, какъ я, — изъ духовнаго званія.

— Но я же и не спорю! — тотчасъ же согласился разсказчикъ.

— А военныхъ въ Москвѣ много? — спрашиваетъ Сережа.

— Двѣсти тысячъ! — не задумываясь, отвѣчаетъ Іоська. — Всѣ лучшіе полки. Я же — знаю, у меня знакомства, вмѣстѣ въ карты играли. Вечеромъ на Кузнецкомъ только гуляютъ: вояжеры, военные да дѣвочки! Ахъ, какія тамъ дѣвочки! Съ ума сойти!

И онъ, съ простодушіемъ ребенка называя все настоящими именами, восторженно описываетъ всѣ прелести московскихъ «домовъ», ихъ нравы и замѣчательную роскошь обстановки.

— И вы знаете, сколько такая за все беретъ? Всего пять рублей! Это — фактъ! Если не вѣрите, такъ я вамъ могу даже адресъ дать, у меня на всякій случай записанъ!

— Эхъ, елки-палки! — вздыхаетъ Абакумовъ, — вотъ живутъ люди, я понимаю, а мы что здѣсь!? Съѣздить бы туда разо-

чекъ! Эхъ, и кутнулъ бы я тамъ, чортъ его дери! Шутъ съ ними, съ деньгами, зато хотя разъ въ жизни осуществилъ бы себя полностью!

— Ладно у кого онѣ шальныя. Вамъ хорошо — вонъ вы какое жалованье-то огребаете! — замѣтилъ завистливо Симонычъ.

— А тебѣ развѣ не хочется?

— Абы я — холостой! А семейному человѣку это не подходя!

Симонычъ махнулъ рукой и насупился.

Между тѣмъ, поѣздъ, хотя и медленно, но продолжалъ двигаться. Миновали Петропавловскъ, Макушино, Курганъ, приближался Челябинскъ.

Съ курьерскаго — водки, перешли на почтовый — пиво и рябиновую.

Выпито было уже много, и алкоголь давалъ себя знать. Бодрое возбужденіе, вызванное первыми рюмками, улеглось, мускулы ослабѣли, сознаніе затуманилось, все окружающее приняло въ высшей степени неустойчивыя, плохо усвояемыя формы и потому на душѣ стало пусто, ею овладѣла тоска и томленіе. Пропала охота двигаться, думать, разговаривать, чувствовался упадокъ силъ, хотѣлось лечь на спину, заломить горестно руки и, какъ облако, плыть по вѣтру безъ мыслей и воли.

Абакумовъ взялъ гитару. Низко наклонивъ къ ней мясистое, съ пучкомъ волосъ ухо, онъ, то быстро ерзалъ рукою по грифу, то, уперевъ палецъ въ одну точку, мелко трясъ кистью, выдѣлывая чувствительное тремоло.

Слушатели молчали, жадно впитывая меланхолическіе звуки вальса «Сумасшедшаго».

Сережа, закрывъ глаза, мечтаетъ о чемъ-то, лежа на кушеткѣ. Лицо у него розовое, неясное, рѣсницы длинныя, нижняя губа капризно, по-дѣтски, оттопырилась, въ углу рта виситъ потухшая папироска.

У его ногъ, въ позѣ тоскующаго пуделя, свернувшись калачикомъ, притаился Анцелевичъ.

Симонычъ сидитъ за столомъ, низко нагнулся, и каменнымъ ногтемъ упрямо отскабливаетъ отъ клеенки кусочки тонкой гуттаперчи.

Съ каждымъ новымъ колѣномъ вальсъ звучитъ все безотраднѣй, тоскливѣй, терзая души слушателей горечью несбывшихся надеждъ, неисполненныхъ обѣщаній, сознаньемъ своей никчемности, стремительной готовностью сейчасъ же, немедленно, измѣнить все по-новому, и безсиліемъ что-либо сдѣлать. Чѣмъ дальше, тѣмъ

сильнѣе слушателями овладѣваетъ тотъ мучительный душевный голодъ, къ которому такъ склонны неудачливые, обиженные жизнью русскіе люди, особенно, когда они достаточно выпьютъ.

— До Москвы . . . до Москвы . . . — обидной насмѣшкой звучатъ сквозь раскаты вальса меланхолическіе возгласы разомлѣвшаго отъ коньяку Агамемнона.

Анцелевичъ первый не выдерживаетъ и, захвативъ рукою щеку, начинаетъ жалобно, но фальшиво подпѣвать гитарѣ.

— Не скули! — кричитъ ему раздраженно Сережа и, яростно вскочивъ съ кушетки, подбѣгаетъ къ хозяину.

— Абакумычъ, да не томи ты душу — запѣвай!

Нѣжно, какъ на сердце, кладетъ Абакумовъ на струны свою широкую, мягкую ладонь и, успокоивъ ихъ жалобный трепетъ, беретъ минорный аккордъ и негромко запѣваетъ хриповатымъ баритономъ.

Море синее... море бурное...
Вѣтеръ воющій...

— Не-о-о-бузда-анный, — стремительно врывается въ пѣсню высокій теноръ Сережи. Къ Сережѣ присоединяется учитель, къ хозяину — Симонычъ. Анцелевичъ, переходя изъ одного тона въ другой, бороздитъ за ними, вторымъ теноромъ.

Ты звѣзда ль моя, полунощная,
Вы отдайте мнѣ... друга милова!

поютъ они съ жадностью, почти съ остервенѣніемъ, не слушая другъ друга, заботясь прежде всего о томъ, чтобы дать выходъ гнетущему душу томленію, заполнить звуками тоскливую вокругъ себя пустоту. И отъ этого ихъ пѣнье звучитъ дико, нескладно, напоминая больше вой голодной стаи волковъ, чѣмъ стройный человѣческій хоръ.

За первой пѣсней, безъ передышки, слѣдуетъ вторая, третья — всѣ такія же заунывныя, съ надрывомъ, исполняемыя на церковно-панихидный распѣвъ.

И лишь спустя полчаса, когда проходилъ острый припадокъ отчаянья, ихъ голоса начинаютъ постепенно звучать мягче, ровнѣе, ложатся другъ къ другу и пѣсня пріобрѣтаетъ самостоятельное, независимое отъ пѣвцовъ содержаніе.

И тогда они вспоминаютъ снова о выпивкѣ.

Іоську, за полнымъ отсутствіемъ слуха и голоса, изгоняютъ изъ хора и заставляютъ, взамѣнъ Агамемнона, читать расписанье . . .

Настроеніе снова повышается. Съ пѣніемъ проѣзжаютъ Міассъ, Златоустъ, Вязовую, и останавливаются ненадолго въ Уфѣ,

и то только затѣмъ, чтобы послать телеграмму своему начальнику дистанціи:

«Переваливъ Уралъ — плюемъ тебѣ въ рожу!»

Выполнивъ это, усаживаются по мѣстамъ, и съ пѣніемъ: «Быстры, какъ волны», ѣдутъ дальше къ Москвѣ.

Было уже около полуночи, когда путешественники, насытившись до отвалу ѣдой и пѣснями, умиленные тѣломъ и душой, послѣдній разъ сдвинули дружески свои стаканы и, знаменуя половину пути, остановились въ Самарѣ.

— Ну, дружки, довольно! айдате теперь на Волгу-матушку полюбуемся. Эхъ, давно я ея не видалъ! Да и судоходство поддержать не мѣшаетъ, а то воды мало — капитаны жалуются! — сказалъ Абакумовъ и, положивъ на столъ гитару, направился къ дверямъ.

— Андрюшка! чортъ! хорошо ты, діаволъ, поешь, хотя и соціалъ! Дай я тебя обниму! — расчувствовался Сережа. — Хочешь отъ меня клятву принять: пить, братъ, бросаю! Ей Богу! Послѣ святокъ, кончено — сажусь за физику! Вотъ тебѣ мое честное благородное слово!

— Ладно коли-такъ, тогда мы съ тобой обоюдно въ Москву бы двинули!

— И я съ вами! Я вѣдь тамъ какъ дома! все вамъ покажу! — блаженно улыбаясь, предложилъ Анцелевичъ, и всѣ трое въ обнимку двинулись, покачиваясь, въ сѣни.

На дворѣ было морозно и мѣсячно. Сѣни выходили на степь. Изъ нея къ самому дому, низкому и длинному, какъ сарай, строенью, набѣгали мерцающія волны сугробовъ и, ударяясь о стѣну, захлестывали крышу до самой трубы. Отъ крыльца — направо къ станціи, и налѣво — къ кухнѣ, вела узкая, съ высокими валами снѣжная траншея. Возлѣ кухни она была оплескана помоями, изъязвлена собачьими слѣдами, навозомъ и кухоннымъ соромъ.

Выбѣжавшій изъ комнаты гордонъ прежде всего направился туда, обслѣдовалъ уголъ и поднялъ заднюю лапу. Потомъ бросился вправо, бросился влѣво, обнюхалъ помои, дорожку и небо. Ничего новаго! Воздухъ былъ пустъ и рѣзалъ чуткія ноздри. Гордонъ чихнулъ, встряхнулся, словно изъ воды, и затрусилъ обратно въ домъ.

Въ степи, за снѣжными увалами торчали, какъ мачты утонувшихъ въ снѣгу кораблей, нѣсколько колодезныхъ журавлей, скворешниковъ и выше всѣхъ толстый шпиль колокольни. Самаго села за сугробами не было видно. Ни звука, ни огонька, ни печного

дыма, ни даже ночного собачьяго бреха не доносилось оттуда, — глухимъ звѣринымъ сномъ спало селенье.

Направо, около кирпичной станціи, тускло, при лунномъ свѣтѣ, горѣло два круглыхъ, словно замерзшихъ огня, слышался звонкій хрустъ снѣга, — кто-то ходилъ въ сапогахъ по платформѣ.

И, Боже, какой пустынной, послѣ дымной, насиженной комнаты, показалась имъ эта мерцающая мертвымъ сіяньемъ равнина, безъ единаго холма, безъ единаго дерева, испачканная кой-гдѣ облачными пятнами лунныхъ тѣней; — сколько величаваго безразличія къ нимъ, маленькимъ, пьяненькимъ людямъ, было въ сверкающемъ великолѣпіи морознаго неба, съ опаловымъ глазомъ высоко стоящей луны, алмазною розсыпью звѣздъ вокругъ нея, казавшихся отъ луннаго блеска еще болѣе далекими и острыми какъ копья; — и сколько — тоски въ тукло мерцавшемъ надъ сугробами, словно надъ чьей-то огромной мошной, золоченомъ крестѣ низенькой, похилившейся степной церковки.

II.

Продрогшими душой и тѣломъ вернулись въ комнату путешественники. Пожимаясь и потирая руки, они усѣлись за столъ и взялись за бутылки, въ надеждѣ вернуть прежнее тепло и то ощущеніе содружества, которое родилось въ нихъ послѣ долгаго совмѣстнаго пѣнія.

Но что-то въ ихъ душахъ уже измѣнилось. Не уютной, а просто душной и накуренной показалась имъ теперь комната, неопрятная, съ раскиданной по полу мебелью; столъ, съ остатками закусокъ, пустыми бутылками и окурками въ тарелкахъ внушалъ вмѣсто аппетита — отвращеніе, запахъ вина отдавалъ чѣмъ-то кислымъ, какъ въ сыромъ ренсковомъ погребѣ.

Напрасно оказавшійся трезвѣе всѣхъ хозяинъ потчевалъ гостей самодѣльнымъ шампанскимъ, приготовленнымъ изъ коньяку пополамъ съ лимонадомъ, напрасно угрюмый Агамемнонъ замогильнымъ голосомъ на «гласъ седьмый» провозглашалъ названіе станцій, гости исправно пили, исправно чокались, но вся эта затѣя никого больше не увлекала и казалась совсѣмъ неостроумной.

Попробовали пѣть.

Сперва какъ будто пошло ладно, но на третьемъ же куплетѣ расклеилось. Агамемнонъ хотѣлъ, чтобы пѣли «интеллигентно», по-студенчески: «первый тостъ за нашъ народъ», Сережа съ непонятнымъ упорствомъ продолжалъ горланить по-своему: «первымъ счастьемъ будь вино». Поссорившись — замолчали вовсе.

Стало опять тоскливо, и тогда вспомнили о граммофонѣ.

Но едва впавшій въ сантиментальность Іоська выразилъ желаніе послушать «Чайку», какъ Сережа опять началъ противорѣчить и требовать бравурныхъ маршей. Не желая уступать другъ другу, они долго препирались, и кончили тѣмъ, что вступили въ рукопашную.

— Не смѣть драться, а то я всѣмъ морду набью! — вступился Абакумовъ, и давъ обоимъ по хорошей затрещинѣ, поставилъ «пѣсни каторжанъ», чѣмъ окончательно привелъ гостей въ уныніе.

Около Сызрани въ комнату, раскачиваясь на кривыхъ, короткихъ ногахъ, вошла закутанная шалью, похожая на ваньку-встаньку дѣвчонка и, протирая кулачкомъ заспанные глаза, плаксиво сказала:

— Тятенька! Мамка велѣла домой иттить! Непремѣнно чтобы-ча!

Симонычъ обозлился, стукнулъ по столу кулакомъ, и ни съ кѣмъ не простившись, рѣшительно двинулся къ выходу, бормоча:

— Погоди ты у меня... лютра окаянная!...

Безъ него стало еще тягостнѣй. Оставшіеся принялись пить молча, какъ преступники.

Около Бугуруслана Анцелевичъ попросилъ остановить поѣздъ и жалобно сказалъ:

— Пожалуйста, потише, я уже одинъ разъ имѣлъ здѣсь крушеніе!

— Такъ тебѣ пархатому и надо! — отозвался злобно Сережа.

Онъ давно уже чувствовалъ себя неважно, и поэтому злился на всѣхъ. Кромѣ злобы, его томило желаніе дѣлать все наперекоръ другимъ. Онъ нарочно пилъ не тамъ, гдѣ полагалось, ко всѣмъ придирался, лѣзъ пальцами въ банку съ грибами, и кончилъ тѣмъ, что, окончательно возненавидѣвъ Іоську, спихнулъ его со стула и съ крикомъ: «жидъ крушился», облилъ пивомъ его знаменитый зеленый пиджакъ.

— Я те уши надеру, молокососъ! Мотри! — погрозилъ ему хозяинъ.

— Дворянская затычка! — добавилъ Анцелевичъ, вытирая клѣтчатымъ платочкомъ мокрый жилетъ.

Сережу задѣло за живое, онъ вскочилъ, оскалилъ зубы, перекосилъ бѣшено лицо, возненавидѣлъ весь свѣтъ, и не зная на комъ сорвать злобу, изо всей мочи ударилъ бутылкой объ столъ.

— Стой, — заоралъ онъ, размахивая окровавленной рукой. — Поворачивай на Петербургъ. Не хочу я ѣхать въ Москву. Плюю

на всѣхъ! Эй ты, кутейникъ, философъ кислой капусты и соленыхъ огурцовъ, тебѣ говорятъ, поворачивай... Знаю я — всѣ вы тутъ противъ меня — жидамъ продались! Врете! Не на таковскаго напали, я васъ выведу на свѣжую воду! Вотъ только экзамены выдержу... въ гвардію... эполеты... Тогда я васъ тутъ... всѣхъ... соціалистовъ... сейчасъ же... немед-ленно... пере...-стрѣ-ляю!

Онъ вытащилъ вмѣстѣ съ дырявымъ карманомъ зацѣпившійся куркомъ револьверъ, съ которымъ никогда не разставался, и шатаясь направился къ Агамемнону.

Тотъ схватилъ его за руки, и отнялъ оружіе. Сопротивленіе привело Сережу въ бѣшенство, онъ сталъ пронзительно визжать, кусаться и бить ногами, какъ припадочный. Его съ трудомъ связали опояской.

На шумъ выбѣжала съ лаемъ изъ спальни собака, но увидавъ, что всѣ — свои, разочарованно зѣвнула, сѣла на полъ, почесала лапой за болтавшимся ухомъ и поплелась обратно въ спальню, куда, слѣдомъ за ней, внесли изгибавшееся, какъ рыба, тѣло связаннаго Сережи.

Совсѣмъ иными были послѣднія минуты Анцелевича: этотъ угасъ тихо, безъ шуму, какъ ягненокъ. Послѣ ссоры съ Сережей онъ какъ-то сразу ослабъ, обезсилѣлъ и сталъ то и дѣло, поднявъ воротникъ, бѣгать въ сѣни, откуда съ каждымъ разомъ возвращался все блѣднѣе, безпомощнѣй и ниже ростомъ.

— Ты, братъ, куда бы ни ѣхалъ, все въ Ригу попадешь! — пошутилъ надъ нимъ хозяинъ, и доброй души ради, далъ ему мятныхъ лепешекъ:

— Соси, — освѣжаетъ!

Но тщетно несчастный Іоська, шлепая раскисшими губами, сосалъ лепешки, тщетно пилъ воду съ лимономъ, его тошнило все сильнѣе, къ тому же еще разболѣлась и голова. Онъ повязалъ ее мокрымъ полотенцемъ и сталъ похожъ на усатаго, въ чалмѣ турка, того самаго, что бьютъ по головѣ въ балаганахъ, пробуя силу.

Не доѣзжая Пензы, онъ собралъ послѣднія силы и тихо молвилъ:

— Пожалуйста, прошу васъ, когда пріѣдете въ Москву — разбудите меня, я вамъ гостиницу одну укажу — замѣчательно дешево!

Послѣ чего началъ явно склоняться на лѣвую сторону, съеживаться и вскорѣ, уронивъ голову въ чалмѣ на столъ, тихо опочилъ.

Но пролежавъ немного, вдругъ захрапѣлъ зычнымъ басомъ, прерывая храпѣнье визгливой икотой.

Его тоже отнесли въ спальню и положили на полъ рядомъ съ метавшимся во снѣ Сережей.

Въ столовой осталось двое: Абакумовъ и учитель.

— Полагаю, что можно теперь окончить эту пошлую комедію! — произнесъ Агамемнонъ, принимая обычный горделиво-заносчивый тонъ.

— Читай! — приказалъ коротко хозяинъ.

Учитель хотѣлъ было презрительно фыркнуть и уйти, но взглянувъ на собесѣдника, примолкъ: видъ у того былъ рѣшительный.

«Чортъ меня дернулъ связаться съ пьяницами!» — подумалъ Агамемнонъ, но все-таки сѣлъ и взялся за книгу.

Абакумовъ помѣстился противъ него, поставилъ возлѣ себя полную бутылку рома и молча, гдѣ полагалось по расписанію, пилъ, уставясь глазами въ одну точку. И чѣмъ больше пилъ, тѣмъ больше твердѣлъ и напрягался. На опухшемъ лицѣ его рѣзко выступили скулы, костякъ бровей и подбородка; виски и щеки — ввалились, и видно было какъ подъ кожей прыгали мосолки крѣпко стиснутыхъ челюстей. На лбу блестѣлъ потъ. Глаза отъ напряженія вылупились, зрачекъ игралъ, какъ у кошки.

«Что съ нимъ такое?» — подумалъ Агамемнонъ, испуганный такой странной перемѣной.

— Ст. Ивановская, 453 вер.... Столъ — 425... Чаша. Ст. Ряжскъ, 365 верстъ до Москвы... — читалъ онъ, разглядывая хозяина.

— Обожди!

Абакумовъ оставилъ рюмку и налилъ рому въ стаканъ.

«Бѣлая горячка! Убить можетъ!» — мелькнуло въ головѣ учителя и, чувствуя на спинѣ мурашки, онъ замѣтно прибавилъ ходу.

— Хорошо! Курьерскимъ! — похвалилъ Абакумовъ.

И вотъ съ головокружительной быстротой полетѣли мимо нихъ разъѣзды, полустанки, буфеты. Учитель нѣсколько разъ порывался бросить книгу и сбѣжать, но до двери было далеко, кричать безполезно, въ этомъ домѣ кромѣ него и Абакумова никто не жилъ.

«Лучше не раздражать!» — думалъ онъ, поглядывая на Абакумова, поведеніе котораго съ каждой минутой становилось все загадочнѣй.

Абакумовъ пересталъ пить и упорно вперился глазами въ чер-

ную полосу открытой въ спальню двери. Его ухо, обращенное въ ту же сторону, чутко къ чему-то прислушивалось, вытянутая становая жила била лихорадочно, неровно, руками онъ крѣпко держался за стулъ, и вся фигура его выражала крайнюю степень напряженія.

И вдругъ, съ ужасомъ, учитель понялъ, что человѣкъ этотъ, дѣйствительно, куда-то ѣдетъ. Видно было, какъ опытными глазами машиниста, привыкшаго къ движенію, слѣдитъ онъ воображаемые дорожные знаки, версты, шлагбаумы; какъ трясется его тѣло, подбрасываемое на стыкахъ тендеромъ; какъ въ чуткое ухо входитъ шелковый свистъ проносящихся мимо столбовъ, грохотъ мостовъ, и все время остающійся позади желѣзный гулъ поѣзда, который мчится, приближаясь къ Москвѣ...

— Оболенская, 212... Шатъ — разъѣздъ... Присады... Тула... — бормочетъ Агамемнонъ, чувствуя, что и самъ онъ, охваченный какимъ-то гипнозомъ, начинаетъ понемногу заражаться дикими галлюцинаціями... Руки его дрожатъ, сердце колотится, въ глазахъ мелькаютъ надписи, цифры, а вся комната плыветъ мимо него и кружится, какъ степь, если смотрѣть на нее изъ поѣзда.

Еле разбирая буквы, онъ читаетъ все быстрѣе и быстрѣе, но это только ускоряетъ движеніе комнаты.

— Царицыно... Перерва... Люблино... Чесменка... — шепчетъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

— Москва!

Онъ вскакиваетъ и радостно кричитъ:

— Пріѣхали!...

Комната разомъ останавливается, но самъ Агамемнонъ испытываетъ толчокъ и чуть не падаетъ на полъ.

Нѣсколько мгновеній онъ стоитъ, держась за стулъ, потомъ приходитъ въ себя.

— Вставай, довольно дурака валять... — говоритъ онъ, трогая за плечо Абакумова.

— Ас-тавь!... — отвѣчаетъ тотъ, морщится и скрипитъ зубами.

— А ну васъ всѣхъ къ чорту!... — свирѣпѣетъ Агамемнонъ и, хлопнувъ дверью, выбѣгаетъ на воздухъ. Тамъ онъ долго огромными шагами расхаживаетъ около дома и, трагически хватаясь за голову, говоритъ самъ съ собою:

— Нѣтъ, довольно... довольно... Надо уѣзжать... а то тутъ и въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдешь!... Вотъ только допишу трагедію и «мимо, мимо», какъ говорится въ «Фаустѣ».

Послѣ его ухода Абакумовъ долго еще сидитъ истуканомъ,

потомъ, опираясь руками о столъ, съ трудомъ подымаетъ свое грузное тѣло, ощупываетъ ладонями карманы — тутъ ли бумажникъ — и накинувъ мѣховой бешметъ и оленью, съ наушниками шапку, выходитъ изъ дома.

Онъ не былъ еще пьянъ, но испытывалъ рѣдкое и пріятное ощущеніе своей собственной массивности, какъ будто весь былъ изъ тяжелаго камня. Тяжело и преувеличенно прямо ступали негнущіяся ноги, пальцы рукъ набухли, и все — чего онъ касался руками: носъ, усы, пуговицы — было необычайно крупно и твердо. Ступни ногъ не различали неровностей почвы, и потому онъ иногда грузно осѣдалъ на бокъ и вообще, ничто мелкое, мягкое для него болѣе не существовало, онъ могъ думать, ощущать, дѣлать только нѣчто значительное и тяжеловѣсное.

Снѣгъ казался ему твердымъ, какъ сахаръ, и онъ съ наслажденіемъ дробилъ и съ визгомъ растиралъ его своей чугунной пятою. Рядомъ съ нимъ, по высокому борту дорожки, слегка отъ него откачнувшись, двигалась его густая, коротконогая тѣнь, испуская изо рта черное дыханіе. Онъ повернулся къ ней лицомъ и долго, что-то соображая, въ упоръ разглядывалъ ее.

— Какъ медвѣдь! — подумалъ онъ съ сокрушеніемъ, но сейчасъ же добавилъ:

— Зато сила и воля!

Было все такъ же пустынно, морозно и свѣтло. Откуда-то съ путей доносился тотъ, хорошо знакомый Абакумову, звукъ, похожій на плескъ испуганныхъ крыльевъ, съ какимъ паровозъ ударяетъ по вагонамъ, а они, перещелкиваясь буферами, передаютъ ударъ другъ другу, постепенно его ослабляя.

— Уѣду! — рѣшилъ окончательно Абакумовъ и снялъ шапку, подставляя лунѣ свою шарообразную, серебристую, коротко остриженную, голову.

— Вотъ будетъ на линіи скандалъ!

Онъ отрывисто захохоталъ, надѣлъ набекрень шапку и все той же каменной походкой зашагалъ къ вокзалу.

Тамъ, — минуя полутемный, заваленный переселенцами, третій классъ, минуя увѣшанное рекламами и объявленіями багажное отдѣленіе, гдѣ на обитомъ желѣзомъ прилавкѣ спалъ навзничь, поднявъ колѣна, дежурный сторожъ, — онъ вошелъ въ кабинетъ начальника станціи, служившій и конторой и кассой вмѣстѣ. За столомъ, возлѣ керосиновой, съ бѣлымъ пузыремъ лампы, сидѣлъ зеленый, измученный его помощникъ, съ подвязанной щекой и остеклянѣвшими отъ зубной боли и безсонницы, глазами, читалъ «Живописное Обозрѣніе».

— Гдѣ номеръ второй?

— Сейчасъ прибываетъ! Вышелъ изъ Шарыповой! — отвѣтилъ помощникъ, глядя со злобой и завистью на багровое лицо начальника.

Абакумовъ прослѣдовалъ на платформу и твердо, какъ монументъ, всталъ возлѣ рельсъ, засунувъ руки въ карманы бешмета.

Гдѣ-то еще очень далеко, но уже ясно различаемый по морозу — слышался прозрачный шумъ поѣзда. Какъ бы подымаясь по лѣстницѣ, онъ быстро приближался, густѣлъ, наполняясь отдѣльными звуками, среди которыхъ громче другихъ былъ гулъ желѣза и частое постукиваніе, словно въ деревянное ведро сыпали дробь. Еще немного и шумъ принялъ форму темнаго пятна, сперва съ однимъ, потомъ тремя огненными знаками и, разрастаясь, вмѣстѣ съ пятномъ дѣлался все громче, раскатистѣй, пока не завершился, наконецъ, противъ семафора рѣзкимъ, повелительнымъ свистомъ.

Горделиво сверкая огнями, правымъ плечомъ впередъ, ураганомъ промчался мимо Абакумова, обдавъ его жирнымъ теплюмъ, высокій, стоверстный курьерскій паровозъ, вздымая надъ собою на короткомъ толстомъ древкѣ великолѣпное, все въ яблокахъ, побѣдно развѣвающееся знамя бѣлаго пара.

Заныли, зашипѣли тормоза, и съ желѣзнымъ скрежетомъ, сжимая междувагонныя гармоники, остановился обвѣтренный, занесенный инеемъ и сажей, уже нѣсколько тысячъ верстъ промчавшійся поѣздъ.

Но никто изъ него не вышелъ. Окна вагоновъ были темны и слабо окрашены въ зеленый и синій цвѣта; луна отражалась въ стеклахъ, какъ въ прорубяхъ.

Съ высокаго тендера соскочилъ черный, гибкій, похожій на чорта человѣчекъ съ дымнымъ факеломъ и, наклонившись къ краснымъ колесамъ, что-то тамъ дѣлалъ.

Слабо брякнулъ замороженный колоколъ. Помощникъ съ подвязанной щекой, шаркая галошами, затрусилъ къ паровозу — передать пропускной жезлъ.

Въ эту минуту Абакумовъ вступилъ на лѣстницу и смѣло вошелъ въ вагонъ перваго класса. Въ мягкомъ коридорѣ съ занавѣшанными окнами, слабо поблескивали мѣдныя ручки закрытыхъ купе. Съ двухъ концовъ проходъ освѣщался матовыми, затѣненными синимъ шелкомъ полушаріями. Было тепло, благоговѣйно тихо и сладко пахло тѣмъ международнымъ аристократическимъ запахомъ, который образуется только тамъ, гдѣ много цвѣтовъ, нарядныхъ женщинъ, и гдѣ курятъ дорогія сигары.

Абакумовъ отвелъ рукой шелковую штору. Сквозь хрустальное окно, осыпанное рѣдкими морозными звѣздочками, какія бываютъ лишь на толстыхъ зеркальныхъ стеклахъ, виднѣлась пустынная, разграфленная по длинѣ платформа, а за ней, подъ козырькомъ короткой тѣни, — плоскій фасадъ станціи съ красными, точно отъ безсонницы, окнами. Возлѣ колокола, прижимая къ плечу мерзнущее ухо, топтался сторожъ.

«Вотъ вамъ и поѣхалъ? И никакихъ чертей!» — подумалъ вызывающе Абакумовъ.

Но вдругъ занавѣска выскользнула изъ его одеревенѣлыхъ пальцевъ, взвилась вверхъ и громко щелкнула стержнемъ о мѣдную наличину окна. Въ купе, рядомъ, послышалось мычанье, затрещали пружины матраца и кто-то начальственный басисто отхаркнулся и смачно плюнулъ.

Поѣздъ дрогнулъ. Въ сосѣднемъ отдѣленіи загремѣла отодвигаемая на колесикахъ дверь.

Абакумовъ, себя не помня, бросился къ выходу и, поскользнувшись на ступенькахъ вагона, упалъ ничкомъ на платформу. Съ трудомъ поднялся, испуганно оглянулся и увидѣвъ, что одинъ, — солидно отошелъ на средину.

Неохотно, со скрипомъ и стономъ расправляя ноющія сочлененья, вытягиваясь, какъ резиновый, тронулся поѣздъ. Паровозъ зычно ухнулъ, выбросилъ султанъ сѣраго пара, за нимъ второй — пониже, третій и постепенно удлиняя клубящуюся за нимъ волну пара, повлекъ за собой послушные вагоны.

Проходя стрѣлку, онъ озарился изнутри багровымъ свѣтомъ и, фыркая паромъ, какъ бы сметая имъ съ дороги пыль и соръ, — сталъ быстро удаляться, забирая влѣво и снова опускаясь куда-то внизъ, по косогору степи.

Вскорѣ отъ него былъ виденъ лишь красный огонь концевого вагона, который долго и насмѣшливо кивалъ Абакумову, потомъ скрылся и онъ, и осталась опять лишь тусклая снѣжная пустыня, а надъ ней, въ лунномъ морозѣ, широкая дуга клочковатаго пара, похожая на вереницу улетающихъ вдаль большихъ бѣлыхъ птицъ.

Абакумовъ еще долго бродилъ по платформѣ и, нагибаясь, шарилъ по снѣгу руками, разыскивая вырванную съ живьемъ, во время паденія, круглую, стеклянную пуговицу отъ своего желтаго татарскаго бешмета. И что-то ворчалъ.

А у дверей вокзала, повизгивая и поджимая лапы, терпѣливо его дожидался черный гордонъ.

А. Н. Серебровъ.

ХОЗЯИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Предисловіе.

Печатаемый текстъ — это первоначальный набросокъ того произведенія, которое всѣмъ извѣстно подъ названіемъ „Хозяинъ и Работникъ" — сжатый по формѣ, быстрый по своему движенію, цѣльный по мысли и глубокій своимъ удивительнымъ заключеніемъ. При дальнѣйшей обработкѣ онъ дополненъ рядомъ вводныхъ эпизодовъ, отчасти сокращенъ, въ значительной мѣрѣ измѣненъ въ концѣ и въ отношеніи языка усовершенствованъ обычной для Толстого чеканкой словъ. Но эта дальнѣйшая работа надъ разсказомъ не умалила значенія перваго наброска; чрезвычайно важный для исторіи творчества Толстого, онъ драгоцѣненъ и самъ по себѣ увлекательной свѣжестью новизны и силой захвата. Нельзя не прибавить, что, помимо этого, печатаемый текстъ важенъ, какъ воспроизведеніе единственной рукописи разсказа, сплошь написанной рукою Толстого. Она написана въ два пріема въ 1894 г. **В. С.**

Это было въ 70-хъ годахъ, на другой день послѣ зимняго Николина дня. Въ приходѣ былъ праздникъ, и дворнику Василію Андреичу нельзя было отлучиться: надо было быть въ церкви — онъ былъ церковнымъ старостой — надо было принять и угостить родныхъ и гостей. Но вотъ послѣдніе, дальніе гости на другой день уѣхали послѣ обѣда и Василій Андреичъ велѣлъ Никитѣ, старому Никитѣ, Никитѣ Дронову, запречь Мухортаго въ пошевеньки съ тѣмъ, чтобы выѣхать вмѣстѣ съ гостями. Василій Андреичъ торопился ѣхать, потому что слухъ про продажу Пироговской рощи теперь уже разошелся, и Логиновъ, другой дворникъ-купецъ, могъ перебить покупку, а покупка должна была быть особенно выгодная. Продавалась роща на срубъ; продавецъ — молодой, прожившійся баринъ, не знающій толку въ своемъ добрѣ, такъ что рощу можно было надѣяться купить если не за пятую часть, то за треть цѣны. Никита выѣхалъ, Василій Андреичъ вышелъ на крыльцо, заправляя воротникъ тулупа мѣхомъ внутрь.

— Какъ же ты, Вася, одинъ поѣдешь? Видишь — закурило какъ, — сказала жена, выйдя за нимъ въ утоптанныя снѣгомъ сѣни. — Хоть Никиту возьми, все веселѣе ѣхать.

— И на что его!

Василій Андреичъ былъ немного выпивши, красенъ и веселъ, какимъ онъ всегда бывалъ съ первыхъ рюмокъ.

— Право, возьми — дѣлю къ ночи. Все веселѣе — мнѣ думаться не будетъ.

— Слышишь, Никита, хозяйка велитъ ѣхать. Что скажешь?

— Да мнѣ что? ѣхать такъ ѣхать, все одно.

Никита былъ мужикъ изъ дальней деревни, уже лѣтъ за 50, сухой, здоровый старикъ. Онъ всю свою жизнь прожилъ въ людяхъ, подавалъ все въ домъ сначала отцу, а теперь меньшому брату. Теперь онъ ужъ 6-й годъ жилъ у Василія Андреича.

— Коли ѣхать, такъ одѣнься, — сказалъ Василій Андреичъ, глядя на прорванный подмышками и въ спинѣ полушубокъ Никиты.

— Ей, Семка, подержи лошадь! — крикнулъ Никита во дворѣ работнику.

— На что его, я подержу, — сказалъ Василій Андреичъ, сходя съ крыльца. — Ну, поживѣй.

— Однимъ духомъ! — крикнулъ Никита и, выкинувъ изъ саней свои ноги въ подшитыхъ валенкахъ, побѣжалъ рысью во дворъ въ рабочую избу. Никита тоже выпилъ нынче, но уже и выспался послѣ обѣда и выпилъ, какъ всегда, впору, не теряя ума.

— Ну-ка, Арина, халатъ давай, съ хозяиномъ ѣхать, — крикнулъ онъ, входя въ избу и охлопывая съ себя снѣгъ. Баба подала ему суконный домодѣльнаго сукна халатъ, Никита снялъ кушакъ съ гвоздя, втянулъ въ себя брюхо, велѣлъ бабѣ обвести узенькій свалявшій(ся) кушачекъ и затянулся, что было силы, сунулъ рукавицы за поясъ и выбѣжалъ на улицу.

На дворѣ было за навѣсами тихо, но на улицѣ мело и снѣжокъ мелкій и сухой, морозный, косо и ровно сыпался (на) сарай, на крышу, на дорогу, на хомутъ, на сани.

— И не холодно тебѣ будетъ, Никитушка? — сказала хозяйка.

— Вона холодно, тепло вовсе, — отвѣчалъ Никита, садясь на краешекъ и напередъ выпуская одну ногу. Весь гнутый задокъ былъ полонъ Василіемъ Андреичемъ въ его двухъ шубахъ. Никита хотѣлъ взять вожжи, но хозяинъ не далъ ихъ ему. Такъ что Никитѣ осталось только достать кнутъ въ головашкахъ и расправить въ нихъ наложенную подъ сидѣнье свѣжемолоченную овсяную солому.

— Совсѣмъ, что ль? — сказалъ хозяинъ и, не дожидая отвѣта, чмокнулъ, и добрый некрутой, но ладный и сытый гривистый

жеребецъ, — его недавно задешево вымѣнялъ Василій Андреичъ у попа, — съ легкимъ скрипомъ полоза по дорогѣ сдвинулъ санки и бойкой рысцой тронулся по накатанной въ поселкѣ дорогѣ. Снѣгъ не переставалъ падать, и не успѣли они выѣхать изъ домовъ, какъ ужъ и шапки, и рукава, и спины, и хомутъ, и грива, и хвостъ, и сѣделка были уже засыпаны слоемъ мелкаго морознаго снѣга.

Снѣгъ все шелъ такъ же, а вѣтеръ, какъ только они выѣхали на изволокъ, показался сильнѣе. Онъ дулъ имъ въ бокъ, со стороны Никиты, и запахивалъ ему его воротникъ, и давилъ его въ бокъ, и засыпалъ мелкимъ снѣгомъ. Наверху мѣстами совсѣмъ не видно было дороги, но добрый жеребецъ, несмотря на то, что мѣстами снѣгъ ему былъ [кое-гдѣ] выше бабки, не измѣнялъ хода и легко бѣжалъ, изрѣдка пофыркивая и не сбиваясь съ дороги.

Оба ѣздока были возбуждены, веселы и надежны.

— На Карамышево поѣдемъ али проселкомъ? — спросилъ хозяинъ.

— Вали проселкомъ, только тутъ лощинку проѣхать, а тамъ лѣсомъ хорошо будетъ.

Василій Андреичъ такъ и сдѣлалъ и, отъѣхавъ съ полверсты, свернулъ влѣво.

— Хорошо видно, — сказалъ Василій Андреичъ, отвѣчая на свои сомнѣнія и приглядываясь къ полозному кое-гдѣ на половину, а кое-гдѣ и совсѣмъ занесенному снѣгу.

— Какъ же, народу сколько ѣхало отъ праздника. Телѣжинскіе, Никитскіе.

Съ полчаса они ѣхали молча. Никитѣ дремалось. Онъ совсѣмъ было забылся и клюнулъ носомъ. Очнувшись, онъ посмотрѣлъ вокругъ и впередъ себя. Дороги совсѣмъ не было видно, но лошадь бойко бѣжала, казалось, по одному направленію.

— Эхъ, умна лошадь, — сказалъ Никита. — Киргизенокъ, тотъ хоть и крѣпокъ, а глупъ, а этотъ вишь, какъ человѣкъ, умнѣе человѣка другого. Знаетъ, гдѣ дорога.

— Ну, тоже не больно вѣрь ему. Недаромъ пословица: не вѣрь лошади въ полѣ, а женѣ въ домѣ.

— Да, это точно.

— А Миколавна-то, видно, заботилась, что собьешься одинъ съ дороги.

— Извѣстно, женщина.

— Все веселѣе вдвоемъ.

— Извѣстно.

Они проѣхали съ полчаса. Вѣтеръ и снѣгъ все усиливались.

— Вотъ только тутъ не сбиться, а то отъ колодца ужъ не ошибемся, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Доѣдемъ, чего не доѣхать. На такой лошади да не доѣхать. — Чего ты?

Василій Андреичъ что-то сказалъ, но вѣтеръ подхватилъ его слова и отнесъ ихъ такъ, что Никита не разслышалъ.

Василій Андреичъ не отвѣчалъ и заглядывалъ впередъ по дорогѣ. Лошадь шла уже все время выше щетки въ снѣгу. Снѣгу въ этомъ году было мало, въ полѣ не больше, какъ вершковъ на пять, такъ что вездѣ была дорога. Лошадь шла той же рысью, но уже чувствовались ея усилія, она брала рывомъ, и сани подергивались съ каждымъ шагомъ. Подъ шлеей на сытомъ заду снѣгъ таялъ, и шерсть темнѣла отъ пота и тоже и на шеѣ и на бокахъ.

— Влѣво бери, — сказалъ Никита, — вовсе влѣво, ты куда забралъ. Влѣво, говорю. Вѣтеръ мнѣ въ правый бокъ, а теперь прямо въ морду.

Василій Андреичъ взялъ влѣво, но какъ только онъ взялъ влѣво, лошадь осунулась по колѣно и пошла шагомъ. Они проѣхали такъ молча нѣсколько времени; вѣтеръ казался все сильнѣе и сильнѣе и отчаянно трепалъ полу и воротникъ Никиты, снѣгъ сыпался чаще и косѣе, трудно было видѣть.

— Стой, Андреичъ! Мы неладно ѣдемъ. Вовсе неладно. Это что? — сказалъ Никита, указывая на виднѣвшуюся изъ-подъ снѣга межу, поросшую полынемъ, который отчаянно сгибался и махался отъ свистящаго въ немъ вѣтра. — Стой, говорю, — настоятельно крикнулъ Никита. Василій Андреичъ остановилъ лошадь, уже вспотѣвшую и всю тяжело водившую крутыми боками.

— А что? — спросилъ Василій Андреичъ.

— А то, что это полынь по жнивью по Захарьевскому, мы вотъ куда заѣхали.

— Врешь.

— Вотъ те врешь. Кабы мы на Ивановскомъ полѣ были, мы бы на зеленяхъ были. Глянь-ко сюда. — Никита всталъ, взялъ кнутъ и сталъ копать снѣгъ кнутовищемъ и ногой. — Во, глянь — жнива!

— Ну, да все одно, выѣдемъ, только вершину миновать, лѣвѣе брать.

— Извѣстно, выѣдемъ, бери прямо.

Василій Андреичъ послушался и пустилъ лошадь, какъ велѣлъ Никита. Они молча проѣхали еще нѣсколько времени. Впереди сквозь сѣтку косого снѣга, падавшаго сверху и подымавшагося снизу, все пуще и пуще, зачернѣлось что-то.

— Вотъ и лѣсъ Сатинскій, — сказалъ Василій Андреичъ. Никита молчалъ и почмокивалъ языкомъ. Онъ видѣлъ, что это не лѣсъ, видѣлъ потому что вѣтеръ пронесъ оттуда листки не дубовые, а сухіе.

Но онъ ничего не сказалъ. Вдругъ лошадь стала круто спускаться. Василій Андреичъ хотѣлъ остановить.

— Ступай, выѣдемъ! это Машкинъ верхъ, а это не лѣсъ, а ветлы. Гришкино, должно.

Дѣйствительно, лошадь спустилась — въ низочкѣ было потише — и тотчасъ же стала круто подниматься. Только что она поднялась, какъ то, что казалось лѣсомъ, стало передъ самымъ носомъ. Это точно были лозины, голыя съ кое-гдѣ трепавшимися на нихъ листьями, гнувшіяся отъ вѣтра и странно свистѣвшія и гудѣвшія.

— Я говорю, Гришкино. Бери влѣво, по канавѣ. Вотъ и рига видать.

Дѣйствительно, это было Гришкино. Выходило такъ, что они сбились влѣво и проѣхали верстъ 8 не совсѣмъ въ томъ направленіи, (к)акъ имъ нужно было, но все-таки подвинулись къ мѣсту своего назначенія. До Пирогова, куда они ѣхали, оставалось верстъ пять. За ригой они повернули въ проулокъ и выѣхали въ улицу. Въ улицѣ за вѣтромъ было тихо, тепло, дорога была виднешенька и слышались пѣсни дѣвокъ у двора. Въ Гришкинѣ тоже былъ праздникъ.

— Другъ, стой. До тебя слово есть. А, Василій Андреичъ! — окликнулъ встрѣтившійся на улицѣ выпившій мужикъ.

Василій Андреичъ остановился. Мужикъ подошелъ вплоть къ санямъ, снялъ и надѣлъ шапку.

— Куда же это тебя Богъ носитъ?

— Да въ Пирогово было.

— Куда же вы заѣхали-то. Видно сбились. Что же, заходи. Бражки выпей.

— Некогда, братъ Исай, заѣзжать. Надо ѣхать до ночи.

— Чего же тутъ? Поспѣешь. А то ночуй, куда же на ночь глядя ѣхать. Заворачивай, — говорилъ Исай, хватаясь за вожжу.

— Некогда, другой разъ заѣду. А ты вотъ скажи, какъ намъ тутъ не сбиться опять?

— Гдѣ же тутъ сбиться, прямо на Молчановку, какъ выѣдешь на большакъ, сейчасъ влѣво, тутъ и есть Пирогово.

— Поворотъ-то съ большака, гдѣ, по лѣтнему или по зимнему? — спросилъ Никита.

— По зимнему. Сейчасъ, какъ выѣдешь, тутъ и есть.

— Поѣдемъ, что же, до Молчановки все доѣдемъ.

Поѣхали дальше. Въ деревнѣ было тихо, весело. отъ пѣсенъ, по дорогѣ былъ виденъ навозъ и пахло имъ. Но, какъ только выѣхали за околицу, опять засвистѣла буря, понесло снизу и упорно мело съ занесенной снѣгомъ крыши сарая, стоявшаго на выѣздѣ. Лошадь шла еще все бодро и дорога казалась не пропадала, вѣтеръ теперь былъ почти встрѣчь. Поѣхали ровной рысцой и молча ѣхали полчаса, часъ, деревни все не было.

— А вѣдь мы опять видно неладно ѣдемъ, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Извѣстно, неладно. Похоже смеркаться стало, а деревни нѣтъ. Видно сбились, ты напрасно влѣво воротишь, вправо надо, — сказалъ Никита.

— Да онъ все влѣво воротитъ.

— А воротитъ, такъ пущай. Куда-нибудь да выѣдемъ.

Василій Андреичъ пустилъ вожжи и только что онъ пустилъ, какъ лошадь тотчасъ же стала поворачивать; поворачивая, казалось, она совсѣмъ обратно пошла. Вѣтеръ сталъ дуть сзади, казалось теплѣе, стало уже совсѣмъ смеркаться. Не прошло получаса, какъ впереди зачернѣло что-то, постройки ли, деревня и вдругъ сани стали скользить легче и подъ ногами лошади было меньше снѣга. — Очевидно они ѣхали по дорогѣ.

— Тьфу ты! — вдругъ проговорилъ Никита. — Вѣдь это опять Гришкино.

Опять они въѣхали въ улицу, опять стало тише, теплѣе только съ крыши сдуло снѣгъ, была видна дорога, слышались голоса, и въ окнахъ свѣтились привѣтные огни.

— Заворачивай ко двору. Надо спросить толкомъ, — сказалъ Никита.

Василій Андреичъ повернулъ лошадь черезъ сугробъ и остановилъ ее у воротъ. Никита подошелъ къ окну, постучалъ кнутовищемъ.

— Чего! Кто тамъ? — откликнулся голосъ.

— Отложи, выдь-ка на часъ.

Долго говорили тамъ, наконецъ, вышелъ мужикъ въ одной бѣлой праздничной рубахѣ и малый за нимъ въ красной.

— Да вы чьи же будете?

— Василій Андреичъ изъ Микольскаго.

— А, Андреичъ. Заходи, замерзъ, я чай. Петрушка, поди отвори ворота.

— И то, зайти погрѣться нечто.

— Прямо къ самовару, — сказалъ хозяинъ.

Василій Андреичъ начиналъ озябать дорогой, да и лошадь уморилась, а темнѣе ужъ не будетъ. Свѣтлѣе будетъ, мѣсяцъ взойдетъ, да и затихнетъ, можетъ, погода. И Василій Андреичъ пошелъ въ избу, Никита ввелъ лошадь подъ навѣсъ и самъ вошелъ въ избу. Ему хотѣлось не то что погрѣться, но и вовсе ночевать. Дворъ, въ которой они заѣхали, былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ деревнѣ; двѣ избы кирпичныя, шесть лошадей, четыре сына женатыхъ, двое ребятъ. Всѣ жили вмѣстѣ, не дѣлясь, держали четыре надѣла. Часть семьи была уже на полатяхъ и печкѣ, а часть, старикъ и два сына и двѣ снохи, сидѣли за столомъ. Они знали Василія Андреича, продававшаго имъ хлѣбъ и гречу.

— Заходи, заходи.

Василій Андреичъ стряхнулся, раздѣлся и не отказался отъ чая. Пришелъ и Никита, и ему дали чаю. Разсказалъ Василій Андреичъ, какъ они сбились, какъ плутали, подивились хозяева, догадались, гдѣ они сбились, и научили, какъ надо было ѣхать.

—Тутъ до Молчановки малый ребенокъ дойдетъ, только потрафить на поворотѣ съ большака. Кустъ тутъ видать. А вы не доѣхали? — говорилъ бойкій второй молодой хозяйки сынъ въ красной рубахѣ.

— Ночуйте, — сказалъ старикъ.

— Нельзя, дѣло; вотъ бы проводилъ малый до поворота, тогда ужъ доѣдемъ.

— Проводить можно.

— Ну что, Никита, какъ думаешь? — спросилъ Василій Андреичъ.

— Да мнѣ что! Ѣхать, такъ ѣхать. Коли Семка проводитъ до поворота, тамъ ужъ не собьемся, лѣсомъ до самаго мѣста.

Поколебался въ душѣ Василій Андреичъ, но страхъ пропустить выгодную покупку взялъ верхъ надъ страхомъ передъ метелью.

Семка запрягъ розвальни, ворота отворили, вывели Мухортаго, к(оторый) немилосердно ржалъ на Семкину лошадь, выѣхалъ и Семка въ шубѣ и кафтанѣ, стоя на колѣнкахъ въ розвальняхъ. Старикъ хотѣлъ посвѣтить фонаремъ, но фонарь тотчасъ же задуло. Метель и въ деревнѣ даже казалось разыгралась сильнѣе. Но послѣ чая было тепло, бодро, и Василій Андреичъ съ Никитой опять тронулись по той же дорогѣ. Опять тотъ же сарай, съ кот(ораго) ссыпался безконечный снѣгъ, тѣ же шумящія, свистящія и гнущіяся лозины, тотъ же — казалось еще болѣе злой — пронизывающій вѣтеръ и тотъ же снѣгъ сверху и снизу, поднимаемый каждымъ шагомъ лошадей. Но Семка ѣхалъ развалистой

рысцой своего мерина впереди и бодро покрикивалъ. Проѣхали такъ минутъ десять. Семка обернулся и что-то кричалъ. Они не слышали отъ вѣтра. Но Семка остановился, поровнялся съ ними, указалъ на кустикъ и показалъ имъ дорогу влѣво.

— Тутъ не собьетесь, держи только прямо, — сказалъ Семенъ. — Кабы не снѣгъ, лѣсъ видно. Да и то вонъ маячитъ. Ну, съ Богомъ.

Они повернули и поѣхали. Семка съ своими санями тотчасъ же скрылся. Василій Андреичъ оглянулся на него и вдругъ ему стало жутко.

Но бояться, казалось, нечего было: до лѣса было полверсты и долженъ былъ быть сейчасъ виденъ. Но отчего безпокойство нашло на Василія Андреича? Вмѣсто того, чтобы оставить лошадь идти, какъ хочетъ, онъ старательно правилъ ею, и все сбивалъ ее съ дороги. Онъ зналъ, что дороги не видно, но ему все казалось — то оглобли, мотавшіяся передъ нимъ, то гужъ — дорогой и онъ сбивалъ лошадь то вправо, то влѣво. Никита же между тѣмъ, согрѣвшись послѣ чая, съежился такъ, что борода облегла его шею, повѣсилъ голову и совсѣмъ задремалъ. Видитъ онъ во снѣ, какъ Арина бѣлые пироги высадила, а Петрушка ихъ дегтемъ хочетъ мазать, а хозяйка приходитъ, велитъ самоваръ унять. Гудитъ самоваръ такъ, что ужасъ всѣхъ взялъ и нельзя его унять. Залить надо... И хочется Никитѣ залить и боязно, какъ бы не распаялся.

— Микита! — вдругъ разбудилъ его голосъ Василія Андреича и голосъ дрожитъ, точно озябъ. — Микита. А вѣдь мы опять сбились! Совсѣмъ лошадь становится.

Никита открылъ глаза; все тотъ же занавѣсъ снѣга, такъ же свиститъ, рветъ, лошадь мокрая вся и идетъ шагомъ. И ничего не видно.

— Да ты пущай ее!

— Пускалъ уже, она сама кружитъ, какъ бы намъ не...

— Эка ты. Заробѣлъ чего? Давай вожжи. — Никита взялъ вожжи, тронулъ вожжами. Лошадь шла шагомъ.

— Ну, заснула. — Никита досталъ кнутъ. Добрая лошадь рванулась, пошла рысью, но слышно было какъ она пыхтѣла. Вѣтеръ опять сталъ встрѣчь.

— А вонъ они впереди никакъ виднѣются... — сказалъ Василій Андреичъ.

— Чего виднѣется, ничего не виднѣется.

Такъ проѣхали минутъ пять. Вдругъ лошадь круто остановилась и, несмотря на кнутъ, не двигалась впередъ.

— Стой! Надо посмотрѣть.

Никита вышелъ изъ саней и зашелъ къ головѣ лошади и только что хотѣлъ ступить шагъ впереди ея, какъ ноги его поскользнулись, и онъ покатился подъ крутой оврагъ и остановился только врѣзавшись ногами въ нанесенный толстый слой снѣга на днѣ.

— Микита, а Микита! — кричалъ Василій Андреичъ, но голосъ его не слышенъ былъ Никитѣ. Онъ прежде всего отыскалъ кнутъ, к(оторый) онъ выронилъ, а потомъ, найдя его, полѣзъ б(ылю) прямо, но скатился опять и пошелъ искать выхода, гдѣ было не такъ скользко. Онъ вылѣзъ сажени на три отъ лошади и съ трудомъ увидалъ ее. Одно время она ему показалась вправо и онъ чуть было не пошелъ вправо, т. е. прочь отъ лошади. Спасибо Мухорт(ый) заржалъ и онъ услыхалъ, а потомъ увидалъ его. Добравшись съ трудомъ до лошади, онъ сѣлъ въ сани и сталъ высыпать забившійся ему въ сапоги снѣгъ.

— Ну, братъ, Андреичъ, должно, заночуемъ, — сказалъ онъ.

— Вона. Чего же ночевать? Авось доѣдемъ, не въ Пирогово, такъ хоть назадъ вернемся. — Василій Андреичъ начиналъ сильно робѣть, но усиленно храбрился.

— Куда же поѣдешь? — говорилъ Никита, высыпая снѣгъ изъ сапога, к(ото)рымъ онъ похлопывалъ по грядкѣ саней. — Тутъ овражище такое, что только слети туда, ни въ жизнь не выберешься.

— Постой, я погляжу, — сказалъ Василій Андреичъ и вылѣзъ изъ саней и пошелъ вдоль по оврагу. Вездѣ было одинаково круто. — Поворачивай за мной, — крикнулъ онъ. Они поѣхали вдоль оврага, но не проѣхали они 100 шаговъ, какъ и тутъ оказался такой же оврагъ, загораживающій имъ путь.

— Это мы къ рѣкѣ заѣхали, — сказалъ Никита. — Да ужъ говорю, заночуемъ!

— Чего городишь, чего не знаешь? Бери влѣво. И Василій Андреичъ пошелъ назадъ, но—удивительное дѣло—и тутъ оказался такой же сугробъ, въ кот(орый) лошадь сѣла по брюхо. Насилу они выворотили сани и остановились. Мухортый, очевидно, понимая опасность, не переставая, ржалъ. Вѣтеръ поднималъ ему гриву, заворачивалъ хвостъ, подхватывалъ клочки соломы, кот(орая) выбивалась изъ саней, и мгновенно уносилъ ихъ изъ виду. Оба молчали. Ник(ита) ждалъ. Василій Андреичъ боялся ужасно, но не хотѣлъ признаться. Онъ измучился, ходя по снѣгу въ тяжелой одеждѣ, и рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Онъ сѣлъ на снѣгъ за сани и, запахнувшись, попытался закурить папироску. Нѣ-

сколько спичекъ онъ бросилъ; наконецъ, одна освѣтила его бритое съ усами лицо, орлиный носъ и красныя щеки. Папироска загорѣлась, но сейчасъ же ее сорвало вѣтромъ, и она потухла.

— Держи лошадь, — сказалъ Никита, хотя держать теперь лошадь уже не нужно было. Она, очевидно, стала! — и пошелъ прочь отъ саней.

Онъ полазилъ по снѣгу и вернулся.

— Садись, надо въ низокъ, да тамъ и заночуемъ.

Василій Андреичъ повиновался.

— Что же, тамъ затишье, — сказалъ онъ.

Никита взялъ вожжи и ударилъ кнутомъ по мокрому заду Мухортаго. Добрая лошадь изъ послѣднихъ силъ рванулась — прыжокъ, другой, третій и, наконецъ, выбралась на менѣе снѣжное мѣсто и спустилась въ лощину.

— Ложись въ сани, — сказалъ Никита и, подойдя къ головѣ лошади, сталъ разсупонивать его.

Мухортый нюхалъ Никиту и терся объ него храпомъ.

— Ты чего же? — спросилъ Василій Андреичъ.

— Отпрягаю, чего же тамъ! А ты въ сани ложись. Его привяжемъ.

— Эхъ, надѣлали мы дѣла, — сказалъ Василій Андреичъ. — Надо бы ночевать остаться.

— Надо, надо. Развязывай черезсѣдельникъ, а то у меня пальцы зашлись, — говорилъ Ник(ита), дуя въ нихъ.

Василію Андреичу, напротивъ, было жарко. И самъ онъ былъ тученъ и одежда была теплая.

Когда лошадь была распряжена, Никита подвелъ ее къ санямъ. Мухортый схватилъ порывисто пукъ соломы, но тотчасъ же бросилъ, и вѣтеръ унесъ ее.

— Ну, ладно, ложись въ сани, а я за ними лягу, — сказалъ Никита.

— Эхъ, надѣлали дѣла! Ну, да авось Богъ милостивъ. — И Василій Андреичъ полѣзъ въ сани и скрючился тамъ, но ему стало неловко. — Нѣтъ, ужъ видно ты ложись на низъ, а у меня тулупъ, я на тебя лягу.

Не успѣлъ онъ сказать этого, какъ Никита уже повыкидывалъ солому и, скорчившись, лицомъ внизъ, лежалъ внизъ головой подъ сидѣньемъ. Василій Андреичъ легъ (легъ) сверхъ него головой къ задку, и ногами упершись въ головашки.

— Ты солому-то себѣ на ноги положи, да дугой прикрой, — проговорилъ снизу голосъ Никиты, и послѣ этого Никита не сказалъ уже ни одного слова и заснулъ.

Василію Андреичу было сначала жарко, потомъ ему стало продувать лѣвый бокъ, потомъ онъ весь озябъ, хотѣлъ закутаться, но ему не хотѣлось двигаться. Снизу только ему было тепло. На немъ все больше и больше насыпалось снѣгу, онъ чувствовалъ его особенно на воротникѣ. Мухорт(ый) нѣтъ-нѣтъ дергалъ изъ-подъ его ноги солому и ржалъ. Вѣтеръ все также упорно, безостановочно свистѣлъ.

Въ головѣ его проходили воспоминанія сдѣланныхъ дѣлъ и заботы о тѣхъ, к(оторыя) теперь дѣлались. Нагульный скотъ былъ проданъ хорошо, только въ долгъ. Какъ бы не затянуть платежа. Землю снять опять надо во-время, мужики ужъ просили. Только бы эту рощу не упустить, а то деньги безъ дѣла останутся. Опять ржетъ. Старикъ небось заснулъ. Тоже торгуютъ, — вспомнилъ онъ про разсказы зятя. — Если ужъ вести дѣло, такъ вести порядкомъ, два кабака снялъ, а теперь на Сергіевскомъ сниму, тогда можно свой складъ завести. Эхъ, лѣвый бокъ продуло. Да куда дѣнешься. Такъ-то Егоръ сказывалъ, они ночь въ полѣ проночевали. Такъ тѣхъ снѣгомъ засыпало. Въ снѣгу тепло. Тепло, да не больно. По 17 пудовъ въ кругъ валухи вышли, значитъ, по двадцать восемь рублей наживу. Оттого должно холодно, что высоко мѣсто, сдуваетъ. Надо бы перелѣзть. Вишь тотъ чортъ храпитъ подо мной. Извѣстно, праздникъ, нельзя. И онъ вспомнилъ, какъ жена потребовала на расходы. Ну да этихъ бабъ слушать. Эхъ, пробираетъ бокъ. Заснуть надо. И онъ забылся. Долго ли, коротко ли, онъ не зналъ, но вдругъ онъ проснулся. Съ ужасомъ въ сердцѣ. Сердце колотилось такъ, что онъ слышалъ его. Его рванулъ кто-то за тулупъ. Онъ открылъ глаза. Та же бѣлая муть, только свѣтлѣе и страшнѣе, снѣгъ свиститъ въ лицо и рѣжетъ его. И Мухортый стоитъ, дрожитъ всѣми ногами и худой-худой, какъ одеръ, или это не онъ. Гдѣ я? Да и холодно же. Надо встать, а то плохо. Ну, Вася, вставать! Не робѣй. Онъ хотѣлъ сдвинуться, но ноги его не двигались да и не было ногъ, хотѣлъ подняться на руки и рукъ не было, точно онъ отлежалъ ихъ. Хотѣлъ погнуть спину и спины нѣтъ Онъ замеръ, не дышалъ и спрашивалъ себя: что это? Неужели? Онъ рванулся. Но не сдвинулся съ мѣста. А, такъ вотъ это что? сказалъ онъ себѣ. Смерть. За что? Матушки родимыя, за что? Какъ же быковъ-то? И роща? И зачѣмъ быки? Зачѣмъ роща? Милые мои. Что же это? Ему захотѣлось плакать. Онъ не заплакалъ, но ему было нѣжно, умильно. Милые мои голубчики, что же это? И вдругъ ему стало свѣтлю, радостно. Онъ поднялся надъ всѣмъ міромъ. Всѣ эти быки, заботы, показались такъ жалки, ничтожны. Онъ узналъ

себя, узналъ въ себѣ что-то такое высокое, чего онъ въ сорокъ лѣтъ ни разу (не) чувствовалъ (въ) себѣ. Слава Богу и мнѣ тоже, я не пропалъ, подумалъ онъ. А что-то совсѣмъ другое, такое, чего и назвать нельзя, сошло на него и онъ вошелъ въ него и кончилось старое, дурное, жалкое и началось новое, свѣтлое, высокое и важное.

* * *

— Говорилъ я тебѣ, что не руби съ боку, а прежде затеши, а потомъ подрубишь, она и пойдетъ промежъ березъ, а теперь что, — сѣла на сучки, —говорилъ себѣ во снѣ Никита, — и давитъ. Вишь ты, всю поясницу раздавило, какъ льдомъ холодитъ. Такъ въ полуснѣ чувствовалъ и думалъ Никита. Да будетъ, говорилъ онъ какимъ-то товарищамъ, к(оторые) навалили ему на спину холодное дерево. Но дерево все холоднѣе давилю его — и вдругъ стукнулю что-то, и онъ проснулся. — Братцы, гдѣ же я? И онъ вдругъ вспомнилъ все. Холодное дерево — это б(ылъ) хозяинъ, лежавшій на немъ. — Андреичъ, а Андр(еичъ)! — заговорилъ онъ, вылѣзая и поднимая его спиной, но Андр(еичъ) не отзывался, и отъ него, отъ его ногъ, брюха вѣялю холодомъ. Никита рванулся и всталъ. Андреичъ, какъ чурбанъ, отвалился на снѣгъ, кот(орый) нанесло выше саней. Было свѣтлю, снѣгъ мело все также, но сверху какъ будто было меньше, Мухорт(ый) по брюхо въ снѣгу стоялъ все такъ же, глаза выперли и худая шея вытянулась и закостенѣла. Никита вылѣзъ изъ-подъ саней, оглядѣлся и въ 100 саженяхъ увидѣлъ, что чернѣется и пошелъ туда. Это была деревня.

Левъ Толстой.

Стихотворенія И. Райниса.

Переводъ съ латышскаго. *

ТРУДЪ И РАДОСТЬ.

Если побѣдилъ ты, — веселъ будь:
Путь свободный проложилъ твой трудъ

Если побѣжденъ ты, — веселъ будь:
Презрѣнный, въ груди созрѣетъ трудъ.

Если вкругъ все сѣро, — веселъ будь:
Вспыхнетъ въ сердцѣ, ярко-алъ твой трудъ.

Если кѣмъ любимъ ты, — веселъ будь:
Будетъ грѣть тебя нѣжнѣе трудъ.

Если кѣмъ гонимъ ты, — веселъ будь:
Тверже укрѣпитъ тебя твой трудъ.

Что бъ ни стало, всюду — веселъ будь!
Ты, въ движеньи вѣчномъ, самъ — свой трудъ!

---

* *Изъ матеріаловъ „Латышскаго сборника" книгоиздательства „Парусъ".*

НИКОГДА.

Я не увижу никогда,
Я не вдохну твоей прохлады,
Въ часъ отдыха иль въ часъ труда,
Я не увижу никогда
Тебя, мое родное поле!

Мнѣ не почувствовать, хоть разъ,
Ни нѣги утренней прохлады,
Ни зноя въ полдневный часъ...
Мнѣ не почувствовать, хоть разъ,
Тебя, мое родное поле!

Нѣтъ, никогда мнѣ не обнять
Тебя, когда блестятъ Плеяды
Иль жницы точатъ серпъ опять...
Нѣтъ, никогда мнѣ не обнять
Тебя, мое родное поле!

ВОПРОСЫ ДѢВУШКИ.

Скажи мнѣ, милый, милый мой!
Гдѣ взялъ ты столько пестрыхъ словъ?
— Смотрѣлъ я на потокъ людской.

Гдѣ жъ взялъ ты столько яркихъ словъ?
— Смотрѣлъ я на закатъ дневной.

Гдѣ жъ взялъ ты столько мощныхъ словъ?
— Смотрѣлъ я на морской прибой.

Гдѣ жъ взялъ ты столько тихихъ словъ?
— Смотрѣлъ я, что съ моей душой.

Гдѣ жъ взялъ ты столько милыхъ словъ?
— Смотрѣлъ во взоръ твой голубой.

Гдѣ жъ взялъ ты мощь глубокихъ словъ?
— Глубь Смерти взоръ увидѣлъ мой.

Ахъ, милый, милый, милый мой!

СОСНЫ.

Рядъ сосенъ царственныхъ гроза сломила,
На дюнахъ вставшихъ, надъ прибоемъ водъ.
Смотрѣли гордо сосны въ небосводъ.
Склонять стволы имъ нестерпимо было!

„Ты насъ сломила, вражеская сила!
Но мы отмстить сумѣемъ въ свой чередъ.
Нашъ вздохъ послѣднiй о враждѣ поетъ,
И въ каждой вѣткѣ ненависть почила!"

И сосны выплыли, въ просторъ зыбей,
Свободной стаей гордыхъ кораблей,
Ихъ груди смѣло мчатся противъ бури.

И закипаетъ вновь съ грозой борьба:
„Бушуй, безумствуй, грозная Судьба,
Мы все жъ пробьемся къ областямъ лазури!"

УМѢРЕННОМУ.

Ты чтишь свободу, висѣлицу — тоже;
Народу служишь, служишь и вельможѣ;
Всегда быть хочешь осторожнѣй, строже,
Межъ крайнихъ — ищешь средній путь безъ гнѣва:
Зато и бьютъ тебя, какъ справа, такъ и слѣва.

УСПОКОИВШАЯСЯ ВѢТКА.

Сердце, какъ вѣтка, качается,
Съ которой птица слетѣла,
Потомъ замираетъ несмѣло.
Чего же мой духъ дожидается?
Чего?
Кто знаетъ, чего!
Я только знаю: смеркается.

КОРОЛЕВНА.

Въ этотъ грозный день
Кровь лилась фонтаномъ:
Провалились въ землю — замокъ съ королевной.

Въ глубинѣ земли
Прелесть-королевна
Все сидитъ надъ пряжей, шесть столѣтій сряду.

Стѣны тамъ — янтарь,
Полъ — зеленой мѣди,
Сводъ — изъ перламутра, кладка — синей стали.

Прялка — словно громъ
Въ ручкахъ королевны,
Брилліантъ — катушка, нити — волны молній.

Въ креслѣ золотомъ
Все сидитъ надъ пряжей,
Мрачно взоръ пылаетъ, черный песъ — у кресла.

Черный песъ порой
Поднимаетъ морду
И рычитъ, почуя сверху запахъ крови.

Въ нѣкій грозный день
Брызнетъ кровь фонтаномъ:
Въ этотъ день возстанутъ замокъ съ королевной.

Къ пряжѣ новыхъ дней
Сядетъ королевна:
Молніи — основа, а утокъ — снопъ радугъ.

Тканью новыхъ дней,
Солнечнымъ покровомъ,
Всѣхъ тепло одѣнетъ, всѣхъ, рожденныхъ въ скорби.

ДУМЫ ВЕСНОЙ.

Все пало, завяло, зарыто въ землѣ,
Я — гибнущій въ ужасѣ, въ тайнѣ, во мглѣ.

Что дѣлать? сжать губы и жизнь дотянуть,
Пока еще дышетъ усталая грудь.

Что дѣлать? сжать зубы, терпѣть и терпѣть!
И пусть всѣ надежды должны умереть.

Пусть падаютъ руки и силъ уже нѣтъ:
Въ глубинахъ, изъ мрака рождается свѣтъ.

Перевелъ **Валерій Брюсовъ.**

ЕВРЕЙ.

РОМАНЪ.

М. ГОЛЬДШМИДТА*.

„И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ ея; оно будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пяту.“

(Первая книга Моисеева, глава третья, стихъ 15.)

Часть первая.

I.

Что это за шумъ? — спросилъ въ недоумѣніи Филиппъ Бендиксенъ, осторожно отодвигая ставни и растворяя окно. Было раннее лѣтнее утро, на улицѣ царила необычайная суета, мимо его дома пробѣжало нѣсколько человѣкъ. Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы остановить одного изъ пробѣгавшихъ, но тотъ не обратилъ на него вниманія. Крикнуть же Филиппъ Бендиксенъ не рѣшился, боясь разбудить свою жену.

— Какъ будто бьютъ барабаны, — проговорилъ онъ, затворяя окно. — Что могло бы это означать?

---

* Мейеръ-Ааронъ Гольдшмидтъ — датскій писатель средины прошлаго столѣтія. Род. 1819, скончался 1887 г.

Въ исторіи датской литературы Г. занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Его перу принадлежитъ рядъ большихъ романовъ и повѣстей: „Бездомный“, „Воронъ“, „Воспоминаніе о домѣ моего дяди“ и др., но особенной популярностью пользуются его повѣсти, взятыя изъ жизни датскихъ евреевъ.

Помимо своей чисто-художественной дѣятельности Г. извѣстенъ также какъ политическій писатель, въ теченіе ряда лѣтъ издававшій въ Копенгагенѣ нѣсколько общественно-сатирическихъ журналовъ, за что не разъ навлекалъ на себя правительственныя кары.

Печатаемый здѣсь романъ „Еврей“, какъ по серьезности темы, такъ и по высотѣ художественныхъ его достоинствъ, является наиболѣе удачнымъ и значительнымъ изъ произведеній Г. и справедливо считается однимъ изъ классическихъ произведеній датской литературы.

Изъ другихъ произведеній Г. на русскій языкъ переведены нѣсколько его мелкихъ разсказовъ (см. сб. „Фіорды“ т. XII).

Ред.

Онъ потихоньку прошелъ въ лавку, гдѣ его приказчикъ, совсѣмъ еще сонный, но уже одѣтый, возился съ тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ у входной двери, снимая его.

— Поворачивайся живѣе, хамойръ! * Не спи! — сказалъ Филиппъ Бендиксенъ тихимъ, но гнѣвнымъ голосомъ. — Бѣги скорѣе къ моему зятю, узнай, что происходитъ въ городѣ.

Беньяминъ заторопился и, впопыхахъ, выронилъ изъ рукъ желѣзный засовъ, который собирался отнести въ уголъ.

— Чтобъ тебѣ пусто было! — воскликнулъ Филипъ. — Хоть бы ты подумалъ о моей несчастной женѣ! Да поможетъ ей Богъ Израиля!... А ты тутъ шумишь... Слышишь, вотъ она зоветъ! Ты, таки, разбудилъ ее, оксъ! **

— А что съ вашей супругой? — спросилъ Беньяминъ.

— Да я съ минуты на минуту жду, когда придется послать за акушеркой! — отвѣтилъ Филиппъ, возмущенный флегматичностью приказчика. — Понялъ ты, что ли, наконецъ, беймо? ***

Въ одно мгновеніе Беньяминъ отперъ дверь и быстро побѣжалъ наискосокъ черезъ улицу къ дому зятя Бендиксена.

Немного спустя пришелъ зять со своей женой. Онъ бодро вошелъ съ ней въ комнату, гдѣ жена Филиппа сидѣла у стола за кофе.

— Ну, какъ чувствуетъ себя мадамъ? — спросилъ онъ Іетту. — Пожалуйста, будь мужественна сегодня, теперь некогда заниматься пустяками. Испанцы дезертируютъ. Не пугайтесь выстрѣловъ, это не грозитъ опасностью.

— Шма Исроэль! **** Ты до смерти напугалъ ее! — воскликнула сестра Іетты. — Ей дурно! — и она выбѣжала въ дверь, чтобы позвать на помощь служанку.

Филиппъ вывелъ Исаака Бамбергера изъ комнаты.

— Зачѣмъ ты такъ испугалъ ее? — сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Я и не думалъ ее пугать!... Слышишь... опять стрѣльба и барабанный бой. Развѣ не лучше было ее подготовить?

Дѣйствительно, съ улицы донесся громкій барабанный бой, даже окна слегка задрожали. Вслѣдъ за этимъ по улицѣ промаршировали городскіе милиціонеры, челюсти которыхъ тряслись не хуже оконныхъ стеколъ. Время отъ времени раздавались пушеч-

---

* Оселъ.

** Быкъ.

*** Тупица.

**** Слушай Израиль. (Первыя слова стиха „Слушай Израиль, Господь нашъ Богъ — Богъ единый“, — являющагося основной догмой іудаизма. Эти слова благовѣрный еврей произноситъ въ минуты смертельной опасности, или при сильномъ испугѣ).

ные выстрѣлы. Воздухъ наполняли крики людей изъ сосѣднихъ домовъ.

И вдругъ среди всего этого шума и гомона раздался рѣзкій протяжный крикъ изъ спальни. Лицо Исаака Бамбергера стало сразу очень серьезнымъ, и онъ, не говоря ни слова, быстро ушелъ къ себѣ. Филиппъ Бендиксенъ, растерянный и испуганный, бросился сперва въ спальню, но потомъ сейчасъ же выскочилъ оттуда и выбѣжалъ на дворъ. Однако, душа его осталась въ домѣ, тѣло же его двигалось какъ бы само собою. Онъ побѣжалъ въ хлѣвъ къ коровамъ и принялся наполнять кормомъ ясли, потомъ онъ метнулся къ колодцу и сталъ черпать воду. Но вмѣсто того, чтобы отнести ведро, онъ каждый разъ, какъ только оно наполнялось, выливалъ воду въ канаву.

Но вотъ верхняя половина кухонной двери раскрылась, и въ отверстіи появилась акушерка. Она сдѣлала ему знакъ и крикнула:

— Сынъ, господинъ Бендиксенъ! Сынъ! Поздравляю васъ!

Филиппъ Бендиксенъ подбѣжалъ къ ней.

— Сынъ! — воскликнулъ онъ, кладя себѣ руку на голову. — Адоной элогейну! Гебенштъ зей дейнъ номе! * Сынъ! Сынъ!

Съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ онъ побѣжалъ вслѣдъ за акушеркой.

— Позвольте мнѣ пойти и поцѣловать моего сына и его мать.

— Такъ я вамъ и позволила! Нѣтъ, уходите-ка и ждите, — отвѣтила акушерка, запирая передъ нимъ дверь.

— Хорошо, я буду терпѣливъ, — сказалъ онъ, — я подожду. Богъ подарилъ мнѣ сына! Я отецъ сына!

Онъ въ возбужденіи вошелъ въ лавку.

— У моей жены родился сынъ! — крикнулъ онъ, обнимая Беньямина и цѣлуя его.

— Мазолъ тойвъ! ** — отвѣтилъ Беньяминъ.

— Іешаръ-коахъ, рабби Беньоминъ ***, іешаръ-коахъ! — крикнулъ Филиппъ въ неописуемомъ восторгѣ.

— Послушай, Беньяминъ, — сказалъ онъ немного спустя, — сбѣгай-ка сейчасъ же къ рабби Іокуфу, онъ будетъ моэломъ ****. Не забудь сообщить также и Симону Наше и другимъ евреямъ въ городѣ, что у моей жены родился сынъ... Но гдѣ же зять? Ахъ, да, онъ ушелъ. Такъ сбѣгай къ нему и скажи, что онъ можетъ опять придти сюда... Подожди, подожди минутку, Беньяминъ! — крикнулъ онъ, когда Беньяминъ былъ уже на улицѣ. — Вотъ возьми фунтъ кофе и два фунта сахару, да немного рису и крупы,

* Господь Богъ нашъ! Да будетъ благословенно имя твое!

** Поздравляю.

*** Спасибо.

**** Производящій обрядъ обрѣзанія.

и еще вотъ эти деньги, и снеси все это старой Мартѣ. Скажи ей, чтобы она повеселилась немного по случаю того, что у меня родился сынъ... Сынъ! О, у меня сынъ!

Почти съ такой же быстротой, съ какой все это произошло въ домѣ Бендиксена, гражданская милиція освободилась отъ своего страха. Она убѣдилась своими глазами, что испанцы благополучно сѣли на англійскіе корабли, и можно было сомнѣваться только въ одномъ: кто былъ счастливѣе, испанцы или миліціонеры этого маленькаго фіонскаго городка.

Теперь городскіе миліціонеры обрушились на евреевъ. Обрушились они на нихъ за то, что тѣ не присоединились къ ихъ воинственной шайкѣ. За это евреевъ честили подлыми трусами, для которыхъ совершенно непонятно чувство любви къ родинѣ и чувство гражданственности. Нѣсколько маленькихъ группъ, направлявшихся на постоялый дворъ, останавливались передъ еврейскими домами и выражали свое негодованіе громкой руганью.

— Въ сущности, эти люди препотѣшный народъ, — сказалъ Исаакъ Бамбергеръ, когда такая кучка остановилась передъ домомъ Филиппа и послала ему привѣтъ. Онъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ съ иронической улыбкой и продолжалъ: — Они не хотятъ, чтобы евреи служили въ войскахъ въ мирное время, а какъ только начинается смута, они ругаютъ евреевъ за то, что тѣ не служатъ наравнѣ съ ними. Право, мнѣ остается только пойти и выругать свою цѣпную собаку за то, что она всегда сидитъ дома.

— Стоитъ ли обращать вниманіе на нихъ? Пусть ихъ галдятъ! — отвѣтилъ Филиппъ Бендиксенъ, прислушиваясь къ тому, что происходило въ комнатѣ его жены.

* * *

Восемь дней спустя маленькая семья собралась у постели родильницы. Знакомые приходили поздравлять счастливыхъ родителей съ принятіемъ сына въ еврейскую общину. Разумѣется, всѣ восхищались здоровымъ и богатырскимъ видомъ ребенка. Старый рабби Іокуфъ положилъ въ колыбель новорожденнаго хорро — золотую монету, на которой было вырѣзано еврейское благословеніе въ защиту ребенка отъ дурного глаза. При этомъ онъ торжественно произнесъ:

— Пусть онъ будетъ силенъ, какъ Іуда, и богатъ, какъ Ассеръ.

Исаакъ осушилъ рюмку вина и воскликнулъ:

— Да, все это прекрасно! Но я продолжаю утверждать, что въ такое время неблагоразумно было давать жизнь ребенку. Если бы еще мальчикъ былъ христіаниномъ, то этотъ шумъ и грохотъ, при которыхъ онъ родился, означали бы, что онъ будетъ великимъ героемъ. Но въ качествѣ еврея онъ проникнется только еще боль-

шимъ отвращеніемъ къ войнѣ и смутамъ. Боюсь, что сами евреи будутъ называть его трусомъ.

Всѣ засмѣялись, за исключеніемъ матери. Вѣдь у женщинъ романтическій складъ ума, и имъ всегда хочется родить героя. Она только сказала:

— Полно, полно, Исаакъ! Если только мальчикъ будетъ расти у тебя на глазахъ и каждый день будетъ любоваться твоей большой саблей, то, быть можетъ, изъ него и не выйдетъ труса.

— Великолѣпно! — крикнулъ дядя. — Я буду воспитывать его! Ты его только вскорми грудью, потому что въ этомъ я уже никакъ не могу замѣнить тебя, а потомъ пусть онъ поступитъ ко мнѣ въ школу на обученіе.

Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы поближе познакомить читателей съ дядей, пожелавшимъ взять на себя роль Аристотеля при сынѣ фіонскаго еврея Филиппа. Это былъ очень высокій и очень сильный человѣкъ. Про него разсказывали, что однажды, когда два крестьянина затѣяли у него въ лавкѣ драку, онъ поднялъ ихъ обоихъ, и, стукнувъ другъ о друга нѣсколько разъ, вышвырнулъ ихъ за дверь. Несмотря на то, что его ненавидѣли, какъ еврея, и завидовали ему, какъ богатому человѣку, онъ все-таки пользовался уваженіемъ горожанъ и внушалъ имъ нѣкоторый страхъ своей могучей фигурой и своими сѣрыми глазами, которые сверкали задоромъ и сознаніемъ своей силы. Волосы у него были съ просѣдью — ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Въ молодости онъ былъ у себя на родинѣ, въ Германіи, на военной службѣ и сражался съ французами, а затѣмъ послѣ всевозможныхъ приключеній и превратностей судьбы попалъ въ Данію, гдѣ женился и поселился навсегда. Его жена не принесла ему никакого приданаго и, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, онъ впалъ въ крайнюю бѣдность. Позже онъ съ гордостью разсказывалъ, что въ теченіе цѣлой зимы питался со своей женой на два риксдалера — это былъ весь его оборотный капиталъ, которымъ онъ и спекулировалъ. Однажды, возвратясь домой въ пятницу вечеромъ, онъ нашелъ свой домъ сожженнымъ, жена лежала больная, а его единственный ребенокъ умеръ. Онъ справилъ какъ всегда, субботу, похоронилъ въ воскресенье ребенка и снова отправился дѣлать дѣла на свой оборотный капиталъ. Теперь онъ жилъ въ большомъ домѣ, былъ богатымъ человѣкомъ, и любилъ разсказывать о своихъ испытаніяхъ.

Филиппъ Бендиксенъ, счастливый отецъ, былъ тихій незлобивый человѣкъ. Прислуга, которая обыкновенно довольно вѣрно характеризуетъ своихъ господъ, находила только, что хуже всего бывало, когда онъ гнѣвался, потому что тогда онъ долго не приходилъ въ доброе настроеніе. Ходили слухи о томъ, что въ молодости онъ жилъ очень весело и не очень строго придерживался обычаевъ. Но слухи эти были очень неопредѣленные, достовѣрно

извѣстно было только то, что послѣ женитьбы онъ вернулся къ своей религіи, усердно исполнялъ всѣ обряды и строго осуждалъ тѣхъ, кто пренебрегалъ ими.

Поздно вечеромъ послѣ шумнаго дня, Филиппъ Бендиксенъ вошелъ въ свою маленькую спальню. Его жена спокойно *спала* за бѣлымъ пологомъ, еврейская матрона, ухаживавшая за ней по ночамъ, погрузилась въ тихую дремоту въ креслѣ. Ребенокъ спалъ въ своей колыбелькѣ, на которую падалъ дрожащій свѣтъ ночника.

Филиппъ обвелъ взглядомъ эту мирную картину, сердце его наполнилось тихой радостью, онъ покрылъ себѣ голову и произнесъ торжественно:

— Боже Всемогущій! Владыка всего міра! Благодарю Тебя за то, что Ты далъ мнѣ сына, который прочтетъ кадишъ * надъ моей могилой! Если на то воля Твоя, то пусть это свершится скоро! Возьми, если Тебѣ угодно, все счастье, выпавшее на мою долю, и даруй его моему сыну. Я склонюсь во прахъ и благословлю имя Твое, лишь бы онъ былъ счастливъ!

Вотъ какое благословеніе было произнесено надъ колыбелью ребенка, который будетъ героемъ этого повѣствованія.

II.

Когда ребенокъ подросъ, отецъ еще разъ благословилъ его и сказалъ:

— Онъ не будетъ ходить въ школу. Пусть онъ не терпитъ ришесъ ** отъ другихъ мальчиковъ и не учится грубости. Когда онъ достаточно подраститъ, я самъ научу его всему тому, что долженъ знать еврей. А потомъ я пошлю его въ Копенгагенъ.

Больше всѣхъ радовался этому рѣшенію дядя Исаакъ. Онъ считалъ, что теперь можетъ заниматься ребенкомъ, сколько только самъ пожелаетъ. Часто отбиралъ онъ мальчика у матери, уносилъ его къ себѣ домой и тамъ часами игралъ съ нимъ и забавлялъ его. Онъ разсказывалъ мальчику о войнахъ, о храбрыхъ рыцаряхъ и о чужихъ странахъ. Онъ разсказывалъ ему библейскія преданія о еврейскихъ герояхъ. Мальчикъ такъ сроднился съ этими разсказами, что впослѣдствіи, когда онъ выросъ, ему казалось, что онъ родился съ этими сказаніями въ головѣ, а не слышалъ ихъ отъ кого-нибудь и не читалъ о нихъ.

Видя, какъ Исаакъ возится съ ребенкомъ, отецъ говорилъ иногда:

— Ребенокъ слишкомъ много бываетъ съ тобой, Исаакъ. Кончится тѣмъ, что онъ не будетъ знать, кто его отецъ.

---

* Заупокойная молитва

** Мучительство.

— А почему бы мнѣ и не быть его отцомъ? Чѣмъ я хуже тебя? — отвѣчалъ Исаакъ. — Въ моемъ обществѣ онъ становится только умнѣе. Вотъ посмотри, какое у него умное лицо уже теперь.

— А ты дѣйствительно увѣренъ въ томъ, что это твоя заслуга? — спрашивала Іетта лукаво.

— Откуда же у него могло быть такое лицо? — возражалъ дядя. — Вѣдь онъ знаетъ уже наизусть кришму*. А кто его выучилъ этому? Теперь я выучу его и беншенъ**.

— Хорошо, хорошо, Исаакъ, — сдавался отецъ. — Такъ и быть, оставляй его при себѣ, пока ему не минетъ шесть лѣтъ. А потомъ ужъ я возьмусь за него. На мнѣ, какъ на отцѣ, лежитъ обязанность выучить его всему тому, что долженъ знать еврей.

— Вы слишкомъ многому учите его. И разговариваете съ нимъ слишкомъ серьезно, — говорила мать озабоченно. — Мальчику гораздо полезнѣе быть съ дѣтьми и играть и рѣзвиться на чистомъ воздухѣ.

Ребенокъ смотрѣлъ на мать такими глазами, точно понималъ ее, точно она открыла настоящее лѣкарство отъ того гнетущаго томленія, которое покрывало блѣдностью его щеки.

III.

Счастливы вы, если можете сказать: «Это былъ товарищъ моихъ дѣтскихъ игръ!» Отдаете ли вы себѣ ясный отчетъ въ этихъ словахъ? Не говорятъ ли они вамъ о зеленыхъ лугахъ, на которыхъ вы рѣзвились въ беззаботные годы дѣтства, или о небольшомъ дворѣ, на которомъ вы встрѣчались съ сосѣдскими мальчиками, играли съ ними, дрались и плакали? Какъ хотѣлось бы вамъ снова поплакать такими же слезами! Или, быть можетъ, вы вспоминаете комнату во время вечернихъ сумерокъ, гдѣ вамъ приказано было играть потише, чтобы не разбудить дѣдушку, отдыхающаго въ сосѣдней комнатѣ? Навѣрное, вы не забыли также веселыхъ, шумныхъ игръ съ мальчиками-подростками, тѣхъ шалостей и проказъ, за которыя вамъ не разъ приходилось отвѣчать передъ взрослыми... Быть можетъ, вы вспоминаете дѣвочку, для которой вы вмѣстѣ съ вашимъ товарищемъ собирали полевые цвѣты и изъ-за которой вы потомъ поссорились.

Это было въ то время, когда начиналась ваша первая шлифовка, необходимая для того, чтобы вы впослѣдствіи могли приспособиться къ жизни...

Якобъ росъ одинъ. У него не было товарищей по играмъ, потому что въ тѣхъ немногихъ еврейскихъ семьяхъ, которыя

* Молитва передъ сномъ.
** Молитва послѣ трапезы.

жили въ этомъ городѣ, не было дѣтей его возраста. Христіанскія же дѣти всегда дразнили его. Несмотря на то, что его звали Якобомъ, они называли его Моисеемъ, а когда онъ подходилъ къ нимъ, они дѣлали видъ, будто собираются плюнуть на него. Когда они слишкомъ досаждали ему, онъ отходилъ отъ нихъ и издалека съ тоской и завистью смотрѣлъ на ихъ игры. Ему все-таки, несмотря ни на что, хотѣлось быть съ ними. Онъ началъ терпѣть ихъ издѣвательства такъ рано, что ему никогда не приходило въ голову доискиваться причины такого недоброжелательства. Это такъ же мало вызывало его недоумѣніе, какъ то обстоятельство, что онъ родился на свѣтъ Божій и живетъ. Вѣдь онъ родился со всѣмъ этимъ, и онъ думалъ, что такъ это и должно быть.

* * *

Однажды къ Бендиксенамъ пріѣхалъ погостить дядя, братъ фру Бендиксенъ; онъ привезъ съ собой своего маленькаго сына. Мальчикъ тотчасъ же подошелъ къ Якобу, но тотъ смущенно отошелъ отъ него. Когда же пріѣзжій мальчикъ снова сдѣлалъ попытку приблизиться и приласкать его, Якобъ пытливо посмотрѣлъ на него своими большими карими глазами и тихо спросилъ:

— Почему ты не называешь меня жидомъ?

Всѣ присутствующіе были ошеломлены этимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Надъ бѣднымъ мальчикомъ издѣвались, — сказалъ, наконецъ, дядя.

Отецъ подошелъ къ сыну, взялъ его голову въ обѣ свои руки и поцѣловалъ его дрожащими губами. Но дядя не могъ успокоиться, онъ спросилъ:

— Скажи, кто назвалъ тебя жидомъ, Якобъ?

— А мальчики, тамъ на берегу, они меня всегда такъ дразнятъ, — отвѣтилъ ребенокъ.

На слѣдующій день дядя пошелъ вмѣстѣ съ племянникомъ на берегъ. Когда мальчики увидали высокаго, сильнаго мужчину, они, конечно, не посмѣли дразнить Якоба. Однако, Исаакъ Бамбергеръ былъ уже настолько раздраженъ, что не могъ сдерживать себя, онъ схватилъ перваго попавшагося мальчика и швырнулъ его въ кучку его товарищей. Когда Якобъ увидалъ это, то для него вдругъ стало ясно, почему отецъ поцѣловалъ его наканунѣ и почему дядя пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на берегъ. Въ одно мгновеніе въ душѣ ребенка встали всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ перенесъ отъ другихъ дѣтей. Словно выпущенный изъ клѣтки тигръ, бросился онъ на одного мальчика, повалилъ его на землю и вцѣпился въ него. Дядя, принявшій это за обыкновенную драку

сперва поощрилъ его. Однако, когда онъ увидалъ, что Якобъ избилъ христіанскаго мальчика до крови, онъ схватилъ племянника за руку и быстро увелъ его. Только, когда онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, онъ увидалъ, что Якобъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и закусилъ свои посинѣвшія губы; глаза у него точно померкли и сжатые кулаки были полны волосъ съ головы побитаго мальчика. Исаакъ испугался и подумалъ, что Якобъ заболѣлъ. Дома онъ велѣлъ сейчасъ же уложить его въ постель и позвалъ врача. Мальчикъ проспалъ нѣсколько часовъ подрядъ, а потомъ точно очнулся послѣ обморока. Казалось, онъ не сознавалъ и не помнилъ того, что произошло.

Послѣ этого Исааку Бамбергеру пришлось пойти къ бургомистру и давать объясненія по поводу происшедшаго. Ему пришлось понести нѣкоторые расходы, чтобы замять это дѣло и умилостивить родителей пострадавшихъ. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній и непріятностй въ будущемъ, было рѣшено отгородить высокимъ заборомъ землю Филиппа Бендиксена, а главное, ту часть его сада, которая выходила на берегъ.

Вотъ здѣсь и проводилъ теперь свое время Якобъ, отдѣленный отъ всего остальнього міра высокимъ заборомъ. Онъ видѣлъ передъ собой только широкій Бельтъ, по которому время отъ времени скользили парусныя суда. Одинокій и молчаливый гулялъ онъ среди цвѣтовъ и деревьевъ и любовался прекраснымъ моремъ, когда оно ласково улыбалось, грѣясь въ лучахъ яркаго солнца, или когда оно, темное и грозное, приливало широкими волнами къ берегу.

Здѣсь въ уединеніи, онъ создалъ свой собственный міръ, въ которомъ главную роль игралъ тотъ, кто его больше всего интересовалъ: онъ самъ. Когда его бранили или когда ему казалось, что къ нему несправедливы, онъ сейчасъ же удалялся въ свой міръ и сочинялъ исторіи. Онъ самъ былъ въ нихъ героемъ, которому счастье во всемъ благопріятствовало. Мало по малу изъ этихъ исторій слагалось цѣлое повѣствованіе, и каждый новый случай въ жизни Якоба создавалъ новую главу въ этой повѣсти. Немалую роль играли тутъ воспоминанія о мальчикахъ, дразнившихъ его на берегу. Его тянуло къ нимъ, онъ тосковалъ по нимъ, но въ то же время воспоминанія о нихъ вызывали въ немъ непріязненное чувство. Если случалось, что одинъ изъ этихъ мальчиковъ при встрѣчѣ на улицѣ ласково здоровался съ нимъ, Якобъ возвращался къ себѣ въ садъ счастливый и довольный, и мысленно перебиралъ всѣ тѣ сокровища, которыми ему хотѣлось бы одарить мальчика. Потомъ онъ представлялъ себѣ, что этотъ мальчикъ очутился въ опасности и онъ спасъ его, и спасенный выказывалъ ему свою благодарность тѣмъ, что каждый день перелѣзалъ черезъ высокій заборъ,

рискуя упасть въ море и утонуть, чтобы только поиграть съ Якобомъ.

Если же — а это случалось гораздо чаще — какой-нибудь мальчикъ, подмѣтивъ, что Якобъ одинъ и его страшнаго дяди нѣтъ нигдѣ поблизости, разражался руганью, Якобъ возвращался въ садъ печальный и разсказывалъ себѣ слѣдующее:

— И вотъ я поджегъ нивы... Я поймалъ шакаловъ и къ ихъ хвостамъ привязалъ горящіе факелы... Мальчики преслѣдовали меня, старались убить, но я каждый разъ отгонялъ ихъ. Но вотъ однажды я крѣпко заснулъ, они нашли меня и связали. Потомъ они поставили меня въ свой храмъ между двумя столбами, на которыхъ стоялъ храмъ. Они думали, что мнѣ никакъ уже не вырваться отъ нихъ, они бѣгали вокругъ меня и кричали: «Жидъ! Жидъ!» Но вдругъ я обхватилъ руками столбы и потрясъ ихъ... и храмъ обрушился на меня и на нихъ...

По жиламъ Якоба проходила холодная струя, онъ закрывалъ глаза, онъ чувствовалъ, какъ все содрогается вокругъ него, и онъ переживалъ все то, что разсказывалъ самому себѣ. Слезы подступали къ его горлу, ему было больно отъ одной только мысли, что пришлось убить мальчиковъ, такъ ему было жалко ихъ.

Этотъ міръ фантазій все росъ, все расширялся и, наконецъ, сталъ не по силамъ мальчику. Онъ не могъ совладать съ духами, которыхъ самъ же вызвалъ. Въ его головѣ стоялъ туманъ, и только, когда онъ приближался къ тому мѣсту, которое было жилищемъ и родиной его духовъ, туманъ разсѣивался, духи оживали, размахивали крыльями и овладѣвали имъ. Онъ страдалъ, голова его кружилась, нервы трепетали, какъ натянутая струна, и все-таки его неудержимо влекло въ міръ фантазіи и каждый разъ, когда онъ оставался одинъ, онъ шелъ въ отдаленный уголъ сада.

Однажды, когда онъ сидѣлъ тамъ съ закрытыми глазами и жуткое чувство пронизывало его тѣло, къ нему подошелъ отецъ. Въ этотъ день въ лавкѣ почти не было покупателей, да и въ домѣ не нашлось никакого дѣла для этого всегда трудолюбиваго человѣка.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — спросилъ онъ сына.

Якобъ вздрогнулъ и отвѣтилъ:

— Ничего.

— Давно тебѣ пора выучиться чему-нибудь серьезному, — сказалъ Филиппъ. — Твой дядя только и дѣлаетъ, что набиваетъ твою голову всякими побасенками. Пойдемъ-ка со мной, мы начнемъ учить алефбейсъ *.

Какъ-то инстинктивно Якобъ почувствовалъ, что у отца онъ найдетъ надежную защиту противъ ужасныхъ образовъ, создавае-

* Азбука.

цессъ Вульфу Менделю. Онъ страшно исхудалъ, и видно было, что его точитъ неизлѣчимая болѣзнь. Однако, сегодня его голубые, обыкновенно такіе тусклые глаза, горѣли затаеннымъ огнемъ и на впалыхъ щекахъ пылали красныя пятна.

Казалось, будто въ него вселилось безуміе при одной только мысли о томъ, что месть, казавшаяся ему до сихъ поръ такой неосуществимой, была такъ близка. Онъ бѣгалъ по богадѣльнѣ, какъ-то странно размахивая руками и вообще проявлялъ крайнее волненіе. Онъ подбѣгалъ то къ одному, то къ другому, хваталъ за рукавъ и шепталъ:

— Король велѣлъ избить завтра всѣхъ евреевъ! ..... Нѣтъ, ты послушай только: завтра мы будемъ грабить богатыхъ евреевъ и убивать ихъ.... Ты видѣлъ приказъ короля? Онъ велѣлъ убить всѣхъ евреевъ. Приходи завтра съ цѣпомъ и вилами, мы будемъ убивать евреевъ и грабить ихъ...

Онъ побѣжалъ на рыночную площадь и тамъ нашептывалъ то же самое крестьянамъ.

— Да неужто это правда? — спросилъ одинъ крестьянинъ. — А впрочемъ, мы сегодня весь день только и слышимъ объ этомъ. Что же, коли король приказалъ, такъ надо слушаться.

— Да, пріѣзжай завтра, какъ всегда. А вечеромъ, когда стемнѣетъ, мы начнемъ избивать евреевъ.

— Что это за человѣкъ? — спросилъ одинъ крестьянинъ.

— Да это Іенсенъ, который прежде былъ купцомъ, — отвѣтилъ другой. — Онъ человѣкъ умный. Онъ все знаетъ. Въ Копенгагенѣ уже расправились съ евреями. А завтра настанетъ нашъ чередъ поживиться ихъ деньгами.

Іенсенъ бѣгалъ по рынку до тѣхъ поръ, пока крестьяне не разъѣхались.

Съ рынка онъ бросился домой. Проходя мимо жилищъ евреевъ, онъ останавливался и кричалъ:

— Вотъ подождите до завтра!

Вечеромъ онъ сидѣлъ со своей женой въ ихъ ...

— Завтра мнѣ, наконецъ, удастся расква...
фомъ Менделемъ, — сказалъ онъ. — Я зналъ, ...
мнѣ умереть, пока мое желаніе не сбудетс...
даже надо было совершить чудо.

— Давай Богъ! — проговорила его ...
уложилъ въ могилу нашихъ обоихъ мал...
отъ лишеній, — и она заплакала.

— Завтра! — повторилъ Іенсенъ. ...
достью умру. Я знаю, что и ты скор...
правда ли, мать?

Жена ничего не отвѣтила и тольк...

— Два года видѣлъ я тебя въ эт...

жена ходитъ въ шелку и бархатѣ. Но завтра, завтра мы расквитаемся съ тобой, Вульфъ Мендель!

— Но вѣдь онъ предлагалъ тебѣ уладить это дѣло, — неувѣренно замѣтила жена, движимая чувствомъ справедливости, которое въ женщинахъ часто бываетъ гораздо болѣе развито, чѣмъ у мужчинъ.

— Да, но онъ отлично зналъ, что я не могу уплатить. Развѣ я могъ заплатить ему послѣ всѣхъ неудачъ, сыпавшихся на мою голову? А что значили для такого богача какіе-нибудь двѣсти талеровъ? Для меня это было все! Они стоили мнѣ здоровья, счастья и двоихъ дѣтей! Да, Вульфъ Мендель, это были дорогія деньги! Но завтра мы подведемъ итоги.

— Споемъ псаломъ, жена, — сказалъ онъ немного спустя. — Давно уже мы не пѣли съ тобой вдвоемъ.

Онъ взялъ молитвенникъ, открылъ его и запѣлъ первый попавшійся ему на глаза псаломъ. Изъ маленькой каморки доносилось пѣніе супруговъ:

„Къ могилѣ, знаю, я иду
И съ жизнью разстаюсь,
Покорно дня и часа жду, —
Я смерти не боюсь...

Но вотъ голоса замолкли и въ большомъ, неуютномъ зданіи наступила жуткая тишина.

* * *

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, Исаакъ Бамбергеръ пришелъ къ Филиппу Бендиксену.

— Филиппъ Бендиксенъ! — сказалъ онъ очень серьезно. — Мы много лѣтъ жили съ тобой, какъ братья. Если хочешь, какъ и я того хочу, то мы будемъ стоять другъ за друга до са-

тая его за руку. — Жалкія слова не помогутъ. Защищай своего сына, а не плачь о немъ.

— Ахъ, Исаакъ! — простоналъ Филиппъ, — ты не знаешь, что значитъ защищать свое дитя. Развѣ не страшно, что каждый ударъ, нанесенный обидчикамъ, падетъ вдвойнѣ на голову ребенка?

Исаакъ незамѣтно смахнулъ съ глаза слезу и ушелъ къ себѣ.

* * *

Никогда еще продавцы не продавали такъ неохотно и никогда покупатели не покупали такъ усердно. Евреи надѣялись, что они отдѣлаются отъ крестьянъ и выпроводятъ ихъ изъ своихъ лавокъ, непомѣрно взвинтивъ цѣны, но крестьяне молча платили то, что съ нихъ требовали, и только смотрѣли на деньги, исчезавшія въ ящикѣ, съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣли сказать: «Ничего, вечеромъ наши денежки вернутся къ намъ».

По всему городу разгуливали крестьяне, казавшіеся особенно веселыми и оживленными, однако, ничто не указывало на то, что къ вечеру была уже подготовлена катастрофа. Крестьяне считали, что евреи уже въ ихъ рукахъ, и играли съ ними, какъ кошка съ мышью. А евреи съ радостью готовы были бы превратиться въ мышей, чтобы только заползти въ какую-нибудь нору.

Когда начало смеркаться, евреи заперли лавки, а крестьяне собрались на рыночной площади. Призрѣваемые въ богадѣльнѣ, приказчики и подмастерья присоединились къ нимъ, и послѣ этого галдящая и шумящая толпа двинулась къ дому Вульфа Менделя.

Мертвая тишина, царившая въ этомъ домѣ, заставила толпу на мгновеніе остановиться. Но такъ какъ нигдѣ не видно было никакихъ признаковъ сопротивленія, то толпа взломала двери и ворвалась въ лавку. Въ одно мгновеніе полки и ящики были опустошены и товары были свалены въ заранѣе приготовленные мѣшки. Неутомимый Іенсенъ, взявшій на себя роль предводителя банды, повелъ всѣхъ во внутреннее помѣщеніе. Когда была взломана дверь въ послѣднюю комнату, толпа увидѣла Вульфа Менделя, заслонявшаго собою свою жену, взрослую дочь и сундукъ съ деньгами. Женщины были блѣдны, какъ полотно, и едва держались на ногахъ. Вульфъ Мендель дрожалъ всѣмъ тѣломъ, но къ страху его примѣшивалась бѣшеная злоба на тѣхъ, кто посягали на его сундукъ съ деньгами. Все произошло затѣмъ въ гораздо болѣе короткій промежутокъ времени, чѣмъ это требуется, чтобы описать. Два врага стояли другъ передъ другомъ.

Не издавъ ни единаго звука, они ринулись другъ на друга. Здоровый кулакъ Вульфа Менделя поразилъ больную грудь его врага, а тотъ въ это же мгновеніе изо всѣхъ силъ ударилъ Вульфа Менделя дубиной по головѣ. И оба врага, словно неразлучные друзья, повалились другъ возлѣ друга.

Эта сцена подѣйствовала на крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ бросились къ Іенсену, а другіе подняли Вульфа Менделя и вынесли его, а также и лишившихся чувствъ женщинъ, изъ дому. Всѣхъ троихъ отнесли къ Симону Наше, жившему тутъ же рядомъ. Дверь его дома также взломали, но его уже не громили, — казалось, будто первыя жертвы сдѣлали этотъ домъ неприкосновеннымъ. Толпа двинулась дальше.

Слѣдующій домъ былъ Филиппа Бендиксена. Его дверь тоже была взломана, и по мѣрѣ того, какъ толпа постепенно переходила изъ одной комнаты въ другую, повсюду взламывая двери, семья Бендиксена пряталась все глубже и, наконецъ, нашла убѣжище въ подвалѣ, куда было уже заранѣе снесено все наиболѣе цѣнное изъ имущества. Погромщики слышали, какъ захлопнулась дверь подвала, и остановились въ нерѣшительности, боясь идти по темному подземному коридору.

— Я знаю дорогу! — крикнулъ одинъ крестьянинъ, ставшій во главѣ толпы, — я служилъ въ этомъ домѣ.

Всѣ двинулись за нимъ, но вскорѣ остановились передъ поворотомъ.

— Идите спокойно за мной! — крикнулъ опять крестьянинъ, бросаясь впередъ.

Тѣ, кто слѣдовали непосредственно за нимъ, увидали вдругъ, какъ что-то смутно сверкнуло въ воздухѣ, затѣмъ послышался заглушенный вой, и вслѣдъ за тѣмъ крестьянинъ бросился назадъ съ громкими криками.

— Что случилось? — спрашивали его въ тревогѣ изъ толпы.

— Тамъ сидитъ еврейскій богъ! — крикнулъ крестьянинъ, обезумѣвшій отъ страха и боли. — Развѣ вы не замѣтили тамъ маленькаго, чернаго... Вонъ, вонъ онъ!

Охваченный паническимъ ужасомъ, онъ ринулся къ выходу изъ подвала, и всѣ бросились за нимъ.

Наверху въ комнатахъ они натолкнулись на бургомистра. Онъ былъ въ мундирѣ и съ неизмѣнной палкой, съ нимъ были его два полицейскихъ, которые, во всякомъ случаѣ, могли играть роль статистовъ.

— Что вы тутъ дѣлали? — крикнулъ онъ гнѣвно первымъ попавшимся ему навстрѣчу.

Никто не отвѣтилъ ему.

— А съ тобой что? — спросилъ онъ, истекающаго кровью крестьянина, который, шатаясь, пробирался мимо него. — Я поймалъ тебя на мѣстѣ преступленія. Именемъ короля я арестую тебя!

Онъ положилъ руку на плечо раненаго, но тотъ отъ страха и потери крови упалъ на полъ.

Слова «именемъ короля» ошеломили крестьянъ.

— Именемъ короля, — повторилъ бургомистръ грозно,

— приказываю вамъ немедленно разойтись по домамъ. Тѣ, кто останется здѣсь, понесутъ наказаніе, какъ бунтовщики и преступники. Поняли вы меня?

Крестьяне стали тихо пробираться вонъ изъ дому, бросая набитые мѣшки.

Между тѣмъ семья Бендиксена въ неописуемомъ страхѣ прислушивалась къ шуму народа и въ тихой молитвѣ благодарила Бога, когда шумъ затихъ и толпа оставила ихъ домъ.

— Якобъ! Гдѣ ты? — крикнула, наконецъ, мать, шаря въ темнотѣ руками. — Гдѣ ты, Якобъ? — крикнула она опять черезъ нѣсколько времени. — Гдѣ мой мальчикъ? Вѣдь я пропустила его передъ собой въ подвалъ? Гдѣ онъ? Якобъ, гдѣ ты? — кричала она съ возраставшей тревогой.

— Должно быть, онъ заползъ въ уголъ, — замѣтилъ дядя. — Можетъ быть, онъ потерялъ сознаніе отъ страха.

Всѣ стали шарить въ углахъ, но мальчика не нашли.

— Шма Исроэль! Христіане нашли его и утащили съ собой! — воскликнула мать въ неописуемомъ отчаяніи. — Они убиваютъ моего ребенка! Потому они и притихли.

— Такъ выходи же, Исаакъ, и сдержи свое обѣщаніе! — крикнулъ Филиппъ Бендиксенъ. Онъ распахнулъ дверь подвала и бросился впередъ съ топоромъ въ рукахъ.

— Отецъ! — раздалось тихо въ коридорѣ.

— Якобъ! О, Боже! Это ты! — воскликнулъ отецъ, роняя топоръ.

Мальчикъ сидѣлъ у поворота на камнѣ и держалъ въ рукѣ небольшой кинжалъ, обагренный кровью до самой рукоятки. При слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ въ коридоръ, отецъ и дядя увидали мертвенно-блѣдное лицо мальчика и окровавленное оружіе. Они сейчасъ же догадались о томъ, что произошло.

Со смѣшаннымъ чувствомъ страха и восхищенія отецъ склонился надъ ребенкомъ, потерявшимъ сознаніе у него на рукахъ.

— Теперь между нимъ и христіанами кровь, — проговорилъ тихо дядя Исаакъ.

* * *

Бургомистръ спустился въ подвалъ, разыскивая спрятавшуюся семью, и торжественно ввелъ всѣхъ въ комнаты. Онъ взялъ на руки мальчика, который все еще находился въ безсознательномъ состояніи, и осторожно положилъ его на диванъ, браня служанокъ за то, что онѣ не достаточно скоро принесли подушки и одѣяла. Послѣ этого онъ отвелъ въ сторону Исаака Бамбергера и сказалъ, многозначительно посмотрѣвъ на него:

— Тамъ въ подвалѣ одного крестьянина ранили ножомъ. Мнѣ безразлично, кто это сдѣлалъ, потому что крестьянинъ понесъ за-

служенное наказаніе. Я засталъ его на мѣстѣ преступленія... Конечно, это не вы сдѣлали, господинъ Бамбергеръ?

Исаакъ нашелъ за лучшее молчаньемъ подтвердить слова бургомистра. Было бы хуже, если бы его объясненія вызвали разслѣдованіе дѣла.

Бургомистръ обратился къ собравшимся съ слѣдующими словами:

— Завтра вы откроете ваши лавки, какъ всегда. Я отвѣчаю вамъ за то, что никто не раскается въ этомъ. Успокойтесь же, мадамъ Бамбергеръ, да и вы также, милая мадамъ Бендиксенъ. Надѣюсь, мальчикъ скоро поправится. Спокойной ночи. — Онъ пожалъ руку мужчинамъ и вышелъ.

Однако, мысли всѣхъ были заняты совсѣмъ другимъ, чѣмъ это предполагалъ бургомистръ. Всѣ молчали, но въ то же время чувствовали, что не могутъ еще разстаться другъ съ другомъ. Случилось нѣчто такое, о чемъ они не смѣли говорить, но каждый изъ нихъ сознавалъ, что другіе думаютъ только объ этомъ. Это была тайна, не только отъ другихъ людей, но для нихъ самихъ также. Казалось, будто они боялись приподнять завѣсу, боялись увидать больше. Они точно страшились, что тайна обнаружится, лишь только они заговорятъ объ ней, молчаніе же похоронитъ ее.

Когда ребенокъ открылъ глаза, мать спросила, не хочетъ ли онъ чего-нибудь поѣсть. Мальчикъ отвѣтилъ утвердительно и съ жадностью набросился на принесенную ѣду. Остальные посмотрѣли другъ на друга съ облегченіемъ, и немного спустя всѣ разошлись на покой.

VI.

Волненіе на морѣ послѣ бури не сразу успокаивается. Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ страсти улеглись, и въ городѣ воцарилось былое спокойствіе. Въ евреяхъ долго еще спустя послѣ погрома каждое христіанское лицо пробуждало воспоминанія о пережитомъ ужасѣ. Что же касается христіанъ, то наиболѣе образованные изъ нихъ, принимавшіе участіе въ погромѣ, втайнѣ стыдились, встрѣчаясь съ евреями, а потомъ досадовали на самихъ себя за то, что испытали чувство стыда изъ-за какого-то еврея. Простолюдины же и, главнымъ образомъ, тѣ, кто должны были евреямъ деньги, тотчасъ же послѣ погрома пришли къ нимъ, и каждый изъ нихъ самымъ искреннимъ образомъ и съ самыми заискивающимъ выраженіемъ на лицѣ увѣрялъ, что онъ-то ужъ ничего не имѣетъ общаго съ погромщиками.

Правда, на свѣтѣ гораздо меньше притворства, чѣмъ это можно заключить по романамъ, но все-таки больше, чѣмъ мы думаемъ, судя по обыденной жизни. Люди съ явной печатью пошлости или глупости на лицѣ прекрасно умѣютъ скрывать ту или иную коварную мысль, возникшую въ ихъ мозгу. Какое равно-

душіе .могутъ выражать эти лица, когда благоразуміе подсказываетъ, что невыгодно проявлять участіе, и какъ ласково они улыбаются врагу, когда сознаютъ, что онъ сильнѣе ихъ. И вообще сколько комедій разыгрываемъ мы другъ передъ другомъ, почти не замѣчая этого и безъ малѣйшаго насилія надъ собой! И развѣ есть хоть одна семья, въ которой не скрывалась бы хоть одна маленькая тайна, а иногда и очень большая? . . .

Прошелъ еще одинъ годъ въ обычной тишинѣ. И вотъ однажды, въ субботнее утро лѣтомъ 182* года Якобъ объ руку съ отцомъ шелъ по улицѣ, направляясь въ синагогу. И отецъ, и сынъ были въ праздничныхъ одеждахъ. Якобъ въ первый разъ въ жизни въ сюртукѣ, цилиндрѣ и жабо. Въ этотъ день онъ праздновалъ свое бармицво. Это была первая изъ субботъ послѣ того, какъ ему минуло тринадцать лѣтъ, и по случаю этого состоялось торжество принятія его въ еврейскую общину, какъ взрослаго.

Въ синагогѣ оройнъ хакойдешъ * былъ задернутъ новой шелковой занавѣсью, подаренной Филиппомъ. На шулхонѣ ** стояли двѣ толстыя восковыя свѣчи, всѣ люстры были зажжены, и собравшіеся въ синагогѣ были разодѣты по праздничному.

Отецъ и сынъ благоговѣйно склонились передъ оройнъ хакойдешомъ, затѣмъ отецъ вынулъ совсѣмъ новый таллисъ, сотканный изъ тончайшей шерсти, съ пурпуровымъ бордюромъ и широкой золотой полосой и возложилъ его на плечи сына. Послѣ этого оба заняли молча свои мѣста и стали тихо повторять слова молитвы, читаемыя канторомъ.

Настала торжественная минута чтенія торы. Съ громкимъ пѣніемъ приблизились предназначенные для этого служители къ оройнъ хакойдешу, раздвинули занавѣсъ и вынули тору подъ громкія молитвы присутствующихъ. Если бы это видѣлъ непосвященный, непонимающій этой церемоніи, то онъ могъ бы подумать, что канторъ покушается на кражу, а остальные громкими криками предостерегаютъ его отъ этого.

При гробовомъ молчаніи собравшихся канторъ развернулъ тору и положилъ ее на шулхонъ. Онъ началъ читать то, что приходилось на этотъ день, и затѣмъ вызвалъ семерыхъ изъ среды молящихся, и тѣ, по очереди, прочли по стиху изъ торы. Наконецъ, канторъ протянулъ впередъ серебряный посохъ и воскликнулъ: «Яаамойдъ рабби Яйнкефъ, бенъ рабби Пфейвосъ!» (Подойди, господинъ Якобъ, сынъ господина Филиппа!) Отецъ произнесъ шопотомъ благословеніе, но не тронулся съ мѣста, потому что юноша долженъ одинъ и самостоятельно принять посвященіе. Дрожа отъ волненія, какого онъ никогда позже не испытывалъ даже на экзаменахъ, съ подгибающимися колѣнями, Якобъ прошелъ че-

---

* Кивотъ, въ которомъ хранятся свитки торы.
** Аналой, на которомъ читаютъ тору.

резъ толпу евреевъ и взошелъ на ступени. Онъ прикоснулся, какъ его этому заранѣе научили, цицисами * своего таллиса къ торѣ, поцѣловалъ ихъ и затѣмъ произнесъ нараспѣвъ, какъ этого требуетъ обрядъ, слѣдующій возгласъ: «Благословенъ Господь Богъ, Владыка всего міра, даровавшій намъ блаженство среди всѣхъ народовъ и давшій намъ законъ!» Послѣ этого онъ приступилъ къ ритмическому чтенію выбраннаго наудачу стиха торы. Строгіе, неумолимые судьи стояли и слушали его, и онъ зналъ, что отъ ихъ вниманія не ускользнетъ ни малѣйшая ошибка, которую онъ могъ бы сдѣлать.

У евреевъ есть повѣрье, что стихъ, который юноша читаетъ въ этотъ день, содержитъ въ себѣ пророчество на всю его жизнь. Якобъ прочелъ:

— «И сказалъ Господь Богъ змѣю: за то, что ты сдѣлалъ это, проклятъ ты предъ всѣми скотами и предъ всѣми звѣрями полевыми; ты будешь ходить на чревѣ твоемъ, и будешь ѣсть прахъ во всѣ дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ ея; оно будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пяту».

Прикоснувшись еще разъ цицисами къ торѣ, поцѣловавъ ихъ и произнеся благословеніе, Якобъ обернулся, чтобы сойти со ступенекъ. Въ своемъ смущеніи онъ ошибся и хотѣлъ идти въ ту же сторону, откуда пришелъ (а по церемоніалу этого нельзя дѣлать), но канторъ взялъ его за руку и направилъ, куда слѣдовало. Собравшіеся опустили глаза, какъ бы не желая обращать вниманія на это маленькое недоразумѣніе, и когда Якобъ спустился съ послѣдней ступеньки, онъ былъ встрѣченъ громкими поздравленіями отца и всѣхъ присутствующихъ. Старый рабби Іокубъ ущипнулъ его за щеку и сказалъ:

— Э кошеръ юнгельхе **. — Потомъ онъ прибавилъ тихо, молитвенно поднимая глаза къ небу: — Фюръ ди гутенъ киндеръ Исроэль золль Готтъ шоймаръ мазолъ зейнъ! ***

По окончаніи богослуженія всѣ присутствующіе были приглашены въ домъ Филиппа Бендиксена на парадный обѣдъ.

Якобъ былъ въ такомъ волненіи, что едва сознавалъ, какъ онъ дошелъ до дому. Но позже онъ съ поразительной ясностью вспоминалъ этотъ день, онъ помнилъ лица всѣхъ любопытныхъ, которыя выглядывали изъ оконъ, когда онъ въ сопровожденіи отца и гостей возвращался домой. Онъ помнилъ, какъ былъ одѣтъ каждый изъ присутствовавшихъ въ синагогѣ, ему казалось даже, что онъ съ точностью могъ бы сказать, какой длины былъ нагаръ на высокихъ, тускло мерцавшихъ восковыхъ свѣчахъ, которыхъ

---

* Кисти изъ шерстяныхъ нитокъ.

** Чистый юноша.

*** Пусть Богъ бережетъ хорошихъ дѣтей Израиля.

онъ какъ будто даже не замѣтилъ, пока находился въ синагогѣ. И. хотя позже его сердце не разъ сильно билось отъ чувства гордости, хотя бывали такія минуты, когда страсть и блаженное чувство большого счастья заставляли его кровь переливаться въ жилахъ огненной струей, все-таки ни одинъ день не сохранилъ въ его памяти такого волшебнаго блеска, какъ этотъ.

Послѣ обѣда, когда гости разошлись, отецъ и дядя сидѣли въ креслахъ и отдыхали послѣ волненій. Якобъ стоялъ у окна возлѣ кресла матери и молча смотрѣлъ на улицу. Наконецъ, отецъ какъ бы съ трудомъ оторвался отъ своихъ думъ и необыкновенно ласковымъ голосомъ позвалъ Якоба:

— Подойди ко мнѣ, дорогой сынъ. Мнѣ надо поговорить съ тобой.

Якобъ подошелъ къ отцу, тотъ нѣжно взялъ его голову обѣими руками и сказалъ:

— Мой сынъ, теперь ты сталъ человѣкомъ, евреемъ. Ты болѣе уже не вѣтвь на моемъ стволѣ, ты самъ — дерево.

— Нечего сказать, хорошо дерево! — пошутилъ дядя, показывая рукой на локоть отъ земли.

Отецъ продолжалъ:

— Когда былъ день моего бармицво, мать сказала мнѣ: «Иди и снискивай себѣ пропитаніе самъ». Ну, а я, мой Якобъ, буду дѣлить съ тобой все, пока у меня хоть что-нибудь есть.

— Чего онъ только не придумаетъ! — воскликнулъ весело дядя. — Пусть-ка отецъ попробуетъ сказать: «Иди, снискивай себѣ пропитаніе самъ». Но вѣдь я-то все-таки останусь.

Глаза Якоба останавливались то на веселомъ лицѣ дяди, то на серьезномъ и ласковомъ лицѣ отца, и ему хотѣлось въ одно и то же время плакать и смѣяться. Чѣмъ больше шутилъ дядя, тѣмъ больше на него дѣйствовали вдумчивыя и любовныя слова отца. Горло его стянула судорога, у него на душѣ было такъ невыразимо хорошо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ грустно. Въ эту минуту къ нему подошла мать и обняла его. Это молчаливое увѣреніе въ томъ, что и она также всегда будетъ любить его, разрѣшило нервное напряженіе мальчика, и онъ разразился слезами.

Дядя вытаращилъ на него глаза.

— Что случилось съ мальчикомъ? Ужъ не боленъ ли онъ? Кто разстроилъ его? Ужъ не я ли, Якобъ? — воскликнулъ онъ, хватая мальчика за руку.

— Нѣтъ, дядя, — отвѣтилъ Якобъ, стараясь удерживаться отъ слезъ. — Но ты такъ странно шутишь.

— Какъ вамъ это нравится?—проговорилъ Исаакъ съ раздраженіемъ. — Я не хотѣлъ, чтобы съ мальчикомъ говорили торжественно и наводили на него грустныя мысли, а потому я и шутилъ. А онъ расплакался, потому что я шутилъ! Слава Богу, что мы скоро отдѣлаемся отъ него!

Тутъ Якобъ залился слезами пуще прежняго.

Отецъ, сильно растроганный, молчалъ нѣсколько мгновенiй, потомъ сказалъ:

— Полно, Якобъ, перестань плакать! Не будь ребенкомъ, ты вѣдь сегодня сталъ взрослымъ, а потому я считаю своимъ долгомъ говорить съ тобой серьезно. Черезъ нѣсколько дней ты покидаешь родной домъ, въ которомъ я заботился о тебѣ и воспитывалъ тебя, какъ подобаетъ воспитывать правовѣрнаго еврея. Когда настанетъ день суда, можешь ли ты засвидѣтельствовать это передъ Господомъ, Якобъ?

— Да, — отвѣтилъ мальчикъ, рыдая.

Отецъ продолжалъ:

— Прежде, чѣмъ ты покинешь меня, я дамъ тебѣ нѣсколько хорошихъ совѣтовъ. Не оставайся глухимъ къ словамъ твоего отца.

Якобъ вытеръ глаза и устремилъ на отца внимательный взоръ. Отецъ притянулъ его ближе къ себѣ и продолжалъ:

— Душа моя страшится за тебя. Дай Богъ, чтобы ты никогда не уклонялся на ложный путь, когда ты отойдешь отъ меня!

Сохрани добрыя поученiя, полученныя тобою отъ отца, матери и дяди. Они исходили отъ добраго сердца и цѣлью ихъ было твое благополучiе.

Христiане выучатъ тебя многому хорошему и полезному, но изъ этого не слѣдуетъ, что ты долженъ забыть старое. Произноси каждый день еврейскiя молитвы и не забывай при этомъ налагать свой тефилимъ. Хорошо начать тотъ день, который начатъ съ Бога.

Слѣди за тѣмъ, чтобы твои цицисы не загрязнились. Око Божiе бдитъ надъ союзомъ съ чистотой.

Произноси по вечерамъ кришма, тогда духъ Божiй будетъ ночью бодрствовать надъ тобой, вмѣсто отца.

Ходи по праздникамъ въ храмъ. Если ты изъ-за этого что-нибудь и пропустишь въ школѣ, то ты это легко нагонишь; ибо Богъ укрѣпитъ твой умъ въ дни отдыха.

Будь ласковъ съ товарищами и друзьями, — лучше самому страдать, чѣмъ причинять страданiя другимъ.

Будь почтителенъ къ старшимъ, это создастъ тебѣ доброе имя, а доброе имя — это лучшее наслѣдiе.

Во всемъ остальномъ да благословитъ тебя Всемогущiй Богъ!

Съ этими словами Филиппъ привлекъ къ себѣ сына, поцѣловалъ его и смѣшалъ свои слезы съ его слезами.

* * *

Поздно вечеромъ, въ этотъ же день Филиппъ Бендиксенъ стоялъ у себя въ конторѣ и приводилъ въ порядокъ бумаги.

— Разъ я сказалъ А, я долженъ сказать и Б, — проговорилъ онъ тихо. — Если мой сынъ будетъ студентомъ, то ему не слѣдуетъ

быть лавочникомъ. Хоть въ этомъ-то отношеніи моему сыну не придется быть евреемъ. — Онъ запечаталъ въ конвертъ толстую пачку облигацій и сдѣлалъ на пакетѣ надпись: «Собственность моего сына».

Раздался тихій стукъ въ ставню окна. Филиппъ подошелъ къ окну, пріоткрылъ ставню и увидалъ за окномъ своего зятя.

— Отвори окно! — сказалъ Исаакъ.

Когда окно было отворено, онъ поднялъ мѣшокъ и поставилъ его на подоконникъ. Въ мѣшкѣ что-то звякнуло.

— Тамъ у себя дома мнѣ стало такъ жалко, что я заставилъ мальчика расплакаться, — сказалъ Исаакъ. — А потомъ я вспомнилъ, что ничего не подарилъ ему на его бармицво. Вотъ возьми для него эти золотые... прежде чѣмъ я вздумаю пересчитать ихъ еще разъ.

— Исаакъ! — воскликнулъ растроганный Филиппъ.

— Да прячь же скорѣе! — крикнулъ Исаакъ съ притворной рѣзкостью. Потомъ онъ прибавилъ шутливо: — Смотри, если ты оставишь ихъ на окнѣ, я за нихъ не ручаюсь.

* * *

Нѣсколько дней спустя, Якобъ стоялъ со своимъ отцомъ на палубѣ парохода, направлявшагося въ Зеландію. Съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на исчезавшій берегъ, и вдругъ его взглядъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила его первая борьба, и въ его памяти всталъ давно забытый образъ. Онъ ясно увидалъ лицо того мальчика, съ которымъ такъ ожесточенно дрался когда-то.

Чтобы заглушить свое тоскливое чувство и забыть горечь разлуки съ роднымъ домомъ, онъ нарочно сосредоточилъ свои мысли на этомъ воспоминаніи. И образъ его перваго врага не покидалъ Якоба до тѣхъ поръ, пока горе и утомленіе не заставило его уйти на покой.

VII.

Случилось такъ, что ближайшей къ дому, въ которомъ жилъ дядя Маркусъ, оказалась лучшая въ Копенгагенѣ школа.

Въ директорѣ этой школы соединялись энергія и строгость съ самымъ горячимъ интересомъ къ дѣлу воспитанія. Въ отличіе отъ другихъ директоровъ того времени, онъ не ограничивался, какъ они, тѣмъ, что обращалъ свое вниманіе исключительно на дисциплину и на то, чтобы опредѣленный курсъ наукъ былъ пройденъ въ опредѣленный промежутокъ времени, нѣтъ, онъ стремился развить не только умъ дѣтей, но также ихъ души. Онъ не хотѣлъ быть для учениковъ лишь начальствомъ и преподавателемъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью быть ихъ руководителемъ и

воспитателемъ. Но, конечно, при существовавшемъ тогда (впрочемъ, то же самое наблюдается и теперь) строгомъ разграниченіи воспитанія отъ образованія, подобное стремленіе могло проявляться лишь очень слабо и въ видѣ исключенія.

Этотъ педагогъ по призванію, часто ограничивался только обмѣномъ мнѣній съ преподавателями, такъ какъ болѣе близкое общеніе съ учениками не всегда было возможно. Якобъ, родители котораго жили такъ далеко отъ Копенгагена и отецъ котораго особенно настоятельно просилъ директора слѣдить за нимъ, находился подъ школьнымъ надзоромъ лишь во время уроковъ. Остальное же время онъ проводилъ въ домѣ дяди, а потому директоръ долженъ былъ ограничить свой присмотръ за нимъ наблюденіями издалека и не находилъ возможнымъ непосредственно вмѣшиваться въ его воспитаніе.

Вскорѣ послѣ поступленія Якоба въ школу, директоръ сказалъ какъ-то, находясь въ кругу учителей:

— Когда я смотрю на этого мальчика съ восточнымъ лицомъ, сидящаго на задней скамьѣ среди послѣднихъ тупицъ класса, мнѣ иногда кажется, что моя школа — это собраніе домашнихъ животныхъ, въ среду которыхъ случайно попалъ дѣтенышъ пантеры. Надо чтобы остальные щенки хорошо обходились съ пантерой и не пробудили бы ея дикую натуру.

Эти слова директоръ произнесъ полушутя, полусерьезно, но къ его собственному удивленію, онъ оказался до нѣкоторой степени пророкомъ.

Первое время Якобъ плавалъ въ морѣ блаженства. Его умъ, развитый хитроумнымъ толкованіемъ Талмуда и нагруженный отрывками изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей человѣческаго знанія, поставилъ его въ школѣ въ такое положеніе, въ какое попадаетъ человѣкъ, который хорошо умѣетъ играть на скрипкѣ, но совсѣмъ не знаетъ нотъ. Его подвергли экзамену, какъ и другихъ мальчиковъ, но онъ не могъ дать ни одного удовлетворительнаго отвѣта. Однако, при систематическомъ обученіи, пробѣлы между отрывками его познаній быстро пополнились, и онъ сталъ дѣлать поразительные успѣхи, удивлявшіе даже его учителей.

А какое счастье для него было сидѣть на скамьѣ среди другихъ мальчиковъ! Какъ онъ наслаждался тѣмъ, что съ нимъ обращались такъ же точно, какъ и съ другими, а иногда даже оказывали ему предпочтеніе. Здѣсь, въ школѣ, ученики отличались одинъ отъ другого только прилежаніемъ и способностями. И какъ прилежно онъ занимался, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія слѣдующаго дня, чтобы продолжать это дивное состязаніе!

Да, но удовольствіе быть въ обществѣ другихъ мальчиковъ было удовольствіемъ только во время уроковъ, когда ученики,

какъ солдаты, были связаны дисциплиной. Едва кончался урокъ, какъ Якобъ со всѣхъ сторонъ слышалъ, что онъ еврей. И этого было достаточно для того, чтобы онъ тотчасъ же отдалялся отъ своихъ товарищей и стоялъ одинъ, какъ будто его отдѣлялъ отъ нихъ высокій заборъ.

Пока школьная жизнь обладала въ его глазахъ прелестью новизны, и ему доставляло наслажденіе состязаніе съ товарищами, онъ относился довольно равнодушно къ этимъ преслѣдованіямъ и всю свою душу отдавалъ занятіямъ. Но по мѣрѣ того, какъ его увлеченіе школой остывало, онъ становился все болѣе и болѣе воспріимчивымъ къ издѣвательствамъ товарищей. Когда весь классъ тѣснился вокругъ него и мальчики со смѣхомъ кричали ему: «жидъ» или: «ай, вей миръ!», онъ еще примирялся съ этимъ съ какой-то тупой покорностью, словно весь свѣтъ кричалъ ему это, и ему оставалось только склониться передъ неизбѣжнымъ. Но когда какой-нибудь ученикъ въ одиночку приближался къ нему и кричалъ: «Проваливай, жидъ!» и при этомъ толкалъ его, то это онъ принималъ за личное оскорбленіе и, какъ раненый тигръ, бросался на обидчика. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что къ обидчику на помощь приходили другіе ученики и Якоба избивали.

Однажды, вечеромъ, сторожъ, прибиравшій классы, нашелъ на полу ученика, лежавшаго въ безсознательномъ состояніи и съ явными слѣдами жестокихъ побоевъ на тѣлѣ. Изъ небольшой раны въ его головѣ струилась кровь и на полу стояла лужица. Мальчика тотчасъ же отнесли домой.

На слѣдующее утро, ученикамъ было приказано идти въ большой залъ, гдѣ уже собрались учителя. На каѳедру взошелъ директоръ и сообщилъ ученикамъ о томъ, что произошло наканунѣ. Потомъ онъ прибавилъ:

— Разумѣется, я питаю лишь слабую надежду на то, что виновный сознается, и весьма возможно, что пострадавшій, если только онъ поправится, изъ чувства товарищества, не выдастъ виновнаго. Но кто бы ни былъ виновный, пусть онъ знаетъ, что всѣ его преподаватели и всѣ его благомыслящіе товарищи относятся къ его поступку съ глубокимъ отвращеніемъ. И я надѣюсь, что каждый изъ васъ, кому дорога честь нашего училища, не промолчитъ изъ ложнаго чувства товарищества, а скажетъ все, что̀ знаетъ, и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы открыть виновнаго. Нельзя допустить, чтобы подозрѣніе пало на невиннаго.

Директоръ обвелъ учениковъ строгимъ взоромъ и ждалъ. Но всѣ молчали. Вдругъ вышелъ Якобъ Бендиксенъ и сказалъ:

— Это сдѣлалъ я.

— Какъ! — воскликнулъ директоръ, въ изумленіи отступая на одинъ шагъ назадъ.— Ты, Бендиксенъ, самый спокойный и самый благонравный изъ всѣхъ учениковъ? Мнѣ не хочется вѣрить тебѣ.

— Но это такъ, какъ я вамъ сказалъ. Это сдѣлалъ я, — повторилъ Якобъ твердо.

— Но что могло тебя довести до этого? Должно быть, ты сдѣлалъ это нечаянно? Ты не могъ этого сдѣлать преднамѣренно.

— Нѣтъ, я сдѣлалъ это преднамѣренно, — продолжалъ Якобъ тѣмъ же тономъ. — Онъ приставалъ ко мнѣ чаще другихъ и постоянно называлъ меня жидомъ, но при этомъ всегда прятался за спину другихъ. Вчера вечеромъ мы остались съ нимъ вдвоемъ, и когда я уходилъ, онъ побѣжалъ за мной и крикнулъ: «Съ дороги, жидъ!» и изо всѣхъ силъ толкнулъ меня на дверь, такъ что я больно ушибъ себѣ колѣно. Тогда я началъ его бить, и билъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не показалось, что онъ умеръ... Я знаю, — прибавилъ Якобъ, подходя къ директору на два шага ближе, — я знаю, что вы заодно съ нимъ, и также называете меня жидомъ, но не тогда, когда вы со мной наединѣ!

Губы Якоба дрожали, а щеки его побѣлѣли. Въ залѣ царила мертвая тишина. Директоръ смотрѣлъ на него въ упоръ и долго не сводилъ съ него глазъ. Учителя подошли ближе къ каѳедрѣ, и перебросившись другъ съ другомъ нѣсколькими словами, вмѣстѣ съ директоромъ вышли изъ залы. Какъ только за ними затворилась дверь, изъ толпы учениковъ послышалось нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ: «Ну, жидъ, теперь тебѣ достанется!» Но большая часть учениковъ молчала и нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ ожиданіи. Якобъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, не двигаясь. Наконецъ, директоръ и учителя снова появились въ залѣ и при гробовомъ молчаніи директоръ взошелъ на каѳедру.

— Якобъ Бендиксенъ! — началъ онъ. — Оскорбленія, которымъ ты подвергался, настолько низкаго и презрѣннаго свойства, и я такъ ясно представляю себѣ то впечатлѣніе, которое эти непрерывныя издѣвательства производили на тебя, что я не нахожу себя вправѣ наказывать тебя. — Директоръ сдѣлалъ маленькую паузу и смотрѣлъ на Якоба, который при его словахъ точно окаменѣлъ. Потомъ онъ обратился къ остальнымъ ученикамъ и сказалъ строго: — Тотъ, кого наказалъ Бендиксенъ, получилъ лишь должное. А теперь обратите вниманіе на то, что я вамъ скажу, и запомните мои слова! Если впредь окажется, что тѣхъ гуманныхъ и культурныхъ чувствъ, которыя школа старается воспитать въ васъ, недостаточно для того, чтобы поднять васъ надъ уровнемъ черни, то намъ придется прибѣгнуть къ другому средству: каждый, провинившійся впредь въ такой же грубости и некультурности, будетъ строго наказанъ. Что же касается тебя, Бендиксенъ, — сказалъ онъ, снова обращаясь къ Якобу, — то я надѣюсь, что ты настолько довѣряешь мнѣ, что не будешь больше прибѣгать къ расправѣ самъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ты будешь испытывать тяжелыя оскорбленія, ты не забудешь, чѣмъ ты обязанъ школѣ, и будешь искать защиты у меня. А те-

перь идите всѣ на площадку и ждите тамъ до слѣдующаго урока. Я надѣюсь, что этотъ часъ, хотя и использованъ не по назначенію, все-таки не пропалъ даромъ.

Когда всѣ ученики, а среди нихъ также и Якобъ, вышли на дворъ, и въ залѣ остались только учителя, одинъ изъ нихъ сказалъ директору:

— Не лучше ли было бы оставить Бендиксена здѣсь и не позволять ему смѣшиваться съ остальными.

— Напротивъ! — воскликнулъ директоръ. — Если бы мы оставили его здѣсь, мы отдѣлили бы его отъ товарищей, вмѣсто того, чтобы соединить его съ ними, а позже это было бы уже трудно исправить. Рана лучше всего закрывается, пока она свѣжая, если только вообще она можетъ закрыться. И если ему и непріятно теперь въ обществѣ товарищей, то не бѣда, пусть онъ немного пострадаетъ, его нравъ необходимо укротить.

— Я не ожидалъ такой энергіи отъ ребенка изъ этой націи, — замѣтилъ одинъ изъ учителей. — Въ другихъ школахъ, гдѣ я преподаю, также есть евреи, но они терпятъ и брань и побои, словно это въ порядкѣ вещей. Мнѣ всегда досадно дѣлалось при видѣ ихъ терпѣнія. Ну, здѣсь мнѣ не приходится досадовать.

Затѣмъ уроки пошли своимъ чередомъ, словно ничего не случилось. По окончаніи занятій, когда ученики расходились по домамъ, директоръ позвалъ къ себѣ Якоба.

Посадивъ противъ себя мальчика, онъ сказалъ, чтобы съ чего-нибудь начать свою бесѣду:

— Скажи мнѣ, чѣмъ ты занимаешься по вечерамъ, когда возвращаешься домой изъ школы?

Якобъ, подумавшій вначалѣ, что его позвали для того, чтобы наложить на него заслуженное наказаніе, отвѣтилъ съ облегченіемъ:

— Я учу уроки.

— А когда ты кончишь учить уроки, что ты дѣлаешь?

— Я читаю что-нибудь.

— Развѣ ты никогда не ходишь гулять съ товарищами?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Якобъ тихо, потупивъ глаза.

Директоръ понялъ, что прикоснулся къ больному мѣсту, и спросилъ:

— Но вѣдь у твоего дяди есть дѣти. Развѣ ты никогда не гуляешь и не играешь съ ними?

— У него двое сыновей. Одинъ изъ нихъ моихъ лѣтъ, а другой старше. Одинъ помогаетъ въ магазинѣ суконъ, а другой служитъ ученикомъ въ колоніальной лавкѣ. Они рѣдко бываютъ дома, и приходятъ только по пятницамъ къ вечеру.

— А развѣ у твоего дяди нѣтъ дочерей?

— Да, у него три дочери. Но одна совсѣмъ маленькая, и я учу ее иногда читать. А обѣ старшія только смѣются надо мной,

потому что я хочу быть студентомъ. Онѣ говорятъ, что было бы лучше, если бъ я сдѣлался офицеромъ, такъ какъ офицеры гораздо интереснѣе студентовъ. Но я все-таки хочу быть студентомъ.

По лицу директора промелькнула едва замѣтная усмѣшка.

— Ну, а когда ты оканчиваешь уроки, и тебѣ не хочется читать, что жъ ты тогда дѣлаешь?

Якобъ медлилъ съ отвѣтомъ.

Заинтересованный директоръ спросилъ опять:

— Ты ничѣмъ не развлекаешься?

— Да, — отвѣтилъ, наконецъ, Якобъ, опуская глаза.

— Ну, чѣмъ же? Да говори же, не бойся!

— Когда мнѣ надоѣдаетъ читать, — отвѣтилъ Якобъ смущенно, — я воображаю себя, что ко мнѣ прилетѣла птица и отнесла меня къ моимъ родителямъ и къ моему дядѣ, и все остальное время вечера я провожу дома.

— И въ этомъ заключается все твое развлеченіе? — спросилъ директоръ.

— И тогда мнѣ хорошо, — продолжалъ Якобъ и на его щекахъ появился легкій румянецъ. — Тогда мнѣ кажется, что я нюхаю цвѣты въ саду, что я слышу запахъ тростника на берегу, и слышу, какъ моя мать поетъ, очень тихо... и я вижу моего отца и дядю... но они не видятъ меня. А потомъ мнѣ дѣлается грустно и я плачу, а потомъ я ложусь спать.

Директоръ долго молча смотрѣлъ на него. Затѣмъ онъ всталъ, снялъ съ полки томъ тогда только что вышедшихъ въ свѣтъ стихотвореній Эленшлегера и далъ его Якобу.

— Вотъ читай это, — сказалъ онъ, — тогда къ тебѣ тоже прилетитъ птица и унесетъ тебя, правда, не къ твоимъ родителямъ, но въ широкій свѣтъ. Иногда бываетъ хорошо осмотрѣться кругомъ. А разъ у тебя такъ много свободнаго времени, то не хочешь ли заходить иногда ко мнѣ, чтобы читать и заниматься сверхъ того, что проходится въ школѣ? Вѣдь такимъ образомъ ты скорѣе сдѣлаешься студентомъ!

Якобъ вѣжливо поблагодарилъ, и директоръ отпустилъ его домой.

VIII.

Школьная жизнь шла своимъ чередомъ. Трудно было сказать, имѣлъ ли Якобъ основанія радоваться тому, что отношенія товарищей къ нему стали лучше, чѣмъ прежде. Правда, громкіе крики, ругань, а также всякаго рода преслѣдованія прекратились. Но то глубокое молчаніе и холодъ, которые его теперь окружали, были для него, пожалуй, еще невыносимѣе, такъ какъ онъ хорошо зналъ, что̀ все это означаетъ. Это молчаніе было краснорѣчиво, оно говорило громко, но не было словъ, за

которыя можно было бы наказать виновнаго. Якобъ хорошо понималъ и взоры и ужимки товарищей, но онъ скрывалъ это, чтобы не выставлять себя на посмѣшище. Иногда у него являлось такое чувство, какое бываетъ у человѣка, когда онъ въ ночномъ мракѣ боится чего-нибудь и желаетъ, чтобы поскорѣе случилось неизбѣжное и положило конецъ его страху.

Съ удивительнымъ коварствомъ и изворотливостью его товарищи ухитрялись оскорблять его, не рискуя отвѣчать за это. Какъ ни былъ молодъ Якобъ, но въ силу необходимости онъ выучился владѣть собою и заставлялъ себя сидѣть смирно и дѣлать видъ, будто онъ не принимаетъ на свой счетъ ихъ издѣвательствъ. Порою у него являлось непреодолимое желаніе наброситься на кого-нибудь и избить. Но какъ найти виновнаго?

Мѣсяца два спустя, въ школѣ снова появился избитый Якобомъ мальчикъ. Онъ совершенно спокойно усѣлся на свое старое мѣсто, словно ничего не случилось. Въ немъ не было замѣтно и тѣни желанія отомстить обидчику. Казалось, будто онъ и Якобъ никогда другъ друга раньше не видали. Якоба начали мучить угрызенія совѣсти за то, что онъ поступалъ такъ жестоко. Разъ какъ-то, когда мальчикъ стоялъ передъ нимъ у стола и читалъ, Якобъ обратилъ вниманіе на его блѣдное, болѣзненное лицо и вдругъ, подъ вліяніемъ великодушнаго порыва, онъ схватилъ его за руку и посмотрѣлъ на него глазами, полными слезъ. Но мальчикъ выдернулъ отъ него свою руку и крикнулъ:

— Ну, еврей, ты опять хочешь бить меня?

Сердце Якоба сжалось, и онъ подумалъ: «Теперь мы сквитались!»

Время шло, мелькала одна недѣля за другой, одинъ мѣсяцъ за другимъ. Якобъ ходилъ въ школу и время отъ времени посѣщалъ директора, который относился къ нему съ большимъ вниманіемъ. Случалось, что Якобъ проводилъ у него весь праздничный день съ утра и до вечера. А разъ даже директоръ взялъ его съ собой въ гости къ своимъ родственникамъ. Якобъ догадался по тому вниманію и той ласкѣ, которыя выказывали ему въ этой семьѣ, что директоръ говорилъ уже тамъ о немъ. Ему показалось, что всѣ старались избѣгать въ разговорахъ даже намека на евреевъ и еврейство вообще. Однако, несмотря на это, ему все-таки было очень интересно побыть въ этой новой для него обстановкѣ. Онъ въ первый разъ былъ въ обществѣ христіанъ, и шутливые разговоры молодежи, легкій ароматъ флирта, царившій среди нихъ, изящно накрытый столъ съ лакомыми блюдами, изъ которыхъ многіе были для него запрещенными, а потому казались особенно соблазнительными, наконецъ пѣніе и музыка послѣ ужина и наскоро устроенные танцы — на все это Якобъ смотрѣлъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ восхищеніемъ и чувствомъ горечи. Вѣдь это было осуществленіемъ его дѣтской мечты, а между тѣмъ

у него было такое чувство, будто онъ находится еще дальше отъ всего этого, потому что онъ не умѣлъ принять въ этомъ участія. Ему казалось, что эти люди должны принадлежать къ какой-то высшей кастѣ, разъ они выучились таинственному искусству изъ ничего создавать себѣ радости. И сердце у него больно защемило, ему захотѣлось быть такимъ же, какъ они.

Однажды въ праздникъ Якобъ пришелъ къ директору рано утромъ. Директоръ одѣвался въ сосѣдней комнатѣ, а Якобъ ждалъ его въ кабинетѣ. Немного спустя директоръ вышелъ къ нему въ жилетѣ, тутъ же накинулъ на себя легкій утренній халатъ и, подойдя къ открытому окну, высунулся изъ него, посмотрѣлъ на небо и глубоко вдохнулъ въ себя свѣжій весенній воздухъ. Потомъ онъ усѣлся съ довольнымъ видомъ за столъ, на которомъ былъ приготовленъ кофе. Якобъ внимательно наблюдалъ за каждымъ его движеніемъ. Этотъ способъ молиться утромъ — радостнымъ взоромъ привѣтствовать Бога — поразилъ его. Это было такъ легко и просто по сравненію съ его утреннимъ моленіемъ — безсмысленнымъ бормотаніемъ длинныхъ и не всегда понятныхъ еврейскихъ молитвъ. А между тѣмъ, довольное лицо директора ясно доказывало, что такъ молиться можно съ чистой и спокойной совѣстью. Когда директоръ прочелъ главу изъ Геродота, въ которой повѣствуется о подвигѣ спартанцевъ при Ѳермопильскомъ ущельѣ, о томъ, какъ спартанцы умащивали себя маслами и украшали свои головы вѣнками, готовясь къ бою, Якобъ въ первый разъ обратилъ вниманіе на то, что его любимые спартанцы, которыхъ онъ чуть не боготворилъ, не налагали на себя тефилимъ.

На слѣдующее утро онъ въ первый разъ не наложилъ на себя тефилимъ и, словно преступникъ, прошелъ мимо шелковаго мѣшка, въ которомъ тотъ хранился. День прошелъ благополучно, наступилъ вечеръ, а небо не обрушилось, и вообще не случилось ничего ужаснаго. Тогда Якобъ успокоился и рѣшилъ попытаться еще разъ помолиться, какъ директоръ. Онъ все чаще и чаще повторялъ эту попытку и, наконецъ, привыкъ къ этому.

Вѣра, какова бы она ни была, состоитъ ли она изъ обрядовъ и суевѣрія, или же она чисто духовнаго свойства, — никоимъ образомъ не походитъ на зданіе, изъ котораго можно тамъ и тутъ вынуть камень и замѣнить его другимъ. Достаточно маленькаго сомнѣнія, и все зданіе рушится, и матеріалъ не годенъ даже для того, чтобы изъ него построить новое зданіе. Сомнѣніе — это даже не ржавое пятно, это ядъ, который, едва коснувшись языка человѣка, въ то же мгновеніе распространяется по всему организму.

Якобъ углубился въ Эленшлегера и виталъ теперь въ героической эпохѣ сѣвера. Единственно, въ чемъ онъ не могъ принимать участія наравнѣ съ героями, — это въ трапезахъ Валгаллы, во время этихъ трапезъ, героями съѣдалось громадное количе-

ство свинины. И вотъ какъ-то онъ собрался съ духомъ и спросилъ самого себя: неужели божеству не безразлично, какое мясо прикасается къ его губамъ? «Неужели пищевые продукты, попадающіе въ желудокъ, могутъ какимъ-нибудь образомъ оскорбить законъ нравственности? — спрашивалъ онъ себя. — Нельзя же предположить, что Богъ сидитъ на небесахъ и наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы я, поѣвъ масла, никоимъ образомъ не принимался за мясное ранѣе, чѣмъ черезъ часъ». И вотъ онъ сдѣлалъ пробу и съѣлъ у директора хлѣбъ съ масломъ и съ мясомъ одновременно, и не испыталъ послѣ этого ничего непріятнаго.

Какъ-то онъ прочелъ про турокъ, которые, придя на могилу Скандебека, навѣсили себѣ на шеи его кости въ видѣ амулетовъ, которые должны были охранять ихъ отъ всякой опасности. Прочтя это, Якобъ улыбнулся надъ суевѣріемъ турокъ. Какой силой могли обладать кости мертваго человѣка? И вдругъ онъ вспомнилъ, что самъ носитъ амулетъ — арбаканфаусъ. Вѣдь это не что иное, какъ простой кусочекъ шерстяной матеріи — какую силу могъ онъ имѣть? И онъ снялъ съ себя арбаканфаусъ, который безпрерывно носилъ съ семилѣтняго возраста, какъ знакъ своего союза съ Богомъ.

Въ такой душевной борьбѣ и сомнѣніяхѣ Якобъ прожилъ довольно долго, хотя для другихъ его борьба оставалась незамѣтной. Бывали минуты, когда директоръ казался ему просто-напросто злымъ соблазнителемъ. Но вскорѣ онъ понялъ, что директоръ тутъ не при чемъ, это въ немъ самомъ заговорили высшія духовныя силы, которыя онъ самъ въ себѣ и открылъ. Иногда по ночамъ его преслѣдовали страшные сны, онъ видѣлъ, что отецъ проклинаетъ его и что онъ со стыдомъ и раскаяніемъ покидаетъ отчій домъ.

Евреи праздновали Шавуосъ. Якобъ пошелъ вмѣстѣ съ съ дядей въ синагогу. Странное чувство испыталъ онъ, очутившись тамъ послѣ столь долгаго промежутка. За это время онъ лишилъ своего Бога всѣхъ божественныхъ атрибутовъ и почти совсѣмъ уничтожилъ. Но ему казалось теперь, что превыше этого бога царитъ другое, еще болѣе высокое существо, въ родѣ Всеотца язычниковъ, существо, которое выше самого Азодина. И въ искреннемъ порывѣ онъ обратился къ этому существу съ мольбой: «Всеблагій, великій Богъ! Ты вывелъ евреевъ изъ вражеской страны! Я хочу принадлежать Тебѣ, я хочу вѣрить въ Тебя! Но прости меня за то, что я не могу больше вѣрить во все то, во что я пересталъ вѣрить!» И онъ сталъ вторить возгласамъ молящихся: — Шма Исроэль! Адоной Элогейну. Адоной эходъ! — Подкрѣпленный своей простой молитвой, онъ не произносилъ другихъ еврейскихъ молитвъ и съ чувствомъ гордости и состраданія смотрѣлъ на то, какъ молились другіе евреи. Когда вынули тору изъ оройнъ хакойдеша и молящіеся стали тѣс-

ниться, чтобы прикоснуться къ ней, а затѣмъ поцѣловать кончики своихъ пальцевъ, онъ подумалъ: «Эти люди цѣлуютъ мертвый пергаментъ и мертвыя буквы и вѣрятъ, что это живой духъ».

Когда члены семьи возвратились домой изъ синагоги, чтобы въ мирѣ и радости вкусить праздничной трапезы, Якобъ внутренно смутился. Онъ сознавалъ, что недостоинъ раздѣлять съ другими ихъ чистую радость, такъ какъ онъ не принималъ участія въ ихъ благоговѣйномъ настроеніи. Онъ вспомнилъ то время, когда самъ, полный искренняго религіознаго настроенія, возвращался домой изъ синагоги и входилъ въ уютную комнату, гдѣ красовался накрытый по праздничному столъ. И хотя здравый смыслъ говорилъ ему, что теперь онъ находится на правильномъ пути, въ сердцѣ своемъ онъ все-таки ощущалъ тайный укоръ и тоску.

Но на этотъ разъ онъ получилъ совершенно неожиданную поддержку.

Во время обѣда Маркусъ взялъ съ блюда кусокъ курицы и сталъ его ѣсть.

— Представь себѣ, — сказала его жена, — до чего я напугалась, когда стала потрошить курицу! Вѣдь я нашла у нея въ зобу булавку.

Маркусъ поблѣднѣлъ и быстро вынулъ изо рта непрожеванный кусокъ курицы.

— И ты сказала мнѣ это только сейчасъ! — воскликнулъ онъ въ ужасѣ. — Ты съ ума сошла, жена! Ужъ не хочешь ли ты сдѣлать трефнымъ весь домъ?

— Успокойся, — отвѣтила жена, продолжая невозмутимо разрѣзывать курицу. — Я сейчасъ же послала къ раввину куриный зобъ съ булавкой, и онъ отвѣтилъ, что мы спокойно можемъ ѣсть курицу, но только мы должны предварительно зарыть въ землю куриный зобъ. Такъ я и сдѣлала.

Облегченно вздохнувши, мужъ снова принялся за ѣду.

— Какъ это странно, — замѣтилъ Якобъ, — курица сдѣлалась кошерной * только благодаря тому, что ея зобъ зарыли въ землю. Вѣдь, слѣдовало бы понимать такъ, что зобъ успѣлъ уже сдѣлать всю курицу трефной, и что зарывать ея зобъ поздно. Это все равно, что подливать въ бутылку съ ядомъ противоядіе послѣ того, какъ человѣкъ отравился.

— Не грѣши, Якобъ, — строго замѣтилъ Маркусъ Бендиксенъ, — раввинъ знаетъ это лучше тебя. Есть много таинственнаго, во что слѣдуетъ вѣрить, не доискиваясь объясненій. Вотъ, что такое, напримѣръ, текуфо?

— Да, что такое текуфо? — спросилъ Якобъ.

— Четыре раза въ годъ съ неба падаетъ текуфо, — отвѣтилъ Маркусъ. — Это капля крови. Откуда она является, я тебѣ не

* Чистый (разрѣшенный въ пищу евреямъ).

могу сказать, объ этомъ не говорятъ дѣтямъ. Текуфо падаетъ обыкновенно въ масло или мясо или во что-нибудь подобное, и человѣкъ, съѣвшій то, куда упало текуфо, долженъ умереть. А потому каждая благочестивая хозяйка въ эти дни кладетъ возлѣ съѣстныхъ припасовъ гвоздь, и тогда ужъ текуфо не упадетъ на ея домъ.

— Гвоздь! — воскликнулъ съ изумленіемъ Якобъ. — Неужели же какой-то неодушевленный предметъ можетъ имѣть силу противостоять волѣ Божіей?

— А развѣ громоотводъ не отводитъ молніи? — отвѣтилъ ему дядя.

— Да, но молнія это явленіе природы, а не воля Божія. И неужели Богу нуженъ гвоздь, чтобы Онъ могъ отличить благочестиваго человѣка отъ неблагочестиваго. Неужели Онъ Самъ не видитъ сердца человѣческія.

— Господь требуетъ отъ людей доказательства, что они идутъ Ему навстрѣчу и помнятъ Его. Развѣ Господь не повелѣлъ евреямъ мазать двери кровью пасхальнаго агнца, чтобы ангелъ могъ отличить ихъ дома отъ домовъ египтянъ?

— Богъ всемогущъ, — проговорилъ старшій двоюродный братъ Якоба елейнымъ тономъ раввина. — Но Онъ не всегда примѣняетъ все Свое могущество. Онъ могъ бы создать человѣка изъ ничего, но Онъ создалъ его изъ земли. Почему Адамъ не жилъ тысячи лѣтъ? Было предрѣшено, что Адамъ проживетъ тысячу лѣтъ, а Давидъ умретъ при своемъ рожденіи. Но Господь пожелалъ оказать евреямъ великую милость и потому отнялъ отъ Адама семьдесятъ лѣтъ и далъ ихъ Давиду. А развѣ Богъ не могъ бы просто подарить Давиду семьдесятъ лѣтъ, не отнимая ихъ отъ Адама?

— Да, но вѣдь все это относится къ миѳологіи и этому не надо вѣрить, — воскликнулъ Якобъ. — Къ этому можно относиться точно такъ же, какъ, напримѣръ, къ легендѣ о Сатурнѣ, пожравшемъ своихъ собственныхъ дѣтей.

Дядя посмотрѣлъ на Якоба и проговорилъ строго и серьезно:

— Ничто изъ всего того, что написано для евреевъ, не можетъ относиться къ ...... ну, какое это было слово, которому научили тебя гои?... У насъ въ писаніяхъ нѣтъ ни единаго слова, которому можно было бы не вѣрить. Ужъ если ты началъ такъ разсуждать, то, пожалуй, ты скажешь, что нельзя вѣрить въ Іомкипуръ, что не надо поститься, не надо молиться и каяться въ грѣхахъ. А?

— Нѣтъ,—горячо отвѣтилъ Якобъ,—Іомкипуръ прекрасный и поэтическій праздникъ!—И въ его памяти вдругъ такъ живо встали картины, связанныя съ этимъ праздникомъ. — Только изъ за этого одного праздника стоитъ быть евреемъ! Когда всѣ молящіеся въ храмѣ стоятъ въ бѣлыхъ саванахъ, когда хазанъ и двое

старѣйшихъ встаютъ передъ торой и провозглашаютъ собравшимся отпущеніе грѣховъ «отъ имени Бога и всей общины», когда освящаются таллисы и молящіеся облекаются въ нихъ, когда хазанъ читаетъ обѣтованіе и при словѣ «кореимъ» всѣ опускаются на колѣни, когда бѣлыя фигуры поминаютъ имена умершихъ и молятся за упокой ихъ душъ, когда левиты приносятъ для омовенія воду и коханимы, омывшись, выступаютъ впередъ и произносятъ благословеніе, когда раздается трубный звукъ и враги протягиваютъ другъ другу руки, — о, тогда я вѣрю и молюсь горячѣе, чѣмъ кто-либо другой, тогда я горжусь тѣмъ, что я еврей!

— Іешаръ-коахъ! Очень тебѣ благодаренъ! — воскликнулъ насмѣшливо дядя. — Хотѣлъ бы я знать, кто не гордится Іомкипуромъ? Какъ разъ во время Іомкипура великій римскій полководецъ Помпей бралъ штурмомъ Іерусалимъ. Когда первые воины проникли сквозь проломленную стѣну въ храмъ и напали на еврейскихъ героевъ и тамъ началось страшное кровавое побоище, во внутреннемъ помѣщеніи храма происходила газкоратъ нешомосъ*. Одинъ священникъ подошелъ къ первосвященнику и сказалъ, что врагъ уже здѣсь, и всѣ евреи будутъ убиты, но первосвященникъ не обратилъ никакого вниманія на его слова и продолжалъ спокойно поминать умершихъ. Въ это мгновеніе во внутреннее помѣщеніе вошелъ Помпей и, когда онъ увидалъ толпу молящихся, закутанныхъ въ плащи, когда онъ услыхалъ спокойный голосъ первосвященника, поминавшаго умершихъ въ то время, какъ тутъ же рядомъ потоками лилась кровь, раздавались предсмертные крики, бушевалъ огонь, онъ тихо отступилъ и не тронулъ ни драгоцѣнной утвари храма, ни его сокровищъ, и съ тѣхъ поръ онъ оставался другомъ евреевъ до самой своей смерти въ Мицраимѣ (Египтѣ). Да, такъ, значитъ, ты гордишься Іомкипуромъ? Іешаръ-коахъ! Премного тебѣ благодаренъ! Но желалъ бы я знать, найдется ли такой еврей, который не гордился бы всей своей религіей?

— Конечно, — согласился Якобъ, — въ нашей религіи есть много прекраснаго. Но... — прибавилъ онъ тихо, — въ ней есть также много смѣшного суевѣрія.

— Якобъ! — крикнулъ на него дядя. — И это ты осмѣливаешься говорить въ моемъ домѣ? Назови мнѣ хоть что-нибудь смѣшное. Ну, ну, говори же!

— Хорошо, — отвѣтилъ Якобъ съ незамѣтной усмѣшкой. — Вотъ, напримѣръ, смѣшно, что ты въ пятницу вечеромъ стрижешь свои ногти, собираешь обрѣзки и сжигаешь ихъ вмѣстѣ со щепочкой отъ подоконника или стола.

— Неучъ! — воскликнулъ возмущенный дядя. — Неужели же ты не понимаешь, что я дѣлаю это для того, чтобы въ судный

* Поминовеніе умершихъ.

день, когда Господь призоветъ меня, мнѣ не приходилось бѣгать и собирать свои обрѣзанные ногти. А щепочки свидѣтельствуютъ о томъ, что я дѣйствительно сжегъ ихъ. Лучше бы ты молчалъ о томъ, чего не понимаешь. Берегись, чтобы тебѣ не пришлось въ судный день оставаться на землѣ и собирать то, что ты на ней оставилъ!

Съ этими словами дядя сердито отвернулся отъ Якоба и сказалъ, обращаясь къ остальнымъ:

— Раббойсай! Виръ волленъ беншенъ! * — и дальнѣйшій диспутъ былъ прекращенъ.

Якобъ тяжело дышалъ. Ему показалось, что въ комнатѣ стало душно, что весь воздухъ въ ней насыщенъ суевѣріемъ. Ему неудержимо захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ школы. Мало того, онъ вдругъ почувствовалъ, что соскучился по своимъ товарищамъ, по христіанамъ. Его душа стремилась къ нимъ, какъ стремится одинокій узникъ услышать человѣческій голосъ, поговорить съ кѣмъ-нибудь, хотя бы съ врагомъ.

Этотъ вечеръ и ночь показались ему безконечными, и, словно выпущенная изъ клѣтки птица, поспѣшилъ онъ на слѣдующій день въ школу. Когда онъ вошелъ въ классъ, у него было такъ радостно на душѣ, что онъ готовъ былъ обнять своихъ товарищей, такъ ему пріятно было снова увидать ихъ. Онъ былъ юнъ, неопытенъ, и потому ему даже не пришло въ голову, что его радостное настроеніе можетъ не раздѣляться другими. Онъ окинулъ всѣхъ веселымъ, любовнымъ взглядомъ и крикнулъ:

— Ну, какъ вы тутъ проводили время безъ меня?

Увы, мальчики не измѣнились за эти нѣсколько дней, и одинъ изъ нихъ отвѣтилъ.

— Спасибо, Бендиксенъ! Во всякомъ случаѣ, намъ жилось не такъ хорошо, какъ тебѣ. Вѣдь ты былъ у еврейскаго священника, онъ ласкалъ тебя и гладилъ по головкѣ, и тебя угощали пирожнымъ за то, что ты былъ пай-мальчикъ и сходилъ въ синагогу.

Раздался взрывъ хохота. Конечно, мальчики смѣялись не изъ злобы, а просто, какъ дѣти, которые всегда рады случаю посмѣяться и пошалить, но для Якоба этого было достаточно. Онъ весь съежился, когда ему вдругъ напомнили, что онъ еврей, а тѣ христіане. Его сердце сжалось отъ невыносимой боли. Онъ впервые смутно понялъ, что находится межъ двухъ береговъ: отъ одного— роднаго онъ оттолкнулся самъ, на другой его не пускаютъ христіане. И онъ одиноко плылъ по теченію.

— Ну, еврей опять разозлился! — сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

---

* Помолимся.

IX.

Когда Якобъ возвращался теперь изъ школы въ домъ своего дяди, ему казалось, что онъ идетъ въ тюрьму, а когда онъ думалъ о томъ, что скоро опять пойдетъ въ школу, то на душѣ у него поднималось чувство отвращенія. Погода стояла сѣрая и непривѣтливая, и ему казалось, что само небо съежилось и давитъ его, представляя собою лишь сводъ между двумя его тюрьмами. Однажды, вернувшись домой, онъ вошелъ въ свою комнату, измученный, съ наболѣвшей душой, и нашелъ у себя на столѣ письмо отъ отца. Отецъ обстоятельно писалъ о разныхъ мелкихъ дѣлахъ, касающихся Якоба, и заканчивалъ письмо надеждой увидать сына дома послѣ того, какъ онъ сдастъ весенніе экзамены. Мысль очутиться дома вселила мужество въ сердце Якоба, — вотъ она, тихая пристань, гдѣ онъ найдетъ душевный миръ и покой! Онъ забылъ пережитыя имъ жестокія разочарованія и съ такой же легкостью обратился къ новымъ упованіямъ, съ какой игрокъ бросаетъ старое число и беретъ новое.

Онъ высчиталъ, сколько часовъ было во всѣхъ тѣхъ долгихъ мѣсяцахъ, которые ему оставалось еще прожить въ Копенгагенѣ до отъѣзда домой. Потомъ онъ высчиталъ тѣ часы, которые уходили на сонъ, а оставшіеся старался коротать чтеніемъ и занятіями. Онъ не забывалъ отсчитывать каждый день, уменьшавшій срокъ его тюремнаго заключенія.

И вотъ онъ насталъ, этотъ день освобожденія. Якобъ поѣхалъ въ крестьянской телѣгѣ въ Корсёръ. Когда онъ доѣхалъ до первой остановки, то выскочилъ изъ телѣги и ушелъ въ поля, подальше отъ людскихъ глазъ. Тамъ онъ бросился на землю и сталъ кататься по травѣ, издавая дикіе крики радости. Если бы кто-нибудь посторонній увидалъ это и узналъ причину его восторга, то навѣрно расплакался бы отъ состраданія. Этотъ ребенокъ, какъ звѣренышъ, радовался тому, что избавился наконецъ отъ людей!

Въ Нюборгѣ его встрѣтилъ отецъ и самъ довезъ домой. Когда экипажъ остановился передъ домомъ, мать выбѣжала на крыльцо, схватила сына въ объятія и чуть не внесла его въ домъ, плача отъ радости. Вскорѣ пришелъ и дядя Исаакъ. Онъ, какъ всегда, шутливо потрепалъ Якоба за ухо и сказалъ:

— Опять онъ здѣсь! Чего ему тутъ надо? — Онъ цѣловалъ племянника и дралъ за ухо.

Сердце Якоба растаяло отъ всѣхъ этихъ ласкъ и проявленій любви.

Но вотъ прошло дня два, и то глубокое впечатлѣніе, которое осталось у Якоба послѣ перваго пріема въ родительскомъ домѣ, вытѣснилось другими чувствами.

Прежде всего, онъ поспѣшилъ разыскать то мѣсто въ саду, съ которымъ были связаны его лучшія воспоминанія. Это была

бесѣдка, въ ней его родители обыкновенно устраивали сукко * въ праздникъ кущей. Здѣсь онъ уносился въ мечтахъ въ волшебныя страны, здѣсь онъ представлялъ себѣ, что ведетъ свой народъ по палящей пустынѣ и ищетъ пріюта отъ знойныхъ лучей подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей оазиса. Здѣсь онъ мечталъ о томъ, что сдѣлается пророкомъ своего народа. И вотъ теперь онъ снова очутился въ этой бесѣдкѣ. Онъ закрылъ глаза, растянувшись на скамьѣ, и попытался вызвать старыя мечты. Но увы, онѣ не являлись, а если и являлись, то не находили должнаго пріема. Ибо теперь его честолюбіе устремлялось уже къ другой цѣли, теперь онъ мечталъ о томъ, какъ онъ блистательно сдастъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. И, конечно, тѣни Синайской пустыни плохо чувствовали себя среди такой обстановки. Якобъ ушелъ изъ бесѣдки съ такимъ разочарованіемъ, съ какимъ человѣкъ просыпается послѣ пріятнаго сна.

Онъ вспомнилъ покой, царившій въ саду въ субботу утромъ, и то благоговѣніе, которое охватывало его, когда онъ смотрѣлъ на спѣлые ягоды и фрукты и боялся дотронуться до нихъ, такъ какъ по субботамъ нельзя ничего рвать или собирать. Ему захотѣлось снова испытать это чувство, и въ первую же субботу рано утромъ онъ прошелъ въ садъ. Но ни садъ, ни фрукты не представлялись ему теперь священными, потому что онъ не считалъ больше грѣхомъ сорвать спѣлую вишню въ субботу. И онъ улыбнулся, вспомнивъ свое былое суевѣріе, и вернулся изъ сада съ улыбкой на лицѣ и съ горькимъ чувствомъ въ сердцѣ.

Онъ старался слѣдовать всѣмъ обрядамъ и пытался установить хоть какую-нибудь гармонію между ними и своей критикой. Онъ считалъ обычай мыть руки передъ трапезами очень чистоплотнымъ. Въ томъ, что хлѣбъ преломлялся съ благословеніемъ, онъ находилъ поэзію, а обычай покрывать голову во время молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, ему казался красивымъ, — испанцы покрывали такъ свои головы въ присутствіи короля.

Однажды утромъ отецъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ очень серьезно:

— Мнѣ кажется, Якобъ, что ты не налагаешь больше тефилимъ?

— Да, отецъ, — отвѣтилъ Якобъ, и его охватилъ страхъ передъ тѣмъ, что сейчасъ должно произойти.

— Ты забылъ ихъ, вѣроятно, въ Копенгагенѣ. Въ такомъ случаѣ, возьми пока другіе, — продолжалъ отецъ.

— Не сердись на меня, отецъ, — отвѣтилъ Якобъ дрогнувшимъ голосомъ, — но я молюсь Богу по утрамъ безъ тефилимъ.

— Что! — воскликнулъ отецъ огорченнымъ и въ то же время разгнѣваннымъ голосомъ. — Ты не надѣваешь больше тефи-

* Палатка, въ которой евреи принимаютъ пищу въ праздникъ кущей.

лимъ... Якобъ, сынъ мой, неужели ты доставишь мнѣ это горе!

— Отецъ, — сказалъ Якобъ, — я не могу себѣ представить, что для общенія съ Богомъ необходимо обертывать черный ремень семь разъ вокругъ руки и другой ремень вокругъ головы. Вѣдь Богъ смотритъ только на сердце. Если сердце доброе и невинное, то ненужно никакихъ тефилимъ.

— Ремень, Якобъ! Такъ неужели же для тебя тефилимъ лишь простой ремень? Неужели храмъ для тебя лишь куча камней? Развѣ мы молимся кожаному ремню, а не Божьему святому Слову, начертанному на этихъ ремняхъ? Не сказано ли въ величайшей молитвѣ, Шма Исроэль, что мы должны возлагать эти великія слова на наши головы, наши сердца, наши руки?

— Да, отецъ, но это надо понимать въ переносномъ смыслѣ. Я ношу въ сердцѣ слова Божіи, а не пергаментъ, на которомъ они начертаны.

— А твой арбаканфаусъ, Якобъ? — спросилъ отецъ, словно онъ хотѣлъ до дна испить горькую чашу. — Ты и его также снялъ?

— Да, — прошепталъ Якобъ, убитый выраженіемъ гнѣва, исказившаго лицо отца.

Филиппъ Бендиксенъ выпрямился во весь ростъ и, протянувъ руку, сказалъ:

— У еврея Филиппа, сына рабби Бендикса, нѣтъ больше сына. Сынъ, котораго онъ имѣлъ раньше, крестился. У могилы еврея Филиппа никто не произнесетъ кадиша, никто не помолится о мирѣ его праха. Его родъ будетъ забытъ еврейскимъ народомъ, и передъ престоломъ Всевышняго онъ самъ обвинитъ себя въ томъ, что далъ жизнь сыну!

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты.

Съ минуту Якобъ стоялъ, ошеломленный и уничтоженный словами и величественной осанкой, съ которой его, обыкновенно такой добрый и кроткій отецъ, произнесъ проклятіе самому себѣ. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ вспомнилъ причину, казавшуюся ему такой незначительной и вызвавшую эту сцену, и все происшедшее представилось ему въ смѣшномъ видѣ. Онъ никакъ не могъ понять, какъ это могло быть, что всего какихъ-нибудь три года назадъ онъ самъ придавалъ великое значеніе тефилимъ и арбаканфаусу — символамъ еврейства.

Однако, онъ не могъ долго предаваться этимъ размышленіямъ. Немного спустя въ комнату вошли отецъ и дядя. У отца было выраженіе покорности и горя, а на лицѣ дяди было написано величайшее душевное волненіе.

— Ты не налагаешь больше тефилимъ, — началъ дядя, — не носишь арбаканфуса! Хорошъ, нечего сказать! Такъ-то ты радуешь

насъ! Разумѣется, ты ѣшь также и хазеръ * ... Что, нравится она тебѣ? ... Отвѣчай же, мальчишка, ѣлъ ли ты трефное?

Колѣни Якоба дрожали, но онъ отвѣтилъ: — Да.

Не успѣло у него вырваться это признаніе, какъ дядя изо всѣхъ силъ ударилъ его по щекѣ. Якобъ зашатался и чуть не потерялъ сознанія; прошло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя.

Впервые въ своей жизни онъ получилъ побои отъ родныхъ. Онъ дико обвелъ глазами комнату, какъ бы стараясь найти оружіе. Но затѣмъ, принявъ какое-то рѣшеніе, быстро вышелъ изъ комнаты, а потомъ изъ дома, и, наконецъ, изъ города, и пошелъ по большой дорогѣ. Съ плотно сжатыми зубами, безъ единой ясной мысли въ головѣ, онъ продолжалъ быстро шагать впередъ.

Въ первыя минуты послѣ того, какъ онъ ушелъ, отецъ и дядя были такъ взволнованы и разгнѣваны, что не обратили вниманія на его исчезновеніе. Наконецъ дядя подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. Не увидя тамъ Якоба, онъ повернулся къ Филиппу и сказалъ:

— Хорошо, что онъ убѣжалъ, а то я исколотилъ бы его до смерти.

— Но куда же онъ ушелъ? — спросилъ Филиппъ.

— Должно быть, побѣжалъ къ берегу, и боится возвратиться, пока мы не пошлемъ за нимъ. Что до меня, то пусть бѣжитъ хоть на край свѣта, все равно онъ когда-нибудь крестится.

— Ты очень сильно ударилъ его, — заговорилъ Филиппъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— А ты хотѣлъ, пожалуй, чтобы я взялъ его къ себѣ на колѣни и погладилъ бы по головкѣ, да еще сказалъ: «Да благословитъ тебя Богъ, мой милый! Ты отрекаешься отъ вѣры твоего отца, ты ѣшь трефное, на Пасхѣ ты ѣшь хомецдикъ **, конечно. въ Торѣ сказано: еврей, виновный въ этомъ, будетъ проклятъ во вѣки вѣковъ, но несмотря на все это, ты остаешься моимъ милымъ, любимымъ Якобомъ!» Не такъ ли я долженъ былъ сказать ему?

Филиппъ закрылъ лицо руками.

— Что мнѣ дѣлать съ мальчикомъ? Какъ отвѣчать мнѣ передъ Господомъ, если мой сынъ будетъ продолжать такъ, какъ началъ? — сказалъ онъ горестно.

— Онъ бармицво! Ты не отвѣчаешь за него, разъ ни слова. ни наказанія не помогаютъ.

— Но куда же онъ дѣвался?

---

* Свинина.

** Кушанья, запрещенныя на Пасхѣ.

— Вѣроятно, на берегу или въ саду. Я пошлю Беньямина поискать его.

Исаакъ позвалъ Беньямина, но тотъ разсказалъ, что незадолго передъ тѣмъ видѣлъ, какъ Якобъ выходилъ изъ восточныхъ воротъ города.

Въ эту минуту вошла мать.

— Гдѣ Якобъ? — спросила она. — Правда, что онъ убѣжалъ, потому что вы били его?

Филиппъ и Исаакъ переглянулись.

— Проклятый мальчишка! — крикнулъ дядя. — Его слѣдовало бы избить до полусмерти!

— Перестань горячиться, — сказалъ Филиппъ. — Этакъ ты можешь толкнуть мальчика на что-нибудь худшее. Нехорошо, если разнесется слухъ о томъ, что онъ убѣжалъ изъ дому, да еще узнаютъ почему. Что скажутъ мои родные? Необходимо привести его обратно и потихоньку отослать въ Копенгагенъ. И пусть онъ тамъ дѣлаетъ, что хочетъ. Я умываю руки. Я воспиталъ его, какъ еврея.

— Но вѣдь это тебѣ пришла въ голову проклятая мысль дать ему образованіе! — воскликнулъ Исаакъ, направляясь къ двери — Беньяминъ! Сбѣгай поскорѣе ко мнѣ и вели запрягать лошадь. Пусть заѣдутъ за мной сюда!

Якобъ прошелъ по дорогѣ уже мили двѣ, когда отецъ и дядя нагнали его. Когда они поровнялись съ нимъ, отецъ сказалъ кротко:

— Якобъ, садись къ намъ въ экипажъ, поѣдемъ домой.

Якобъ отвѣтилъ:

— Ты сказалъ, что я тебѣ больше не сынъ. Такъ дай мнѣ уйти и жить, какъ я хочу.

— Не капризничай, Якобъ, — крикнулъ дядя. — Поѣдемъ съ нами, все будетъ забыто.

— Тебѣ хорошо говорить о томъ, что все будетъ забыто, — сказалъ Якобъ. — Но не забывай, что ты прибилъ меня, Исаакъ Бамбергеръ!

— Я погорячился, Якобъ. Ну, поѣдемъ!

— Нѣтъ, сдѣлай мнѣ одолженіе: не заставляй меня никогда больше смотрѣть на тебя. Ты прибилъ меня!

— Мальчикъ! Твой старый дядя проситъ у тебя прощенія, неужели этого недостаточно? — крикнулъ дядя.

Якобъ почувствовалъ, что теперь онъ можетъ съ честью сдаться, но самолюбіе и духъ противорѣчія заставили его идти дальше. Тутъ заговорилъ отецъ:

— Неужели же ты хочешь навсегда разстаться со своей матерью? Никогда не видѣть больше ни ее, ни меня? Въ такомъ случаѣ, попрощаемся, мой сынъ.

При этихъ словахъ Якобъ разразился слезами и сѣлъ въ экипажъ.

Они возвратились домой, и никто не говорилъ больше о причинѣ, вызвавшей этотъ разладъ. Но самая худшая это та семейная ссора, о причинѣ которой нельзя упоминать.

Вскорѣ Якобъ замѣтилъ, что онъ сталъ чужимъ въ своемъ родномъ домѣ. Его поили, кормили, ему предоставляли всѣ удобства, съ нимъ обращались, какъ съ желаннымъ гостемъ, но только и всего. Ибо онъ оставался внѣ того круга взаимнаго пониманія, который соединялъ отца, мать и дядю. Какое мучительное чувство онъ испытывалъ уже только отъ одного того, что всѣ сразу умолкали, когда онъ входилъ въ комнату!

Якобъ видѣлъ, что отецъ скорбитъ о немъ, и зналъ, что при всемъ своемъ желаніи онъ не можетъ больше разсѣять этой скорби, потому что онъ уже отвѣдалъ запрещенной пищи, и если бы онъ даже началъ снова налагать на себя тефилимъ, то никто не повѣрилъ бы въ его искренность.

Къ своей матери онъ льнулъ еще попрежнему, потому что любовь къ ребенку въ сердцѣ матери преобладаетъ надъ всѣми другими чувствами, и онъ это сознавалъ. Однажды вечеромъ, когда она сидѣла у себя въ сумеркахъ, онъ рѣшился заговорить съ ней объ охлажденіи къ нему отца.

— Твой отецъ, — сказала мать печально, — никогда не перестанетъ быть для тебя любящимъ отцомъ. Онъ сдѣлаетъ для тебя все, что только въ его силахъ. Но при взглядѣ на тебя онъ всегда будетъ испытывать скорбь, ибо онъ знаетъ, что когда онъ и я встрѣтимся у подножья престола Всевышняго, то мы тщетно будемъ искать тебя.

— Не плачь, Якобъ, — сказала она, увидя, что мальчикъ разразился слезами. — Я уйду раньше, и я буду молить за тебя Милосерднаго Бога.

Слезы Якоба полились еще обильнѣе. Черезъ нѣкоторое время вошелъ отецъ, и Якобъ замѣтилъ, что мать быстро и какъ бы невольно отняла свою руку, которой она нѣжно перебирала его кудри. Онъ вытеръ слезы и невыразимо горькое чувство закралось въ его сердце.

Когда наступилъ часъ разставанья, каждый почувствовалъ, что съ души его свалился тяжелый камень. Разставаться было тяжко, но жить подъ одной крышей было еще тяжелѣе.

Стоя на палубѣ парохода, уносившаго его отъ родного дома, Якобъ чувствовалъ себя болѣе безпріютнымъ, чѣмъ чайки, которыя носились вокругъ него съ печальными криками.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Переводъ съ датскаго М. П. Благовѣщенской.

Стихотворенія А. Исаакіана.

Переводъ изъ армянскаго. *

* * *

Снилось мнѣ — у соленой волны,
Раненъ въ сердце, я тихо прилегъ;
Навѣвая мнѣ нѣжные сны,
Набѣгаетъ волна на песокъ.

Снилось — мимо проходятъ друзья,
Веселятся, поютъ и кричатъ;
Но никто не окликнулъ меня,
Я молчу, и тускнѣетъ мой взглядъ.

* * *

Схороните, когда я умру,
На уступѣ горы Алагеза,
Чтобъ вѣтеръ съ вершинъ Манташа
Налеталъ, надо мною дыша.

Чтобы возлѣ могилы моей
Колыхались пшеничныя нивы,
Чтобы плакали нѣжно надъ ней
Распустившія волосы ивы.

---

* *Изъ матеріаловъ „Армянскаго сборника“ книгоиздательства „Парусъ“.*

* * *

Словно молніи лучъ, словно громъ изъ тучъ,
Омраченъ душой, я на бой пошелъ.
Словно стая тучъ надъ зубцами кручь,
Милый другъ сестра, братъ твой въ бой пошелъ.

А утихнетъ бой — не ищи меня
Въ удалой толпѣ боевыхъ друзей,
Ты ищи, сестра, ворона коня,
Онъ копытомъ бьетъ въ тишинѣ полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка,
На хмѣльномъ пиру, средь товарищей,
Взвоетъ горный вѣтръ, кинетъ горсть песка
Въ твоего дружка на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
Будетъ слезы лить надъ могилою,
Не моя сестра — горевать, рыдать,
Разсыпать цвѣты надъ могилою...

* * *

Въ разливѣ утреннихъ лучей
Трепещетъ жаворонокъ страстный,
Не знаетъ мрака и скорбей,
Поетъ любовь и свѣтъ прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядитъ съ тоской на міръ несчастный,
А надъ склоненной головой
Ликуетъ жаворонокъ страстный!

* * *

Ночью въ саду у меня
Плачетъ плакучая ива,
И безутѣшна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснетъ,
Нѣжная дѣвушка — Зорька
Ивушкѣ, плачущей горько,
Слезы — кудрями отретъ.

Перевелъ **А. Блокъ.**

НАУКА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Въ англійской печати, за послѣдніе годы (до войны), все чаще и чаще высказывались такія мысли: „Наука* стала, или быстро становится главнымъ факторомъ въ человѣческихъ дѣлахъ — и несмотря на то, она еще не заняла соотвѣтствующаго мѣста въ умственномъ багажѣ, въ системѣ воспитанія тѣхъ, кто стремятся быть правящими классами въ нашей странѣ, а равно и всѣхъ тѣхъ, кто, занимая болѣе скромное положеніе въ жизни, своимъ голосованіемъ возносятъ этихъ правящихъ на ихъ вліятельные отвѣтственные посты“.** „Наука, въ наши дни, не занимаетъ принадлежащаго ей по праву мѣста; тѣ, кто нами правятъ, мало смыслятъ въ ея методахъ и въ томъ, чему она учитъ“.*** Наконецъ, на австралійской сессіи Британской Ассоціаціи осенью 1914 года была произнесена рѣчь, такъ озаглавленная: „Мѣсто разума (науки) въ государствѣ и въ школѣ“.****

Два извѣстныхъ ученыхъ, профессоръ химіи Армстронгъ и профессоръ механики Перри, по ихъ собственному заявленію, уже тридцать лѣтъ плечомъ къ плечу воюющіе за радикальную реформу англійской школы, начиная съ университетовъ и кончая элементарной, выступили съ общимъ тезисомъ: долой гегемонію литературно-классической школы и связанные съ нею пережитки и предразсудки и шире дорогу школѣ научной, которой несомнѣнно принадлежитъ будущее. Прежде всего отмѣтимъ, что ни тотъ, ни

---

* Необходимо замѣтить, что наука, science на англійскомъ языкѣ значитъ естествознаніе.

** Times, 1913 г. — когда она еще не была куплена лордомъ Нортклифомъ.

*** Science progress in the twentieth Century, 1913. Въ то время во главѣ этого журнала стоялъ цѣлый комитетъ извѣстныхъ ученыхъ, теперь имъ заправляетъ диктаторски, хотя извѣстный ученый, но въ то же время отставной майоръ и въ чисто научномъ журналѣ стали появляться статьи въ родѣ: Чаемая (the hoped for) революція въ Англіи (Sc. Pr. July 1915), гдѣ разбирается вопросъ: не пришла ли пора всѣхъ не военныхъ лишить избирательныхъ правъ?

**** The place of Wisdom (science) in the State and in Education. Prof. Armstrong Britt. Ass. at Melburn Aug. 14, 1914.

другой не являются врагами литературнаго образованія, какими желали бы ихъ выставить ихъ противники. „Замѣчу въ скобкахъ, говоритъ Армстронгъ, что мы рѣшительно протестуемъ противъ обвиненія, взводимаго противъ насъ литераторами, будто наша научная братія хочетъ совсѣмъ вытѣснить изъ школъ литературныя занятія. Мы, напротивъ, желаемъ только болѣе правильнаго литературнаго образованія и жалуемся на пріемы и содержаніе этого образованія, особенно жалуемся мы на пренебреженіе въ школахъ къ англійскому языку".

Къ этимъ словамъ Армстронга, можно прибавить, что не такъ давно знаменитый физикъ Рэли жаловался, что англійскіе студенты не достаточно свободно выражаются на родномъ языкѣ, а въ цитируемой выше статьѣ Science Progress авторъ, жалуясь на то, что наука не занимаетъ должнаго ей мѣста, указываетъ, какъ на одну изъ причинъ, на то, что люди, посвящающіе себя наукѣ, часто не обладаютъ способностью выражаться просто и понятно для толпы.

Приступая къ главному содержанію своей рѣчи, Армстронгъ напоминаетъ слова Гёксли: „Вся современная мысль проникнута наукой. Величайшій умственный переворотъ, который когда-либо видѣло человѣчество, совершился при содѣйствіи науки; она учитъ насъ, что высшій аппеляціонный судъ принадлежитъ наблюденію и опыту, а не авторитету. И ничего этого наша стереотипная школа не принимаетъ во вниманіе". „Потомство пристыдитъ насъ, если мы не позаботимся все это исправить. Да что потомство, если мы проживемъ еще двадцать лѣтъ, наша собственная совѣсть пристыдитъ насъ". „Эти слова были сказаны въ 1861 году, продолжаетъ Армстронгъ, прошло не двадцать, а пятьдесятъ лѣтъ, а мы такъ же наги и не стыдимся наготы своего невѣжества, словно у насъ нѣтъ вовсе совѣсти, которая крикнула бы намъ — стыдно! Можетъ быть, у васъ (т. е. въ Австраліи) дѣло обстоитъ благополучнѣе, но у насъ дома сдѣлано очень мало для исцѣленія общественнаго невѣжества, которое такъ оплакивалъ Гёксли. Онъ недостаточно оцѣнивалъ могучую силу — силу невѣжества и равнодушія общества; онъ не предвидѣлъ, что эта мощь скорѣе возрастетъ, чѣмъ исчезнетъ. Въ Англіи духъ Оксфорда пока еще царитъ — духъ чисто литературныхъ круговъ, духъ средневѣковья и обскурантизма, бросающій взгляды скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ". *

„Но въ чемъ Гёксли, конечно, не ошибся — это въ оцѣнкѣ

* Ораторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, такъ называемое „Оксфордское движеніе" обратно къ католичеству, дѣлающее повидимому большіе успѣхи. Мой англійскій книгопродавецъ недавно прислалъ мнѣ рекламу о дорогомъ трехтомномъ изданіи „Возрожденіе католичества въ Англіи"; не забудемъ, что Вестминстерскій соборъ въ Лондонѣ — католическій.

правъ современной ему науки на общественное вниманіе, — а что она еще создала съ той поры за краткій періодъ, охватываемый моими личными воспоминаніями!

Броненосцы и нарѣзное оружіе, динамитъ, открытіе причины желтой лихорадки и маляріи, сдѣлавшіе возможнымъ осуществленіе Панамскаго канала. Правда, Great Eastern такъ и застрялъ безъ употребленія, но левіаѳаны, оставившіе его далеко позади, бороздятъ океаны. Паровыя турбины, побивающія паровую машину, и успѣхи холодильнаго дѣла открыли возможность пересылать свѣжее мясо отъ васъ въ Европу. Электричество, въ то время только многообѣщающее дитя, выросло во весь свой гигантскій ростъ; не только трансатлантическій кабель, но и всѣ формы механической передачи рѣчи, безпроволочный телефонъ и фонографъ, телеграфъ, электрическое освѣщеніе, передача электрической энергіи на далекія разстояніи — все это возникло на глазахъ одного поколѣнія. Могучіе водопады во всѣхъ концахъ земли подчинились власти человѣка, превратились въ источники колоссальной энергіи и позволили намъ получать температуры, соперничающія съ солнцемъ и стали источниками питанія растеній, превращая элементы атмосферы въ драгоцѣнное удобреніе. Жидкое топливо почти изгнало лошадей изъ нашихъ городовъ и осуществило мечту миѳическихъ временъ — полетъ по воздуху, и уже поговариваютъ, о томъ, чтобы перелетать на воскресенье изъ Лондона въ Нью-Іоркъ. Ціанистый способъ добыванія золота создаетъ баснословныя богатства. Изъ угольнаго дегтя, которымъ бывало смазывали заборы, мы создали палитру, которой позавидуетъ сама красавица-природа. Пастёръ сдѣлалъ возможнымъ Листера, и благодаря этому уже нѣтъ ничего невозможнаго для искусства хирурга. Бактеріологія стала подручной пособницей медицины и санитарной науки. Не только бумага, но даже шелкъ выдѣлываютъ изъ грубой древесной массы, а изъ зловонныхъ отбросовъ — тонкіе духи.

Еще не далеко то время, когда научное изслѣдованіе встрѣчалось вопросомъ cui bono, на какой прокъ? Теперь скорѣе можно надоѣсть такимъ безконечнымъ перечнемъ того, что дала наука человѣчеству и, замѣтимъ, благодаря не только изобрѣтателю, какъ обыкновенно думаютъ, но именно изслѣдователю. Начало той власти надъ электричествомъ, которая такъ характеризуетъ современную жизнь, можно въ значительной мѣрѣ прослѣдить до той тѣсной, плохо освѣщенной лабораторіи въ Британскомъ Институтѣ, гдѣ работалъ Фарадэ, имѣя въ виду только одну цѣль „расширеніе знаній“.

Но намъ остается упомянуть величайшее изъ научныхъ завоеваній нашего времени — провозглашенное Дарвиномъ эволюціонное ученіе. Не многіе отдаютъ себѣ отчетъ въ значеніи этого открытія для человѣчества; не многіе въ состояніи оцѣнить тотъ шагъ впередъ въ его умственномъ развитіи, который связанъ съ появленіемъ этого ученія. Только благодаря

ему, завоевали мы полную умственную свободу, отрѣшились отъ всякихъ догмъ и сознали, что только отъ насъ самихъ зависитъ „строительство нашей жизни". Наука возникла и стала процвѣтать только съ того момента, когда была завоевана полная свобода мысли; ни при какихъ другихъ условіяхъ она немыслима.

„Если и теперь мы имѣемъ въ наукѣ нѣчто совершенно неизвѣстное прежнимъ цивилизаціямъ, то чего же мы отъ нея должны ожидать въ будущемъ". „Если нашей цивилизаціи не будетъ суждено испытать такое же возвышеніе и паденіе, какое испытали прежнія, или, выражаясь осторожнѣе, если наше паденіе совершится не съ такой стремительностью, какъ у нашихъ предшественниковъ, то это совершится не благодаря абстрактной мысли, а именно благодаря тѣмъ силамъ, которыми снабжаетъ насъ наука, благодаря тому широкому разуму, который развивается съ изученіемъ природы. И вотъ почему я настаиваю на необходимости развитія разума путемъ изученія наукъ какъ въ государствѣ такъ и въ школѣ".

„Становится все яснѣе и яснѣе, что двѣ новыя силы управляютъ современнымъ міромъ — не одна наука, но и широкій, альтруистическій соціализмъ. Оба являются порожденіемъ той же свободной мысли, вырвавшейся изъ оковъ разныхъ церквей. Первая учитъ основывать наши дѣйствія на знаніи и быть практичными, основываясь на теоріи. Второй ведетъ неизмѣнно, хотя и медленно, къ сознанію, что мы должны уважать другъ друга, но должны также сознавать, какъ безпомощно само въ себѣ простое большинство, безъ руководства тѣхъ, кто можетъ указывать ему путь впередъ. Нашъ соціализмъ долженъ положить въ основу науку, тогда только будетъ онъ соціализмомъ разумнымъ, сознающимъ необходимость подчинять стремленія личности истиннымъ интересамъ общины".

„Тому необъятному росту завоеваній науки, на который я могъ только намекнуть, далеко не соотвѣтствовалъ ростъ общественнаго пониманія. У насъ, пожалуй, одно только адмиралтейство прибѣгаетъ къ услугамъ науки, даже самое элементарное представленіе о методѣ науки не относится къ условіямъ воспитанія „гражданскаго чиновника". Мы управляемся людьми, воспитанными исключительно въ литературномъ духѣ, наука же возникла на почвѣ опыта". „Бальфуръ недавно вновь пытался доказать, будто наука отправляется отъ многихъ недоказанныхъ допущеній и потому ея методъ не отличается отъ метода метафизиковъ. Но это его заявленіе ни на чемъ не основано. Истинная наука основывается только на фактахъ и на логикѣ и постоянно подвигается по пути достовѣрности своего знанія. Если та или другая временно допущенная гипотеза оказались невѣрной, мы отъ нея отказываемся, какъ мы сбрасываемъ одежду, оказывающуюся болѣе негодной. Въ наукѣ, какъ на судѣ, мы можемъ оказаться жертвой ложнаго свидѣтельства, но мы тѣмъ выгодно отличаемся отъ суда, что постоянно прибѣгаемъ къ новой провѣркѣ, отыскиваемъ новыя доказательства.

Наша увѣренность крѣпнетъ, по мѣрѣ того, какъ время подвигается, не принося съ собой противорѣчій. Ньютоново ученіе о всеобщемъ тяготѣніи и Долтонова атомистическая теорія относятся къ числу обобщеній, подъ которыя подходятъ всѣ извѣстные факты и противъ которыхъ не предъявлено ни одного исключенія. А если бы исключенія были намъ предъявлены, мы признали бы недостаточность теоріи. Бальфуръ выдвигаетъ вопросы изъ области метафизики и вѣры — здѣсь опытъ и наблюденія безсильны. Но и словесныя хитросплетенія нисколько насъ не подвигаютъ впередъ. Медоточивыя словоизверженія Бергсоновской философіи не выдерживаютъ анализа науки; они обращаются только къ нашему слуху — подобно церковной музыкѣ".

Далѣе Армстронгъ переходитъ къ задачамъ школы, разбирая чисто педагогическіе вопросы, — въ теченіе сорока лѣтъ, говоритъ онъ, я изучалъ науку, но также изучалъ и тѣхъ, кто ей учится, и тѣхъ, кто ей учитъ" и приходитъ къ такому заключенію — формулированному словами Киплинга: „воспитаніе, высшее изъ благъ, но только тогда, когда оно перваго сорта, иначе оно ни на что не годно".

„Главное зло въ томъ, что преобладающій типъ преподавателя, до университетскаго включительно — тотъ литературный типъ, разсадникомъ котораго былъ и остается Оксфордъ съ его приманкой классическихъ стипендій; въ Кэмбриджѣ, благодаря противовѣсу математики, а въ послѣдніе годы медицины и естествознанія, дѣло обстоитъ нѣсколько лучше". „Для того, чтобы сочувствовать чему-нибудь, надо это дѣло понимать, а люди литературнаго типа не сочувствуютъ, не могутъ сочувствовать практической сторонѣ научнаго изслѣдованія потому, что ничего не смыслятъ въ экспериментальной наукѣ, да и не желаютъ смыслить".

„Между нами не должно быть недоразумѣній. Представители литературной выучки всегда опираются на прошлое, къ которому, скажемъ мимоходомъ, не слѣдуетъ присматриваться слишкомъ пристально. Въ будущемъ, имъ не обойтись безъ заимствованій изъ чужого умственнаго капитала. Наша школа не имѣетъ еще прошлаго, на которое стоило бы ссылаться, но зато передъ нами свѣтлое будущее. Мы можемъ быть къ нимъ справедливы; мы всегда будемъ искать ихъ помощи, мы болѣе чѣмъ благодарны имъ за ихъ услуги. Но война между нами будетъ на ножахъ, если они не признаютъ, что въ вѣкъ прогресса они не могутъ предводительствовать нами и что въ будущемъ мы не намѣрены мириться съ узкой самонадѣянностью ученаго классика. Человѣкъ съ чисто литературнымъ воспитаніемъ всегда будетъ невѣждой въ наукѣ и будетъ ее презирать".

„Если правъ Гексли, что благодаря наукѣ человѣчество переживаетъ величайшую умственную революцію, какую видала исторія, и если эта наука научитъ его, что высшимъ аппелляціоннымъ судили-

щемъ является наблюденіе и опытъ, а не авторитетъ, научить его цѣнности доказательства*, тогда не обязаны ли мы стремиться къ тому, чтобы научить всѣхъ, въ извѣстной мѣрѣ, природѣ доказательствъ, научить ихъ сущности наблюденія и опыта, и я полагаю, въ этомъ направленіи многое можетъ быть сдѣлано".

Армстронгъ дѣлится даже со своими слушателями цѣнными результатами своей педагогической опытности и разсказываетъ, какъ ему „удалось побороть въ своихъ ученикахъ (въ числѣ которыхъ былъ и его сынъ, теперь уже извѣстный ученый) тѣ исключительно литературные вкусы, которые имъ привила школа. Такимъ образомъ, онъ получилъ экспериментальное доказательство тому, что люди, научившіеся простымъ измѣреніямъ, наблюденіямъ и опытамъ пріобрѣтаютъ способность сами ставить вопросы и получать на нихъ фактическіе отвѣты, оказываясь на болѣе высокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ въ сравненіи съ тѣми, кто такой школы не продѣлалъ.

Такое обученіе возможно даже въ элементарной школѣ подъ условіемъ, что данъ способный учитель, но примѣненіе такого способа въ широкихъ размѣрахъ потребовало бы воспитанія цѣлаго новаго поколѣнія учителей. „Для этого необходимо всѣми средствами внушать, что наука не простой перечень извѣстныхъ ученій, а прежде всего методъ, что ея единственная цѣль — исканіе и нахожденіе истины".

Далѣе ораторъ основывается на главныхъ препятствіяхъ къ развитію науки въ школѣ. Главнымъ препятствіемъ, „которымъ болѣе всего грѣшатъ университеты", по его мнѣнію, являются „экзамены". „Это какая-то узаконенная отрасль промышленности" и „наше общее невѣжество не въ малой степени опредѣляется преклоненіемъ передъ этимъ фетишемъ — экзаменомъ". „Воспитаніе нашего юношества всецѣло ставитъ себѣ за образецъ подготовку призового скота для выставокъ" **.

* Курсивъ мой. Мнѣ придется на эти слова далѣе сослаться.

** Если почтенный англійскій профессоръ такъ относится къ экзаменамъ въ Англіи, гдѣ, во всякомъ случаѣ, обѣ стороны смотрятъ на нихъ серьезно, то въ какой ужасъ пришелъ бы онъ, если бы услыхалъ о томъ, что творится у насъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я высказалъ мнѣніе: „у насъ все сведено къ экзамену, а экзаменъ сведенъ къ нулю", и все послѣдующее только еще болѣе убѣждаетъ меня въ вѣрности этой формулировки; экзаменуются круглый годъ, такъ сказать, походя, гдѣ и какъ попало; чуть не первое слово, которое слышитъ преподаватель отъ своей аудиторіи, — а когда у васъ экзаменъ (или какой нибудь его суррогатъ)? А съ другой стороны, ему даютъ понять, что отъ его курса ожидаютъ не знанія, не картины современнаго состоянія науки, а того, что будетъ требовать офиціальный экзаменаторъ, который порой отсталъ отъ науки на полвѣка. А главное, что учащіеся втягиваются въ эту систему хронической экзаменовки и чуть не видятъ въ ней свои священныя права. Если дѣло пойдетъ такъ далѣе, то мы будемъ отвѣчать передъ потомствомъ за умственную гибель цѣлыхъ поколѣній.

Въ заключеніе Армстронгъ ставитъ вопросъ о необходимости защиты своихъ интересовъ самими учеными. „Если въ основѣ научной дѣятельности лежитъ индивидуальное усиліе, то коллективное дѣйствіе необходимо для того, чтобы создать работнику науки благопріятныя условія для его труда и обезпечить этому труду внѣшній успѣхъ". Боевая натура, какъ нѣкогда Бэконъ, онъ взываетъ къ ученымъ обществамъ, съ Королевскимъ во главѣ, укоряя ихъ въ излишней пассивности. Внутри себя, они удѣляютъ слишкомъ мало мѣста въ своей дѣятельности критикѣ и дебатамъ, а извнѣ недостаточно пользуются своимъ вліяніемъ, не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, не заботятся о томъ, чтобы наука заняла соотвѣтствующее ея значенію положеніе въ глазахъ всего общества, вслѣдствіе чего насущные интересы науки остаются безъ надлежащаго представительства, ко вреду знанія и общаго прогресса. „Наука должна сама организоваться; она призвана быть руководящимъ дѣятелемъ цивилизаціи. Задачи колоссальной важности надвигаются на насъ, и мы не можемъ долѣе существовать безъ разума!"

Въ pendant къ этой рѣчи Армстронга его единомышленникъ, еще болѣе извѣстный ученый, профессоръ механики Перри, сказалъ другую рѣчь, въ которой съ неподражаемымъ остроуміемъ и горячностью нападаетъ на господствующую еще въ Англіи классическую систему *.

Рѣчи обоихъ ученыхъ раздавались, когда уже въ далекой Европѣ грохотали пушки. Потянулись мѣсяцы ужаса, казавшіеся годами; въ это время наука возбуждала интересъ развѣ только своею матеріальною стороною, какъ орудіе наиболѣе искуснаго истребленія человѣчества, да развѣ еще какъ средство для возвращенія цѣлыхъ странъ къ забытому натуральному хозяйству. Но вотъ въ самое недавнее время, въ самый разгаръ борьбы, въ послѣднемъ, полученномъ мною, выпускѣ англійскаго журнала „Nature" (18 ноября 1915 г.) снова звучитъ нотка какъ бы изъ того недавняго, но ушедшаго въ такую безконечную даль отъ насъ прошлаго. Статья озаглавлена „Наука для всѣхъ" (Science for all); она редакціонная и можетъ быть принадлежитъ перу редактора, престарѣлаго знаменитаго астронома Локіера **. Нѣкоторыя мысли автора статьи служатъ очень удачнымъ дополненіемъ рѣчи Армстронга, хотя мѣстами и могутъ казаться въ противорѣчіи съ ней. Приведу ее въ такомъ же сокращеніи, какъ и рѣчь Армстронга.

„Недостаточное вниманіе, удѣляемое наукѣ, какъ въ школѣ, такъ и въ обществѣ, уже было предметомъ многочисленныхъ рѣчей и журнальныхъ статей. И въ той, и другой области науку продолжаютъ

* Вотъ одинъ изъ его выпадовъ: „Латинскій и греческій языки — это тѣ двѣ пуговки, которыя мы продолжаемъ пришивать на спины своихъ сюртуковъ — когда-то онѣ имѣли смыслъ, но онъ давно утраченъ.

** Онъ принималъ большое участіе въ оригинальномъ учрежденіи, носящемъ названіе Научной Гильдіи.

считать удѣломъ лишь немногихъ избранныхъ, а не существенной составной частью современной жизни и мысли. Латынь и греческій, да еще литература иныхъ временъ пользуются такимъ же исключительнымъ уваженіемъ, какимъ пользовались въ тѣ времена, когда научныя истины еще не измѣнили кореннымъ образомъ нашихъ представленій о жизни, и массы народа „какъ и большинство тѣхъ, кто ими правитъ, лишены того источника свѣта, который долженъ бы освѣщать умы всѣхъ людей. Мы ни на минуту не увлекаемся мыслью, что конечною цѣлью всякаго воспитанія должно быть стремленіе къ научной дѣятельности, также какъ и не увлекаемся мыслью, что любой литераторъ, государственный дѣятель или чиновникъ департамента можетъ стать научнымъ экспертомъ. Такія требованія были бы неблагоразумны, хотя и не въ большей мѣрѣ, чѣмъ ходячее убѣжденіе, что короткое знакомство съ классическими языками и литературой является необходимымъ подготовленіемъ къ общественной дѣятельности. Мы только заявляемъ требованіе, чтобы всякій, начиная со школьника и кончая университетскимъ преподавателемъ, обладалъ основными представленіями о томъ, что такое научный трудъ и научная мысль. Мы признаемъ необходимымъ, чтобы наука входила составною частью въ систему общаго воспитанія, и настаиваемъ на томъ, что время, въ которое мы живемъ, требуетъ признанія выдающагося вліянія науки и лежащихъ въ ней залоговъ будущаго развитія. Только тогда, когда будутъ осуществлены эти требованія, современная публика перестанетъ быть жертвой невѣжественной ежедневной прессы и перестанетъ мириться съ пренебреженіемъ офиціальныхъ сферъ къ росту научныхъ знаній".

Авторъ далѣе обсуждаетъ современные школьные методы и, между прочимъ, высказываетъ нѣсколько вѣрныхъ мыслей относительно того излишняго увлеченія школьными практическими занятіями, которыя по необходимости очень суживаютъ кругъ понятій и знакомство съ общимъ содержаніемъ наукъ и тѣмъ едва ли способствуютъ возбужденію общаго интереса къ наукѣ.

„Всякій преподаватель, конечно, знаетъ, — говоритъ авторъ статьи, — какъ рѣдко ученикъ въ состояніи придумать самъ свой опытъ или самъ вывести какой-нибудь законъ или обобщеніе изъ результатовъ собственныхъ практическихъ изслѣдованій и всѣ чудеса науки, лежащія за этими по необходимости узкими рамками, остаются ему незнакомыми, а между тѣмъ, главная цѣль, къ которой должно стремиться, заключается именно въ томъ, чтобы интересъ къ наукѣ сохранился за предѣлами школы". „Прочный, сохраняющійся на всю жизнь интересъ къ наукѣ — вотъ лучшая, единственная мѣрка успѣшности школьнаго воспитанія".

И авторъ полагаетъ, что широкое, хотя бы только качественное знакомство съ наукой, болѣе способно сохранить интересъ къ наукѣ, чѣмъ узкое количественное упражненіе на очень ограниченномъ

полѣ дѣятельности, которое отмежевано въ современной средней школѣ.

„Въ исключительной погонѣ за тщательностью наблюденія и осторожностью въ заключеніяхъ, забываютъ, что наука должна быть не только точной, но и представлять общечеловѣческій интересъ".

„Забвеніемъ этой стороны дѣла, привлекающей общее вниманіе, объясняетъ авторъ тотъ фактъ, что наука утрачиваетъ ту популярность, которой недавно пользовалась, и становится только удѣломъ немногихъ надѣющихся въ ней преуспѣть.

„Было бы жаль, если бы наука представлялась людямъ чѣмъ-то въ родѣ подавляющей массы фактовъ и точныхъ принциповъ, умѣщающихся только въ спеціальныхъ къ тому приспособленныхъ головахъ." „Побольше будящей мысли, поменьше сухихъ костей! Необходимо, чтобы каждый зналъ что-нибудь о жизни и о трудахъ такихъ людей, какъ Галилей, Ньютонъ, Пастёръ, Листеръ, Дарвинъ * и многіе другіе піонеры науки. А средствомъ къ тому служатъ не лабораторныя занятія немногихъ, а подходящая литература для всѣхъ. Въ такихъ книгахъ, предназначенныхъ для широкаго чтенія, воодушевленію должно быть дано предпочтеніе передъ погоней за обширностью сообщаемыхъ свѣдѣній и широкія черты великихъ открытій и плодотворныя мысли должны замѣнять скуку сухихъ подробностей". „Завоеванія науки представляютъ расширеніе знаній не того только, кто ихъ сдѣлалъ, даже не извѣстныхъ странъ и народовъ, а всего человѣчества. Завоеванія эти не означаютъ расширеніе одной страны, одного народа въ ущербъ другому; они несутъ съ собою дары всѣмъ, кто готовъ ихъ принять. Единственная область, въ которую проникаетъ побѣдитель — область невѣжества, и борьба идетъ противъ смерти, какъ физической, такъ и моральной, являющейся послѣдствіемъ этого невѣжества".

Невѣжество въ средніе вѣка создало изъ чумы бичъ всей Европы; наука показала, что она кроется въ бациллѣ, распространяемой крысами. Невѣжество приписывало малярію и желтую лихорадку вредоноснымъ болотнымъ міазмамъ — наука нашла распространяющихъ ихъ насѣкомыхъ. Страны, считавшіяся „могилой бѣлыхъ", стали здоровымъ убѣжищемъ, и тѣмъ разрѣшилось геніальное предпріятіе Панамскаго канала.

„Въ такихъ, возвышающихъ духъ эпическихъ сказаніяхъ найдутъ интересъ и старъ и младъ. И когда они войдутъ въ обиходъ школы, увеличатся ряды сочувствующихъ наукѣ. Одно опре-

* Здѣсь стоитъ еще Мендель; я счелъ возможнымъ выкинуть это имя, такъ какъ, очевидно, авторъ повторяетъ его съ чужого голоса. Въ настоящее время, когда и сами менделъянцы вынуждены признаться, какъ односторонне и неосновательно раздута эта слава, я нахожу только справедливымъ не вводить читателя въ заблужденіе. Исторія менделизма (не дѣятельность самого Менделя) сохранится какъ примѣръ могущества, даже въ наукѣ — рекламы.

дѣленіе удѣльныхъ теплотъ и химическихъ эквивалентовъ не замѣнитъ повѣсти о завоеваніяхъ человѣческой мысли и труда. Мы требуемъ расширенія кругозора учащихся, простирающагося за предѣлы краткихъ учебниковъ и руководствъ къ практическимъ занятіямъ, мы требуемъ, чтобы историко-литературное образованіе въ каждой школѣ, въ каждомъ среднемъ училищѣ включало бы и свѣдѣнія о великихъ подвигахъ и обобщеніяхъ науки, мы увѣрены, что предметъ этотъ можетъ быть сдѣланъ привлекательнымъ для всѣхъ умовъ и что причины отсутствія общаго и сознательнаго къ нему влеченія заключаются въ отсутствіи подходящей научной литературы для всѣхъ ступеней нашей школы".

„Къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрно, что современные ученые часто слишкомъ сосредоточиваютъ вниманіе на своей узкой спеціальности, не интересуясь тѣмъ, что творится за ея предѣлами, утрачивая вѣрное представленіе объ умственной перспективѣ". „Спеціализація важна для успѣховъ науки, но если она въ то же время означаетъ равнодушіе къ вліянію и воздѣйствію на болѣе широкіе внѣшніе круги, она не представляетъ высшаго типа умственной дѣятельности".

„Какой убѣдительностью могутъ обладать наши призывы къ стоящему внѣ предѣловъ науки обществу, призывы оказывать должную оцѣнку значенію науки, когда сами ученые не интересуются результатами изслѣдованія своихъ товарищей въ другихъ областяхъ и сами не заботятся о томъ, чтобы быть понятыми за предѣлами самого тѣснаго кружка. Этимъ объясняется фактъ, почему такъ незначителенъ спросъ на популярно-научныя книги, такъ малочисленны аудиторіи, собираемыя лекторами по научнымъ предметамъ. Мы можемъ сказать, не боясь впасть въ противорѣчіе съ дѣйствительностью, что интересъ даже къ такому увлекательному предмету, какъ астрономія, охладѣлъ въ сравненіи съ тѣмъ, что наблюдалось пятьдесятъ, пожалуй, сто лѣтъ тому назадъ. Конечно, встрѣчаются исключенія, но большинство писателей и лекторовъ, вѣроятно, на собственномъ опытѣ испытали то же, что нами сказано объ астрономіи. Замѣчается громадный спросъ на періодическую и чисто литературную печать, но популярно-научная литература мало поощряется, какъ учеными такъ и публикой".

„Къ сожалѣнію, научный трудъ очень часто идетъ рука объ руку съ посредственными литературными достоинствами, хотя произведенія ученыхъ вполнѣ выдерживаютъ конкуренцію съ произведеніями другихъ писателей, если только это не будутъ произведенія выдающихся литературныхъ талантовъ. Но можно усомниться, дѣлается ли все необходимое для поощренія у молодыхъ представителей науки умѣнія просто изложить свой предметъ такъ, чтобы сдѣлать его доступнымъ для народа". „Наука можетъ занять принадлежащее ей по праву мѣсто въ демократической странѣ, только при условіи, что ея труды, ея значеніе получатъ самое широкое распространеніе и оцѣнку. Тѣ, кто создаютъ новыя научныя цѣнности, будутъ продолжать накопле-

ніе своихъ сокровищъ, но они не должны забывать, что, возбуждая интересъ къ наукѣ въ народѣ, они обезпечиваютъ поддержку своему труду и широкому приложенію полученныхъ ими результатовъ".

„Война заставила людей думать серьезно, и уже появляются признаки, что читающая публика вскорѣ обнаружитъ спросъ на что-нибудь болѣе серьезное, чѣмъ та легкая пища, которой ее угощали за послѣдніе годы. Что могло бы быть лучше неистощимыхъ запасовъ научнаго знанія, если бы только ихъ подносили ему въ привлекательной формѣ. Ученые могутъ справедливо гордиться тѣмъ, что ихъ трудами наполняется житница науки, но на нихъ еще лежитъ обязанность, чтобы вся нація не погибала отъ недостатка, побуждающей къ здоровой дѣятельности, пищи, снабжать которой въ ихъ власти. Если въ ближайшемъ будущемъ не наступитъ царство науки, то пусть это будетъ не вслѣдствіе недостатка попытокъ пробудить въ читающей публикѣ интересъ къ этой наукѣ, а вслѣдствіе того, что люди сами желаютъ оставаться глухими къ голосу истины, несущемуся изъ храма самой природы, не желаютъ обладать той мощью, которую даетъ только познаніе этой истины".

Таковы голоса, несущіеся изъ страны старой культуры; раздавались они и передъ войной, раздаются вновь и теперь въ самый, можетъ быть, грозный ея моментъ. Обращаются съ ними къ своему народу и люди въ самомъ расцвѣтѣ своей дѣятельности, и убѣленные сѣдинами, и умудренные жизненнымъ опытомъ старики.

Редакція молодого журнала, сознавая, что и для нашего народа наступаетъ роковой моментъ, что и онъ стоитъ на распутьѣ своей умственной жизни — между пережитками прошлаго и задачами будущаго,— и, вѣроятно, вспомнивъ, что и 20 и 30 и 40 лѣтъ тому назадъ я высказывалъ почти то же и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ *, предложила мнѣ сказать нѣсколько словъ приблизительно на такую тему: нужно ли нашему обществу развитіе на здоровыхъ основахъ науки?

Не желая повторяться, я предпочелъ дать эту сводку самыхъ свѣжихъ и вѣскихъ отзывовъ моихъ западныхъ единомышленниковъ **, а въ заключеніе остановлюсь только на нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ, существованія науки у насъ, въ Россіи наглядно обнаруживаемыхъ даже въ мимолетныхъ явленіяхъ нашей современной умственной жизни. Факты эти заставляютъ насъ съ тревогой вглядываться въ будущее *нашей науки въ нашемъ обществѣ*.

Я не касаюсь такихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ протекаетъ жизнь нашей науки, какъ небывалый въ исторіи цивилизаціи

---

* На это указываетъ уже одни заголовки моихъ статей: „*Наука и общество*", „*Общественныя задачи ученыхъ обществъ*", „*Возрожденіе науки въ Россіи и пр.*", „*Насущныя задачи современнаго естествознанія*" и т. д. и т. д.

** Если бы кого интересовало мое отношеніе къ значенію науки вообще, могу указать на статью „*Наука*", которая должна появиться на-дняхъ въ Энциклопедіи братьевъ Гранатъ.

фактъ погрома цѣлаго университета, съ которымъ наше „общество“ примирилось какъ съ обычнымъ „бытовымъ явленіемъ“ *, а остановлюсь на простыхъ событіяхъ дня характеризующихъ отношеніе верховъ нашихъ культурныхъ слоевъ къ самымъ основамъ научнаго склада мышленія, остановлюсь на мимолетныхъ событіяхъ, случившихся за дни или почти за часы, когда я набрасывалъ эти строки. Мы видѣли, что въ старыхъ культурныхъ странахъ торжество науки отождествляется съ торжествомъ „разума“ а ея воспитательное вліяніе видятъ въ томъ, что она учитъ природѣ „доказательства“. Но почти въ ту минуту, когда я заканчивалъ эти строки, мнѣ подали маленькій понедѣльничный листокъ Русскихъ Вѣдомостей (16 ноября), въ которыхъ я остановился на слѣдующемъ знаменательномъ фактѣ. Въ самомъ выдающемся русскомъ философскомъ обществѣ (Московскомъ Психологическомъ) читался обширный докладъ, авторъ котораго приходилъ къ такимъ выводамъ:)цитирую по Р. В.). „Особенно любопытна философія исторіи. Все хотятъ „естественно“ безъ чудесъ объяснить ходъ исторіи. А чѣмъ естественное объясненіе лучше чудеснаго?“ „Истину надо утверждать, а не доказывать“. „Меньше доказательствъ, больше смѣлости, произвола“.

Заключенія докладчика встрѣтили одобрительную поддержку. Въ числѣ одобрявшихъ было два философа (nomina sunt odiosa), еще недавно властители „думъ“ нашей несчастной молодежи.

„За разумъ“, заканчиваетъ свой отчетъ газетный репортеръ, заступились „только двое“.

Есть надъ чѣмъ задуматься; въ раздумьѣ подхожу къ окну. Передъ нимъ уже третій годъ возвышается трехъ-этажное зданіе. Въ одномъ его названіи заключается что-то загадочное:

„Филологическая лабораторія“, физическая или физіологическая лабораторія при филологическомъ факультетѣ — звучитъ оно какъ-то странно, чѣмъ то въ родѣ contradictio in adjecto, а между тѣмъ это сооруженіе является плодомъ щедрыхъ частныхъ пожертвованій и пользуется особымъ поощреніемъ предержащихъ властей (говорю это также на основаніи газетныхъ свѣдѣній). Хозяинъ этой псевдо-лабораторіи — философъ-психологъ **.

И представляется мнѣ, будто культивируемая въ этомъ зданіи, подъ ферулой философіи, наука похожа на какую-то жалкую собачку, водимую на привязи „служанкой теологіи“ ***.

* Невольно припоминается другое сходное, почти современное, явленіе: Фердинандъ Кобургскій, подъ сердитую руку, разогналъ Софійскій университетъ, но болгарское общество заступилось за свой университетъ, поддержало учащихъ и учащихся, и черезъ годъ всѣ вновь водворились въ стѣнахъ своего университета.

** Не знаю, присутствовалъ ли онъ на знаменитомъ засѣданіи своего общества, но въ числѣ заступившихся за разумъ имя его не приведено.

*** Ancilla Theologiae — прозвище, данное философіи вѣками вѣры. Философъ этой лабораторіи на первыхъ страницахъ своей книги „Введеніе въ

Но, можетъ быть, скажутъ, это еще не верхи, это только университетъ. Случай завелъ меня еще выше и уже въ самую святая святыхъ науки. Берусь за перо, и снова мнѣ подаютъ новую, но уже не газету, а цѣлую книгу: „Извѣстія Императорской Академіи Наукъ", Петроградъ, 15-го ноября 1915 г. Пробѣгаю оглавленіе и останавливаюсь съ изумленіемъ на заголовкѣ „Рефлексы какъ творческіе акты".

Сначала я улыбнулся, подумалъ: старушка академія и та не устояла отъ соблазна трескучихъ рекламныхъ заголовковъ. Но помѣрѣ того, какъ я подвигался въ чтеніи, по счастью очень коротенькой, статейки, подписанной незнакомымъ мнѣ именемъ С. И. Метальникова, я убѣждался, что тутъ нѣчто похуже простого рекламнаго заголовка. На 18 страничкахъ авторъ съ одного размаха уничтожаетъ столѣтніе успѣхи одной изъ блестящихъ областей физіологической науки отъ Маршала Голла и до Ивана Петровича Павлова. Вкратцѣ дѣло вотъ въ чемъ. Всякій, кому приходилось что-нибудь читать или слыхать о физіологіи нервной системы, знаетъ, **что** именно физіологи разумѣютъ подъ словомъ „рефлексы", а всякій образованный русскій человѣкъ съ гордостью связываетъ это слово съ именемъ Сѣченова и Ивана Петровича Павлова.

Но вотъ нашелся зоологъ, которому пришла на умъ мысль распространить это слово на явленія, которыя съ ними ничего общаго не имѣютъ, на всякія явленія, наблюдаемыя имъ подъ микроскопомъ у инфузорій.

Беретъ онъ инфузорію Парамецію и даетъ ей заглатывать мелкія взвѣшенныя въ водѣ крупинки кармина. Крупинки эти, попадая въ инфузорію, описываютъ въ ней нѣкоторый путь и выбрасываются наружу. Наблюдателю вздумалось назвать это явленіе „рефлексомъ", но, справившись въ книгахъ, онъ узналъ, что ученые разумѣютъ подъ этимъ словомъ вполнѣ опредѣленныя явленія, при наличности вполнѣ сходныхъ условій, неизмѣнно повторяющіяся, — словомъ, закономѣрныя явленія, какими только и занимается наука. Такой закономѣрности въ наблюдаемыхъ явленіяхъ изслѣдователь не можетъ найти. Простой, здраво разсуждающій человѣкъ сдѣлалъ бы такой выводъ: я назвалъ это явленіе рефлексомъ, но основной характеристической особенности рефлекса — закономѣрности, повторяемости оно не представляетъ, слѣдовательно я не имѣлъ права называть его рефлексомъ.

Не такъ разсуждаетъ Г. Метальниковъ: я назвалъ его рефлексомъ, говоритъ онъ, но такъ какъ онъ не представляетъ того, что признаетъ за главную особенность рефлексовъ цѣлый рядъ великихъ ученыхъ, то значитъ всѣ они ошибались. То, что я на-

---

философію" требуетъ для философіи титула „царицы всѣхъ наукъ", но зато въ заключительныхъ строкахъ той же книги приходитъ къ выводу, что она должна быть на посылкахъ не только теологіи, но даже культа. (Челпановъ. Введеніе въ философію. 3 изд. 1907, стр. 13 и 513).

блюдалъ, не закономѣрно, а зависитъ отъ каприза или, выражаясь высокимъ философскимъ языкомъ, отъ „творчества“ инфузоріи, слѣдовательно и всѣ рефлексы „творческіе акты“.

Но и опытъ Метальникова и его ложный выводъ по существу давно предусмотрѣны людьми науки, привыкшими не только смотрѣть, но и думать о томъ, что они видятъ. Дарвинъ, указывая на затрудненія, представляющіяся при объясненіи явленій, происходящихъ въ живыхъ существахъ, говоритъ, что эти затрудненія могутъ зависѣть не отъ ихъ необъяснимости, а просто отъ сложности явленій, не поддающейся учету, и поясняетъ свою мысль такимъ сравненіемъ:

„Бросьте, говоритъ онъ, горсть пуху, и математики всего міра не вычислятъ путей всѣхъ отдѣльныхъ пушинокъ — станемъ ли мы говорить на этомъ основаніи, значитъ, ихъ полетъ не подчиняется законамъ механики?“

Точно такой опытъ дѣлаетъ Метальниковъ, бросая Парамеціи крупинки кармина, только предполагаемый Дарвиномъ глупый наблюдатель дѣлаетъ ложное заключеніе лишь по отношенію къ наблюдаемому имъ факту, а Метальниковъ заключаетъ: значитъ и движеніе въ другихъ случаяхъ зависитъ отъ творчества. Какъ-то попутно къ творчеству Парамеціи пристегивается имъ еще эпитетъ целесообразное*, а затѣмъ въ заключеніи статьи цѣлесообразность приписывается рефлексамъ вообще.

Неужели Г. Метальникову не извѣстно, что слово „цѣлесообразно“ уже не имѣетъ для біологовъ того „жупелнаго“ характера, который оно сохранило еще для философовъ, и что эпитетъ цѣлесообразный не увеличиваетъ „творческаго“ характера движеній кармина въ его Парамеціи?

Впрочемъ, Метальниковъ и не скрываетъ своей заботы угодить именно философамъ: вся статейка написана od majorem gloriam Бергсона. Долой результаты цѣлаго вѣка опытныхъ изслѣдованій, долой физіологію! Да здравствуетъ Бергсонъ и его Evolution creatrice!

---

* И везетъ же, какъ подумаешь, этой Парамеціи! Метальниковъ награждаетъ ее „цѣлесообразнымъ творчествомъ“, а года два тому назадъ одинъ мало извѣстный зоологъ и болѣе извѣстный ботаникъ Лотси признали: „что можетъ быть у Парамеціи существуетъ и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе какая-то генетическая вещь, которая обладаетъ способностью сообщать волнистость хвосту животнаго или тупость его зубамъ. Но такъ какъ хвоста и зубовъ еще не имѣется въ наличности, то эти вещи должны дожидаться своего времени“. (Lotsy Fortschritte unserer Auschauengen über Descendenz seit Darwin. Proogressus Rei Botanici 1913, стр. 383.) И несмѣтными миріадами такихъ вещественныхъ генъ Парамецiя обладала съ сотворенія міра! Конечно, даже схоластики-реалисты не доходили до такихъ Геркулесовыхъ столповъ безсмыслицы. А профессора Кольцова, реферирующаго въ „Природѣ“ статью Лотси, заключающую этотъ перлъ, заботитъ только вопросъ, чему уподобить эти гены — атомамъ ли обыкновенныхъ элементовъ или радіоактивныхъ?

У Г. Метальникова могутъ быть свои вкусы, это его дѣло. Но академіи вѣдь извѣстно, что содержаніе того, что печатается на страницахъ ея изданій, ею гарантируется*.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ петербургская Академія Наукъ на нѣсколькихъ страничкахъ, руками Коржинскаго, уничтожила Дарвинизмъ **.

Теперь снова на нѣсколькихъ страничкахъ, руками Метальникова, уничтожается цѣлая блестящая область физіологіи; труды Сѣченова и Ивана Петровича Павлова сводятся на ничто.

Но по злой, какъ принято говорить, а на этотъ разъ по доброй ироніи судьбы, черезъ два дня послѣ появленія пресловутой статьи Метальникова на другомъ концѣ Европы, въ Лондонѣ, нашелся голосъ въ защиту оскорбленнаго достоинства русской науки. Королевское общество въ своемъ годичномъ засѣданіи 17 ноября 1915 г. присудило Ивану Петровичу „за его ученіе объ условныхъ рефлексахъ" свою Коплеевскую медаль — высшую награду, которую можетъ получить ученый.

Въ чемъ же заключается коренное различіе между нами и старыми культурными странами? Тамъ вся забота сводится къ тому, чтобы распространять блага точнаго знанія на тѣ массы, которыя еще къ нему не пріобщились, у насъ къ этому присоединяются еще другія задачи, защита науки отъ натиска на нее внѣшнихъ враждебныхъ силъ и, что можетъ быть еще важнѣе, забота о спасеніи ея отъ невѣжественныхъ силъ, которыя кроются въ самыхъ съ виду культурныхъ слояхъ общества, даже въ рядахъ самихъ представителей науки. Часто по этому поводу невольно приходитъ на память извѣстная эпиграмма Пушкина:

О Боже праведный, Христе!
Ты, спасшій вора на крестѣ,
Теперь другое горе —
Спаси свой крестъ на ворѣ.

Прежде у науки была одна забота — спасать отъ мрака свѣтомъ науки, теперь рядомъ является другая — спасать науку отъ настигающаго ее мрака — отъ „произвола" философовъ и „творчества" инфузорій.

. . . . перспектива ближайшаго будущаго: клерикализмъ *** (со своей „служанкой" философіей), олигархія (рода, или мошны), ..., всѣ дружно ополчаются на завтрашній день; ихъ надежды

* Даже корреспонденты Академіи не могутъ помѣщать своихъ трудовъ, если они не прошли черезъ цензуру академика.

** О томъ, что думаютъ объ этомъ подвигѣ Коржинскаго серьезные безпристрастные ученые Запада, всего лучше можно узнать изъ книги Плате или хоть изъ моей статьи, „Дарвинъ" въ „Вѣстникѣ Европы" за 1909 г.

*** Въ одной газетѣ мнѣ пришлось прочесть: Лурдъ посѣщается какъ никогда, въ толпѣ паломниковъ можно видѣть министровъ, ученыхъ, „золото течетъ рѣкой".

тѣ самыя, которыя возвѣщаетъ Бергсонъ съ такимъ краснорѣчіемъ (такъ уже принято выражаться о всемъ, что изрекаетъ этотъ философъ!):

„Прошлое загрызетъ будущее и отъ этого растолстѣетъ *.

Этому учитъ модный философъ, но вѣдь наука, дѣйствительность, исторія учатъ противному: просвѣты настоящаго, разгоняя мракъ прошлаго, подготовляютъ болѣе свѣтлое будущее.

Не станемъ же смущаться и впередъ съ побѣднымъ кличемъ будущаго:

„Наука . . . . . . "! **.

5 Декабря 1915 г.

Проф. **К. Тимирязевъ.**

---

* Le passé ronge l'avenir et gonfle en avançant. „L'évolution creatrice p. 5. 1911.

** Характерная, символическая черточка переживаемаго историческаго момента: англійскій „либеральный" кабинетъ, „усиливъ" себя всѣмъ, что можно было найти въ странѣ наиболѣе консервативнаго и реакціоннаго, заботу о просвѣщеніи народа (портфель просвѣщенія) предоставилъ депутату рабочихъ.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ АНКЕТЫ *.

Матеріалъ этого доклада полученъ случайно, благодаря тому обстоятельству, что листокъ затѣянной нами анкеты по еврейскому вопросу среди людей литературы, науки и политики былъ — по недоразумѣнію — опубликованъ одной изъ столичныхъ газетъ, а затѣмъ перепечатанъ нѣсколькими провинціальными изданіями.

Благодаря этой случайности, намъ прислано 267 писемъ съ разныхъ концовъ Россіи. Двѣ съ половиною сотни писемъ — это, разумѣется, ничтожно для страны съ населеніемъ почти въ 200 милліоновъ, но здѣсь надо принять во вниманіе обстоятельства, несомнѣнно сильно помѣшавшія корреспондентамъ.

Первое: срокъ для отвѣтовъ на анкету былъ назначенъ двухнедѣльный, для провинцій онъ, конечно, еще болѣе сократился.

Второе: вопросы были редактированы въ расчетѣ на высокую интеллигентность и политическую грамотность нашихъ дѣятелей литературы, науки и политики, а потому для пониманія рядового обывателя они явились трудными, на что обыватель и заявилъ справедливую претензію:

Напримѣръ — г. Ивановъ изъ Владикавказа укоряетъ насъ — „Написано у васъ, господа писатели, не для народа, не русскимъ народнымъ языкомъ и, чтобы уразумѣть ваше писаніе, нужно имѣть чуть-ли не университетскій дипломъ“.

Такіе укоры и порицанія отмѣчены мною девять разъ.

Принявъ во вниманіе указанныя обстоятельства, мы, я полагаю должны признать, что эти письма, — въ большинствѣ очень многословныя и написанныя мало подвижнымъ русскимъ человѣкомъ, въ столь краткій срокъ, — свидѣтельствуютъ о томъ, что вопросъ, поднятый нами, волнуетъ обывателя серьезно.

Считаю нужнымъ указать, что много писемъ носятъ характеръ коллективныхъ посланій, подписаны группами въ 27, 21, 5, 9 человѣкъ и, такимъ образомъ, мы свободно можемъ увеличить сумму голосовъ, дошедшихъ до насъ, еще сотни на двѣ.

Человѣкъ всегда заслуживаетъ вниманія, а если пять сотенъ человѣческихъ единицъ высказываются сразу по такому жгучему во-

---

* Докладъ, прочитанный 12-го декабря въ „Русскомъ обществѣ изученія жизни евреевъ“.

просу, каковъ еврейскій, — это обязываетъ насъ отнестись къ голосамъ людей со вниманіемъ особенно напряженнымъ.

Слѣдовало бы сдѣлать подсчетъ голосовъ по ихъ принадлежности къ соціальнымъ группамъ, но много писемъ анонимныхъ, псевдонимныхъ, подписанныхъ только инициалами и т. д.

Приблизительно группировка будетъ такова:

Интеллигентовъ	127
Рабочихъ	85
Крестьянъ	57
Офицеровъ	4
Учителей	5
Студентовъ	4
Солдатъ	9

Затѣмъ слѣдуютъ различные псевдонимы: „Вольный казакъ", „Безпристрастный", „Югъ Россіи", „Унтеръ-офицеры", „Христіане изъ полтавскихъ мѣщанъ", и т. д.

Анонимы и псевдонимы всѣ, безъ исключенія, ярые антисемиты. Я считаю это очень характернымъ; — когда человѣкъ боится сказать безъ маски то, что онъ считаетъ своею правдой, онъ или не увѣренъ, что его правда — настоящая правда или же онъ чувствуетъ, что правда его постыдна, какъ болѣзнь.

Цѣлью моего доклада я ставлю не только изложеніе мнѣній враговъ и друзей еврейства, но — поскольку это въ моихъ силахъ — я хотѣлъ бы выяснить мотивацію антисемитизма, хотѣлъ бы найти и вскрыть то общее въ посылкахъ, что дѣлаетъ обязательнымъ выводъ, враждебный русскимъ гражданамъ іудейскаго вѣроисповѣданія.

Я начну съ мнѣній антисемитовъ — интеллигентовъ.

Иванъ Т., сообщая, что еврейскій вопросъ давно интересуетъ его и даже былъ темой его университетской работы, говоритъ:

„Евреи въ большинствѣ европейскихъ государствъ наиболѣе антиморальный элементъ. У населенія всѣхъ народностей Россіи одна общая нелюбовь къ евреямъ, она основана на расовой идіосинкразіи".

И далѣе: „Нельзя не отмѣтить разлагающую роль еврейства въ идеологіи христіанства и націонализма, созидающую роль въ идеологіи соціализма".

Какъ видите, передо мною съ перваго же шага встаетъ затрудненіе — человѣкъ осуждаетъ евреевъ, но это осужденіе голословно: „общая нелюбовь всѣхъ народностей Россіи къ евреямъ" — требуетъ доказательствъ, мнѣ эта „общая нелюбовь" неизвѣстна.

Я увѣренъ, что и г. Т. она тоже неизвѣстна, хотя онъ и учился въ университетѣ, а его указаніе на разлагающую роль еврейства въ идеологіи націонализма, созидающую — въ идеологіи

соціализма, многіе склонны будутъ признать положительной заслугой мышленія евреевъ.

Человѣкъ изъ Вильно мотивируетъ свое отрицательное отношеніе къ евреямъ такъ:

„Я убѣжденный противникъ пьянства, но долженъ признать, что своего рода благородство приходится наблюдать даже у пьянаго европейца. „In vino veritas", говоритъ старая пословица и, дѣйствительно, удаль, сердечность, стремленіе фантазіи къ чему-то неопредѣленному, высшему прорываются у самаго сдержаннаго арійца, когда сила воли его ослаблена, хотя бы подъ вліяніемъ алкоголя. Напротивъ, нѣтъ ничего омерзительнѣе и мизернѣе пьянаго еврея. Выбитый изъ нормальнаго настроенія еврей тихо хихикаетъ, безсвязно бормочетъ, что-то вычитаетъ"...

Итакъ, — истина, добытая со дна бутылки, гласитъ: пьяный аріецъ лучше пьянаго семита.

В. изъ Курска указываетъ литературный источникъ своего антисемитизма:

„Сообщаю честнымъ и разумнымъ этимъ тремъ русскимъ людямъ, что рецептъ отъ ихней болѣзни „триписателя" находится въ книгѣ „Гаустонъ Стюартъ Чемберленъ, „Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ". Изданіе А. С. Суворина 1907 г. Стыдно быть такими некультурными и несвѣдующими"...

Кромѣ него, на книгу Чемберлена ссылаются еще трое.

Г. Б. совращенъ въ антисемитизмъ тоже литературой, онъ сообщаетъ:

„Достоевскій сказалъ, что если Россія и погибнетъ, то только отъ евреевъ, и это истинная правда"...

Такъ же думаетъ Павловъ изъ Перми:

„Ваша попытка защитить жидовъ неумѣстна и обидна для русскаго человѣка. Они, жиды, какъ были всегда и во всемъ измѣнниками, такъ остаются и досѣлѣ. Не только русскіе ненавидятъ ихъ, — а, какъ говорилъ Достоевскій, всѣ"...

Изъ Ташкента пишутъ:

„Отрицательное мнѣніе мое сложилось единственно на основаніи многолѣтняго опыта моей жизни въ непосредственной близости въ евреямъ; затѣмъ, по разсказамъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія и, кромѣ того, много нехорошаго я читалъ у выдающихся авторовъ объ евреяхъ"...

Въ этой группѣ я разсматриваю 86 рѣзко юдофобскихъ писемъ, на вліяніе литературы ссылаются только семь корреспондентовъ.

Добавлю письмо украинскаго литератора Ф. Г.

„Антисемитизмъ, какъ общественное явленіе, возникъ у насъ на югѣ Россіи, сначала среди добродушныхъ, неграмотныхъ крестьянъ, которые видятъ и сознаютъ, что они, крестьяне, въ борьбѣ за существованіе — жалкія, наивныя, правдивыя дѣти, а евреи страшные

колоссы, съ которыми не могутъ ихъ сравнять ни грамотность, ни образованіе, ни наука". „Вѣдь странно даже сказать: на всемъ югѣ нѣтъ русскаго купца изъ народа, какъ въ остальныхъ губерніяхъ, гдѣ купцы русскіе изъ народа. А малороссы, надо знать, большіе любители коммерціи во всѣхъ ея видахъ. Я самъ люблю коммерцію, какъ и поэзію, и моя мечта съ дѣтства — сдѣлаться крупнымъ коммерсантомъ и въ то же время быть поэтомъ"...

Большинство корреспондентовъ ругается въ такомъ, примѣрно, тонѣ и въ такихъ формахъ:

„Дать жиду права — значитъ посадить ехидну въ карманъ"...

„Подлецы только могутъ бороться за жидовъ. На одну бы васъ осину вмѣстѣ съ жидами, жидовское отродье проклятое"...

Мухинъ, нотаріусъ и поручикъ, кратко извѣщаетъ:

„Я спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, но долженъ сказать, что евреи — жалкое отродье человѣчества".

Г. П. сообщаетъ свои мысли очень кратко и странно:

„Прочитая анкету объ евреяхъ, не нахожу ничего хорошаго противъ вашего мнѣнія. И нахожу, что и вы — жиды"...

Очень характерна описка нотаріуса „не нахожу ничего хорошаго противъ ващего мнѣнія"...

Такое настроеніе, разумѣется, не требуетъ мотивовъ, не нуждается въ нихъ. Я полагаю, что мы достаточно знакомы съ этимъ настроеніемъ по газетамъ праваго лагеря...

Есть группа мотивовъ въ высокой степени странныхъ, напримѣръ:

Г-жа Ф. изъ Калуги въ длиннѣйшемъ письмѣ подробно разсказываетъ, что ее сдѣлалъ антисемиткой мужъ-еврей: онъ, видите ли, влюбился въ дочь г-жи Ф., свою падчерицу, и этотъ драматическій случай внушалъ матери навсегда отрицательное отношеніе къ евреямъ.

А г. Альфа влюбился въ еврейку, переписывался съ нею, затѣмъ пожелалъ получить свои письма обратно, — но пусть герой повѣствуетъ самъ:

„Вижу, что для полученія писемъ необходимо продолжать дѣло такъ, какъ будто сохранилось прежнее чувство, — съ подлецами честнымъ путемъ ничего не получишь, подумалъ я; вынимаю всѣ ея письма и предлагаю, прежде всякихъ разговоровъ, обмѣнъ письмами, т. к. только тогда исчезнетъ у меня недовѣріе къ ней. Она письма взяла посмотрѣла — всѣ ли и говоритъ, что мои письма возвратитъ завтра, я сталъ настаивать, она колебалась, видимо очень хотѣла оставить мои письма (съ какой цѣлью — не понимаю, между нами, повторяю, дальше сидѣнія, обнявшись, и поцѣлуевъ дѣло не шло) и отдала. Я на слѣдующій день письмомъ сообщилъ ей, что главная цѣль моей поѣздки была получить отъ нея мои письма, и уѣхалъ, не простившись. Признаюсь, что при прощаніи наканунѣ поцѣловалъ ее въ щеку, а самъ подумалъ — „Іудино лобзаніе", и потомъ все ругалъ себя — за какимъ чортомъ я ее поцѣловалъ"...

Я очень хорошо понимаю, что юмористика и скверные анекдоты совершенно неумѣстны въ трагическомъ вопросѣ, интересующемъ насъ, я понимаю, я чувствую это. Но — юмористика вторгается въ драму помимо моей воли, ее вноситъ сюда соціальная тупость и невѣжество гг. корреспондентовъ-юдофобовъ.

Они зсѣ пишутъ болѣе или менѣе смѣшно, но выводы изъ разсказовъ ихъ не вызываютъ веселой улыбки.

Г. Альфа начинаетъ свой разсказъ такимъ предисловіемъ:

„По обыкновенію, свои мысли и взгляды не высказываю, не желая участвовать въ общемъ голосѣ толпы... большинство человѣчества не любитъ выражать свои мысли вслухъ т. к. считаетъ ихъ своимъ Святая Святыхъ, въ которое посторонній — еврей — не имѣетъ права входить... Это люди, которымъ чужда всякая государственность, всякая государственная жизнь... Если бы во главѣ государства были евреи, а мы, русскіе, въ обратномъ положеніи, то намъ, русскимъ, жилось бы въ тысячу разъ хуже, чѣмъ сейчасъ евреямъ..."

Г. Альфа и г-жа Ф., конечно, не одни, есть еще не мало людей, которые полагаютъ себя въ правѣ судить и осуждать еврея на потокъ и разграбленіе за свои маленькія, субъективныя неудачи. Можно утѣшаться только тѣмъ, что люди этого типа такъ же легко и жестко судятъ и единомышленниковъ своихъ.

Есть письма, въ которыхъ, какъ будто, скрыта иронія, очень горькая иронія, не осознанная авторомъ письма.

Напримѣръ, рекомендуется „лишить евреевъ всѣхъ гражданскихъ правъ, оставивъ за ними только одни права человѣка, и тогда евреи сами убѣгутъ изъ Россіи".

Что именно подразумѣвается подъ терминомъ „права человѣка", — авторъ не поясняетъ, но хорошо его представленіе о своей странѣ, въ которой съ правами человѣка нельзя жить!

Вотъ еще образчикъ политической грамотности — это пишетъ преподаватель М. изъ Вологды:

„Вліяніе антисемитизма нельзя оцѣнивать, какъ чисто отрицательное. Въ смыслѣ хозяйственномъ, нужно надѣяться, антисемитизмъ заставитъ объединиться остальныя національности Россіи въ блокъ борьбы. Еврейство, можетъ быть, должно будетъ потерять всякія права. Настоящее еврейское безправіе и черта осѣдлости отдаляютъ лишь на время объединеніе Россіи, смягчаютъ рѣзкости проявленія антисемитизма и ростъ его. Но антисемитизмъ необходимъ для Россіи. Въ антисемитизмѣ нужно искать одинъ изъ пунктовъ согласія всей разноплеменной Россіи"...

Далѣе — мнѣніе калужанина:

„Движеніе противъ евреевъ вызвано ими самими — оно стало замѣтнымъ и приняло современный характеръ съ расцвѣтомъ нѣмецкой промышленности и милитаризма. Уловивъ идею пангерманизма, евреи ясно стали на путь, ведущій къ покоренію народовъ, овла-

дѣвъ золотомъ и опираясь на нѣмцевъ, какъ на соучастниковъ въ этомъ дѣлѣ“...

А г-жа И. изъ Вильно любопытствуетъ:

„Сколько же вамъ заплатили евреи за убійство Россіи?“

Поставивъ этотъ вопросъ, она говоритъ:

„Когда была объявлена война, бѣдные жители Вильно узрѣли на рынкѣ необыкновенное являніе: тамъ появились гуси, утки, дичь — изъ деревень, по обыкновенной цѣнѣ: гусь — 80 к., утка 40 к., и т. д., у нихъ былъ праздничный гусь. Граница была закрыта, евреи растерялись. Но такое положеніе длилось недолго, не прошло и мѣсяца, какъ евреи нашли лазейку и на подводахъ повезли птицу къ границамъ враговъ. Къ Рождеству гусь у насъ стоилъ 3 руб., а теперь — 4 руб., да и то другой разъ не найдешь“...

И предобродушно заключаетъ:

„Удивительное, право, свойство русскаго человѣка вѣчно спасать кого-то, за кого-то ратовать, а потомъ этотъ спасенный ему-же — по затылку, по затылку... Желаю вамъ здравствовать, простите, что забранилась“...

Видите, какъ просто и даже мило мотивируется дамскій антисемитизмъ. И вотъ, опираясь на такіе мотивы, люди утверждаютъ необходимость сохранить для евреевъ черту осѣдлости, процентную норму и т. д.

На этомъ можно бы и закончить иллюстраціи интеллигентскаго антисемитизма, но вотъ еще одна очень характерная мотивація антисемитизма. Авторъ ея, г. Р., поэтъ.

„Я думаю преимущественно о васъ, Θедоръ Сологубъ, — пишетъ онъ“, — вы — поэтъ, какъ выражались въ эпоху Пушкина, — „жрецъ искусства“, вы, создатель легенды о плѣнительной далекой Ойле... Это вы написали:

„Быть съ людьми — какое бремя!..“

или

„Вы счастливы, нежелающіе“,
„Лучшихъ дней неожидающіе“,
„Жизнь и смерть равно встрѣчающіе“
„Съ отуманеннымъ лицомъ...“

„Подумайте, какія ржавыя, продажныя перья скрипѣли вокругъ еврейскаго вопроса... И вы вмѣшиваетесь въ ихъ ряды, омокаете въ ядовитыя чернила бѣлоснѣжное перо, словно упавшее изъ крыльевъ врублевской Царевны Лебедя, а между тѣмъ, сколько прекрасныхъ мгновеній, сколько желанныхъ обмановъ могло дать это перо людямъ... Станемъ выше толпы и не будемъ говорить на жаргонѣ провинціальныхъ передовицъ. Я, съ своей стороны, готовъ по-рыцарски поднять перчатку, т. к. считаю себя честнымъ антисемитомъ...

„Существуетъ два антисемитизма — народный и интеллигентскій.

Конечно, второй охватываетъ первый, онъ много шире по содержанію, сложнѣе, благодаря имѣющимся въ его распоряженіи аргументамъ, историческимъ, научнымъ и пр. Представителемъ его можетъ служить міровоззрѣніе нововременскаго Меньшикова, къ которому, кстати, я всецѣло присоединяюсь…"

„Самая наружность евреевъ, строеніе ихъ тѣла, ихъ манера говорить, ихъ какая-то таинственная религія съ обрядами крови — все это не можетъ не возбуждать брезгливости. Славяне и евреи… Это не два племени, какъ славяне и литовцы, какъ даже славяне и нѣмцы, это свѣтъ и тьма, добро и зло, короче — полное отрицаніе одинъ другого.

„Намъ говорятъ, что евреи „тоже люди", что они должны пользоваться „человѣческими" правами. Можетъ быть, но прежде всего — моя душа не выноситъ еврея, она ненавидитъ его, какъ тьму, какъ зло, какъ грязное пятно на бѣлоснѣжномъ платьѣ… Мнѣ невыносимо жить съ евреемъ и оставаться спокойнымъ…"

„Нашъ главный паѳосъ — это освобожденіе братьевъ, это крестъ на св. Софію. У кого изъ славянъ не забьется сердце при звукѣ этихъ ловунговъ? Мы всѣ чувствуемъ, что необходимо разгромить Германію, страстно желаемъ этого. Какой же паѳосъ у евреевъ въ этой войнѣ? Желанна-ли она имъ? — Нѣтъ, ибо какой прокъ для нихъ въ разгромѣ Германіи, гдѣ кормятся и паразитствуютъ ихъ братья, какъ и во Франціи, и въ Россіи. Лучшая ихъ мечта — это хоть худой миръ, ибо въ мирное время хорошо заниматься „коммерціей" и набивать карманы золотомъ, а война — одно разореніе.

— Чѣмъ скорѣе мы выбросимъ эту мразь за бортъ корабля русской культуры, тѣмъ лучше будетъ для нея…

„Мнѣ грустно только по поводу васъ, Ѳедоръ Сологубъ, мнѣ безконечно жаль видѣть гибель вашего таланта поэтическаго. Я заранѣе не уважаю вашей книги объ антисемитизмѣ и не хочу, чтобы въ ней была хоть одна моя строчка"…

Антисемитизмъ эстета несомнѣнно одного корня съ антисемитизмомъ человѣка изъ Вильно, того, который писалъ о пьяномъ евреѣ.

Я закончилъ изложеніе наиболѣе характерныхъ мнѣній юдофобовъ изъ интеллигенціи, представителей культурнаго слоя русскаго общества.

Студентъ Ю. Я. опредѣляетъ антисемитизмъ этого порядка такими словами:

„Ненавистники изъ людей образованныхъ искренно и послѣдовательно исповѣдуютъ свою ненависть къ евреямъ, но руководятся только непосредственнымъ слѣпымъ чувствомъ, не стараясь себя оправдать какими-нибудь теоретическими доводами…"

А г. Р. изъ Херсона говоритъ объ антисемитизмѣ слѣдующее: „Не желая никого обижать, я, все-таки, скажу, что, встрѣтивъ

за 57 лѣтъ моей жизни не менѣе сотни убѣжденныхъ антисемитовъ, я не помню среди нихъ ни одного благовоспитаннаго и культурнаго человѣка..."

Если вамъ интересенъ мой личный взглядъ на антисемитизмъ „культурныхъ людей", я скажу, что онъ не вызываетъ у меня иныхъ чувствъ, кромѣ чувства смущенія и конфуза за соплеменниковъ моихъ.

Если врагъ уменъ — это хорошій врагъ, въ борьбѣ съ нимъ можно многому научиться. Представленная мною группа враговъ — ничему не учитъ меня. Капризная пестрота ихъ мнѣній, ихъ крайній и мелочный субъективизмъ не даетъ мнѣ ни права, ни технической возможности найти у этой группы какой-либо общій всѣмъ единицамъ ея мотивъ антисемитизма, общую причину, вызвавшую его въ мозгахъ этихъ эстетовъ, культуртрегеровъ, милыхъ дамъ и т. д.

Въ расовую идіосинкразію — я не вѣрю, органически не могу признать бытіе такого извращенія чувствъ. Антипатія къ личности, антипатія, доходящая до отвращенія, вполнѣ допустима, но невозможна антипатія къ народу, а тѣмъ болѣе къ народу, который принесъ міру въ сердцѣ и умѣ своемъ дары безцѣнные, вѣчные. Я знаю, — нѣтъ закона, который оправдывалъ бы насиліе надъ человѣкомъ, — вотъ единственный, незыблемый законъ и нужно сдѣлать его всемірнымъ внутреннимъ закономъ.

Въ общемъ, антисемитизмъ, иллюстрированный мною, не кажется мнѣ явленіемъ серьезнымъ, навсегда и крѣпко вросшимъ въ сердца этихъ людей. Не только потому, что сердце русскаго человѣка вообще слишкомъ зыбко, мягко и ничто не укрѣпляется въ немъ надолго, но потому, что данная группа людей, какъ она обрисовала себя въ своихъ письмахъ, не кажется мнѣ группою людей, серьезно думавшихъ надъ вопросомъ о положеніи евреевъ въ Россіи, надъ вопросами нашей анкеты. Люди захвачены врасплохъ этими вопросами и пишутъ первое, что пришло въ голову, не отдавая себѣ отчета въ глубокой важности дѣла.

Затѣмъ — вы сами знаете, какъ легко всѣ мы говоримъ о людяхъ плохое, какъ нравится намъ говорить плохо о ближнихъ своихъ, какъ рѣдко и неохотно мы говоримъ о человѣкѣ хорошо. Мы вѣдь вообще не уважаемъ людей — это вѣрный признакъ отсутствія уваженія къ самимъ себѣ.

Я довольно хорошо знаю публику среднихъ классовъ, и мнѣ кажется, что въ ея средѣ возможенъ антисемитизмъ по привычкѣ относиться ко всякому человѣку подозрительно и враждебно. Возможенъ также антисемитизмъ отъ скуки жизни и, наконецъ, антисемитизмъ неудачниковъ — людей завистливыхъ, честолюбивыхъ, но — или плохо одаренныхъ природой, или же слабовольныхъ и пассивныхъ, или, наконецъ, загнанныхъ своимъ самолюбіемъ во тьму озлобленія и ненависти ко всей жизни.

Я думаю, я увѣренъ, что если такимъ людямъ предложить анке-

ту по вопросу о моральномъ значеніи личности Льва Толстого, такъ они и о Толстомъ скажутъ только все плохое, все дрянное, что можетъ сказать человѣкъ о человѣкѣ.

* * *

Рѣзкій антисемитизмъ простыхъ людей представленъ не такъ обильно — всего 29-ю письмами на 87 интеллигентскихъ посланій. Долженъ оговориться — иногда „простые“ люди пишутъ поразительно грамотно.

Напримѣръ, „группа петроградскихъ крестьянъ“ пишетъ:

„Антисемитизмъ у насъ на Руси развился на почвѣ религіозной и, главнымъ образомъ, экономической... Ихъ стремленіе завладѣть капиталомъ всего міра, какъ однимъ изъ величайшихъ факторовъ жизни, породило въ народѣ непріязненное отношеніе къ нимъ...“ „Въ русской практической жизни евреи всегда играли и играютъ огромную роль...“ „Они даютъ расточительнымъ правительствамъ, ради своей наживы, взаймы денегъ...“ „Удалить евреевъ изъ Россіи, а если возможно это — оскопить всѣхъ мужчинъ еврейскаго происхожденія и тогда никакого еврейскаго вопроса не будетъ...“

Эти петроградскіе крестьяне кажутся мнѣ близкими друзьями тѣхъ сѣятелей всякой вредной чепухи, которые трудятся на газетныхъ полосахъ „Русскаго знамени“ и „Земщины“.

А вотъ г. Н. не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній въ своей принадлежности къ простымъ людямъ, это подтверждается и степенью его грамотности. Онъ пишетъ кратко:

„Мое Русское мнѣніе просто на просто всехъ Евреевъ нужно стереть съ лица земли Россійской имперіи и больше ничего не остается делать...“

Въ этомъ духѣ пишутъ многіе, но т. к. большинство писемъ анонимны или подписаны псевдонимами и иниціалами, то трудно догадаться о соціальной позиціи авторовъ.

Желаніе освободиться отъ евреевъ путемъ примѣненія къ нимъ радикальныхъ мѣръ выражено еще шестью лицами, пятеро, судя по грамотности, простаки, шестая — дама; она совѣтуетъ вѣшать русскихъ гражданъ іудейскаго вѣроисповѣданія по милліону въ день и тогда, по ея мнѣнію, Россія освободится отъ евреевъ въ 10—15 дней.

Трижды указывается на Сіонъ, какъ на путь освобожденія отъ евреевъ.

Семь разъ рекомендуется уничтожить еврейскую религію.

Вліяніе армейскаго антисемитизма отмѣчено въ 9-ти случаяхъ.

Студентъ М. пишетъ иронически:

„Вы спросите объ евреяхъ тѣхъ людей, которые въ эту войну вошли съ ними въ самое тѣсное соприкосновеніе, т. е. солдатъ. Послѣдніе скажутъ вамъ, какъ евреи „грудью и безкорыстно защищаютъ Россію „вмѣстѣ съ другими...“

Но, какъ бы отвѣчая ему, пишетъ Сѣрый воинъ Дм. Горшковъ.

„Мужичекъ отлично зналъ и знаетъ, какъ его отдаютъ на обираловку. Онъ знаетъ, что вы тамъ о нѣмецкомъ засильѣ только шумите, что слишкомъ прососался онъ, нѣмецъ, наверху и его не такъ-то легко выкуришь. Мужичекъ все это знаетъ. Мужичекъ работаетъ сейчасъ на ратномъ полѣ и прислушивается къ окружающему. Онъ до глубины души радуется всему малѣйшему проявленію къ нему вниманія, малѣйшему голосу о нуждѣ его и его упованіяхъ. Но ему горько видѣть и слышать, какъ о всѣхъ промахахъ и злодѣйствахъ въ этомъ святомъ дѣлѣ защиты родины, такъ больно и горько на душѣ, когда за сытыми столами за обѣдами начинаютъ „безчинствовать", кладутъ куда-то въ неопредѣленность вопросы о „немъ, Сѣромъ", сейчасъ „героѣ" и поднимаютъ споры о наслѣдствѣ еще живого и слышащаго ихъ человѣка. На всѣ ваши анкеты у мужичка одинъ отвѣтъ: „У Бога — всѣ равны". Этимъ кажется, всѣ вопросы о національности исчерпываются". „У насъ всѣ народности безправны, всѣ взираютъ съ надеждой на Русь, такъ къ чему такое предпочтеніе евреямъ".

„Всѣ мечутся въ мысляхъ о будущемъ, всѣмъ такъ хочется спокойной работы, простора въ обширной Россіи, по-моему предлагать сейчасъ такія анкеты есть заблужденіе..."

„Мужичекъ здѣсь работаетъ, жертвуетъ своей жизнью, но въ свободную минуту все же прислушивается къ голосамъ изъ сердца Россіи. И вашъ долгъ поддержать его духъ и силу, идти на-встрѣчу его желаніямъ. Съ надеждой на свое будущее и съ вѣрой въ вашу плодотворную работу на поприщѣ раскрѣпощенія духа, правъ и воли, борется сейчасъ мужичекъ. А тамъ, тамъ и самъ мужичекъ покажетъ міру свою душу и скажетъ: „у Бога всѣ равны". Сейчасъ же не дѣло разбрасываться и увлекаться всѣмъ и всюду. Правда, у насъ такъ много нужно реформъ, такъ далеко ушелъ въ самосознаніи нашъ родной русскій мужичекъ отъ устарѣвшихъ законовъ, что чудовищнымъ кажется, какъ всѣ еще мы не задохнемся, не отупѣемъ. Но вижу, душу не удержишь, какъ не загналъ ее кнутомъ Батый, какъ не заглушило ее долгое постыдное „крѣпостничество..."

„Такъ многіе говорятъ здѣсь, у насъ, такъ лично и я говорю, по опыту окружающей меня жизни..."

На несвоевременность анкеты указываютъ еще семеро, изъ нихъ наиболѣе интересное указаніе извѣстнаго Дм. Коломійцева, онъ пишетъ:

„Въ издававшемся мною девять лѣтъ въ Симферополѣ „Тавричанинѣ" я постоянно отстаивалъ общечеловѣческія права евреевъ..."

„Я признавалъ и признаю человѣческое и человѣчное въ евреяхъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что анкета трехъ нашихъ чудаковъ — Андреева, Горькаго и Сологуба — затѣяны во время. Ею можно только возмущаться. Какъ не стыдно этимъ литературнымъ кривлякамъ выступать съ анкетами въ такое время. Неужели они, въ самомъ дѣлѣ, склонны думать, что ихъ имена что-нибудь значатъ вообще. Да на

такую дерзость, какъ ихъ анкеты, не отважился бы въ такое время даже такой гигантъ, какъ Толстой. И истинный писатель, Чеховъ, постѣснялся бы..."

Съ нимъ согласенъ „Прогрессивный журналистъ" изъ Костромы:

„Теперь, когда надо всѣми силами пробуждать русское національное самосознаніе, не время — слышите, — не время заниматься еврейскимъ вопросомъ. Съ этимъ тысячелѣтнимъ проклятымъ вопросомъ можно подождать до окончанія войны. Въ частности, — отойдите отъ этого дѣла, не губите свои имена столь близкія русскому народу. Говоря проще — бросьте это грязное дѣло. Лучше помогите П. Б. Струве..."

Такого-же мнѣнія держится Анд. К. изъ Риги:

„Правительство озабочено всегда о правахъ своихъ подданныхъ, но вамъ, какъ писателямъ, трудно вмѣшиваться со своими взглядами въ дѣйствія правительства и требовать взгляды публики. Поговорите съ нашими генералами..."

„Въ такое смутное время защищать ихъ права, значитъ, быть преступниками правительства, это только можетъ Андреевъ, Сологубъ и Горькій..."

И всѣхъ рѣзче выражается, стоя на этой точкѣ зрѣнія, учитель Г. Щ.:

„У хозяина въ домѣ пожаръ, а вы къ нему со старыми долгами. Такъ неумѣстно, противно. Евреи хороши, они свое возьмутъ, но — погодите. Если же они хотятъ повторенія 1905 г., то пусть лѣзутъ — мы, народные учителя, первые поднимемъ народъ и освободимся отъ нѣмецкой, а заодно и отъ еврейской болѣзни..."

„Анкетой вы вызвали гадливое чувство. Обидно за васъ, за трехъ писателей..."

Онъ подписался: „ненавидящій и презирающій васъ учитель".

Въ пяти случаяхъ корреспонденты объясняютъ свою ненависть къ евреямъ тѣмъ, что евреи, по ихъ мнѣнію, были творцами русской революціи.

Это, конечно, мысль газетная, внушенная, но въ одномъ письмѣ она выражена очень интересно и, можетъ быть, вполнѣ искренно. Это письмо 26-ти рабочихъ харьковскаго паровозостроительнаго завода, привожу его цѣликомъ:

„Намъ ничего не извѣстно о трагическомъ положеніи евреевъ въ Россіи..."

Намъ, русскимъ рабочимъ, очень хорошо извѣстно, что евреи принимали и принимаютъ сверхъ-энергичное участіе въ разложеніи русскаго общества и арміи, флота и учащейся молодежи, много они потрудились, чтобы подготовить, вызвать и создать „Японское позорище", „9-е января", „Цусиму", „похожденія Потемкина въ Тавридѣ", подъ командою „доблестнаго" Шмида и при благосклонномъ участіи бывшаго президента Черноморской республики „Хрустально-чистаго Пергамента и К"...

„Вашу чувствительную совѣсть почему-то угнетаетъ „ростъ вражды къ евреямъ“, а нашу — угнетаетъ сознаніе, что мы, благодаря вашей и еврейской пропагандѣ, много зла причинили себѣ, всему русскому государству и народу. Да, какъ честные люди, мы утверждаемъ, что евреи, вы и мы, ваши ученики, послѣдователи и поклонники, подготовили, вызвали и устроили безсмысленную братоубійственную революцію 1905—6 года. Революцію, поглотившую сотни тысячъ человѣческихъ жизней и сотни милліоновъ народныхъ денегъ, попавшихъ цѣликомъ въ карманы угнетеннаго народа. Впрочемъ, милліоны, подаренные на революцію Морозовымъ, попали, по словамъ евреевъ, въ карманы одного изъ васъ, русскіе писатели, — пѣвца „бури и свободы“.

„У насъ теперь совсѣмъ нѣтъ духовной жизни, все великое, святое, дорогое для насъ, унижено, осквернено, опозорено евреями. Намъ нечѣмъ жить. Они отняли у насъ вѣру въ Бога, въ царя, вѣру въ русскій народъ и въ лучшихъ людей государства... Желаемъ, чтобы вашу писательскую совѣсть никогда не угнетало сознаніе жестокости, ненависти и всяческой несправедливости, проявленной вами въ отношеніи къ русскому народу...

„Всѣ мы, 26 рабочихъ, бывшіе „крайніе лѣвые“, ваши ученики и послѣдователи, а теперь люди, повисшіе въ воздухѣ и незнающіе, во что вѣрить имъ, кого любить, что дѣлать и гдѣ преклонить головы свои...“

Письмо не подписано. Судя по стилю, я думаю, что авторъ его не рабочій, а раскаявшійся интеллигентъ, единомышленникъ вѣхистовъ. Однако, у меня нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русскій человѣкъ можетъ думать и чувствовать такъ, какъ это разсказано въ письмѣ. Вѣдь еще недавно мысли и настроенія этого тона очень упрямо пропагандировались кающейся интеллигенціей, эти настроенія могли, конечно, заразить и „простыхъ“ людей. Но все-таки, мнѣ кажется, что 26 человѣкъ слишкомъ широко отверзли двери покаянія своего, слишкомъ истерически каются. Могутъ сказать, что мои сомнѣнія неумѣстны, но я съ этимъ не соглашусь, я свободный человѣкъ и за мною неотъемлемое право говорить обо всемъ такъ, какъ я думаю.

Могутъ указать, что въ „обществѣ изученія еврейской жизни“ слишкомъ много говорится о русской психологіи.

Но вѣдь не будь этой темной психологіи, — у насъ не было бы нужды устраивать общество. Въ ряду нашихъ задачъ, стоитъ задача выяснить ту психическую атмосферу, въ которой задыхаются евреи и которая не менѣе, если не болѣе, жестоко уродуетъ и насъ, славянъ.

Наконецъ, всякая реальная политика, должна не только ставить предъ собою идеальную цѣль, но и всегда помнить объ этой цѣли.

А когда мы забываемъ высшую цѣль нашей работы, — мы немедленно погружаемся въ грязь созданныхъ нами отношеній и

слѣпо тонемъ въ этой грязи, безплодно расточая небольшія силы наши.

Въ концѣ концовъ — о чемъ-бы ни говорилъ человѣкъ, онъ говоритъ всегда о человѣкѣ, ради человѣка и для человѣка, а человѣкъ будущаго, это явленіе неизмѣримо болѣе цѣнное и прекрасное, чѣмъ еврей, англо-саксъ, славянинъ, романецъ и т. д.... И надо помнить, что мы можемъ возвыситься до человѣка, только пройдя сквозь расу, націю, классъ, только преодолѣвъ эти препятствія къ общечеловѣческой планетарной культурѣ.

* * *

Думаю, что объективно интересны мнѣнія лицъ, полагающихъ основы антисемитизма въ плоскости религіозныхъ взглядовъ.

Вотъ, что пишетъ рижскій литераторъ Всеволодъ Чешихинъ, — очень прошу не смѣшивать его съ Василіемъ Евграфовичемъ Чешихинымъ-Вѣтринскимъ.

Россійскій и всякій иной антисемитизмъ коренится, по взгляду рижскаго литератора, въ трояко̀мъ взаимномъ антагонизмѣ арійцевъ и семитовъ: 1) расовомъ, 2) религіозномъ и 3) національно-идеологическомъ.

„Нѣкоторая часть арійцевъ и семитовъ органически не выносятъ другъ друга, по естественнымъ законамъ расовой антипатіи, отрицать которые невозможно, — доказано, что нѣкоторыхъ японцевъ тошнитъ отъ запаха европейцевъ, а нѣкоторыхъ арійцевъ — отъ запаха семитовъ. Надо обособить эти взаимно отталкивающіе элементы. А для этого надо создать особое еврейское государство, Сіонъ, путемъ международной конференціи государствъ, ибо еврейскій вопросъ, — общеевропейскій вопросъ, и основать международную государственную организацію для содѣйствія колонизаціи Палестины. Въ Сіонъ выселяется наиболѣе нетерпимые семиты, наиболѣе невыносимые для арійцевъ-антисемитовъ. Послѣ этого въ Европѣ останутся семиты, склонные къ ассимиляціи, и арійцы вскорѣ уживутся съ послѣдними. Тогда будетъ упразднена въ Россіи нынѣшняя черта осѣдлости и настанетъ пора еврейскаго равноправія. Религіозный антагонизмъ арійцевъ и семитовъ столь же несомнѣненъ, какъ и расовый. Онъ поддерживается государствомъ у христіанъ и общиною — кагаломъ у евреевъ, и можетъ быть упраздненъ лишь въ государствахъ и общинахъ внѣисповѣдныхъ. Мѣра борьбы съ религіознымъ антисемитизмомъ — отдѣленіе всѣхъ государствъ, включая сюда и грядущій Сіонъ, отъ церквей... впредь до слiянія всѣхъ религій въ одну и превращеніе нашего государства въ грядущую церковь изъ гражданъ безъ злой воли, не нуждающихся въ принужденіи для поддержанія общественнаго благоустройства".

„И арійцы, и семиты въ своей національной ѵдеологіи забываютъ о своей принадлежности къ единому бѣлому кавказскому

племени, о существованіи желтой и черной расъ и обо всемъ человѣчествѣ, какъ одномъ цѣломъ. Объ этомъ должны имъ напоминать писатели а ла Гердеръ и Владиміръ Соловьевъ, поэты — пѣвцы всемірныхъ соединенныхъ штатовъ а ла Шиллеръ и Викторъ Гюго, (создатели движенія въ пользу единаго вспомогательнаго всемірнаго языка) и т. д...“

Подписано: „Всеволодъ Чешихинъ, редакторъ-издатель выходившаго въ 1904—7 гг. въ г. Ригѣ журнала „Всемірный Союзъ“ и „Уніонъ Универсель“; авторъ сочиненій по космоглоттизму: „Грамматическая идеографія“ и „Новые варіанты эсперанто и нэпо, непослава“...

О вредѣ религіозныхъ предразсудковъ говоритъ и г. К. изъ Самары. По его мнѣнію:

„Въ христіанскихъ странахъ, въ особенности въ странахъ съ исповѣданіемъ догматовъ православной, восточно-католической церкви, антисемитизмъ нарождается въ душѣ каждаго ребенка еще съ того момента, когда священникъ объясняетъ своимъ питомцамъ исторію тяжкихъ страданій и смерти Христа — символа красивѣйшихъ и высокихъ идей любви, лучшихъ и наиболѣе удобныхъ формъ человѣческаго общежитія. А еврейская религія, какъ продуктъ временъ варварскихъ, въ силу своей безнадежной отсталости отъ человѣческой мысли безусловно обречена на гибель. Вѣдь въ религіи почерпается пища для формаціи и развитія человѣческой души, которая именно и кладетъ свой отпечатокъ на физическую структуру человѣка, на образъ мыслей, чувствъ, строеніе мозга — количество и направленіе извилинъ въ немъ. Такъ вотъ, господа, еврейская религія — причина антисемитизма, — фундаментъ, на которомъ впослѣдствіи выростаетъ бытовая, политическая и всякая иная непріязнь къ евреямъ“...

Такъ же разсуждаетъ крестьянинъ Ш. изъ Вятки:

„Свое и чужое развитіе евреи старались заглушить сами. Доказательствомъ тому служитъ ихъ религія, перенятая отъ арабовъ, отъ которой весь тормозъ къ развитію культуры человѣчества“...

„Если мы возьмемъ во вниманіе первыхъ людей, то всякая вражда по національностямъ должна отпасть, у этихъ первыхъ людей національности не было, она явилась лишь послѣ установленія религій еврейскими пророками. Расовая вражда происходитъ изъ-за климатическихъ условій, условій природы, что и должно быть извѣстно каждому, потому ея и не должно быть; негръ, если пріѣдетъ съ юга на сѣверъ, то онъ черезъ 10 лѣтъ сдѣлается шатеномъ, а черезъ 100 блондиномъ, особенно поженившись на брюнеткѣ безъ денегъ, т. е. бѣдной“...

„У Адама и Евы раньше никакихъ религій не было, а съ ними и синагогъ, церквей и прочихъ молитвенныхъ домовъ, стало быть, эти первые люди жили безъ капища, лучше работали надъ землей и дольше была ихъ жизнь. Тогда для чего гордиться своей рели-

гіей, зная, что она для обмана своей же расы. Къ тому же, какое осуществленіе ихъ предположеннаго „пришествія мессіи“ она можетъ имѣть среди массы такой другихъ религій. Абсолютно никакого. И самое лучшее стремленіе для евреевъ должно быть направлено къ уничтоженію своей религіи“...

По всему ходу мыслей можно было ожидать, что вятскій крестьянинъ выскажется вообще противъ всякой религіи и всяческаго національнізма, но до этого онъ не дошелъ. Будемъ надѣяться, что со временемъ дойдетъ и станетъ разсуждать, какъ рабочій К. изъ Брянска.

Онъ пишетъ: „Я смотрю такъ, что корни націонализмовъ и всякихъ антинаціонализмовъ — значитъ, антиеврейства — въ противорѣчіяхъ предразсудковъ религіозно-церковныхъ. И еврей, и магометанинъ, и буддіецъ найдутъ и могутъ многое что сказать противъ Евангелія, а что бы они сказали противъ Шекспира или Пастера? Тутъ нечего сказать. И это вѣрно, „разъединяетъ людей религія, націонализмъ и политика, а объединяетъ, объединить ихъ можетъ только искусство, т. е. главное, литература да наука“.

Студентъ Ю. Янъ тоже полагаетъ, что корни антисемитизма скрыты въ области религіозныхъ воззрѣній іудейства и христіанства.

По его мнѣнію: „Іудейство, одно изъ оптимистическихъ ученій, оно утверждаетъ активное, дѣйственное отношеніе къ людямъ, тогда какъ христіанство, по существу своего ученія, „теряетъ права стремиться къ реальному осуществленію своихъ желаній“. Находя въ жизни много хорошихъ сторонъ, „еврействующіе“ полагаютъ, что низменно предаваться меланхоліи, особенно отчаянію“...

„Такъ какъ желаніе борьбы и жизни, которое лежитъ въ основаніи еврейской философіи, есть натуральное заявленіе воли, человѣкъ съ сильнымъ, выносливымъ и изворотливымъ характеромъ — идеалъ „еврействующаго“...

Казалось бы, выводъ отсюда обязательно такой: религія евреевъ имѣетъ несомнѣнное и ясное преимущество передъ религіей христіанъ, она — активна, жизнедѣятельна, она освобождаетъ человѣка отъ недовѣрія и страха предъ земной жизнью.

Но студентъ Янъ дѣлаетъ выводъ прямо противоположный, онъ пишетъ:

„Дѣйствіе еврейской философіи можетъ быть только отрицательнымъ и весьма опаснымъ для культурнаго прогресса человѣчества, особенно въ наше тяжелое время, когда чрезмѣрное развитіе прикладныхъ наукъ и тѣ блестящіе результаты, которыхъ онѣ достигаютъ, сильно подкупаютъ людей въ пользу матеріалистическихъ воззрѣній“...

Я остановился на философіи студента потому, что онъ, какъ мнѣ думается, довольно мѣтко указалъ на основное противорѣчіе, лежащее въ натурѣ Іова, который не боится вступать въ споръ съ Богомъ, и Платона Каратаева, который не умѣетъ и не хочетъ про-

тивиться злу. Въ дальнѣйшемъ вы увидите, какъ часто антисемитскія идеи и настроенія будутъ опираться на мотивы, тождественные и родственные мотивамъ студента Яна.

* * *

Теперь передъ нами 63 письма, въ которыхъ мотивъ антисемитизма выраженъ однообразно и отчетливо. Этотъ мотивъ — страхъ русскаго человѣка предъ возможностью еврейскаго засилья. Едва ли нужно объяснять, что почвой этого страха служитъ — въ числѣ многихъ иныхъ причинъ — удручающее невѣжество и поразительное незнакомство корреспондентовъ съ положеніемъ въ Россіи еврейскаго народа.

Привожу тексты писемъ, чтобы вы знали, какія иногда дѣтскія формы принимаютъ сужденія русскихъ людей по еврейскому вопросу.

Учительница народной школы изъ Витебской губерніи пишетъ:

„Считаю нужнымъ сообщить вамъ про то, какое дѣйствіе произвело чтеніе вашей статьи на крестьянъ. Нельзя было смотрѣть безъ сожалѣнія на эти морщинистыя и грубыя лица, на которыхъ ясно отразилось недоумѣніе и испугъ. Еще не было окончено чтеніе статьи, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались тревожные вопросы: „Неужели это пишетъ наше правительство? Неужели нашъ Царь-Батюшка дастъ насъ въ обиду жидамъ-нехристямъ? Неужели намъ послѣ панской кабалы попасть въ жидовскую?“ И еще много въ этомъ духѣ. Конечно, крестьянъ успокоили, но они еще долго волновались и говорили: „Какъ это русскіе писатели пишутъ эдакъ про жидовъ, когда намъ, мужикамъ, живется тяжелѣй, чѣмъ имъ, нехристямъ“...

Испугомъ и недоумѣніемъ густо насыщены всѣ письма этой группы. Учительница, по мягкости души, могла, конечно, и преувеличить впечатлѣніе, вызванное у крестьянъ чтеніемъ анкетнаго листка, но вотъ вопли, идущіе непосредственно изъ напуганныхъ душъ самихъ крестьянъ:

„Русскій человѣкъ добродушенъ: его смущаетъ ограниченіе правъ евреевъ и черта осѣдлости, въ которой бѣдному люду живется, дѣйствительно, очень плохо. Но сочувствуя евреямъ, русскій никакъ не можетъ забыть себя, чешетъ затылокъ и разсуждаетъ: „да вѣдь и мы-то не больно полноправны, и сами-то сплошь и рядомъ живемъ впроголодь... а если придутъ евреи, да вездѣ поползутъ, такъ тогда совсѣмъ пропадать надо“...

И С. изъ Вятки кончаетъ:

„Ни въ коемъ случаѣ нельзя евреевъ поставить въ равныя условія съ русскими, а то самимъ придется бѣжать изъ предѣловъ Россіи“...

Ему вторитъ Иванъ П.:

„Какого равноправія требуете для евреевъ? И не стыдно ли заниматься такими вопросами, видя безправіе русскихъ“...

„Не губите русскаго человѣка, не закабаливайте вы его, неужели вы сторонники крѣпостнаго права?“...

Изъ Курска Иванъ В.:

„Если евреямъ дать права, то не позже, чѣмъ черезъ 20, 30 лѣтъ вся огромная наша родина превратится въ еврейскаго раба... Мы должны заботиться, главнымъ образомъ, о нашемъ крестьянинѣ, объ этомъ сѣятелѣ и хранителѣ нашей родины, ни одинъ народъ въ мірѣ не обиженъ и не обойденъ такъ, какъ нашъ русскій крестьянинъ, все вынесъ онъ на своихъ плечахъ“...

„Прежде, чѣмъ заботиться и хлопотать объ евреяхъ, которые и сами въ состояніи за себя постоять, надо позаботиться о нашемъ родномъ мужикѣ“...

К. изъ Сибири:

„Мое мненіе всехъ призренныхъ жидовъ загнать гдѣ макаръ телятъ не пасъ, некакова преимущества дать имъ нельзя, въ виду ихнихъ подлыхъ увертокъ. Если дать наравне справомъ срусскимъ человекомъ, то прежде найдите место, куда бежать русскому человеку“...

М. изъ Риги:

„Прибегаю съ великой нашей покорнейшей прозьбой къ великому защитнику нашему и помощнику нашего Благодѣтеля Монарха В. М. Пуришкевичу и Писателю Русскому М. Горькому и др. Помогите съ милостью Божьей станьте защитой Русской православной церкви. Защитите нашу красавицу страну отъ нѣмецкаго вспомогательного механизма“...

Житель г. Харькова, безземельный крестьянинъ Богодущенко:

„Вы бы, милостивые государи, вмѣсто жидовъ, заботились бы лучше о бѣдныхъ русскихъ крестьянахъ“...

Человѣкъ безъ имени:

„Вы, господа, сочувствуете имъ, что они принимали культурной русской жизни Русскаго общества, что они держатся отъ нищево до Рестократическаго высшаго образованія за одно и не позволятъ надъ собою покататься... Сколько время прошло и никто не пóдумалъ изъ писателей чтобы бѣдный русскій народъ поднять къ образованію высшей культуры, а только угнетали его“...

Запасные солдаты Д. и С. рекомендуютъ:

„Для евреевъ нужно дать отдѣльную колонію, иначе они приведутъ Россію до ничево“...

Къ нимъ присоединяется полякъ:

„Дать евреямъ полную свободу дѣйствій, если бъ это случилось, то долженъ погибнуть весь крестьянскій народъ“...

Ефрейторъ К. думаетъ такъ же:

„Дать евреямъ равноправіе, это значитъ — отдать все“...

„Если бы еврея назначить хотя бы губернаторомъ, то весь штатъ были бы евреи и въ концѣ концовъ Россія стала бы еврейскимъ государствомъ, что крайне нежелательно“...

„Если у васъ есть свободное время, то вы лучше обсудите, какъ намъ бороться съ тѣмъ зломъ, что нѣкоторымъ семействамъ нижнихъ чиновъ запасныхъ до сихъ поръ не получаютъ пособія“...

Наиболѣе оригинальнымъ является мнѣніе жителя Лодзи:

„Не давая евреямъ свободы, мы больше пользы получаемъ отъ нихъ въ мірѣ искусства и науки, а давъ имъ свободу, ничего, кромѣ торгашей, не будетъ“...

Эти вопли крестьянъ, солдатъ, рабочихъ вызываютъ тягостное и удручающее представленіе о какихъ-то людяхъ, на всю жизнь запуганныхъ, о людяхъ, не способныхъ къ разумной борьбѣ за свои права, совершенно лишенныхъ вѣры въ свои силы, о людяхъ, живущихъ надеждою только на помощь извнѣ.

— Намъ дайте права, намъ! — кричатъ эти люди.

Одинъ унтеръ-офицеръ 67 Московскаго полка, указавъ на возможность еврейскаго засилья, полагаетъ, что права у нихъ уже имѣются:

„Русскіе должны имѣть свои права только для своего народа и никакихъ такихъ правъ для подданныхъ намъ народовъ, жить и проживать могутъ разныя народности въ нашей странѣ, но правъ имѣть такихъ, какъ мы имѣемъ, — не должны...“

Я, разумѣется, готовъ признать, что мысль о неизбѣжности еврейскаго засилья вбита въ мозги этихъ людей соотвѣтствующей пропагандой. Но это, я полагаю, никого не утѣшитъ, никакъ не можетъ умалить значеніе факта.

Этотъ фактъ, — склонность русскаго народа къ воспріятію идей и внушеній, которыя, запугивая человѣка, убиваютъ въ немъ стремленіе къ самодѣятельности, къ самозащитѣ, понижаютъ его силу сопротивленія злымъ началамъ, умерщвляютъ интересъ къ жизни, вкусъ къ ней.

Вѣдь мы знаемъ, что въ народную массу и сама жизнь — ростомъ торговли, промышленности, техники, — и люди, озабоченные развитіемъ въ русскомъ народѣ идей западно-европейской культуры, вводятъ много мыслей иного значенія; это дѣйственныя мысли, онѣ должны-бы поднять въ народѣ довѣріе къ творческимъ силамъ разума и воли человѣка, развить сознаніе своего достоинства и сознаніе права личности сопротивляться насилію надъ собою.

Но, кажется, нужно признать, что идеи активнаго характера не такъ легко и быстро проникаютъ въ характеръ нашего народа, какъ легко и крѣпко внѣдряются въ него поученія, внушающія страхъ предъ жизнью, предъ людьми, пассивное отношеніе къ себѣ самому, покорность внѣшнимъ силамъ.

Не надо забывать, что это нами, русскими, придуманы ученія о непротивленіи злу, теорія святости недѣланія, какъ нельзя болѣе

сродная мудрости древняго китайца, который училъ: „Всѣ должны быть бездѣятельны“, и который, съ пріятной простотой младенца, убѣждалъ: „Въ древности исполнявшіе Тао не старались просвѣщать народъ, они держали его въ невѣжествѣ...“

„Причина того, что трудно управлять народомъ, заключается въ томъ, что народъ просвѣщается, и въ немъ много умныхъ...“

„Когда страна управляется безъ всякаго умствованія, то въ ней будетъ благоденствіе...“

Исторія убѣдительно доказываетъ намъ, что руководствуясь философіей пассивнаго отношенія къ жизни — жить нельзя.

* * *

Еврейскаго засилья боится не только народъ, но и представители культурныхъ классовъ, страхъ этотъ ярко выраженъ въ 21 письмѣ.

Вотъ, напримѣръ, г-жа И. пишетъ не безъ аффектаціи:

„Неужели вы всѣ, т. е. Андреевъ, Сологубъ и вы — копіи Вильгельма II? Хотите слабые народы отдать на хищничество и подъ ярмо евреямъ? О, какъ это жестоко...“

Другой корреспондентъ вторитъ ей:

„Съ притокомъ евреевъ все исчезнетъ; убьется воля и энергія у русскихъ, и, приведя русскихъ къ пассивному состоянію, начнутъ властвовать надъ ними безконтрольно и безповоротно...“

Изъ Ставрополя пишутъ:

„Съ устраненіемъ антисемитизма, Россія была бы одною изъ благодатнѣйшихъ странъ Европы, — но евреи были-бы... хозяевами, а русскіе — работниками...“

Такъ же думаютъ въ Калугѣ:

„Врожденный, жестокій, послѣдовательный эгоизмъ еврея всюду беретъ верхъ надъ добродушнымъ, мало-культурнымъ, довѣрчивымъ русскимъ крестьяниномъ и купцомъ...“

Изъ Херсона рекомендуютъ:

„Заботьтесь о евреяхъ, но не забывайте милліоны нашихъ крестьянъ, находящихся въ зачаточномъ развитіи, дѣтскомъ періодѣ. Какъ бы у васъ не вышло того, чтобы свой родной народъ не остался въ своей странѣ безъ дѣла и безъ куска хлѣба...“

По тѣмъ же основаніямъ г-жа А. изъ Харькова сообщаетъ:

„Я не принадлежу совершенно къ числу юдофобовъ, признаю вполнѣ всѣ лучшія качества за евреями, и чѣмъ я считала бы ихъ лучше и сильнѣе, тѣмъ обязательнѣе и неизбѣжнѣе признавала бы рѣшеніе вопроса въ плоскости Сіонизма...“

Изъ Мелитополя:

„Честные, выносливые, трудоспособные, словомъ — лучше евреевъ не было и, должно быть, не будетъ. Но это не значитъ, что для насъ, какъ для самостоятельной націи, они не пагубны, не язва, отъ которой надо открещиваться, какъ отъ дьявола...

Это пишутъ — культурные люди? Да, къ сожалѣнію, это пишутъ несчастные русскіе люди китайской души, люди, испуганные жизнью, искренно считающіе свой народъ безпомощнымъ, безсильнымъ...“

Какой-то русскій китаецъ жалуется:

„Вы хоть бы разъ высказывали на столбцахъ газеты сожалѣніе о русскихъ людяхъ, о ихъ интересахъ...“

И, наконецъ, крестьянинъ У. говоритъ:

„Дать евреямъ равноправіе безусловно нужно, но не сразу, а постепенно, съ большой осмотрительностью, иначе въ скоромъ времени, если не вся земля, сѣрый народъ русскій, то наполовину перейдетъ въ рабство евреевъ...“

Можно ли причислить людей этой группы къ антисемитамъ? Я затрудняюсь сказать, — да, можно...

Въ афоризмахъ, сейчасъ прочитанныхъ мною, я не чувствую той болѣзненной злобы противъ еврея, которая ощущалась въ письмахъ, раньше прочитанныхъ.

Здѣсь звучитъ только страхъ человѣка, который сознаетъ себя слабымъ, безправнымъ, безпомощнымъ. Онъ чувствуетъ себя связаннымъ, онъ изнутри запуганъ, и запуганъ давно; еврей кажется ему свободнымъ, сильнымъ, — даже — колоссомъ, какъ опредѣлилъ литераторъ Гаврильченко. Здѣсь только страхъ возможности дальнѣйшаго экономическаго и соціальнаго угнетенія. Конечно — страхъ, — чувство скверное, не человѣчье, онъ легко возбуждаетъ и другія темныя эмоціи, — со страху можно убить, устроить погромъ...

Отмѣчу еще разъ, что въ письмахъ крестьянъ, солдатъ и вообще простыхъ людей много жалобъ, но мало злости. Общій выводъ изъ всего вопля напрашивается самъ собою — люди кричатъ: не пускайте къ намъ чужихъ, мы боимся чужихъ, они насъ умнѣе!..

Это, повторяю, китайскій вопль, китайское, восточное отношеніе къ жизни, къ людямъ, къ себѣ.

Но среди этой путаницы понятій, въ сумракѣ невѣжества и предразсудковъ иногда раздаются голоса разумныхъ людей, напримѣръ, капитанъ Ш. говоритъ:

„Лучше было бы позаботиться сначала о русскомъ коренномъ мужичкѣ, который, дѣйствительно, безправный; загнанный и вѣчный еврей свободно его обидитъ и обсчитаетъ. Присмотритесь къ крестьянамъ сердца Россіи — Калужской губерніи, и сравните ихъ жизнь съ евреями юга Россіи и вотъ вы тогда, дѣйствительно, узнаете, о комъ первоначально нужно позаботиться... Поднимите раньше русскій народъ до должной высоты, сдѣлайте его грамотнымъ и тогда уже позаботиться можно и о евреяхъ, среди коихъ безграмотныхъ нѣтъ...“

А слесарь Л. ставитъ дѣло еще болѣе ясно:

„Часто говорятъ: „посмотрите на Англію, на страну свободъ и цивилизаціи. Тамъ евреи живутъ, какъ равноправные граждане, и даже бываютъ министрами... Правильно! Въ Англіи еврей можетъ быть кѣмъ угодно, отъ этого страна и народъ никакого зла не терпятъ, а у насъ — упаси Боже — сдѣлать еврея даже квартальнымъ... Вотъ, когда мы дорастемъ до . . . . англійской жизни, тогда самый вопросъ о еврейскомъ равноправіи будетъ казаться намъ смѣшнымъ, какъ онъ сейчасъ кажется для англичанъ“...

Я думаю, что если послѣдовать совѣтамъ капитана, слесаря и другихъ людей такого же взгляда на дѣло — страхъ передъ еврейскимъ засильемъ разсѣется въ русскомъ народѣ, какъ и всѣ другіе его страхи.

А сейчасъ, при наличіи свинцоваго невѣжества, даже тѣ мысли, которыя, вполнѣ законно возникая на почвѣ классовыхъ треній и противорѣчій, организуютъ трудовой людъ Западной Европы въ новую соціально-культурную силу — даже эти чувства и мысли у у насъ, на Руси, развиваются не вполнѣ правильно и нормально, какъ это видно изъ писемъ 21-го рабочаго съ завода Гильфердинга въ Харьковѣ.

„Евреи развиваютъ капитализмъ“ — сообщаютъ эти рабочіе новый мотивъ къ обвиненію евреевъ. Это обвиненіе повторяется въ общей массѣ писемъ болѣе десяти разъ.

Что еврейскій народъ, какъ народъ, столько же повиненъ въ развитіи капитализма, сколько и сами обвинители, — это не дошло еще до ихъ сознанія. И не они виноваты, въ недомысліи своемъ — у насъ даже и представители культурныхъ слоевъ общества далеко не всѣ и не ясно понимаютъ прогрессивное значеніе развитія капитализма въ Россіи; далеко не всѣ убѣждены въ томъ, что только капитализмъ и неизбѣжно сопутствующее ему развитіе соціальнаго самосознанія можетъ вывести нашу страну изъ болота восточной косности на широкіе пути западно-европейской культуры.

За послѣднее время глубоко-реакціонная пропаганда идеи мессіанизма и самобытности русскаго народа несомнѣнно имѣетъ нѣкоторый успѣхъ въ средѣ интеллигенціи и, проникая въ обывательскій мозгъ, своеобразно преломляется въ немъ, становясь еще болѣе реакціонной и темной.

Вотъ, напримѣръ, человѣкъ, подписавшій свое сообщеніе словами: „Что въ имени тебѣ моемъ“, — кратко и вѣско поучаетъ:

„Западъ — не Россія, а Россія — не Западъ, а — Азія...“

Инженеръ А. съ Урала пишетъ:

„Не надо намъ никакихъ чужихъ носителей чужой, гнилой культуры. Мы — молодое, юное славянство, принесемъ безъ чужой помощи, безъ чужой указки свою истинную, самобытную, гуманную культуру. Россія и славянство — это носители будущаго...“

Еще далѣе идетъ преподаватель изъ Саратова:

„Дурная сторона антисемитизма та, что различными стѣсненіями евреевъ, искусственно задерживается ихъ участіе въ научной работѣ, которая Россіи такъ нужна; но есть, пожалуй, и хорошая сторона, та, что русская образованность, да и литература, при меньшемъ участіи еврейства, разовьется самобытнѣе. Въ этомъ отношеніи русскій по своему складу ближе подойдетъ къ восточнымъ инородцамъ тюркскаго происхожденія, съ которыми у него много общаго, чѣмъ къ чуждымъ ему по духу, слишкомъ „прыткимъ“ евреямъ“.

Этотъ преподаватель сообщаетъ, что онъ — православный, съ университетскимъ образованіемъ. Мы можемъ надѣяться, что онъ годы и годы внушалъ и будетъ внушать русскому юношеству идеи расовой и, вѣроятно, психической общности русскихъ съ киргизами, калмыками и т. д.

Колупаевъ изъ Курска, человѣкъ, видимо, впавшій въ отчаяніе и нигилизмъ, пишетъ, какъ-бы доводя до законнаго конца, мысль преподавателя о родствѣ русскихъ съ тюрками:

„Погибли сербы, болгары, румыны и безъ возврата все это должно сгинуть, распылиться въ нѣчто прегрязное, несимпатичное, подобно армянамъ и цыганамъ, а мы просто должны исчезнуть, какъ мордва, чуваши, калмыки, черемисы...“

Вообще письма даютъ массу очень печальнаго матеріала для очерка по психологіи русскаго самосознанія. Часто — слишкомъ часто! — повторяется указаніе на то, что русскій человѣкъ „натура мягкая, сердечная, слабовольная“. Г-жа П. изъ Саратова находитъ, что „нѣмцы и евреи — негодяи, а для русскихъ другого слова нѣтъ, какъ — дураки“...

Нѣкто философствуетъ:

„Паразитъ поселяется на человѣкѣ, который не умѣетъ или не можетъ держать себя въ порядкѣ, мало пользуется мыломъ, щеткой и прочими хотя бы простыми приборами для своего туалета. Россія по своему неустройству — великолѣпный матеріалъ, великолѣпный кормилецъ для такихъ паразитовъ“...

Еще болѣе рѣзко написано письмо, озаглавленное: „Отъ всего населенія крестьянъ и мѣщанъ Витебской губерніи“.

„Въ городѣ Геническѣ, который городъ совершенно завоеванъ жидами, въ центрѣ города нѣтъ ни одного жилого дома, ни одной торговой лавченки, нѣтъ ни одной хлѣбной ссыпки, нѣтъ ни одного русскаго склада сельско-хозяйственныхъ орудій, все совершенно въ жидовскихъ рукахъ; съ центра города русскихъ дураковъ выжили, въ центрѣ лишь одни жиды и нѣмцы, все это совершается при посредствѣ гешефтовъ, подкуповъ и т. д. Осталось избрать городского голову жида и тогда русскій идіотъ, дуракъ, надѣвай сумку, одну для яицъ, а другую для муки, и дуй по обширной Руси, побираться именемъ русскаго Бога Христа, ...
. . . .“

„А я, со своей стороны, совѣтовалъ бы прежде всего не рато-

вать за еврея, а прямо кричать, чтобы русскаго дурака, этого хама, вывели изъ оцѣпенѣнія (экстаза), одурманѣнія послѣ кабака, да заставили бы поменьше бить поклоны, да разодрали бы ему, чорту, глаза грамотой, ...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Мысль эта должна бы быть совершенно чужда народу страны, о которой сказано:

Всю Тебя, страна родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя...

. . . .

. . . .

Фольклоръ убѣждаетъ насъ, что первобытный человѣкъ вѣрилъ въ силу злыхъ стихій и боговъ больше, чѣмъ въ силу добрыхъ. Можетъ быть, въ темной глубинѣ души некультурнаго человѣка, рядомъ со страхомъ предъ злымъ богомъ, живетъ органическое, эмоціональное недовѣріе къ силѣ бога добраго?

Нѣжное и хрупкое ученіе о любви къ ближнему очень красиво, оно является одною изъ мощнѣйшихъ попытокъ разума и воли связать всѣхъ людей во единое братское цѣлое. Но мы живемъ въ эпоху соціальныхъ противорѣчій, совершенно непримиримыхъ религіей и моралью. Только для всѣхъ равныя политическія и соціальныя права могутъ создать мораль, обязательную для всѣхъ.

Могутъ указать на то, что я позволяю себѣ полемизировать съ авторами писемъ — пріемъ, кажется, не допускаемый въ подобныхъ случаяхъ; могутъ упрекнуть меня въ томъ, что я не скрылъ чувства моего презрѣнія къ нѣкоторымъ авторамъ...

Да, я полемизирую и не хочу скрывать моего отношенія къ людямъ злымъ по глупости.

Я — русскій, и у меня есть сознаніе моей личной отвѣтственности за все то дурное, что дѣлается, думается, говорится русскими, какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ народностямъ, которыя принуждены жить съ нами въ чертѣ невѣжества, недомыслія и злости, въ душной атмосферѣ нашей китайщины.

Если-бъ вы, читатель, знали, какъ мучительно тяжко, какъ стыдно говорить обо всемъ этомъ.

* * *

Теперь передъ нами 93 документа, написанныхъ представителями той Россіи, которой, несомнѣнно, принадлежитъ будущее Россіи, — людей умныхъ и честныхъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ пишутъ изъ Краснопольскаго рудника гг. П. Самсоновъ, Н. Напріенко, И. Хрижаненко, М. Усовъ В. Запбянцевъ, Ф. Колесниковъ и А. Парвичко:

„Читая ваше письмо, мы глубоко вѣримъ, что оно истинно побудитъ каждаго здравомыслящаго человѣка пробудиться отъ его, быть можетъ, моральныхъ заблужденій и вооружитъ его противъ ложной идеи антисемитизма. Съ своей стороны, мы, сторонники семитизма, по силѣ возможности съ нашей стороны будемъ противодѣйствовать движенію идей, возбуждающихъ противъ еврейства“...

Люди этой группы единодушно признаютъ, что:

„Антисемитизмъ питается и поддерживается исключительно безправіемъ евреевъ“...

Они знаютъ, что:

„Первая мѣра борьбы противъ антисемитизма — снять всѣ стѣсненія съ учащихся, съ низу до верховъ: ничто не объединяетъ такъ, какъ образованность“...

Изъ Уиля, Уральской области, Евгеній Заикинъ опредѣленно пишетъ:

„Разноплеменность населяющихъ Россію народностей — есть богатая почва къ предразсудкамъ и національной враждѣ“...

„Для России это явленіе нежелательно, пагубно и печально“.

„Активное противодѣйствіе росту антисемитизма, по-моему, должна взять на себя народная школа“...

Братья Никоновы изъ Оренбурга, указывая, что они учились въ южныхъ гимназіяхъ до введенія процентной нормы для евреевъ, свидѣтельствуютъ, что евреи, въ большинствѣ случаевъ, оставили у нихъ самыя лучшія воспоминанія.

Они пишутъ:

„Чѣмъ меньше отпора встрѣчаетъ разнузданное своеволіе, тѣмъ шире развивается оно“...

И дальше:

„Каждый культурный человѣкъ обязанъ бороться съ антисемитизмомъ всѣми доступными ему способами: устно, письменно, печатно. Добиваться равноправія для евреевъ, улучшенія ихъ существованія законодательнымъ путемъ“...

Ант. Бѣганскій сообщаетъ:

„Я нахожу вреднымъ для моего отечества то, что еврей, ради полученія правъ, принужденъ мѣнять религію отцовъ на православіе: это портитъ нравственность человѣка, ибо оно равносильно насильственному отказу отъ своей религіи“...

Почти у всѣхъ корреспондентовъ этой группы отношеніе къ еврейскому вопросу очень вдумчивое, всѣ они строятъ свои выводы на собственномъ опытѣ, въ каждомъ чувствуется подкупающая правдивость.

Вотъ, какъ пишетъ, напримѣръ, Александровъ:

„Ростъ антисемитизма имѣетъ самое пагубное вліяніе на

культурное развитіе русскаго народа, такъ какъ питается предразсудками и невѣжествомъ и самъ питаетъ ихъ"...

„Антисемитизмъ оказываетъ самое вредное вліяніе и на хозяйственный ростъ страны"...

„Еврейское безправіе есть результатъ и причина антисемитизма, если подъ этимъ разумѣется вообще враждебное отношеніе къ евреямъ"...

„Изъ моихъ личныхъ наблюденій я пришелъ къ тому, что антисемитизмъ прививаютъ, и онъ въ меня входилъ, какъ отрава постепенно, и надо много трудиться надъ собою, чтобы счистить съ себя эту коросту, эту духовную проказу"...

„Когда мы были ребятами, мы не дѣлали различія между евреями и нами, но, по мѣрѣ выростанія, намъ чаще и чаще говорили, что евреи обладаютъ всѣми пороками злыхъ людей. Чего же лучше — кровь пьютъ. Это говорилось съ ранняго школьнаго возраста. Я кончилъ курсъ въ одной изъ западныхъ губерній. Когда мнѣ было 18 лѣтъ, я былъ однимъ изъ многочисленныхъ орудій обрусѣнія или уничтоженія полонизма. Я обязанъ былъ слѣдить и требовать, чтобы дѣти — поляки молились по-русски, читая переведенныя на русскій языкъ польскія молитвы. И мы, русскіе, постоянно повторяли евреямъ: „Вотъ, скоро до васъ доберемся". Поляковъ приказывали ненавидѣть, но вѣдь въ нашихъ глазахъ еврей былъ отъ насъ дальше, чѣмъ полякъ. Естественно, этимъ питались и рознь, и вражда и къ евреямъ"...

„Для противодѣйствія расовой враждѣ, — заключаетъ онъ, — самое важное — отмѣна всякихъ стѣсненій и полнѣйшее равноправіе"...

„Старый человѣкъ" пишетъ почти то же самое:

„Единственное средство — образованіе, просвѣщеніе, вплоть до всеобщаго обязательнаго обученія, тогда сами собой подохнутъ и черносотенство, и антисемитизмъ"...

„Если я не разъ понималъ черносотенцевъ, — прибавляетъ онъ, — какъ „имя зло", то это потому, что я самъ одинъ годъ принадлежалъ къ этому вредному сообществу, которое болѣе стремится къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка, нежели всѣ анархисты и соціалисты"...

Г. Кузнецовъ разсказываетъ въ своемъ письмѣ о той перемѣнѣ, которая произошла съ нимъ:

„ярымъ антисемитомъ изъ дворянской, офицерской семьи, подъ благотворнымъ вліяніемъ семьи евреевъ"...

„Этой семьѣ я обязанъ своимъ нравственнымъ перерожденіемъ: я обратился въ свободнаго человѣка и глубоко страдаю отъ окружающей несправедливости, и тотъ день, когда уничтожится пресловутая черта осѣдлости и „процентная норма", будетъ праздникомъ въ моей жизни"...

Очень цѣннымъ кажется мнѣ письмо „Статскаго Совѣтника":

„Прочитавъ ваше обращеніе къ русскимъ людямъ, считаю себя вправѣ отвѣчать на заданные вопросы, пишу настоящій „литературный трудъ“, за который прошу мнѣ выслать вашу книгу по этому животрепещущему вопросу“...

„Не всѣ отвѣты будутъ имѣть значеніе, такъ какъ многіе будутъ разсуждать о томъ, чего не знаютъ, въ лицо не видавъ еврея. Я же учился въ Сувалкской губерніи, въ чертѣ осѣдлости, служилъ въ Польшѣ и имѣлъ преимущественно съ евреями дѣла. Живу теперь въ Вильно, состою помощникомъ присяжнаго повѣреннаго — я кандидатъ правъ Петроградскаго университета, такъ что теперь тоже имѣю возможность встрѣчаться съ евреями. Мой отецъ былъ крѣпостникъ, мать бывшая помѣщица. Они мнѣ съ дѣтства внушили — какое зло евреи, такъ, что когда въ 1-мъ классѣ гимназіи законоучитель на экзаменѣ Закона Божія спросилъ меня: „какой народности былъ Іисусъ Христосъ“ и былъ недоволенъ моимъ отвѣтомъ — „русскій, православный“, то я заплакалъ отъ обиды за Христа, котораго законоучитель назвалъ евреемъ, такъ несовмѣстимо съ моими понятіями было Христосъ и — еврейство“...

„Придя въ зрѣлые годы, я теперь считаю, что вся бѣда не въ еврействѣ, а россійской темнотѣ и непониманіи того, что съ малыхъ лѣтъ знаетъ каждое еврейское дитя, благодаря чему евреи и кажутся намъ столь опасными. Въ послѣднее время явилось въ Россіи „черносотенство“ или „союзъ истинно русскихъ людей“...

„Евреи очень трудящійся, экономный, заботливый о будущемъ народъ, предусмотрительный народъ, который еще долго будетъ служить примѣромъ для Россіи. За эти ихъ качества хотѣлось бы насытиться Колупаевымъ и Разуваевымъ, но тѣ еще рыломъ не вышли“...

Г. Огневъ изъ Глазова простодушно говоритъ:

„Глубокую жалость чувствую я къ бѣдному, забитому еврейскому народу. И нельзя не чувствовать ея, когда видишь, слышишь, читаешь, какимъ насмѣшкамъ, обидамъ подвергается еврей. И великій стыдъ, по-моему, нашему русскому народу за то“...

Нѣкто указываетъ:

„Въ общественной жизни евреи, дѣйствительно, большею частью жестоки въ денежныхъ дѣлахъ, но исключительными законами и гоненіями въ теченіе почти 2.000 лѣтъ мы, христіане, ихъ къ тому воспитывали“...

Очень вѣрно и мѣтко указаніе виленца:

„Въ каждой захудалой литовской или польской деревнѣ увидишь цвѣтники, кое-какіе, хоть самыя грубыя украшенія дома, свидѣтельствующія о любви обитателя къ своему углу, но ничего подобнаго не встрѣтишь у еврея — вѣдь у него нѣтъ родины, онъ не связанъ съ тѣмъ клочкомъ земли, на которомъ сидитъ“...

Указано, что нѣкоторыя черты характера евреевъ ставятъ ихъ „выше окружающей народности“, эти черты — „нравственная се-

мейная жизнь, предпріимчивость, стремленіе выбиться честнымъ путемъ и трудомъ изъ нищеты, неудержимое стремленіе дать дѣтямъ образованіе и практическія знанія, честность, трезвость, уживчивость и т. д.“...

Изъ Наруксова пишутъ:

„Я прожилъ среди евреевъ 10 лѣтъ и скажу, что гдѣ есть еврей, тамъ жизнь идетъ впередъ, и самые глухіе уголки страны оживаютъ“...

Общій припѣвъ ко всѣмъ письмамъ таковъ:

„Съ предоставленіемъ евреямъ гражданскихъ правъ въ полной мѣрѣ — сама собою рухнетъ всякаго рода расовая и національная вражда“...

Прасковья Орлова изъ Пензы тоже полагаетъ, что — „самой радикальной мѣрой для противодѣйствія антисемитизму является уравненіе въ правахъ, въ особенности — отмѣна черты осѣдлости, какъ явленіе варварства, какое-то средневѣковье“...

Въ группѣ антисемитскихъ писемъ нѣтъ ни одного, которое не нашло бы возраженія въ письмахъ этой группы.

Псаломщикъ изъ Малмыжа „отъ лица многихъ единомышленниковъ“, заявляетъ, что — „антисемитизмъ культуру не можетъ не задержать“. Могутъ возразить — Малмыжъ! Что могутъ знать въ Малмыжѣ о чертѣ осѣдлости, о евреяхъ?

Но и уроженецъ Черниговской губерніи, долго жившій въ чертѣ еврейской осѣдлости, убѣжденно пишетъ изъ Орска-Оренбургскаго:

„Всякое человѣконенавистничество — отрицательно. Безотвѣтственность въ насиліяхъ — поощряетъ насиліе. Полагаю, что въ массѣ населенія антисемитизмъ очень слабъ и только на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Переселенцы-хохлы въ Тургайской области заявляли переселенческимъ начальникамъ о желательности имѣть въ поселкѣ евреевъ, какъ посредниковъ“.

Такъ же думаетъ г. Олишевцевъ изъ села Казацкаго:

„Мнѣ 65 лѣтъ, вся жизненная дѣятельность моя проходитъ въ Черниговской, Полтавской, Харьковской и Курской губерніяхъ, приблизительно — районъ, гдѣ эти губерніи соприкасаются или близко подходятъ одна къ другой, т. е. — гдѣ имѣютъ право жить евреи на законномъ основаніи или же гдѣ живутъ, пока ихъ не гонятъ“...

„Если къ нимъ есть какое-то враждебное отношеніе, то не какъ къ евреямъ, а какъ къ торговцамъ, но и къ русскимъ торговцамъ относятся не лучше, чѣмъ къ евреямъ, такъ какъ торговля у насъ поставлена такъ, какъ будто это установленное и гарантированное закономъ плутовство. И такъ какъ въ этой мѣстности большинство торговцевъ евреи, то оно и кажется чѣмъ-то антисемитскимъ. Если и были противъ евреевъ движенія, то только благодаря кучкѣ какихъ-то невидимыхъ . . . . . . людей,

. . . . но такіе погромы можно устроить сегодня — на евреевъ торговцевъ, а дальше и вообще на зажиточныхъ людей, будь онъ баринъ или мужикъ"...

„Пока наше общество будетъ, въ большинствѣ своемъ, настолько недѣятельно и неразвито, какъ теперь, до тѣхъ поръ не то что евреи, но каждый болѣе дѣятельный народъ будетъ эксплоатировать насъ, русскихъ всѣхъ категорій, и мы за это ихъ будемъ ругать и ненавидѣть"...

И снова указываютъ на то, что — „неукротимая энергія, которой обладаетъ это племя, является необходимымъ ферментомъ хозяйственнаго роста Россіи"...

„Не знаю, откуда явилась эта глупая ненависть къ евреямъ, это презрительное отношеніе къ нимъ, — пишетъ человѣкъ изъ Вятки. Когда я незадолго до Рождества былъ въ Сувалкской губерніи, въ Сувалкахъ, въ Вильнѣ, Гроднѣ, мнѣ много пришлось бесѣдовать съ поляками, съ евреями, и я сознаюсь, что ихъ взгляды на войну эту часто были благороднѣе нашихъ. Просто, не ожидая ничего лучшаго въ будущемъ, дерутся они за отечество, не признающее ихъ. Мои симпатіи лично всегда были на сторонѣ евреевъ, этого забитаго, высокохудожественнаго народа. Высокохудожественнаго, говорю я, ибо нигдѣ въ другомъ народѣ не видѣлъ я такой поэзіи, музыкальности, такого пониманія прекраснаго. Мнѣ кажется, что русскій народъ еще не знаетъ хорошо евреевъ. Онъ равнодушно проходитъ мимо него, разобраться въ немъ, заглянуть ему въ душу, присмотрѣться къ нему — ему не приходило въ голову. Господа, присмотритесь хорошенько. Представьте себѣ его тяжелое положеніе, троньтесь его затаеннымъ отчаяніемъ и тогда неужели вы сможете равнодушно пройти попрежнему мимо. Вы, носящіе названіе христіанъ, неужели не раскроется сердце ваше для Бога любви, ужели не протянете руку гибнущему брату — такому же человѣку, какъ и вы"...

Вы, вѣроятно, уже замѣтили, что я избѣгаю называть имена корреспондентовъ и даже не всегда указываю, откуда прислано письмо. Я дѣлаю это изъ опасенія за спокойствіе честныхъ людей — они говорятъ слишкомъ просто, откровенно, очевидно, забывая о томъ, что въ Россіи правду не принято говорить во весь голосъ.

Вотъ письмо сестры милосердія:

„Я, сестра милосердія, хочу тоже внести нѣсколько оправдательныхъ словъ въ защиту евреевъ. Не потому, что я взяла на себя такое имя, а потому, что я теперь, въ эти тяжелые дни для нашего отечества, встрѣтилась съ этими людьми и поняла ихъ, убѣдилась въ напрасной враждѣ къ евреямъ, видя ихъ работу, отношеніе къ дѣлу, къ раненымъ и больнымъ. Зачѣмъ ихъ такъ притѣсняютъ?.."

Крестьянинъ Вологодской губерніи, нынѣ рядовой санитаръ, пишетъ изъ Варшавы:

„Прочитавъ въ газетѣ „Варшавская Мысль“ анкету относительно отношенія русскихъ къ евреeямъ, я не могу умолчать, чтобы не привѣтствовать такое доброе начинаніе, и избавить ихъ отъ непріятностей, которыя они теперь испытываютъ, благодаря всеобщаго къ нимъ презрѣнія и недружелюбства. Находясь среди войска, я заключаю такое отношеніе ихъ якобы низменной измѣной и разными сигнализаціями, чѣмъ и возбуждаютъ острое отношеніе въ войскахъ. Но они хорошіе труженики, какъ санитары, такъ и состоящіе на болѣе высокихъ должностяхъ. Мнѣ, какъ рыбному торговцу, лѣтами приходится бывать въ Норвегіи, и сравнивая отношенія норвежца къ евреямъ съ русскими, есть большая противоположность. По моему, обижать народъ за его участіе во всѣхъ хорошихъ начинаніяхъ, также какъ и русскихъ, не только неправильно, но и грѣшно“...

Отмѣчу, что въ группѣ антисемитовъ нѣтъ ни одного врача среди протестующихъ противъ насилій и гоненій на евреевъ врачей — трое. Вотъ письмо доктора Савицкаго:

„Вліяніе роста антисемитизма на культурное развитіе русскаго народа несомнѣнно пагубно, ибо искусственно ограничиваетъ участіе въ культурной работѣ значительнаго контингента талантливыхъ и просвѣщенныхъ евреевъ“...

„Столь же пагубнымъ слѣдуетъ признать вліяніе антисемитизма на хозяйственный ростъ Россіи, такъ какъ процвѣтаніе торговли и промышленности, представляя одно изъ существенныхъ условій хозяйственнаго развитія государства не можетъ не страдать отъ безправія наиболѣе предпріимчивой части населенія, каковой репутаціей по справедливости издревле пользуются евреи“...

Иванъ Ивановъ изъ слободы Покровской пишетъ:

„Рѣшительно нѣтъ никакого смысла лишать евреевъ равноправія, включать ихъ въ одинъ изъ круговъ Дантова ада, именуемый „чертой осѣдлости“, да, въ сущности, русскій народъ никогда этого и не требовалъ. Еще постыднѣе было намъ, русскимъ, переживать разбойничьи еврейскіе погромы, устраиваемые кучкой разнузданныхъ хулигановъ, изъ тѣхъ отбросовъ общества, съ которыми народъ не имѣлъ ничего общаго“...

И снова голосъ изъ Ялты убѣжденно говоритъ:

„Антисемитизмъ въ Россіи несомнѣнно затормозитъ духовное развитіе русскаго общества, какъ явленіе, порождающее бездну предразсудковъ, засоряющее человѣческое міропониманіе. Хозяйственный ростъ Россіи подъ вліяніемъ антисемитизма безусловно пострадаетъ. При исключительной интенсивности евреевъ, русская промышленность не только не разорила бы страну, но обогатила бы ее. Самый фактъ еврейскаго безправія, несомнѣнно, подрываетъ довѣріе темныхъ массъ къ евреямъ, такъ какъ вообще всякій арестованный или закованный въ кандалы заставляетъ сомнѣваться въ своей честности“...

Федоръ Трутко говоритъ:

„Въ средѣ интеллигентной антисемитизмъ распространяется черносотенными газетами“...

„Вражда и рознь задерживаютъ развитіе“...

„Безправіе евреевъ питаетъ антисемитизмъ“...

„Безправіе озлобляетъ самихъ евреевъ“...

„Единственное средство противодѣйствія распространенію въ Россіи расовой и національной вражды является образованіе, просвѣщеніе, развитіе народа“...

„Дайте народу правильно развиваться духовно — и вражда не будетъ существовать. Сужу по себѣ — я прежде презиралъ евреевъ“...

А нѣкто Федоровъ совѣтуетъ:

„Изданіе безпристрастныхъ правдивыхъ брошюръ о различныхъ національностяхъ, да поменьше вызывающихъ недовольство и возбуждающихъ умы Струве, Меньшиковыхъ и имъ подобныхъ“...

Такъ же думаетъ и г. Захарьинъ изъ Петрограда:

. . . .

. . . .

Полагаю, что я сообщилъ вамъ документы, достаточно убѣдительные. — Быть можетъ — я привелъ ихъ слишкомъ много, но это еще не всѣ, и я прошу васъ выслушать нѣсколько заявленій иного тона:

. . . .

. . . .

. . . .

Рабочій Дмитрій изъ Лозовой:

„Прочитавъ въ газетахъ, что — г-да Андреевъ, Горькій и Сологубъ собираются выпустить книгу объ антисемитизмѣ въ Россіи, то я присоединяюсь къ общественному голосу и какъ рабочій, скажу нѣсколько словъ — какъ я думаю объ антисемитизмѣ вообще. Хотя теперь, когда всѣ общественные слои сгруппировались вокругъ войны, когда глаза всей Европы обращены на Варшаву, Эльзасъ и Лотарингію, и тогда — приходится говорить объ антисемитизмѣ. И гдѣ жъ? Въ Россіи, гдѣ сердца еврейскаго народа бьются въ униссонъ съ сердцами русскаго народа теперь приходится анализировать отношеніе русскаго общества къ евреямъ. Мнѣ кажется, что это равносильно тому, чтобы спросить это общество — когда оно устроитъ еврейскій погромъ. Этого не нужно спрашивать у русскаго общества, ибо, насколько мнѣ извѣстно, здѣсь русское общество не при чемъ. А надо спросить тѣхъ подпольныхъ и прямыхъ погромщиковъ, которые устраивали погромы“...

Евгеній Селезневъ изъ Харькова — очень оригинальный человѣкъ, у него развито чувство личной отвѣтственности за грѣхи своей страны,—это чувство крайне рѣдко встрѣчается среди русскихъ людей:

„Говорятъ, что антисемитизмъ распространяется подъ вліяніемъ Запада. Это неправда, это значитъ — омыть руки и свалить вину на другихъ. Знайте — что мы также виноваты, не менѣе Запада, въ развитіи ненависти и вражды къ „жидамъ“, которая и называется антисемитизмомъ. Вѣдь мы разумныя существа, и знаемъ что дѣлаемъ: быть соучастникомъ преступленія, а потомъ омыть руки и показать другимъ, что они виноваты, а самимъ притворяться овечками, которыхъ-де натолкнулъ на преступленіе пастухъ — Западъ. Какъ это низко такъ поступать“...

Кто-то рѣзко кричитъ:

„Бороться нужно не за еврейское равноправіе, а за русскаго мужика, чтобы онъ былъ уменъ, какъ еврей, и не напивался до бѣшенаго звѣря, не изрыгалъ путь сквернословія, былъ трудолюбивъ, не чесалъ пуза, не надѣялся на авось“...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Я закончу мой утомительный докладъ письмомъ Мишутина и Губарева изъ Харькова:

„Глубокоуважаемые писатели, если вы желаете знать, что думаетъ о евреяхъ всякій честный и разумный человѣкъ, то задайте ему такіе вопросы, на которые онъ могъ бы отвѣтить, руководствуясь не мертвымъ знаніемъ, а тѣмъ, что подсказываетъ ему его умъ и его душа. На такіе вопросы вы получите массу отвѣтовъ и будете обладать солиднымъ матеріаломъ документовъ, который покажетъ, что думаютъ и чувствуютъ всѣ честные и разумные русскіе люди...“

„Первое свое обращеніе вы оставьте для ученыхъ людей, а для честныхъ и разумныхъ напечатайте другое...“

Это очень умное и дѣльное предложеніе, какъ я думаю.

Если бы мы могли принять его, мы могли бы поставить опытъ самопознанія въ широкихъ размѣрахъ и, несомнѣнно, результаты опыта были бы крайне поучительны для насъ.

Я не говорю о политической цѣнности матеріала, который далъ бы этотъ опытъ.

Кончаю мой докладъ словами тѣхъ же Губарева и Мишутина:

„Нельзя не преклониться передъ стоицизмомъ евреевъ, которые, проходя сквозь горнило тяжкихъ испытаній, сумѣли на протяженіи десятковъ вѣковъ сохранить себя...“

Да, они сумѣли сохранить въ себѣ великое мужество мудрецовъ, и вотъ одно изъ доказательствъ этому.

Въ день, когда я началъ работать надъ этимъ докладомъ ко мнѣ явился еврей-философъ и заговорилъ о поискахъ духа своего въ области гносеологіи.

Я былъ занятъ, раздраженъ, я встрѣтилъ его сухо и сказалъ,

что въ эти мрачные дни эмоціональной бури, въ эти дни кроваваго безумія, у меня нѣтъ интереса къ вопросамъ философіи.

Онъ ушелъ.

И черезъ два дня я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ, сообщая, что его семейство осталось безъ крова, самъ онъ — бѣженецъ и глубоко чувствуетъ трагедію своего народа, говоритъ:

„Но есть что-то повыше еврейскаго вопроса. И это не сказано зря, я кладу руку на мое еврейское наболѣвшее сердце и говорю: вопросъ вѣрности или ложности науки важнѣе тысячи еврейскихъ вопросовъ...“

„И со слезами, тихо шепчу — прости мнѣ, мой любимый, страдальческій народъ...“

Въ этихъ словахъ звучитъ мужество народа-философа, народа, который принесъ бѣдной планетѣ нашей такъ много даровъ своего безсмертнаго духа, народа, убѣжденнаго въ томъ, что истина есть добро, а добро творитъ только разумъ человѣка.

Невольно вспоминаешь, что Спиноза подарилъ міру свои великія книги послѣ погрома во Франкфуртѣ, и сердце наполняется уваженіемъ къ людямъ, которые умѣютъ любить міръ, умѣютъ служить ему.

М. Горькій.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БИРЖАХЪ ТРУДА.

I.

Если бы нужно было искать доказательствъ и иллюстрацій отсутствія порядка, организаціонныхъ навыковъ въ странѣ, ихъ бы въ ослѣпительной формѣ дала дезорганизація отечественнаго рынка труда и полное отсутствіе регулирующихъ его движеніе органовъ. Уже первыя недѣли войны обнаружили здѣсь тяжелую картину полнаго нестроенія. Толпы безработныхъ въ рядѣ городовъ и районовъ — и закрывающіяся отъ недостатка работниковъ предпріятія въ рядѣ другихъ. Волны рабочихъ-бѣженцевъ въ ближайшемъ тылу боевыхъ дѣйствій и охотящіеся за военноплѣнными или китайскими кули промышленники отдаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій районовъ. Городскія организаціи, бьющіяся надъ подысканіемъ труда для семей запасныхъ, и города, привлекающіе плѣнныхъ на городскія работы. Таковы противорѣчивыя положенія, сложившіяся въ первый періодъ войны.

Рынокъ труда находится въ непрерывномъ колебаніи, рабочія волны набѣгаютъ и убѣгаютъ стихійно, неорганизованно, дезорганизуя безъ того разстроенную хозяйственную жизнь. Насколько велика сейчасъ потребность въ организаціи распредѣленія рабочихъ силъ, въ посредническомъ аппаратѣ, доказывается быстрымъ, хотя совершенно безсистемнымъ и малоцѣннымъ поэтому, ростомъ всякаго рода посредническихъ начинаній. Крупные города берутся за созданіе биржъ труда, предприниматели устраиваютъ свои конторы для вербовки рабочихъ, административныя и общественныя организаціи создаютъ бюро для подысканія работы бѣженцамъ.

Даже Министерство Торговли, цѣлый годъ довольно успѣшно не замѣчавшее вопроса — а можетъ быть полагавшее, что это къ его вѣдомству не относится, — вдругъ засуетилось, и, какъ сообщила печать, выработало уже проектъ законодательной регулировки вопроса.

Въ газетахъ сообщалось, что министерствомъ предполагается привлечь къ дѣлу организаціи биржъ труда городскія и земскія самоуправленія; тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или гдѣ дѣло организаціи биржи труда не встрѣтитъ съ ихъ стороны отклика, предполагается

привлекать къ дѣлу общественныя организаціи. Для петроградской биржи намѣчается роль центральной организаціи. Трудно судить, пойдетъ ли законодательное проведеніе проекта быстрѣе, чѣмъ происходило созрѣваніе его скромной идеи въ нѣдрахъ министерскихъ канцелярій. Какъ бы то ни было, вопросъ стоитъ на очереди и разрѣшеніе его насущно необходимо.

Законодательная регламентація посредническаго дѣла не новое, конечно, явленіе въ западноевропейской практикѣ. Но современная ея форма — болѣе или менѣе систематическое созданіе биржъ труда — дитя сравнительно недавняго времени. Наиболѣе выдающіеся законодательные акты въ этой области почти всѣ не восходятъ дальше начала новаго вѣка. Германскій Stellenvermittlergesetz, имѣвшій цѣлью упорядочить частное посредничество, вошелъ въ жизнь въ 1910 г. Французскій законъ о муниципальныхъ биржахъ труда и сокращеніи дѣятельности платныхъ бюро изданъ въ 1904 г., а субсидированіе паритетныхъ биржъ труда введено декретомъ 1911 г. Аналогичный французскому порядокъ матеріальной поддержки мѣстныхъ бюро найма Швейцарія ввела въ 1909 г., Данія имѣетъ законъ о биржахъ труда съ 1913 г., Норвегія съ 1906 г., Швеція съ 1907 г. Знаменитый англійскій билль о государственной организаціи биржъ труда принятъ только шесть лѣтъ назадъ — 20 сентября 1909 г.

Развитой организаціи посредническаго дѣла и участія законодательства въ его упорядоченіи требовало мощное хозяйственное развитіе послѣднихъ десятилѣтій, рѣзко подчеркивавшее противорѣчіе между блестящей въ организаціонномъ отношеніи работой капиталистическаго производства и обывательски-элементарными методами организаціи рабочаго рынка. Могучее рабочее движеніе сдѣлало созданіе биржъ труда и законодательное содѣйствіе имъ одной изъ мѣръ современной государственной соціальной политики.

Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда вопросъ объ организаціи рынка труда только ставился еще на очередь передъ широкими кругами организованныхъ рабочихъ, ихъ отношеніе къ законодательному вмѣшательству въ эту область было опредѣленно отрицательное. Отъ государства считалось возможнымъ требовать отрицательнаго акта запрещенія частнаго посредничества, положительную же работу по созданію посредническихъ организацій рабочіе союзы оставляютъ за собой. Французскіе рабочіе выдвинули идею самоуправляющихся рабочихъ биржъ труда. Ихъ горячо поддерживали нѣмецкіе организованные рабочіе, провозгласивъ лозунгъ: „биржи труда — профессіональнымъ союзамъ“. Англійскіе тредъ-юніоны фактически держали въ рукахъ дѣло посредничества.

Жизнь выдвинула позднѣе рядъ фактовъ, заставившихъ рабочее движеніе расширить и углубить свое отношеніе къ вопросу о биржахъ труда и отказаться отъ безусловно отрицательнаго отношенія къ

соотвѣтствующей роли законодательства. Германскіе, наприм., рабочіе предъявляютъ уже къ законодательству въ этой области рядъ требованій (введеніе безплатныхъ коммунальныхъ, паритетныхъ биржъ труда).

Съ 1903 г. и въ Россіи представители труда говорятъ о законодательномъ введеніи городскихъ и земскихъ биржъ труда при непремѣнномъ участіи рабочихъ въ управленіи биржами. Вопросъ о необходимости законодательнаго вмѣшательства въ сферу посредничества по найму можетъ для насъ считаться уже не вызывающимъ сомнѣній, и самые споры о роли государства и опасности его вмѣшательства должны быть признаны пройденной ступенью. Въ связи съ реальной постановкой на очередь вопроса въ настоящее время пріобрѣтаетъ интересъ уже практическая задача о формахъ законодательнаго вмѣшательства, о конкретномъ содержаніи его предписаній. Заграничный законодательный опытъ будетъ, несомнѣнно, нелишнимъ при рѣшеніи этой послѣдней задачи.

Первый путь, которымъ государство подходило обычно къ проблемѣ организаціи посредничества, шелъ чрезъ урегулированіе частнопосредническаго промысла и борьбу съ его темными сторонами.

Общеизвѣстны тѣ опасности, которыя таитъ въ себѣ свободное развитіе этой сферы посреднической работы: беззастѣнчивая эксплоатація трудящихся, полное пренебреженіе къ вопросу о серьезности предоставляемыхъ мѣстъ, а иногда даже особая игра на предоставленіи непрочной работы, съ цѣлью увеличить притокъ нанимающихся; стремленіе сдѣлать ищущаго работы объектомъ своей наживы не только какъ кліента посреднической конторы, но и какъ потребителя, съемщика жилища, ссудополучателя и т. п. Предъ вошедшимъ въ узкія двери посреднической конторы зачастую открывается длинныя подозрительная анфилада учрежденій — мелкихъ лавочекъ, грязныхъ кабачковъ, неопредѣленнаго характера гостиницъ и ночлежекъ, ссудныхъ кассъ и мѣстъ, интересующихся спеціально спросомъ и предложеніемъ труда женской молодежи. Нерѣдко, конечно, частнопосредническія конторы обслуживаютъ исключительно предпринимателей и въ этомъ случаѣ играютъ роль односторонне-классовыхъ учрежденій.

Рабочіе, на плечи которыхъ прежде всего падаетъ тяжесть злоупотребленій хищническаго промысла частныхъ посредниковъ, являются его самыми энергичными противниками. Особенной ненавистью пользуется частное посредничество въ средѣ тѣхъ профессій, которыя, въ силу цѣлаго ряда соціально-экономическихъ особенностей, даютъ преимущественное количество его кліентовъ и жертвъ: въ средѣ прислуги, офиціантовъ, булочниковъ, парикмахеровъ, моряковъ и другихъ. Ихъ организаціи ведутъ съ частнымъ посредничествомъ рѣшительную борьбу.

Во Франціи въ широкой агитаціи, направленной противъ част-

наго посредничества и поддержанной многолюдными митингами, манифестаціями и стачками, хребтомъ движенія были именно организаціи парикмахеровъ, рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ продуктовъ питанія и др. Начатая еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ кампанія французскихъ рабочихъ имѣла своимъ лозунгомъ требованіе полнаго запрещенія частнаго посредничества. Двадцатилѣтняя борьба, все болѣе разроставшаяся, а въ началѣ 1900-хъ годовъ принявшая особенно грандіозныя формы, увѣнчалась частичнымъ успѣхомъ: изданіемъ въ 1904 году закона, регулирующаго и сокращающаго поле дѣятельности частнопосредническихъ конторъ. Но рабочіе не отказались отъ своего требованія и полная отмѣна частнаго посредничества продолжаетъ оставаться программнымъ пунктомъ ихъ борьбы. Запрещеніе частнаго посредничества является однимъ изъ требованій коммунальной программы французской соціалистической партіи, принятой въ 1904 году.

По иниціативѣ организаціи рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ питательныхъ продуктовъ (булочниковъ и др.), и въ Италіи начата была энергичная агитація за изданіе закона о полномъ запрещеніи частнопосредническихъ конторъ. Для руководства кампаніей былъ созданъ Національный Комитетъ. Движеніе еще не увѣнчалось успѣхомъ.

На полномъ уничтоженіи частнаго посредничества настаиваютъ нѣмецкіе рабочіе. 8-й Конгрессъ профессіональныхъ союзовъ, имѣвшій мѣсто въ Дрезденѣ въ 1911 году, дебатировалъ вопросъ о посредничествѣ и въ принятой резолюціи потребовалъ запрещенія частнокоммерческихъ бюро найма.

Даже въ Россіи практика движенія зарегистрировала уже случай выступленія организованныхъ рабочихъ противъ частнаго посредничества. Въ 1905 г. Московскій союзъ домашней прислуги обратился въ Моск. Гор. Думу съ требованіемъ о закрытіи частныхъ конторъ найма.

Однако, требованія рабочихъ въ этой сферѣ нигдѣ не нашли себѣ осуществленія. Можно указать на рѣшеніе финляндскаго сейма, принявшаго въ 1910 г. полное запрещеніе занятія посредничествомъ частнымъ лицамъ, товариществамъ и т. п. Но проектъ, принятый сеймомъ, не получилъ до сихъ поръ Высочайшаго утвержденія и закономъ не сталъ. Другихъ случаевъ полной законодательной отмѣны частнаго посредничества намъ не извѣстно. Государственная власть не рѣшается наложить руку на этотъ явно противообщественный промыселъ и вырвать хищное растеніе съ корнемъ. Его удерживаетъ, конечно, упорное вліяніе заинтересованныхъ частныхъ группъ и партій, боящихся вступленія государства на путь широкой соціальной политики. Оно останавливается передъ очевидной необходимостью одновременно, съ уничтоженіемъ отрицательныхъ формъ посреднической организаціи, заняться созданіемъ положительныхъ методовъ регулированія рынка труда. На

помощь этой боязни приходятъ всегда опортунистическія соображенія о невозможности уничтоженія тѣхъ опорныхъ пунктовъ, которые стихійно возникли на почвѣ жизненной потребности въ сближеніи предложенія и спроса на трудъ, пока не получили должнаго развитія общеполезныя организаціи посредническаго дѣла.

Трудно предвидѣть, какъ долго рабочее движеніе позволитъ сохраняться манчестерскимъ пережиткамъ въ сферѣ соціальнаго законодательства, но уже въ настоящее время принципъ полной свободы посредническаго промысла рѣдко гдѣ сохранился. Государственная власть почти во всѣхъ капиталистически развитыхъ странахъ вынуждена была вступить на путь ограниченія и регламентаціи дѣятельности коммерческаго посредничества. Въ нѣкоторыхъ государствахъ законодатель сталъ на путь частичной или условной отмѣны, постарался сузить рамки распространенія частно-коммерческихъ конторъ по найму.

Большее распространеніе получила мысль детально регламентировать закономъ условія, въ которыхъ должна протекать дѣятельность частнаго посредничества. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки въ этомъ направленіи отдѣльными штатами изданы законы уже въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Содержаніе всѣхъ этихъ законовъ болѣе или менѣе одинаково. Повсюду установленъ концессіонный порядокъ открытія частныхъ посредническихъ бюро, при чемъ полученіе концессій оплачивается суммой, разной въ разныхъ штатахъ, но въ среднемъ приближающейся къ 100 долларамъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ для полученія концессій требуется внесеніе залога, иногда поднимающагося до 10.000 долларовъ. Размѣры платы за посредническія услуги или регулируются въ самомъ законѣ, или устанавливаются чиновниками, или, если установленіе таксы предоставлено самому посреднику, предоставляются чиновнику на утвержденіе. Въ нѣкоторыхъ штатахъ плата взыскивается только въ томъ случаѣ, если нанимающійся, дѣйствительно, получилъ работу. Если же работа эта оказалась настолько непрочной, что въ теченіе 10 дней, безъ вины со своей стороны, безработный вновь потерялъ ее, онъ имѣетъ право на обратное полученіе $^5/_6$ уплоченной имъ посреднику суммы. Въ законодательныхъ постановленіяхъ предусматривается цѣлый рядъ возможныхъ нарушеній со стороны посредниковъ, которые караются штрафами и друг. наказаніями, вплоть до отнятія концессіи. Къ такимъ злоупотребленіямъ относятся посылки рабочихъ на работу, въ дѣйствительности не существующую, отправка женщинъ на мѣста, пользующіяся дурной славой, сдѣлка съ предпринимателями и пр.*

* Dr. Br. H. Wagner. Die Organisation und Bedeutung der freien öffentlichen Arbeitsnachweisämter in den Vereinigten Staaten von Nordamerika, Leipzig 1903 г.

Изъ европейскихъ странъ наиболѣе разработанную регламентацію частнаго посредничества даютъ австрійская новелла 5 февраля 1907 г. и германскій Stellenvermittlergesetz 2 іюня 1910 г.

Въ Австріи для занятія посредническимъ промысломъ требуется полученіе концессіи, что обусловлено извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, отсутствіемъ полицейскихъ и прочихъ препятствій, и — что особенно слѣдуетъ отмѣтить, — отсутствіемъ въ мѣстѣ, гдѣ проектируется открытіе бюро, какого-либо офиціальнаго (городского, государственнаго и т. п.) посредническаго учрежденія. Концессія можетъ быть взята обратно. Содержаніе одновременно съ посредническимъ какого-либо другого предпріятія возможно лишь при наличности особаго разрѣшенія. Содержаніе гостиницъ и пр. для женщинъ совершенно воспрещается. Передача посредническаго дѣла или сдача его въ аренду не допускается. Должна быть точно фиксированная плата за посредничество, никакихъ задатковъ, залологовъ и проч. не допускается*.

Въ Венгріи законъ о частномъ посредничествѣ изданъ еще въ 1884 г. По этому закону для занятія промысломъ необходимо разрѣшеніе администраціи; на коммунальныя управленія здѣсь возложена обязанность издавать правила для регулировки промысла, ограничивать число разрѣшеній, фиксировать плату и обязывать посредническія конторы къ веденію книгъ. Венгрія же дала примѣръ регулированія частнаго посредничества въ сельскомъ хозяйствѣ, для упорядоченія котораго было издано спеціальное распоряженіе министра земледѣлія еще въ 1899 г.

Въ Германіи до 1900 г. царила полная свобода для частнаго посредничества; лишь въ 1900 г. было установлено обязательное полученіе разрѣшенія и право союзныхъ государствъ на изданіе особыхъ предписаній. Соотвѣтствующіе регламенты, нѣсколько стѣснившіе свободу промысла, и были изданы Пруссіей (1901 и 1906 г.), а за ней и другими союзными государствами. Въ 1910 г. вступилъ въ силу общеимперскій законъ. Онъ также устанавливаетъ разрѣшительный порядокъ для занятія посредничествомъ, при чемъ право на полученіе разрѣшенія обусловлено личной и дѣловой добропорядочностью просителя. Важно отмѣтить, что выдача разрѣшенія не допускается, если въ данной мѣстности функціонируетъ общеполезное бюро найма. Цѣлый рядъ занятій воспрещенъ для хозяина посредническаго бюро: содержаніе гостиницъ, шинковъ, мелкой торговли крѣпкими напитками, сдача квартиръ и мѣстъ для ночлега, торговля платьемъ, предметами потребленія и пр., размѣнъ денегъ, залогъ вещей и залоговое посредничество. Плата за посредничество фиксируется администраціей, при чемъ плата взимается

* Содержаніе законодательныхъ предписаній для большей части странъ передаемъ по докладамъ и подлиннымъ текстамъ ихъ, напечатаннымъ въ протоколахъ и бюллетеняхъ международной ассоціаціи по борьбѣ съ безработицей и въ органѣ французскаго министерства труда.

лишь въ томъ случаѣ, если сдѣлка состоялась. Если наниматель и нанимаемый — оба обращались въ контору, то каждый уплачиваетъ лишь половину платы, слѣдуемой по таксѣ. Никакихъ другихъ взиманій не полагается. Воспрещено задерживать рабочія книжки, аттестаты, всякаго рода свидѣтельства и пр. Въ случаѣ помѣщенія женщинъ на работу за границу, посредникъ обязанъ доставить въ полицію свѣдѣнія объ именахъ и мѣстахъ помѣщенныхъ на работу.

Какъ видимъ, борьба съ частнымъ посредничествомъ, объявленная западно-европейскимъ рабочимъ движеніемъ, въ законодательствѣ не нашла себѣ еще достаточно полнаго отраженія; въ тѣхъ странахъ, гдѣ законодательная регламентація посредническаго промысла вышла уже изъ сферы благихъ пожеланій и канцелярскихъ законопроектовъ, она далеко не вылилась въ сколько-нибудь желательныя формы. Опытъ свидѣтельствуетъ, что частное посредничество благополучно процвѣтаетъ и подъ сѣнью новыхъ законовъ. Для цѣлаго ряда отраслей труда (наприм., прислуги) оно въ этихъ странахъ играетъ большую роль. Въ сельскомъ хозяйствѣ сила частныхъ посредниковъ настолько велика, что ихъ услугами пользуются даже нѣкоторыя официальныя биржи. Частныя бюро попрежнему играютъ значительную роль въ передвиженіяхъ сезонныхъ рабочихъ и заграничномъ отходѣ русскихъ, австрійскихъ, румынскихъ, бельгійскихъ, итальянскихъ работниковъ на промышленныя и сельскохозяйственныя работы въ Германію, Францію и Данію и др. земли, привлекающія иностранныхъ рабочихъ. Обдѣлывая свои дѣла, наживаясь насчетъ голодной массы безработнаго люда, эксплоатируя въ личныхъ цѣлахъ общественную потребность, они пока и не помышляютъ еще о концѣ своего доходнаго промысла.

Вводя дѣятельность частныхъ посредниковъ въ опредѣленныя рамки и борясь съ многообразными злоупотребленіями, законодатели не посягаютъ на самое право промысла. Между тѣмъ дѣло здѣсь не столько въ злоупотребленіяхъ, сколько въ томъ, что самая функція должна быть изъята изъ рукъ частнаго лица. Организація рынка труда — проблема настолько большая и затрагиваетъ такъ много групповыхъ интересовъ, что предоставить ея разрѣшеніе частной иниціативѣ нельзя. Трудящіяся массы должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы государство, не ограничиваясь регулированіемъ посредническаго по найму промысла, превратило этотъ промыселъ въ общественную функцію.

Сервантесъ описываетъ времена, когда судъ отправлялся частной кампаніей, взявшей на откупъ выгодное дѣло водворенія правосудія въ странѣ. Современное общество не терпитъ такого порядка, полагая, что судебное дѣло должно быть функціей официальныхъ органовъ въ государствѣ. Такая же точка зрѣнія должна быть усвоена и на дѣло распредѣленія рабочихъ силъ въ производствѣ. Частнокоммерческимъ предпріятіямъ въ немъ не мѣсто.

Россія, пожалуй, дальше всѣхъ другихъ странъ Европы стоитъ

отъ этой точки зрѣнія, ибо наше законодательство въ дѣлѣ борьбы съ частнымъ посредничествомъ не вступило еще даже въ область благихъ пожеланій. Насколько извѣстно, этой стороны дѣла министерскій проектъ не предполагаетъ затрагивать.

Если частное посредничество неискоренимо при помощи однихъ запретительныхъ мѣропріятій, если требуется для борьбы съ нимъ большая положительная творческая работа, то что въ этомъ направленіи сдѣлано государствами? Сдѣлано весьма немногое.

Въ рядѣ странъ законодательство ограничивается допущеніемъ офиціальнаго посредничества, закрѣпленіемъ за общественными учрежденіями права на открытіе биржъ труда да иногда установленіемъ матеріальной поддержки мѣстныхъ начинаній. Рѣже мы встрѣтимся съ установленіемъ принципа обязательности открытія биржъ, съ возложеніемъ на тѣ или другіе публично-правовые органы обязанности созданія посредническихъ учрежденій, иногда съ указаніемъ основныхъ принциповъ ихъ организаціи и работы. Участіе самого государства въ организаціи сѣти посредническихъ учрежденій представляетъ совсѣмъ рѣдкое и не всегда положительное явленіе.

Къ числу государствъ, не пришедшихъ еще къ принципу обязательнаго открытія биржъ, принадлежитъ прежде всего Германія. Своей сравнительно богатой сѣтью посредническихъ учрежденій она обязана развитой капиталистической жизни въ странѣ и могучему рабочему движенію. Но государственное вмѣшательство въ посредническое дѣло весьма ничтожно, оно ограничивается, пожалуй, одной матеріальной поддержкой общеполезныхъ биржъ труда. Вслѣдствіе отсутствія закона объ обязательномъ открытіи биржъ, нѣмецкая сѣть имѣетъ крупные пробѣлы, и кромѣ того значительная часть биржъ построена здѣсь на весьма неправильныхъ основаніяхъ.

Къ числу государствъ, ограничивающихся субсидированіемъ биржъ, надо отнести Голландію, дающую матеріальную поддержку союзу муниципальныхъ бюро найма, и Швейцарію.

Въ послѣдней въ бюджетъ вносится кредитъ въ 50.000 фр., изъ котораго и выдаются субсидіи разнаго рода кантональнымъ и коммунальнымъ посредническимъ организаціямъ. Порядокъ и условія выдачи субсидій регулируется особымъ федеральнымъ постановленіемъ 29 октября 1909 г.

Должно отмѣтить, что право на полученіе субсидій для своихъ бюро труда имѣютъ и профессіональные союзы. На такой же поощрительной точкѣ зрѣнія стоитъ законодатедьство и въ Скандинавскихъ странахъ. Въ Швеціи, Норвегіи и Даніи биржи труда пользуются матеріальной поддержкой государства, если онѣ удовлетворяютъ условіямъ, близкимъ къ тѣмъ, которыя предусматриваетъ швейцарское законодательство (безплатность услугъ, паритетъ и пр.).

Вмѣшательство государства въ дѣло организаціи рабочаго рынка, ограничивающееся нѣкоторымъ содѣйствіемъ и матеріальной

поддержкой, иногда, какъ въ Швейцаріи, пытающееся опредѣлить желательный характеръ организаціи биржъ труда — является, конечно, только первой и всегда малозначительной попыткой организовать стихію рабочаго рынка. При наличности самостоятельно возникшихъ общественныхъ посредническихъ конторъ, государственная поддержка ихъ можетъ имѣть нѣкоторую цѣну; можетъ имѣть свое вліяніе также стремленіе содѣйствовать развитію нейтральныхъ самоуправляющихся биржъ вмѣсто бюрократически организованныхъ учрежденій, но всѣмъ этимъ вліяніямъ поставлены весьма тѣсныя рамки. При косности не демократически организованныхъ самоуправленій это робкое поощреніе со стороны государства не можетъ имѣть существеннаго вліянія. Мы легко поймемъ, поэтому, отчего, напримѣръ, германскіе рабочіе далеко не удовлетворяются ролью своей государственной власти въ дѣлѣ упорядоченія посредничества, а въ качествѣ основныхъ задачъ законодательства въ этой сферѣ настаиваютъ на запрещеніи частнаго посредничества и обязательномъ введеніи коммунальныхъ, безплатныхъ и нейтральныхъ биржъ труда съ управленіемъ на началахъ паритета.

Вполнѣ опредѣленно эти пожеланія отъ имени большинства германскихъ профессіональныхъ союзовъ формулировалъ Р. Шмидтъ, представлявшій Генеральную Комиссію на парижской конференціи по борьбѣ съ безработицей.

Недостаточность одной политики содѣйствія въ вопросѣ объ организаціи биржъ сказывается слишкомъ очевидно, и цѣлый рядъ государствъ вынужденъ былъ сдѣлать слѣдующій, болѣе рѣшительный шагъ въ области законодательнаго вмѣшательства въ дѣло организаціи рабочаго рынка.

II.

Франція еще въ 1904 г. тѣмъ же самымъ закономъ, которымъ были условно запрещены частныя посредническія конторы, ввела обязательное открытіе биржъ муниципалитетами. По закону 14 марта 1904 г. во всѣхъ коммунахъ съ населеніемъ свыше 10.000 жителей должны были быть открыты биржи труда, въ прочихъ же должна была въ меріяхъ вестись простая регистрація спроса и предложенія. Надо отмѣтить, что успѣхъ закона былъ не блестящій, и рядъ коммунъ до послѣдняго времени его предписаній не исполнилъ и биржъ труда не открылъ.

Надо полагать, что правительство не дѣлало достаточно энергичныхъ попытокъ для воздѣйствія на коммунальныя управленія, съ цѣлью побудить ихъ ускорить исполненіе возложенной на нихъ закономъ обязанности. Не имѣли достаточной силы и циркуляры, разсылавшіеся нѣсколько разъ министерствомъ труда префектамъ и коммунальнымъ властямъ. Наконецъ, въ 1911 г. съ цѣлью воздѣйствія на коммуны, а главное съ цѣлью содѣйствія реорганизаціи биржъ на началахъ нейтральности и паритета, которыя, подъ влія-

ніемъ растущаго рабочаго движенія, привлекли къ себѣ вниманіе радикальныхъ правительствъ, была внесена въ бюджетъ нѣкоторая сумма для выдачи пособій коммунальнымъ биржамъ труда. Сумма эта была не велика, равняясь 35.000 фр. въ годъ, но и она первые годы оставалась не израсходованной: въ 1911 г. изъ 35 тыс. фр. было взято всего 1.279 фр., а въ 1912 г. — 8.444 фр., что вынудило снова прибѣгнуть къ циркулярному разъясненію префектамъ соціальнаго значенія идеи паритета.

Подобную же постановку вопроса о посредничествѣ мы встрѣчаемъ въ Богеміи, Галиціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Венгерскій министръ земледѣлія распоряженіемъ 28 ноября 1899 г. для с.-х. посредничества ввелъ при коммунахъ и окружныхъ управленіяхъ институтъ особыхъ офиціальныхъ посредниковъ, которые выбираются мѣстными управленіями, но получаютъ плату за посредничество отъ кліентовъ. Эта своеобразная система, вводящая вмѣсто сѣти бюро особые кадры уполномоченныхъ публичными органами платныхъ посредниковъ, не нашла себѣ, насколько извѣстно, нигдѣ подражанія.

Наибольшей рѣшительностью въ смыслѣ стремленія создать широкую систему биржъ труда въ странѣ отличается, повидимому, финляндскій проектъ о посредничествѣ по найму, какъ упоминалось выше, принятый сеймомъ, но еще не получившій утвержденія. Законопроектъ этотъ запрещаетъ частное посредничество, вводитъ для посредничества всякаго рода союзовъ и обществъ концессіонный порядокъ, обязуетъ коммуны съ населеніемъ болѣе 5.000 жителей открывать бюро найма. Въ меньшихъ коммунахъ дѣло открытія бюро предоставляется усмотрѣнію сената. Другія стороны вопроса однако закономъ совершенно не разработаны.

Законодательныя попытки такого рода, какъ только что охарактеризованныя, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Ихъ положительная сторона въ томъ, что они не ограничиваются идеей созданія отдѣльныхъ биржъ, но ставятъ на очередь созданіе сѣти ихъ, цѣлой системы посредничества. Кто знаетъ, въ какомъ безпомощномъ положеніи находятся обычно биржи при помѣщеніи на работу внѣ предѣловъ своего района, кто вспомнитъ ростъ рабочей эмиграціи, питаемой и деревенскимъ отходомъ въ города, и сезонностью ряда работъ, и вообще потребностями развитого, связаннаго въ единое національное цѣлое, капиталистическаго хозяйства, тотъ живо представитъ себѣ призрачность попытокъ бороться съ дезорганизаціей рынка труда силами разрозненныхъ биржъ. Необходима стройная общегосударственная система биржъ труда, развѣтвленная по всей странѣ и централизованная по областямъ, по профессіямъ, по направленію движенія рабочихъ.

Но понятно „всуе законы писать, ежели оные не исполнять". Проявивъ больше энергіи, французское, напримѣръ, правительство, могло бы, быть можетъ, осуществить идею сѣти биржъ

труда. Въ настоящее время эта сѣть является лишь добрымъ пожеланіемъ законодателя. Но съ этой стороны вопросъ выходитъ уже изъ сферы законодательнаго регулированія посредническаго дѣла и ставитъ на очередь другую проблему: объ отношеніи къ биржамъ труда и вліяніи на нихъ рабочихъ организацій. Безъ развитого рабочаго движенія, безъ его сознательнаго вмѣшательства въ борьбу за биржи, безъ постояннаго контроля со стороны рабочихъ союзовъ за исполненіемъ закона и за работою посредническихъ учрежденій, самая блестящая сѣть биржъ можетъ оказаться совершенно недѣйствительной, и даже выродиться въ учрежденія, прямо враждебныя рабочимъ интересамъ.

Государственныя организація посредническаго дѣла не получила, какъ мы видѣли, пока широкаго распространенія; въ тѣхъ же странахъ, гдѣ государства держатъ дѣло въ своихъ рукахъ, она имѣетъ чрезвычайно разнообразныя формы.

Люксембургъ еще въ 1892 г. положилъ начало официальной системѣ посредничества, при чемъ функціи посредническихъ организацій здѣсь были возложены на почтовыя учрежденія. Главный почтамтъ гор. Люксембурга игралъ роль центральной биржи труда. Только въ 1905 г. центральная биржа получила самостоятельное существованіе, а въ 1908 г. создана особая, независимая отъ почты, биржа въ г. Эшъ. Въ Канадѣ дѣло указанія труда тѣсно связано съ ж.-д. учрежденіями, въ Кинслендѣ — съ судебными, въ Румыніи — съ полиціей. Государственная организація указанія работы привлекла къ себѣ вниманіе законодателя также въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки и въ Великобританіи.

Изъ этихъ попытокъ государственной организаціи посредничества наибольшей стройностью, широтой и рѣшительностью отличается англійская система. Законъ, вотированный 20 сентября 1909 г., и дополнившія его распоряженія министерства торговли придали дѣлу организаціи посредничества слѣдующія формы. Страна раздѣлена на 11 областей, находящихся въ вѣдѣніи особыхъ чиновниковъ. Въ каждой области находится нѣкоторое число биржъ разныхъ категорій, разнящихся между собой по количеству персонала и организаціонному строю биржи. Всѣхъ категорій пять: биржи трехъ классовъ (для городовъ съ населеніемъ свыше 100 тыс. жителей, отъ 50 до 100 т., и отъ 25 до 50 т. жит.), вспомогательныя бюро для подгороднихъ мѣстностей и особыя профессіональныя учрежденія для найма. Вся организація централизуется въ вѣдѣніи особаго отдѣла Департамента Труда. Дѣятельность биржъ, какъ характеризовалъ ихъ докладчикъ на парижской конференціи 1910 г., распространяется на всю страну и руководится государствомъ, не имѣетъ ничего общаго съ благотворительностью, безплатна, факультативна (т. е. обращеніе къ биржамъ для рабочихъ и хозяевъ не обязательно) и нейтральна. Нейтральность осуществляется тѣмъ, что, получивъ отъ соотвѣтствующей ассоціаціи — рабочей или предпринимательской —

извѣщеніе о конфликтѣ, биржа освѣдомляетъ о томъ заинтересованныхъ. Введены и построенныя по принципу паритета комиссіи при биржахъ.

* * *

Предложенный краткій обзоръ иностраннаго законодательства по вопросу о посредничествѣ по найму не имѣлъ въ виду дать исчерпывающую характеристику. Намъ хотѣлось лишь въ нѣкоторой мѣрѣ привлечь опытъ странъ, раньше насъ вступившихъ на этотъ путь, чтобы освѣтить чисто практическій вопросъ: къ какому же типу учрежденій въ данной области слѣдуетъ намъ стремиться.

Прежде всего, думается, надо рѣшительно отказаться отъ попытки примѣненія государственной организаціи посредничества. Этотъ путь чреватъ многими опасностями. Если въ Англіи, съ ея режимомъ, ея условіями политической жизни, ея рабочимъ движеніемъ раздаются протесты противъ бюрократизма въ работѣ биржъ, то можно понять, какого осторожнаго отношенія требуетъ эта форма государственнаго вмѣшательства въ рабочую жизнь. Ни съ точки зрѣнія практическаго умѣнья и дѣловой постановки работы мы не можемъ питать довѣрія къ нашей бюрократіи, ни — что гораздо важнѣе, — съ точки зрѣнія общей политики. Было бы въ высшей степени нецѣлесообрзно и опасно давать въ ея руки такое серьезное орудіе вліянія, какъ аппаратъ, регулирующій движеніе на рынкѣ труда и обезпечивающій ея господство надъ весьма важной сферой рабочей жизни.

Насколько извѣстно, министерство торговли само признаетъ, что это дѣло будетъ ему не подъ силу, и базируетъ свой проектъ на органахъ мѣстнаго самоуправленія. Это представляется весьма цѣлесообразнымъ. Биржи труда должны быть городскими и земскими. Въ законѣ должна быть установлена обязанность городовъ и земствъ открывать биржи труда. Министерство, насколько извѣстно, не устанавливаетъ этой обязанности. Оно говоритъ скорѣе о правѣ ихъ на организацію посредничества. Этого, конечно, совершенно недостаточно. Открытіе биржи не должно быть актомъ доброй воли муниципальнаго большинства. Вѣдь эта добрая воля не всегда оказывается въ наличности и въ болѣе демократически организованныхъ, чѣмъ у насъ, муниципалитетахъ Запада.

Потребуетъ нѣкоторой предварительной работы выясненіе вопроса, гдѣ именно обязательно открытіе биржъ: во всѣхъ ли городахъ, или въ городахъ съ населеніемъ въ 5—10 тыс. жит., какъ въ финляндскомъ проектѣ или французскомъ законѣ, въ какихъ мѣстностяхъ, кромѣ городскихъ поселеній, должны быть открыты биржи. Необходимость принципа принудительности несомнѣнна. Понятно, одного принужденія со стороны государства мало. Необходима матеріальная поддержка. При ростѣ мѣстныхъ потребностей, мѣстные бюджеты далеко не отличаются богатствомъ и помощь организаціи дѣла изъ центральной кассы необходима.

Эта помощь можетъ имѣть разныя формы. Можетъ быть отнесена на счетъ государственныхъ средствъ та или другая часть расходовъ биржи, могутъ быть привлечены государственныя субсидіи для покрытія расходовъ по взаимодѣйствію и объединенію биржъ. Будетъ только чрезвычайно важно установить, чтобы это государственное содѣйствіе не влекло за собой въ прямой или скрытой формѣ государственнаго воздѣйствія на дѣятельность посреднических организацій. Должно, поэтому, лишить пособія всякой случайности, поставивъ выдачу ихъ внѣ зависимости отъ бюрократической оцѣнки дѣятельности той или другой биржи. Должны быть установлены ясныя правила субсидированія, распредѣленіе же внесенныхъ въ государственный бюджетъ суммъ, согласно этимъ правиламъ, лучше всего предоставить союзнымъ объединеніямъ биржъ.

Необходимая централизація дѣла посредничества и статистики также не требуетъ правительственнаго вмѣшательства. Областныя соединенія биржъ и ихъ всероссійскій союзъ прекрасно справятся съ этимъ дѣломъ. Примѣромъ тому можетъ служить хотя бы германскій союзъ биржъ труда. Законъ только долженъ установить обязательное объединеніе биржъ въ областной и общерусскій союзы.

Что касается до внутренней организаціи биржъ, то, конечно, на ихъ автономію лучше было бы не посягать. Но общія основы организаціи должны быть намѣчены закономъ. Это будетъ кстати гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ та система нерѣшительнаго поощренія, которую примѣняетъ Франція или Швейцарія, субсидируя только тѣ биржи, которыя организовались по указанному правительствомъ типу. Къ числу основныхъ чертъ организаціи и функціонированія биржи надо отнести слѣдующее: биржа должна быть открыта для всѣхъ рабочихъ безъ различія отраслей труда и пола, ея услуги должны быть безплатны, дѣятельность нейтральна, — что достигается прекращеніемъ обслуживанія предпріятій, въ которыхъ вспыхнулъ конфликтъ между рабочими и предпринимателемъ, — и управленіе безпартійно, т. е. находится въ рукахъ комиссіи, построенной по принципу паритета.

Всеобщность и безплатность услугъ биржи даетъ ей возможность широко развернуть свою работу, серьезно поставить вопросъ о сосредоточеніи въ своихъ рукахъ всего дѣла посредничества и повести побѣдоносную борьбу съ хищнымъ частнокоммерческимъ посредничествомъ. Нейтральность биржъ и гарантирующая ее безпартійность управленія спасетъ биржу отъ вольнаго и невольнаго подчиненія предпринимательскимъ интересамъ и дастъ возможность использовать ее въ интересахъ рабочаго дѣла.

Приступивъ серьезно къ организаціи биржъ въ странѣ, можно будетъ не опасаться и одновременнаго натиска на хищниковъ частнаго посредничества. При энергичномъ проведеніи въ жизнь положительныхъ велѣній закона, нечего будетъ бояться, что полное запрещеніе частнокоммерческаго посредничества оставитъ тѣ или другіе слои

рабочихъ безъ всякихъ посредническихъ органовъ. Можетъ возникнуть вопросъ, конечно, о порядкѣ отмѣны частнаго посредничества, о методахъ, о темпѣ, но мы говоримъ сейчасъ не о деталяхъ, а объ основной мысли, которая должна быть твердо установлена и непреклонно проведена. Этой мыслью должно быть уничтоженіе частнаго посредничества.

Резюмируя вкратцѣ сказанное, мы формулируемъ, такимъ образомъ, слѣдующія пожеланія по отношенію къ законодательству о биржахъ труда.

1. Открытіе биржи труда должно быть поручено городскимъ и земскимъ или замѣняющимъ послѣднія управленіямъ.

2. Открытіе биржъ должно являться не правомъ, а обязанностью органовъ мѣстнаго самоуправленія.

3. Въ интересахъ централизаціи дѣла установленія взаимодѣйствія въ области посредничества, постановки статистики, развитія связанныхъ съ биржами учрежденій и пр. биржи должны объединиться въ областные союзы и во всероссійскую организацію.

4. Должна быть установлена государственная поддержка посредническихъ организацій, для чего ежегодно въ бюджетъ должна вноситься необходимая сумма.

5. Распредѣленіе субсидій по биржамъ и союзамъ биржъ должно производиться, согласно точно установленнымъ правиламъ, союзами биржъ и ихъ общерусскимъ объединеніемъ.

6. Посредничество биржъ должно быть безплатнымъ.

7. Посредническія услуги должны оказываться представителямъ обоихъ половъ безъ различія профессій.

8. Управленіе биржъ должно быть возложено на комиссіи, состоящія изъ представителей рабочихъ профессіональныхъ союзовъ и предпринимательскихъ организацій, въ равномъ числѣ отъ каждой стороны и нейтральнаго предсѣдателя, избраннаго комиссіей.

9. Во время стачекъ, локаутовъ и другихъ конфликтовъ въ предпріятіяхъ, обслуживаніе послѣднихъ биржами должно пріостанавливаться.

10. Частное посредничество должно быть воспрещено.

Въ заключеніе для установленія правильной перспективы долженъ снова отмѣтить, что законодательное творчество въ области учрежденій биржъ труда тѣсно связано съ развитіемъ рабочаго движенія. Безъ сильныхъ, развитыхъ, покрывающихъ всю страну рабочихъ союзовъ, законодательная работа въ разсматриваемой сферѣ не дастъ полезныхъ результатовъ.

Гр. Петровичъ.

НОВАЯ ЕВРОПА.

Вопросъ, занимавшій людей въ началѣ войны, это вопросъ о разграниченіи и разверстаніи будущей Европы. Будетъ ли существовать Австрія, какъ самостоятельное государство? Сохранится ли Германская имперія? Каковы будутъ географическія очертанія и политическая роль Великой Сербіи, Великой Румыніи, Великой Греціи, Франціи, увеличенной Эльзасъ Лотарингіей, Россіи, пополненной Константинополемъ? Казалось, что именно въ этихъ новыхъ границахъ, въ измѣненіи внѣшняго объема государствъ и будетъ заключаться, главнымъ образомъ, то новое, что принесетъ съ собой война европейскимъ государствамъ. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія европейской драмы интересъ сталъ мало-по-малу перемѣщаться въ иную плоскость. До мира еще далеко, очертанія будущихъ государствъ неуловимы даже для самаго проницательнаго взора, а между тѣмъ внутри самихъ воюющихъ странъ уже успѣли произойти радикальныя перемѣны. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи измѣнился весь строй хозяйственныхъ отношеній, измѣнился съ такой быстротой и стремительностью, какихъ не видала еще исторія. Заводы и мастерскія переведены на военное положеніе; борьба между капиталомъ и трудомъ регулируется прямымъ государственнымъ вмѣшательствомъ; частные интересы промышленниковъ подчинены общимъ задачамъ и нуждамъ момента; мѣсто свободной конкурренціи занялъ строго централизованный хозяйственный аппаратъ, направляющій экономическую дѣятельность въ опредѣленное русло и ставящій каждаго фабриканта и заводчика въ положеніе отвѣтственнаго передъ государствомъ чиновника. Никто не говоритъ уже о неотъемлемыхъ правахъ и священной свободѣ собственности, но зато всѣ и каждый твердятъ о необходимости національной организаціи производства и о государственномъ контролѣ надъ частными интересами. Всего годъ тому назадъ буржуазные слои общества окрестили бы всѣ подобныя мѣропріятія именемъ государственнаго соціализма, усмотрѣвъ въ нихъ не что иное, какъ попытку произвести революцію сверху. Теперь для нихъ нашли менѣе пугающее слово: мобилизація. Мобилизація кредита, мобилизація промышленности, мобилизація науки, даже, какъ это предлагаютъ нѣкоторые достопочтенные клерджимены изъ числа подписчиковъ Times'а, мобилизація религіи. Терминъ этотъ успокаиваетъ всѣ страхи, отгоняетъ всѣ

сомнѣнія. Мобилизація — это вѣдь нѣчто временное, долженствующее исчезнуть въ моментъ заключенія мира. Какъ бы ни были велики полномочія, данныя теперь государственной власти, онѣ отпадутъ сами собой, когда прекратится нужда въ подготовленіи снарядовъ и аммуниціи; какъ бы ни велика была централизація производства, достигнутая въ минуту военнаго кризиса, она неминуемо расползется по швамъ, когда пропадетъ съ горизонта нѣмецкая опасность. Съ наступленіемъ мира все снова демобилизуется — кредитъ, и промышленность, и наука, и религія. Къ старымъ очагамъ и старымъ идоламъ, къ старому укладу хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній возвратится успокоенная старушка — Европа.

Если принять ходячее объясненіе переживаемой катастрофы, согласно которому настоящая война есть результатъ повальнаго сумасшествія нѣмецкаго народа, то „демобилизація“ Европы послѣ войны кажется, какъ будто, неизбѣжной. Разъ устранена причина, устранено и слѣдствіе. Разъ нѣмецкій народъ посредствомъ основательной встряски излеченъ отъ овладѣвшей имъ маніи величія, естественно, и всѣ прочіе народы излѣчатся, какъ отъ одолѣвающаго ихъ милитаризма, такъ и отъ связанныхъ съ нимъ хозяйственно-политическихъ переворотовъ. Выводъ будетъ, однако, иной, если мы постараемся добраться до коренныхъ причинъ нѣмецкаго сумасшествія. Имперіализмъ, захватное право, борьба за міровое господство, эра цеппелиновъ и подводныхъ лодокъ — вѣдь все это подготовлялось долгимъ процессомъ историческаго развитія, коренилось въ общемъ строѣ мірового и, въ частности, германскаго хозяйства. Война и сопутствующія ей умонастроенія лишь суммировали и проявили всѣ тѣ тенденціи, которыя были свойственны современному экономическому укладу. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что тенденціи эти устранятся въ ближайшемъ будущемъ; наоборотъ, есть всѣ основанія думать, что онѣ будутъ развиваться и усиливаться. А разъ такъ, то исчезновеніе новыхъ политически-хозяйственныхъ формъ, порожденныхъ войной, представляется мало вѣроятнымъ. Къ старымъ способамъ управленія и хозяйства возврата нѣтъ. Мы стоимъ въ предверіи новыхъ конституцій, новыхъ соціальныхъ сдвиговъ, новыхъ государственно-общественныхъ организацій. Какой же приблизительно видъ приметъ эта заново переплавленная Европа? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо предварительно выяснить тотъ особый характеръ экономическаго развитія, который подготовилъ и вызвалъ міровую войну.

Послѣднія десятилѣтія ознаменовались въ Европѣ необычайно быстрымъ развитіемъ финансоваго капитала. Накопленіе фондовъ, ростъ банковъ и умноженіе всякаго рода кредитныхъ предпріятій, — все это происходило въ невиданныхъ дотолѣ размѣрахъ. Наряду съ этимъ мѣнялась постепенно и та роль, которую игралъ финансовый капиталъ въ экономической жизни европейскихъ странъ.

Раньше онъ былъ пособникомъ и слугой промышленности и торговли: финансистъ снабжалъ оборотными средствами коммерсантовъ и заводчиковъ, давалъ взаймы государству, организовывалъ кредитъ для земельныхъ собственниковъ, но въ самый ходъ производства онъ не вмѣшивался. Его непосредственной задачей было взиманіе процентовъ и полученіе долговъ; до тѣхъ поръ, пока его кліенты были аккуратными плательщиками, онъ предоставлялъ имъ полную свободу дѣйствій и совершенно не интересовался тѣми методами, при помощи которыхъ велись ихъ предпріятія. Въ глазахъ предпринимателя и вообще широкой публики онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ Шейлокъ для своихъ должниковъ: презрѣннымъ ростовщикомъ, разоряющимъ постороннихъ, злокачественнымъ соціальнымъ наростомъ, единственное назначеніе котораго — отнимать у производителя справедливо заработанную прибыль. Однако, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія капитализма, роль финансиста постепенно мѣнялась. Предприниматель, ведя производство все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, работая на все болѣе и болѣе отдаленные рынки, сталкиваясь съ неустанно усложняющейся системой расплатъ, долженъ былъ призвать на помощь финансовый капиталъ, какъ необходимаго и постояннаго сотрудника. Банки стали единственнымъ средствомъ для денежной реализаціи продуктовъ, произведенныхъ на фабрикахъ и заводахъ. Съ другой стороны, банки, какъ резервуары накопленныхъ въ странѣ средствъ, все въ большей и большей степени стали опредѣлять и регулировать самые размѣры производства. Заводчикъ стараго стиля работалъ на собственный капиталъ: банкъ приходилъ ему на помощь лишь въ исключительные моменты, когда наличныхъ средствъ оказывалось недостаточно. Заводчикъ новаго стиля, наоборотъ, разсчитываетъ гораздо больше на кредитъ, чѣмъ на собственныя сбереженія. Можно сказать, что львиная доля вырабатываемаго ими продукта произведена посредствомъ чужого, не принадлежащаго ему капитала, который былъ собранъ, мобилизованъ и предоставленъ въ его распоряженіе кредитными организаціями. Финансистъ не только помогаетъ предпринимателю въ реализаціи продуктовъ — онъ снабжаетъ его оборотными средствами, онъ питаетъ самые источники производства. Невѣроятно быстрый ростъ трестовъ, синдикатовъ и огромныхъ единоличныхъ предпріятій, концентрація производства во всѣхъ областяхъ промышленности, лихорадочное ускореніе всего темпа экономической жизни — все это было бы невозможно безъ посредничества финансовыхъ крезовъ. Въ свою очередь, чѣмъ дальше подвигается централизація промышленности, тѣмъ быстрѣе идетъ централизація банковыхъ предпріятій. Одно обуславливаетъ другое: банкъ и контора фабрики или завода срастаются въ одно цѣлое, и вліяніе перваго увеличивается въ той самой пропорціи, въ какой растутъ и усложняются обороты второй. Наиболѣе яркую картину этого процесса далъ Гильфердингъ въ своей книгѣ: „Финансовый Капиталъ“:

„Финансовый капиталъ развивается вмѣстѣ съ развитіемъ акціонерныхъ компаній и достигаетъ наивысшей точки вмѣстѣ съ монополизаціей промышленности. Промышленное производство пріобрѣтаетъ болѣе прочный и постоянный характеръ. Но распоряженіе банковымъ капиталомъ находится въ рукахъ банка, а распоряженіе самимъ банкомъ въ рукахъ большинства его акціонеровъ. Ясно, что по мѣрѣ усиленія концентраціи собственности владѣльцы фиктивнаго капитала, дающаго власть надъ промышленностью, все болѣе и болѣе отожествляются“ („Hilferding. Das Finanz-Kapital“, S. 283). Посредствомъ ипотекъ и разработанной системы сельскохозяйственнаго кредита, банки подчиняютъ себѣ и сельское хозяйство: они контролируютъ сдѣланныя землевладѣльцемъ улучшенія, слѣдятъ за общимъ веденіемъ дѣла, словомъ, изъ простыхъ заимодавцевъ превращаются мало-по-малу въ организаторовъ. Тотъ же процессъ подчиненія банковому капиталу происходитъ и въ области торговли: сперва торговецъ подчиняется фирмамъ, товары которыхъ онъ продаетъ, а затѣмъ мало-по-малу втягивается съ головой въ тотъ новый аппаратъ обмѣна, который создается, организуется и регулируется банковыми предпріятіями. Сперва онъ становится агентомъ предпринимателей промышленниковъ, а затѣмъ черезъ посредство этихъ послѣднихъ, агентомъ финансовыхъ организацій. Появленіе громадныхъ универсальныхъ магазиновъ, основываемыхъ обычно какимъ либо финансовымъ синдикатомъ, знаменуетъ послѣднюю заключительную стадію этого процесса: торговецъ изъ самостоятельнаго собственника становится здѣсь въ сущности простымъ чиновникомъ фирмы, скромнымъ исполнителемъ велѣній пославшаго. „Развитіе финансоваго капитала уменьшаетъ и абсолютно и относительно роль торговли и превращаетъ столь гордаго когда-то торговца въ агента монополизированной финансовымъ капиталомъ индустріи“ (Hilferding, oput. S. 285.) Промышленность, сельское хозяйство, торговля — все мало-по-малу переходитъ въ непосредственное завѣдываніе финансовыхъ фирмъ. Всѣ нити экономической жизни стягиваются къ банкамъ — левіаѳанамъ, которые надзираютъ за производствомъ и предуказываютъ государству его торговую и промышленную политику. Изъ презрѣннаго ростовщика банкиръ становится признаннымъ руководителемъ національныхъ судебъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ той эволюціи, которую прошелъ капитализмъ за послѣднія десятилѣтія.

Централизація хозяйства, достигаемая при посредствѣ финансоваго капитала, приводитъ къ полной перестройкѣ всего капиталистическаго зданія. Пока отдѣльныя предпріятія не монополизированы, единственная царящая надъ ними сила — это міровой рынокъ съ его вѣчно мѣняющимися конъюктурами, съ его капризными колебаніями спроса и предложенія, съ его неустойчивыми, то падающими, то поднимающимися цѣнами. Каждый предпринима-

тель знаетъ, что залогъ успѣха заключается въ томъ, чтобы уловить моментъ, побить конкуррента и за годы подъема развить производство до наивысшихъ предѣловъ. Когда-нибудь придетъ кризисъ, но вѣдь дня и часа его никто не можетъ предугадать. Въ бѣшеной борьбѣ съ десятками соперниковъ громадное количество капитала будетъ растрачено зря, но вѣдь это неизбѣжно. Благодаря анархіи, господствующей въ національномъ хозяйствѣ, однѣ отрасли производства окажутся въ концѣ концовъ искусственно расширенными, другія искусственно суженными и только путемъ краховъ, разоренія, непроизводительной затраты накопленныхъ средствъ будетъ опять достигнуто приблизительное равновѣсіе, впредь до новаго подъема, новаго скачка въ неизвѣстное, новаго кризиса. Но вѣдь таковъ рокъ современной индустріи, признающей свободу конкуренціи своимъ единственнымъ закономъ.

Такимъ образомъ, въ сферѣ производства оказывается невозможнымъ даже и мечтать о какой-либо согласованности дѣйствій: каждый идетъ своими путями, дѣйствуетъ своими средствами, въ полной мѣрѣ осуществляетъ свою предпринимательскую свободу. Не менѣе сильно сказывается эта разрозненность и вь сферѣ политики. Правда, предприниматели, какъ классъ, господствуютъ и повелѣваютъ; правда, имъ удается осуществить и закрѣпить путемъ законодательства всѣ тѣ правовыя нормы, которыя соотвѣтствуютъ ихъ экономическимъ интересамъ; правда въ критическія минуты борьбы съ пролетаріатомъ весь аппаратъ государственной власти оказывается къ ихъ услугамъ. Но это соотвѣтствіе во взглядахъ между государствомъ и предпринимательскимъ классомъ имѣетъ мѣсто лишь въ общихъ вопросахъ, затрагивающихъ благополучіе всей буржуазіи, какъ цѣлаго. Политическая же дѣйствительность слагается помимо этихъ общихъ проблемъ изъ цѣлаго ряда деталей и частностей, которыя различными капиталистическими группами разсматриваются и оцѣниваются совершенно различно. Высокія тарифныя ставки на желѣзо и сталь выгодны для металлургистовъ, но невыгодны для текстильныхъ фабрикантовъ, проведеніе той или иной желѣзнодорожной линіи, обогащая такую-то акціонерную компанію, уменьшаетъ барыши такой-то группы пароходовладѣльцевъ, усиленіе арміи и флота у однихъ промышленниковъ встрѣчаетъ восторженную поддержку, у другихъ вызываетъ сокрушенные вздохи. Частные интересы отдѣльныхъ группъ приходятъ въ конфликтъ и въ области повседневной политической жизни повторяется то же, что и въ сферѣ хозяйственной дѣятельности: борьба конкуррентовъ, не умѣряемая никакими общими соображеніями, партизанскіе набѣги и безсистемныя вылазки. Хаотичность картины еще усилится, если мы вспомнимъ, что въ этотъ періодъ поземельное дворянство еще далеко не утратило своего значенія и тоже „дѣлаетъ политику“ наряду съ буржуазіей.

Разумѣется, все это не можетъ не отразиться и на внѣшней поли-

тикѣ государства. Въ общемъ и цѣломъ аггрессивная и направленная на завоеваніе новыхъ рынковъ и новыхъ территорій, она не обнаруживаетъ однако ни яснаго плана, ни строгой послѣдовательности. Берутъ, что плохо лежитъ, идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія и чередуютъ военныя авантюры съ припадками покаянія и кротости. Человѣку, не лишенному воображенія, можетъ показаться, что онъ очутился въ обществѣ блаженной памяти испанскихъ конквистадоровъ: такъ же, какъ и въ XVI вѣкѣ, враждебны другъ другу командиры капиталистической флотиліи, такъ же туманна ихъ конечная цѣль, такъ же ненадежна ихъ дисциплина, такъ же случайны ихъ поиски ни на какихъ картахъ не обозначенной обѣтованной земли.

Этотъ порядокъ вещей приходитъ къ концу по мѣрѣ того, какъ усиливается концентрація промышленности и выростаетъ значеніе финансовыхъ организацій. Банкъ, финансирующій цѣлый рядъ отдѣльныхъ предпріятій, принадлежащихъ къ различнымъ отраслямъ промышленности, долженъ принимать въ расчетъ не столько частные интересы каждой отдѣльной фирмы, сколько общій результатъ, вытекающій изъ ихъ дѣятельности. Какъ и всякій образцовый хозяинъ, онъ готовъ принести въ жертву интересы того или другого отдѣльнаго предпріятія, если только это сулитъ въ конечномъ счетѣ значительное усиленіе остальныхъ и слѣдовательно повышеніе его собственныхъ прибылей. Концентрація промышленности значительно облегчаетъ этотъ отборъ наиболѣе приспособленныхъ. А такъ какъ отборъ этотъ можно удачно произвести, лишь имѣя ясное представленіе объ общихъ тенденціяхъ и возможностяхъ національной индустріи, то финансовый синдикатъ и связанные съ нимъ индустріальные магнаты (единоличные или коллективные), волей-неволей вынуждены ввести строгій порядокъ въ свои дѣловыя схемы и съ точки зрѣнія индивидуальнаго предпринимателя перейти на точку зрѣнія національнаго политика.

Отдѣльныя отрасли производства, во многихъ случаяхъ уже подчиненныя одному и тому же финансисту повелителю, должны быть строго координированы; цѣны продуктовъ должны быть избавлены отъ деспотическихъ капризовъ рынка и болѣе или менѣе прочно фиксированы; борьба соперничающихъ предпріятій должна быть доведена до минимума посредствомъ временныхъ соглашеній или организаціоннаго объединенія. Предприниматель предыдущей эпохи проповѣдывалъ „использованіе случайныхъ конъюнктуръ"; предприниматель, зачастую онъ же и банкиръ нашего времени, наоборотъ, превыше всего ставитъ обдуманную, до мелочей проводимую систему. Случаю онъ противопоставляетъ порядокъ, рынку — осуществляемое сверху регулированіе спроса и предложенія, анархической борьбѣ свободныхъ собственниковъ — дисциплину и организацію. Онъ не вѣритъ въ дешевыя авантюры и подхватываніе налету лакомыхъ территоріальныхъ кусковъ. То, что должно быть захвачено, а захватывать приходится много, ибо потребность въ расширеніи рынковъ растетъ тѣмъ больше, чѣмъ

больше концентрируется капиталъ, — должно быть захвачено прочно, основательно и независимо отъ понесенныхъ при этомъ издержекъ.

„Для современнаго государства жить — это значитъ расширяться", повторяетъ новый капиталистъ слова Сесиля Родса, послѣдняго изъ конквистадоровъ и перваго изъ финансистовъ-политиковъ новаго пошиба. Благодаря крайней сложности его дѣятельности и той тѣсной связи, которую финансовая и промышленная концентрація породила между отдѣльными отраслями индустріи, онъ не можетъ уже мыслить міровую конкурренцію, какъ борьбу единоличныхъ капиталистовъ; она представляется ему, какъ борьба національно организованныхъ капиталовъ за міровое господство. Идея національно-организованнаго капитала естественно вырастаетъ въ идею отечества, націи, вытекающая отсюда національная политика принимаетъ видъ наступательнаго, откровеннаго, ничѣмъ не стѣсняющагося имперіализма.

„Жесткимъ, яснымъ взоромъ взираетъ онъ на народы и среди всѣхъ нихъ избираетъ лишь свою собственную націю. Она — нѣчто реальное, живущее въ рамкахъ могучаго, вѣчно растущаго въ своей мощи государства, и ея-то превознесенію и посвящены всѣ его усилія. Этимъ достигается подчиненіе частнаго интереса высшему общему интересу, подчиненіе, являющееся условіемъ всякой жизнеспособной соціальной идеологіи; оторванное отъ народа государство и нація въ ея цѣломъ сливаются въ нѣчто единое, національная идея въ качествѣ движущей силы представляется къ услугамъ политики. Классовыя притиворѣчія исчезаютъ: вмѣсто нихъ выступаетъ идея службы національному цѣлому. А вмѣсто безысходной, столь опасной для собственниковъ классовой борьбы появляется общая дѣятельность націи, направленная къ одинаковой цѣли — національному величію" (Hilferding, S. 429.)

Какова система хозяйства, такова и система государственнаго управленія. Если для буржуазнаго общества предыдущаго періода наиболѣе подходящимъ строемъ былъ строй буржуазно-демократическій, то для капиталистовъ новой формаціи идеаломъ представляется олигархія. Они хотятъ, чтобы государство осуществило въ національныхъ размѣрахъ ту же самую схему, которую они сами осуществляютъ и проводятъ въ области чисто хозяйственныхъ отношеній. Внизу — армія вышколенныхъ спеціалистовъ, аккуратныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ, подымающихся по служебной лѣстницѣ въ зависимости отъ обнаруженной ими успѣшности; наверху — небольшая кучка руководителей, объединяющихъ, контролирующихъ, дающихъ общія указанія и основныя идеи. Пока приходится еще считаться съ пережитками старыхъ либеральныхъ доктринъ и апеллировать къ массамъ, ссылаться на волю народа, требовать его санкціи. Приходится изобрѣтать новыя теоріи, перекидывать мостъ отъ имперіализма къ демократіи, доказывать, что запрятанные въ кабинетахъ руководящіе умы — подлинные избран-

ники народа, истинные выразители его воли. Но скоро, вѣроятно, наступитъ моментъ, когда можно будетъ окончательно устранить всѣ эти фикціи и, не стѣсняясь видимостями, во всеуслышаніе провозгласить, что время непокорной, непостоянной демократіи кануло въ вѣчность и что будущее принадлежитъ скромному чиновнику-спеціалисту и безотвѣтственному, недосягаемому для толпы вождю. Прошлое мечтало о вольностяхъ; настоящее требуетъ власти; прошлое толковало о правахъ индивидуума, настоящее не интересуется ничѣмъ, кромѣ его обязанностей; идеологи прошлой эпохи въ построеніяхъ своихъ исходили изъ понятія личности, теоретики новой эпохи должны исходить изъ понятія государства. Общія очертанія этого послѣдняго, его ближайшія цѣли и конечныя задачи могутъ быть ясны лишь для тѣхъ немногихъ, что стоятъ на верхушкѣ національной пирамиды; толпа же съ ея ограниченнымъ кругозоромъ, съ ея узостью перспективъ, должна признать свою некомпетентность по части высшихъ вопросовъ и примириться съ ролью египетскаго феллаха, терпѣливо выводящаго фасады и колонны непостижимаго для него зданія.

„Финансовый капиталъ хочетъ не свободы, а господства, совершенно не заботясь о самостоятельности отдѣльныхъ капиталистовъ, онъ требуетъ, наоборотъ, связанности этихъ послѣднихъ... но чтобы провести все это, онъ нуждается въ сильномъ государствѣ, которое осуществляетъ за границей его финансовые интересы и устанавливаетъ его политическое господство, позволяющее вынуждать отъ болѣе мелкихъ государствъ выгодныя поставки и выгодные торговые договоры, — въ такомъ государствѣ, которое распространяетъ свое вліяніе всюду и превращаетъ весь міръ въ арену его дѣятельности (in Anlage sphären für sein Finanzkapital)... на мѣсто идеала демократическаго равенства выступаетъ идеалъ олигархическаго господства". (Hilferding, is 427—429.) Но эта энергичная внѣшняя политика немыслима безъ помощи военной силы, поэтому имперіализмъ естественно влечетъ за собой милитаризмъ. Централизованное государство превращается въ военный лагерь.

Таковы основныя политико-соціальныя черты, отличающія новый національный и националистическій капитализмъ. Его политика, его соціальныя заданія — промышленная олигархія, опирающаяся, съ одной стороны, на централизованную государственную власть, съ другой, — на мощную армію — во всѣхъ европейскихъ странахъ были одинаковы. Но, одинаковыя по своей сущности, они принимали различныя формы въ зависимости отъ конкретной обстановки, среди которой проявлялись. Эта обстановка, обусловленная историческимъ прошлымъ каждой отдѣльной страны, въ однихъ случаяхъ способствовала ускоренію описаннаго процесса, въ другихъ замедляла его. Типическимъ образцомъ замедленнаго развитія является Англія, образцомъ ускореннаго развитія — Германія.

Английская промышленность, избалованная тѣмъ исключитель-

нымъ положеніемъ, которое она занимала до сихъ поръ на міровомъ рынкѣ, теряла постепенно отвагу и предпріимчивость, характеризовавшую ее въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Торговая агентура, методы веденія дѣла, даже самая техника производства отставали отъ требованій времени: англійскій предприниматель по сравненію со своими менѣе счастливыми и потому болѣе ловкими европейскими коллегами сталъ воплощеніемъ консерватизма и экономическаго старовѣрства. Финансовый капиталъ, къ услугамъ котораго были огромныя колоніи, размѣщалъ избыточные фонды за океаномъ и чувствовалъ потребность въ организаціи менѣе остро, чѣмъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Германіи. Поэтому и финансово-индустріальная концентрація осуществлялась болѣе замедленнымъ темпомъ. Съ другой стороны, политическая олигархія, которая, какъ мы видѣли, является завершеніемъ и идеаломъ новаго капитализма, встрѣчала на своемъ пути значительныя препятствія. Публичность, отвѣтственность министерства передъ парламентомъ, а парламента передъ избирателями, вліяніе общественнаго мнѣнія — все это вошло въ плоть и кровь англійскаго народа. Финансовый капиталъ не могъ вступить въ прямую сдѣлку съ носителями общественной власти, ибо эти послѣдніе стояли въ слишкомъ большой зависимости отъ массъ. Пришлось поэтому идти обходными путями и воздѣйствовать прежде всего не на верхушку пирамиды, а на ея подножіе — на массу, на такъ называемаго средняго избирателя.

Случаю было угодно, чтобы эта предварительная организаціонная работа выпала на долю ни кого иного, какъ Джозефа Чемберлена, начавшаго свою карьеру, какъ ярый радикалъ-демократъ, а закончившаго ее, какъ не менѣе ярый идеологъ консервативнаго имперіализма. По его почину, встрѣтившему въ массахъ избирателей восторженный откликъ, либеральная партія въ концѣ шестидесятыхъ го овъ складывается въ прочную и до крайности централизованную организацію. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ имѣется свой комитетъ, состоявшій въ большинствѣ случаевъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и въ политическомъ смыслѣ наиболѣе ловкихъ людей околотка. Финансируется этотъ комитетъ „доброхотными даятелями" — мѣстными либеральными крезами. Участковые комитеты объединены въ областные комитеты, эти послѣдніе — въ центральный партійный совѣтъ. Сверху и донизу, во всѣхъ частяхъ этой огромной машины господствуетъ строгая дисциплина.

Если нужно начать агитацію вокругъ какого-нибудь лозунга, центральный партійный совѣтъ разсылаетъ соотвѣтствующіе циркуляры секретарямъ провинціальныхъ комитетовъ, секретари приводятъ машину въ дѣйствіе, „обрабатываютъ избирателей" — и желаемый лозунгъ возвращается въ центральный совѣтъ уже какъ резолюція массы, какъ директива снизу. И тогда изобрѣтенная вождями идея появляется на парламентской трибунѣ, какъ голосъ народа, какъ требованіе партійной демократіи.

Здѣсь врядъ ли умѣстно говорить о дальнѣйшей эволюціи этой партійной организаціи, носящей характерное имя „кокуса" *. Достаточно лишь указать на то, что въ дальнѣйшемъ и консервативная партія усвоила такое же точно строеніе, и что въ XX вѣкѣ Англія — эта демократичнѣйшая въ мірѣ страна, — оказалась въ рукахъ партійной олигархіи. Вотъ какъ характеризуетъ Острогорскій, считающійся въ Англіи лучшимъ знатокомъ исторіи англійскихъ политическихъ партій, положеніе вещей въ палатѣ общинъ, созданное всемогущимъ „кокусомъ".

„Раньше, въ особенности, когда вся палата рекрутировалась изъ той же самой соціальной среды, лидеръ партіи былъ только primus inter pares. Теперь онъ главнокомандующій арміи. Даже со своимъ генеральнымъ штабомъ, съ такъ называемой передней скамьей **, онъ рѣдко совѣтуется; по большей части его интимныя бесѣды ограничиваются „внутреннимъ кружкомъ" довѣренныхъ лейтенантовъ. Вся остальная армія просто-напросто получаетъ приказы по полку. Повиновеніе и почти суевѣрное уваженіе къ вождю — такова атмосфера, царящая во всей партіи. (Ostrogorsky, La democratie et les parties politiques, p. 303.)

Въ зависимости отъ измѣнившагося характера политическихъ партій мѣняется и характеръ исполнительной власти: „Палата не осуществляетъ уже законодательной власти въ конституціонномъ смыслѣ этого слова: законодательствуетъ кабинетъ, исполнительная власть съ санкціи большинства. Въ законодательной сферѣ у депутатовъ почти отнято право иниціативы: контроль парламента надъ актами правительства почти равняется нулю, и даже при вотированіи бюджета палата лишена матеріальной возможности контролировать дѣятельность департаментовъ министерствъ. Осуществленіе права запросовъ ограничено жеребьевкой или согласіемъ кабинета, и депутаты располагаютъ въ сущности лишь правомъ задавать вопросы, на которые министры отвѣчаютъ то, что они хотятъ и когда они хотятъ". (Ostrogorsky, ib. p. 306.)

Одновременно съ этимъ происходитъ и другое, не менѣе характерное явленіе: дѣленіе на двѣ основныя политическія партіи, поддерживаемое въ низахъ, почти исчезаетъ на верхахъ. Лидеры консерваторовъ и либераловъ оказываются принадлежащими къ одной и той же соціальной группѣ, преслѣдующей одинаковые по существу экономическіе интересы, и потому смѣна кабинетовъ, мѣняя по внѣшности правительственныя программы, оставляетъ власть въ рукахъ одного и того же круга лицъ ***.

Какъ мы видимъ, руководящіе финансово-промышленные круги

---

* „Caucus" — терминъ, заимствованный изъ Америки.

** Переднюю скамью въ палатѣ общинъ занимаютъ лидеры партіи.

*** Сесиль Честертонъ въ своей книгѣ „Two-parties-system" приводитъ интересные примѣры того, какъ за послѣдніе годы однѣ и тѣ же семьи по очереди поставляли министровъ то въ либеральные, то въ консервативные кабинеты.

Англіи постепенно ведутъ страну къ олигархической системѣ, къ той самой системѣ, которая вытекаетъ изъ сущности новѣйшаго капитализма. Но тактика ихъ по необходимости обходная и медленная: демократическое наслѣдство оказывается слишкомъ громоздкимъ, чтобъ его можно было ликвидировать сразу. Тамъ, гдѣ такого наслѣдства нѣтъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи — дѣло происходитъ и быстрѣй и проще.

Германія вступила на міровое поприще въ ту эпоху, когда всѣ выгодныя мѣстечки подъ солнцемъ были уже заняты болѣе ранними пришельцами. Это обусловило, конечно, болѣе изощренные методы производства, болѣе совершенную технику, болѣе гибкую систему кредита. Централизація, объединеніе дѣятельности банковъ и промышленныхъ предпріятій являлось здѣсь conditio sine qua non. Съ другой стороны, финансовый капиталъ встрѣтилъ здѣсь именно тотъ типъ работника исполнителя, въ которомъ онъ наиболѣе нуждался: спеціалиста, не признающаго иного интереса въ жизни, кромѣ своей профессіи. Эту своеобразную черту нѣмецкой психологіи великолѣпно характеризуетъ Зомбартъ:

„Мы, нѣмцы, обладаемъ тѣмъ, что я называю талантомъ „частичнаго человѣка“ (Talent zum Teilmenschen) талантомъ спеціалиста, совершенно чуждымъ, напримѣръ, южанину. Южанинъ, въ силу своей чувственно-художественной, не этической природы, имѣетъ тенденцію группировать міръ вокругъ себя, своей личности, и такимъ образомъ сохраняетъ эту личность цѣлостной. Мы, наоборотъ, разлагаемъ индивидуальность на массу частей, которыя мы подчиняемъ и приспособляемъ къ объективнымъ цѣлямъ... Мы, поэтому, достигаемъ способности сосредоточивать нашу дѣятельность въ одномъ только направленія, выявлять лишь частицы нашего „я“ и, съ помощью свойственной намъ настойчивости, становиться, такимъ образомъ, виртуозными „частичными человѣками“. (Sombart, Die deutsche Volkswirtschaft b. XIX Jahrh, s. 108.)

Изъ этого же свойства вытекаетъ и способность нѣмцевъ къ соціальной дисциплинѣ, къ подчиненію и распоряженію.

Наконецъ, въ-третьихъ, финансовый капитализмъ нашелъ въ Германіи такое политическое устройство, которое, съ одной стороны, обезпечивало возможность развитой научно-технической дѣятельности, съ другой — сохраняло въ неприкосновенности права и привилегіи центральной власти. То, что въ Англіи ему приходилось создавать путемъ сложной системы „caucus'a“, здѣсь не только имѣлось налицо, но и пользовалось санкціей божественной благодати. Всѣ эти условія, взятыя вмѣстѣ, сдѣлали Германію классической страной новаго капитализма, — страной, гдѣ промышленно-финансовая и политическая олигархія слились въ одно цѣлое, гдѣ политическая отсталость подкрѣпила индустріальный прогрессъ и „кайзеръ божіей милостью“ взялъ на себя роль коммивояжера германской индустріи.

Въ классическомъ трудѣ Риссера (Riesser, The Great German

Banks, 1910), идеолога и апологета новаго капитализма, мы встрѣчаемъ яркія, конкретныя иллюстраціи, подтверждающія на наглядныхъ примѣрахъ общія схемы Гильфердинга. Наиболѣе типичнымъ представляется развитіе электрической, металлургической и каменноугольной промышленности.

Какъ солидная отрасль индустріи, электрическое производство народилось лишь въ 80 годахъ, при чемъ появленію своему оно было цѣликомъ обязано поддержкѣ и иниціативѣ банковъ. Къ 1900 году электрическія предпріятія сорганизовались въ семь главныхъ группъ, за каждой изъ которыхъ стояла соотвѣтствующая группа банковъ. Затѣмъ многія изъ этихъ группъ перестали существовать, многія же подчинились вліянію трехъ наиболѣе могущественныхъ въ электрической промышленности организацій: Симменсъ-Шуккертъ, Elektro-Treuhand Gesellschaft и Treuhand Bank für die Elektrische Industrie. Объединеніе промышленныхъ организацій вызвало концентрацію банковыхъ предпріятій и наоборотъ. Каждая изъ бо́льшихъ электрическихъ компаній путемъ вышеописаннаго аппарата трэстовъ и подсобныхъ (subsidiary) компаній, которыя по общему правилу можно образовать лишь съ помощью банковъ, образуетъ широко развѣтвленную группу. Развитіе, расширеніе и дифференціація этой группы дѣлаются возможными или, во всякомъ случаѣ, облегчается дѣятельностью банковъ. Но, когда эти группы окончательно сложились, ихъ потребности быстро перерастаютъ силы отдѣльнаго банка, который, конечно, заинтересованъ еще въ рядѣ другихъ предпріятій. Естественный результатъ — это образованіе банковыхъ группъ за спиной индустріальныхъ группъ, такъ что на этой стадіи промышленная концентрація, въ свою очередь, порождаетъ и облегчаетъ концентрацію банковаго дѣла. (Riesser, The German Great Banks, p. 719—720.)

Угольная промышленность съ ея подотдѣлами (анилиновое производство), желѣзная и стальная промышленности повторяютъ въ общемъ ту же исторію: банки объединяютъ производство; производство, объединяясь, концентрируетъ банковый капиталъ. (Riesser, ib. 725—750.)

Наиболѣе вліятельные банки, сведенные къ 41 такъ называемымъ Konzernbanken, объединены въ семь руководящихъ группъ, тѣсно связанныхъ съ имперскимъ банкомъ, руководителями котораго являются тузы биржевого міра съ чиномъ тайныхъ совѣтниковъ: „Поистинѣ удивительное, геніальное учрежденіе, — восклицаетъ Зомбартъ, — Имперскій банкъ — это истинный типъ всего вообще нѣмецкаго хозяйства: помѣсь капиталистическихъ предпріятій съ старопрусской корректностью, чистокровный конь, объѣзженный ловкимъ наѣздникомъ“. (Sombart, Die deutsche Volkswirtschaft l. 175.) И на этотъ разъ ни конь, ни наѣздникъ не прячутся уже за ширмы политическихъ приличій, а откровенно выступаютъ на авансцену. Финансистъ старой эпохи умолчалъ бы о своемъ вліяніи на государственную политику страны. Финансистъ новаго времени открыто заявляетъ,

что онъ, въ сущности, руководитъ курсомъ національнаго корабля, ставитъ цѣли и разрабатываетъ методы. Самымъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ, тономъ бухгалтера, провѣряющаго отчетность, цитированный выше Риссеръ заявляетъ:

„Дѣловая политика крупнаго банка, конечно, будетъ отличаться болѣе единообразной программой, принимающей въ соображеніе общіе экономическіе интересы, а также интересы націи и правительства. Крупный банкъ легче можетъ проводить подобную политику, чѣмъ небольшой банкъ или группа небольшихъ банковъ, вынужденныхъ подчиняться исключительно вопросу о дивидендахъ. Опытъ показалъ, что крупные нѣмецкіе банки увидѣли необходимость поддержанія энергичной политики, направленной на поощреніе экспорта. Они признали логически вытекающія изъ положенія потребности и дѣйствовали соотвѣтствующимъ образомъ, какъ это ясно показываетъ ихъ отношеніе къ промышленности и экспортной торговлѣ, къ вкладыванію нѣмецкаго капитала въ иностранныя предпріятія и ихъ поощреніе національной политики въ вопросахъ о флотѣ, колоніяхъ, проведеніи каналовъ и кабелей“ (ib, 754—755). Такимъ тономъ могутъ говорить только тѣ, кто не сомнѣвается въ прочности своего господства, для кого индустріальная, политическая олигархія является уже не идеаломъ, а осуществленной дѣйствительностью.

Какъ мы видимъ, наканунѣ войны Германія уже представляла изъ себя прочно сложенный хозяйственный механизмъ, завершившій свое предварительное развитіе и готовый въ любую минуту ринуться въ бой за міровое господство. Война еще ярче выявила всѣ его особенности и ясно показала, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не столько о столкновеніи армій, сколько о столкновеніи различно организованныхъ національныхъ хозяйствъ. Колоссальные размѣры сраженій, медленность хода военныхъ операцій, отсутствіе рѣшительныхъ побѣдъ и рѣшительныхъ пораженій, — все это лишь отражало основныя черты новаго хозяйственнаго строя. Когда борются другъ съ другомъ лишь отдѣльныя части тѣхъ или другихъ націй, какъ это имѣло мѣсто въ предыдущія эпохи, тогда судьба этихъ частей (армій) рѣшаетъ судьбу всей кампаніи. Но, когда въ борьбѣ принимаетъ участіе вся нація, какъ цѣлое, тогда такія слова, какъ армія, стратегія, тактика совершенно мѣняютъ свой смыслъ. Подъ арміей приходится подразумѣвать все способное къ ношенію оружія мужское населеніе, подъ стратегіей — совокупную дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, металлургическихъ предпріятій, банковыхъ учрежденій, сельско-хозяйственной промышленности, словомъ, **весь хозяйственный аппаратъ страны**, подъ тактикой — методы приспособленія всѣхъ этихъ частей другъ другу. И окончательное рѣшеніе достигается не тогда, когда поражены тѣ или другія части, — потому что ихъ всегда можно возмѣстить на счетъ другихъ, — а когда весь аппаратъ въ цѣломъ оказывается неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Какъ Протей, націи неустанно мѣняютъ свой ликъ въ

процессѣ борьбы, превращая инструментальныя фабрики въ орудійные заводы, паркч въ сельско-хозяйственныя фермы, дамъ изъ общества — въ сестеръ милосердія, горничныхъ — въ желѣзнодорожныхъ кондукторовъ, приказчиковъ — въ офицеровъ, учителей — въ заводскихъ рабочихъ. Пока не достигнутъ предѣлъ этой гибкости, который опредѣляется экономическимъ, культурнымъ уровнемъ страны, пока не наступаетъ окоченѣніе народнаго организма — до тѣхъ поръ никакое пораженіе не можетъ быть окончательнымъ, никакая побѣда рѣшительной.

Міровая война — война затяжная, требующая, какъ мы видѣли, не только усовершенствованія арміи, но и перестройки всего хозяйственнаго зданія. Сама являясь результатомъ предыдущаго экономическаго процесса, она не мѣняетъ его направленія, а лишь до чрезвычайности ускоряетъ его темпъ. Она заставляетъ всѣ борющіяся страны усвоить одинъ и тотъ же принципъ политико-хозяйственной жизни, наиболѣе полно осуществленный наилучше подготовленнымъ соперникомъ (въ данномъ случаѣ Германія).

То, что при нормальныхъ условіяхъ было бы совершено въ десятилѣтія, осуществляется въ теченіе мѣсяцевъ. На взбаломученной поверхности національной жизни внезапно появляются новыя государственно-правовыя формаціи, кажущіяся какъ будто временными и случайными, на самомъ же дѣлѣ знаменующія переходъ къ новому строю общественныхъ отношеній. Прекратится война, можетъ быть, значительно измѣнятся внѣшнія границы государствъ, можетъ быть, даже будутъ перекованы мечи на серпы, — но эти формаціи останутся жить и наложатъ свой отпечатокъ на всѣ перипетіи соціально-политической борьбы ближайшаго будущаго.

Итакъ, по нашему мнѣнію, основной фактъ, съ которымъ придется считаться новой Европѣ — это воцареніе индустріально-финансовой аристократіи, замѣняющей, или, по крайней мѣрѣ, стремящейся замѣнить демократію — олигархіей, полнаго человѣка — „частичнымъ человѣкомъ“, парламентаризмъ — просвѣщенной диктатурой вождей — спеціалистовъ.

Станиславъ Вольскій.

А. И. ГЕРЦЕНЪ И ПОЛЬША.

I.

Въ настоящій моментъ, когда исторія снова поставила на очередь вопросъ о судьбахъ Польши, болѣе чѣмъ когда либо умѣстно вспомнить взгляды А. И. Герцена на польскій вопросъ и его активную роль въ польскомъ возстаніи 1863 г.

Герценъ, вообще страстно откликавшійся на всѣ крупныя злобы дня, польскому дѣлу принесъ въ жертву рѣшительно все. Съ момента возстанія „Колоколъ“ — его главное боевое орудіе — сталъ болѣе органомъ польскаго движенія, чѣмъ русскаго дѣла. Участіе Герцена въ польскомъ дѣлѣ въ значительной мѣрѣ добило его авторитетъ въ русскомъ обществѣ (самъ онъ утверждалъ, что всю свою популярность потерялъ исключительно на польскомъ дѣлѣ). Но это ничуть не убѣдило его перемѣнить свою позицію. Онъ даже гордился той бранью и клеветой, той грязью, которой обливали его за Польшу, и „съ злобной радостью“ смотрѣлъ на то, какъ отъ него бѣжали „подлые враги и малодушные и слабоумные друзья“, — все изъ-за той же Польши.

И дѣйствительно, Герценъ больше всего получилъ ударовъ за Польшу: его разили со всѣхъ сторонъ, его оскорбляли свои и чужіе, даже ходъ событій былъ противъ него, и чуть ли не каждый день приносилъ ему одну лишь скорбь и горечь и почти полную безнадежность. И несмотря на это, покинутый всѣми — и своими, и чужими, — оторванный отъ родины и одинокій среди европейцевъ, Герценъ до конца дней своихъ ратовалъ за Польшу, вѣрилъ въ ея возрожденіе, продолжалъ протестъ противъ насилій надъ ней, но это уже была борьба и протестъ въ одиночку, auf eigene Faust, безъ поддержки близкихъ, безъ сочувствія постороннихъ.

Въ отношеніяхъ Герцена къ Польшѣ слишкомъ много страстности, увлеченія. Въ польскомъ вопросѣ онъ, надѣленный отъ природы такимъ сильнымъ аналитическимъ умомъ, слѣпо шелъ за вождями польскаго движенія и возстанія, глубоко убѣжденный въ томъ, что стоитъ за правое дѣло, за попранную свободу. Порой онъ безнадежно путался въ противорѣчіяхъ, уходилъ въ такія крайности, которыя теперь уже трудно и понять, утверждая, напр.,

что „независимость Польши — наше освобожденіе" („Колоколъ", № 177, 15 янв. 1864 г.)*.

Если послѣдить отношенія Герцена къ Польшѣ за все время его публицистической дѣятельности, то можно убѣдиться въ томъ, что теоретическая сторона его воззрѣній на польскій вопросъ покоится на основѣ гуманизма и славянофильства. А въ практическихъ средствахъ разрѣшенія польскаго вопроса онъ былъ далекъ отъ какой-либо послѣдовательности, противорѣчилъ самъ себѣ и не разъ высказывалъ взгляды, взаимно исключающіе другъ друга — такъ велика была ихъ непримиримость.

Раздѣлы Польши Герцену представляются величайшей несправедливостью. Они, какъ камень, привязанный къ шеѣ, стягиваютъ Россію на дно нѣмецкаго болота (№ 187). Россія вполнѣ заслужила ненависть Польши (Собр. соч., V, 315), и мы должны вымолить у ней прощеніе. Онъ призываетъ проклятія и кару очистительную на тѣхъ, кто явился виной гибели Польшч. Совершенно забывая о томъ, что всѣ большія современныя государства организовались путемъ насилія, Герценъ настойчиво и упорно требуетъ возстановленія Польши.

Какъ это сдѣлать?

Герценъ убѣжденъ въ томъ, что славянскій міръ съ давнихъ поръ стремится къ единству. Мысль о славянской федераціи онъ находитъ уже въ. революціонныхъ планахъ Пестеля и Муравьева (V, 181).

Идеѣ пангерманизма онъ противопоставляетъ панславизмъ. Солидарность Россіи и Польши между собою и со всѣмъ славянскимъ міромъ ему представляется настолько очевидной, ясной, что это положеніе не нуждается въ доказательствахъ. Но славянскій міръ будетъ сильнымъ лишь подъ главенствомъ Россіи: внѣ Россіи нѣтъ будущности для славянскаго міра; безъ Россіи онъ не разовьется, онъ расплывается и будетъ поглощенъ германскимъ элементомъ; онъ сдѣлается австрійскимъ и потеряетъ свою самостоятельность (V, 193—184).

Въ 1867 г. Герценъ попрежнему вѣритъ въ федерацію славянъ подъ гегемоніей Россіи. Признавая этотъ планъ „великимъ и сбыточнымъ", онъ призываетъ русское правительство встать во главѣ восточнаго движенія (№ 236 и 239).

Польскій вопросъ можно разрѣшить только однимъ способомъ: „надобно возстановить Польшу" (№ 44). Однако, Герценъ былъ далекъ отъ мысли дать Польшѣ абсолютную независимость, ибо послѣдняя не пошла бы на пользу даже самой Польшѣ.

Высоко цѣня идею федерализма, онъ находитъ, что всѣ національные вопросы, въ томъ числѣ и польскій, возможно разрѣ-

* Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ для краткости указывается только номеръ „Колокола".

шить лишь федерализаціей (№ 34 *). Впрочемъ, добавлялъ къ этому Герценъ, — если Польша захочетъ другого рѣшенія, да будетъ ея воля. Другими словами, если бы Польша захотѣла полной самостоятельности, то Герценъ и противъ этого рѣшительно ничего не имѣлъ бы. И въ этомъ рѣшеніи вопроса была бы своя положительная сторона. Раздѣлами Польши Россія допустила громадную ошибку: она оголила свою западную границу и встала лицомъ къ лицу съ Германіей. Между тѣмъ — самостоятельная Польша всегда была бы буферомъ между русскими и нѣмцами.

II.

Личныя симпатіи Герцена къ Польшѣ лежатъ въ его натурѣ, крайне впечатлительной, увлекающейся и къ тому же пропитанной духомъ идеалистической философіи. Въ дневникѣ мы находимъ такую характерную запись: „На первомъ планѣ несчастная, бѣдная Польша; первый свободный шагъ долженъ состоять въ примиреніи, нѣтъ — болѣе, въ просьбѣ, чтобъ она простила Россію за то, что сдѣлано ея руками, но волею одного человѣка“ (I, 276 стр.).

Позднѣе, уже за границей, вспоминая прошлое, Герценъ писалъ: „Когда вспыхнула въ Варшавѣ революція 1830 года, русскій народъ не обнаружилъ ни малѣйшей вражды... Молодежь всѣмъ сердцемъ сочувствовала полякамъ. Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы извѣстія изъ Варшавы; мы плакали какъ дѣти при вѣсти о поминкахъ, справленныхъ въ столицѣ Польши по нашимъ петербургскимъ мученикамъ. Сочувствіе къ полякамъ подвергло насъ жестокимъ наказаніямъ; поневолѣ надобно было скрывать его въ сердцѣ и молчать (V, 181—2).

Послѣ 1863 г. Герценъ могъ говорить о Польшѣ только словами восторга. Онъ сталъ какимъ то фанатикомъ польскаго дѣла, — страстнымъ и упрямымъ, — и Польшу защищалъ ни-чуть не меньше, чѣмъ самые горячіе польскіе патріоты.

Въ своихъ гимнахъ и диѳирамбахъ польскому народу Герценъ доходитъ до того, что въ немъ онъ видитъ что-то сверхъ-человѣческое: „Не народъ въ трауръ, какъ сказалъ Моншаламьеръ, а народъ въ мученичествѣ. Выше этой преданности, этой любви и жертвы жизнь человѣческая ничего не имѣетъ“ (№ 192).

Въ польскомъ народѣ все его или трогаетъ или приводитъ въ восторгъ — и мистическая поэзія, и мессіанизмъ, и товянщина, и вѣра въ то, что Польша призвана на жертву искупленія за другіе народы, за грѣхи былого. Онъ изумляется неземному идеалу Красинскаго, идеалу народа-мученика, знающаго свою участь и благословляющаго ее.

---

* Возможно, что здѣсь дѣло не обошлось безъ вліянія Бакунина, который фанатически проповѣдывалъ „великій, спасительный принципъ федерализма“.

Обращаясь къ полякамъ, Герценъ говоритъ: „Вы, какъ вообще европейскіе народы, несете очень много. Вы горды вашей исторіей и совершенно правы, вамъ нельзя себя уронить, вы имѣете сзади, какъ графъ въ „Панѣ Тадеушѣ", вмѣстѣ съ замками, блестящія воспоминанія и завѣщанную месть, и то и другое выступало все рельефнѣе, поэтичнѣе, мрачнѣе на сѣромъ прозаическомъ фонѣ николаевскаго деспотизма". Изъ исторіи Польши Герцену кажется все яркимъ, свѣтлымъ. „Вездѣ дѣйствуютъ одни герои добродѣтели", „каждый дворянинъ можетъ быть королемъ и каждый холопъ можетъ быть дворининомъ". Герценъ находитъ, что „въ ней гнетъ шляхетскій не тяготитъ". Впрочемъ — не объясняетъ, какимъ образомъ осуществлялось такое идеальное крѣпостное право, а просто говоритъ полякамъ: „Вы принадлежите слишкомъ хорошей фамиліи, чтобы дурно говорить о ней". „А мы? — спрашиваетъ Герценъ.— Мы выросли, когда мать съ отцомъ были въ разводѣ. Мы видѣли, какъ отецъ, пьяный солдатъ, позорилъ и билъ мать, бѣдную крестьянку, безмолвно рыдавшую и т. д." („Отвѣтъ на письмо изъ Польши", № 65.)

Восхищеніе Герцена почти безпредѣльно, когда онъ говоритъ о польскихъ женщинахъ. Въ нихъ онъ видитъ типы новыхъ Ніобей и Ифигеніей. „Эти великіе траурные типы польской матери, жены, дочери, типы до того вселяющіе уваженіе, что грязное копыто русской полиціи и сквернословіе русской журналистики не оставили ни малѣйшаго пятна на черномъ мраморѣ этихъ ecce mulieres. Тотъ, кто видѣлъ рядомъ съ вдовой, съ состарившимися отъ слезъ глазами, восемнадцатилѣтняго ребенка съ чахоткой на лицѣ, растерявшихъ половину своихъ и безропотно провожающихъ на гибель остальныхъ — пойметъ насъ" (№ 192).

Конечно, никто не можетъ отнять у Герцена его любви къ Россіи, къ русскому народу. Но когда ему приходится сопоставлять двѣ культуры — русскую и польскую, то первая ему представляется крайне убогой, достойной лишь жалости, вторая же рисуется ему роскошной, красочной, способной вызвать только восторгъ:

„Съ одной стороны, великорусское село, міръ въ сборѣ — мужички толкуютъ о земскомъ дѣлѣ, о земской бѣдѣ... поются унылыя пѣсни хоромъ, тишина, бѣдность, грусть и въ то же время готовность постоять за свою землю. Съ другой, польская ставка, все несется въ мазуркѣ, шпоры гремятъ, сабли гремятъ, притоптываютъ каблуки. Вотъ гордый панъ стольникъ, какъ его описывалъ Мицкевичъ, высокомѣрно взглянулъ на соперниковъ, дотронулся до шапки и пошелъ... а за ставкой опять поля, поля, избушки на косогорѣ, дымящіеся овины, тихій хороводъ подъ безконечную пѣсню... и мужичекъ оттачивающій топоръ на супостата" (№ 192, 1 дек. 1864 г.).

Словомъ — Польша и Русь Герцену представляются антипо-

дами въ сферѣ культуры, интеллекта и духовныхъ богатствъ вообще. „Съ одной стороны — героизмъ до безразсудства, поэзія, любовь, великія преданія, воля, безпомощность и смерть. Съ другой — властолюбивый капризъ, забитое повиновеніе, угрызеніе совѣсти, сила и прусская помощь (№ 157, 1863 г.).

Но увлеченіе Герцена Польшей переходитъ за всѣ предѣлы, когда онъ, считавшій себя демократомъ и соціалистомъ, начинаетъ воспѣвать польскую аристократію. Онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что если еще сохранилась истинно благородная порода людей въ Европѣ, то ее можно найти только въ Польшѣ. И съ великой грустью Герценъ отмѣчаетъ, что съ гибелью Польши „выбываетъ окончательно рыцарскій элементъ изъ европейской жизни". Герценъ съ сожалѣніемъ видитъ, что аристократія неизбѣжно должна раствориться „въ городскомъ мѣщанствѣ". И какъ наивна аргументація Герцена, когда онъ провожаетъ вздохами сожалѣнія гибель своихъ польскихъ соціальныхъ собратьевъ. Ему кажется, что Польша представляла рыцарскую традицію въ новомъ строѣ европейскихъ народовъ, въ ея сочетаніи съ традиціей революціонной. Полная старостью и юностью, полная идеаломъ, героизмомъ, католицизмомъ, она касалась разомъ среднихъ вѣковъ и 1789 года, крестовыхъ походовъ и великой арміи. Въ то время, когда западные народы, охлажденные долгою жизнью, больше и больше бросали мечты и предавались купеческому дѣлу, одинъ народъ продолжалъ жить дворяниномъ и торопился жертвовать кровью, дѣтьми, достояніемъ за возстановленіе родины, во всѣхъ лучахъ ея миновавшей славы. Побитый силой, полякъ уносилъ свое право за предѣлы родины и продолжалъ свою борьбу (№ 192).

Русскому обществу, русской интеллигенціи Герценъ рекомендуетъ поучиться у польскаго дворянства „честной кончинѣ". „Какое прошедшее не искупится такимъ принесеніемъ себя на жертву, — восклицаетъ онъ. Ихъ очистительный примирительный подвигъ пойдетъ изъ вѣка въ вѣка, будя юношу и мужа и заставляя биться всякое благородное сердце". И тутъ же, обращаясь къ русскому обществу: „Ну, а васъ, демократическая аристократія, чѣмъ поминать, чѣмъ вы искупаете вашу чужеядную жизнь, ваше піявочное существованіе? и т. д. (№ 187, 15 іюня 1864 г.).

А когда русское правительство встало на путь ослабленія силы польской аристократіи, то эта тактика, несмотря на то, что она

* Герценъ жестоко ошибался относительно „жертвы", которую принесло польское дворянство. По декрету временнаго правительства крестьяне получали лишь землю, ими обрабатываемую. Между тѣмъ въ 1859 г. въ Польшѣ было 37% безземельныхъ крестьянъ, кои были совершенно обойдены декретомъ революціоннаго правительства. Эта группа крестьянъ позднѣе отчасти была надѣлена землей уже русскимъ правительствомъ. Подробности о составѣ сельскаго населенія Польши наканунѣ возстанія см. у Залѣнскаго (Sfat porowh. Kr. Polsk 1,84, 339 и 403). Эта сторона вопроса подробно обслѣдована у Драгоманова „Вольное Слово", № 8.

усиливала демократію, глубоко возмутила Герцена (№ 197, 1865 г.). Даже освобожденіе польскихъ крестьянъ и надѣленіе ихъ землей русскимъ правительствомъ онъ считаетъ лишь плагіатомъ, заимствованіемъ изъ декрета польскаго революціоннаго правительства отъ 21 января 1863 г. (№ 187, 1864 г.).

III.

Естественно, что когда въ 1863 г. появились первые признаки возстанія, всѣ симпатіи Герцена оказались на сторонѣ Польши. Правда, въ первое время онъ соглашался встать на защиту польскаго дѣла лишь съ большими оговорками. Онъ, конечно, прекрасно зналъ, что Россія сильна и что Польшѣ съ ней тягаться невозможно. Однако, Герценъ соглашался отдать свои силы возстанію, но при одномъ условіи: чтобы предварительно польскіе крестьяне были выпущены на волю съ землей. Въ воспоминаніяхъ Тучковой-Огаревой приведенъ отвѣтъ Герцена Жонду. Этотъ отвѣтъ не противорѣчитъ ни политическимъ взглядамъ Герцена, ни его воззрѣніямъ на практическія средства борьбы за освобожденіе, — поэтому, — надо думать, что онъ не сочиненъ, а весьма вѣрно передаетъ то, что сказалъ Герценъ Жонду на просьбу послѣдняго принять активное участіе въ возстаніи. Герценъ далъ такой отвѣтъ агентамъ Жонда:

„Вся моя сила въ словѣ, въ истинѣ, въ моемъ чутьѣ, въ одинаковомъ біеніи моего сердца съ сердцемъ народа; мы оба съ Огаревымъ жалѣемъ о Польшѣ, но между вами и нами мало общаго, — мы посвятили свою жизнь служенію русскому народу, а у васъ на первомъ планѣ далеко не народные интересы. Если я ошибаюсь, докажите мнѣ противное: отпустите крестьянъ на волю, отпустите ихъ съ землею. Тогда между нами будетъ общее. Оставьте мысль о возстаніи, много крови прольется даромъ. Россія сильнѣе Польши, лучше пользуйтесь тѣмъ, что она сдѣлаетъ для себя; возмущеніемъ вы не выиграете ничего, но вы затормозите ходъ развитія Россіи“ (316 стр.).

Въ этихъ словахъ мы видимъ подлиннаго Герцена, утописта, врага насилія, мирнаго анархиста. Но какъ только началось возстаніе, Герценъ быстро измѣнилъ своей „истинѣ“, и „чутье“ его покинуло. До возстанія онъ говорилъ, что безъ воли и земли оно принесетъ отрицательные результаты. И все таки онъ сблизился съ вождями возстанія и пошелъ за ними. Правильнѣе сказать, что онъ примкнулъ къ аристократіи возстанія, къ правой, чисто националистической части его. Самъ Адамъ Чарторійскій благодарилъ его за участіе въ возстаніи, и это глубоко трогало Герцена.

Въ первыя минуты возстанія Герценъ растерялся и не зналъ, какой совѣтъ дать той и другой сторонѣ. Онъ скорбѣлъ о полякахъ, идущихъ на смерть, на каторгу, но когда представлялъ себѣ рядомъ съ возставшими „бѣднаго русскаго воина“, то готовъ былъ рыдать, какъ ребенокъ. Ему казалось, что солдатъ „долженъ крас-

нѣть своихъ побѣдъ и бояться своихъ успѣховъ. Его положеніе страшно — быть палачемъ людей, вызванныхъ на возстаніе, или идти противъ своихъ, — гдѣ тутъ воля выбора? (№ 155, 4 февраля 1863 г.).

Странно слышать эти слова изъ устъ того, кто неустанно повторялъ, что „почти всякій разъ все можно предупредить, отвратить, иначе направить". Что же Герценъ сдѣлалъ для предупрежденія возстанія? Въ октябрѣ 1862 г. онъ торжественно привѣтствуетъ манифестъ временнаго революціоннаго правительства въ Варшавѣ. Пунктъ о правѣ крестьянъ на землю, ими обрабатываемую, и о самоопредѣленіи народностей „снялъ камень съ груди" Герцена (№ 146, окт. 1862 г.). Къ русскимъ офицерамъ послѣ этого онъ обратился съ просьбой — идти подъ судъ, въ арестантскія роты, быть разстрѣлянными, но не подымать оружія противъ поляковъ (№ 147). Въ „Братской просьбѣ къ русскимъ воинамъ" (№ 155, 1 февр. 1863 г.) онъ проситъ полюбить поляковъ-новобранцевъ: „Главное — полюбить ихъ, остальное все само сдѣлается" (155, 1 февр. 1863 г.). Но уже въ слѣдующемъ номерѣ „Колокола", въ воззваніи къ офицерамъ, онъ пишетъ: „Имя русское вы сдѣлали снова ненавистнымъ, какъ при Николаѣ, ненавистнымъ отъ одного края земного шара до другого"...

Позднѣе тѣмъ же офицерамъ онъ совѣтуетъ „лучше оставить ряды, перейти въ противный станъ, быть убитымъ, чѣмъ сражаться противъ Польши" (№ 177).

Пока возстаніе не приняло вполнѣ опредѣленнаго характера разгрома инсургентовъ, Герценъ восторгался героизмомъ поляковъ. Возстаніе онъ уже оправдывалъ, утверждая, что „людей, готовыхъ на гибель, сознательно идущихъ на нее, вообще останавливать нельзя", а своимъ друзьямъ-полякамъ писалъ: „Если ваше возстаніе неотвратимо, да совершится судьба его... Вы не встрѣтите противъ себя Руси народной, а будете имѣть дѣло съ Россіей офиціальной" (№ 175, 1 дек. 1863 г.).

Онъ наивно вѣритъ въ письмо-протестъ офицеровъ къ вел. кн. Константину*, поляковъ беретъ подъ свою защиту, мысли не допускаетъ о томъ, что возстаніе дѣйствительно началось избіеніемъ русскихъ солдатъ и „невинными жертвами" считаетъ лишь шпіоновъ, доносчиковъ и переметчиковъ" **.

* Это миѳическое письмо привозилъ къ Герцену русскій офицеръ Потебня, потомъ погибшій у Песчаной Скалы, сражаясь въ польскихъ рядахъ.

** О началѣ возстанія публицисты праваго лагеря усердно писали, что нападеніе въ ночь на 11—23 января 1863 г. (результатъ прокламаціи отъ 4—16 янв.) было варфоломеевской ночью. Герценъ же утверждалъ, что это каннибальская клевета, выдуманная полиціей, и что было убито лишь „нѣсколько солдатъ, застигнутыхъ врасплохъ" (№ 167, 1 іюля 1863 г.). На самомъ дѣлѣ потеря была 190 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими (Н. И. Павлищевъ. Седмицы польскаго мятежа 1861—1864 гг., т. V, Спб. 1887 г. стр. 11—12).

Въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ того, какъ возстаніе разрасталось, Герценъ все болѣе и болѣе терялъ самообладаніе и чувство мѣры. Въ русскомъ обществѣ онъ видитъ „общее оподлѣніе, измѣну вчерашнихъ друзей, распутство мысли, безстыдство слова; цѣлое общество лобызаетъ руки палачамъ, цѣлая литература духовно-свѣтскихъ доносовъ“ (№ 176, 1 янв. 1864 г.).

Въ августѣ 1863 г. онъ уже утрачиваетъ способность къ обсужденію въ политикѣ, у него хватаетъ силъ лишь на оскорбленія.

„Что дѣлается въ народѣ — мы не знаемъ... Но зато знаемъ, что общество, что дворянство, вчерашніе крѣпостники, либералы, литераторы, ученые и даже ученики, повально заражены; въ ихъ соки и ткани всосался патріотическій сифилисъ“ (№ 168, 1 авг. 1863 г.).

Герценъ всегда отдѣлялъ Россію правящую, офиціальную отъ управляемой, народной. Однако, подавленіе польскаго возстанія въ значительной степени затуманило его разумъ. Дѣлая исключеніе для крестьянства, онъ помѣстилъ въ однѣ скобки всѣхъ остальныхъ русскихъ и признался, что боится покраснѣть за Россію при встрѣчѣ съ иностранцами, какъ краснѣетъ сынъ опозоренной матери; идя по улицѣ, онъ боится, какъ бы не узнали, что онъ русскій (№ 158, 1863 г.). Герценъ полагаетъ, что міръ въ правѣ спросить, что это за народъ, который въ продолженіе вѣка изъ поколѣнія въ поколѣніе приходитъ терзать несчастную страну, не хотящую быть съ нимъ, не дѣлящую его вкуса къ рабству. Онъ находитъ, что Россія заслужила ненависть культурнаго міра и что слова строгаго негодованія, порицанія, проклятія онъ считаетъ естественными, справедливыми, необходимыми при отвратительномъ зрѣлищѣ барскихъ пировъ у подножія висѣлицъ (№ 178). Вообще — послѣ неудачи возстанія Герценъ по адресу Россіи могъ говорить лишь словами брани. То, что мы находимъ въ № 187 (15 іюля 1964 г.), иначе нельзя назвать, какъ оскорбительнымъ вызовомъ: —

„Ненависть, отвращеніе поселяетъ къ себѣ эта Россія, — пишетъ онъ.— Отъ нея горимъ мы тѣмъ разлагающимъ отравляющимъ стыдомъ, который чувствуетъ любящій сынъ, встрѣчая пьяную мать свою, кутящую въ публичномъ домѣ“ (№ 187).

IV.

Но вотъ возстаніе подавлено, ликвидировано, и картина рѣзко мѣняется. Герценъ начинаетъ усердно увѣрять, что онъ всегда былъ противъ возстанія. Въ письмѣ къ Гарибальди онъ еще окончательно не отказывается отъ возможности и необходимости возстанія, признаетъ лишь, что оно начато было не во время: „Кровь нашу дали мы за то, чтобъ остановить на годъ или на два польское возстаніе“ (№ 177, 15 янв. 1864 г.). Годъ спустя, онъ уже рѣшительно

заявляетъ, что предвидѣлъ гибель повстанцевъ и что „всѣми силами старался задержать возстаніе“ и что наканунѣ польскаго возстанія представлялись два средства для того, чтобъ его остановить: депортація нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, подтасованнымъ наборомъ, и освобожденіе крестьянъ, какъ оно сдѣлалось черезъ годъ послѣ рѣзни и террора (№ 194, 1 февр. 1865 г.).

Еще позже Герценъ, обращаясь къ полякамъ, писалъ:

„Вольно же вамъ было пыль, поднявшуюся передъ грозой, принять за самую грозу... Сухіе листья и бумажные змѣи приняли за небесныхъ герольдовъ и архангеловъ“. Особенно характерно слѣдующее заявленіе Герцена: „Мы знали, какого звѣря будили и дразнили поляки своими демонстраціями и выстрѣлами и трепетали за нихъ и за Россію и до конца умоляли ихъ остановиться; мы говорили имъ, что въ Россіи все готовится и ничего не готово, что движеніе, которое они видятъ, истинно и глубоко, но далеко отъ той „организаціи“, о которой они мечтали, мы повторяли сто разъ, что Европа пальцемъ не тронетъ, чтобъ ихъ спасти, что всѣ ея симпатіи и разглагольствованія — „упражненія въ стилѣ“. Мы говорили имъ, что самое участіе русскихъ офицеровъ было больше отрицательное, что они не хотѣли быть палачами... Мы это знали, и вмѣстѣ съ ними умоляли и правительство и Константина Николаевича пощадить русскую кровь, русскую честь и не искушать офицеровъ противорѣчіемъ долга и совѣсти. Такова была наша рѣчь наканунѣ Велепольскаго набора и на другой день послѣ того, какъ кровь уже лились въ царствѣ“ (№ 209).

Въ 1867 году Герценъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ увѣряетъ, что онъ съ мучительной болью и съ тяжелымъ сознаніемъ своего безсилія смотрѣлъ на приближающійся взрывъ — ни съ той, ни съ другой стороны ничего не было сдѣлано, чтобъ предупредить его; онъ видѣлъ, какъ увлеченные, фанатизированные люди неслись на вѣрную гибель, гибли, другіе шли на ихъ мѣсто... и онъ, иногда усталый, обезсиленный, готовъ былъ рыдать...

Далѣе онъ утверждаетъ, что съ самаго начала былъ противъ возстанія, и не только въ статьяхъ, но во всѣхъ разговорахъ: „Свидѣтелей послѣ отеческаго умиротворенія трудно вызвать, лучшіе изъ нихъ, какъ Сѣраковскій, Падлевскій — вы знаете гдѣ... однако есть и живые, на которыхъ мы смѣло можемъ сослаться. Мы умоляли поляковъ всѣхъ партій, всѣхъ оттѣнковъ не возмущать дѣла русскаго развитія и идти къ свободѣ и независимости инымъ путемъ, идти вмѣстѣ съ нами. Но отвратить возстанія мы не могли, да и врядъ ли могъ кто-нибудь. Время было до того полно грозы, до того душно и натянуто въ Варшавѣ, что Лидерсъ и его штабъ столько же хотѣли открытаго возстанія, какъ Центральный комитетъ и его штабъ (№ 240, 1 мая 1867 г.).

V.

Изъ изложеннаго видно, что роль Герцена въ польскомъ возстаніи сводилась главнымъ образомъ къ пропагандѣ и агитаціи. Во всякомъ случаѣ, о какой либо другой формѣ участія Герцена въ возстаніи никакихъ данныхъ въ „Колоколѣ" не имѣется. Въ опредѣленныхъ сферахъ и среди русскихъ монархистовъ (въ томъ числѣ — и славянофиловъ) держался крѣпко слухъ о томъ, что на югѣ Герценомъ было организовано тайное террористическое общество поджигателей, — „Тульчинская агенція", какъ называли эту вымышленную организацію *. Нѣтъ, конечно, никакихъ сомнѣній въ томъ, что это относится къ области клеветническихъ и неумныхъ выдумокъ. Не убѣждаютъ нисколько въ справедливости этихъ слуховъ и показанія арестованныхъ польскихъ инсургентовъ. Внимательно вчитываясь въ протоколы допросовъ подсудимыхъ, можно видѣть только одно: въ концѣ концовъ измученные, издерганные повстанцы показывали рѣшительно все, чего отъ нихъ желала военно-судная комиссія. Хотѣлось комиссіи, чтобы подсудимые подтвердили фактъ существованія агентства Герцена — и подсудимые подтверждали его **. И въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Фактъ общеизвѣстный, что показанія подсудимыхъ, которымъ грозитъ смерть, часто пригодны больше для уясненія психики допрашиваемаго, а ужъ никакъ не для установленія истины.

Многіе приписываютъ Герцену прокламаціи, предназначенныя для русскихъ войскъ. Эти прокламаціи имѣются въ матеріалахъ по польскому возстанію (Императ. Публ. Библ., Тетрадь 18-я, лл. 112—113). Я внимательно прочиталъ прокламаціи. „Казаки молодцы" и „Печатная правда" и долженъ сказать, что въ нихъ, кромѣ грубой демагогіи, соединенной съ отчаянной безграмотностью, никакого другого содержанія нѣтъ. Обѣ прокламаціи до такой степени не похожи на Герцена, что приписать ихъ ему могли или неразборчивые клеветники или люди, не имѣвшіе никакого представленія о Герценѣ; поэтому я не считаю возможнымъ ни цитировать ихъ, ни знакомить читателей съ ихъ общимъ содержаніемъ.

Однако, отвергая фактъ участія Герцена въ террорѣ и въ составленіи прокламацій къ русскимъ войскамъ, необходимо отмѣтить, что участіе Герцена въ польскомъ возстаніи не ограничивалось пропагандой и агитаціей, которыя велись въ „Колоколѣ". На это ясно намекаетъ и самъ Герценъ.

---

* См. статью И. Аксакова „Москва", № 58, 1867 г. и отвѣты на нее Герцена „Колоколъ", № 239 и 240. Въ русскихъ газетахъ, какъ неопровержимый фактъ, утверждалось, что Герценъ принадлежалъ къ обществу поджигателей (см., напр., „Голосъ", № 46, 1867 г.).

** Матеріалы по польскому возстанію. Императ. Публичная Библіотека, тетрадь 12-я, показанія Рудницкаго и др. о поджогахъ.

„Придетъ время, — говоритъ онъ, — и, вѣроятно, оно не за горами, мы скажемъ своимъ и чужимъ, что мы дѣлали во время кровавой борьбы. Ошибались мы или нѣтъ — не знаемъ, но знаемъ, что любовь наша ни на волосъ не отошла отъ тѣхъ основаній, на которыхъ мы жили всю нашу жизнь, во имя которыхъ говорилось каждое слово наше.

„Вы понимаете, что это время не пришло, червь не источилъ еще трупы мучениковъ и павшихъ воиновъ, раны не закрылись настолько, чтобы можно было касаться къ нимъ, кровь льется, какъ изъ ведра — и въ рукахъ полиціи, тупой и безчеловѣчной, бездна дорогихъ людей" (№ 167, 1863 г.).

Эту же мысль онъ все съ той же загадочностью высказываетъ и въ № 168 „Колокола". На первый взглядъ въ словахъ Герцена кроется нѣчто таинственное. Но, зная хорошо Герцена, можно съ увѣренностью сказать, что все дѣло сводилось къ тому, что во время возстанія онъ поддерживалъ связь съ главарями движенія (вспомнимъ паломничество Потебни къ Герцену) и оказывалъ, насколько могъ, матеріальную помощь какъ повстанцамъ, такъ и эмигрантамъ. Дальше этого тайное участіе Герцена въ возстаніи едва ли заходило. Характерно, что самъ Герценъ такъ и ушелъ въ могилу, не открывъ своей „тайны", хотя и обѣщалъ это сдѣлать. Очевидно — тайна была очень скромной по своему содержанію. Между тѣмъ Герценъ вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто покрываетъ свою дѣятельность завѣсой таинственности.

VI.

Герценъ — достояніе исторіи, и теперь мы можемъ совершенно спокойно отнестись къ его роли въ польскомъ дѣлѣ.

Оцѣнивая эту роль съ полнымъ безпристрастіемъ, приходится установить фактъ, что участіе Герцена въ польскомъ возстаніи принесло исключительно отрицательные результаты. Вѣрное пониманіе фактовъ исторической дѣйствительности, правильная оцѣнка соотношенія силъ Польши и Россіи и отсюда, какъ неизбѣжный выводъ, трезвое отношеніе къ идеѣ возстанія у Герцена рѣзко перешли въ свою противоположность, какъ только появились первые признаки серьезнаго броженія въ Польшѣ. Есть указанія на то, что онъ потомъ увѣровалъ въ существованіе революціонныхъ организацій въ Россіи, а поляковъ увѣрялъ въ томъ, что эти организаціи будутъ координировать свои дѣйствія съ ходомъ движенія въ Польшѣ. П видимому — одно время у него пропало даже скептическое отношеніе къ возможной поддержкѣ со стороны Западной Европы. Косвенное подтвержденіе всего этого можно найти въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ и выраженіяхъ тѣхъ статей, которыя написаны въ разгаръ возстанія. А послѣ ликвидаціи возстанія Герценъ совершенно неожиданно началъ утверждать, что ни на минуту не сомнѣвался въ

его печальномъ исходѣ и что всѣми силами старался предупредить взрывъ.

Чѣмъ же объяснить всѣ эти жестокія противорѣчія, въ которыхъ такъ безнадежно путался Герценъ? Нѣкоторые думаютъ, что его увлекъ Бакунинъ. Но врядъ ли можно удовлетворительно объяснить позицію Герцена въ польскомъ вопросѣ только однимъ вліяніемъ Бакунина. Правда, самъ Герценъ какъ будто бы склоненъ объяснять уклоны отъ своей идеологіи именно посторонними вліяніями. „Сколькими несчастіями, — говоритъ онъ, — было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если бы я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя" (X. 209). Эти слова, несомнѣнно, относятся и къ участію Герцена въ польскомъ дѣлѣ. Впрочемъ — post factum — Герценъ имѣлъ мужество сдѣлать признаніе, что статьи по польскому вопросу написаны „въ чаду, въ горячкѣ, въ раздорѣ съ собой... Мы измѣняли разуму, слѣдуя сердцу, и измѣняли сердцу, слѣдуя разуму..." (№ 197, 1815.) Очевидно, на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить необыкновенную впечатлительность Герцена, такъ быстро воспламенявшагося и цѣликомъ отдававшагося непосредственному порыву чувства.

Самъ Герценъ основной чертой своего характера считаетъ „уступчивость съ ропотомъ, слабость съ мятежомъ и протестомъ, постоянное расхожденіе разума съ чувствомъ". Все это принесло ему массу вреда. Но нельзя сказать, чтобы чувство цѣликомъ покрывало собой доводы разума, чтобы разумъ не отдавалъ отчета въ ошибкахъ чувства. Въ разгарѣ возстанія Герценъ ясно видѣлъ, что въ польскомъ вопросѣ почти все русское общество было на сторонѣ правительства и что усмиреніе и ликвидація возстанія прошли при сочувствіи и моральной поддержкѣ дворянства, литераторовъ, журналистовъ, интеллигенціи (№ 197, 1865 г.). Тѣмъ не менѣе — онъ упорно велъ свою линію. „Мы не можемъ измѣнить нашему воззрѣнію, это сильнѣе насъ, да и не хотимъ вовсе" (№ 167). И даже съ какой то особой гордостью бросалъ вызовъ русскому обществу: если онъ одинъ останется съ своимъ протестомъ, то и въ этомъ случаѣ не оставитъ его (№ 168, 1863). Онъ превосходно сознаетъ, что состоитъ въ немилости у большинства читающей Россіи, а не только у З. Д. Но онъ этого не боится, не боится остаться даже въ пустой комнатѣ (№ 170, 1863).

Про себя Герценъ говорилъ: „Я споконъ вѣка любилъ народъ русскій и терпѣть не могъ патріотизма. Это — самая злая, ненавистная добродѣтель изъ всѣхъ" (стр. 1376). Но вѣдь основой польскаго возстанія какъ разъ и былъ тотъ родъ патріотизма, противъ котораго такъ возставалъ Герценъ. Главной ошибкой Герцена тутъ было то, что онъ не раздѣлялъ, не уяснилъ себѣ истинный смыслъ возстанія. Отъ него, какъ отъ идеалиста, воспитаннаго на Гегелѣ, совершенно ускользнулъ рѣзко націоналистическій характеръ движенія. И стремленіе къ самостоятельному національному бытію

ему показалось величественной борьбой за чистую идею свободы и справедливости. Благодаря этому, своей публицистической дѣятельностью Герценъ усердно лилъ воду на колеса историческо-національистической идеологіи вождей польскаго возстанія. Въ Россіи же публицистика Герцена по польскому вопросу имѣла только отрицательное значеніе. Онъ, ратуя за Польшу, далъ поразительные рецепты для обоснованія россійскаго національизма. „День", „Москва", „Москвичъ" и „Голосъ" съ 1864 по 1868 г. въ своихъ патріотическихъ статьихъ питались, главнымъ образомъ, идеологіей Герцена. Позднѣе и самъ Герценъ это понялъ. Ему оставалось лишь съ горькой ироніей отмѣчать плоды посѣяннаго имъ ученья.

Кирикъ Левинъ.

ДНЕВНИКЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. М. ХИРЬЯКОВА.

8 января 1900 г. Москва.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

3) Нынче вспомнилъ непріятное слово, сказанное обо мнѣ N, и мнѣ стало тяжело. Когда отъ чего-нибудь становится тяжело, это вѣрный признакъ, что ты живешь для похоти или для славы людской, а не для служенія Богу. Вспомнилъ это, откинулъ ложную цѣль, открылъ настоящую, единственную и сейчасъ стало легко.

16 января 1900 г. Москва.

Былъ Горькій. Очень хорошо говорили, и онъ мнѣ понравился. Настоящій человѣкъ изъ народа.

Какое у женщинъ удивительное чутье на распознаваніе знаменитости. Онѣ узнаютъ это не по получаемымъ впечатлѣніямъ, а по тому, какъ и куда бѣжитъ толпа. Часто, навѣрное, никакого впечатлѣнія не получила, а уже оцѣниваетъ, и вѣрно.

Записываю.

1) Нельзя быть достаточно осторожнымъ въ поощреніи въ себѣ тщеславія, любви къ похвалѣ. Если бы врагъ хотѣлъ погубить человѣка, то вѣрнѣе, чѣмъ споить, захвалить его. Развивается болѣзненная чувствительность при похвалѣ, ведущая къ праздному разслабленію, при порицаніи — къ озлобленію и унынію. Главное, увеличивается болѣзненность и уязвимость.

2) Читалъ «Даму съ собачкой» Чехова. Это все — Ницше, люди не выработавшіе въ себѣ яснаго міровоззрѣнія, раздѣляющаго добро и зло. Прежде робѣли, искали, теперь же, думая, что они по ту сторону добра и зла, остаются по сю сторону, т. е. почти животныя.

3) Перепроизводство тамъ, гдѣ народъ въ нуждѣ, это только признакъ не только рабства, — что люди работаютъ не на себя, а на хозяевъ, — но и того, что рабство денежное, т. е. что рабовъ держатъ тѣмъ, что передъ ними держатъ то, что̀ имъ нужно, но не даютъ.

(Это не то, надо обдумать.)

4) Загоняетъ на фабрику и нужда, и соблазны. При неравномѣрномъ распредѣленiи богатствъ нельзя провести черту между нуждой и соблазнами. Люди жили безъ чая и сахара, безъ кожаныхъ сапогъ, — нужда это или соблазнъ пить чай и купить сапоги, когда всѣ пьютъ и носятъ?

13 марта 1900.

5) Видѣлъ во снѣ: одинъ стоитъ на столбѣ, и люди любуются имъ и хвалятъ, другой, чтобы побѣдить, превзойти его, пляшетъ на гвоздяхъ. Третiй — просто добрый.

6) Искусство, поэзiя: «для береговъ отчизны дальней» [1] и т. д., живопись, въ особенности музыка, даютъ представленiе о томъ, что въ томъ, откуда оно исходитъ, есть что-то необыкновенно хорошее, доброе. А тамъ ничего нѣтъ. Это только царская одежда, которая хороша только тогда, когда она на царѣ жизни — добрѣ (что-то нехорошо, не такъ записано).

7) Какъ хорошо, что не знаешь результатовъ своихъ дѣлъ; если бы зналъ, не послѣднiе результаты (послѣднихъ нѣтъ и не можетъ быть), а видѣлъ бы послѣдствiя гораздо дальше, чѣмъ теперь, то никогда бы ни на что не рѣшился. Теперь же рѣшаешься не потому, что знаешь послѣдствiя, а потому что долженъ.

8) У самаго злого человѣка расцвѣтаетъ лицо, когда ему говорятъ, что его любятъ. Стало быть въ этомъ счастье, и самое большое, людей. А чтобы достигнуть его, есть одно средство: любить, любить, и тебя будутъ любить.

9) Иду мимо извозчика лихача; онъ выбился изъ сѣрыхъ мужиковъ: завелъ упряжку, обрился, имѣетъ попону, кафтанъ съ соболями, знаетъ хорошихъ господъ... Какъ ему внушить, что это все неважно, а важно исполненiе нравственнаго закона? Дома, въ школѣ, въ церкви, въ чтенiяхъ (какъ въ томъ, на которомъ я былъ въ рабочемъ домѣ) что̀ онъ слышитъ?

17) Молиться Богу. Говорятъ: какому Богу? Какъ вы можете знать, что онъ слышитъ васъ? — Да что тотъ Богъ, который во мнѣ, слышитъ меня, въ этомъ уже не можетъ быть сомнѣнiя. «Такъ что же — вы молитесь сами себѣ?» Да, только не низшему себѣ, не всему себѣ, а тому, что̀ есть во мнѣ Божьяго, вѣчнаго, любовнаго. И оно слышитъ меня и отвѣчаетъ.

Благодарю Тебя и люблю Тебя, Господи, живущаго во мнѣ.

19 марта. 1900. Москва.

Мало, неуспѣшно работаю, хотя здоровъ. Въ мысляхъ же идетъ работа хорошая.

Читалъ психологію, и съ большой пользой, хотя и не для той цѣли, для которой читаю.

Вчера думалъ о томъ, что надо молиться, дѣлать себѣ самовнушеніе, но нужно не давать молитвѣ дѣлаться механической и для того надо составить рядъ молитвъ, которыя читать по очереди, хоть на 12 дней. А кромѣ того, составить себѣ молитвы короткія на каждый часъ. При каждомъ боѣ часовъ вспоминать.

Такъ, напримѣръ, при боѣ вспоминать:

[1)] Помни смерть, что жизнь переходъ къ смерти, т. е. перемѣнѣ;

2) Что служенія есть два: дѣло мысли, разума, и дѣло любви;

3) Что лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать ничего, ложь;

4) Что присутствіе всякаго человѣка есть призывъ къ высшей осторожной и важной дѣятельности;

5) Что униженнымъ, смиреннымъ быть выгодно, а восхваляешься, гордишься — обратное;

6) Что теперешняя минута никогда не повторится;

7) Что ничего непріятнаго тебѣ быть не можетъ; если непріятно, то значитъ ты спуталъ;

8) Что всякое дурное, даже пустое дѣло вредно тѣмъ еще, что показываетъ дорогу привычкѣ, и всякое доброе дѣло — наоборотъ;

9) Не осуждай;

10) Обсуживая поступки другихъ людей, вспоминай свои;

11) Помни, что духовные миръ и любовь важнѣе милліоновъ матеріальнаго міра;

12) Помни, что ты посланникъ, представитель Бога — не унижай Его.

Молитву же большую надо составлять изъ всего, что̀ читаешь, думаешь и знаешь. Такъ, напримѣръ, вторая молитва послѣ моего обычнаго Отче нашъ можетъ быть такая:

Избави меня Господи (Богъ во мнѣ) отъ перваго искушенія, заботы о внѣшнемъ, о пищѣ, жилищѣ, вещахъ, о славѣ людской и дай мнѣ помнить, что жизнь человѣка только въ увеличеніи разума, любви. И отъ второго искушенія избавь меня, отъ мысли о томъ, что все отъ Бога, что я ничто, отъ равнодушія къ дѣлу своей жизни, отъ прекращенія усилія и дай мнѣ помнить, что я слуга, посланникъ Бога, исполнитель Его воли. И отъ третьяго искушенія, служенія чему бы то ни было больше, чѣмъ Богу — избавь меня. И дай мнѣ помнить, что всякое дѣло тогда только хорошо, когда оно есть дополненіе или послѣдствіе служенія Богу.

Буду думать дальше. Есть кое-что записать — послѣ.

Я невѣрно записалъ сегодня 12 молитвъ. Не надо молиться подъ рядъ. Каждый часъ нужна только одна молитва: помоги мнѣ служить Тебѣ, Богу. А молитвы должны быть сообразны положеніямъ, встрѣчамъ. Такъ:

[1)] Когда одинъ, и выборъ, что̀ дѣлать, помни, что жизнь только въ служеніи, увеличеніи разума и любви.

2) Когда одинъ и скучно, грустно, горько, помни, что если не можешь дѣлать дѣло служенія, не дѣлай противнаго и

3) помни, что ты посланникъ.

4) Когда ходишь съ человѣкомъ, помни, что наступилъ самый важный моментъ дѣла.

5) Когда женщина, помни, что она мать и дочь и, главное, человѣкъ, сестра, а не самка.

6) Когда тебя оскорбили, радуйся: это на пользу.

7) Когда раздражаешься, помни, что это нарушеніе самаго святого: это — себя губишь.

8) Не осуждай.

9) Когда обсуждаешь, помни свои грѣхи.

Нынче *24 марта 1900. Москва.*

Вчера была страшная операція Тани [2]. Я несомнѣнно понялъ, что всѣ эти клиники, воздвигнутыя купцами, фабрикантами, погубившими и продолжающими губить десятки тысячъ жизней — дурное дѣло. То, что онѣ вылѣчатъ одного богатаго, погубивъ для этого сотни, если не тысячи бѣдныхъ, очевидно, дурное, очень дурное дѣло. То же, что они при этомъ выучиваются будто бы уменьшать страданія и продолжать жизнь, тоже нехорошо, потому что средства, которыя они для этого употребляютъ, таковы (они говорятъ: до сихъ поръ, а я думаю: по существу) таковы, что они могутъ спасать и облегчать страданія только нѣкоторыхъ избранныхъ, главное же потому, что ихъ вниманіе направлено не на предупрежденіе, а на исцѣленіе уродствъ, постоянно непрестанно повторяющихся.

7 августа 1900. Яс[ная] Пол[яна].

Таня заболѣла и теперь еще лежитъ.

Я сильно болѣлъ: ужасныя боли, долго не поправлялся. Нынче лучше. Чувствую близость смерти, стараюсь встрѣтить ее спокойно и, кажется, спокойно встрѣчу ее; но пока здоровъ, какъ нынче, не могу живо перенестись въ процессъ перехода.

Кончилъ и отослалъ и Р[абство] н[ашего] в[ремени] и о смерти Гумберта [3]. Думаю, что сдѣлалъ, что̀ должно и что̀ могъ.

2) Эгоизмъ личный дуренъ, и это мы всѣ знаемъ; эгоизмъ семейный хуже, и часто мы не только не знаемъ, что онъ дуренъ,

но считаемъ его добромъ; эгоизмъ народный ужасенъ, и его не только не боятся, но считаютъ великой добродѣтелью.

4) Какъ у глаза есть вѣко, такъ у дурака есть самоувѣренность для защиты отъ возможности пораненія своего тщеславія. И оба, чѣмъ болѣе берегутъ себя, тѣмъ менѣе видятъ — зажмуриваются.

5) Наши чувства къ людямъ окрашиваютъ ихъ всѣхъ въ одинъ цвѣтъ: любимъ — они всѣ намъ кажутся бѣлыми, не любимъ — черными. А во всѣхъ есть и черное и бѣлое. Ищи въ любимыхъ черное, а главное — въ нелюбимыхъ бѣлое.

6) Есть любовь тѣлесная и любовь духовная. Тѣлесная вытекаетъ изъ симпатіи, смутно сознаваемой выгоды, удовольствія; любовь духовная большей частью, напротивъ, изъ борьбы съ своими дурными чувствами, изъ сознанія того, что надо, должно не ненавидѣть, а любить. Она почти всегда обращена на враговъ — самая дорогая лучшая любовь.

30 августа 1900. Ясная Поляна.

Какъ-то спросилъ себя: вѣрю ли я, точно ли *вѣрю* въ то, что смыслъ жизни въ исполненіи воли Бога, воля же въ увеличеніи любви (согласія) въ себѣ и въ мірѣ и что этимъ увеличеніемъ, соединеніемъ въ одно любимаго я готовлю себѣ будущую жизнь? И невольно отвѣтилъ, что не вѣрю такъ въ этой опредѣленной формѣ. Во что̀ же я вѣрю? — спросилъ я. И искренно отвѣтилъ: что вѣрю въ то, что надо быть добрымъ: смиряться, прощать, любить. Въ это вѣрю всѣмъ существомъ.

9 октября 1900. Ясная Поляна.

2) Литераторамъ, ихъ трудамъ приписывается неподобающее имъ значеніе и важность потому, что въ рукахъ литераторовъ — пресса, устанавливающая общественное мнѣніе. Только этимъ можно объяснить эти странно серьезныя разсужденія критиковъ о значеніи героевъ поэмъ, романовъ... Тѣмъ же объясняется и преувеличенное значеніе, придаваемое искусству. Они всѣ одной клики.

3) Если нашелъ вещь, и нѣтъ хозяина, если возьмешь траву, дерево въ степи, которую ты считаешь ничьею, или изъ лѣса ничьего, — то ты не виноватъ. Такъ же не виноватъ и землевладѣлецъ, и владѣлецъ фабрики, и получающій жалованіе чиновникъ, если онъ не знаетъ, какъ пріобрѣтена земля, фабрика, какъ и съ кого собираются подати. Но коли онъ знаетъ, что найденной вещи есть хозяинъ, что трава, дерево куплены другимъ — онъ воръ, если беретъ. И такой же воръ, если зналъ, какъ теперь должны знать всѣ, какъ пріобрѣтается земля, фабрика, подати и пользуется тѣмъ, другимъ или третьимъ — онъ воръ.

1 декабря 1900. Москва.

1) Какое ужасное свойство самоувѣренность, довольство собой. Это какое-то замерзаніе человѣка: онъ обрастаетъ ледяной корой, сквозь которую не можетъ быть ни роста, ни общенія съ другими, и ледяная кора эта все утолщается и утолщается. Навели меня на эти мысли мои отношенія съ многими людьми: это все, ужасно сказать, свиньи, предъ которыми нельзя кидать жемчуга. Видишь, что онъ несчастенъ отъ заблужденія, въ которомъ находится, живешь съ нимъ, говоришь и знаешь то, что̀ облегчитъ, спасетъ его — и не можешь сказать ему. А впрочемъ —

2) Не оттого ли это, что самъ плохъ, не любовенъ для Бога? Если бы была любовность, можно бы найти входъ къ нему въ душу и проникнуть въ нее. Надо сдѣлаться газомъ всепроникающимъ, а не грубой жидкостью и крѣпкимъ тѣломъ. Отъ этого-то все, все въ себѣ, въ совершенствованіи себя. Только когда ты совершененъ, ты всемогущъ. И настолько ты силенъ, насколько̀ ты близокъ къ совершенству.

3) Жизнь человѣка въ томъ, что онъ ставитъ себѣ цѣли и стремится къ достиженію ихъ. Достиженіе всѣхъ цѣлей, самое стремленіе къ нимъ, — стало быть, жизнь, — можетъ встрѣчать препятствія и неодолимыя: имущество погибаетъ, слава замѣняется забвеніемъ или позоромъ, любимый человѣкъ, для счастья котораго жилъ, умираетъ, воспитаніе, проповѣдь не воспринимаются людьми, во всемъ можетъ быть помѣха, остановка. Въ одномъ не можетъ быть ни помѣхи ни остановки — въ самосовершенствованіи въ любви передъ Богомъ, въ спасеніи души, какъ говорятъ мужики. Вездѣ со всѣхъ сторонъ стѣны, одинъ только этотъ путь открытъ, и потому, это единый истинный путь, истинный, т. е. свойственный человѣку.

Человѣка заперли въ одиночное заключеніе, онъ Робинзонъ, который никогда не соединится съ людьми, а умретъ на своемъ острову, — нѣтъ, лучше, онъ заключенный, умирающій послѣ 20 лѣтъ въ тюрьмѣ, никому неизвѣстный. Неужели онъ не жилъ эти 20 лѣтъ? Нѣтъ, цѣль его жизни также достижима и еще легче чѣмъ того, кто живетъ въ мірѣ. Онъ могъ извѣдать себя, свое сердце и вырвать изъ него все дурное, могъ усовершенствовать себя въ Богѣ. Такъ это и было и съ декабристами и со всѣми почти заключенными. (Но идіотъ, сумасшедшій? — спросятъ меня. Я не знаю и не могу объяснить, зачѣмъ они есть и не объ этомъ пишу. И пишу я не для идіотовъ и сумасшедшихъ и не для младенцевъ, а для разумныхъ людей).

Эта самая возможность ставить себѣ цѣль самосовершенствованія во всѣхъ возможныхъ условіяхъ и достигать ее, показываетъ не только то, что въ этомъ назначеніе человѣка, но и

то, что назначеніе его не исчерпывается этой жизнью. Человѣкъ, очистившій свою душу въ уединеніи и умершій никѣмъ не вѣдомый, не могъ дѣлать этого такъ, безъ смысла. Смыслъ же одинъ, что душа его нужна лучшая для другой жизни. Притча о талантахъ ясно говоритъ это. Смыслъ жизни заключеннаго, когда откинуто все путающее насъ — ясенъ. Тотъ же смыслъ жизни и всѣхъ живущихъ въ мірѣ. Дѣло одно — улучшать свою душу. То же, что̀ дѣлается въ мірѣ, есть только послѣдствіе этой улучшенной души. Люди, думающіе, что ихъ дѣло жизни въ томъ, чтобы устраивать по-своему жизнь другихъ людей, подобны вотъ чему:

Хозяинъ призвалъ косцовъ и далъ каждому косу, отбой и брусокъ и велѣлъ приладить косы — отбить, наточить и быть готовымъ дѣлать ту работу, которую онъ велитъ. Умные косцы такъ и сдѣлали, и наутро хозяинъ поставилъ ихъ на лугъ, и они острыми косами легко и радостно исполняли работу; глупые же косцы стали бранить умныхъ за то, что они сейчасъ не косятъ и, не приладивъ, не отбивъ, не наточивъ косъ, пошли косить что̀ попало и испортили лугъ и поломали косы и сами измучились.

Есть такіе глупые или коварные люди, которые говорятъ: совершенствованіе себя — это эгоизмъ, надо работать для другихъ, жертвовать собой для такой работы. Да развѣ можно совершенствовать себя, не работая для другихъ? Мое сравненіе невѣрно: совершенствовать себя — значитъ разжигать огонь. А разожженный огонь будетъ жечь и безъ твоего намѣренія, будетъ жечь то, что̀ нужно, что̀ велитъ Богъ. Человѣкъ ходитъ, Богъ видитъ. «Нээръ Элохимъ нэфешъ адамъ», т. е. свѣточъ Бога душа человѣка.

Всѣ нравственныя правила, хоть бы 5 заповѣдей Христа: не гнѣвайся, не клянись, не разводись съ женой, не насилуй, ... — всѣ касаются людей, нельзя ихъ исполнить, не дѣлая добра людямъ. Человѣкъ не можетъ истинно спасать душу, не дѣлая добраго людямъ. Всякій связанъ со всѣми своей матеріальной жизнью. И если только онъ будетъ исполнять самое первое нравственное правило — дѣлать другимъ то, что̀ хочешь, чтобы другіе дѣлали тебѣ, онъ будетъ служить людямъ.

Страшно подумать о томъ, что̀ есть теперь и что̀ бы могло быть, если бы всѣ люди спасали свою душу, жили всею жизнью, вѣчной жизнью (совершенствуясь), а не одной этой маленькой жизнью, и то, что̀ есть теперь.

Я начинаю смутно и изрѣдко чувствовать возможность жить для спасенія души, для улучшенія ея для этой жизни и будущей и тогда какъ легко и радостно. Ахъ если бы всегда, до смерти!

19 декабря 1900. Москва.

Всѣ эти четыре дня былъ нездоровъ и очень слабъ. Нынче лучше.

За это время много надо записать. Написалъ письма всѣ.

Записываю слѣдующее:

1) Вѣра, законъ Божій, которому учатъ въ школахъ и семьяхъ, преподается такъ же, какъ учатъ самые дурные учителя ариѳметикѣ, заставляютъ заучивать наизусть и таблицу умноженія и правила, не объясняя, что почему; тогда какъ учить закону Божію надо такъ же, какъ хорошіе учителя учатъ математикѣ — заставляя ученика самому дойти или разумомъ провѣрить то, что ему предлагается. Такое надо составить руководство къ закону Божію.

2) Художникъ для того, чтобы дѣйствовать на другихъ, долженъ быть ищущимъ, чтобъ его произведеніе было исканіемъ. Если онъ все нашелъ и все знаетъ и учитъ, или нарочно потѣшаетъ, онъ не дѣйствуетъ. Только, если онъ ищетъ, зритель, слушатель, читатель сливается съ нимъ въ поискахъ.

. . . .

31 декабря 1900. Москва.

Думалъ:

1) О томъ, что дѣти это увеличительныя стекла зла. Стоитъ приложить къ дѣтямъ какое-нибудь злое дѣло и то, что̀ казалось по отношенію взрослыхъ только нехорошимъ, представляется ужаснымъ по отношенію дѣтей: несправедливость сословій, еврейство, развратъ, убійство...

2) Думалъ о томъ, что главная неестественность драматическихъ произведеній есть то, что говорятъ всѣ лица одинаково долго и ихъ слушаютъ. Въ дѣйствительности это не такъ: каждое лицо имѣетъ возможность говорить и выслушивать по свойствамъ своего характера и ораторскаго искусства. Хотѣлъ такъ передѣлать свою драму. Да видно, мое сочинительство кончилось. Что жъ, и то хорошо.

11 февраля 1901. Москва.

Вчера былъ N. Я спросилъ его о томъ, что̀ онъ думаетъ о смерти, объ уничтоженіи или неуничтоженіи. Онъ не понимаетъ такъ же, какъ не понимаетъ корова. И сколько такихъ людей! А ты разговариваешь съ ними и огорчаешься, что они не соглашаются! Тутъ ужасно трудно установленіе такого отношенія, чтобы не презирать, а любить ихъ, какъ любишь животныхъ, не требуя отъ нихъ большаго, чѣмъ чего требуешь отъ животныхъ. Главное то, что многіе изъ нихъ сами разрушаютъ это отношеніе, вступая въ споры о томъ состояніи души, которое недоступно имъ.

Написалъ и думаю: какъ нехорошо то, что̀ я написалъ! Это нарушаетъ братство людей. Пускай они въ томъ состояніи, въ которомъ находятся теперь, какъ дѣти (а не животныя), не понимаютъ; относись къ нимъ всегда съ уваженіемъ, какъ къ понимающимъ. Это тебѣ тяжело, больно, что они оскорбляютъ самое дорогое тебѣ. Терпи. Ты не знаешь, когда они проснутся. Можетъ быть сейчасъ, и ты, твои слова — то самое, что̀ пробудитъ ихъ.

Читалъ рѣчь на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ [1]. Напыщенно, безсодержательно, глупо и самоувѣренно. Мы все хотимъ помогать народу; а мы — нищіе, которыхъ онъ кормитъ, одѣваетъ. Что̀ могутъ дать нищіе богатымъ? Это надо понять разъ навсегда, и тогда исправится наше отношеніе къ народу. Только посторонитесь вы, пристающіе къ нему нищіе, не мѣшайте ему, какъ нищіе въ Италіи, и онъ все сдѣлаетъ, и не тѣ глупости, которыя вы предлагаете ему, а то, о чемъ вы и понятія не имѣете.

. . . .

Все время болѣю и болями въ ногахъ и тѣлѣ, и желудкомъ. Нынче получше.

Записано въ книжкѣ слѣдующее:

1) Какъ надо помнить и не забывать то, что̀ сказано Коль-

риджемъ[7], что тотъ, кто любитъ христіанство болѣе, чѣмъ истину, очень скоро будетъ любить свое исповѣданіе или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя болѣе, чѣмъ все на свѣтѣ.

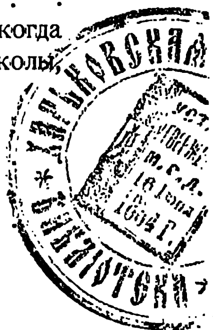
8 апрѣля 1901. Москва.

. . . .

. . . .

. . . .

5) Счастливые періоды моей жизни были только тѣ, когда я всю жизнь отдавалъ на служеніе людямъ. Это были: школы, посредничество, голодающіе и религіозная помощь.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

7 мая 1901 г. Москва.

Завтра хотимъ уѣхать. Здоровье получше.

1) Ужасенъ типъ людей, хотящихъ быть всегда правыми. Они готовы осудить невинныхъ, святыхъ, самого Бога, только бы быть правыми.

2) Многія истины, какъ напр[имѣръ], о томъ, что смыслъ жизни только въ служеніи Богу, или просто то, что есть смерть или что все движеніе человѣчества основано на движеніи религіи, — всѣ эти истины кажутся сначала только отвлеченными разсужденіями, не имѣющими связи съ жизнью и какъ бы мало вѣроятными, но проходитъ время, и онѣ все становятся не только болѣе вѣроятными, но несомнѣнными, едиными истинными и нужными, и такими, которымъ нельзя не вѣрить и по которымъ надо жить.

3) Смерть, казавшаяся невѣроятной, становится все болѣе и болѣе вѣроятной, и не только вѣроятной, но несомнѣнной.

4) Видѣлъ во снѣ типъ старика, который у меня предвосхитилъ Чеховъ. Старикъ былъ тѣмъ особенно хорошъ, что онъ былъ почти святой, а между тѣмъ пьющій и ругатель.

Я въ первый разъ ясно понялъ ту силу, которую пріобрѣтаютъ типы отъ смѣло накладываемыхъ тѣней. Сдѣлаю это на Хаджи Муратѣ и Марьѣ Дмитріевнѣ[8].

7) Думалъ о «требованіяхъ народа» и пришелъ къ мысли, что главное — собственность земли; что если бы было установлено отсутствіе собственности земли, а принадлежность ея тому, кто ее обрабатываетъ, то это было бы самымъ прочнымъ обезпеченіемъ свободы. Болѣе прочнымъ, чѣмъ Habeas corpus. Вѣдь и Habeas corpus не есть физическое обезпеченіе, а только нравственное, то, что человѣкъ чувствуетъ себя вправѣ защищать

свой домъ. Точно такъ же и еще больше онъ долженъ чувствовать себя вправѣ защищать свою землю, ту, съ которой онъ кормитъ семью.

11 мая 1901. Ясная Поляна. Вечеръ.

1) Вписать въ предисловіе о Bütnerbauer'ѣ[10], что Орлову[11] есть, что̀ сказать, и онъ умѣетъ сказать. А сказать ему есть то, что онъ любитъ мужика, того, кто кормитъ насъ. Отъ этого же обратили вниманіе на Горькаго. Мы всѣ знаемъ, что босяки — люди и братья, но знаемъ это теоретически, онъ же показалъ намъ ихъ во весь ростъ, любя ихъ, и заразилъ насъ этой любовью. Разговоры ихъ невѣрны, преувеличены, но мы все прощаемъ за то, что онъ расширилъ нашу любовь.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

29 ноября 1901 г. Гаспра[12].

Опять почти два мѣсяца не писалъ. Все время нездоровъ. Даже рѣдко лучше. Главное — ревматическія боли и слабость. Кажется, съ 14 началъ вспрыскивать мышьякъ. Нынче чувствую себя болѣе бодрымъ и потому пишу.

Я думаю, что кончилъ о религіи. Какъ всегда, сомнѣваюсь въ важности и добротѣ этого сочиненія, но кажется теперь болѣе основательно, чѣмъ въ прежнихъ случаяхъ.

Дома хорошо. Машу мало вижу. Радъ, что и Горькій, и Чеховъ мнѣ пріятны, особенно первый. Хорошія письма отъ Ч[лена] С[уда] и пріятное было сближеніе съ Мих. и штундистами.

Записывалъ мало. Вотъ что̀ записано:

1) Когда ровно течетъ струя воды, то кажется, что она стоитъ. Также кажется съ жизнью своей и общей. Но замѣчаешь, что струя не стоитъ, а течетъ, когда она убываетъ, особенно когда каплетъ, также и съ жизнью.

2) Когда я буду умирать, я желалъ бы, чтобы меня спросили: продолжаю ли я понимать жизнь такъ же, какъ я понималъ ее, что она есть приближеніе къ Богу, увеличеніе любви... Если

не буду въ силахъ говорить, то если да, то закрою глаза, если нѣтъ, то подниму ихъ кверху.

13) Какъ хорошо еврейское правило не дерзать произносить имени Бога. Это запрещеніе показываетъ, что они понимали, что̀ такое Онъ. Наше же панибратское отношеніе, наше же: Господи помилуй, переходящее въъ «помилосъ», «помилосъ», показываетъ, что у насъ не догадываются о томъ, что̀ можетъ быть Богъ для людей религіозныхъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Начало извѣстнаго стихотворенія Пушкина. Л. Н—чъ очень высоко цѣнилъ Пушкина, какъ великаго мастера художественныхъ произведеній, относясь весьма критически къ міровоззрѣнію автора. Толстой обыкновенно подходилъ къ художественнымъ произведеніямъ съ тремя вопросами: что написано? какъ написано? насколько искренно? Относительно второго и третьяго вопросовъ произведенія Пушкина вполнѣ удовлетворяли Л. Н—ча, что же касается перваго, то тутъ и сказывалась коренная рознь въ міровоззрѣніяхъ двухъ величайшихъ представителей русской литературы.

[2] Дочери Л. Н—ча Татьянѣ Львовнѣ Сухотиной была сдѣлана трепанація части черепа.

[3] Гумбертъ I, итальянскій король (1844—1900), 29 іюня 1900 года былъ убитъ въ Монцѣ анархистомъ Бреши. По этому поводу Л. Н—чемъ была написана статья „Не убій", въ которой онъ разсматриваетъ причины, вызывающія подобныя событія. Статья была напечатана въ изд. „Своб. Сл." (1900) въ Англіи, а въ Россіи въ 1906 г. въ изд. „Обновленіе" № 13 (конфисковано).

[4] 5-го февраля 1901 г. происходило въ Москвѣ засѣданіе Комитета земледѣлія московскаго общества сельскаго хозяйства, на которомъ С. Н. Булгаковымъ былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Интересы народнаго хозяйства Германіи и Россіи въ русско-германскихъ торговыхъ договорахъ". Сообщеніе объ этомъ засѣданіи было, между прочимъ, напечатано въ „Русск. Вѣд." 1901 г. № 37.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Выраженія сочувствія проявлялись не только въ письмахъ и телеграммахъ, но и въ шумныхъ оваціяхъ, устраивавшихся Л. Н—чу многолюдной толпой на улицахъ Москвы, въ публичныхъ манифестаціяхъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ и въ прошеніяхъ объ отлученіи, направляемыхъ въ Св. Синодъ разными лицами, въ качествѣ единомышленниковъ Толстого.

[7] Самуэль-Тэйлоръ Кольриджъ (Coleridge) знаменитый англійскій поэтъ

(1772—1834), одинъ изъ виднѣйшихъ представителей такъ называемой „озерной школы" и авторъ ряда замѣчательныхъ статей по религіознымъ и философскимъ вопросамъ. Приводимое изреченіе Кольриджа было взято Л. Н—чемъ въ качествѣ эпиграфа для начатаго имъ въ томъ же мѣсяцѣ „Отвѣта на постановленіе Синода".

. . . .

[9] Типъ, выведенный Толстымъ въ повѣсти „Хаджи-Муратъ".

[10] Романъ нѣмецкаго писателя Вильгельма Поленца (Polenz) (1861—1903), къ русскому переводу котораго, изданному „Посредникомъ" въ 1902 г. подъ названіемъ „Крестьянинъ", Л. Н—чъ написалъ предисловіе, въ которомъ очень одобрительно отзывается объ этомъ произведеніи.

[11] Николай Васильевичъ Орловъ, художникъ, котораго очень любилъ Толстой за глубоко трогавшія Л. Н—ча картины изъ народной жизни: „Умирающая", „Переселенцы", „Со службы", „Съ работы", „Недоимка", „Шинкарка", „Монополія" и др., въ которыхъ слабость техники выкупалась, по мнѣнію Толстого, содержательностью. Снимки съ картинъ Орлова были повѣшены Л. Н—чемъ въ своемъ кабинетѣ, а къ изданному Т-вомъ Голике и Вильборгъ (Спб. 1909) альбому картинъ Орлова подъ названіемъ „Русскіе мужики" Толстой написалъ предисловіе.

[12] Гаспра — имѣнье гр. С. В. Паниной на южномъ берегу Крыма, гдѣ жилъ Л. Н—чъ въ 1901—1902 годахъ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ПРИ СВѢТѢ КУЛЬТУРЫ.

(ЧЕХОВЪ, БУНИНЪ, С. ПОДЬЯЧЕВЪ, ИВ. ВОЛЬНЫЙ.)

I.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Конечно, культурность, какъ опредѣленіе всего багажа идейныхъ запросовъ современности, — понятіе достаточно скудное и мало опредѣленное для современнаго научнаго мышленія. Тургеневъ устами Потугина опредѣлялъ свою „преданность“ Европѣ, какъ преданность „образованности, той самой образованности, надъ которою такъ мило у насъ теперь потѣшаются, полагая, что слово „цивилизація“ и понятно, и чисто, и свято, а другія всѣ, народность тамъ, что ли, слава — кровью пахнутъ...“ Но и эта формула даетъ только внѣшнее и недостаточное выраженіе проявленіямъ того глубокаго внутренняго процесса развитія, который совершался въ европейской жизни за послѣдніе полъ-вѣка, и начался уже при Тургеневѣ; въ этой формулѣ нѣтъ анализа путей „цивилизаціи“, ея конечныхъ цѣлей. Но если углубить ее, вскрыть содержаніе идеологическаго понятія „культуры“, опредѣлить научнѣе процессъ воплощенія культуры въ жизнь, словомъ, показать, что вопросъ европеизаціи неизбѣжно связанъ

съ вопросами экономическаго и промышленнаго развитія, мы получимъ стройную соціологическую систему, оправдывающую лозунгъ культурности, который выдвигается передъ сознаніемъ современной русской мысли.

Дѣло художниковъ — помогать соціологамъ своими обобщеніями творческаго „интуитивнаго“ характера. А въ художественномъ воплощеніи современной русской жизни больше всего, кажется, должны привлекать общественное вниманіе картины деревенской жизни, ибо поистинѣ деревня наша, rus — вся Русь, и не верхи страны, а именно наиболѣе отсталые и широкіе слои ея характеризуютъ выпуклѣе всего состояніе русской культуры. Но извѣстно, какъ обстояло долгое время въ нашей литературѣ дѣло художественно-правдиваго изображенія деревни, и какъ скептически уже одинъ изъ великихъ основателей этой литературы и не менѣе видный вѣстникъ Европы въ Россіи — Тургеневъ сталъ относиться къ тому исконно-традиціонному образу мужика, который установился въ нашей народнической литературѣ.

Правда, по разнымъ причинамъ, самъ онъ не далъ художественнаго воплощенія иному мужику и иной деревнѣ, какими онъ ихъ воспринималъ подъ вліяніемъ просвѣтленнаго европейскаго сознанія, но свое отношеніе къ традиціонной „вѣрѣ въ армякъ“ онъ выразилъ и въ саркастически-страстныхъ рѣчахъ Потугина, и въ своей извѣстной перепискѣ съ Герценомъ, и въ недавно лишь опубликованныхъ письмахъ къ граф. Е. Ламбертъ. Вотъ характерное для взглядовъ Тургенева мѣсто этой переписки: говоря о „честной простотѣ и свободной силѣ“ русскаго языка, онъ прибавляетъ: „Странное дѣло! Этихъ четырехъ качествъ — честности, простоты, свободы и силы, — нѣтъ въ народѣ, а въ языкѣ они есть. Значитъ, будутъ и въ народѣ“...

Чеховскіе „Мужики“ открываютъ новыя страницы въ русской литературѣ, новые художественные горизонты. По путямъ Чеховскаго критицизма пошла и литература нашихъ дней въ лицѣ одного изъ лучшихъ современныхъ художниковъ пера Ив. Бунина и отчасти въ лицѣ молодыхъ писателей крестьянъ С. Подъячева и Ив. Вольнаго. Намѣтить черты того новаго о деревнѣ, что далъ художественный опытъ этихъ писателей, — вотъ задача настоящей статьи.

II.

Въ іюльской кн. „Русск. Бог.“ за 1897 г. въ статьѣ, посвященной только что появившимся въ печати Чеховскимъ „Мужикамъ“, покойный Н. К. Михайловскій предсказывалъ, что горячіе разговоры, вызванные этимъ „неудачнымъ“ произведеніемъ, должны скоро прекратиться: разсказъ Чехова произвелъ на критика такое впечатлѣніе, „какъ будто талантливый наблюдательный человѣкъ,

попавъ въ деревню, поразился ея нищетою и грязью, наскоро занесъ свои впечатлѣнія въ записную книжку“ и далъ имъ „исчерпывающее заглавіе“. Чехову — наблюдателю, который „довольствуется самыми поверхностными наблюденіями“, Михайловскій противопоставлялъ Гл. Успенскаго, который „трепетно и вдумчиво“ вглядывался въ деревенскую жизнь.

Вполнѣ понятно, почему покойный критикъ не могъ сочувствовать произведенію, поставившему опредѣленно и остро вопросъ объ „идіотизмѣ“ деревенской жизни и вызвавшему вновь переоцѣнку тѣхъ идеалистическихъ взглядовъ на деревню, которые царили въ извѣстной части русской интеллигенціи. Вокругъ рѣшительно отвергнутыхъ „Русскимъ Богатствомъ“ „Мужиковъ“ завязались, какъ извѣстно, большіе споры, какъ „ни объ одномъ беллетристическомъ произведеніи“ за тѣ годы. Марксистское „Новое Слово“ и группировавшіеся вокругъ него общественные слои признавали, въ противоположность народникамъ, за „Мужиками“ „глубокій общественный смыслъ“ и потому считали ихъ „замѣчательнымъ и интереснымъ явленіемъ“.

Эта полемика вспомнилась мнѣ въ связи съ недавно появившейся въ „Русск. Бог.“ критической замѣткой о послѣднихъ деревенскихъ разсказахъ Ив. Бунина. За промежутокъ въ 18 лѣтъ многое измѣнилось въ русской жизни. Въ связи съ этими перемѣнами дальше пошла — въ глубь, и въ ширь — и въ общественномъ сознаніи и въ литературѣ та переоцѣнка основъ деревенской жизни, которая, начавшись, въ сущности уже съ самыхъ умныхъ и талантливыхъ народниковъ, какъ Гл. Успенскій, остановилась во времена Михайловскаго на Чеховскихъ „Мужикахъ“. И что же? Черезъ 18 лѣтъ на страницахъ того же „Русск. Бог.“ новому пытливому взгляду на деревню талантливаго писателя противополагаются взгляды Чехова и даже эти самые „Мужики“, „столь далекіе отъ идеализаціи“, — какъ прежде Чехову и „Мужикамъ“ противополагался Гл. Успенскій. Чеховъ записанъ нынѣ въ святцы, а Бунинъ поставленъ подъ тѣмъ самымъ сомнѣніемъ, подъ которое ставилъ нѣкогда Чехова Михайловскій: ему вмѣняется въ вину его „холодная, художественно-регистраціонная работа, не проникающая глубже голыхъ фактовъ“. У Бунина „какая-то большая, общая неправда“, у Чехова же, „столько разъ эту тему и эти ужасы изображавшаго, — была правда въ фонѣ“. И въ подтвержденіе этого, авторъ замѣтки приводитъ помимо малозначущей, но пріятной ему цитаты изъ „Мужиковъ“, еще другую цитату — изъ „Моей жизни“. „Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своею сохой, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напр., въ Машѣ и докторѣ, а именно, онъ вѣритъ, что главное на землѣ — правда и что спа-

сеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость...“

Если бы читатель, мало знакомый съ Чеховымъ, подумалъ, что этой цитатой о мужикѣ, который больше всего на свѣтѣ любитъ правду-матку, — цѣликомъ исчерпывается отношеніе Чехова къ деревнѣ, читатель глубоко бы ошибся. На самомъ дѣлѣ все обстоитъ нѣсколько иначе, и Чехова въ дѣйствительности можно считать родоначальникомъ того критическаго отношенія въ новѣйшей литературѣ къ вопросамъ деревни, отдѣльныя черты котораго, можно найти еще у Гл. Успенскаго, но которое и сейчасъ еще вызываетъ ожесточенные споры въ интеллигентскихъ кружкахъ.

На фонѣ современной цивилизаціи, въ кругу идей передового человѣчества, какъ сумрачный призракъ древнихъ временъ встаетъ современная деревня, оторванная отъ общей жизни народовъ гранью тысячелѣтій. Въ этой деревнѣ таится та опасность для городской культуры, та преграда обновленію всей нашей жизни, которую мы такъ опредѣленно почувствовали въ недавніе годы всеобщаго подъема. Вотъ почему вопросы деревни столь волнуютъ современность. Для познанія деревни многое сдѣлалъ Чеховъ: онъ вкладывалъ — еще трепетно, съ оглядкой — персты въ ея раны и вопрошалъ сумрачно: откуда сіе? „Чеховская деревня“ нашла свое дальнѣйшее художественно-законченное и глубокое выраженіе въ литературѣ нашихъ дней. Вотъ почему въ высшей степени любопытнымъ кажется намъ выясненіе прежде всего облика этой „открытой“ Чеховымъ деревни, ея психологической сущности.

III.

Выше приведенную тираду изъ „Моей жизни“, у Чехова произноситъ герой повѣсти, молодой человѣкъ, „провинціалъ“, который, въ увлеченіи идеями толстовства, ушелъ отъ „праздной“ умственной жизни въ жизнь простого маляра-рабочаго.

Какъ извѣстно, у самого Чехова былъ періодъ увлеченія толстовствомъ. „Толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною...“ писалъ онъ въ 94 г. Суворину. Періодъ этотъ былъ, однако, сравнительно кратковременнымъ („лѣтъ 6—7“).

Герой „Моей жизни“ явился, очевидно, плодомъ этого кратковременнаго увлеченія Чехова толстовствомъ и всѣмъ, что связано съ нимъ, въ томъ числѣ и толстовскимъ народничествомъ, идеализаціей трудовой жизни и носителя ея — народа („Моя жизнь“ написана въ періодъ 1892—96 г.). Но въ этой же „Моей жизни“ Чеховъ, какъ извѣстно, частью и осудилъ свое увлеченіе. „Невѣжество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая дѣтская смертность — все осталось, какъ и было, и оттого, что ты пахалъ и сѣялъ, а я тратила деньги и читала

книжки, никому не стало лучше“, — говоритъ Маша. Трезвый скептическій умъ, художественное исканіе правды подсказали Чехову въ той же „Моей жизни“ иное отношеніе къ мужику, чѣмъ то, какое проявилось въ выше-приведенной цитатѣ.

„А сколько огорченій причиняли намъ крестьяне! Сколько тяжелыхъ разочарованій на первыхъ же порахъ!..“ — жалуется герой повѣсти и разсказываетъ характерную исторію одного культурнаго начинанія въ деревнѣ — постройки школы на деньги интеллигентовъ. Крестьяне не хотѣли доставлять изъ города на своихъ лошадяхъ строительный матеріалъ, конца не было „недоразумѣніямъ, брани и попрошайничеству“. — „Этакъ съ ума сойдешь! — волновалась Маша. — Что за народъ, что за народъ!“ Но „обиднѣе всего“ было то, что на постройкѣ школы для крестьянъ, крестьяне же сами по ночамъ крали тесъ, кирпичъ, желѣзо; поселившимся въ деревнѣ интеллигентамъ дѣлались всевозможныя пакости, въ ихъ лѣсу и саду мужики пасли свой скотъ, угоняли къ себѣ въ деревню господскихъ коровъ и потомъ приходили требовать за потраву, обманывали самымъ „предательскимъ“ образомъ: новыя колеса на телѣгахъ замѣняли старыми, крали хомуты и продавали ихъ господамъ же и т. д. и т. д.

— „Какія животныя. Это ужасъ! ужасъ!..“ — возмущается героиня.

Несмотря на все это разсказчикъ — „идеалистъ“ и толстовецъ — не сдается, и ищетъ оправданія крестьянамъ. „Въ самомъ дѣлѣ, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы“, но при всемъ томъ разсказчикъ ощущаетъ, что „жизнь мужицкая, въ общемъ, держится на какомъ-то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ“, и тутъ оказывается, что этотъ стержень — уже извѣстная намъ вѣра въ „правду“ и „справедливость“, которую мужикъ любитъ „больше всего на свѣтѣ“... Неизвѣстно только, откуда герой разсказа вывелъ эти заключенія. Фактами, образами онъ ихъ даже не пытается обосновать. Вѣдь все предыдущее говорило, какъ будто, какъ разъ обратное!.. А когда, желая реабилитировать мужиковъ, разсказчикъ указываетъ на интеллигентовъ, тоже много пьющихъ и наживающихъ капиталы наглымъ обманомъ, то вѣдь это говоритъ только за то, что оба — и тѣ, и другіе — пьютъ и обманываютъ, но вовсе не за то, что „справедливость“ лежитъ въ основѣ мужицкой жизни.

Въ общемъ же какія бы хорошія слова ни произносилъ герой-толстовецъ, но отъ всего описанія жизни въ деревнѣ, вѣетъ однимъ настроеніемъ, выраженнымъ опредѣленно въ словахъ героини: — „Страшно жить въ деревнѣ!“

„Жутко и страшно жить въ этой массѣ“, — вырвалось однажды и у Гл. Успенскаго. „Страшно“, — это то слово, которое мы встрѣтимъ у Чехова всюду, гдѣ заходитъ рѣчь о деревнѣ.

IV.

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ первыхъ, довольно беззаботныхъ разсказахъ изъ жизни мужиковъ Чехова-Чехонте, частью комическихъ, частью траги-комическихъ („Злоумышленникъ", „Скорая помощь", „Горе" и др.), которые построены на анекдотѣ, весело и умно разсказаны, но которые не даютъ ничего оригинальнаго въ смыслѣ содержанія. Мужикъ, отвинчивающій гайку отъ рельсовъ, чтобы сдѣлать грузило для удочки, и никакъ не понимающій, въ чемъ же его вина, вызываетъ въ читателѣ скорѣе смѣхъ, чѣмъ серьезныя размышленія на тему о народной косности.

Немногіе позднѣйшіе, серьезные разсказы Чехова изъ крестьянской жизни, задуманные и отчасти написанные въ Мелиховѣ, въ тотъ періодъ жизни, когда Чеховъ жилъ близко къ народу, лѣчилъ мужиковъ, открывалъ столовыя, школы, — эти разсказы даютъ новое освѣщеніе старымъ темамъ. И какъ далеки эти тяжелыя, жуткія страницы отъ прежнихъ, беззаботныхъ и легкихъ!..

То, что явленія деревенской жизни, мимоходомъ описанныя въ „Моей жизни", занимали Чехова, подтверждаетъ и другой его разсказъ — „Новая дача". Здѣсь Чеховъ рисуетъ безотрадныя деревенскія отношенія не подъ субъективнымъ угломъ зрѣнія интеллигентовъ, какъ это было въ „Моей жизни", а объективно, подъ угломъ художественной правды, — и получаетъ не менѣе печальные результаты. И въ „Новой дачѣ" людямъ, которые мечтаютъ быть полезными деревнѣ, мужики создаютъ рядъ невыносимыхъ недоразумѣній, вытаптываютъ прекрасно насаженные сады, луга, безжалостно уничтожаютъ молодой лѣсъ, ломаютъ плетень огорода, лишь бы сломать, крадутъ новыя колеса, уздечки и т. д.

И все же, несмотря на жестокую дѣйствительность, Чеховъ не рѣшается, хотя бы теоретически, порвать со старой версіей о „смирномъ, хорошемъ, разумномъ", богобоязненномъ бытѣ, . . .

. . . .

. . . .

Конечно, Чехова, какъ и Тургенева, въ нелюбви къ народу и въ тенденціозномъ сгущеніи красокъ никому не вздумается обвинять. Онъ просто не можетъ не видѣть того, что ему, безпристрастному наблюдателю, бросается въ глаза, но онъ не хочетъ принять печальную правду, стремится ее оправдать, смягчить, замѣняетъ слова художника доводами адвоката. Правда деревни — одно, а другое говоритъ ему традиція, воспитаніе, все долгое воспитаніе на русской книгѣ, въ русскомъ „идейномъ" обществѣ, полномъ восторженнаго преклоненія передъ деревенскимъ бытомъ, какъ сосудомъ всѣхъ добродѣтелей. Въ немъ —

лучшемъ восмидесятникѣ, — живутъ еще идеалы прошлыхъ поколѣній. И онъ старается примирить непримиримое — реальную дѣйствительность, воспринятую острыми глазами художника, съ идеалистическими представленіями. Въ этомъ причина бросающейся въ глаза двойственности отношеній Чехова къ деревнѣ, невыясненности этихъ отношеній для него самого. Онъ — переходная ступень въ литературѣ отъ полосы народничества и начинающагося скептицизма къ полосѣ критицизма, идущей подъ знакомъ культуры.

Можно понять враждебное недовѣріе, съ которымъ деревня встрѣчаетъ богатаго инженера (въ „Новой дачѣ“), которому стоитъ только захотѣть, чтобы купить землю и обзавестись роскошными лошадьми, лодками, фейерверкомъ. Можно объяснить ея озлобленность къ ненавистному „барству“; наконецъ, — бѣдному и голодному мужику не до тѣхъ идейныхъ задачъ, которыя „баринъ“ проводитъ въ деревнѣ. Но интеллигентъ — типа Гл. Успенскаго — встрѣчалъ въ деревнѣ такое же грозное и тупое „не суйся“, а вѣдь онъ шелъ съ открытой душой...

Интеллигентъ въ деревнѣ — чужой человѣкъ; чужой потому, что его идеалы чужды ей. И не въ „крѣпкомъ здоровомъ стержнѣ“ правды и справедливости тутъ дѣло, а просто въ давно уже отмѣченномъ соціологами научной школы консерватизмѣ деревни, конечно, не только русской. Народъ — носитель какой-то отвлеченной справедливости, которую онъ не прилагаетъ на дѣлѣ, — миѳъ прекрасный и даже, можетъ быть, трогательный, но это все же миѳъ, плодъ фантазіи народолюбивой интеллигенціи, кающихся дворянъ и кроткихъ мѣщанъ. Анархическое отношеніе къ чужой собственности, какъ его рисуетъ Чеховъ, сливается въ деревнѣ съ идеалами мелкаго хозяйственнаго накопленія и близко напоминаетъ „коммунистическіе“ идеалы „справедливости“ дагомейца. Иныхъ идеаловъ и не можетъ здѣсь быть, благодаря опредѣленнымъ экономическимъ отношеніямъ. Безпричинная на первый взглядъ злоба „смирнаго“ мужика къ гуманному инженеру въ „Новой дачѣ“ — это слѣпое проявленіе не только невѣжества и консерватизма, но и зависти человѣка, мечтающаго о собственности, къ другому, владѣющему ею.

Но, быть можетъ, деревня рисуется въ такомъ мрачномъ свѣтѣ только въ своихъ отношеніяхъ къ интеллигенціи?

V.

Обобщеніе взглядовъ Чехова на деревню находимъ въ его „Мужикахъ“, разсказѣ, которому придано „исчерпывающее“ названіе.

И здѣсь со стороны автора замѣтно проявленіе — хотя и болѣе

слабое — той же, извѣстной намъ уже, нерѣшительности и двойственности, словно авторъ боится упрековъ въ отсутствіи любви къ народу, но здѣсь уже нѣтъ прежнихъ разговоровъ о „крѣпкомъ стержнѣ“.

Элементъ сожалѣнія, жалости, который выдвигаетъ здѣсь Чеховъ, уже самъ по себѣ есть опредѣленный показатель отрицательной цѣнности крестьянскаго быта. Хорошъ бытъ, когда приходится жалѣть пребывающихъ въ немъ... Мрачное впечатлѣніе, оставляемое у читатателя изображеніемъ этого быта, авторъ пытался смягчить: „но все же они люди и страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія“, и авторъ перечисляетъ: тяжкій трудъ, жестокія зимы, скудные урожаи и т. д. и т. д.

„И теперь ей (Ольгѣ) было жаль всѣхъ этихъ людей, больно“... Конечно, жаль и больно, безмѣрно больно! Но главное впечатлѣніе, которое создаютъ „мужики“, центръ его лежитъ внѣ жалости къ забитому человѣку.

Вотъ резюме разсказа: „Казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, не трезвы, живутъ не согласно... Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджегъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ. Да, жить съ ними было страшно“...

Эта цѣлая программа ряда будущихъ, ненаписанныхъ Чеховымъ, деревенскихъ разсказовъ, — схема, которая ясно опредѣляетъ взгляды Чехова на деревню. Эти взгляды, по своему существу, какъ бы они ни скрашивались чувствомъ жалости, являются разрушеніемъ идеалистическихъ взглядовъ предыдущаго поколѣнія, отрицаніемъ прежняго идолопоклонства, крестомъ надъ старой легендой... И Чеховъ отчасти успѣлъ претворить эти взгляды въ художественные образы, одѣть схему плотью и кровью творчества. Передъ нами встаетъ въ общихъ чертахъ художественный очеркъ мужицкаго царства.

Грязь. Темныя, тѣсныя избы. „Сколько мухъ!“ Пьяный Кирьякъ, избивающій жену до крови. Ужасная безысходная нужда... Брань непрерывная, сквернословіе... Беззубая горбатая бабка, избивающая дѣтей... Жестокость къ умирающимъ, которымъ прямо въ глаза говорятъ о смерти. Пожаръ — и тупая безпомощность мужиковъ, пассивность... Пьютъ на Илью, на Успенье, пьютъ по три дня... И ничего больше. Вотъ это царство пещерныхъ людей, пещернаго быта, дикое, темное, „страшное“... Когда говорятъ, что у Чехова въ изображеніи деревни была „правда въ фонѣ“, то о такомъ ли „фонѣ“, такой ли „правдѣ“ говорятъ?

„Дикари-печенѣги", говоритъ о людяхъ деревни героиня „Моей жизни". Пещерный бытъ обусловливаетъ звѣриные нравы. Вотъ нелѣпое, поражающее своей нелѣпостью, дикое убійство братомъ брата при помощи сестры въ другомъ разсказѣ Чехова „Убійство". — „Пусть издыхаетъ! — съ отвращеніемъ проговорила Аглая. — Бѣлый, забрызганный кровью платочекъ сползъ у нея съ плечъ, и сѣдые волосы распустились. — Туда ему и дорога... Все было страшно..." — и опять это слово „страшно"...

Вотъ дѣвушка, выростающая въ этой средѣ. „Она показалась ему такою дикою, темной... У нея нѣтъ никакой вѣры. И вся эта жизнь въ лѣсу, въ снѣгу, съ пьяными мужиками, съ бранью представилась ей такою же дикой и темной"... И отъ всей деревни остается одно только впечатлѣніе безпросвѣтной „темноты, дикости, безсердечія и тупого, суроваго, скотскаго равнодушія людей"...

Въ одномъ изъ своихъ писемъ (т. V, 61 стр.) Чеховъ писалъ о деревнѣ: „нечистоты нравственной и физической отчаянно много. Прихожу все болѣе къ заключенію, что человѣку порядочному и не пьяному можно жить въ деревнѣ только скрѣпя сердце"...

Такова чеховская деревня, подлинный обликъ ея, какъ онъ рисовался передъ вдумчивымъ, чуткимъ и крайне-осторожнымъ писателемъ-реалистомъ. Вспомните другой превосходный разсказъ Чехова „Въ оврагѣ", гдѣ демонстрируется не капитализація деревни — по крайней вѣрѣ не то, что мы привыкли связывать съ понятіемъ капитализаціи, — а распущенное развратное кулачество, хищническое, разбойное, дикое и безчеловѣчное, которое можетъ выросги только на своеобразныхъ устояхъ деревенскаго быта.

„Деревня, какая была при Рюрикѣ, такая и осталась до сихъ поръ", говоритъ Чеховъ устами одного изъ своихъ героевъ — и это уже не миеъ о какомъ-то „крѣпкомъ стержнѣ" справедливости, а опредѣленныя ясныя слова безбоязненной художественной правды.

VI.

Критическая работа Чехова была первымъ крупнымъ шагомъ нашей художественной литературы къ новому познанію деревни — познанію ея при свѣтѣ европейской мысли. Этотъ шагъ долженъ былъ повлечь за собой другіе. Послѣ литературы кающагося дворянства и народничества должна была придти литература города, городского міровоззрѣнія, и передъ этой литературой мужикъ и деревня предстали въ новомъ освѣщеніи.

Чеховъ писалъ деревню на порогѣ великихъ событій въ странѣ. Годы послѣ этихъ событій вновь привлекли вниманіе общества и литературы къ мужику.

Изъ того, что писалось о деревнѣ послѣ 905 г. — а писалось много — наиболѣе цѣннымъ въ художественномъ и общественномъ смыслѣ являются произведенія Ив. Бунина. Мы уже знаемъ, что „Русское Богатство“ Чехову противопоставляло именно его, какъ талантливѣйшаго современнаго бытописателя деревни. Но такъ ли велики ихъ различія?

Въ сущности, многое, что у Чехова было лишь схемой, стало у Бунина одѣваться въ художественную плоть. Бунинъ вошелъ внутрь, въ глубь деревенской жизни, и эта жизнь встаетъ въ его произведеніяхъ неподдѣльная, чуждая идеализаціи, суровая въ своей строгой правдѣ — и въ какихъ совершенныхъ художественныхъ формахъ! „Чеховская деревня нашла свое полное художественное завершеніе и обоснованіе въ деревнѣ „Бунина“, и при свѣтѣ послѣдней „чеховская“ деревня пріобрѣтаетъ особый смыслъ, особую свою „идею“, ту „общую идею“, какую искалъ Чеховъ. Подъ перомъ двухъ мастеровъ совершилась переоцѣнка всего, что до сихъ поръ опредѣляло наше отношеніе къ деревнѣ, — отношеніе, въ которомъ больше всего удѣлялось мѣста барской жалостливости и совѣстливости.

Я коснусь здѣсь только послѣднихъ произведеній Бунина, наиболѣе характерныхъ для выясненія основныхъ вѣхъ его стройнаго „деревенскаго“ міросозерцанія. Какъ и Чехова въ свое свое время, Бунина упрекали въ тенденціозности, въ сгущеніи мрачныхъ красокъ, нелюбви къ мужику. Для тѣхъ, кто вдумчиво читалъ его книги, этотъ упрекъ не дѣйствителенъ. У Бунина — какъ и у Чехова — мы встрѣчаемъ рядъ трогательныхъ фигуръ деревни, согрѣтыхъ теплой любовью писателя. Развѣ не красива широкая сильная фигура Захара Воробьева, кровно связаннаго съ природой Ипата (изъ „Хорошихъ кровей“), женственная, нѣжная „молодая“ изъ „Деревни“? Писатель умѣетъ найти самыя теплыя краски для „хорошаго смирнаго“ мужика, всю жизнь свою проработавшаго („Худая трава“), для тѣхъ честныхъ простыхъ людей, „чьо рожденіе, трудъ, любовь, семья, старость и смерть — служеніе“.

Онъ любовно описываетъ проявленія „истинной художественности“, страсть „прелестнаго народа“ къ пѣснѣ, странниковъ, чья жизнь была „мечтой и пѣсней“ („Псальма“), добраго кроткаго нищаго, похожаго на Святителя („Весенній вечеръ“), жуткую и манящую своими очарованіями любовь степной дѣвки Парашки („При дорогѣ“...).

Все это — и много еще хорошаго сказано у него о народѣ.

Бунинъ своимъ „исчерпывающимъ“ заглавіемъ „Деревни“ далъ перевѣсъ не личности, какъ это у Чехова, а почвѣ, устоямъ, но это не значитъ, чтобы эти устои не находили въ его картинѣ своего конкретнаго художественнаго выраженія, главнымъ образомъ, въ лицахъ и фигурахъ. И Бунинъ приходитъ къ личности,

къ самому мужику, носителю вѣковыхъ устоевъ. Каковы же, по Бунину, черты этой личности, органическія черты крестьянской „души“, взятыя въ самыхъ источникахъ своихъ?

Основной кругъ, въ которомъ бьется эта „душа“ — „атавизмъ“. Этимъ словомъ Бунинъ опредѣляетъ всѣ душевныя движенія человѣка своей деревни. Процессъ культуры — это процессъ суженія сферы подсознательнаго, темнаго, инстинктивнаго, „звѣринаго“, процессъ вытѣсненія эмоцій и движеній изъ сферы подсознательнаго стихійнаго въ сознательную,—въ контрольную область разсудка и воли; иными словами, этотъ процессъ сводится къ выработкѣ и накопленію моральныхъ и культурныхъ традицій.

Деревня еще въ значительной степени пребываетъ въ томъ первобытномъ состояніи, когда всѣ движенія душевныя — хорошія, честныя и злыя, дурныя — стихійно безотчетны, внѣ контроля задерживающихъ центровъ. „Звѣриное“ — вотъ что сближаетъ темную душу человѣка — „дикаря“ — это опредѣленіе встрѣчается и у Чехова, и у Бунина — съ звѣремъ. Онъ весь — со всѣмъ своимъ добромъ и зломъ — во власти темной „изначальной“ силы; онъ весь — по ту сторону добра и зла, внѣ нормъ морали, не антимораленъ, но аморalенъ. Вотъ бунинскій Липатъ, коновалъ, человѣкъ, въ которомъ ярко переливается стихійная животная сила, — то, что дѣлаетъ его близкимъ къ природѣ до жуткости, до „колдовства“, до полнаго сліянія съ ней и проникновенія въ ея тайники. Какъ онъ чувствуетъ приближеніе весны, прибыль животворящихъ силъ, броженіе ихъ во всемъ живомъ! „Голосъ его пріобрѣтаетъ тогда особую крѣпость, движенія — силу и точность... Онъ властно вторгается въ самые сокровенные уставы природы“... Онъ самъ „наслаждается“ своей „кровной близостью“ къ природѣ.

Помѣщикъ приказываетъ работникамъ удавить собакъ, обѣщая за работу по четвертаку за каждую („Послѣдній день“). Петръ „обрадовалъ“ Сашку рѣшеніемъ барина, и вотъ съ какой истинно-звѣриной хитростью и радостью они исполняютъ свое дѣло.

Собака знала и любила этихъ людей. Петръ посвисталъ ей. Она подошла, виляя хвостомъ, лизнула ему руки. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Петръ накинулъ ей на шею веревку и потащилъ, а за нимъ побѣжалъ „веселый“ Сашка, палкой избивая влекомую собаку. Собака отчаянно рвалась, отрывая себѣ голову, наконецъ, изнемогла, перестала сопротивляться. Человѣкъ оставался совершенно равнодушнымъ къ страданіямъ животнаго. Онъ перекинулъ веревку черезъ дерево и повѣсилъ собаку: „черно-лиловый языкъ ея высунулся, — обнажились въ гримасѣ коралловыя десны, дневной свѣтъ, отраженный въ потухающихъ глазахъ винограднаго цвѣта, сталъ тускнѣть“... — „Теперь молчи, не вякай,“ — сказалъ Петръ шутливо. А Сашка, „напѣвая“, тутъ же рылъ яму. Работники, „смѣясь“, тутъ же

заводятъ разговоръ о смертной казни. Главное, что ихъ интересуетъ, это вопросъ: „А палачъ-то этотъ самый, онъ что жъ, жалованье получаетъ? — А какъ же. И харчи, и одежду даютъ отличную“... Когда повѣсили всѣхъ шестерыхъ собакъ, работники „возбужденные, уморившіеся, шли по аллеѣ и считали, сколько имъ приходится за работу“...

Да вѣдь это будущіе палачи, эти веселые парни, это наша глубокая, внутренняя „почвенная Азія“... „Не золъ, не безпощаденъ“ уже знакомый намъ Липатъ, но онъ, подкарауливъ пьяницу-старика, убиваетъ его, какъ собаку, и забываетъ тотчасъ же. У Никифора (въ „Сказкѣ“) „рука такъ и тянется схватить со стола скалку и со всей силы ударить по баринову черепу“, хотя баринъ и добрый.

Въ исторіи съ Петромъ и Сашкой мы имѣемъ элементъ внѣшней „цѣлесообразности“, — внѣшней заинтересованности, цѣли: „харчи и одежда отличныя“, полтора-цѣлковыхъ. Конечно, эта заинтересованность слишкомъ ничтожна для того, чтобы только ею объяснить преступный актъ. Потенціальная готовность къ преступленію обнаруживается ярче тогда, когда нѣтъ никакой матеріальной заинтересованности.

Ермилъ („Преступленіе“), провоцирующій и совершающій убійство деревенскаго шутника, человѣкъ работящій, тихій, мирный, какихъ много на Руси. Почему же онъ не испытываетъ мукъ совѣсти за пролитіе невинной крови? Убилъ — и все. Могъ и не убить. Вспомните аналогичное Чеховское „Убійство“. Важно не то, что убилъ или не убилъ. Важно то, что во всѣхъ этихъ Ермилахъ кроется возможность роковыхъ свершеній, они — потенціальные нарушители моральныхъ и правовыхъ нормъ культурнаго общества, безкорыстные при томъ, и всѣ они, какъ дѣти, „чистые сердцемъ, какъ голуби“ (Гл. Успенскій) — не отвѣчаютъ за свои преступленія. „Никогда не откажется человѣкъ искалѣчить, пришибить человѣка, если только съ рукъ сойдетъ, — говоритъ одинъ изъ героевъ Бунина — Глянь, какъ молотитъ мужикъ вора, стащившаго клокъ соломы. Клокъ не дорогъ, да вѣдь какъ такой случай упустить! За вора-то ничего не будетъ“... Наказаніе — единственное, и мало-надежное, сдерживающее начало, — это психика ребенка или животнаго.

Бунинъ упорно возвращается къ этому мотиву, начиная со своего извѣстнаго „Ночного разговора“. Послѣдній, посвященный этой темѣ, его недавній разсказъ — „Весенній вечеръ“. Пьяный мужикъ пристаетъ къ забредшему въ шинокъ нищему. Мужикъ ощущаетъ острое удовольствіе отъ сознанія своей власти надъ другимъ человѣкомъ, и все болѣе входитъ въ ражъ этой игры. „Встань, тебѣ говорятъ! Я тебѣ вопросъ сдѣлаю... Руки по швамъ! Пачпортъ есть? Передъ святымъ крестомъ — Евангеліемъ преклонялся?.. — кричитъ онъ, воспитанный урядникомъ. Безсмы-

сленная, хаотическая жажда уничтоженія во что бы то ни стало подымается въ хаотической его душѣ. Слѣпо влечется первобытная душа къ крови, и убить человѣка становится такимъ же легкимъ дѣломъ, какъ погасить свѣчу. Нужны только внѣшніе, достаточные на житейскій взглядъ поводы, и мужикъ смутно ищетъ ихъ. Въ его рѣчи все чаще мелькаетъ слово „убью". У Бунина мастерски разработана эта психологія пробуждающагося убійцы — поневолѣ, себѣ не подвластнаго, начавшаго съ „игры", позерства, а теперь уже покорнаго проснувшейся силѣ стихіи своей атавистической души. И рядомъ горитъ, то угасая, то вспыхивая, жалость къ нищему, и пьяница то кричитъ свирѣпо „убью", то угощаетъ нищаго и заливается слезами надъ его тяжелой долей. Кончается разсказъ кошмарно-нелѣпой сценой. Одинъ — нищій, — вмѣсто того, чтобы бѣжать, остается ждать своей неизбѣжной участи; другой — пьяный мужикъ — съ „безумной покорностью" говоритъ: „Я тебя убью", уходитъ на улицу искать камень, возвращается, „быкомъ" склонилъ свою голову, поймалъ нищаго за шею и „сталъ яростно перебивать ему горло"... Въ этомъ нашла выходъ „безумная" душа. Онъ потомъ сразу „протрезвѣлъ". И, конечно, онъ убилъ нищаго не изъ-за денегъ: ладанку нищаго съ деньгами онъ „далеко отшвырнулъ" въ поле...

Это только аморализмъ: герои Бунина не сознательные носители зла, но просто существа, не достаточно ясно вѣдающія, гдѣ зло, гдѣ добро — дѣти или дикари. „Я дюже преступный" — эту классическую фразу убійца Ермилъ произносилъ „съ удовольствіемъ"... Вотъ почему въ злѣ, — какъ и въ другихъ активныхъ проявленіяхъ психики этихъ людей — въ дѣлахъ и жестокихъ, и великодушныхъ, и, какъ увидимъ дальше, даже геройскихъ, поражаетъ часто наблюдателя одна черта — видимая нецѣлесообразность, даже нелѣпость порою. То отчаянное „молодечество", которое часто проявляется въ этой средѣ, не всегда есть храбрость въ томъ смыслѣ, какъ ее опредѣляли, напр., платоники: какъ знаніе того, чего нужно и чего не нужно бояться. Ермилъ — „какъ большинство, трусливъ". Видимая храбрость, толкающая Ермиловъ на акты, противорѣчащіе природѣ трусости, есть лишь выраженіе общей стихійности натуры, безотчетности ея, неумѣнья разобраться въ нужномъ, осознать разсудкомъ: она — выраженіе подсознательной жизни, которою они живутъ, а не выраженіе воли. Ермилы живутъ, какъ во снѣ, повинуясь какимъ-то смутнымъ голосамъ темныхъ своихъ душъ.

VIII.

Чеховъ въ своихъ „Мужикахъ" разсказываетъ: „Старикъ не вѣрилъ въ Бога... Бабка вѣрила, но какъ-то тускло... Обыкновенно передъ сномъ она становилась передъ образами и шеп-

тала: Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери!! Въ прочихъ семьяхъ было то же: мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ.

Начатки культуры, первые ея шаги неизбѣжно связаны у народовъ съ развитіемъ религіознаго міросозерцанія. Культура Европы начинала съ перехода отъ язычества къ религіозному монизму. Ушелъ ли далеко современный крестьянинъ отъ своего предка славянина, вѣровавшаго въ идоловъ злыхъ и мстительныхъ, требовавшихъ кроваваго ритуала, жертвоприношеній? Ушелъ ли онъ отъ обожествленія темныхъ таинственныхъ силъ природы, которыя для современнаго горожанина представляются въ видѣ силъ электричества, пара и пр.?

„Ермилъ молился, устремляя пристальный, но невидящій взоръ на дощечку въ углу, — разсказываетъ Бунинъ, — привычно шепталъ что-то и въ опредѣленные моменты съ размаху кланялся ей"... Онъ всю жизнь полагалъ, что вѣритъ въ Бога, но только полагалъ. Темная сила — другое дѣло: „въ нее онъ вѣрилъ"... Крестьянская религія это современное идолопоклонство, язычество. Объ этомъ говоритъ поэма Бунина въ нѣсколько страничекъ „Илья-Пророкъ", написанная необыкновенно выпукло, сильно и сжато, четко, по-толстовски, чисто-народнымъ и оригинальнымъ языкомъ. „Илья-Пророкъ" — это символъ всей религіи, міроотношенія не только „древней" земли, но и современной.

Мужикъ Семенъ, герой поэмы, творитъ Илью-Пророка по образу и подобію своему. Это — мужицкій богъ, который мыслитъ, чувствуетъ и говоритъ по-мужицки, таинственная сила природы, древній Перунъ, богъ молній и громовъ, и міросозерцаніе мужика, стоящаго на колѣняхъ передъ этимъ богомъ — міросозерцаніе славянина-язычника. Онъ, человѣкъ земли, ею живущій, ей подвластный, чувствуетъ себя всецѣло во власти темныхъ таинственныхъ силъ ея: значитъ, нужна покорность, смиреніе, эта пресловутая, воспѣтая славянофилами черта мужицкой этики. Религія Семена — это покорная дань могущественнымъ и враждебнымъ силамъ, а не потребность души, и поэтому она зиждется на обрядахъ, на наказаніи, на искупленіи грѣховъ, — на чисто внѣшнихъ проявленіяхъ. Ермилъ кланялся „дощечкѣ", Семенъ, когда на него сердится Илья-пророкъ, обѣщаетъ поставить „свѣчу трехрублевую", „въ Кіевъ сходить, либо въ Бѣлгородъ"... Въ этой свѣчкѣ и хожденіи — все служеніе Семена. Да и самъ Семенъ хитритъ, въ душѣ, конечно, не вѣритъ во все это, и согласенъ съ Ильей: ходить по богомолью — „только бездѣльничать, лапти трепать".

Какъ самъ Семенъ, такъ и Илья, — первобытно-жестоки. Ветхіе древніе боги, конечно, требуютъ жертвоприношеній. Семенъ предлагаетъ Ильѣ — свою дочь. Конечно, съ расчетомъ при этомъ, а расчетъ — хозяйственный. На первомъ планѣ здѣсь

не сердце родителя, а польза хозяйства. „Ну, дѣвчонку, Анфиску, убей. Дѣвочка, сказать по совѣсти, ласковая, умильная — жалко намъ будетъ ее, да вѣдь что-жъ и сдѣлать? Все не съ малымъ смѣнить“...

Весь разговоръ мужика съ Ильей происходитъ въ полуснѣ, сонъ Семена — не сказка, а наиболѣе правдивая и сокровенная реальность его жизни.

Религія Семена — религія молчанія, рабства, религія прикрѣпленнаго къ землѣ человѣка. Человѣкъ обреченъ природой на полную покорность; протесту, борьбѣ нѣтъ здѣсь мѣста. Семенъ и не думаетъ протестовать противъ требованій Ильи-пророка. А весь его грѣхъ въ чемъ? Въ томъ, что онъ вздумалъ жить своимъ разумомъ и волей.

— Я серчалъ на тебя, Семенъ Новиковъ, желалъ покарать тебя.

— За что, Батюшка? — спросилъ Семенъ.

— Непристойно тебѣ, Семенъ Новиковъ, меня, Илью, спрашивать. Ты должóнъ отвѣтъ держать.

— Ну, инъ будь по-твоему.

— Позалѣтошній годъ я убилъ молоньей Пантелея, старшаго твоего: ты зачѣмъ закопалъ его въ землю по поясъ, колдовствомъ воротилъ его жизнь?.. Лѣтошній годъ я посѣкъ, повалилъ твою рожь градомъ — вихрями: ты зачѣмъ прозналъ о томъ за годъ, запродалъ эту рожь на корню?..

— Прости, Батюшка, — сказалъ Семенъ, кланяясь“...

Семенъ покорно отдалъ свою Анфиску Ильѣ. „Жилъ Семенъ съ тѣхъ поръ счастливо“, — такъ кончается идиллическая поэма крестьянская. Въ безропотности, отказѣ отъ борьбы и молчаніи — счастье, и человѣкъ молчитъ. Надо молчать.

IX.

Тѣ единичныя попытки протеста, которыя, однако, подымаются въ здоровой части крестьянства, при общей низкой культурности народа обречены на такой же хаотическій, нелѣпый, „атавистическій“ выходъ, какъ и всякія иныя попытки самодѣятельности. На Руси протестанты изъ народа издревле были или сектантами, или юродивыми. Есть сила, стойкость въ этихъ протестахъ, но и эта — „звѣриная“, не осознанная идеей, не культурная, не соціальная сила, она или входитъ въ жизнь разрушительно или же совсѣмъ уходитъ отъ жизни и людей.

Начитавшійся священныхъ книгъ, но мало понявшій ихъ Іоаннъ Рыдалецъ начинаетъ бродить по деревнямъ, „какъ ограбленный“ и вопитъ, „какъ страусъ“. Его бьютъ всѣмъ міромъ до безчувствія, держатъ на желѣзной цѣпи, онъ грызетъ руки, цѣпь, людей и вопитъ одно: „Дай мнѣ удовольствіе!“ Кошмар-

ный, полунагой, дикій, съ лаемъ бросается Рыдалецъ на господъ и начальниковъ все съ тѣмъ же безсмысленнымъ воплемъ: „Дай мнѣ удовольствіе". Такъ онъ и умираетъ въ грязномъ полѣ. Сила безспорная, но каковы ея формы, ея заданія? Въ этомъ весь вопросъ.

Протестъ противъ условій жизни, страстотерпчество и „святость", жажда подвига вылились въ эту жажду самоистязанія, какой-то безцѣльной „игры" въ подвигъ. Древнимъ, дикимъ вѣетъ отъ этого Рыдальца, но онъ — символъ той жизни, простой, грубой и дикой, которую ведетъ и современная деревня — безцѣльно и нелѣпо страстотерпческая.

Крики Рыдальца, въ смыслѣ соціальной пользы, немногимъ больше стоятъ, чѣмъ бахвальное молчаніе героя другого разсказа — Шаши. И то, и другое — уродливо, дико, безобразно, хотя и по-разному, первое внушаетъ намъ какое-то смутное сочувствіе, а второе — только раздраженіе. Въ Шашѣ (изъ разсказа „Я все могу") — типѣ новомъ и оригинальномъ въ русской литературѣ, Бунинъ воплотилъ одну изъ распространеннѣйшихъ и своеобразныхъ чертъ россійскаго „безмолвія", такъ часто принимаемаго за глухое накопляющееся и грозящее излиться въ катастрофѣ возмущеніе. „Шапками закидаемъ", которое виснетъ на нашемъ языкѣ, нетерпимость, заносчивость, бахвальство, любованіе собою и самоуничиженіе паче гордости, позерство и игра — и за всѣмъ этимъ безнадежная пустота, отсутствіе всякаго содержанія — вотъ смыслъ того, „я все молчу", которое любилъ повторять Шаша. Наше славянофильство, гордо посматривавшее на „гніющій" Западъ; квасной патріотизмъ средняго обывателя; казакъ на извѣстной народной картинкѣ, проглатывающій своей пастью кучу желтолицыхъ „макакъ" — это все тотъ же Шаша со своей пустой чванливостью и напускнымъ молодечествомъ вмѣсто скромности, дисциплинированнаго трудолюбія и простоты. Страсть играть какую-либо роль — вотъ мотивъ всѣхъ движеній этихъ людей. Это не то честолюбіе, которое извѣстно культурнымъ людямъ. Черта, ярко воплощенная Бунинымъ въ образѣ Шаши — безкорыстная: она не даетъ ни почестей, ни славы, ни богатствъ; наоборотъ, она заставляетъ носителей своихъ страдать, но страдать изъ любви къ искусству. „Претерпѣть" — это была страсть Шаши, страсть, не объясняемая ни матеріальными условіями его жизни, ни велѣніями совѣсти, долга.

Шаша взялъ на себя съ молодости роль человѣка, „чѣмъ-то кровно оскорбленнаго", не понятаго никѣмъ, принужденнаго жить среди „дураковъ", и упрямо игралъ эту роль всю жизнь, несмотря на побои и всѣ мытарства. Онъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать какое-нибудь дѣло, пусть маленькое, — упорно искалъ поводовъ къ самотерзанію, притворялся ревнивымъ, буйнымъ, пьянымъ, на-

слаждался своимъ каторжнымъ видомъ, изо всѣхъ силъ старался оправдать свою кличку „подколоднаго“, всѣхъ и все „нещадно критиковалъ и шельмовалъ“ и шипѣлъ зловѣще: „я все молчу“, намекая на то, что у него таится въ душѣ нѣчто большое и серьезное. Отецъ разгадалъ его, опредѣливъ все его поведеніе, какъ „ломанье“, а его самого, какъ „дурака, актера, лодыря прирожденнаго“...

Это наше самобытное, безцѣльное, нелѣпое актерство, непонятное для европейца. Не быть собою — вотъ идеалъ Шаши. Перъ Гюнтъ — тоже актеръ и лодырь, но онъ — поэтъ, а не скоморохъ, — дѣйствительно талантливый, умѣющій не только растрачивать, но и творить, пріобрѣтать, добывать. Перъ Гюнтъ — тоже крестьянинъ, но его разбрасываніе себя по мелочамъ значительно, захватывающе; это игра, которую можетъ позволить себѣ богатый человѣкъ, игра, за которой чувствуется умъ, культура... Шаша за душой ничего не имѣетъ, глупъ, пустъ и безталаненъ, дальше кулачной расправы и гордаго самоуниженія, дальше самой грубой лѣни не идутъ всѣ его самыя широкія дерзанія. Шаша — не одинъ. Онъ — „бродячая Русь“, всѣ эти странники, монахи, юродивые, разбойники по большимъ дорогамъ, нищіе, которымъ доставляетъ удовольствіе ихъ ремесло обнаженія язвъ своихъ, ихъ актерство и лодырничаніе.

Смѣлой кистью набрасываетъ Бунинъ широкую картину этой Руси, гдѣ нашелъ свою пристань „успокоенный“ Шаша:

„Въ жаждѣ самоистязанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, къ страсти ко всѣмъ личинамъ — и трагическимъ, и скоморошескимъ, — въ темныхъ преступныхъ хотѣніяхъ, слабоволіи, вѣчной тревогѣ, бѣдахъ, печаляхъ и нищетѣ, — Русь издревле безъ конца родитъ этихъ людей“... Вотъ они, нищіе, собравшіеся у деревенской церковной ограды въ праздникъ. Здѣсь старцы съ изсохшими головами... Есть слѣпцы, мордастые мужики, крѣпкіе и приземистые, холодно загубившіе десятки душъ: у этихъ головы твердыя, квадратныя лица, какъ будто топоромъ вырублены... Есть просто идіоты, толстоплечіе и толстоногіе. Есть злые карлы съ птичьими лицами. Есть горбуны клиноголовые... Есть карандаши, осѣвшіе на кривыя ноги, какъ таксы. Есть лбы, сдавленные съ боковъ... Есть костлявыя, совсѣмъ безносыя старухи... И все это, выставивъ свои лохмотья, раны и болячки, вопитъ на древній церковный болгарскій распѣвъ... вопитъ о Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ, человѣкѣ, который, въ жаждѣ нищеты и мученичества, ушелъ изъ-подъ отчаго дома, „не зная куда“... Тутъ и калѣки безногіе, ползающіе на задахъ и четверенкахъ, и лежащіе на вѣчномъ одрѣ, въ телѣжкахъ, — мальчишки съ ними, выкрикивающіе развеселымъ речитативомъ: „Гляньте, православные, гляньте скорѣе: и это считается, по старинному заведенію, болѣзнь проказа...“

X.

Бунина часто обвиняютъ въ барскомъ пессимизмѣ. Но вотъ что пишутъ другіе молодые писатели-крестьяне, привлекшіе въ послѣднее время вниманіе читателя своими деревенскими повѣстями — С. Подьячевъ и Ив. Вольный — оба сотрудники „Русск. Бог.“ и „Завѣтовъ“. Художественныя достоинства этихъ авторовъ въ нашихъ глазахъ не представляютъ значительной цѣнности. Ихъ книги — скорѣе дневники, „хроника“, чѣмъ строгое, сжатое и напряженное художественное повѣствованіе. Но тѣмъ любопытнѣе ихъ цѣнность фактическая.

Хроники эти написаны съ опредѣленнымъ сочувствіемъ къ народу, даже съ большой склонностью къ идеализаціи, и авторовъ нельзя заподозрить въ томъ, въ чемъ могли быть заподозрѣны Чеховъ и Бунинъ. Авторы упорно пытаются оправдать, смягчить зарисованные ими факты деревенской дѣйствительности, но факты говорятъ за себя сильнѣе всего. Фактической стороной своей обѣ хроники подтверждаютъ всецѣло художественные итоги Чехова и Бунина, и ихъ правда кажется порою даже еще кошмарнѣе, чѣмъ правда тѣхъ писателей.

Словомъ „жуть“, которое часто повторяетъ одинъ изъ героевъ повѣсти С. Подьячева „Среди рабочихъ“, опредѣляется и то общее впечатлѣніе отъ картинъ деревенской жизни, какое получаетъ читатель, прочитавъ эту книгу.

Здѣсь царитъ сплошное пьянство. Люди дерутся, избитые истекаютъ кровью, но это мало кого трогаетъ: „наплевать, пущай бьютъ!..“ „Страшно, свирѣпо, отвратительно!..“ — вырывается у автора. Мужикъ избиваетъ свою жену: „озвѣрѣвшій мужикъ пересталъ бить ее кулаками, а вцѣпившись ей въ волосы, принялся кусать и грызть ее сзади, за шею, похожій на злобнаго волка“...

Убійство въ этой средѣ обычная вещь. Убиваютъ и хорошіе, мягкіе люди.

„Скажи кто слово — убью...“ — вотъ постоянный припѣвъ, который легче легкаго срывается съ устъ этихъ людей. Съ какой звѣриной первобытностью солдатъ-мужикъ вспоминаетъ о совершенномъ имъ убійствѣ голодной турецкой бабы съ ребенкомъ. Онъ не знаетъ моральнаго осужденія убійству, кровь не пугаетъ его, какъ Раскольникова. Пролитіе ея — актъ не только необходимости, вынужденной защиты или темперамента, а стихійное велѣніе природы. Подробности, съ какими солдатъ разсказываетъ о своемъ „дѣлѣ“, ярче всего обнаруживаютъ истинный характеръ совершеннаго имъ: „Ахну штыкомъ... наскрозь!.. Завертѣлась... „Ля-ля-ля!..“ Вырвалъ я штыкъ, да этого самаго щенка ейнаго ка-а-акъ ахну... такъ къ стѣнѣ и пришилъ! Никакъ штыкъ не выдерну... Вы-

дернулъ, а онъ, щенокъ-то, на немъ вертится. Стряхнулъ его, взялъ, ей въ рыло... На, сука, лопай!..“ А вѣдь баба только то и сдѣлала, что ударила его, боясь нападенія... Такіе эпизоды и у Бунина не часто попадаются.

Неудивительно, что убійцъ въ этой средѣ вы встрѣтите и среди дѣтей. Подьячевъ разсказываетъ о 12-лѣтнемъ мальчишкѣ-подпаскѣ, который зарубилъ соннаго пастуха топоромъ, отрубилъ ногу, спряталъ трупъ („I. Старовѣровъ“). Мучительство животныхъ вещь тоже обычная. Мужикъ ласково заманиваетъ собаку, зажимаетъ ей голову среди колѣнъ, другой мужикъ тянетъ за хвостъ, а третій топоромъ рубитъ: отрубленный хвостъ остался въ рукахъ, а собаченка съ пронзительнымъ воплемъ, обливаясь кровью, побѣжала... „Ну и народъ... жуть...“ — вырывается у свидѣтеля этого происшествія.

Подьячевъ отмѣчаетъ черту, подмѣченную, какъ мы видѣли, и Бунинымъ: „ломаніе“, позерство. „Давай ломаться,.. и чѣмъ болѣе ломаешься, тѣмъ тебя болѣе разбираетъ... Пристаешь, пристаешь, къ женѣ, а она молчитъ... Нѣтъ, врешь, стерва! Сичасъ за волосья... Ну, а ужъ разъ ударилъ — и пошло! До тѣхъ поръ бьешь, покедова не отнимутъ...“

Занося эти факты въ свою книгу, авторъ видимо пытается корректировать ихъ. Онъ вводитъ нейтрализующее начало, очень субъективное, надо сказать, и мало убѣдительное. Пріемъ его несложный: по поводу разсказа мужика о томъ, какъ онъ билъ жену, авторъ прибавляетъ: „Мнѣ казалось, что онъ страдалъ и тихо про себя плакалъ“... Рядомъ съ мужиками, рубившими кошкѣ хвостъ, авторъ выводитъ мужика, который все приговариваетъ „жалко“, „блаженъ, иже и скоты милуетъ“, но дальше этой платонической жалости не идетъ. Въ разсказѣ солдата объ убійствѣ турчанки, слушатель вставляетъ: „ребенокъ-то не виноватъ... Грѣхъ“... И съ спокойной совѣстью всѣ принимаются послѣ этого за ѣду. Эта двойственность искусственно, механически разрѣшаетъ затрудненія автора: и правда остается нерушимой, и его культурное чувство удовлетворено. Схема этого изображенія — параллелизмъ: рядомъ съ зарисовкой кошмарнаго эпизода выведенъ у Подьячева мужикъ хорошій, какъ-будто въ этомъ весь вопросъ и какъ-будто кто-либо сомнѣвался въ томъ, имѣются ли въ деревнѣ хорошіе люди.

Тяжесть вопроса, какъ поставилъ его Бунинъ, лежитъ совершенно въ иной плоскости. Есть и хорошіе и злые мужики, какъ всюду среди людей, но и хорошіе и злые въ извѣстныя минуты проявляютъ тѣ глубоко-заложенныя въ нихъ органическія черты, которыя говорятъ о первобытныхъ нравахъ, объ атавизмѣ. И это уже вопросъ не этическій, а соціальный, — вопросъ классовой психики, тысячелѣтіями складывавшагося бытія.

XI.

Тема хроники Ив. Вольнова „Повѣсть о дняхъ моей жизни“ — исторія дѣтства и отрочества въ деревнѣ, повѣсть о томъ, какъ растетъ и воспитывается въ деревнѣ молодое поколѣніе, что оно видитъ вокругъ себя, начиная съ колыбели. А видятъ они — страшное: пещерныхъ обитателей и пещерные нравы. Отецъ бьетъ мать, обмотавъ волосы ея вокругъ руки, по головѣ, уху, щекѣ, переносью. Не менѣе жестоко бьютъ дѣтей. Вотъ двое взрослыхъ сѣкутъ попеременно свѣжей лозой шестилѣтняго мальчишку: они „били съ хрипомъ, чмоканьемъ, сопя и задыхаясь, — избороздивъ все тѣло — отъ лопатокъ до колѣнъ — кровавыми рубцами“... А какъ мучаютъ животныхъ! Несчастную клячу, которая работаетъ до издыханія, бьютъ кнутомъ, въ концѣ котораго гвоздь, норовя попасть ближе къ глазу; наконецъ въ спину ей всаживаютъ вилы...

Вся деревня въ болѣзняхъ; становой забиралъ за подати послѣднюю одежду, бородатые мужики стоятъ на колѣняхъ, цѣлуютъ руки начальства. Молодую дѣвушку родители пропиваютъ, выдаютъ ее — лишь бы сбыть съ рукъ и выпить на свадьбѣ — за горькаго пьяницу, сифилитика, и это не свадьба, а какія-то поминки молодой души — вспомните аналогичную сцену, которою заканчивается бунинская „Деревня“... Дѣти занимаются невинными играми: рубятъ кошкамъ хвосты, играютъ въ „свадьбу“ и такъ при этомъ царапаютъ ногтями дѣвчонку „невѣсту“, что она, „какъ зарѣзанная“, воетъ, бѣгая съ поднятой рубашонкой...

Откуда же эта жестокость, это безпричинное издѣвательство надъ дѣтскими душами, до которой доходитъ у Вольнаго деревня, наказывая дѣтей за кражу утокъ, всѣмъ міромъ, сходкой, заставляя стоять на колѣняхъ, обматывая куски мяса вокругъ шеи и посыпаю головы ихъ пухомъ и перьями?.. „Постарѣлъ я за этотъ день“, заканчиваетъ разсказъ объ этомъ герой. „Старѣетъ“ онъ и отъ грубаго издѣвательства пьяной деревни надъ Васей, виновнымъ только въ томъ, что онъ уже пріобщился къ городской культурѣ. Вольновъ подчеркиваетъ и угодничество этихъ „жалкихъ и безсовѣстныхъ людей, раболѣпно унижающихся передъ разжирѣвшей мразью“. Кулака Сазонта мужики уважаютъ не за страхъ, а за совѣсть.

Вольновъ также, какъ и другіе бытописатели деревни, останавливается на характерѣ убійствъ, которыя совершаются въ этой средѣ. Солдатъ бьетъ работника коломъ по спинѣ, пока тотъ не засопѣлъ, а изо рта его, ушей и носа хлынула кровь. Тогда его, обезсиленнаго, бьетъ коломъ по поясницѣ, а потомъ онъ — „зажмурился и, чокнувъ, какъ во время рубки дровъ, съ еще большей силой опустилъ колъ на Пахомово темя“... Но за часъ до того, никто бы не сказалъ, что этотъ человѣкъ станетъ убійцей...

Такова деревенская дѣйствительность, однородная въ изображеніи и Чехова, и Бунина, и молодыхъ писателей-крестьянъ. Эту полосу въ русской литературѣ, — въ отличіе отъ предыдущаго періода оптимизма, — можно съ полнымъ правомъ назвать полосой критическихъ переоцѣнокъ.

Деревня — говорятъ эти писатели своими художественными образами, — осталась за штатомъ культуры. Жизнь шла, развивалась по своимъ законамъ, совершались въ человѣчествѣ великіе перевороты, а деревня осталась въ снѣгахъ своихъ, грязи, тьмѣ непролазной и безнадежной, такою, какая была при „Рюрикѣ". На фонѣ современной цивилизаціи она еще болѣе страшна, чѣмъ деревня подлиповцевъ. Въ ней одичаніе, мерзость запустѣнія, смерть; люди отданы во власть неограниченную того мрачнаго дьявола, который изъ вѣка сдѣлалъ ихъ тупыми, пьяными, жадными, суровыми и темными. Деревня въ изображеніи новѣйшей литературы — это обвинительный актъ не только противъ политической и культурной закрѣпощенности деревни, но и противъ самихъ хозяйственныхъ основъ ея бытія. Это бытіе создало „лицо" крестьянина и сохранило его почти нетронутымъ и до нашихъ дней въ сферѣ атавистическихъ признаковъ. Въ мужикѣ вовсе не коренятся одни отрицательныя качества, — говорятъ новые писатели. Люди деревни способны на дикіе акты, но они такъ же способны и на акты героизма и самопожертвованія, равно на злое и доброе. Они не моральны, но они и не антиморальны. Они просто стоятъ внѣ морали. У нихъ нѣтъ воли къ злу, какъ нѣтъ и воли къ добру, нѣтъ сознательныхъ велѣній. Они не вѣдаютъ, гдѣ добро и гдѣ зло, они импульсивны. Западная литература (Зола, Мопасанъ, Лемонье и др.) рисуетъ крестьянина — даже живущаго въ иныхъ, чѣмъ у насъ, условіяхъ политической жизни, — коснымъ въ самыхъ органическихъ нѣдрахъ своихъ, существомъ съ иной психикой, съ инымъ характеромъ самой эмоціональности, чѣмъ горожанинъ. Гдѣ же выходъ изъ создавшагося положенія?

Герой Вольнаго видитъ въ „ученьи" панацею отъ всѣхъ бѣдъ деревенскихъ. Онъ вообще не находитъ достаточныхъ объясненій того факта, что „мирные, не глупые и безусловно не злые люди" вдругъ становятся „собаками". Ученье, конечно, дѣло необходимое. Но ученье одно не въ силахъ прогнать тѣхъ темныхъ призраковъ атавизма, которые живутъ тысячелѣтіями въ самыхъ нѣдрахъ деревенской „души". Оно создаетъ лишь идеологическіе моменты, вліяніе которыхъ на духовный обликъ человѣка не является рѣшающимъ. Не мышленіе вѣдь опредѣляетъ бытіе..

Герой Чехова думаетъ, что все дѣло въ „тяжкомъ физическомъ трудѣ", отъ котораго „нужно", наконецъ, освободить людей, чтобы они имѣли время подумать и „о душѣ, о Богѣ, могли бы проявить свои духовныя способности", но вѣдь физическій трудъ

знакомъ и городскому рабочему. Однако, „идіотизмъ“ деревни есть вещь специфическая.

Наша деревня еще почти вся внѣ городской культуры, вся живетъ своей обособленной жизнью, въ которой мелко-хозяйственные интересы не только на первомъ, но единственномъ планѣ. Авдѣй у Бунина („Забота“), „жадный“, никогда не знавшій особой нужды, но котораго „заботы всю жизнь поѣдомъ ѣли“, глубоко равнодушенъ ко всему въ мірѣ. „Вотъ семой десятокъ живу, а благодарю Бога, интереснаго ничего не было“... У сына дьячка („Будни“) чахотка въ послѣднемъ градусѣ, а онъ говоритъ: „Нѣтъ, не могу я, не свозивши рожь, умереть“. Работаетъ, какъ дьяволъ, всѣ послѣдніе дни передъ смертью, и когда послѣднее зерно въ амбарѣ, онъ успокаивается. „Ну, вотъ теперь дѣло другое. Зажигайте свѣчи“... Зажгли свѣчи у образовъ, онъ легъ на диванъ — и каюкъ!..“ Хозяйственные расчеты, какъ мы уже знаемъ, опредѣляютъ и всю идеологію Семена въ „Ильѣ-пророкѣ“, и именно здѣсь такъ ярко, символически выявлено все значеніе „земли“ въ крестьянской психикѣ. Бунинъ совершилъ пересмотръ всѣхъ основъ и цѣнностей деревенской жизни — моральныхъ, религіозныхъ, соціальныхъ; отдѣльные его разсказы дополняютъ одинъ другой и вмѣстѣ создаютъ цѣлую стройную „философію“ деревни. Философія эта неразрывно связана съ самимъ бытіемъ деревни, опредѣляется именно той самой властью, которую уже Гл. Успенскій охарактеризовалъ, какъ власть земли.

Гдѣ-то имѣются города, электричество, искусство, союзы работниковъ, надежды и мечты, а мужикъ остался въ своей прежней связи съ клочкомъ земли, въ которую ушелъ весь, вросъ по колѣно, которой отдалъ и потъ, и кровь свою. Здѣсь онъ отупѣлъ, застрялъ на той же „рюриковой“ точкѣ развитія, на какой былъ тысячу лѣтъ назадъ, глухой ко всѣмъ голосамъ жизни, всему великому и прекрасному міру, — навѣки „духовно почилъ“. Въ своей вынужденной абсолютности онъ сталъ неподвижнымъ оплотомъ азіатчины, элементомъ, чуждымъ сложнымъ общественнымъ отношеніямъ современности.

„Стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей. Буквально прикосновеніе, одно только легкое касаніе — и тысячелѣтнія постройки превращаются въ щепки“, писалъ въ свое время Гл. Успенскій. Отъ стройныхъ идеаловъ давно уже ничего не осталось. Идеалистическія измышленія насчетъ прелести самобытнаго уклада, самобытной идилліи деревенскаго быта, цѣлостной гармонически-развитой крестьянской личности — разсѣяны безжалостно дѣйствительностью. Пресловутая долготерпимость оказывается просто косностью...

На Западѣ современная деревня уже находится въ тѣсныхъ

непрерывныхъ сношеніяхъ съ городомъ и его культурой, и поскольку эти отношенія растутъ, она изживаетъ свое органическое варварство. Втягиваясь въ колесо капиталистической машины, она теряетъ свою стихійную связь съ землей, какъ съ началомъ, властно порабощающимъ ее и обрекающимъ на безсиліе духовное, на дикость, и пріобрѣтаетъ новую связь съ трудомъ — пусть и сельскимъ, — но свободнымъ, — поскольку можно говорить о свободномъ трудѣ въ современномъ обществѣ, — раскрѣпощенномъ, не прикованномъ къ одной узкой полосѣ... Мужикъ уходитъ изъ тѣснаго міра примитивнаго деревенскаго хозяйства въ широкій міръ сложныхъ отношеній. Съ измѣненіемъ бытія измѣняется и психика крестьянства, — правда, медленно, но неуклонно и неизбѣжно. „Душа" крестьянина вовлекается въ классовую борьбу, перерабатывается, расширяется его умственный кругозоръ, открываются возможности для проявленія тѣхъ „духовныхъ способностей", о которыхъ говоритъ Чеховъ. Постоянная тяга между деревней и городомъ вноситъ въ глушь сѣмена городской культуры, освѣжаетъ затхлую душную атмосферу царства улитокъ, прикрѣпленныхъ къ своимъ раковинкамъ. Самый „физическій трудъ", отъ котораго „нужно освободить" человѣка, теряетъ при новыхъ условіяхъ ту губительную для психики власть, какую имѣетъ въ старой деревнѣ. Необходимо окончательное раскрѣпощеніе крестьянства отъ старыхъ экономическихъ путъ и выходъ его на общую дорогу историческаго развитія. Въ V томѣ „Писемъ" Чехова, охватывающемъ періодъ „Мужиковъ", „Моей жизни", „Въ оврагѣ", — находимъ слѣдующія характерныя для его міровоззрѣнія строки: „Община живетъ земледѣліемъ, но разъ земледѣліе начинаетъ переходить въ сельско-хозяйственную культуру, то община уже трещитъ по всѣмъ швамъ, такъ какъ община и культура — понятія несовмѣстимыя. Кстати сказать, наше всенародное пьянство и глубокое невѣжество — это общинные грѣхи" (296 стр.).

Въ конечномъ результатѣ вопросъ о культурѣ сводится и Чеховымъ, какъ мы видимъ, къ вопросу объ эволюціи самихъ хозяйственныхъ основъ быта, это — вопросъ о новыхъ соціальныхъ формахъ жизни.

XIII.

Какъ извѣстно, Михайловскій одно время упрекалъ Чехова въ отсутствіи синтетической „общей идеи", связующей воедино его творчество. Развитіе Чеховскаго таланта блестяще опровергло этотъ упрекъ. Писатель-интеллигентъ, идеологъ 80-хъ годовъ, Чеховъ неустанно бичевалъ нашу некультурность, и это бичеваніе шло у него рядомъ съ проповѣдью культуры, которою пестрятъ страницы его книгъ. Въ этой вѣрѣ въ культуру заключается „общая идея" Чеховскаго творчества, его паѳосъ. Культура есть

нѣчто положительное въ художественной проповѣди Чехова, нѣчто незыблемое, во имя чего должно отрицать пошлую дѣйствительность и призывать ту „изящную“ красивую жизнь, которая придетъ черезъ „электричество и паръ“... И къ деревнѣ, какъ мы видѣли, Чеховъ подошелъ съ тою же мѣркой культуры.

„Обыщите всѣ деревни... — говоритъ одинъ изъ его героевъ. — Культурная жизнь у насъ еще не начиналась. Та же дикость, то же сплоченное хамство, то же ничтожество, что и пятьсотъ лѣтъ назадъ“... „Начало Руси было въ 862 году, а начала культурной Руси еще не было“... Даже для идеалистически настроеннаго героя „Моей жизни“, мужикъ „поднимающій сохою землю, понукающій свою жалкую лошадь, оборванный, мокрый“ является только выраженіемъ „грубой дикости, некрасивой силы“ и всегда заставляетъ думать о „давно прошедшей легендарной жизни, когда люди еще не знали употребленія огня“... И въ письмахъ своихъ Чеховъ говоритъ много объ „азіатской странѣ“ (т. V, 384 стр., къ Суворину)...

Бунинъ, писатель, рожденный на перевалѣ русской жизни, вошелъ въ кругъ тѣхъ же передовыхъ идей, опредѣляющихъ наше время. Въ своемъ міровоззрѣніи, поскольку оно проявляется въ его творчествѣ, онъ выражаетъ „общую идею“ нашего времени — европеизаціи Руси, идею городского періода нашей общественности, вовлеченія деревни въ общую жизнь человѣчества. Герой одного изъ разсказовъ Бунина („Пыль“) Хрущовъ, — проѣздомъ останавливается въ губернскомъ городѣ центральной Россіи, краѣ „просторномъ, хлѣбномъ, богатомъ и скучномъ“...

„Пыльное солнце пекло пустую ухабистую площадь. Нѣсколько запыленныхъ извозчиковъ стояло вдали. Сѣрый отъ пыли вагонъ трамвая долго поджидалъ кого-то. И Хрущовъ вспомнилъ Востокъ, Турцію...“ Съ лихорадочной радостью усаживается онъ вновь въ купэ международнаго вагона, „точно Стэнли послѣ центральной Африки“: онъ почувствовалъ себя „иностранцемъ“, вѣрнѣе, европейцемъ, „переѣхавшимъ границу своей страны послѣ Россіи“. На минуту онъ „сладко захмелѣлъ“...

Пыль символизируетъ всю жизнь этого края, этого большого мертваго города, вѣчно заносимаго пылью „подобно оазисамъ среднеазіатскихъ пустынь, подобно египетскимъ каналамъ, засыпаемымъ песками“... „Пыль, пыль, пыль... — думалъ Хрущовъ съ какой-то ѣдкой и сладкой тоской, глядя на тончайшую сухую мглу, наполнявшую его жаркое купэ. — „Азія, Азія!..“

Въ этомъ маленькомъ, но такомъ яркомъ разсказѣ — ключъ ко всему острому, напряженному и страстному Бунинскому творчеству послѣдняго періода.

На одной изъ его книгъ стоятъ эпиграфомъ слова Ив. Аксакова. „Не прошла еще древняя Русь!“ Для Аксакова въ этихъ словахъ, въ томъ, что еще не прошла эта „древняя Русь“, что

еще можно, пожалуй, сохранить ее — радость, благодать, счастье. Но какой ироніей, сарказмомъ и болью звучатъ эти слова у Бунина! Для него въ нихъ — ужасъ и проклятіе. И дѣйствительно, ужасъ, въ томъ что не прошла еще „рюриковская“ Чеховская деревня, „азіатская“ Бунинская — „жалкаго быта“, „вѣковой глухомани“...

Проф. Массарикъ читалъ недавно въ Европѣ лекцію о Достоевскомъ, дошедшемъ, по выводамъ почтеннаго ученаго, „до обоготворенія мужика, въ которомъ ему чудилось воплощеніе чудовищной идеи азіатизма“. И ученому профессору это должно было показаться поистинѣ дикимъ и чудовищнымъ. Деревня въ изображеніи Чехова, Бунина и ихъ эпигоновъ подымаетъ настойчиво снова роковой вопросъ нашего перепутья, какъ ихъ подымаетъ сейчасъ сама грозная дѣйствительность. Нужно рѣшить, наконецъ, съ Европой ли мы, съ Чеховымъ и Бунинымъ, Тургеневымъ и Герценомъ — или съ Азіей, Достоевскимъ, Аксаковымъ, со всей неизжитой „древней Русью“...

Д. Тальниковъ.

ТОММАЗО САЛЬВИНИ.

(КО ДНЮ ЕГО СМЕРТИ 18 ДЕКАБРЯ 1915 Г.).

Томмазо Сальвини, какъ почти всѣ великіе актеры и актрисы, родился въ театральной семьѣ. И отецъ его, и мать были актерами. О дѣтствѣ Сальвини находимъ кое-какія указанія въ его автобіографіи. „Отецъ желалъ сдѣлать меня юристомъ, а брата — художникомъ. Тетка и дядя жили на Via Romana, близъ воротъ парка Boboli, и намъ было не особенно пріятно, въ особенности зимой, путешествовать каждый день черезъ весь городъ“.

Дальнѣйшему образованію молодого Томмазо помѣшала семейная драма. „Около этого времени отца моего, — пишетъ Сальвини, — постигло большое горе. Его вторая жена, — которую мы знали очень мало, такъ какъ видѣли ее только во время нашихъ кратковременныхъ пріѣздовъ, — забывъ всѣ жертвы, которыя отецъ принесъ ради нея, самымъ неблагодарнымъ образомъ покинула его. Это такъ глубоко огорчило его, что только мысль о дѣтяхъ спасла его отъ самоубійства. Мнѣ было тогда тринадцать лѣтъ, но, какъ это ни странно, на видъ мнѣ можно было дать семнадцать. Мое физическое развитіе было таково, что я не только былъ головой выше самыхъ высокихъ изъ моихъ сверстниковъ, но и вся фигура моя развилась пропорціонально росту, такъ что недоставало только немного растительности на лицѣ, чтобы меня приняли за юношу двадцати лѣтъ. Когда отецъ увидѣлъ меня, онъ воскликнулъ.

— Господи! да что же изъ тебя выйдетъ? Голіаѳъ, что ли?

— Нѣтъ, отецъ, — отвѣчалъ я, — я предпочитаю быть Давидомъ, который сразилъ его.

— Ну, хорошо; ты останешься со мной, и я буду для тебя Сауломъ.

По окончаніи сезона во Флоренціи, отецъ Сальвини присоединился, въ качествѣ директора, къ труппѣ Бона и Берлаффа, онъ взялъ Томмазо съ собой, оставивъ брата его въ школѣ изящныхъ искусствъ".

Въ этой труппѣ и дебютировалъ молодой Сальвини. И толчкомъ къ дебюту былъ такой же случай, какъ и въ жизни большинства великихъ актеровъ и актрисъ (напримѣръ, въ мемуарахъ Ристори о первой ея значительной роли разсказывается почти то же) — внезапно заболѣлъ актеръ, игравшій простака Пасквино въ „Любобытныхъ женщинахъ“ Гольдони, и антрепренеру пришла счастливая идея предложить эту роль юному Томмазо. „Спросили меня, — разсказываетъ Сальвини, — и я согласился тотчасъ же, главнымъ образомъ, ради того, чтобы сдѣлать удовольствіе антрепренерамъ, которые въ моихъ глазахъ были очень важными персонами. Благодаря моей отличной памяти, я въ три часа легко справился съ небольшой ролью Пасквино и, надѣвъ костюмъ заболѣвшаго комика, почувствовалъ себя настоящимъ актеромъ. Я долженъ былъ говорить на венеціанскомъ нарѣчіи. Это было для меня не столько трудно, сколько непривычно, но въ Фортэ, гдѣ мы играли, незначительные промахи въ выговорѣ могли пройти незамѣченными. Въ первый разъ въ жизни я долженъ былъ появиться передъ ослѣпляющими огнями рампы; въ первый разъ мнѣ приходилось говорить на непривычномъ для меня діалектѣ, одѣтымъ въ смѣшной костюмъ, сшитый не по мнѣ. Сознаюсь, я струсилъ такъ, что готовъ былъ броситься въ уборную, сбросить съ себя костюмъ и отказаться отъ роли. Но отецъ, который зналъ, что я во всемъ подчиняюсь ему безпрекословно, нѣсколькими словами удержалъ меня на мѣстѣ.

— Стыдись! — сказалъ онъ, — мужчина не имѣетъ права быть трусомъ.

Мужчина! мнѣ было всего четырнадцать лѣтъ, но мнѣ уже хотѣлось называться мужчиной.“

Дебютъ, въ общемъ, сошелъ удачно, и понемногу юный Томмазо сталъ втягиваться въ актерское дѣло. Отецъ руководилъ первыми шагами Томмазо и, замѣтивъ несомнѣнное его дарованіе, рѣшился на шагъ, для актера весьма трудный: онъ отказался отъ первыхъ ролей и перешелъ на „второе положеніе“, какъ выражаются на актерскомъ жаргонѣ, въ труппу знаменитаго въ то время импрессаріо, Густаво Модена, единственно съ тою цѣлью, чтобы дать возможность Томмазо получить настоящее сценическое образованіе подъ руководствомъ Модена. Модена славился тѣмъ, что формировалъ молодыхъ актеровъ, и Томмазо, какъ онъ выражается, поступилъ къ Модена „въ качествѣ безплатнаго приложенія“ къ

контракту своего отца, безъ жалованья и съ обязательствомъ, въ случаѣ необходимости, играть статистовъ. О первомъ знакомствѣ съ знаменитымъ импрессаріо и учителемъ своимъ Сальвини передаетъ такимъ образомъ: „По правдѣ сказать, первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня мой будущій наставникъ, не было особенно благопріятно. По-моему, онъ былъ похожъ болѣе на гуртовщика, чѣмъ на актера. Онъ былъ жиренъ и вялъ, носъ утопалъ въ мясистыхъ щекахъ, походка была тяжелая, словно онъ страдалъ слоновою болѣзнью. Тѣмъ не менѣе, его красивыя бѣлыя руки, живой, умный и ласковый взглядъ тотчасъ же завоевали мою симпатію. Модена обратился ко мнѣ и воскликнулъ на своемъ родномъ нарѣчіи:

— О, какой хорошій Давидъ! Ну, такъ какъ же, молодецъ, хочешь учиться?

— Да, синьоръ маэстро, — отвѣчалъ я.

— Не такъ, не такъ, — сказалъ онъ — зови меня Густавъ — это лучше. Чему же ты учился раньше?

— Я игралъ партіи простаковъ, синьоръ Густавъ — отвѣчалъ я.

— Прекрасно, — сказалъ онъ. — Теперь ты выучишь этотъ монологъ и когда будешь знать, скажи его мнѣ, влагая въ него весь свой умъ и всю свою душу.

Это былъ монологъ Эгиста къ Полифонту въ трагедіи Альфіери „Меропа“. Этотъ монологъ неизмѣнно раздавался всѣмъ вновь поступающимъ членамъ труппы, какъ проба ихъ способности къ трагическимъ ролямъ.

О своемъ пребываніи въ труппѣ Модена Сальвини разсказываетъ съ теплою благодарностью. Методъ Модена былъ тотъ единственный вѣрный методъ сценическаго образованія, который состоитъ въ практическомъ обученіи молодого актера. Модена показывалъ, какъ должно играть, начитывая роль, на примѣрахъ объясняя технику сцены и конкретно разъясняя тайну искусства.

Сальвини приходилось въ это время очень много работать. Условія провинціальной сцены во всѣхъ странахъ болѣе или менѣе одинаковы: частая смѣна репертуара, малое количество репетицій. „Я засыпалъ, стоя, на улицѣ, прислонившись къ стѣнѣ дома“, — пишетъ Сальвини. Вскорѣ умеръ отецъ Сальвини. Въ автобіографіи имѣется трогательный и печальный разсказъ о томъ, какъ юный Томмазо рвался къ отцу, оставшемуся по болѣзни въ другомъ городѣ, директоръ же театра, Модена, не пускалъ Томмазо, указывая на необходимость его для текущаго репертуара. Въ одинъ печальный день, когда Сальвини рѣшился, наконецъ, пѣшкомъ пойти въ Пальма Нуова, гдѣ лежалъ больной отецъ, Модена грубо сказалъ ему: „Зачѣмъ ты пойдешь? Онъ умеръ!“ И въ душѣ Сальвини-актера нѣтъ гнѣва и раздраженія! Сцена, театръ, репертуаръ — онъ понимаетъ, что это значитъ для актера.

Это — долгъ, совѣсть, знамя, религія... Для высшаго, что представляетъ театръ, надо приносить всякія жертвы и смирять голосъ истерзаннаго сердца. Схоронивъ отца, Сальвини остался совсѣмъ одинокимъ.

„Теперь Густаву Модена, — пишетъ онъ, — приходилось платить мнѣ какое-нибудь жалованье, чтобы дать мнѣ возможность существовать, и я помню, что сталъ получать по пятидесяти чентезимовъ (около 20 коп.) въ день. Иногда, когда мнѣ доставалась значительная роль, онъ, въ видѣ вознагражденія, давалъ мнѣ пять лиръ (около 2 руб.). Впрочемъ, это случалось рѣдко".

По истеченіи сезона, Сальвини оставилъ труппу Модена и подписалъ контрактъ съ королевской труппой флорентинцевъ въ Неаполѣ на первыя и вторыя роли любовниковъ за 2400 лиръ. Модена же взялъ на его мѣсто молодого ливорнійца съ прекрасными внѣшними данными, Эрнесто Росси. Такъ началась артистическая дѣятельность Сальвини. Революціонныя событія 1848—1849 г., въ которыхъ молодой увлекающійся Сальвини принялъ горячее участіе, прервали на время его артистическую дѣятельность.

Въ числѣ своихъ трофеевъ, кромѣ лавровыхъ вѣнковъ, Сальвини имѣлъ и хранилъ до старости рекомендательную записку Гарибальди, писанную въ 1849 году. И еще — „великому въ искусствѣ итальянцу, другу Томмазо Сальвини, (это) воспоминаніе любви оставилъ въ генуэзской тюрьмѣ 16 іюля 1849 года товарищъ по заточенію Аврелій Саффи"...

Вмѣстѣ съ Модена, съ 1847 года, Сальвини примкнулъ къ національному движенію Италіи и, въ качествѣ солдата 8-го батальона, сражался среди республиканскихъ войскъ противъ французовъ, подъ стѣнами Рима. Затѣмъ, въ чинѣ „капрала" онъ участвуетъ и отличается въ цѣломъ рядѣ сраженій и баррикадныхъ боевъ — и въ то же время играетъ на сценѣ. Французы окрестили молодого гиганта „дьяволомъ", а свои — „циклопомъ изъ 8-го батальона". Сохранился анекдотъ, что однажды Сальвини былъ на сценѣ и исполнялъ роль Ореста, когда раздались пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе о наступленіи французовъ; съ театральнымъ шлемомъ на головѣ Сальвини бросился къ своему отряду, успѣлъ взорвать мостъ и бросился въ контръ-атаку.. Сальвини былъ однимъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ и подручныхъ Гарибальди. Вмѣстѣ съ нимъ онъ скрылся изъ Рима, когда пала республика. И вмѣстѣ съ другими вождями движенія, — Саффи, Соллнчети и Люсьеномъ Бонапартомъ, — онъ попалъ въ генуэзскую тюрьму.

Послѣ, отдавъ всѣ свои силы искусству, Сальвини нисколько не измѣнилъ своихъ убѣжденій. До самой смерти — какъ по своимъ взглядамъ, такъ и привычкамъ, оставался республиканцемъ-демократомъ.

Сальвини возобновилъ артистическую дѣятельность въ тяже-

лое время: дѣло революціи было окончательно проиграно, и республиканцы были сломлены. Надъ театромъ тяготѣлъ терроръ двойной цензуры — свѣтской и духовной. Особенно свирѣпствовали патеры: на сценѣ нельзя было произносить не только слово „Богъ“, но и — „духовенство“, „фарисей“, „іезуитъ“. Національные цвѣта Италіи были изгнаны. Къ актрисѣ въ красномъ платьѣ съ бѣлымъ воротничкомъ не смѣла приблизиться другая, — въ платьѣ зеленаго цвѣта, чтобы не давать впечатлѣнія національнаго флага. Поцѣлуи были запрещены. Однажды Сальвини, изображая умирающаго, получилъ отъ своей партнерши прощальный поцѣлуй въ лобъ, — за это ему пришлось заплатить 20 золотыхъ.

Въ эти печальные дни, когда національный итальянскій репертуаръ подвергался жестокимъ гоненіямъ, Сальвини приступаетъ къ изученію Шекспира, и это становится задачей его жизни. Сальвини въ этомъ отношеніи былъ піонеромъ итальянскаго театра. До него Шекспира мало читали въ Италіи, еще меньше играли. Живой, подвижной, увлекающійся темпераментъ итальянцевъ предпочиталъ родной репертуаръ, эффектныя французскія и итальянскія мелодрамы, въ которыхъ было много намековъ на современность или которыя, во всякомъ случаѣ, можно было легко примѣнить къ современности. Въ объятья классическаго репертуара Сальвини толкнула, быть можетъ, столько же необходимость, сколько и прирожденная склонность.

Въ концѣ 50-хъ годовъ Сальвини гастролируетъ въ Парижѣ, потрясая парижанъ исполненіемъ Отелло. Въ 1871 г. Сальвини отправился въ Южную Америку. Кромѣ „Отелло“, его коренной ролью сталъ Коррадо въ извѣстной хорошо и русской публикѣ пьесѣ „Гражданская смерть“. Затѣмъ слѣдуютъ тріумфы въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Лондонѣ, гдѣ онъ выдержалъ сравненіе съ Ирвингомъ. Спектакли открылись представленіемъ „Отелло“. И хотя въ памяти театральной публики были еще свѣжи воспоминанія о Кинѣ въ роли мавра, Сальвини имѣлъ успѣхъ, превзошедшій всѣ ожиданія. „Отелло“ прошелъ 32 раза подрядъ. Клубы „Атенеумъ“, „Гаррика“ и „Художественный“ избрали Сальвини своимъ почетнымъ членомъ.

Успѣхи Сальвини въ Россіи извѣстны. Первый разъ онъ былъ въ Россіи въ 1882 г., послѣдній разъ въ 1901 г.

Таковы біографическія черты, такова внѣшняя, такъ сказать, сторона жизни Томмазо Сальвини.

Художественный догматъ Сальвини можетъ быть лучше всего уясненъ отрывками изъ его рѣчи, произнесенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ римскомъ театрѣ „Аргентина“ на торжествѣ въ память Ристори. Сальвини возмущался уродствами, проникшими на сцену подъ флагомъ якобы „новыхъ путей“ театра и маскирующихъ сценическую бездарность и отсутствіе сценической тех-

ники... Особенно возмущаетъ Сальвини невнятная дикція, которую плохіе актеры стараются выдать за жизненныя интонаціи.

„Первое качество актера — красота и ясность его рѣчи“ — говоритъ Сальвини.

Онъ различаетъ сценическій реализмъ и „ложный“, преувеличенный манерный „натурализмъ“ актеровъ новой школы, ошеломляющихъ публику скороговоркой и ведущихъ діалогъ въ самыхъ неудобныхъ позахъ. Онъ осуждаетъ отсутствіе плана, красоты формы и стиля во многихъ новыхъ пьесахъ.

„Теперь на сценѣ не стѣсняются, — говоритъ Сальвини, — восхвалять полигамію, оправдывать преступленіе, провозглашаемое какъ право сильнаго, прославлять безуміе... Ради Бога, представимъ домамъ для умалишенныхъ, больницамъ, анатомическимъ заламъ и каторгѣ заботы о больномъ тѣлѣ и духѣ человѣческомъ. Но развѣ театръ — больница? И допустимо ли на сценѣ всякое безобразіе, разъ только это является новинкой?“

Въ этихъ словахъ Сальвини, разумѣется, сказывается нѣчто отъ старости, отъ „консерватизма“, вообще, связаннаго съ долгимъ вѣкомъ жизни. Кажется, Толстой выразился какъ-то, что и геніальный человѣкъ не можетъ, въ смыслѣ идей, стоять на уровнѣ болѣе, чѣмъ двухъ поколѣній. Но со всѣми этими оговорками, нельзя не признать, что въ этихъ словахъ Сальвини выражались подлинный строй его артистической души и свойства его артистической индивидуальности. Сальвини не былъ романтикомъ; онъ — реалистъ. Сальвини не принадлежалъ къ числу изощренныхъ комментаторовъ и психологовъ. Онъ былъ реалистически театраленъ, т. е. схематиченъ, ясенъ и стихіенъ, какъ основные элементы душевной жизни, изображеніе которыхъ на сценѣ потрясало зрителей.

Приведемъ въ доказательство нашего сужденія свидѣтельства двухъ замѣчательныхъ современниковъ. Его видѣлъ еще молодымъ Аполлонъ Григорьевъ, если не ошибаюсь, въ 1858 г. Для Аполлона Григорьева Сальвини, какъ и Мочаловъ, съ которымъ критикъ его сравниваетъ, былъ „весь темпераментъ“. Въ то время въ славѣ были многіе итальянскіе артисты. Восходила звѣзда Эрнесто Росси. Но Сальвини былъ выдѣленъ Ап. Григорьевымъ. А вотъ свидѣтельство Эмиля Зола, относящееся къ исполненію Сальвини роли Коррадо („Гражданская Смерть“) въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Зола пишетъ: „Я не видалъ еще, чтобы кто-нибудь такъ умиралъ на сценѣ. Сальвини изображаетъ послѣднія минуты умирающаго съ такой правдивостью, что приводитъ въ ужасъ. Это, дѣйствительно, умирающій: глаза его заволакиваются, цвѣтъ лица измѣняется, члены цѣпенѣютъ. Когда Эмма, приблизившись къ нему, произноситъ: „Отецъ мой“, то онъ на мгновеніе возвращается къ жизни, лучъ радости появляется на умирающемъ лицѣ, но въ то же время руки судо-

рожно сжимаются, голова наклоняется, и изъ груди выходитъ еле слышное послѣднее хрипѣніе. Когда затѣмъ жизнь покидаетъ это тѣло, то оно силою своей тяжести сваливается съ дивана и падаетъ на полъ. У присутствующихъ вырывается крикъ ужаса".

Личныя воспоминанія пишущаго настоящія строки относятся, къ сожалѣнію, лишь ко второму пріѣзду Сальвини въ Россію, когда онъ былъ уже старъ, и вполнѣ понятно, что „лава темперамента" уже остыла, хотя сила Сальвини все же оставалась необыкновенной.

Основой трактованія ролей своихъ Сальвини всегда бралъ простѣйшее — въ этомъ была главная сила театральнаго впечатлѣнія. И въ репертуарѣ своемъ онъ имѣлъ явную наклонность къ наиболѣе простымъ ролямъ. Отелло, Коррадо, Ингомаръ, „сынъ лѣсовъ", Гладіаторъ — все это, въ основѣ своей, представляетъ элементарныя психологическія заданія.

Отелло — ревнивецъ; Коррадо — человѣкъ, исторгнутый изъ общества, и безконечно страдающій отъ сознанія своей „безъ вины виноватости". Ингомаръ изъ мелодрамы Гальма — примитивъ уже вполнѣ опредѣленный, и весь интересъ фигуры въ томъ, что лѣсной житель сталкивается съ ухищреніями культуры и торжествуетъ надъ ними морально, какъ ясный голосъ природы.

Почти то же „Гладіаторъ", попадающій на арену цирка („культура"), и оглашающій эту постыдную область культуры искренними, почти звѣриными, но тѣмъ болѣе трогательными криками: „моя дочь! моя дочь! Дайте мнѣ увидѣть дочь! Revedere mia figlia!".

И по духу своему, и по внѣшности своей, такъ соотвѣтствовавшей его духу, Сальвини былъ какъ бы „дитя природы", и необычайный, какъ оркестръ, голосъ его все время звалъ „назадъ", къ жизни ясной, простой, естественной, къ Жанъ Жаку Руссо, къ ученіямъ объ естественномъ правѣ человѣка. Играя Лира, Сальвини чрезвычайно упрощалъ образъ и даже принижалъ его. Лиръ былъ лишенъ у Сальвини тѣхъ чертъ взбалмошности, деспотизма, абсолютизма, которыя именно и придаютъ сложность трагедіи. Лиръ, въ концѣ концовъ, несетъ наказаніе за свою гордыню, и не только за гордыню, но и за самоупоеніе гордостью, за сладострастіе гордости, за самообожаніе своей родительской и царской власти. Но Сальвини всему этому удѣлялъ очень мало вниманія. Въ трагедіи Лира было взято простѣйшее — страданіе злополучнаго, всѣми оставленнаго отца, — примитивъ родительскаго эгоизма. И какъ тамъ „revedere mia figlia" звучало подобно крику разъяреннаго звѣря, — то же было и здѣсь, но только съ другой стороны: не прощу обиды! умру, а о злодѣйствахъ дочерей пусть разноситъ по свѣту буйный вѣтеръ „пока не лопнутъ щеки". У Росси Лиръ былъ даже хитро-

вать особой старческой хитростью, впадающей, такъ сказать, въ дѣтство. У Сальвини Лиръ сродни тому конугу, который собирался „высѣчь море“. Захочу — полюблю, захочу — разлюблю, ибо безспоренъ самый догматъ — безпредѣльность родительскаго и царскаго абсолютизма, въ себѣ самомъ несущемъ наказаніе за свои грѣхи.

Самой выдающейся ролью Сальвини, стяжавшей ему наибольшую славу, былъ, конечно, Отелло. Все соединилось въ Сальвини для того, чтобы дать въ роли Отелло неизгладимое впечатлѣніе: богатырскій ростъ, необычайный голосъ, естественно свободныя движенія тѣла, и самое главное, конечно, основное простодушіе его художественной натуры. Для уясненія индивидуальности Сальвини, мнѣ думается, весьма назидательно было бы сравнить его Отелло съ Отелло въ исполненіи Мунэ-Сюлли. Это — двѣ крайности, два полюса, два самыхъ яркихъ противоположенія, одинаково интересныхъ, но совершенно различныхъ въ исходномъ пунктѣ. Сальвини даетъ простодушнаго, дѣтски довѣрчиваго мавра, котораго подавляетъ венеціанская культура, и который въ своей примитивной чистотѣ и простотѣ не въ силахъ прозрѣть гнусные замыслы и сложную дипломатію Яго. Мавръ — честный вояка. Онъ искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ, храбро рубится съ непріятелемъ, и изнѣженная венеціанская республика наняла его, какъ нанимала обыкновенно разныхъ „кондотьери“, на службу венеціанской аристократіи. Въ томъ соотношеніи, какъ это выходитъ у Сальвини, бытовая сторона трагедіи напоминаетъ Римъ временъ имперіи, когда опора соціальнаго и правительственнаго строя покоилась на грубыхъ германцахъ, бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ варварахъ — нити же жизни, культуры, просвѣщенія держали въ своихъ рукахъ римскіе граждане. Отелло Сальвини — плебей. Это — прекрасная душа, но несложная. Онъ многаго не понимаетъ, потому что многому не учился. Онъ способенъ проливать кровь за отечество, совершать чудеса храбрости, но можно усомниться, чтобы тотъ Отелло, котораго изображаетъ Т. Сальвини, годился для составленія стратегическихъ плановъ и, въ особенности, для управленія островомъ въ мирное время. Когда Дездемона является къ Отелло въ 4 актѣ и напоминаетъ ему, что собрались „знатные островитяне“, которыхъ Отелло пригласилъ, очевидно, на политическій обѣдъ, — этому какъ-то плохо вѣришь; когда Отелло беретъ перо, чтобы подписывать бумаги — кажется, что ему стоитъ величайшихъ трудовъ вывести свое имя. Даже въ костюмѣ подчеркивается съ особенной рѣзкость тотъ, иной міръ, изъ котораго вышелъ мавръ. Рядомъ со щеголеватыми венеціанцами, Отелло кажется не столько начальникомъ венеціанскаго отряда, сколько предводителемъ тѣхъ турокъ, которые плывутъ къ Кипру и появленіе которыхъ вызвало командировку Отелло.

Основной пунктъ души Отелло — это, несомнѣнно, наивность. Однако, къ наивности ведутъ два пути. Наивность можетъ быть результатомъ необразованности и ограниченности кругозора. Но наивность можетъ проистекать также изъ высокаго ума, которому, вслѣдствіе обширности кругозора, недоступны мелочи житейской практики. Наивность — это какъ два полюса человѣческаго зрѣнія: дальнозоркіе видятъ далеко, и потому не видятъ близко; близорукіе видятъ близко, и потому не видятъ далеко. Такова же можетъ быть и наивность Отелло: отъ простоты или отъ отсутствія скептицизма. Отелло Сальвини наивенъ, потому что онъ простецъ, Симплициссимусъ, а не потому, что мысль его направлена поверхъ мелочей жизни. Отелло довѣрчивъ, какъ ребенокъ. Но ребенкомъ можно быть и потому, что ничего не знаешь или потому, что знаешь многое отдаленное и не знаешь ближайшаго.

Сальвини убиваетъ не потому, что такъ велитъ кодексъ. Совсѣмъ нѣтъ: изъ словъ и поступковъ ясно можно судить, что онъ самъ не думалъ, чтобы дѣло зашло такъ далеко. Но „Sangue, Jago, sangue“! Отелло жаждетъ крови, какъ дикій звѣрь. Все, что было въ его расѣ непосредственнаго, первобытнаго, близкаго къ звѣрству возстаетъ въ немъ и требуетъ смерти Дездемоны, не какъ легальнаго акта, но какъ искупленія за боль, причиняемую злымъ чувствомъ.

У Мунэ-Сюлли мы видимъ обратное. Въ основаніе толкованія французскаго трагика взята сцена размышленія надъ свѣтильникомъ. Если я задую свѣтильникъ, — я могу вновь его зажечь; если я задую свѣтильникъ духа, я не могу этого сдѣлать. Разъ это такъ, и мысль дошла до такого заключенія, а чувство до такихъ минорныхъ аккордовъ — тогда уйди, пусть Дездемона спитъ, хотя бы дыханіе ея было полно порока. Но когда Мунэ-Сюлли произноситъ эти слова — вы отлично понимаете логическую связь его дѣйствій. Пусть это такъ, но законъ говоритъ другое: „La loi est stricte“. Виновная жена должна быть убита, хотя бы этимъ убійствомъ онъ умерщвлялъ свое сердце. Зато онъ не измѣнилъ традиціямъ. Онъ шелъ по слѣдамъ дѣдовскихъ и отцовскихъ преданій и дѣлалъ то, что ему приказывалъ кодексъ рыцарства по отношенію къ невѣрной женѣ, ибо невѣрную жену надлежитъ убить. Отелло не простолюдинъ-арапъ, а рыцарь-мавръ, представитель утонченной цивилизаціи, которая въ извѣстныхъ отношеніяхъ не только не уступала европейской, но и превосходила ее. И если феодальные нравы уже ослабли въ Венеціи, зато онъ, мавръ, ихъ твердо помнитъ и знаетъ. Онъ осыпаетъ Дездемону цвѣтами; при пріемѣ пословъ Венеціи, онъ, губернаторъ Кипра, такой же блестящій кавалеръ, какъ и они, но только съ оттѣнкомъ экзотики. Величайшее страданіе Отелло — это необходимость задушить чудесное созданіе, которое онъ не только безумно

любитъ, но и безумно жалѣетъ. Однако, да свершится правосудіе! И зато потомъ, когда Отелло убѣждается въ ошибкѣ, въ невиновности Дездемоны, какъ легко, какъ просто покончить жизнь ударомъ кривой сабли! То, что у Сальвини казалось актомъ простой ярости, стихійнымъ взрывомъ — у Мунэ-Сюлли является естественнымъ самосудомъ.

Вотъ въ немногихъ словахъ два портрета Шекспировскаго Отелло, въ изображеніи великаго Сальвини и не менѣе великаго Мунэ-Сюлли. И отсюда, мнѣ кажется, читателю не трудно возсоздать артистическій обликъ Сальвини вообще.

Назвавъ Сальвини Симплициссимусомъ, въ самомъ лучшемъ и, такъ сказать, святомъ смыслѣ слова, я отнюдь не стремлюсь къ умаленію этого колосса театра. Простота Сальвини была не только простотой великаго реализма, но и составляла принадлежность, такъ сказать, его сценическаго амплуа. Въ автобіографіи своей Сальвини ясно указываетъ, что онъ игралъ „простаковъ". А такой режиссеръ, какъ Модена, едва ли ошибался, опредѣляя характеръ дарованія. Сальвини поднялъ свое амплуа до области высокой трагедіи, но основныя, неустранимыя черты его духа — были чертами „простака": наивность жизни, созерцанія и дѣйствія. Натура опредѣляла и его театральные вкусы. Не только классическія преданія, на которыхъ Сальвини былъ воспитанъ, но и голосъ его природы возставали противъ современности. Вся позднѣйшая итальянская школа артистовъ — Цаккони, Эммануэль, Новелли — была для Сальвини уже „порченой" — примѣсью неврастеническаго, больного вѣка. Судя по нѣкоторымъ отзывамъ Сальвини (къ сожалѣнію, почерпнутымъ мною изъ вторыхъ уже рукъ), онъ и къ Дузэ относился сдержанно. И въ Дузэ были сложность, надрывъ, сомнѣніе, скепсисъ, переоцѣнка цѣнностей морали. А Сальвини былъ, какъ скала, — весь догматъ. Изъ приведенной въ началѣ статьи отрывка его рѣчи, видно, какъ догматически онъ вѣрилъ въ принципы морали, проповѣдывавшейся въ старое время съ театральныхъ подмостковъ. Здоровье духа — вотъ догматъ морали, допустимой въ театрѣ. Здоровье духа — вотъ единственная форма также и сценической трактовки. Простыя средства — убѣдительная и доказательная рѣчь, опредѣленныя и яркія движенія — такова основа сценическаго искусства въ мысляхъ и въ игрѣ Сальвини.

Съ Томмазо Сальвини сошелъ въ могилу цѣлый вѣкъ. Какъ старый, могучій дубъ, жилъ Сальвини среди мелкаго кустарника, кривыхъ, извивающихся вязовъ, высокихъ, но тонкихъ тополей... Наконецъ, свалился и дубъ. А лѣсъ шумитъ, но уже по-новому и по-иному.

А. Кугель.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОБЛЕМА МИРА ВЪ ЗАП. ЕВРОПѢ.

I.

Шестнадцать мѣсяцевъ кровавой борьбы, въ которую вовлеченъ непосредственно громадный процентъ трудоспособнаго мужского населенія Европы, шестнадцать мѣсяцевъ небывалой хозяйственной разрухи не могли, конечно, не отразиться такъ или иначе на настроеніяхъ народныхъ массъ въ Германіи. Та розовая дымка, которая смягчала въ первое время впечатлѣніе отъ ужасовъ войны, — дымка идеализаціи, утопическихъ мечтаній, патріотическихъ самообмановъ, подчасъ просто сознательной лжи, — не могла, въ концѣ концовъ, не разсѣяться. Процессъ отрезвленія, медленный и мучительный, но неизбѣжный, не вездѣ, разумѣется, подвинулся одинаково далеко, и не вездѣ мы можемъ зарегистрировать его признаки; въ Германіи онъ привелъ уже къ совершенно опредѣленнымъ, совершенно недвусмысленнымъ выступленіямъ, которыя должны, казалось бы, заставить призадуматься сторонниковъ войны „до конца", утопистовъ-аннексіонистовъ типа извѣстнаго гр. Ревентлова.

На первое мѣсто среди этихъ выступленій, — по тому вниманію, которое оно привлекло, по тѣмъ толкамъ, какіе оно вызвало, — слѣдуетъ поставить интерпелляцію соціалъ-демократической фракціи рейхстага объ условіяхъ мира. Какъ извѣстно, въ германской соціалъ-демократической фракціи можно отмѣтить три болѣе или менѣе отчетливо отмежевавшихся теченія: правыхъ соціалистовъ-націоналистовъ въ стилѣ Гейне, пріемлющихъ войну безусловно, вплоть до аннексій, до лѣвыхъ интернаціоналистовъ съ Либкнехтомъ во главѣ и колеблющійся центръ, къ которому, между прочимъ, принадлежатъ Каутскій и Гаазе. Въ началѣ войны группа интернаціоналистовъ была очень мала и не пользовалась во фракціи никакимъ вліяніемъ. Группа центра, теоретически рѣшительно отмежевывавшаяся отъ имперіалистическихъ построеній Гейне и др., въ практическихъ вопросахъ (голосованіе кредитовъ и т. п.) шла съ правыми. Эволюцію фракціонныхъ настроеній за время войны можно грубо характеризовать какъ постепенный ростъ интернаціоналистическаго меньшинства, постепенное освобожденіе центра отъ патріотическаго гипноза. И то, и другое являлось, въ сущности, лишь симптомомъ освобожденія партійныхъ массъ отъ націоналистическихъ увлеченій начала войны. Съ

этой точки зрѣнія особенный интересъ представляютъ не столько заявленія лѣвыхъ соціалъ-демократовъ, все время весьма рѣзкія, сколько самый процессъ полѣвѣнія фракціи и тѣ шаги, къ которымъ оказывается вынужденной фракція въ цѣломъ, — быть можетъ, вопреки желанію фракціоннаго большинства, пока все еще тяготѣющаго вправо.

Такимъ шагомъ, въ значительной мѣрѣ вынужденнымъ, приходится считать и интерпелляцію о мирѣ 26-го ноября (9 дек. н. ст.). Разумѣется, большинство фракціи стоитъ за миръ безъ аннексій въ полномъ согласіи съ первоначальной концепціей войны, какъ войны для Германіи оборонительной. Имперіалистической идеологіей успѣха въ полной мѣрѣ проникнута лишь небольшая группа крайнихъ правыхъ. Но одно дѣло — общее отношеніе къ вопросу о мирѣ, другое — признаніе своевременности преній о мирѣ въ рейхстагѣ. На пути ко второму лежитъ препятствіе уже не принципіальное, а тактическое: опасеніе, что всякій разговоръ о желательности мира создастъ у непріятеля представленіе объ истощеніи Германіи, о невозможности для нея продолжать борьбу; а это, въ свою очередь, грозитъ повысить энергію сопротивленія враждебныхъ странъ. Для политическихъ дѣятелей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія вынужденной національной обороны, это препятствіе весьма серьезное, и нужно было, повидимому, очень сильное давленіе со стороны массъ, чтобы большинство германской соціалъ-демократіи рѣшилось это соображеніе игнорировать. И еще большой вопросъ, оказалось ли бы этого давленія достаточно, если бы оно происходило въ стратегической обстановкѣ менѣе благопріятной.

О томъ, что происходитъ въ низахъ германской соціалъ-демократіи, теперь при дѣйствіи въ Германіи военной цензуры, а въ значительной части партійныхъ органовъ еще и цензуры внутренней, далеко не всегда можно составить отчетливое представленіе. Очень мало мы знаемъ и о томъ движеніи, которое предшествовало интерпелляціи. Кое-что проскальзываетъ сквозь эту двойную сѣть, и то, что проскальзываетъ, свидѣтельствуетъ неопровержимо о двойственномъ характерѣ заявленій, шедшихъ въ концѣ октября и въ ноябрѣ изъ партійныхъ низовъ, — заявленій, вносившихъ колебанія въ ряды фракціоннаго большинства и усилившихъ позицію интернаціоналистской группы. Въ низахъ явнымъ образомъ накоплялось недовольство, непосредственнымъ, ближайшимъ мотивомъ котораго была внутренняя, хозяйственная неурядица, дороговизна и недостатокъ припасовъ. Но хозяйственный кризисъ такъ тѣсно связанъ съ войной, эта связь столь ясна, что переходъ отъ дороговизны къ войнѣ былъ совершенно неизбѣженъ. Обсужденіе вопроса внутренней политики открывало, такимъ образомъ, путь къ критикѣ политики внѣшней. Но какъ только война оказалась доступной критикѣ,

ея обаянію, тому ореолу, который окружалъ ее раньше въ глазахъ германскаго народа, долженъ былъ придти конецъ. Критическая мысль, разъ начавшая работать, не могла уже остановиться на предѣлѣ, намѣченномъ заранѣе, тѣмъ болѣе, что факты дѣйствительности доставляли для нея обильный матеріалъ. Такъ движеніе противъ дороговизны становились вмѣстѣ съ тѣмъ движеніемъ противъ войны. А движеніе противъ войны, направленное въ первую очередь противъ правительства, должно было естественно направиться и противъ санкціонировавшихъ войну партійныхъ верховъ.

Интересный документъ, весьма характерный для внутри-партійной оппозиціи этого періода, былъ опубликованъ въ швейцарской газетѣ „Berner Tagwacht". Этотъ документъ — меморандумъ берлинскихъ работницъ, представленный въ концѣ октября центральному комитету партіи. Меморандумъ гласитъ слѣдующее*: „Мы пришли отъ имени всѣхъ женщинъ-соціалистокъ Берлина сообщить объ истинномъ ихъ настроеніи и требованіяхъ, ибо для насъ очевидно, что официальные представители партіи дѣйствуютъ вопреки желаніямъ своихъ избирателей. Имъ должно быть извѣстно, что въ Берлинѣ, какъ и повсюду, дороговизна вызываетъ сильное озлобленіе, которое среди неорганизованныхъ рабочихъ повело къ ряду бунтовъ, да и среди организованныхъ принимаетъ опасные размѣры. Вопросъ о дороговизнѣ не можетъ, однако, обсуждаться изолированно, ибо онъ стоитъ въ связи со всей военной политикой правительства. Въ виду этого, вопросъ о дороговизнѣ не можетъ быть разрѣшенъ, если соглашаться со всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ правительство, если принимать тѣ цѣли, которыхъ оно желаетъ достигнуть войной. Оно стремится къ экономической эксплоатаціи и политическому порабощенію чужихъ народовъ, а въ настоящемъ не только терпитъ эксплоатацію своего народа, но и потворствуетъ ей". Записка оканчивается протестомъ противъ цензуры, противъ продолжительности войны, обусловленной завоевательными планами буржуазіи, требуетъ разрыва партіи съ прежней политикой и организаціи массоваго движенія въ пользу мира.

Записка упоминаетъ о бунтахъ, вызванныхъ дороговизной. О нихъ сообщали также и газеты нейтральныхъ странъ. Но наряду со стихійными бунтами въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни были, повидимому, и болѣе организованныя манифестаціи въ пользу мира. Сама записка является плодомъ такой манифестаціи передъ зданіемъ „Vorwärts". Всѣ эти факты съ несомнѣнностью доказывали, что въ массахъ накопилось не мало горючаго матеріала, вспышка котораго могла бы быть направлена не только противъ правительства имперскаго, но и противъ правительства

* Цитирую по передачѣ въ русскихъ газетахъ.

партійнаго. Нѣкоторая новая оріентировка партійной политики стала неизбѣжной; на это указывали уже не только крайніе, но и представители центра вродѣ Каутскаго.

Въ серединѣ ноября въ „Leipziger Volkszeitung“ появилась статья съ рѣшительнымъ призывомъ къ разрыву съ правительственной политикой. „Для соціалистовъ, — писала газета, — пробилъ рѣшительный часъ. Они не могутъ долѣе ограничиваться лишь подчеркиваньемъ своего патріотизма, они не могутъ долѣе довѣряться правительству. Соціалистическая партія обязана заставить правительство открыть его настоящее лицо, она должна провести рѣзкую черту между собой и тѣми, кто явно или втихомолку питаетъ аннексіонистскіе замыслы... Требованіемъ момента является рѣшительно спросить правительство, на какихъ условіяхъ оно готово къ миру. Даже сильнѣйшее правительство не можетъ ставить себѣ такія военныя цѣли, о которыхъ оно точно знаетъ, что они отвергаются рабочимъ классомъ. Если правительство потребуетъ военныхъ кредитовъ, фракція обязана голосовать противъ нихъ. Фракція должна, наконецъ, сознать, что слѣдуетъ думать не только о защитѣ границъ государства, но прежде всего о защитѣ рабочаго класса и достоинства партіи“. Другія газеты говорили еще рѣзче и прямо указывали, что фракція заблуждается, если она думаетъ, что отражаетъ настроеніе большинства партіи. Слышались даже угрозы разбить рамки партійной дисциплины, угрозы разрывомъ.

Такіе голоса раздавались слѣва. Съ другой стороны, Каутскій во имя будущаго партіи призывалъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ группу центра. Партіи, по его мнѣнію, грозитъ сейчасъ распаденіе на двѣ части, изъ которыхъ одна можетъ увлечься революціоннымъ авантюризмомъ, другая авантюризмомъ „реальной политики“, которая дѣлается въ переднихъ министровъ. Спасти партію отъ такой перспективы можетъ только болѣе опредѣленная политика центра. Центръ долженъ имѣть смѣлость открыто заявить о своемъ несогласіи съ „шовинистическимъ“ правымъ крыломъ. Лѣвое меньшинство должно выступить публично, хотя бы правое большинство угрожало даже исключеніемъ изъ партіи, и голосовать противъ военныхъ кредитовъ, проявить свое истинное отношеніе къ войнѣ. Тѣмъ болѣе, что, въ сущности, никто и не знаетъ, на чьей сторонѣ большинство (въ странѣ). Извѣстно только, что во фракціи меньшинство непрерывно растетъ. И если не считать членами партіи тѣхъ, кто до войны, несомнѣнно, былъ бы исключенъ изъ нея, какъ имперіалисты, если считать только тѣхъ, кто остался вѣренъ традиціонной политикѣ партіи, то можетъ быть окажется уже, что „меньшинство“ фракціи — въ дѣйствительности составитъ ея большинство.

Броженіе въ массахъ, угрозы лѣвыхъ, протесты центра, —

все это заставило фракцію рѣшиться, наконецъ, на открытое выступленіе въ рейхстагѣ съ интерпелляціей по ставшему насущнымъ для партіи вопросу о мирѣ. Но правое большинство сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы смягчить остроту интерпелляціи, чтобы не дать поводъ усомниться въ высокомъ патріотизмѣ соціалъ-демократіи. Во-первыхъ, оно приняло (большинствомъ 58 противъ 43 голосовъ) болѣе мягкую формулу запроса: „Готовъ-ли имперскій канцлеръ дать свѣдѣнія о томъ, на какихъ условіяхъ онъ склоненъ вступить въ переговоры о мирѣ? Подавляющее большинство соціалъ-демократіи стоитъ за миръ безъ аннексій: это засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ документовъ. Тѣмъ не менѣе, изъ страха вызвать нежелательное впечатлѣніе, изъ страха повредить „дѣлу обороны“ они отказались включить эту формулу „миръ безъ аннексій“ въ свой запросъ. Далѣе, боясь черезчуръ рѣзкаго, непатріотичнаго тона рѣчей лѣвыхъ, большинство фракціи намѣтило обоихъ ораторовъ изъ своей среды, отказавъ въ словѣ какъ лѣвымъ такъ и склоняющимся влѣво центровикамъ.

И все же, несмотря на всѣ эти старанія вырвать жало у запроса, постановка на очередь въ парламентѣ воюющей страны вопроса о мирѣ явилась событіемъ, которое, конечно, займетъ видное мѣсто въ будущей исторіи великой войны и отношенія къ ней соціализма. Первый ораторъ фракціи, Шейдеманъ, оправдывалъ внесеніе запроса тѣмъ, что „цѣль обезпеченія страны отъ вражескаго нашествія достигнута“, „что непосредственной опасности границамъ болѣе не угрожаетъ“, какъ не угрожаетъ Германіи и „опасность, быть взятой голодомъ“. Но при всѣхъ этихъ патріотическихъ оговоркахъ онъ сумѣлъ найти яркія и убѣдительныя слова для выраженія тоски по мирѣ, испытываемой германскимъ народомъ.

„Прошло уже болѣе шестнадцати мѣсяцевъ, — говорилъ Шейдеманъ, — какъ мы являемся свидѣтелями борьбы, какой міръ никогда не переживалъ и какой онъ, надо надѣяться, никогда болѣе переживать не будетъ... Со дня на день все выше подымается море крови; растетъ число человѣческихъ жертвъ; растутъ страданія и нужда во всѣхъ странахъ, участвующихъ въ этой страшной войнѣ. Удивительно ли, если во всѣхъ странахъ подымается вопросъ: „Долго ли еще?..“ Весь міръ мечтаетъ о мирѣ. Война вызвала гибельныя послѣдствія во всѣхъ европейскихъ странахъ, даже въ нейтральныхъ. Европа систематически себя раззоряетъ, а Соединенные Штаты дѣлаютъ блестящія дѣла... Есть ли въ странѣ хоть одинъ человѣкъ, который не былъ бы радъ, если бы мы могли положить конецъ этой ужасной борьбѣ? Нѣтъ. Не только рабочіе, но и промышленники, и дѣловые люди, и мелкіе крестьяне желаютъ мира, который обезпечивалъ бы наше хозяйственное развитіе и нашу политическую независи-

мость. Не мечтают ли о концѣ этого неистовства так же горячо, как мечтаем мы, матери, жены и дѣти вражеских солдат? Если бы пресса в ведущих войну государствах могла свободно говорить о цѣлях войны и о волѣ к миру, жажда мира прорвалась бы во всѣх странах со стихійной силой".

„...Нѣмецкій народ пошел как один человѣк на защиту своей родины. ...Но народ не желает вести войну ни на один день больше, чѣм нужно для этой цѣли. Народ жертвовал всѣм за свою страну и ея независимость, он не хочет ставить на карту ни одного своего солдата для достиженія частных капиталистических интересов... Если имперское правительство имѣет возможность заключить мир, который обезпечил бы нѣмецкому народу политическую независимость, недѣлимость имперіи и свободу развитія, — мы требуем, чтобы оно заключило мир. Если оно имѣет возможность вступить в мирные переговоры на основѣ этих условій, то в интересах человѣческой культуры оно должно это сдѣлать... Имперскій канцлер знает, что его отвѣта на наш вопрос напряженно ждет весь мір. Наше настоящее засѣданіе может имѣть всемірно-историческое значеніе. От имперскаго канцлера зависит в этот час безконечно много. . . . .

. . . .

. . . .

Имперскій канцлер, как и слѣдовало ожидать, не пожелал сообщить засѣданію „всемірно-историческое значеніе". Он отказался начать от имени Германіи переговоры о мирѣ, при чем аргументировал в той же патріотически-оборонительной плоскости, что и Шейдеман. Заявленіе о желаніи начать мирные переговоры будет, конечно, истолковано у врагов, как признак слабости Германіи, вольет в них новое мужество только затянет войну. Задача обороны страны может считаться разрѣшенной только тогда, когда враги сами признают себя побѣжденными. Словом, принявъ посылки Шейдемана, канцлер без особаго труда сдѣлал из них вывод о невозможности мира в данный момент. Мало того, он пошел дальше и с необходимостью обороны связал даже обязательность „гарантій" в Бельгіи и на восточной границѣ, — „гарантій", которыя улучшали бы границу и в стратегическом, и в экономическом отношеніи. В них трудно видѣть, конечно, что-либо иное кромѣ территоріальных аннексій. Так на фундаментѣ обороны оказалось воздвигнутым довольно просторное имперіалистическое зданіе.

Смысл „гарантій" канцлера был раскрыт и подчеркнут в послѣдовавшем за рѣчью канцлера и прочитанном Шпаном заявленіи всѣх буржуазных партій, которыя уже вполнѣ откровенно указали на необходимость „обезпеченія военных, хозяй-

ственныхъ, финансовыхъ и политическихъ интересовъ Германіи во всемъ ихъ объемѣ и всѣми средствами, включая и требующіяся для этой цѣли территоріальныя пріобрѣтенія". Задача второго соціалъ-демократическаго оратора состояла, разумѣется, въ томъ, чтобы рѣшительно отмежеваться отъ канцлера и буржуазныхъ партій. Но фракціонная правая не ошиблась, намѣтивъ вторымъ ораторомъ Лансберга. Онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы по возможности смягчить выявившееся разногласіе, подчеркнувъ зато съ особенной тщательностью ту общую почву обороны, на которой стоятъ и соціалисты типа Лансберга, и канцлеръ. Непонятнымъ образомъ Лансбергъ ухитрился даже не замѣтить въ рѣчи канцлера указанія на необходимость аннексій. Примирительная рѣчь Лансберга вполнѣ отвѣчала желаніямъ соціалистической правой и пришлась по вкусу буржуазнымъ партіямъ. Но по отношенію къ той задачѣ, какая ставилась интерпелляціи въ лѣвыхъ соціалистическихъ кругахъ, она была безусловно явленіемъ чисто отрицательнымъ. Вмѣсто того, чтобы дополнить недостаточную по своей аргументаціи рѣчь Шейдемана, Лансбергъ лишь ослабилъ впечатлѣніе отъ тѣхъ заявленій Шейдемана, въ которыхъ нашла своей выраженіе „мечта о мирѣ" нѣмецкаго пролетаріата.

II.

Вполнѣ естественно, что пренія 26-го ноября далеко не удовлетворили не только группу Либкнехта — Ледебура, но даже Гаазе—Каутскаго. Болѣе неожиданно то чувство разочарованія, какое сквозитъ въ посвященныхъ интерпелляціи статьяхъ лѣвой буржуазной прессы. Какъ мы упоминали, всѣ буржуазныя фракціи рейхстага высказались за аннексію Не отмежевывается отъ аннексіонистской политики и буржуазная пресса. Тѣмъ не менѣе, при внимательномъ чтеніи лѣвыхъ буржуазныхъ газетъ не трудно найти въ нихъ рядъ отдѣльныхъ замѣчаній, иной разъ какъ будто бы брошенныхъ вскользь, но въ то же время недвусмысленно свидѣтельствующихъ о томъ, что „мечта о мирѣ" постепенно все болѣе овладѣваетъ въ Германіи кругами буржуазной интеллигенціи, а можетъ быть и извѣстной части буржуазіи.

Очень характерно въ этомъ отношеніи поведеніе „Berliner Tageblatt", органа, много читаемаго и обычно старательно приспособляющагося ко вкусамъ и къ спросу читателей. Еще до интерпелляціи „Berliner Tageblatt" напоминалъ правящимъ объ афоризмѣ эрцгерцога Карла австрійскаго: „Чтобы добиться почетнаго мира, надо предлагать его врагу послѣ каждой одержанной побѣды". Такое изъявленіе готовности къ миру, по мнѣнію газеты, не тольно не вредитъ дѣлу обороны, но, наоборотъ, облегчаетъ его: нація, знающая, что она предлагала миръ, а враги его отклонили, питая по отношенію къ ней завоевательные за-

мыслы, — такая нація будетъ тѣмъ рѣшительнѣе въ своемъ сопротивленіи. Послѣ интерпелляціи „Berliner Tageblatt" заявилъ о томъ, что рѣчь канцлера его далего не удовлетворила (она „тяжко разочаровала" также и „Vossische Zeitung"). Вопросъ о мирѣ связанъ съ вопросомъ объ условіяхъ мира, и ихъ-то канцлеръ и не формулировалъ достаточно точно. „Бетманъ-Гольвегъ, какъ и раньше, потребовалъ извѣстныхъ гарантій противъ вражескихъ нападеній... Но иные думаютъ, что для обезпеченія границъ Германіи нужно завоевать полъ-Европы или еще больше. При этомъ не обращаютъ вниманія, во-первыхъ, на то, что такимъ образомъ увѣковѣчиваютъ войну, во-вторыхъ, на то, что новыя границы нужно будетъ опять-таки обезпечивать". Еще черезъ два дня газета съ грустью констатировала, что разговоры о мирѣ, котораго пока не видно на горизонтѣ, можно считать до поры до времени законченными. „Эта война будетъ идти дальше, „великое время" остается для насъ по прежнему въ силѣ, пока гдѣ-либо что-либо неожиданное не станетъ между рядами борцовъ".

Ссылка на „неожиданное" въ устахъ „Berliner Tageblatt" допускаетъ, конечно, самыя разнообразныя толкованія. Одно во всякомъ случаѣ ясно: приведенныя цитаты свидѣтельствуютъ о томъ, что ореолъ, какимъ была окружена война, разсѣивается даже въ не-пролетарскихъ кругахъ. Послѣ этихъ статей уже не казалось страннымъ появленіе разсужденій на тему о мирѣ въ новогоднихъ нумерахъ буржуазныхъ газетъ. Но, конечно, если оставаться въ предѣлахъ германскихъ общественныхъ силъ и здѣсь искать „неожиданнаго", которое способно если не прекратить, то сократить войну, то его можно будетъ найти не въ фрондированіи прогрессивныхъ органовъ печати и буржуазно-интеллигентскихъ группъ, а въ протестахъ пролетаріата и части соціалъ-демократіи.

Лѣвымъ соціалистамъ удалось вкратцѣ высказаться по поводу интерпелляціи и рѣчи канцлера, удалось отмежеваться отъ Бетмана-Гольвега и Лансберга еще въ томъ же засѣданіи 26-го ноября. Совершенно неожиданно, въ связи съ предложеніями буржуазныхъ партій прекратить пренія, слово къ порядку дня получилъ Гаазе. Это было уже послѣ рѣчи канцлера, и Гаазе сумѣлъ полностью использовать предоставленную ему случаемъ возможность сказать нѣсколько словъ по существу. „Какое впечатлѣніе произвело бы это въ нашемъ народѣ и во всемъ мірѣ, — заявилъ Гаазе, обращаясь къ буржуазнымъ партіямъ, — если бы вы въ данный моментъ выступили съ террористическими мѣрами противъ тѣхъ, кто передъ всемъ міромъ выражаетъ глубочайшее, пламенное желаніе нашего народа. Какъ разъ послѣ неопредѣленныхъ, общихъ и двусмысленныхъ заявленій имперскаго канцлера, послѣ словъ Шпана необходимо, чтобы нашъ народъ и

весь міръ узнали, что не весь рейхстагъ согласенъ съ этими положеніями. Нѣтъ, господа, я заявляю отъ себя лично, что со всей рѣшительностью отвергаю солидарность съ высказанными здѣсь взглядами, и я знаю, что я въ этомъ отношеніи согласенъ съ подавляющимъ большинствомъ нашего народа. Господа, желаете ли вы въ самомъ дѣлѣ, чтобы результатомъ этой бойни, о которой мы всѣ сожалѣемъ, явилась Европа, превращенная въ груду развалинъ, пропитанная слезами и кровью?! Мы требуемъ отказа отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ, съ какой бы стороны они ни шли и въ какой бы формѣ они ни проявлялись. Мы хотимъ мира!"

Лѣвое меньшинство не ограничилось этимъ парламентскимъ заявленіемъ. Въ тотъ же день 26-го ноября въ Берлинѣ состоялась первая большая демонстрація противъ войны, организованная соціалъ-демократами. „По разсказамъ участниковъ къ 8 ч. вечера около десяти тысячъ мужчинъ и женщинъ собрались на углу „Подъ липами" и Фридрихштрассе. Раздались дружные крики „Мира и хлѣба", „Долой войну!" Съ пѣніемъ марсельезы толпа двинулась по направленію къ рейхстагу. Конные жандармы нѣсколько разъ бросались на толпу съ обнаженными саблями. Нѣкоторые очевидцы утверждаютъ, что одинъ офицеръ громко командовалъ: „Колотите ихъ такъ, чтобы летѣли пухъ и перья". Разрѣзанная на двѣ части толпа отошла въ боковыя улицы, опять собралась и опять раздались возгласы: „Долой войну!" „Да здравствуетъ миръ!" На площади съ подходящимъ названіемъ „Жандармской" опять повторились атаки конной полиціи съ обнаженными саблями, и опять на улицахъ Берлина пролилась нѣмецкая кровь" *. Аналогичныя манифестаціи были организованы въ рядѣ другихъ германскихъ городовъ. Попытки манифестацій бывали уже, какъ я указывалъ, и раньше; но въ эти дни онѣ пріобрѣли болѣе внушительный и болѣе организованный характеръ.

Слѣдующимъ моментомъ въ начатой лѣвыми соціалистами кампаніи противъ войны были такъ называемые вопросы Либкнехта. Они были заявлены еще до интерпелляціи, но поставлены на очередь только 1-го декабря. Для нашей темы представляютъ интересъ первые три вопроса.

Первый вопросъ былъ формулированъ такъ: „Готово ли правительство при согласіи на это прочихъ воюющихъ сторонъ тотчасъ вступить въ мирные переговоры на основѣ отказа отъ всякаго рода аннексій? На какой иной основѣ готово правительство вступить въ мирные переговоры?" Отъ первой половины вопроса Либкнехтъ отказался, сославшись на то, что 26-го ноября канцлеръ уже отвѣтилъ на нее отрицательно: „правительство желаетъ не

---

* М. Лурье, „Рус. Вѣд." № 286.

мира, а завоевательной войны". На вторую половину отказался отвѣтить министръ иностранныхъ дѣлъ ф.-Яговъ. Дополнительный вопросъ Либкнехта „какъ отнеслось бы правительство къ мирному предложенію нейтральнаго правительства?" не былъ допущенъ президентомъ.

Второй вопросъ Либкнехта не былъ оглашенъ въ рейхстагѣ и не былъ даже опубликованъ въ прессѣ. Онъ былъ признанъ слишкомъ „опаснымъ". Гласилъ онъ слѣдующее*: „Извѣстно ли правительству, что масса нѣмецкаго народа въ арміи и внѣ арміи, ... требуетъ устраненія опасности новаго зимняго похода и что въ виду этого должны отступить на задній планъ всѣ завоевательные планы и стремленія капиталистовъ? Что сдѣлало правительство для исполненія этого требованія? Готово ли правительство пойти ему навстрѣчу?" Мотивы, по которымъ вопросъ былъ изъятъ, понятны конечно, сами собою.

Третій вопросъ интересенъ тѣмъ, что, ставя его, Либкнехтъ опредѣленно отмежевывается отъ офиціальной, принятой и большинствомъ соціалистовъ, теоріи вынужденной обороны. Либкнехтъ спрашивалъ, готово ли правительство опубликовать всѣ документы, относящіеся къ предварительной исторіи австрійскаго ультиматума и къ нарушенію нейтралитета Бельгіи и Люксембурга; готово-ли правительство допустить назначеніе парламентской слѣдственной комиссіи, которая разслѣдовала бы эти вопросы и привлекла виновныхъ къ отвѣтственности? Ф.-Яговъ отвѣтилъ, разумѣется, то, что и долженъ былъ отвѣтить. Правительство не отказывается опубликовать тѣ документы, которые оно сочтетъ нужнымъ; но назначеніе комиссіи оно рѣшительно отклоняетъ, ибо „вина и отвѣтственность всецѣло на сторонѣ враговъ".

Въ тотъ же день, когда Либкнехтъ, подъ издѣвательства и протесты буржуазнаго большинства рейхстага, предъявлялъ свои вопросы, министръ финансовъ Гельферихъ выступилъ въ рейхстагѣ съ требованіемъ новаго десятимилліарднаго кредита. Передъ фракціей вновь всталъ вопросъ о томъ, какъ отнестись къ ассигновкѣ денегъ на нужды войны. Большинство фракціи, укрѣпившись на своей позиціи вынужденной обороны, до сихъ поръ систематически высказывалось за принятіе кредитовъ. Но меньшинство, настаивавшее на ихъ отклоненіи, непрерывно росло. Въ августѣ 1914 г. противъ принятія кредитовъ голосовало во фракціи 14 человѣкъ, въ декабрѣ 1914 г. — 17, въ февралѣ 1915 г. — 23, наконецъ, въ августѣ 1915 г. — 36. Можно было съ увѣренностью предсказать, что въ декабрѣ 1915 г. это меньшинство окажется еще значительнѣе. Но главный интересъ представляло на этотъ разъ не голосованіе внутри фракціи, а

---

* Цитируемъ по сообщенію М. Лурье, Рус Вѣд. № 278.

голосованіе въ рейхстагѣ. Рѣшится ли меньшинство нарушить партійную дисциплину, пойти на встрѣчу возможности раскола и выступить въ рейхстагѣ самостоятельно, подавъ голосъ противъ кредитовъ вопреки постановленію фракціи? Въ августѣ меньшинство на это не рѣшилось и передъ голосованіемъ покинуло залу засѣданій. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли, многое измѣнилось и въ настроеніи рабочаго класса, и въ настроеніи самой фракціи.

Рѣчь Гаазе въ засѣданіи 26-го ноября была уже по существу первымъ опытомъ самостоятельнаго выступленія меньшинства. Это было выступленіе случайное, но меньшинство затѣмъ опредѣленнымъ актомъ придало ему значеніе принципіальное. На слѣдующій же день 34 члена фракціи подписали заявленіе о томъ, что они всецѣло примыкаютъ къ точкѣ зрѣнія Гаазе. А радикальная „Leipziger Volkszeitung“ поспѣшила поставить точку на і, выразивъ по этому поводу надежду, что дальнѣйшія занятія рейхстага доставятъ поводъ къ дѣятельности меньшинства, — „если не раньше, то при голосованіи новаго милліарднаго кредита“. Надежда газеты оказалась, какъ показали послѣдовавшія событія, вполнѣ основательной.

Во фракціи за принятіе кредитовъ высказалось 66 членовъ, противъ 43. Къ 34-мъ прибавилось, слѣдовательно, еще девять. Меньшинство составляетъ сейчасъ уже $^2/_5$ фракціи. Само собою разумѣется, что этотъ новый приростъ могъ только укрѣпить меньшинство въ его намѣреніи, сложившемся уже раньше подъ вліяніемъ весьма многочисленныхъ мотивовъ, выступить, наконецъ, противъ кредитовъ, отказавшись отъ половинчатой тактики воздержанія. Это сознавалось и большинствомъ, которое повело въ промежутокъ времени между совѣщаніемъ фракціи и днемъ голосованія въ рейхстагѣ усиленную агитацію въ пользу соблюденія партійной дисциплины во что бы то ни стало. Пресса большинства указывала на отсутствіе должнаго отвѣта на мирную агитацію германскихъ соціалистовъ въ странахъ согласія, на то, что война является при такихъ условіяхъ для Германіи неизбѣжностью, а потому неизбѣжны и новыя асссигновки на войну и т. д., и т. д. Страннымъ образомъ говорилось даже о готовности германскаго правительства заключить миръ, но при этомъ не выяснялось, на какихъ условіяхъ. Бюро центральнаго комитета безъ соотвѣтственнаго рѣшенія комитета въ цѣломъ разослало по партійнымъ организаціямъ особое воззваніе, въ которомъ вопросъ не обсуждался уже по существу, но члены партіи призывались просто вспомнить о необходимости сохранить въ это тяжелое время партійное единство.

Аргументы по существу не оказались достаточно убѣдительными. Только одинъ изъ голосовавшихъ во фракціи противъ кредитовъ, голосовалъ въ рейхстагѣ 8-го декабря за (Штуббе)

Но соображенія партійнаго единства раскололи меньшинство. 22 депутата не рѣшились подать свой голосъ и покинуть во время голосованія кредитовъ залу засѣданія. Остальные не остановились даже передъ опасностью раскола. Отъ ихъ имени Гейеромъ было прочтено заявленіе, въ которомъ отмѣчалось, что всѣ стремленія къ миру потерпѣли крушеніе вслѣдствіе аннексіонистскихъ вожделѣній обѣихъ сторонъ, что въ частности и германскій имперскій канцлеръ не протестовалъ противъ этихъ стремленій, столь рельефно проявившихся въ заявленіи буржуазныхъ партій. А такъ какъ продолженіе войны, согласно этому заявленію, ведетъ къ обнищанію Европы и къ уничтоженію европейской культуры, то соціалъ-демократы должны высказаться противъ военныхъ кредитовъ. Въ числѣ 20-ти депутатовъ, которые уполномочили Гейера на его заявленіе, наряду съ Либкнехтомъ и Рюле, уже въ мартѣ голосовавшими противъ бюджета, мы находимъ такихъ крупныхъ дѣятелей соціалъ-демократіи какъ Бернштейнъ, Гаазе, Ледебуръ, Штадтгагенъ, Вурмъ. Интересно что, по подсчету партійныхъ статистиковъ, большинство представляетъ 1.372.058 избирателей; 20 же депутатовъ, голосовавшихъ противъ кредитовъ, — 1.380.590. Такимъ образомъ, меньшинство фракціи уже сейчасъ могло говорить отъ большинства избирателей.

О громадномъ моральномъ значеніи этого выступленія не можетъ, конечно, быть спора. Не приходится сомнѣваться въ томъ, что оно вызоветъ соотвѣтственный откликъ и въ широкихъ рабочихъ массахъ Германіи, и въ рядахъ нѣмецкой арміи, и, — last not least, — въ близкихъ по духу кругахъ прочихъ воюющихъ странъ. А это — все, къ чему только и можетъ пока стремиться стоящее на интернаціональной позиціи меньшинство германскихъ соціалистовъ.

III.

Судя по скуднымъ даннымъ, доходящимъ до насъ, о положеніи Австро-Венгріи, она переживаетъ экономическую разруху еще болѣе значительную, чѣмъ Германія. Не легче Германіи переноситъ она, конечно, и непосредственное бремя войны. Наоборотъ, при пестротѣ національнаго состава Австро-Венгріи, при наличности въ ней весьма значительныхъ центробѣжныхъ тенденцій это бремя должно было бы ощущаться извѣстными элементами населенія гораздо болѣзненнѣе, чѣмъ въ Германіи. Патріотическій гипнозъ начала войны долженъ былъ здѣсь чувствоваться слабѣе. Не могли содѣйствовать укрѣпленію патріотическихъ настроеній и крупныя неудачи перваго періода войны. Съ другой стороны, государственная организація габсбургской монархіи оказалась гораздо болѣе грубой, гораздо менѣе эластичной, менѣе способной приноравляться къ новымъ исключительнымъ условіямъ.

менѣе удачно приспособилась съ этимъ условіемъ и ея соціально-экономическая организація. И въ томъ, и въ другомъ сказалась весьма чувствительно относительная хозяйственная и связанная съ нею политическая отсталость Австро-Венгріи.

Все это заставляло, казалось бы, ожидать въ Австро-Венгріи еще болѣе рѣзкихъ проявленій оппозиціоннаго настроенія, чѣмъ тѣ, какія мы наблюдали въ Германіи. И возможно, что стихійныя проявленія недовольства, стихійные протесты противъ войны здѣсь, дѣйствительно, были болѣе внушительны и опасны, чѣмъ германскія манифестаціи. Но знаемъ мы о нихъ слишкомъ мало для того, чтобы составить о нихъ сколько-нибудь опредѣленное сужденіе. Что касается организованнаго движенія въ пользу мира, то оно до сихъ поръ не можетъ и сравниваться по своему размаху съ движеніемъ германскимъ. Въ Германіи въ этомъ движеніи можно различать два оттѣнка: болѣе умѣренный, ярко выразившійся въ шейдемановской рѣчи, и болѣе рѣшительный, интернаціональный, сказавшійся въ выступленіяхъ соціалистическаго меньшинства. Въ Австріи первый оттѣнокъ, умѣренный, не имѣлъ возможности проявиться. Легальные пути были для него закрыты, ибо рейхстагъ во время войны не функціонируетъ; на нелегальныя выступленія умѣренная часть австрійской соціалъ-демократіи идти, очевидно, не желала. Только косвенно, по одному замѣчанію въ рѣчи Шейдемана, можемъ мы судить объ ея настроеніи. „По порученію нѣмецко-австрійской братской партіи я долженъ заявить, — сказалъ Шейдеманъ, — что она вполнѣ единодушна съ нами и въ смыслѣ сознанія обязанности содѣйствовать оборонѣ страны, и въ отношеніи воли къ миру". Такимъ образомъ, большинство австрійской соціалъ-демократіи, какъ и большинство германской, стоитъ на позиціи обороны, при данныхъ стратегическихъ условіяхъ, сочувствуетъ движенію въ пользу мира, но само признаетъ свое полное безсиліе начать соотвѣтственную кампанію въ Австріи.

Интернаціоналистское меньшинство австрійскихъ соціалистовъ формулировало не такъ давно свою точку зрѣнія въ особомъ манифестѣ, появившемся въ Швейцаріи. Первыя строки этого документа посвящены характеристикѣ общихъ условій политической жизни Австріи. „Голосъ правды, — говорится здѣсь, — въ Австріи задавленъ. Народы Австріи лишены малѣйшей возможности высказаться по поводу все возрастающей нищеты, все усиливающагося гнета и насилія... Конституція окончательно отмѣнена, свобода мнѣній уничтожена, зато палачи безпрепятственно и безъ ограниченій дѣлаютъ свое кровавое дѣло. Установилась бѣшеная ненависть къ печатному слову. Тюрьма и висѣлица грозятъ на каждомъ шагу. Мы не будемъ говорить о безконечной серіи смертныхъ приговоровъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ чеховъ и вообще славянъ. Но мы не мо-

жемъ обойти молчаніемъ того, какими насильственными мѣрами подавляется всякая попытка выразить свои политическіе взгляды. Такъ, нѣмецкій соціалъ-демократъ Лангеръ изъ Фрейвальдау переписалъ, отпечаталъ на гектографѣ и раздалъ нѣсколькимъ своимъ знакомымъ воспѣвающее миръ стихотвореніе, безпрепятственно напечатанное въ буржуазной прессѣ. За это онъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, но впослѣдствіи смертная казнь была ему замѣнена 5-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Въ будущемъ, если теперешніе правители Австріи окажутся побѣдителями въ міровой войнѣ, авторы манифеста ждутъ воцаренія въ странѣ самаго безудержнаго деспотизма. Господствующіе классы носятся съ безумными планами. Они выступаютъ подъ флагомъ борьбы съ русскимъ самодержавіемъ, а сами мечтаютъ о введеніи въ Австріи настоящаго абсолютизма. Военная диктатура ждетъ и „освобожденную" Польшу, и южныхъ славянъ, и даже нѣмецкую Австрію. Этимъ планамъ меньшинство австрійской соціалъ-демократіи противополагаетъ принципъ: Австрія либо будетъ демократическимъ союзомъ національностей, либо ея вовсе не будетъ.

Переходя отъ характеристики общаго политическаго положенія въ Австріи къ характеристикѣ поведенія австрійской соціалъ-демократіи, манифестъ указываетъ, что „если искусству тайной дипломатіи удалось повести дѣло такъ, что всѣмъ народамъ было втолковано, будто они ведутъ войну оборонительную, то пролетаріатъ Австріи, заклейменной позорами своего ультиматума, не имѣлъ права поддаваться этой идеологіи необходимой обороны". Вожди австрійскаго соціализма не оказались на высотѣ положенія, стали на сторону господствующихъ классовъ; они позволили себя одурачить военнымъ кликушествомъ, заговорили объ оборонѣ, защитѣ нѣмецкаго народа и т. д., и т. д. § 14-й австрійской конституціи избавилъ фракцію отъ необходимости подать голосъ за военные кредиты, но симпатіи австрійской соціалъ-демократіи были всецѣло на сторонѣ голосовавшаго за кредиты большинства германской фракціи. „Мы не забывали и не отрицали, что пролетаріатъ не располагалъ достаточной силой, чтобы помѣшать войнѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ долженъ былъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ правительства?"

Такъ какъ совмѣстная дѣятельность австрійской и германской армій налагаетъ на Австрію отвѣтственность за аннексіонистскіе планы Германіи, то авторы манифеста считаютъ своимъ долгомъ протестовать противъ всякихъ аннексій въ Бельгіи и Франціи, противъ новаго раздѣла Польши. Миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій — таковъ идеалъ австрійскаго меньшинства, послѣдовательный интернаціонализмъ — таковъ ихъ основной тактическій принципъ. Призывомъ бороться за миръ, несмотря

на грозящія за это кары, манифестъ и заканчивается. „Пусть насъ преслѣдуютъ, дѣло наше не можетъ не побѣдить, ибо духъ умертвить имъ не подъ силу!"

Голосъ австрійскихъ интернаціоналистовъ дошелъ до насъ, потому что онъ раздался въ нейтральной Швейцаріи. Въ самой Австріи (т. е. въ собственно австрійской половинѣ монархіи) свирѣпствуетъ цензурный терроръ, ярко характеризованный въ манифестѣ. Конечно, только этимъ терроромъ объясняется фактъ полнаго молчанія большинства соціалъ-демократіи и настроенныхъ противъ войны буржуазныхъ элементовъ. Въ томъ, что такіе элементы имѣются и въ Австріи, какъ они есть въ Германіи, не можетъ быть сомнѣнія. Въ венгерской половинѣ монархіи, гдѣ привилегированные классы пользуются относительной свободой высказывать свое мнѣніе, гдѣ правильно функціонируетъ парламентъ, вопросъ о мирѣ обсуждался довольно откровенно, при томъ въ кругахъ правящей Венгріи даже, пожалуй, болѣе откровенно, чѣмъ въ кругахъ демократическихъ. Конечно, аргументація здѣсь не совсѣмъ та, какую мы видѣли у представителей германскаго и австрійскаго соціализма. Но при всѣхъ различіяхъ, въ иныхъ рѣчахъ, посвященныхъ вопросу о мирѣ въ венгерскомъ парламентѣ, мы можемъ подмѣтить несомнѣнные признаки той же „мечты о мирѣ", которая вдохновляла и лѣвыхъ ораторовъ германскаго рейхстага.

24-го ноября въ венгерскомъ парламентѣ начались пренія о бюджетѣ. Послѣ рѣчи докладчика слово получилъ членъ оппозиціи гр. Карольи, заявившій о недовѣріи своей группы правительству. Министерство, несмотря на предоставленныя ему исключительныя полномочія, не сумѣло, по его мнѣнію, обезпечить страну въ отношеніи продовольствія. Заслуживаетъ вниманія, что исходнымъ пунктомъ построенія гр. Карольи является хозяйственная разруха и неспособность правительства съ нею справиться. Это, повидимому, далеко не второстепенный мотивъ тѣхъ мирныхъ заявленій, къ которымъ онъ перешелъ далѣе. „Насталъ моментъ, — говорилъ гр. Карольи, — заговорить о мирѣ. Для для насъ и для Германіи война была оборонительной. Мы начали войну, чтобы покарать Сербію. Такъ какъ эта цѣль достигнута, то мысль о мирѣ пріобрѣла актуальное значеніе. Тѣ, кто сдѣлаетъ первый шагъ къ миру, заслужатъ наибольшую славу въ исторіи. Не слѣдуетъ также бояться, чтобы враги истолковали этотъ шагъ, какъ признакъ слабости. Наоборотъ, это было бы проявленіе силы."

Слѣдующій ораторъ, гр. Андраши, признавалъ, что сейчасъ заключеніе мира еще невозможно, — но только потому, что на него не согласится противоположная сторона, недовольная настоящими результатами кампаніи, и мечтающая взять реваншъ въ будущемъ. Но и для него заключить миръ въ тотъ самый мо-

ментъ, какъ только это окажется возможнымъ, — долгъ по отношенію къ человѣчеству. Андраши вполнѣ убѣжденъ, что центральныя державы въ состояніи справиться съ самымъ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, что онѣ могутъ продолжать войну, пока непріятель не окажется вынужденъ просить мира. Но было бы все же счастьемъ, если бы удалось заключить миръ еще до наступленія этого момента.

Результатъ этихъ мирныхъ заявленій въ венгерскомъ парламентѣ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, столь же печаленъ, какъ и результатъ соотвѣтственной интерпелляціи въ рейхстагѣ. Въ своемъ отвѣтѣ венгерскій премьеръ, гр. Тисса, воспользовался той же схемой, какую два дня спустя воспроизвелъ въ Берлинѣ Бетманъ-Гольвегъ. Гр. Тисса оказался, разумѣется, тоже самымъ горячимъ сторонникомъ мира. Миръ, конечно, крайне желателенъ. И все же Тисса выразилъ сожалѣніе о томъ, что вопросъ былъ поднятъ въ парламентѣ. Ибо это не повысить, а понизитъ шансы мира; въ Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ это покажется признакомъ слабости и побудитъ продолжать борьбу. Объективныя условія мира, какъ правильно указала оппозиція, налицо. Но война должна продолжаться, пока не будутъ созданы субъективныя предпосылки мира: готовность къ миру стороны побѣжденной. А въ заключеніе и у Тиссы, какъ у Бетмана-Гольвега, намекъ на аннексіи — намекъ менѣе опредѣленный, но все же достаточно ясный: „ни одинъ венгръ не согласится заключить мира, пока не будутъ созданы предварительныя условія дальнѣйшаго мирнаго развитія“.

Подводя итоги всему, что намъ извѣстно о движеніи въ пользу мира въ Германіи и Австро-Венгріи, можно коротко формулировать ихъ такъ: въ обѣихъ странахъ продолжительная война и связанное съ нею хозяйственное разореніе въ значительной мѣрѣ разсѣяли тотъ ореолъ, какимъ война была окружена въ свои первые мѣсяцы; оппозиція войнѣ явно растетъ, захватывая въ первую очередь демократическіе слои населенія, но постепенно проникая и въ буржуазную среду, поскольку послѣдняя не заинтересована въ войнѣ непосредственно; но эта оппозиція безсильна пока повліять на правительства, которыя не считаютъ нужнымъ отказываться во имя скорѣйшаго заключенія мира отъ своихъ широкихъ завоевательныхъ замысловъ.

IV.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

В. Волгинъ.

ПОДЪ ДАМОКЛОВЫМЪ МЕЧОМЪ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ.)

Тотъ переполохъ и треволненія, которые пережила Швейцарія въ первые дни войны, повторились въ значительной степени съ выступленіемъ Италіи.

Вокругъ Швейцаріи смыкалось кольцо огня, она оказывалась маленькимъ островомъ, со всѣхъ сторонъ котораго бушевала разнузданная стихія... Снова ожили, обострились старыя опасенія: не близокъ ли часъ, не пришла ли минута, когда захлестнутъ кровавыя волны маленькій островъ и наполнятъ мирный покой горъ и долинъ всѣми ужасами войны? А если не захлестнутъ, то какъ продержится, какъ проживетъ этотъ островъ, отрѣзанный отъ всего міра, лишенный подвоза, провіанта для населенія, сырья для фабрикъ?

Около юго-восточнаго угла Швейцаріи стягивались итальянскія и австрійскія войска, какъ раньше около сѣверо-западнаго — французскія и нѣмецкія. Морщинистое лицо старухи-исторіи готово было осклабиться новой саркастической усмѣшкой: братья-итальянцы, разбитые на части пограничными столбами, точили ножи другъ на друга. Итальянская часть Швейцаріи дѣятельно готовилась къ защитѣ противъ возможнаго нападенія со стороны Италіи. Горныя тропы запестрѣли военными патрулями. Въ долинахъ каждая кровля дала пріютъ солдатамъ. Маленькіе тессинскіе города, съ ихъ старинными зубчатыми замками, переполнились войсками, школьныя занятія прекратились, училища обращены были въ казармы. Рядомъ, въ итальянской части Тироля также кипѣла работа по подготовкѣ сопротивленія итальянскому наступленію, — строились укрѣпленія, подвозились войска, устанавливались батареи на неприступныхъ высотахъ. А съ юга уже двигались на итальянцевъ австрійскихъ и швейцарскихъ итальянцы ломбардскіе. И уже вѣковѣчный покой горныхъ высотъ Стельвіо, гдѣ сходятся границы трехъ государствъ, нарушенъ былъ первыми выстрѣлами, и снѣжные склоны окрасились человѣческой кровью.

Перестали пыхтѣть денно и нощно тяжелые горные паровозы по швейцарскимъ зміевикамъ-тоннелямъ, — остановилось огромное желѣзнодорожное движеніе между Германіей и Италіей, приносившее Швейцаріи немалые доходы, нанесенъ былъ новый серьезный ударъ швейцарскому государственному бюджету. Перерѣзанной казалась первѣйшей важности артерія, единственная остававшаяся свободной, по которой притекали въ Швейцарію изъ Италіи хлѣбъ, рисъ, скотъ, яйца, рыба, овощи, фрукты, — перерѣзанной или безнадежно засоренной войсками, пушками, амуниціей.

Но зато и съ юга, и съ сѣвера нахлынулъ на Швейцарію, частью задерживаясь въ ней, двойной потокъ бѣженцевъ: итальянцевъ — изъ Австріи, Германіи, нѣмцевъ — изъ Италіи. Тысячами и тысячами подвозили ихъ въ простыхъ „скотскихъ" вагонахъ, биткомъ набитыхъ. Поѣзда съ итальянцами по внѣшнему виду напоминали какой-нибудь грязный переулокъ въ Генуѣ или Неаполѣ: вдоль вагоновъ веревки съ разноцвѣтнымъ тряпьемъ, атмосфера еще хуже, чѣмъ въ итальянскихъ переулкахъ... По четыре, по шесть дней проводили здѣсь вмѣстѣ женщины, мужчины, дѣти, лежа на полу или сидя на узлахъ, возвращаясь изъ Истріи, Далмаціи, гдѣ оставили насиженныя мѣста. Ни злобы къ „врагу", сопровождавшимъ ихъ австрійскимъ солдатамъ, ни стремленія въ лоно „отечества", гдѣ у нихъ ни кола, ни двора...

Со всѣхъ концовъ приходили вѣсти о тысячахъ и тысячахъ нѣмецкихъ бѣженцевъ, которые на гостепріимной почвѣ Швейцаріи мирно селились рядомъ съ французскими, бельгійскими, русскими бѣженцами. Цѣлыя школы нѣмецкія, изгнанныя изъ Италіи, перекочевали въ Швейцарію со всѣмъ учащимъ и учащимся персоналомъ. Тессинъ котломъ кипѣлъ. Призывные, бѣженцы, итальянцы, нѣмцы, австрійцы, возвращающіеся изъ Италіи дипломаты, изгнанные изъ Рима журналисты... Все волновалось и горячо обсуждало событія. Атмосфера была грозовая. Частыя стычки въ кафе, на улицахъ, взаимныя оскорбленія... Нѣсколько схватокъ на вокзалѣ въ Лугано, потребовавшихъ вмѣшательства вооруженной силы... Благодаря цензурѣ, даже изъ мелкихъ событій выростали чудовищные слухи. Поговаривали о дипломатическихъ „осложненіяхъ"...

Въ довершеніе общей сумятицы, итальянская мобилизація самымъ неожиданнымъ образомъ коснулась самихъ швейцарцевъ: многіе изъ гражданъ нейтральной Швейцаріи вынуждены были пойти подъ знамена иностранной державы. Это нелѣпое положеніе, — одно изъ столькихъ противорѣчій, порожденныхъ войной, — получилось такимъ образомъ.

Въ Швейцаріи — и не только въ Тессинскомъ кантонѣ — живетъ очень много итальянцевъ. Итальянскія колоніи доходятъ въ нѣкоторыхъ городахъ до 10—20 тысячъ человѣкъ. Помимо текучаго элемента этихъ колоній (преимущественно строительныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ), значительная часть итальянцевъ поселилась въ Швейцаріи съ давнихъ поръ или родилась здѣсь и пріобрѣла права швейцарскаго гражданства. Многіе даже совершенно забыли родной итальянскій языкъ. Но не забыло ихъ итальянское правительство. Если въ мирное время оно еще мало интересовалось ими, смотря сквозь пальцы на ихъ отношеніе къ воинской повинности, то съ объявленіемъ войны оно вспомнило, что за границей живутъ тысячи итальянцевъ, подлежащихъ призыву. По итальянскому закону 13 іюня 1912 года лица, пріобрѣтшія

права иностраннаго гражданства, теряютъ тѣмъ самымъ права гражданства въ Италіи, но не освобождаются отъ военныхъ обязанностей. Не освобождаются отъ нихъ и ихъ дѣти, родившіяся до натурализаціи. Эти обязанности могутъ быть сняты съ нихъ только въ результатѣ особаго прошенія, чего обыкновенно не дѣлалось въ виду указаннаго отношенія итальянскаго правительства. Когда объявлена была въ Италіи война, всѣ „натурализовавшіеся" въ Швейцаріи итальянцы, давно порвавшіе со своей старой родиной, но своевременно не „денатурализовавшіеся", получили призывные билеты отъ итальянскаго правительства.

Конечно, ихъ новая родина, съ своей стороны, требовала отъ нихъ исполненія воинской повинности: одни только что вернулись изъ-подъ швейцарскаго ружья, другіе все еще находились въ швейцарской арміи, охранявшей границы. И передъ гражданами двухъ отечествъ, какъ передъ витяземъ въ русской сказкѣ, стала роковая дилемма: куда ни поѣдешь, вездѣ голову сложишь... Если швейцарско-итальянскій гражданинъ останется защищать свое швейцарское отечество, итальянское правительство будетъ преслѣдовать его за дезертирство; если онъ отправится на защиту своего итальянскаго отечества, военному суду предастъ его швейцарское правительство тоже за дезертирство.

Многіе изъ молодежи выбрали второй путь: они измѣнили новой родинѣ и ушли за Альпы служить старой. „Отдавали ли себѣ отчетъ эти люди въ томъ, — ставили имъ вопросъ швейцарскія газеты, — что они вѣдь также нужны и Швейцаріи? Сдѣлавшись по свободному и сознательному рѣшенію швейцарскими гражданами, развѣ не заключили они торжественнаго и тѣснаго союза между собой и ихъ новой родиной?" А итальянская печать требовала: „долгъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины, гдѣ бы они ни находились въ этотъ тяжелый для отечества часъ, поспѣшить на его торжественный призывъ!"

Швейцарскія газеты протестовали противъ такого положенія, когда граждане свободной и независимой страны обязаны подчиняться требованіямъ иностраннаго правительства. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ сдѣланы были запросы мѣстнымъ правительствамъ съ предложеніемъ федеральному правительству вмѣшаться въ пользу натурализовавшихся итальянцевъ. Но федеральный совѣтъ, видимо, сознавая, что дѣло идетъ о конфликтѣ двухъ правъ и не желая обострять его, предпочелъ умыть руки.

Вопросъ, помимо драматичности положенія непосредственно задѣтыхъ имъ лицъ, интересенъ съ правовой точки зрѣнія. Оказывается, современное состояніе юридическихъ нормъ допускаетъ такую ситуацію, при которой одно и то же лицо признается одновременно гражданиномъ двухъ государствъ. Оказывается далѣе натурализація „освобождаетъ" натурализовавшагося отъ всѣхъ

гражданскихъ правъ въ его прежнемъ отечествѣ, но вовсе не освобождаетъ отъ важнѣйшей изъ гражданскихъ обязанностей — военной службы. Государство, не признающее болѣе человѣка, какъ своего гражданина, продолжаетъ требовать его къ себѣ на службу. Сверхъ того, государство, снабдившее его полнотой гражданскихъ правъ, отказывается выступить въ защиту его интересовъ, но зато требуетъ отъ него неуклоннаго исполненія все того же воинскаго долга. Въ концѣ концовъ отъ личности, отъ гражданина не остается ничего кромѣ воинской силы, которую тянутъ въ разныя стороны два его отечества... Одна швейцарская газета (совсѣмъ не изъ крайнихъ лѣвыхъ) писала по этому поводу: „Война обнаружила съ полной очевидностью много недостатковъ въ нашихъ соціальныхъ учрежденіяхъ. Политическій и соціальный организмъ нашъ трещитъ, какъ корабль, потрясаемый бурей... И съ глубокимъ изумленіемъ констатируемъ мы, что въ то самое время, когда національные вопросы играютъ, казалось бы, доминирующую надъ всѣми другими роль, люди оказываются принадлежащими къ двумъ разнымъ отечествамъ и не знаютъ, которому изъ нихъ служить...“

Каждымъ швейцарцемъ неотступно владѣлъ одинъ вопросъ: пойдетъ или не пойдетъ Германія или Италія черезъ Швейцарію? Вопросъ ставился ребромъ, въ голомъ видѣ, — всѣ превыспренніе фразы о правѣ, справедливости, человѣчности и т. п. отлетѣли, какъ негодная шелуха! Найдетъ или не найдетъ для себя выгоднымъ германскій или итальянскій генеральный штабъ движеніе черезъ Швейцарію?

Лучшій швейцарскій военный критикъ, полковникъ Фейлеръ, франкофилъ, обыкновенно много распространяющійся на счетъ „моральныхъ преимуществъ“, имѣющихся на сторонѣ державъ согласія, на этотъ разъ говорилъ простымъ и яснымъ языкомъ, что Италіи бояться нечего, ибо для нея „игра не стоитъ свѣчъ“: итальянцамъ пришлось бы пересѣчь около 270 километровъ непрерывной горной цѣпи, защищенной отличными крѣпостями и швейцарской арміей. „Нейтральная швейцарская граница сводитъ для итальянцевъ къ минимуму рискъ военныхъ операцій противъ Австріи“, — писалъ полковникъ Фейлеръ. Напротивъ, для австрійцевъ и нѣмцевъ обходное движеніе черезъ Швейцарію представляетъ, по мнѣнію полковника Фейлера, „огромныя выгоды“: проникнувъ черезъ удобные швейцарскіе проходы съ юго-западной стороны итальянскаго фронта, они отодвинули бы весь центръ тяжести кампаніи съ востока въ глубь непріятельской страны. Весь вопросъ только въ томъ, найдутся ли у германскаго генеральнаго штаба лишнія силы для этой операціи (полковникъ Фейлеръ утѣшалъ, что не найдутся).

Эти тревожныя настроенія значительно обострялись поведеніемъ самого правительства. Правда, федеральный совѣтъ, какъ и

начальникъ швейцарской арміи генералъ фонъ-Вилле, съ самаго начала войны не упускали случая оффиціально подтвердить, что они будутъ вооруженной силой защищать нейтралитетъ страны, гарантированный международными договорами, противъ покушеній съ чьей бы то ни было стороны. Но факты говорили иное. Лѣвая печать съ тревогой спрашивала: какъ согласовать съ нейтралитетомъ расположеніе укрѣпленій по швейцарской границѣ? На итальянской сторонѣ находятся постоянныя крѣпости въ трехъ главнѣйшихъ пунктахъ: Сенъ-Готардъ, Симплонъ, Сенъ-Бернаръ. Онѣ не разъ усиливались и отвѣчаютъ теперь всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ. Тоннели минированы и могутъ быть немедленно взорваны въ случаѣ объявленія войны. Симплонскій тоннель снабженъ громадными желѣзными воротами, которыя приводятся въ движеніе электричествомъ и могутъ остановить экспрессъ на полномъ ходу. Кромѣ того, горная цѣпь и долины постоянно охраняются патрулями изъ стражи. Только Тессинскій кантонъ до послѣдняго времени находился внѣ этой системы защиты итальянской границы. Но уже приводится въ исполненіе планъ постоянныхъ сооруженій и въ этомъ кантонѣ, по ту сторону горъ. По западной границѣ, со стороны Франціи, также расположенъ рядъ постоянныхъ укрѣпленій, теперь усиленныхъ, особенно по линіи Поррентрюи — Мора. Но по всей нѣмецкой границѣ нѣтъ ни постоянныхъ укрѣпленій, ни даже траншей. На австрійской границѣ есть только старыя полузаброшенныя укрѣпленія въ Луціенштейгѣ.

Какимъ же образомъ нейтральная Швейцарія, — нейтральная не со вчерашняго дня, — оказывалась прекрасно защищенной съ одной стороны и не защищенной съ другой и при томъ какъ разъ съ той, гдѣ опасность, по мнѣнію военной критики, наиболѣе велика?

Далѣе, если швейцарское правительство дѣйствительно ни съ кѣмъ не собиралось воевать, то къ чему оно въ международныхъ отношеніяхъ такъ старательно обезпечивало за собой полную свободу дѣйствій? Съ давнихъ поръ Швейцарія выступала принципіальной сторонницей мирнаго разрѣшенія конфликтовъ между государствами. Еще въ 1883 году швейцарское правительство предложило Соединеннымъ Штатамъ заключить договоръ о третейскомъ судѣ на случай осложненій въ отношеніяхъ между обѣими республиками, „каковы ни были бы причина, характеръ или предметъ этихъ осложненій". Такую же точку зрѣнія защищало оно въ 1904 году при заключеніи договоровъ о третейскомъ судѣ съ разными государствами, которыя настояли, однако, на томъ, чтобы изъ договоровъ были исключены конфликты, задѣвающіе „жизненные интересы, независимость и честь государствъ". Швейцарское правительство сочло эти договоры лишь „первымъ робкимъ шагомъ на новомъ пути"; оно писало: „насъ справедливо

могли бы обвинить въ измѣнѣ нашей миссіи, въ отрицаніи нашего прошлаго и нашихъ традицій, если бы мы не приложили широкой доли нашихъ усилій къ тѣмъ, которыя дѣлаются съ цѣлью расширенія области международнаго третейскаго суда". Такъ было до войны. Теперь Италія предложила Швейцаріи вмѣсто договора, заключеннаго въ 1904 году и возобновленнаго въ 1909 году, срокъ которому истекъ въ ноябрѣ 1914 года, — заключить новый договоръ по образцу аналогичнаго трактата между Италіей и Нидерландами. Этотъ трактатъ предусматриваетъ третейскій судъ для всѣхъ конфликтовъ безъ исключенія и содержитъ статью о постоянномъ молчаливомъ возобновленіи договора на новые сроки, разъ ни одна изъ сторонъ не заявляетъ о противномъ.

Что отвѣтило на это предложеніе швейцарское правительство? Оно отклонило его. Почему? „Потому, — читаемъ въ отвѣтѣ, — что предложенный текстъ договора предусматриваетъ примѣненіе третейскаго суда ко всѣмъ конфликтамъ (курсивъ подлинника), которые могутъ возникнуть между договаривающимися сторонами. Мы не могли отказаться отъ принципа, согласно которому договоръ о третейскомъ судѣ примѣнимъ только къ конфликтамъ, не задѣвающимъ жизненныхъ интересовъ, независимости и чести договаривающихся сторонъ."

Такимъ образомъ, правительство швейцарской демократической республики отказывалось заключить съ правительствомъ итальянской монархіи договоръ о мирномъ разрѣшеніи какъ разъ такого рода конфликтовъ, которые и являются настоящими casus belli. Впечатлѣніе отъ этого рѣшенія было такъ велико по ту и другую сторону Готарда, что въ печати и обществѣ заговорили о полномъ отказѣ отъ договора и чуть ли не о дипломатическомъ разрывѣ. Снова выплыли откуда-то упорные слухи, — приводились имена и даты, — о секретномъ соглашеніи между Швейцаріей и Австріей относительно совмѣстныхъ дѣйствій на случай войны съ Италіей, въ итальянской печати появились сообщенія о такомъ же соглашеніи между Швейцаріей и Германіей и даже о спеціальной поѣздкѣ делегата нѣмецкаго генеральнаго штаба въ Бернъ съ цѣлью условиться о пропускѣ баварскихъ войскъ черезъ Швейцарію... Въ концѣ концовъ, договоръ съ Италіей былъ все-таки заключенъ, но на прежнихъ основаніяхъ, съ оговоркой, которая, по словамъ швейцарскаго правительства добрыхъ старыхъ временъ (1904 года), „слишкомъ легко открываетъ двери отказу отъ третейскаго суда".

Къ счастію, опасенія швейцарцевъ до сихъ поръ не сбылись. Значительное успокоеніе наступило съ того момента, какъ стало извѣстно, что какъ Италія, такъ и Германія поручили защиту интересовъ своихъ подданныхъ во враждебной странѣ —

Швейцаріи. Но это не значитъ еще, чтобы швейцарецъ пересталъ жить въ страхѣ и трепетѣ за свою судьбу. Совсѣмъ недавно вдругъ распространились слухи, что двух-трехсотъ-тысячныя арміи, французская и итальянская, концентрируются у Эльзаса и у Тессина: французы будто бы готовились прорваться черезъ Бельфорское отверстіе, а итальянцы — отвлечь часть швейцарской арміи на югъ. Вслѣдъ за этимъ вся французско-швейцарская граница вдругъ была наглухо закрыта на нѣсколько дней, что какъ бы подтверждало слухи и встревожило до крайности всю Швейцарію. А бомбардировка Шо-де-Фона съ нѣмецкаго аэроплана показала, что можно ждать жертвъ и безъ объявленія войны. Дамокловъ мечъ продолжаетъ висѣть...

* * *

Какъ бы тамъ ни было, жизнь шла въ странѣ своимъ чередомъ, предъявляла свои требованія. Швейцарская буржуазія прекрасно сознавала, что какъ бы ни кончилась война, она не принесетъ ей ни новыхъ рынковъ, ни морскихъ портовъ. И мало-по-малу началась работа по возобновленію и расширенію порванныхъ связей съ промышленнымъ и торговымъ міромъ другихъ странъ.

Но встрѣтились серьезныя препятствія. Правда, международные трактаты предусмотрительно „гарантировали" на случай войны „права нейтральной націи". Согласно Гаагской конвенціи, за нейтральнымъ государствомъ сохраняется полная самостоятельность въ его торговыхъ сношеніяхъ. Во всемъ, что касается разрѣшенія или запрещенія вывоза товаровъ, оно руководствуется исключительно своими собственными интересами, а не соображеніями воюющихъ. Такое государство не обязано даже воспрещать вывозъ военныхъ матеріаловъ, оно должно лишь всѣ воюющія государства поставить въ одинаковыя условія въ этомъ отношеніи. Но что осталось отъ многострадальной Гаагской конвенціи и отъ всего буржуазнаго пацифизма? „Дворецъ мира" въ Гаагѣ и въ этомъ дворцѣ большой паукъ-секретарь, — бельгіецъ по ироніи судьбы, — копающійся въ грудахъ международныхъ трактатовъ, гарантирующихъ всяческіе права и нейтралитеты...

Жизнь пошла совсѣмъ другимъ путемъ. Каждая изъ воюющихъ сторонъ стала стремиться изолировать противную сторону отъ торговаго кругооборота и лишить ее возможности получать черезъ посредство нейтральныхъ странъ не только военные матеріалы въ самомъ распространенномъ смыслѣ этого слова, но и вообще все, что могло бы оказаться ей полезнымъ съ экономической точки зрѣнія. И та, и другая сторона увѣряла Швейцарію въ своихъ добрососѣдскихъ чувствахъ, но, ссылаясь на „силу обстоятельствъ", рѣшительно отклоняла отъ себя всякія обязательствъ насчетъ свободнаго ввоза и вывоза. Напротивъ,

всѣ воюющія государства, допуская вывозъ своихъ товаровъ или провозъ чужихъ черезъ свои территоріи въ Швейцарію, ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти товары ни въ сыромъ, ни въ обработанномъ видѣ не вывозились за ея предѣлы. Съ швейцарскихъ торговцевъ и фабрикантовъ, ввозящихъ товары, брались личныя обязательства въ названномъ смыслѣ, при чемъ нерѣдко они составлялись, по словамъ директора департамента иностранныхъ дѣлъ г. Гофмана, въ такой формѣ, которая заставляла швейцарцевъ „краснѣть отъ стыда“ за свою національную независимость. Въ результатѣ нейтральное государство, обязанное въ силу международныхъ трактатовъ соблюдать полный нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ воюющимъ государствамъ (чего тѣ и требуютъ), само оказывалось подъ усиленнымъ давленіемъ со стороны этихъ государствъ и поставлено было передъ необходимостью мириться съ прямымъ ограниченіемъ своихъ правъ на свободную торговлю. Болѣе того, требованія воюющихъ государствъ угрожали самому существованію интенсивной и разнообразной швейцарской промышленности, лишая ее возможности получать изъ-за границы необходимый ей сырой матеріалъ.

Конечно, система личныхъ свидѣтельствъ, вызывая только нареканія на пристрастную выдачу ихъ, не могла обезпечить контроля за выполненіемъ обязательствъ. Неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вывозъ товаровъ „нелегальнымъ“ образомъ. Со стороны Франціи посыпались на Швейцарію обвиненія въ томъ, что она не исполняетъ своего „долга нейтральной страны“ и занимается „военной контрабандой“ въ ущербъ интересамъ державъ согласія, снабжая Германію пшеницей, рисомъ, бобами и другими продуктами. Парижская газета „Le Journal“ съ негодованіемъ требовала даже отправки французской и итальянской таможенной стражи для надзора за швейцарскимъ экспортомъ!

У насъ нѣтъ ни малѣйшей охоты разбираться, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуютъ эти обвиненія дѣйствительности (швейцарское правительство оффиціально опровергаетъ ихъ). Въ прессѣ возникала полемика по этому поводу, при чемъ лѣвыя газеты называли опредѣленныя станціи, откуда получающіеся съ южной границы продукты переправлялись въ Германію, и предлагали навести справки по документамъ станцій. Но начальники этихъ станцій ссылались въ такихъ случаяхъ на „служебную тайну“... Наличность вывоза „запрещенныхъ“ товаровъ констатируется тѣмъ простымъ фактомъ, что между правительствами странъ согласія и швейцарскимъ возникли длинные переговоры относительно созданія особой организаціи, гарантирующей первыхъ отъ „военной контрабанды“ въ ущербъ ихъ интересамъ. Эти переговоры привели наконецъ къ учрежденію въ концѣ сентября „Швейцарскаго общества для хозяйственнаго надзора и для организаціи ввоза товаровъ изъ странъ согласія и черезъ ихъ

территоріи", или треста для ввоза, какъ его кратко называютъ.

Организація этого треста для ввоза и его исторія — характерный примѣръ того, какъ нейтральная страна не только должна нести на себѣ всю тяжесть матеріальныхъ послѣдствій войны, но и прямо втягивается въ нее, если не въ военномъ смыслѣ, то экономически. Введеніе треста сопровождалось въ Швейцаріи такой сильной и ожесточенной внутренней борьбой, что по временамъ являлось опасеніе, какъ бы дѣло не кончилось присоединеніемъ Швейцаріи къ одной изъ воюющихъ сторонъ.

Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ предварительныхъ переговоровъ горячая кампанія противъ треста велась въ нѣмецкой Швейцаріи. Силою обстоятельствъ узелъ экономическихъ — пока главнымъ образомъ продовольственныхъ — связей Швейцаріи перемѣстился за время войны съ сѣвера на югъ. Снабженіе хлѣбомъ и другимъ провіантомъ поставило Швейцарію въ полную зависимость отъ Франціи, Англіи, Италіи. Но до войны наибольшая часть Швейцаріи — 20 кантоновъ изъ 25 — была тѣсно связана съ Германіей, черезъ которую шелъ не только хлѣбъ, но и большинство сырыхъ матеріаловъ для промышленности, уголь, металлы, минералы, химическіе продукты, а также машины и проч. Для нѣмецкаго промышленнаго и финансоваго капитала Швейцарія является просто филіальнымъ отдѣленіемъ Германіи. Швейцарскій капитализмъ — особенно нѣмецко-швейцарскій — тѣснѣйшими узами связанъ съ германскимъ и кровнымъ образомъ заинтересованъ въ томъ, чтобы Германія не вышла изъ борьбы слишкомъ ослабленной. Всѣ симпатіи нѣмецкой Швейцаріи съ самаго начала войны были, да и теперь, въ общемъ, остаются на сторонѣ Германіи. Въ правящихъ слояхъ Швейцаріи, состоящихъ изъ представителей крупнаго промышленнаго и финансоваго капитала, и въ военныхъ кругахъ, преклоняющихся передъ прусской военной системой, вліяніе и авторитетъ Германіи нисколько не поколебались. Напротивъ, ихъ связи, ихъ привычныя сношенія и симпатіи толкали многихъ среди нихъ настолько далеко, что въ Швейцаріи образовалась — неофиціально, конечно, — своя „партія войны". Къ ней принадлежатъ многіе изъ видныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, она располагаетъ рядомъ большихъ газетъ, ведущихъ рѣзкую германофильскую линію, за ней много сочувствующихъ въ обществѣ, на ея сторонѣ — неофиціально, разумѣется—правительство. Въ политическихъ и военныхъ сферахъ нерѣдко громко высказываются пожеланія, чтобы Швейцарія вмѣшалась въ войну. Самъ генералъ фонъ-Вилле, близкій родственникъ князя Бюлова и кумъ Вильгельма II, несомнѣнный глава „партіи войны", въ одной изъ своихъ рѣчей говорилъ: „Будемъ надѣяться, что Господь Богъ отведетъ войну отъ нашихъ границъ... Но въ извѣстной мѣрѣ это было бы, быть мо-

жетъ, хорошо, такъ какъ заставило бы насъ почувствовать весь ужасъ современнаго положенія вещей, каковаго чувства намъ не хватаетъ...“ Человѣкъ съ почти диктаторскими полномочіями въ рукахъ, предающій себя, какъ Вильгельмъ II, волѣ Божіей и видящій въ войнѣ желательное педагогическое средство!..

Вопросъ о трестѣ представлялся для партіи войны желаннымъ поводомъ — за отсутствіемъ другихъ — создать „дипломатическое осложненіе“, а затѣмъ при помощи Божіей — и вооруженный конфликтъ. Требованія державъ согласія всячески раздувались. Произносились и печатались пылкія рѣчи съ призывами не уступать чужеземцамъ ни пяди національной независимости, не допускать контроля иностранныхъ державъ, не поступаться суверенными правами свободнаго народа ради чечевичной похлебки. Въ „Neue Züricher Zeitung“, одной изъ крупнѣйшихъ швейцарскихъ газетъ, появилась статья доктора Ульриха фонъ-Вилле, сына главнокомандующаго, майора швейцарской арміи, прославившагося своими „двѣнадцатью заповѣдями“ въ духѣ прусскаго фельдфебеля, въ которой онъ приписывалъ проектъ треста проискамъ Англіи, преслѣдующей свои собственные экономическіе и политическіе интересы. „Мы не можемъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, — писалъ майоръ фонъ-Вилле, — что этотъ трестъ дастъ намъ экономическія выгоды въ ущербъ нашей независимости. Но въ странѣ нѣтъ еще такой нужды, которая могла бы заставить насъ заключать соглашенія, подвергающія опасности нашу независимость. А если бы такая нужда и появилась, то наше стремленіе сохранить нашу независимость должно быть достаточно сильно, чтобы побудить насъ перенести всѣ лишенія или отдать наши жизни для защиты нашей свободы“.

Всѣ точки надъ „i“ ставила другая газета „Neue Züricher Nachrichten“. „Этотъ трестъ былъ бы политическимъ несчастіемъ для Швейцаріи... — писала она. — Пока государство не побѣждено политически и экономически, оно не можетъ подписывать такихъ условій. Это не только наше мнѣніе, но и людей, стоящихъ въ первыхъ рядахъ, облеченныхъ довѣріемъ народа. Однако, благодаря Бога, мы еще не въ такомъ критическомъ положеніи ни съ точки зрѣнія экономической, ни съ точки зрѣнія военной и политической. Военная ситуація на Западѣ такова, что союзныя державы должны знать, что ихъ партія проиграна, если Швейцарія станетъ на сторону центральныхъ имперій. А что касается Италіи, то здѣсь военное положеніе таково, что не мы должны бояться ея, а она насъ“. Это уже значило переходить отъ разжиганія патріотическихъ чувствъ къ прямымъ угрозамъ войной. Дѣло принимало весьма

серьезный оборотъ. Всѣ искренніе сторонники нейтралитета Швейцаріи переживали тяжелыя минуты.

Тогда-то, какъ громъ съ яснаго неба, грянули и сразу очистили атмосферу разоблаченія лѣвой соціалистической газеты „Berner Tagwacht". Редакторъ ея, Робертъ Гриммъ, депутатъ парламента, опубликовалъ копіи двухъ официальныхъ документовъ, которые „счастливый вѣтеръ занесъ на его столъ". Въ заголовкѣ главнаго изъ этихъ документовъ стояли удивительно краснорѣчивыя строки: „Федеральный Департаментъ Иностранныхъ Дѣлъ. Цюрихское Конфиденціальное Бюро (Treuhandstelle) по ввозу нѣмецкихъ товаровъ въ Швейцарію". Текстъ гласилъ: „Германское Императорское Посольство въ Бернѣ пересылаетъ намъ разрѣшеніе на Ваше имя для ввоза товаровъ". Далѣе слѣдуютъ условія: 1) Товары должны остаться въ предѣлахъ Швейцаріи — 2) Въ силу соглашенія между Федеральнымъ Совѣтомъ и Германскимъ Правительствомъ Бюро устанавливаетъ, есть ли гарантія, что это условіе будетъ выполнено. Если есть, Бюро передаетъ разрѣшеніе заинтересованному лицу. — 3) Послѣднее должно прислать въ Бюро подлинникъ накладной. — 4) Затѣмъ оно должно прислать въ Бюро документъ, позволяющій Бюро располагать опредѣленной суммой въ одномъ изъ банковъ въ качествѣ залога. Бюро рѣшаетъ, достаточенъ ли залогъ. Этотъ залогъ служитъ гарантіей въ исполненіи обѣщаній, данныхъ покупателемъ... 6) Бюро производитъ разслѣдованіе при помощи компетентныхъ лицъ, достаточны ли гарантіи въ томъ, что условія, поставленныя Германіей, будутъ выполнены. — 7) Разслѣдующія лица могутъ явиться къ покупателю. Послѣдній обязанъ представить имъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, ничего не утаивая и не скрывая; представить въ ихъ распоряженіе отчетность за текущій годъ и за предыдущіе годы. Бюро можетъ потребовать дополнительнаго разслѣдованія... 10) Бюро оставляетъ за собой право контроля черезъ довѣренныхъ лицъ за тѣмъ, выполняются ли въ точности условія".

Разоблаченія „Berner Tagwacht" съ непререкаемой ясностью устанавливали, что швейцарское правительство, тысячи разъ провозглашавшее себя вѣрнымъ и нелицепріятнымъ стражемъ нейтральности, мѣряло двумя мѣрками. Въ томъ, что разрѣшалось Германіи, отказывалось Франціи, Англіи, Италіи. Требованія одной стороны предупредительно удовлетворялись тайно, за спиной народа, военно-бюрократическимъ способомъ: „конфиденціальнымъ Бюро" завѣдывалъ членъ совѣта государства, г. Устери, вкупѣ съ офицерами арміи въ качествѣ „контролеровъ" по назначенію военнаго департамента и главнокомандующаго. А совершенно аналогичныя требованія другой стороны торжественно объ-

являлись и въ прессѣ, и съ высоты парламентской трибуны несовмѣстимыми съ честью и достоинствомъ независимаго государства. Этой сторонѣ упорно ставились завѣдомо непріемлемыя для нея условія о „компенсаціяхъ" подъ явнымъ, прямымъ давленіемъ первой стороны. Германское правительство требовало, и швейцарское напередъ соглашалось, чтобы въ обмѣнъ на ввозимые изъ Германіи товары Швейцарія доставляла Германіи опредѣленное количество продуктовъ, получаемыхъ ею изъ странъ согласія. На удовлетвореніе этихъ „компенсацій" швейцарское правительство, въ свою очередь, требовало отъ державъ согласія, между прочимъ, доставки 300 вагоновъ (3.000.000 килограммовъ) рису ежемѣсячно и, связавъ себя словомъ, не соглашалось идти въ этомъ пунктѣ ни на какія уступки.

Буря негодованія прокатилась по странѣ. Печать единодушно требовала, чтобы правительство строго соблюдало въ отношеніяхъ со всѣми воюющими государствами безъ различія одни и тѣ же принципы, чтобы нейтралитетъ былъ полнымъ и безусловнымъ. Даже такіе умѣренные люди, какъ полковникъ Фейлеръ, писали: „Пора наконецъ покончить съ режимомъ неограниченныхъ полномочій!*. Онъ насъ приведетъ къ позору, если не принять мѣръ".

Лицемѣріе и фальшь швейцарскихъ рыцарей патріотизма и независимости били въ глаза. Почему директоръ департамента иностранныхъ дѣлъ г. Гофманъ въ своемъ отвѣтѣ въ парламентѣ на интерпелляцію о трестѣ умолчалъ о существованіи „конфиденціальнаго" соглашенія съ Германіей? Почему онъ не „краснѣлъ отъ стыда" отъ безцеремонныхъ требованій германскаго правительства и не поспѣшилъ доложить высокому собранію объ опасности, угрожавшей „чести и достоинству" страны? Почему стыдливо молчатъ патріоты изъ „Neue Züricher Zeitung" и другихъ газетъ, почему не протестуютъ противъ „дерзкихъ покушеній" на швейцарскую свободу? Почему перестали возносить они превыше всего швейцарскую армію, безъ которой-де честь и достоинство Швейцаріи были бы давно попраны? Почему майоръ фонъ-Вилле не призываетъ къ оружію?

Вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ съ полной ясностью обнаружилось, гдѣ настоящіе друзья нейтралитета, мира, гдѣ истинные защитники дѣйствительныхъ интересовъ народа. „Подумать только, — признавала умѣренная буржуазная печать, — существованіе соглашенія, устанавливающаго нѣмецкій контроль надъ нашимъ импортомъ, стало извѣстнымъ лишь благодаря разоблаченіямъ крайней лѣвой газеты!" Соціалисты были единственной партіей, единодушно голосовавшей въ 1913 году противъ знаменитой Сенъ-Готардской конвенціи, которая являлась прямымъ нарушеніемъ

* Врученныхъ правительству парламентомъ 3 августа 1914 года.

суверенныхъ правъ Швейцаріи, которая отдавала въ мирное время, внѣ всякаго давленія „военной необходимости“, желѣзнодорожное хозяйство Швейцаріи на вѣчныя времена подъ контроль Германіи. Соціалисты теперь забили тревогу противъ поведенія правительства, поведенія, дѣйствительно ронявшаго достоинство . . . . республики „конфиденціальными“ соглашеніями . . . . , нарушившаго нейтралитетъ, грозившаго вовлечь Швейцарію во всеобщую свалку. Можно смѣло сказать, что только благодаря мужественному выступленію швейцарскихъ соціалистовъ патріотствующая швейцарская лягушка, изо всѣхъ силъ старавшаяся топорщиться, пыхтѣть и надуваться, лопнула, не успѣвъ вызвать катастрофы.

Вопросъ о снабженіи Швейцаріи продовольствіемъ и сырьемъ сразу былъ поставленъ на рельсы и быстро докатился до благополучнаго конца.

Вяч. Калининъ.

Женева.

ДѢТИ ЭМИГРАНТОВЪ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ.)

Мнѣ пришлось два лѣта подрядъ очень близко соприкасаться съ дѣтьми русскихъ эмигрантовъ, живущихъ въ Парижѣ, въ организуемыхъ по частной иниціативѣ лѣтнихъ дѣтскихъ колоніяхъ. Впечатлѣнія, полученныя мною отъ этого знакомства, какъ мнѣ кажется, не лишены интереса и общественнаго значенія, ибо наши дѣти — лишь отраженіе той среды и тѣхъ условій, въ которыхъ мы сами находимся, ихъ недостатки, ихъ дефекты, — лишь результатъ недостатковъ и дефектовъ нашей жизни.

Лѣтнія дѣтскія колоніи, возникшія здѣсь четыре года тому назадъ, ставятъ себѣ цѣлью дать возможность дѣтямъ недостаточныхъ эмигрантовъ провести среди природы лѣтніе мѣсяцы.

Среда, къ которой принадлежатъ эти дѣти, главнымъ образомъ, рабочая, это — дѣти ремесленниковъ, заводскихъ рабочихъ и въ меньшей мѣрѣ лица интеллигентскихъ профессій (литераторовъ, студентовъ, врачей, инженеровъ). Отношеніе между второй и первой категоріей приблизительно какъ 1 : 3.

Затѣмъ, — національность, ибо русская эмиграція включаетъ въ себя и лицъ не русскаго происхожденія. Это — русскіе и евреи, почти въ равномъ количествѣ и въ небольшомъ числѣ (6%) поляки и литвины.

* * *

Вотъ мои первыя впечатлѣнія отъ дѣтей.

Мы въ вагонѣ. Поѣздъ только что тронулся. Дѣти прильну-

ли къ окнамъ, машутъ платками. Мы ждемъ слезъ, обычныхъ при разставаніяхъ дѣтей съ родителями. Но прощанье вышло чисто французское, — поцѣлуи, короткое „au revoir“, маханье платками. Дѣти, изъ которыхъ многіе встрѣчались другъ съ другомъ раньше, видимо, не чувствуютъ себя ни смущенными, ни одинокими. Наоборотъ, лица веселы и довольны, — наконецъ-то свершилось то, о чемъ они такъ давно мечтали, — путешествіе, потомъ море, лѣсъ, приволье сельской жизни...

Я внимательно приглядываюсь къ нимъ. Почти всѣ одѣты красиво и даже изящно, какъ бываютъ одѣты французскія дѣти: въ короткихъ, не доходящихъ до колѣнъ чулочкахъ, очень коротенькихъ платьицахъ и ловко сшитыхъ костюмчикахъ, въ передникахъ, закрывающихъ все платье; дѣвочки — съ бантиками въ распущенныхъ по плечамъ локонахъ. И рѣчь — сплошь французская...

— Tu sais, Nadine, je suis fatiguée aujourd'hui (знаешь, я сегодня очень устала), — говоритъ подлѣ меня худенькая дѣвочка лѣтъ 9-ти.

— Oh, bien sûr (ну, еще бы), отвѣчаетъ 12-лѣтняя миловидная Nadine и принимается съ чисто французской быстротой сыпать словами.

— Tiens, Jeannette (держи, Жаннетъ)—слышится изъ другого угла и летитъ кусокъ шоколада.

— Merci — отвѣчаетъ Жаннетъ, ловко подхватывая шоколадъ.

— Non, mon vieux, ce n'est pas ça (нѣтъ, старина, это не такъ) — слышится сзади.

Оборачиваюсь, — 9-лѣтній Валя старается что-то втолковать семилѣтнему Борѣ. Это къ нему относится чисто французское „mon vieux“ (старина).

Рядомъ мальчикъ лѣтъ восьми, удобно расположившись на своихъ вещахъ, заложивъ ноги за ногу, читаетъ вслухъ подписи подъ иллюстраціями, изображающими приключенія „poilu“ (кличка французскаго солдата), взявшаго въ плѣнъ нѣсколькихъ „бошей“ — нѣмцевъ. Языкъ этихъ иллюстрацій — жаргонъ, полный острыхъ словечекъ, понятныхъ только тѣмъ, кто хорошо знаетъ языкъ улицы. Но мальчику, видимо, понятенъ этотъ языкъ, понятенъ онъ и окружающимъ: „словечки“ подхватываются дѣтьми, вызывая кругомъ взрывы смѣха.

Я смотрю, слушаю и думаю: русскія дѣти... Но вѣдь они настоящіе маленькіе французы. Языкъ, жесты, манеры, интонація... Поймемъ ли мы другъ друга, подойдемъ ли другъ къ другу?

* * *

— Какъ вы будете говорить съ дѣтьми въ колоніи, по-русски или по-французски? — спрашивали насъ передъ отъѣздомъ ро-

дителя. — Хотѣлось-бы, чтобы по-русски... Они здѣсь совсѣмъ забываютъ русскій языкъ. Въ школѣ до 5-ти часовъ, а тамъ уроки, — все по-французски. А кто знаетъ, можетъ еще и придется вернуться въ Россію...

Мы успокаиваемъ, — будемъ пробовать говорить съ дѣтьми по-русски. Намъ казалось естественнымъ въ условіяхъ нашей совмѣстной жизни вносить элементъ русскаго въ жизнь русскихъ дѣтей, знакомить ихъ съ русскимъ бытомъ, заинтересовать ихъ русской жизнью. Мы читали имъ небольшіе разсказы, объясняли явленія природы, устраивали маленькіе дѣтскіе праздники, на которыхъ дѣти говорили стихи, изображали сцены изъ басенъ Крылова.

И въ этихъ выросшихъ на чужбинѣ дѣтяхъ, или наполовину забывшихъ родной языкъ или не знавшихъ его совсѣмъ, эти наши попытки встрѣтили полный откликъ; охотниковъ заучивать стихи и принимать участіе въ сценахъ нашлось много; нашлись даже охотники обучаться русской грамотѣ,, несмотря на соблазны беззаботной деревенской жизни. И именно это-то, пожалуй, и сблизило насъ больше, чѣмъ что-либо другое.

Перейду теперь къ непосредственной темѣ даннаго очерка, — къ суммѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя оставляетъ ближайшее знакомство съ эмигрантскими дѣтьми.

Большинство дѣтей родилось за границей или привезено сюда совсѣмъ маленькими. Естественно, что среди нихъ оказывались дѣти, совершенно не понимавшія русской рѣчи. Лишь немногіе вывезены изъ Россіи сравнительно недавно, — 4—5 лѣтъ тому назадъ. Эти свободнѣе говорили по-русски, кое-кто изъ нихъ умѣлъ даже читать и писать.

Обычными являлись фразы вродѣ слѣдующихъ:

— Хотите ли вы chercher mon ballon? — Я не ѣлъ presque ничего. — Мои туфли quand même падаютъ. — Насъ испугали vach'емъ (vache — корова). — Ferme la калитка. — У меня розовое habit и розовая ruban.

Большая дѣвочка уговариваетъ маленькихъ не шумѣть такимъ образомъ:

— Перестаньте, сейчасъ paysan придетъ и après васъ побьетъ.

Обычнымъ являлись также передѣлки французскихъ словъ на русскій ладъ: траверсекать (отъ traverser) лѣсъ или поляну, „пикаюсь“ (отъ se piquer — колоться) — я не пикаюсь, т. к. надѣлъ мои туфли“.

Затѣмъ всякаго рода неправильности.

— Онъ мнѣ далъ ногу (ударилъ ногой). — Онъ мнѣ сдѣлалъ упасть. Я васъ догнулъ (догналъ). — Я хочу пойти угулять и т. д.

Недостатокъ словъ и желаніе выразиться именно по-русски создавали порою очень оригинальныя фразы.

— Видите, вонъ вышли... человѣки рыболовные, — указы-

валъ намъ на рыбаковъ 8-лѣтній мальчикъ, бывавшій въ Россіи, но забывшій русскій языкъ. — Можно войти въ ямную воду? — спрашивалъ другой.

Интересными являлись попытки объяснить то, что осталось въ памяти изъ русскихъ впечатлѣній, но названіе чего уже было забыто. Девятилѣтній мальчикъ хотѣлъ разсказать намъ о плотахъ.

— Вотъ рѣка, — говорилъ онъ. — Большая, большая, — припоминалъ онъ. — А вотъ лѣсъ... Его рубятъ, on le coupe... потомъ такъ, такъ attacher веревкой. И чтобы онъ плылъ... Ну, какъ это называется?

Зато по-французски дѣти говорили бѣгло, часто употребляли чисто французскіе слова и образы. Но прислушавшись, мы убѣждались, что за этой бѣглостью скрывались часто неправильности и ошибки.

Но это бы все еще ничего. Но самымъ печальнымъ было то, что среди нашихъ дѣтей были такія, которыя одинаково плохо говорили и по-русски и по-французски. Имъ одинаково трудно и по-русски и по-французски выразить свою мысль, — они не находятъ словъ, останавливаются, припоминаютъ и все же не всегда могутъ объяснить что имъ хочется. Одинъ 9-лѣтній мальчикъ, неглупый и со способностями, быстро запоминавшій, напр., стихи, никакъ не могъ подыскать ни русскихъ, ни французскихъ словъ, чтобы объяснить, что вода въ котлѣ закипѣла.

— Elle fait comme ça, — твердилъ онъ, звуками изображая, какъ вода кипитъ. Кончилось тѣмъ, что онъ взялъ за руку того, съ кѣмъ онъ говорилъ, и подвелъ его къ котлу.

Наши попытки разсказывать и читать дѣтямъ сплошь и рядомъ натыкались на препятствія такого рода. Начнешь по русски, — сейчасъ же — „что это такое?“ переведешь по-французски, — тѣ, кто уже привыкли къ русской рѣчи, или тѣ, кто хотѣлъ выучиться по-русски, кричали — „нѣтъ, по-русски“. Выходило какъ будто такъ, что у насъ не было общаго языка.

Общій выводъ изъ сношенія съ дѣтьми получился тотъ, что у большинства дѣтей, въ сущности, не было того языка, какимъ для каждаго изъ насъ является родной языкъ. Русскій языкъ для огромнаго большинства дѣтей былъ совсѣмъ чужой языкъ; но и французскій, близкій и понятный, былъ все же не свой, не языкъ его близкихъ, его матери, его семьи и друзей семьи.

Надо только вдуматься въ тѣ условія, въ какія попадаетъ рабочая русская семья, переселяющаяся за границу. Отецъ и мать или плохо, или совсѣмъ не знаютъ французскаго языка. Языкомъ семьи остается русскій языкъ. Между тѣмъ ребенокъ, отданный или въ crèche (ясли) или въ Ecole maternelle (дѣтскій садъ) сразу привыкаетъ говорить только по-французски. Но самый близкій ребенку человѣкъ, его мать, за рѣдкими исключеніями не выучи-

вается французскому языку, самое большее, если она пріобрѣтаетъ небольшой запасъ необходимыхъ для обихода фразъ.

Эта обособленность сказывается и на дѣтяхъ. Обычно, русскія дѣти, проводя бо́льшую часть дня въ школахъ среди французскихъ дѣтей, все же не имѣютъ друзей среди нихъ, все же чувствуютъ себя среди нихъ чужими.

— Наши дѣти не сходятся съ французскими, — на это жаловались почти всѣ родители, обращавшіеся къ намъ.

Получается огромная ненормальность. Ребенокъ, привыкнувъ только къ французской рѣчи, лишенъ все же товарищества французскихъ дѣтей. Но онъ лишенъ также вліянія семьи. Мать не понимаетъ ребенка и ребенокъ не понимаетъ ея. Она лишена возможности передать ему то, что каждая самая необразованная мать передаетъ ребенку, — сотни элементарныхъ понятій, названіе вещей, которыя онъ узнаетъ изъ ея пѣсенокъ, сказокъ, разсказовъ, изъ разговоровъ съ ней.

Между родителями и ихъ дѣтьми ложится что-то, что создаетъ въ конечномъ счетѣ если не отчужденность, то взаимное непониманіе.

— Какъ ты дома говоришь съ мамой? — спрашивала я дѣтей, не говорящихъ по-русски.

— По-французски.

— А мама съ тобой?

— А мама со мной говоритъ по-русски.

— Ну и что же, ты понимаешь ее?

— Немного.

Вліяніе матери, семьи, въ сущности, сводится на нѣтъ. Но нѣтъ и вліянія среды, ибо среды, какъ суммы многоразличныхъ слагаемыхъ окружающей жизни,—языка, обычаевъ, традицій и привычекъ, просачивающихся въ жизнь каждой семьи, живущей въ родной странѣ, хотя бы и изолированной отъ народа жизнью, — этой среды для насъ, русскихъ, здѣсь нѣтъ. Жизнь эмигранта, — это жизнь на островѣ...

Въ результатѣ, для ребенка — скудость его языка и скудость его понятій.

Съ этимъ намъ приходилось считаться постоянно. О чемъ бы мы ни заговорили съ дѣтьми по-русски или по-французски, мы постоянно встрѣчались съ вопросомъ „что это такое?“ Мы натыкались на отсутствіе самыхъ элементарныхъ понятій у дѣтей. Время отъ времени въ праздничные дни мы устраивали маленькіе дѣтскіе спектакли на открытомъ воздухѣ. Дѣти разучивали стишки, сценки и скоро такъ втянулись въ это, что даже самыя маленькія просили обучить ихъ чему-нибудь. Вотъ тутъ-то и обнаружилось, что учитъ, напр., шестилѣтній мальчикъ стишокъ про воробышка и останавливается въ недоумѣніи.

— Ты не знаешь, что такое воробышекъ?

— Нѣтъ.

— C'est le moineau, — поясняешь ему.

— Я не знаю, что это такое.

Стараешься указать ему признаки, описать воробья, — отвѣтъ все тотъ же,—„нѣтъ, я не видалъ, и не знаю, что это такое"...

Это не исключеніе. Другой ребенокъ, 7 лѣтъ, не зналъ, что такое „мышка". Со стороны дѣтей сыпались вопросы: — Что такое норка? Что такое жало? Соты? Голодъ? Что такое варить? и т. д.

Конечно, часть этого незнакомства съ явленіями окружающаго міра приходится объяснить условіями жизни въ большомъ городѣ, среди камня и желѣза. Но вѣдь бываютъ же дѣти и за городомъ, видятъ хоть изрѣдка природу, — птицъ, деревья, цвѣты. И кто изъ насъ, воспитанныхъ въ городѣ, не знаетъ въ 6—7 лѣтъ, что такое воробышекъ или мышка?

Вліяетъ, конечно, и характеръ обученія во французскихъ первоначальныхъ школахъ, ставящихъ себѣ цѣлью, главнымъ образомъ, пріобрѣтеніе знаній, а не общее развитіе. Но вѣдь чего не даетъ школа, то дополняетъ семья и среда. Скудость понятій эмигрантскихъ дѣтей, главнымъ образомъ, и обусловливается отсутствіемъ вліянія этихъ двухъ факторовъ.

* * *

Отмѣчу еще одно явленіе.

Читая съ дѣтьми разсказы или стихи, мы сплошь и рядомъ встрѣчались съ словами Христосъ, Богъ. Обычно со стороны нашихъ дѣтей мы натыкались на почти полное незнакомство съ значеніемъ этихъ словъ.

Взрослыя русскія дѣти не могли, напр., объяснить, кто былъ нарисованъ на картинкѣ, изображающей Христа, окруженнаго дѣтьми. Слово Христосъ, Jesus Crist, имъ было знакомо, но они почти ничего не связывали съ нимъ — Кристофъ, Кристофъ, — твердили они, припоминая что-то, не то о Христѣ, не то о Христофорѣ Колумбѣ.

Одна изъ большихъ дѣвочекъ (русская) сказала, что Христосъ былъ человѣкъ, учившій людей языку. Другая прибавила:

— Его распнули...

— Нѣтъ, — вмѣшался кто-то изъ дѣтей, — его повѣсили...

О Богѣ говорили:

— Онъ колдуетъ, — но не могли объяснить мнѣ, что это значитъ.

— Онъ пасху устроилъ — (еврейскій мальчикъ).

— Богъ людямъ помогалъ, а теперь Его ужъ нѣтъ... (11 лѣтняя дѣвочка, русская).

Во французскихъ школахъ нѣтъ религіи, какъ особаго предмета. Долго длившаяся борьба между церковью и государствомъ, между реакціонными и прогрессивными элементами страны закон-

чилась изгнаніемъ религіи изъ школы, торжествомъ принципа, что религія дѣло частное, дѣло совѣсти каждаго.

Этимъ, конечно, объясняется отсутствіе у дѣтей понятій, связанныхъ съ религіей. Но объясняется только отчасти.

Вѣдь кромѣ религіи-вѣры, есть религія-исторія, памятники которой встрѣчаются на каждомъ шагу. И въ условіяхъ жизни, въ которой религія не играетъ уже никакой роли, все же есть цѣлый рядъ понятій, связанныхъ съ ней; цѣлый рядъ явленій обыденной жизни, будящихъ любопытство и толкающихъ на вопросъ о томъ, что это такое — церковь, церковный звонъ, люди, идущіе въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ, монахи, изображенія распятаго Христа, всюду встрѣчающіяся и т. д., не говоря уже о цѣломъ рядѣ словъ и выраженій. Но именно потому, что ребенокъ и его семья въ условіяхъ заграничной жизни не связаны съ окружающей жизнью, стоятъ внѣ ея, все это скользитъ мимо, не занимая вниманія, не оставляя въ умѣ вопросовъ.

* * *

Меня интересовалъ вопросъ, что связываютъ наши дѣти съ понятіемъ о Россіи. Помнятъ ли о ней тѣ, кто бывалъ въ ней? И что помнятъ?

Главная эмигрантская волна относится къ 1907—912 г.; именно съ этого времени эмиграція и начинаетъ устраиваться болѣе или менѣе прочно за границей. И почти всѣ дѣти въ возрастѣ 7—8 лѣтъ родились здѣсь или вывезены очень маленькими изъ Россіи.

Вотъ какіе отвѣты получали мы на наши вопросы о Россіи.

— Не знаю, какая она... Слышалъ только, что она большая и сильная. И солдатъ въ ней много... (7-лѣтній мальчикъ).

— Ничего не знаю о Россіи. И какая она не знаю. А только мнѣ туда хочется... (9-лѣтняя дѣвочка).

— Не знаю, какая... А хочу... тамъ бабушка... (7-лѣтняя дѣвочка).

— Ничего не знаю, а только слыхалъ — большая... (7-лѣтній мальчикъ).

— Видѣлъ русскихъ солдатъ въ кинематографѣ. А больше ничего не знаю... (дѣвочка, 9-ти лѣтъ).

Помнили и знали о Россіи лишь тѣ, кто вывезенъ оттуда постарше. Мало цѣльнаго въ этихъ воспоминаніяхъ, лишь обрывки, уцѣлѣвшіе въ памяти, или очень туманное общее. Но трогательное и нѣжное.

— Помню Россію, — говорила мнѣ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка. — Тамъ очень хорошо. Тамъ всѣ знакомые... Хотѣла бы очень туда вернуться...

— Помню, что тамъ намъ было хорошо, — разсказывала дру-

гая. — Помню, тамъ былъ празникъ, Пасха, всѣ качались на качеляхъ. И помню Рождество. Мама сдѣлала елку и у насъ были дѣтки... Еще помню яблоньку въ нашемъ садикѣ. И цвѣточки. А бабушки не помню...

— Люблю свой городъ, гдѣ мы жили съ мамой, — вспоминала 11-лѣтняя дѣвочка. — Ходили въ лѣсъ за черникой, за грибами. Жили около рѣчки, игрались... Помню снѣгъ, катались въ санкахъ съ горъ, на лядахъ...

Восьмилѣтній мальчикъ смутно вспоминаетъ снѣгъ зимой и лѣсъ лѣтомъ, говоритъ, что онъ любитъ Россію и хотѣлъ бы очень ее повидать.

* * *

Хотѣлось бы для пополненія представленія о заграничной жизни русскихъ дѣтей сказать нѣсколько словъ объ играхъ дѣтей.

Въ играхъ — весь ребенокъ. Игра для него не забава, а дѣло, захватывающее его всего, напрягающее не только его физическія силы, но его волю, умъ, воображеніе, изобрѣтательность. Но въ играхъ отражаются и черты быта даннаго народа и, играя, ребенокъ безсознательно впитываетъ въ себя и языкъ и особенности его быта и культуры.

Наши дѣти не знали русскихъ игръ, какъ не знали и русскихъ пѣсенъ, не знали дѣтскихъ пѣсенъ вообще. Они распѣвали или сантиментальныя пѣсенки о томъ, какъ морякъ, оставивъ вѣрную Адель, поѣхалъ въ дальніе края, какъ онъ вернулся, но не засталъ уже вѣрной Адели, — она умерла, — или игриво-веселыя, ходячія пѣсни улицы, — или, наконецъ, патріотическія, вплоть до ультрапатріотической — Oui, c'est à Berlin que nous chanterons la Marseillaise. (Да, въ Берлинѣ мы будемъ пѣть Марсельезу.)

Правда, дѣти пѣли съ большимъ воодушевленіемъ и Марсельезу. Но увы, содержаніе ея было чуждо имъ, и огромный смыслъ ея врядъ ли понятенъ, — мрачное la tyrannie преображалось въ ихъ исполненіи въ беззаботное „tira-lira“ — припѣвъ веселой пѣсенки, распѣваемой ими особенно часто.

Въ играхъ проявлялась прежде всего та разница, которую проводятъ французы въ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ. Общихъ для тѣхъ и другихъ игръ почти нѣтъ. Есть игры для мальчиковъ, очень шумныя, дающія массу простора движенію и разсчитанныя на развитіе силы и ловкости. И игры для дѣвочекъ, съ пѣніемъ, танцами, присѣданіями, — со всѣмъ тѣмъ, что развиваетъ красоту и грацію движеній. Эти игры красивы, изящны, но однообразны и порою церемонны.

Любимой игрой является „Марселина“.

— Bonjour, madame la Marceline (здравствуйте, г-жа Марсе-

лина)! — начинаетъ одна изъ дѣвочекъ. — Нѣтъ ли у васъ дѣвочки, которую я могла бы взять?

— У насъ есть прекрасная дѣвочка, но зачѣмъ она вамъ?

— Въ монастырь урсулинокъ, — отвѣчаетъ первая.

Отдать въ монастырь отказываются — „ni pour l'or, ni pour l'argent" (ни за золото, ни за серебро).

— Тогда я сама возьму ее, — говоритъ первая и поочереди перебираетъ всѣхъ тѣхъ, кто ей нравится.

Или играютъ въ „berger", пастуха, который собирается жениться и выбираетъ себѣ невѣсту. Или въ „замокъ", „à mon beau chateau", владѣлицы котораго зазываютъ къ себѣ, предлагая ленты, золото, украшенія, пока не найдется охотница. Или въ „короля", посылающаго своихъ вѣрныхъ „дюковъ" взять непокорную башню и т. д.

Монастыри, пастухи, „дюки", замки, короли... Все это наслѣдіе прошлаго, прошлой культуры и исторіи, говоритъ, быть можетъ, многое сердцу и уму французскаго ребенка. Но что дастъ это тому, кто чуждъ и этой культуры и этой исторіи?

* * *

Передъ отъѣздомъ, подводя итоги впечатлѣніямъ, полученнымъ за лѣто, я спрашивала себя.

Что ждетъ всѣхъ этихъ дѣтей? Если бы они слились съ окружающей ихъ жизнью, не чувствовали бы себя въ ней чужими, стали бы не зрителями, глядящими на нее со стороны, а полноправными участниками и творцами ея, — это было бы счастьемъ для нихъ!

Но возможно ли это?

Живущіе на „островѣ", всегда лишь гости въ окружающей ихъ большой и сложной жизни, привыкающіе съ малыхъ лѣтъ чувствовать свою оторванность отъ окружающей среды, свою изолированность отъ нея, не выростутъ ли они тѣми блѣдными, лишенными соковъ и красокъ типами, которымъ вездѣ одинаково холодно и непріютно, которые вездѣ будутъ чувствовать себя лишь гостями, лишь посторонними наблюдателями?

Ин. Ракитникова.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТКЛИКИ.

Въ новый годъ Россія вступаетъ подъ знакомъ твердаго курса внутренней политики. Вотъ уже рядъ мѣсяцевъ, какъ курсъ этотъ крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, накладывая все болѣе густыя тѣни на тотъ слабый просвѣтъ, которымъ промелькнуло передъ нами въ іюнѣ и іюлѣ кратковременное ослабленіе господствовавшаго въ предыдущіе мѣсяцы крена направо.

Однимъ изъ главнѣйшихъ моментовъ, которыми опредѣляются эти колебанія курса, усиленіе и ослабленіе обычнаго у насъ крена, служитъ положеніе внѣшнее. Тутъ связь неразрывная, иногда до мелочей точная, гибкая, бьющая въ глаза. Извѣстно, что уже іюньское ослабленіе крена слѣдовало непосредственно за обнаруженіемъ того печальнаго положенія на фронтѣ, которое въ тылу, на промышленномъ съѣздѣ, сорвало съ устъ П. П. Рябушинскаго слова отчаянья и вопросъ: „Что же дѣлать? Что же дѣлать?" Дальнѣйшія точки этой гибкой линіи колебаній еще свѣжи въ памяти у всѣхъ, и напоминать ихъ нѣтъ надобности.

За послѣдніе мѣсяцы истекшаго года „твердость" курса превзошла все пережитое въ предыдущіе періоды. Формы же его, хотя въ общемъ и обнаружили знакомыя намъ по прошлому черты, но продемонстрировали и кое-какія новыя черточки.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . . И этотъ фактъ, самъ по себѣ весьма характерный, пріобрѣталъ тѣмъ большую выпуклость, что сопровождался цѣлымъ рядомъ дополняющихъ его событій — неразрѣшеніемъ съѣздовъ земскаго и городского союзовъ и другихъ общественныхъ организацій и другими аналогичными фактами.

Среди послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ рѣшеніе сената по вопросу о кругѣ лицъ, отвѣтственныхъ передъ судомъ за преступленія печати. По дѣлу газеты „Трудовая Правда" судебная палата вынесла обвинительный приговоръ и издательницѣ, и завѣдующему конторой, и корректору. Сенату предстояло рѣшить вопросъ, отвѣчаетъ ли по дѣламъ періодической печати кто-либо кромѣ отвѣтственнаго редактора. И сенатъ отвѣтилъ на этотъ

вопросъ утвердительно, въ полномъ объемѣ санкціонировавъ рѣшеніе палаты и, такимъ образомъ, создалъ новую норму существованія отечественной періодической печати.

Нельзя сказать, чтобы полной нормальностью отличалась эта новая норма, ставящая въ безвыходное положеніе преимущественно необезпеченные органы демократической печати. Старое уложеніе о наказаніяхъ содержитъ стт. 1041—1044, совершенно исключающія возможность привлеченія какихъ либо „фактическихъ" редакторовъ. Никакихъ указаній на такую возможность не содержитъ и новое уголовное уложеніе.

Еще при старомъ, необновленномъ строѣ, 35 лѣтъ тому назадъ, когда судебная палата въ дѣлѣ Буренина и Баталина попыталась осудить и „фактическаго" редактора, сенатъ счелъ нужнымъ разъяснить палатѣ незаконность ея приговора. *

Иное дѣло теперь, при обновленномъ строѣ. Теперь безъ всякихъ мотировокъ и объясненій декретируется толкованіе, вырывающее почву изъ-подъ ногъ тѣхъ дѣятелей печати, которыхъ жизнь очень даже не сладка и безъ всякихъ судебныхъ скорпіоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ передъ нами иллюстрируется особая „діалектика" той же своеобразной россійской дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, до 1905 г. нельзя было карать „фактическихъ" редакторовъ въ лицѣ корректоровъ, издателей и пр., ибо редакторъ тогда утверждался правительственной властью. Въ 1905 г. введена свобода печати, — и вотъ раскрылось ея оригинальное послѣдствіе: теперь, при свободѣ печати, можно уже, наряду съ отвѣтственнымъ редакторомъ, карать и „фактическихъ" редакторовъ въ лицѣ всѣхъ, кому понесчастливилось имѣть-какое либо отношеніе къ печатному органу.

Меньше оригинальности въ другомъ фактѣ — въ распоряженіи о ликвидаціи объединенной дѣятельности земскаго и городского союзовъ въ области регистраціи и помощи бѣженцамъ. Тутъ мотивировка двигалась по знакомому уже намъ руслу: эту дѣятельность ведетъ другая организація, Татьянинскій комитетъ, — организація союзовъ поэтому излишня. По такому же мотиву нѣсколько лѣтъ тому назадъ были закрыты общества обывателей: ихъ задачи составляютъ предметъ дѣятельности городского самоуправленія, — общества обывателей поэтому излишни.

Тутъ ни въ коемъ случаѣ нельзя усмотрѣть примѣненія мудрости народной поговорки, гласящей: у семи нянекъ дитя безъ глаза. Здѣсь, вѣдь, не одно „дитя", а милліоны ихъ, и работы, и заботы о нихъ хватитъ, конечно, на множество „нянекъ". И, дѣйствительно, бѣженская организація объединенныхъ союзовъ въ частности ихъ „Центральное справочное бюро" были завалены работой, да и сама эта организація выросла подъ натискомъ край-

---

* См. „День", 5. XII.

ней нужды въ ней. И наладилась работа тутъ вполнѣ успѣшно, въ нее внесенъ былъ уже элементъ планомѣрности. „Справочное бюро готовило къ выпуску книгу адресовъ бѣженцевъ. Туда должны были войти до 50 тысячъ адресовъ. Нѣтъ нужды прибавлять, что этой адресной книги ждали въ бѣженской средѣ съ громаднымъ нетерпѣніемъ. Для очень многихъ оказалась бы она якоремъ спасенія, помогла бы оріентироваться, дознаться о своихъ. Можетъ быть, никакая другая книга не перелистывалась бы и не читалась съ такимъ острымъ волненіемъ... Осуществится ли теперь эта книга, или суждено и ей погибнуть въ ликвидаціи центральнаго справочнаго бюро?“ *

Ясно, что не уменьшить, а увеличить надо было бы число „нянекъ“, т. е. работниковъ, дѣлателей — какъ въ примѣненіи къ нуждамъ городскихъ обывателей, такъ — въ особенности — въ отношеніи милліоновъ бѣженцевъ, ...

. . . .

. . . . Вотъ эта надобность и натыкается на основную черту нашего уклада: вмѣсто лозунга — побольше общественныхъ дѣлателей и ихъ стройная организація — у насъ господствуетъ другая тенденція: поменьше общественныхъ дѣлателей и ихъ тщательная фильтрація по извѣстному признаку.

Авансцену внутренне-политической жизни нашей за послѣдніе мѣсяцы занимаютъ новые министры — на первомъ планѣ, конечно, новый министръ внутреннихъ дѣлъ. Его выступленіе и въ бюджетной комиссіи Гос. Думы, и въ различныхъ совѣщаніяхъ, и интервью съ представителями печати многочисленны, многорѣчивы, шумны, рѣшительны и — зачастую — неожиданны по своему характеру. Въ словахъ и дѣлахъ новаго министра яркое сочетаніе стараго содержанія — самаго твердаго курса внутренней политики — съ неожиданными, неопредѣленными заявленіями, подъ цвѣтъ неустойчивости всей нынѣшней политической ситуаціи.

О дѣлахъ новаго руководителя внутренней политики говорить особо не приходится. О нихъ отчасти шла рѣчь у насъ выше, да они у всѣхъ на виду. Слова же А. Н. Хвостова иногда ярко окрашены субъективной оцѣнкой въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣлами.

„Власть настолько тверда, что ей не страшны ни внѣшніе враги, ни какія бы то ни было резолюціи. Для сильной власти всѣ эти резолюціи безразличны“. „Въ настоящее время въ Москвѣ я, кромѣ женскаго съѣзда, никакихъ другихъ съѣздовъ не разрѣшилъ бы“, ибо „однимъ изъ главныхъ требованій прогрессивнаго лагеря является министерство, пользующееся довѣріемъ“. По адресу центральнаго военно-промышленнаго комитета ми-

* „Рѣчь“, 9. XII.

нистръ сказалъ: „Работайте шрапнели, изготовляйте снаряды, но отъ наставленій правительству увольте". Насчетъ амнистіи: „Одно дѣло амнистія, какъ милость, другое дѣло, — когда ее выставляютъ, какъ требованіе" *. „Когда амнистію требуютъ, ее давать нельзя", — заявилъ А. Н. Хвостовъ и, напомнивъ, что онъ самъ поднялъ вопросъ объ амнистіи въ Думѣ, еще будучи депутатомъ, добавилъ: — „Тогда былъ всеобщій подъемъ, и амнистія какъ бы завершала общее настроеніе".

Тутъ все фактически безспорно, ясно, стройно и вѣрно, — вплоть даже до констатированія указанной нами въ началѣ статьи неразрывной и гибкой связи политики въ тылу съ положеніемъ на фронтѣ.

Дальше, однако, въ другихъ выступленіяхъ министра неожиданно пропадаетъ вся ясность и стройность. Тутъ, наоборотъ, поражаетъ запутанность, неуловимость содержанія. Конечно, власть настолько тверда, что ей не страшны не только „внѣшніе враги и резолюціи", но даже слабость ея собственныхъ аргументовъ: она себѣ можетъ позволить такую роскошь, — на то она и сильная власть. Но все же не совсѣмъ обычнымъ является примѣненіе такой, такъ сказать, діалектической легкости, бездоказательности и несогласованности къ рѣшенію вопросовъ внутренней политики, да еще въ такое страшное время, какъ переживаемое нами теперь.

Россійскому гражданину и безъ того присуща роковая способность запутаться въ трехъ соснахъ. А тутъ — особенно въ выступленіи министра въ бюджетной комиссіи запутываніе положенія превращается какъ бы въ систему. „На утвержденіе депутата слѣдовало отрицаніе министра, па запросъ о фактѣ — формальная отговорка неподвѣдомственностью или неосвѣдомленностью. И общій выводъ изъ всѣхъ отвѣтовъ министра тотъ, что онъ, не пріемля мнѣній и желаній народныхъ представителей, не можетъ (или не считаетъ необходимымъ?) убѣдить и защитить свои взгляды и намѣренія" **.

И дѣйствительно: министръ стоитъ за созывъ Гос. Думы и „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше", но требованіе блокомъ скорѣйшаго созыва Гос. Думы является „капризомъ". Усиленная охрана? Министръ противъ нея. Подавленіе печати? Тоже противъ. Госуд. Дума? Министръ — горячій адептъ ея; доказательство: А. Н. Хвостовъ — министръ — остался депутатомъ и даже записался членомъ потребительнаго общества при Думѣ. Земскій и городской союзы? Да безъ нихъ, если бы все предоставить однимъ лишь чиновникамъ, Богъ знаетъ, что получилось бы. Да вообще, проявленіе дѣятельности общественныхъ силъ желательно: тогда есть

* „День", 10. XII.
** „Голосъ", 18 XII.

что критиковать, можно быть не только объектомъ критики. Запрещеніе земскаго и городского съѣздовъ въ Москвѣ? Но „вопросъ прежде всего былъ поднятъ военными властями". Кооперативное движеніе? Министръ признаетъ всю его важность, и даже самъ взялъ подъ свое покровительство кооперативъ, памятной по обществу активной борьбы съ революціей, г-жи Дезобри; но „только не припутывайте сюда политику". Наконецъ, борьба съ дороговизной? Ну, это вѣдь — предметъ особой заботы новаго министра, его, такъ сказать, spécialité de la maison. По этому центральному пункту своей программы министръ ничего не смогъ сдѣлать, какъ говорилось въ бюджетной комиссіи и утверждаетъ даже Меньшиковъ? Но въ этомъ виновата сама же Гос. Дума: это она, вѣдь, организовала совѣщанія по продовольствію и по перевозкамъ такъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ не играетъ тамъ никакой роли. „Быть можетъ, Гос. Дума признаетъ, что „непріятное", старое бюрократическое учрежденіе — министерство внутреннихъ дѣлъ — было бы болѣе на мѣстѣ въ данномъ вопросѣ. Я буду ждать иниціативы Г. Думы. Если бы я внесъ такой законопроектъ, то это могли бы объяснить съ моей стороны самолюбіемъ" *.

Въ концѣ концовъ, министръ во многомъ согласенъ и съ прогрессивнымъ блокомъ, но сохраняетъ устои завѣты правыхъ, въ думской организаціи которыхъ онъ раньше занималъ постъ предсѣдателя. Конечно, общеизвѣстное явленіе, что въ любомъ государствѣ самый правый аграрій, въ Россіи, какъ и въ Германіи, войдя въ составъ высшей бюрократіи, до извѣстной степени мѣняетъ свою линію дѣйствія, поскольку это диктуется общимъ государственнымъ курсомъ. Но именно лишь постольку. Нашъ же курсъ государственнаго корабля, какъ сказано, остается твердо правымъ. Впрочемъ, нѣкоторое измѣненіе наблюдается, повидимому, и у насъ — въ области вопросовъ экономической политики: по крайней мѣрѣ, не видно теперь проявленій недавней борьбы депутата А. Н. Хвостова съ „цинизмомъ" министерства финансовъ, которое „отдаетъ предпочтеніе интересамъ банковскихъ круговъ передъ интересами Россіи", — борьбы, которая прошумѣла въ Гос. Думѣ лѣтомъ истекшаго года.

Ярче всего — въ родѣ финальнаго аккорда — прозвучалъ одинъ мотивъ новаго руководителя нашей внутренней политики: „Никакой политики не должно быть, я самъ политики не веду, сознательно отъ нея отказался и не могу разрѣшить политику другимъ". Мудрено ли послѣ этого, что въ нашей либеральной печати заговорили о странномъ „водоворотѣ", о политическомъ „положеніи, курсами государственнаго права не предусмотрѣн-

* „Рѣчь", 14 и 21. XII; „День", 10. XII.

номъ *, объ отношеніяхъ „запутывающихся и вызывающихъ всякаго рода „ирраціональныя“ сочетанія? **

Впрочемъ, это относится лишь къ словамъ и рѣчамъ. Дѣламъ же никакъ нельзя отказать въ опредѣленности, чуждой всякаго „ирраціонализма“. Да и словамъ новаго министра была вначалѣ присуща полная опредѣленность, когда онъ заявлялъ, что политическое проявленіе общественныхъ силъ допустимо въ томъ случаѣ, когда оно идетъ параллельно курсу правительственной политики. Ясно, что когда А. Н. Хвостовъ отрицаетъ политику и въ обществѣ, и въ себѣ самомъ, то тутъ отрицается не политика вообще, а лишь политика „непараллельная“ — скажемъ, политика „перпендикулярная“ или идущая подъ значительнымъ угломъ къ курсу политики правительственной. Съ этимъ условнымъ, номинальнымъ аполитизмомъ мы уже встрѣчались не разъ въ заявленіяхъ и другихъ силъ, вродѣ Совѣта Съѣздовъ промышленности и другихъ „безпартійныхъ“ учрежденій. Сюда же надо отнести и увѣреніе новаго оффиціоза in spe — „Колокола“, — что „народу не нужна политика, а нужны щи съ мясомъ“.

Тутъ мы опять сталкиваемся съ давно знакомой чертою нашей общественно-политической жизни: въ моментъ „всеобщаго подъема“ (какъ выразился А. Н. Хвостовъ) мы уже не первый разъ наблюдаемъ ту картину, что органы политической власти стараются направить взоры народа въ сторону „щей съ мясомъ“ — экономики, а представители экономическаго господства — въ сторону политики. По существу же и послѣдніе очень даже любятъ экономику, и первые — политику, но, понятно, только „параллельную“...

* * *

Съ твердымъ курсомъ политики тѣсно связана мобилизація лагеря крайне-правыхъ элементовъ съ ихъ двумя съѣздами — петроградскимъ и нижегородскимъ. Всѣмъ извѣстныя выступленія и рѣчи на этихъ съѣздахъ представляютъ сочетаніе крайняго ничтожества съ внушающей тревогу угрозой. Демонстраціей идейнаго ничтожества служатъ лишь торжественные парады, къ которымъ сводятся съѣзды. Но самый фактъ „черной“ мобилизаціи, при нашихъ условіяхъ, неизбѣжно пріобрѣтаетъ характеръ тревожнаго показателя общественной погоды. А что за съѣздами данныхъ элементовъ кроется ихъ аггрессивная мобилизація, — не подлежитъ сомнѣнію.

---

* Любопытно, между прочимъ, что это говорила „Рѣчь“ (19. XII) — органъ той самой партіи, которая, въ свою очередь, въ противовѣсъ требованію отвѣтственнаго министерства, упорно отстаивала лозунгъ курсами государственнаго права непредусмотрѣннаго министерства общественнаго довѣрія.

** „Рѣчь“, 21. XII.

Главный комитетъ „союза русскаго народа“ разсылаетъ циркуляры, гдѣ призываетъ къ борьбѣ съ революціей, близкое наступленіе которой предвидитъ. Циркуляръ рекомендуетъ „рѣшительно требовать отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, министра внутреннихъ дѣлъ и военнаго, а также отъ мѣстныхъ властей немедленнаго подавленія“ крамолы. Пятый пунктъ циркуляра предлагаетъ просить губернаторовъ „о содѣйствіи, чтобы въ моментъ выступленія смуты на улицѣ союзники собрали народъ для противодѣйствія бунтовщикамъ“ *. Долгое время враждовавшіе между собою дубровинскій „союзъ русскаго народа“ и пуришкевичская „палата архангела Михаила“, по словамъ „Кіевской Мысли“, объединяются въ одинъ патріотическій союзъ. Оба они усиленно собираютъ своихъ единомышленниковъ, посылаютъ въ провинцію ораторовъ; проектируется устройство школы ораторовъ, изданіе копеечной газеты, возрожденіе „кружка молодежи“ и т. п.

Зашевелились черносотенные элементы, скликая свою рать на „контръ-борьбу“. Но „это не контръ-борьба, нѣтъ!“ — восклицаетъ, по словамъ „Петроградской Газеты“, В. Пуришкевичъ: — „Это завѣдомо умышленное подливаніе масла въ огонь, если предположить, что огонь этотъ гдѣ-нибудь и тлѣетъ“.

Въ чемъ несомнѣнно правъ г. Пуришкевичъ — этотъ находящійся во временномъ отпуску черносотенный лидеръ — это, что дѣятели „контръ-борьбы“ въ данномъ случаѣ мобилизуются заранѣе, такъ какъ въ настоящій моментъ никакой такой „борьбы“ на общественно-политической аренѣ отыскать нельзя. Въ какой мѣрѣ вѣрно въ данномъ случаѣ чутье „контръ-борцовъ“ въ отношеніи близкаго будущаго, — это особый вопросъ, на которомъ намъ сейчасъ останавливаться не приходится. Одно можно отмѣтить, какъ фактъ: въ противоположность минувшему періоду (10 лѣтъ назадъ), когда мобилизація черносотенныхъ элементовъ возникла лишь послѣ того, какъ приняла широкіе размѣры стихійная „борьба“, — теперь мы наблюдаемъ обратное явленіе: эта мобилизація предшествуетъ предполагаемому возникновенію „борьбы“.

Этимъ, между прочимъ, данъ еще разъ отвѣтъ на старый вопросъ о томъ, кто извлекъ для себя и воплощаетъ въ практику урокъ изъ пережитаго прошлаго — дѣятели „борьбы“ или „контръ-борьбы“.

Во всякомъ случаѣ въ черносотенномъ лагерѣ большое оживленіе и усиленіе специфической активности, далеко не всѣ формы которой видятъ свѣтъ Божій, но послѣдствія которой, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ сдѣлаться весьма ощутительными.

Съ оживленіемъ и самоувѣренностью въ этомъ лагерѣ рѣзко

---

* „День“, 15. XII.

контрастируетъ то чувство безсилія, безпомощности, которое нынѣ бросается въ глаза, когда переносишь взоръ въ другіе углы и закоулки россійской жизни.

Взять хотя бы ту совершенно исключительную по поводу и по формѣ растерянность и сознаніе безпомощности, которую проявила московская городская дума въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, гдѣ обсуждался вопросъ о способахъ ускоренія желѣзнодорожной подвозки грузовъ къ угрожаемой голодомъ и холодомъ Москвѣ. Рѣчь шла не больше и не меньше о томъ, чтобъ столичная городская дума ассигновала спеціальныя суммы на взятки желѣзнодорожнымъ агентамъ и такимъ образомъ обезпечила себѣ маршрутные поѣзда для подвозки продуктовъ.

Изъ устъ адептовъ официальнаго славословія мы за истекшій годъ много разъ слышали о разныхъ „историческихъ“ дняхъ, „историческихъ“ засѣданіяхъ. Но если было за это время подлинно-историческое засѣданіе, которое будетъ отмѣчено яркой страницей въ исторіи россійской культуры, то это именно упомянутое засѣданіе московской думы.

Не станемъ описывать всѣмъ памятной исторической сцены, закончившейся заявленіемъ предсѣдателя, что не гоже думѣ, да еще столичной, разрабатывать планъ организаціи взяточничества. Предсѣдатель назвалъ сдѣланныя гласными предложенія „горькимъ смѣхомъ“ надъ положеніемъ думы*. Но не въ одной московской думѣ тутъ сила...

Безсиліе городского самоуправленія передъ властью взятки, сказавшееся въ этомъ засѣданіи, является лишь подчиненнымъ явленіемъ по отношенію къ общему факту безсилія и безпомощности въ настоящее время всего, что не причастно къ власти или къ элементамъ петроградскаго и нижегородскаго съѣздовъ. Да и не въ одной только взяткѣ тутъ дѣло. Можно даже указать, что тотъ самый институтъ взятки, по адресу котораго въ бюджетной к. миссіи одинъ депутатъ заговорилъ даже о висѣлицахъ, въ мирное время многими благословлялся, какъ нѣкій специфическій коррективъ къ россійской конституціи.

Во всякомъ случаѣ теперь наблюдается въ большинствѣ слоевъ населенія гораздо болѣе общее чувство безсилія, скованности общественныхъ силъ.

Вотъ въ бюджетной комиссіи Госуд. Думы обсуждался вопросъ о судьбѣ народной трезвости. Тутъ депутаты Шингаревъ и Клюжевъ выражаютъ сомнѣніе въ искренности министерства финансовъ. И Клюжевъ заявляетъ: „Если правительство искренно желаетъ уничтожить пьянство, то министръ финансовъ долженъ сегодня же [illegible]горически сказать, что послѣ войны продажа спиртныхъ н[illegible]овъ возстановлена не будетъ**.

* „День“, 22. XII.
** „Рѣчь“, 19. XII.

Важно тутъ не то, основательны ли сомнѣнія депутатовъ и что сказалъ въ отвѣтъ министръ финансовъ. Любопытно то, что депутаты ждутъ слова, рѣшающаго слова отъ министра, какъ будто они не представители законодательной власти.

. . . .

. . . .

И это только частные случаи общаго факта. „Русскія Вѣдомости" жалуются на общее „пониженіе общественнаго настроенія и общественной энергіи", на „несоотвѣтствіе достигнутыхъ результатовъ возбужденнымъ въ обществѣ надеждамъ" *. Въ „Русской Мысли" А. Изгоевъ отмѣчаетъ безпечность, овладѣвшую въ послѣднее время значительными кругами общества. Люди все болѣе и болѣе втягиваются въ обыденное существованіе нормальнаго времени. „Какое-то странное и страшное равнодушіе охватываетъ общество, все болѣе и болѣе погружающееся въ сѣрую будничную жизнь, въ зимнюю спячку" **.

Даже „Колоколъ" говоритъ о безвоздушномъ пространствѣ: „Кто-то злой выкачиваетъ невидимымъ насосомъ воздухъ изъ-подъ того стекляннаго колпака, подъ которымъ все еще сидитъ русскій богатырь, сиднемъ сидитъ, и сонъ сковываетъ его могучіе члены. Развѣ это неправда? Развѣ чувствуемъ мы, какъ переливается по жиламъ и венамъ всего нашего государственнаго и общественнаго организма молодая, горячая кровь? А безъ нея какое же творчество жизни, какая борьба, какая побѣда?" ***.

Въ той же атмосферѣ безпечности, въ томъ же „безвоздушномъ пространствѣ" надо отчасти искать корней безоглядняго разгула, мотовства, безумныхъ тратъ на предметы роскоши, эпидемически охватившихъ извѣстные слои населенія, по единодушному свидѣтельству всей печати.

Конечно, явленіе это сложное и корни его лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ. Но поскольку идетъ рѣчь о его политической почвѣ, указаніе на нее содержится уже въ цитированной выше статьѣ „Русскихъ Вѣдомостей", ...

. . . .

. . . .

Да, непосредственная политическая почва общаго чувства безсилія, „безвоздушнаго пространства", это — крушеніе „всеобщаго единенія", на мѣсто котораго еще ничего не создалось — того единенія, о которомъ со вздохомъ сожалѣнія повѣствуетъ „Колоколъ": „Былъ моментъ, и довольно продолжительный, когда, дѣйствительно, молчали политическія партіи, когда казалось, что

---

* „Р. В.", 9. XII.

** „Р. М.", ноябрь.

*** Колоколъ", 6. XII.

кромѣ одолѣнія врага другихъ помысловъ у русскаго общества нѣтъ. Теперь эта идиллія безвозвратно миновала“...*.

Психическій токъ, вызванный началомъ надвинувшейся міровой катастрофы, подѣйствовалъ во многихъ отношеніяхъ на подобіе землетрясенія, вызвавъ въ сознаніи разрывъ, уничтоживъ многія спайки — въ томъ числѣ получился въ сознаніи многихъ разрывъ между дѣлами внѣшними и внутренними. Больше того: вмѣсто того, чтобы по незыблемымъ фактамъ многострадальной исторіи внутренней оцѣнить значеніе завязавшагося внѣшняго узла, исходили изъ опредѣленной, единственно возможной послѣ разрыва, версіи о внѣшнихъ задачахъ и цѣляхъ. Затѣмъ потребность вновь связать обѣ области привела къ обратной конструкціи связи между ними. Такимъ образомъ и получилось, что перспективы внутреннія строили по внѣшнимъ. Въ этомъ разрывѣ, приведшемъ къ обратной реконструкціи перспективъ, и заключается основной грѣхъ (или бѣда) политической мысли нашего либеральнаго обывателя.

Всѣ истекшіе полтора года войны и учатъ необходимости не только устранить разрывъ и возстановить связь, но и вновь перевернуть ее. Учатъ а — можетъ быть — и научатъ со временемъ.

А пока что, — потому и царятъ равнодушіе, безвоздушное пространство, что единеніе рухнуло, а вмѣсто него ничего другого не сложилось.

* * *

Но развѣ такъ таки ничего? А парламентскій прогрессивный блокъ? Вотъ его-то судьба какъ разъ и можетъ служить иллюстраціею сказаннаго выше.

Начать съ самаго зарожденія блока. Начальный пунктъ его возникновенія лежитъ на той же гибкой линіи связи съ событіями вдали отъ тыла, о которой мы упомянули въ самомъ началѣ.

Мы имѣемъ, помимо прочаго, аутентичное свидѣтельство этой связи, представленное однимъ изъ учредителей блока — депутатомъ В. Шульгинымъ въ его прошумѣвшей отповѣди (въ „Кіевлянинѣ“) дворянину Павлову. „Мы всѣ „не мѣшали“ власти вести войну, — свидѣтельствуетъ В. Шульгинъ. — Не мѣшали до тѣхъ поръ, пока не произошло то, чему весь міръ — свидѣтель... Вотъ когда мы это узнали, мы сдали наши скромные посты и съѣхались всѣ сюда, въ тылъ, понявъ, что прошла та полоса, когда можно и должно было „не мѣшать...“ **

Такъ кончилась та полоса нашего Burgfrieden'a, нашей „union sacrée“, реальный смыслъ которой давно былъ предвосхищенъ прозо[illegible]мъ сатирикомъ въ знаменитой формулѣ: „Hourra

* „Колоколъ“, 11. XII
** Цитир. по газ. „День“, 10. XII.

toujours, politique jamais!“ Началась полоса „политики“ — политики компромисса либерализма съ консерватизмомъ, которая, быть можетъ, была бы въ своемъ родѣ и хороша, если бъ она была больше политикой, чѣмъ политиканствомъ. Послѣднее мы понимаемъ здѣсь не въ смыслѣ субъективныхъ намѣреній, а фактической позиціи обѣихъ сторонъ, вошедшихъ другъ съ другомъ въ блокъ.

Въ этомъ пунктѣ мы, опять таки, имѣемъ весьма выпуклое по своей формѣ свидѣтельство того же В. Шульгина. Обыкновенно — свидѣтельствуетъ В. Шульгинъ по адресу своихъ союзниковъ по блоку — вопросъ ставятъ такъ: „Дайте намъ свободу, и мы побѣдимъ“, а вы ставите вопросъ иначе: „Дайте намъ побѣдить, но дайте намъ побѣдить съ мыслью о свободѣ“. Тутъ и кроется объясненіе тѣхъ условій, на которыхъ Бобринскіе и Шульгины вошли въ блокъ съ Милюковыми и Коноваловыми.

Блокъ представителей либеральныхъ профессій и прогрессивныхъ промышленниковъ съ представителями болѣе или менѣе современнаго и устойчиваго помѣщичьяго хозяйства, направленный на обезпеченіе бо̀льшаго „раціонализма“ (въ смыслѣ вышеприведенной характеристики „Рѣчи“) правительственной политики, при условіяхъ господства у насъ теперь полнаго „ирраціонализма“ — самъ по себѣ могъ бы быть и вполнѣ закономѣрнымъ. Въ особенности, если учесть переживаемыя страною событія и принять во вниманіе старое, въ своемъ родѣ „бытовое“ явленіе, заключающееся въ томъ, что для политическаго смысла разныхъ слоевъ русскаго общества наиболѣе доступнымъ всегда былъ языкъ внѣшнихъ неудачъ, языкъ „того, чему весь міръ свидѣтель“ нынѣ, по выраженію В. Шульгина.

Но, уже не говоря о томъ, что этотъ языкъ, будучи убѣдителенъ для ума, самъ по себѣ не можетъ серьезно мѣнять волю, связанную множествомъ соціальныхъ нитей, — онъ самъ по себѣ — что̀ не менѣе важно — не можетъ, во всякомъ случаѣ, творить изъ ничего, не можетъ превращать политическое безсиліе въ активную силу. Въ этомъ и заключается отрицательная сторона той роли, которую игралъ въ нашей исторіи этотъ языкъ. И если наша очень даже „ирраціональная“ обстановка, въ общемъ, не въ силахъ поднять нашъ передовой либерализмъ много выше уровня націоналъ-либерализма, то что уже говорить о кругахъ сановниковъ изъ Гос. Совѣта, о Крупенскихъ, Бобринскихъ и Шульгиныхъ, даже о кругахъ Гучковыхъ и Шидловскихъ.

Итакъ, въ данномъ компромиссѣ — а всякій блокъ есть компромиссъ — было больше политиканства, чѣмъ политики. Вотъ почему, по цѣнному признанію Шульги[illegible]окирующіеся не говорили: „Дайте намъ свободу, и мы [illegible]ъ“, а „Дайте намъ побѣдить, но побѣдить съ мыслью о свободѣ“. Вотъ почему не представляетъ большого труда рѣшить вопросъ — кто

изъ блокирующихся въ данномъ случаѣ былъ дающимъ и кто берущимъ, и почему гг. Бобринскіе и Савенко пошли на блокъ съ Милюковыми и Шингаревыми.

Такимъ образомъ и сталъ возможнымъ, этотъ самъ по себѣ въ извѣстной мѣрѣ „ирраціональный“ блокъ, именуемый прогрессивнымъ. Обыкновенно принято считать Россію страной неограниченныхъ возможностей; съ неменьшимъ правомъ ее можно называть и страной наглядныхъ несообразностей. Развѣ не къ числу такихъ несообразностей принадлежатъ такіе факты, какъ „Союзъ 17-го октября“, который съ момента своего возникновенія и до послѣдняго времени съ необычайнымъ усердіемъ только и дѣлаетъ, что топчетъ ногами всѣ начала, провозглашенныя въ манифестѣ 17-го октября, или „прогрессивный“ блокъ, въ составъ котораго входятъ Бобринскіе и Крупенскіе и назначенные члены Госуд. Совѣта?

И когда, послѣ сентябрскаго роспуска Думы, обнаружилась первая тяга крысъ, спѣшащихъ покинуть тонущій корабль блока, „Рѣчь“ имѣла наивность жаловаться: „Приходится признать еще разъ, что мы находимся въ очень ранней стадіи развитія понятій о политическомъ долгѣ и о политической честности“.

Впрочемъ, значительную долю наивности проявила и другая сторона сблокировавшихся. Очевидно, когда „произошло то, чему весь міръ — свидѣтель“ и что было исходнымъ пунктомъ всего политическаго оживленія и возникновенія самого блока, то происшедшее произвело весьма сильное впечатлѣніе. У многихъ воскресли въ памяти событія 10 лѣтъ тому назадъ и то, чему весь міръ былъ свидѣтелемъ тогда. Они вообразили, быть можетъ, что исторія буквально повторяется. И когда при обсужденіи программы затѣваемаго блока было внесено предложеніе сузить эту программу, гр. В. Бобринскій воскликнулъ: „Россія можетъ разсмѣяться, когда ей это преподнесутъ!“

Блокъ, построенный не на учетѣ силъ блокирующихся, а лишь на использованіи „того, чему весь міръ былъ свидѣтелемъ“, самъ оказался почти въ безвоздушномъ пространствѣ съ того момента, какъ „то, чему міръ — свидѣтелемъ“, стало менѣе яркимъ. Блокъ парламентскій нуждался въ парламентѣ для своего осуществленія, а парламентъ-то и перешелъ въ состояніе небытія въ самомъ началѣ сентября. „А, коли такъ, — то не будетъ войны съ турками“ — оставалось только заявить блокистамъ, подражая гоголевскому персонажу. Именно это лишь они въ сущности и заявили — правда, въ нѣсколько иной формѣ: „Спокойствіе, господа, спокойствіе — несмотря ни на что!“ И это имъ показалось настоящей парламентской выдержкой. Давно ужъ отмѣчено, что такъ называемый „парламентскій кретинизмъ“ можетъ процвѣтать и тамъ, гдѣ парламентаризмомъ еще и не пахнетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кадетскіе иниціаторы блока — недавніе сторонники лозунга „не мѣшать“, еще и теперь стремившіеся лишь „побѣдить съ мыслью о свободѣ“, — вообразили, что Гос. Дума — власть, а не арена борьбы за власть, которая находится въ рукахъ тѣхъ, кого сами же эти иниціаторы укрѣпили вѣрностью своему мудрому лозунгу.

Эта типичная черта политической мысли нашего либерализма дѣйствовала и внѣ парламентской сферы, — въ сферѣ земскаго и городского союзовъ и другихъ общественныхъ организацій. Здѣсь, очевидно, былъ расчетъ — фактически ввести себя въ кругъ силъ, регулирующихъ войну, и такимъ путемъ захватить извѣстныя политическія позиціи. Путь помощи побѣдѣ считался путемъ къ свободѣ: помогать здѣсь активно, значитъ и вообще стать активнымъ факторомъ политической жизни; пріобрѣсти возможность вліять здѣсь — значитъ и вообще пріобрѣсти вліяніе и просторъ для дѣятельности. Этотъ фокусъ неизбѣжно долженъ былъ сорваться: не удалось перескочить черезъ соотношеніе силъ. И либерализмъ все далъ, ничего не получивъ. Иначе и быть не могло: разъ соотношеніе силъ было въ пользу не либеральныхъ круговъ, а стараго курса, то именно онъ имѣлъ возможность и силу опредѣлить содержаніе „помощи побѣдѣ“, сдѣлавъ изъ нея техническую помощь себѣ — и только.

Въ парламентскомъ блокѣ та же попытка перескочить черезъ реальное соотношеніе силъ привела къ тому, что кадеты и прогрессисты сократили свои требованія, разсчитывая на уступчивость власти. Естественно, что эта скромность и была учтена, какъ выраженіе безсилія. Кому же уступать, если не силѣ? Провалъ былъ неизбѣженъ. И такой провалъ для либераловъ являлся окончательнымъ, ибо для нихъ требуется именно непосредственный практическій результатъ, а не только идейно-моральный успѣхъ*. Ихъ положеніе вѣдь иное, чѣмъ у сосѣда слѣва, гдѣ не достигнуть непосредственнаго практическаго успѣха иногда значитъ достигнуть важныхъ идейно-политическихъ результатовъ — въ смыслѣ ясности положенія и роста силъ для дальнѣйшей борьбы.

Крахъ компромисса либераловъ съ національно-консервативными элементами можетъ существенно отразиться на общихъ судьбахъ нашего либерализма. Война продемонстрировала тенденцію къ превращенію русскаго либерализма въ національ-либерализмъ. Если бъ это превращеніе удалось, если бъ оно было

* Еще 6 августа, когда въ засѣданіи сеньоренъ-[illegible]та Керенскій заговорилъ о „лѣвой“ коалиціи для проведенія общ[illegible]рограммы“, — Милюковъ возразилъ: „При теперешнемъ составѣ Госуд. Думы такая программа неосуществима“ („Рѣчь“, 7. VIII). Ясно, что программу прогрессивнаго блока г. Милюковъ считалъ именно непосредственно осуществимой.

надолго зафиксировано, это было бы равносильно окончательному торжеству опредѣленныхъ имперіалистскихъ элементовъ либерализма. А такое торжество — въ условіяхъ россійской дѣйствительности — прочно связало бы либерализмъ съ господствующимъ кругомъ, ибо положеніе обязываетъ. И, конечно, главнымъ условіемъ такой связи со старымъ курсомъ былъ бы его внѣшній успѣхъ. Яркую иллюстрацію такой возможной перспективы мы видѣли въ первое полугодіе войны. И нельзя не удивляться, какъ изъ этой иллюстраціи не сдѣлали соотвѣтствующихъ выводовъ нѣкоторые изъ элементовъ лѣвѣе кадетъ, придающіе — и совершенно основательно — извѣстное значеніе сдвигу либерализма, его шагу впередъ.

Какъ бы то ни было, принципіальный крахъ „прогрессивнаго блока“ — совершившійся фактъ, какія бы измѣненія ни произошли въ дальнѣйшихъ судьбахъ блока.

Этотъ крахъ вызвалъ много злорадства въ кругахъ крайнихъ правыхъ. Вашу Думу — ехидно заявляли они — распустили, и никто не пикнулъ, никто не заступился за народное представительство. А „Колоколъ“ даже думаетъ, что въ данномъ случаѣ правительство умышленно произвело опытъ, чтобъ продемонстрировать, что „настоящей народной популярности у Думы нѣтъ“*.

Дѣло для насъ тутъ не въ томъ, что черносотенная печать соотвѣтственно своимъ желаніямъ истолковываетъ молчаніе народныхъ слоевъ: дескать, „молчатъ, ибо благоденствуютъ“. Важно то, что „Колоколъ“ нащупываетъ дѣйствительно самый больной пунктъ нашего парламента: за все время существованія 3-й и 4-й Думы она сдѣлала все, чтобъ не связать себя съ народной толщей, а порвать съ нею. Злорадствовать намъ нѣтъ основанія, но отмѣтить слѣдуетъ: то, что нащупываетъ „Колоколъ“, ведетъ насъ туда, гдѣ кроются корни крушенія „прогрессивнаго“ блока: онъ вѣдь весь ограничивается тонкимъ верхнимъ слоемъ соціальной почвы. . . . .

. . . .

. . . .

. . . . . Своей собственной солидной толщи, своей массы у нихъ нѣтъ. Здѣсь-то и корень ихъ безсилья, здѣсь причина краха блока. Составляющіе его элементы, впрочемъ, не только не имѣютъ корней въ народной толщѣ, но до извѣстной степени еще связаны съ той средой, гдѣ какъ разъ и царитъ пляска милліоновъ, гдѣ оперируютъ спекулянты и „мародеры тыла“. Это положеніе еще болѣе обязываетъ. Въ концѣ концовъ ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что въ экспериментѣ „прогрессивнаго“ блока оказывается политиканства больше, чѣмъ прогрессивной политики.

---

* „Колоколъ“, 5. IX.

Въ томъ-то и дѣло, что всѣ затронутыя нами явленія политической жизни истекшаго года разыгрываются лишь на поверхности соціальной почвы. Торжество твердаго курса, бессиліе и развалъ общества, исторія прогрессивнаго блока — во всемъ этомъ не видно нижней толщи, глубины. Тамъ пока нѣтъ почти проявленій общественно-политической жизни. Причина не только въ наличности тяжелыхъ, неблагопріятныхъ условій проявленія активности. Здѣсь, быть можетъ, сказывается физическій законъ массы, ея большой инерціи, благодаря которой ей труднѣе придти въ движеніе. Здѣсь медленно совершается молекулярный процессъ оріентировки, усвоенія, осознанія великихъ событій переживаемаго нами историческаго перелома. А усвоить, переварить требуется именно великія событія, огромные историческіе сдвиги, надвигающіяся безбрежныя задачи, все болѣе опредѣленными контурами вырисовывающіяся изъ безформенной массы тумана. Предъ лицомъ этихъ грядущихъ великихъ сдвиговъ и задачъ подлинно жалкой игрой пигмеевъ, стремленіемъ вычерпать океанъ ложкой являются всѣ затронутыя политическія проявленія истекшаго года.

Пройдетъ туманъ, — и постепенно измѣнится политическая арена. Властная сила новыхъ условій и задачъ, ихъ міровой международный масштабъ вызовутъ во всемъ мірѣ къ дѣйствію соціальныя глубины. На почвѣ великихъ экономическихъ, а затѣмъ и политическихъ послѣдствій міровой войны оживетъ тогда нашъ великій сфинксъ, появится и на міровой аренѣ „Великій Неожиданный“, о которомъ писалъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“. При всей нашей отсталости и инерціи великой массы, міровое, международное политическое оживленіе неизбѣжно скажется и у насъ. Медленнѣе, болѣзненнѣе, преодолѣвая неслыханныя препятствія, — но скажется. Тогда измѣнится положеніе и въ области всѣхъ затронутыхъ нами выше явленій.

Размѣръ этихъ измѣненій и ихъ послѣдствія предвидѣть невозможно. Они скажутся, быть можетъ, въ великомъ, скажутся и въ маломъ. Въ частности будетъ иная почва и для политическихъ блоковъ и комбинацій. Пусть нынѣшній „прогрессивный“ блокъ имѣетъ остріе, направленное и противъ низовъ. Видѣли же мы, какъ еще въ августѣ, въ совѣщаніи общественныхъ дѣятелей подъ предсѣдательствомъ А. И. Коновалова, депутатъ В. А. Маклаковъ „заклиналъ вести борьбу не только съ верхами, но и съ низами“, а представитель союза городовъ, А. Ц. Алферовъ, возражалъ противъ „усиленія крайнихъ лѣвыхъ тенденцій“ *. Видѣли мы и то, какъ, депутатъ П. Милюковъ, ведя свою дипломатическую игру, предостерегалъ отъ „черно-красной анархіи“. Это, конечно, такъ.

Но логика событій всегда сильнѣе всякой дипломатіи. И

* „Биржевыя Вѣдомости“, 19. VIII.

опытъ прошлаго показалъ, что движеніе глубины повышаетъ, а не понижаетъ барометръ политическаго настроенія активныхъ круговъ нашего либерализма, — конечно, въ предѣлахъ, такъ сказать, политической емкости ихъ соціальнаго нутра.

Въ свѣтѣ этого опыта и властной логики грядущихъ нуждъ и задачъ только и можно строить съ нѣкоторой вѣроятностью перспективы дальнѣйшаго развитія затронутыхъ выше и иныхъ сторонъ политической жизни.

А. Ерманскій.

ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ нашей печати не разъ весьма убѣдительно доказывалось, что Россія, обладающая въ изобиліи хлѣбомъ и всѣми необходимыми сырыми матеріалами, легче можетъ переносить бремя войны, чѣмъ западно-европейскія державы, нуждающіяся въ привозномъ сырьѣ. Это заключеніе обывательской публицистики могло бы быть правильнымъ, если бы Россія стояла на той ступени капиталистическаго развитія (и соотвѣтствующаго политическаго и общественнаго), на которой находятся другія „великія державы". Капитализмъ въ Россіи не достигъ еще размѣровъ мірового масштаба, и наша промышленность до сихъ поръ была не въ состояніи обслужить даже одинъ внутренній рынокъ, тогда какъ западно-европейскія державы работали на міровой рынокъ и экспортировали не только продукты производства, но и капиталы. Германія, напримѣръ, могла развить колоссальное производство предметовъ, необходимыхъ для войны, и въ то же время покрыть внутреннія потребности — именно потому, что располагала промышленнымъ механизмомъ, работавшимъ на огромный міровой рынокъ. Съ другой стороны, война совершенно разстроила нашъ внѣшній товарообмѣнъ. Англія, Франція и Италія не потерпѣли въ этомъ отношеніи серьезнаго ущерба; только Германія и Австрія, которыя оказались изолированными въ средней части Европы, испытали такое же (быть можетъ даже большее) сокращеніе внѣшней торговли. Оба эти обстоятельства — слабое капиталистическое развитіе и разстройство внѣшняго товарообмѣна — не позволили использовать наши богатые естественные рессурсы, и въ результатѣ оказалось, что война вызвала разстройство снабженія страны самыми необходимыми продуктами. Конечно, огромную роль въ этомъ направленіи сыграла отсталость государственнаго механизма, являющаяся слѣдствіемъ нашего слабаго капиталистическаго развитія.

Съ экономической точки зрѣнія, война это — колоссальная непроизводительная затрата продуктовъ народнаго труда за цѣлый рядъ лѣтъ и отвлеченіе отъ производительной работы

огромнаго количества наиболѣе трудоспособной части населенія. Затрачивается непроизводительно не только большое количество вновь создаваемыхъ цѣнностей, но и значительная часть національнаго капитала, т. е. накопленныхъ уже цѣнностей, въ видѣ разнаго рода продуктовъ. Въ то же время накопленіе капитала рѣзко понижается. Употребляя выраженіе сотрудника оффиціальнаго „Вѣстника Финансовъ", М. Боголѣпова, капиталы, затраченные на нужды войны, „истребляются". Основное вліяніе войны на рынокъ капиталовъ, по словамъ г. Боголѣпова, „можно формулировать, какъ ослабленіе процесса образованія новыхъ капиталовъ" *. Производительная затрата капиталовъ увеличиваетъ національный капиталъ и содѣйствуетъ дальнѣйшему возрастанію его. Затраты на расширеніе промышленныхъ предпріятій, на земельныя улучшенія, на всякаго рода постройки и возобновленіе инвентаря, на постройку желѣзныхъ дорогъ, портовъ и пр. вызываютъ увеличеніе производства въ другихъ отрасляхъ и увеличиваютъ производительныя силы страны. Затраты на производство предметовъ ежегоднаго потребленія при условіяхъ сбыта мирнаго времени требуютъ созданія соотвѣтствующихъ имъ цѣнностей въ другихъ отрасляхъ труда. Во время войны картина рѣзко измѣняется. Затраченные на нужды войны капиталы не способствуютъ образованію новыхъ цѣнностей, а извлекаютъ изъ хозяйственнаго оборота цѣнности, созданныя раньше. Взамѣнъ увеличенія основного капитала страны (всякаго рода орудій и средствъ производства), происходитъ „истребленіе" соотвѣтствующихъ матеріаловъ и продуктовъ труда безъ всякаго эквивалента. Громадный спросъ, предъявленный арміей на предметы потребленія, не обусловливаетъ созданія новыхъ цѣнностей въ другихъ отрасляхъ труда, такъ какъ всѣ эти затраты оплачиваются не изъ текущаго дохода народнаго хозяйства, а изъ средствъ казны. А военныя затраты казны представляютъ собой расходованіе національнаго капитала, накопленнаго за рядъ лѣтъ. Таково основное дѣйствіе войны на народное хозяйство.

Пока длится война, ея угнетающее вліяніе на экономическую жизнь, частью, возмѣщается тѣмъ, что нужды войны вызываютъ огромный спросъ на различные продукты. Для того, чтобы кормить, одѣвать, снабжать оружіемъ и боевыми припасами, перевозить, строить временныя дороги и разныя военныя сооруженія для колоссальныхъ армій требуется громадное количество разныхъ матеріаловъ и фабрикатовъ.

Прекращеніе промышленной дѣятельности въ тѣхъ областяхъ, которыя сдѣлались театромъ войны или заняты непріятелемъ

---

* „Вѣстникъ Финансовъ", 1915 г., № 18, ст. Боголѣпова, **Война и рынокъ капиталовъ.**

(Польша и Прибалтійскій край), также является условіемъ, компенсирующимъ угнетающее дѣйствіе войны, такъ какъ освобождается та часть рынка, которая обслуживалась промышленностью занятыхъ областей.

Отчасти такимъ компенсирующимъ условіемъ является прекращеніе привоза нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, въ результатѣ чего повышается спросъ на соотвѣтствующіе или подобные товары туземнаго происхожденія.

Извѣстную роль въ этомъ отношеніи играютъ также пособія семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну, заработки арміи санитаровъ и сестеръ милосердія, увеличенные оклады военныхъ служащихъ всякаго рода. Запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ повысилó также внутренній спросъ на всѣ главные предметы потребленія.

Однако, при всемъ этомъ, война и въ настоящемъ вноситъ . . . . разстройство въ экономическую жизнь страны.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Чрезвычайное вздорожаніе большинства товаровъ обогащаетъ продавцовъ, но опустошаетъ карманы покупателей. Въ концѣ концовъ, всѣ надбавки въ цѣнахъ товаровъ несутъ на своихъ плечахъ потребители — народныя массы, такъ какъ промышленники и торговцы „перелагаютъ" всѣ свои переплаты въ цѣнахъ на потребителей, путемъ надбавокъ въ цѣнѣ на свои товары. Національный капиталъ отъ этого не увеличивается, происходитъ только перераспредѣленіе имущества: одни выигрываютъ, другіе — теряютъ. Процессъ этотъ соотвѣтствуетъ такъ называемому „первоначальному накопленію" (у Маркса). Капиталы, „накопляются", но благосостояніе и покупательная способность массъ населенія понижается.

Всякаго рода учредительская и строительная дѣятельность, насколько она прямо не связана съ нуждами войны, сократилась до минимума. Сократились также всякаго рода ремонты и возобновленія орудій и инвентаря. Приходится жить сегодняшнимъ днемъ, не думая о завтрашнемъ.

Всѣ эти перекрещивающіяся вліянія коротко можно выразить такъ: государство предъявляетъ огромный спросъ на разные матеріалы и фабрикаты (для „истребленія" ихъ) и содержитъ на свой счетъ огромное количество населенія, въ то время какъ народное хозяйство сократило до минимума всѣ капитальныя затраты и народное потребленіе сильно понизилось.

Увеличеніе казеннаго спроса на продукты производства въ однихъ случаяхъ компенсировало сокращеніе народнаго спроса, въ другихъ случаяхъ даже значительно перевѣсило его вліяніе.

Но недостатокъ матеріаловъ, орудій, капиталовъ и рабочихъ силъ и — въ особенности — наличныхъ перевозочныхъ средствъ — привели къ тому, что производство многихъ продуктовъ и предложеніе ихъ на рынкѣ не только не увеличилось, но даже уменьшилось. Послѣдствіемъ этого и явилось разстройство снабженія страны.

Я охарактеризовалъ въ общихъ чертахъ вліяніе войны на народное хозяйство. Въ дальнѣйшемъ я приведу главнѣйшіе факты, подтверждающіе и конкретизирующіе эту характеристику.

Начну съ внѣшней торговли. Цѣнность (въ рубляхъ) вывоза и привоза по европейской и азіатской границамъ за годъ до войны (съ половины 1913 г. до половины 1914 г.) и за первый годъ войны (съ половины 1914 г. до половины 1915 г.) выразилась слѣдующими цифрами:*

(въ милліонахъ рублей)

за годъ:	вывозъ	привозъ
до войны $19^{13}/_{14}$	1.634	1.536
во время войны $19^{14}/_{15}$ . .	358	675

Вывозъ подвергся болѣе рѣзкому сокращенію, чѣмъ привозъ. Это объясняется тѣмъ, что для военныхъ надобностей ввезено (преимущественно черезъ азіатскую границу) огромное количество разныхъ цѣнныхъ товаровъ. Если же взять вывозъ и ввозъ по одной европейской границѣ, которые имѣютъ главное значеніе для всего народнаго хозяйства, и сравнить не цѣлый годъ войны, а второе полугодіе войны съ соотвѣт. полугодіемъ 1914 г. (въ первомъ полугодіи войны была еще открыта турецкая граница и имѣлись въ таможенныхъ складахъ большіе запасы товаровъ), то сокращеніе внѣшняго товарообмѣна будетъ еще болѣе замѣтнымъ. По одной европейской границѣ вывозъ и привозъ (въ милліонахъ рублей) составили:

	вывозъ	привозъ
1 полуг. 1914 г.	677	710
1 полуг. 1915 г.	95	181

Вывозъ сократился почти въ 7 разъ, а привозъ почти въ 4 раза. Огромное значеніе нарушенія товарообмѣна съ заграницей станетъ яснымъ, если привести перечень главныхъ предметовъ нашего вывоза и ввоза. Главные предметы вывоза: хлѣба всякаго рода, масло, яйца, сахаръ, сало, спиртъ, дом. птица, табакъ, ленъ, сѣмена льна и конопли, пенька, кожи, щетина, мѣха, кости, перо, пухъ, бревна, различные сорта дерева, дрова, желѣзная и марганцевая руда, нефть и ея продукты, фаянсов. и стеклян. издѣлія, резиновыя, льняныя и шерстяныя изд[illegible]. Главные предметы ввоза: колоніальн. товары, хлопокъ, мануфактура,

* „Внѣшняя Торговля", іюнь 1915 г. и „Объяснит. записка мин. фин. къ проекту росписи на 1916 г.", часть 2, стр. 12—13.

джутъ, пряжа, камен. уголь и коксъ, желѣзн. и стальн. издѣлія, разнаго рода машины, краски и другія химич. издѣлія.

Рѣзкое сокращеніе вывоза хлѣбовъ, масла и сахара, льна и пеньки, кожъ, нефти, льнян. и шерстян. издѣлій — частью или цѣликомъ — было возмѣщено увеличеніемъ спроса, созданнымъ нуждами войны; остальные предметы вывоза не нашли сбыта и такимъ образомъ существенно понизился доходъ народнаго хозяйства. Изъ предметовъ ввоза лишь нѣкоторые и лишь отчасти были замѣнены продуктами внутренняго производства (напр., часть хлопка и химич. издѣлій). Недостатокъ въ необходимыхъ иностранныхъ матеріалахъ и орудіяхъ служитъ существенной помѣхой для развитія производства во многихъ отрасляхъ промышленности.

Внутренній товарообмѣнъ, который можетъ служить показателемъ экономическаго оборота въ странѣ, также сократился. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ текущими данными о грузооборотѣ по воднымъ путямъ; у насъ имѣются только свѣдѣнія о желѣзнодорожныхъ перевозкахъ, при томъ не вполнѣ удовлетворительныя. Текущей регистраціи погрузки всѣхъ товаровъ на желѣзн. дорогахъ не ведется, имѣются только свѣдѣнія о количествѣ коммерческихъ перевозокъ по каждой дорогѣ. Цифры эти выражаютъ нѣкоторую условную величину*, но при сравненіи ихъ за одинаковые періоды могутъ служить показателемъ внутренняго грузооборота.

Сумма всѣхъ коммерческихъ перевозокъ по всѣмъ дорогамъ измѣнялась по полугодіямъ слѣдующимъ образомъ: **

до войны	1913 г.	1	полугодіе	7552	милл. пудовъ.
		2	„	8193	„ „
	1914 г.	1	„	8582	„ „
во время войны.		2	„	5995	„ „
	1915 г.	1	„	6974	„ „

Приведенныя цифры чрезвычайно рельефно рисуютъ рѣзкое уменьшеніе желѣзнодорожнаго грузооборота. До войны грузооборотъ увеличивался приблизительно на полмилліона пудовъ въ полугодіе (при чемъ приростъ грузооборота во второмъ полугодіи, когда реализовался урожай, нѣсколько больше, чѣмъ въ 1 полугодіи). Судя по приросту грузооборота до войны, можно предполагать, что во второмъ полугодіи 1914 г. при условіяхъ мирнаго времени сумма коммерческихъ перевозокъ составила бы, во вся-

* „Пути сообщенія Россіи“ за 1914 и 1915 г. Изданіе Отдѣла статистики и картографіи мин. путей сообщенія.

** Коммерческіе перевозки по каждой дорогѣ выражаютъ сумму всѣхъ отправокъ, прибытій и транзита коммерческихъ грузовъ.

комъ случаѣ, не менѣе $8^1/_2$—9 милл. пудовъ, а въ первомъ полугодіе 1915 г. — не менѣе 9—$9^1/_2$ милл. пудовъ. Въ дѣйствительности соотвѣтствующія цифры оказались гораздо ниже: во 2 пол. 1914 г. — около 6 м. п. и въ 1 пол. 1915 — около 7 м. п. За годъ, предшествующій войнѣ (съ іюля 1913 г. по іюнь 1914), грузооборотъ достигалъ 16.775 милл. пуд., а за годъ войны (съ іюля 1914 г. по іюнь 1915) — 12.969 милл. пуд. Въ сравненіи съ размѣромъ, бывшимъ до войны, грузооборотъ сократился болѣе, чѣмъ на 20%. Если же принять во вниманіе нормальный приростъ грузооборота при условіяхъ мирнаго времени, то въ $19^{14}/_{15}$ г. размѣръ его долженъ былъ бы достигнуть около 18.500 милл. пуд.; слѣдовательно, сокращеніе противъ нормы составляетъ около трети.

При современномъ мѣновомъ строѣ народнаго хозяйства уменьшеніе грузооборота должно вызывать соотвѣтствующее сокращеніе экономическаго оборота страны, т. е. размѣровъ производительной дѣятельности и обмѣна продуктовъ (торговли). Здѣсь не приняты еще во вниманіе грузовое движеніе по воднымъ путямъ и гужевой транспортъ, а также размѣры запасовъ грузовъ; кромѣ того, сокращеніе грузового движенія коснулось въ большей мѣрѣ массовыхъ дешевыхъ грузовъ. Часть уменьшенія грузооборота надо отнести за счетъ сокращенія сѣти вслѣдствіе захвата части территоріи непріятелемъ (къ половинѣ 1915 г. это были часть Варшава-Вѣнской и Привислинскихъ дорогъ). Большое количество грузовъ, принадлежащихъ военному вѣдомству, не считается „коммерческими грузами“ и не вошло въ предыдущіе подсчеты.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Кромѣ недостатка въ транспортныхъ средствахъ, производство во многихъ отрасляхъ промышленности тормозилось недостаткомъ кредита, рабочихъ силъ и нѣкоторыхъ необходимыхъ матеріаловъ и орудій *. Въ общемъ и цѣломъ, однако, затрудненія въ транспортѣ, невозможность подвезти нужное количество сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ и вывезти всѣ продукты, настолько превалировали надъ всѣми другими затрудненіями, что въ большинствѣ случаевъ имѣли рѣшающее значеніе.

Отсюда становится понятнымъ чрезвычайное, ни съ чѣмъ несообразное повышеніе цѣнъ почти на всѣ товары, наблюдающееся во всѣхъ крупныхъ центрахъ потребленія, удаленныхъ отъ районовъ производства. Общее вздорожаніе цѣнъ обусловливается

* См. „Объяснит. записку мин. фин. къ проекту росписи на 1916 г.“ часть 2.

многими причинами, прежде всего пониженіемъ курса бумажныхъ денегъ; но чрезмѣрность дороговизны можетъ быть объяснена только рѣзкимъ нарушеніемъ свободнаго товарообмѣна и недостаткомъ на рынкѣ продуктовъ — . . . .

. . . .

Послѣ этого общаго обзора внѣшняго и внутренняго товарообмѣна я остановлюсь вкратцѣ на характеристикѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отраслей производства.

Урожай хлѣбовъ въ 1914 г. въ общемъ, оказался среднимъ *. Нарушеніе внѣшней торговли привело въ началѣ къ образованію на внутреннихъ рынкахъ значительныхъ избытковъ. За 2 года, предшествовавшихъ войнѣ, было вывезено: въ $19^{12}/_{13}$ г. — 578 милл. пуд. всѣхъ хлѣбовъ, въ $19^{13}/_{14}$ г. — 744 м. п.; это составляло приблизительно около 15% всего урожая. Съ іюля 1914 г. по іюнь 1915 г. было вывезено 33 м. п. По приблизительному расчету, на внутреннемъ рынкѣ долженъ былъ образоваться излишекъ свыше 500 м. п. Цѣны на главные экспортные хлѣба — пшеницу и ячмень — въ началѣ войны значительно понизились. Цѣны на рожь и овесъ, вывозъ которыхъ за границу не былъ значительнымъ и урожай которыхъ въ 1914 г. былъ сравнительно невысокъ, не испытали замѣтнаго пониженія — подъ вліяніемъ крупныхъ закупокъ для арміи. Въ дальнѣйшемъ обнаружилось увеличеніе спроса и на пшеницу: крестьянское населеніе подъ вліяніемъ прекращенія продажи водки стало покупать въ небольшомъ количествѣ бѣлый хлѣбъ. Спросъ на ячмень увеличился изъ-за недостатка въ овсѣ, котораго во время войны потребовалось больше, чѣмъ въ мирное время. Разстройство транспорта и послѣдовавшія вскорѣ запрещенія вывоза хлѣбовъ изъ наиболѣе хлѣбородныхъ районовъ нарушили свободный подвозъ хлѣба на потребительскіе рынки, и началось сильное повышеніе цѣнъ. Послѣднему содѣйствовали также кредиты подъ хлѣбъ со стороны Государственнаго Банка и спекуляція съ хлѣбомъ частныхъ коммерческихъ банковъ. Въ центрахъ потребленія цѣны достигали иногда баснословнаго уровня. Такъ, овесъ въ Петроградѣ доходилъ до 3—4 руб. за пудъ, въ то время, какъ въ Ельцѣ цѣна его не превышало 1 р. 25 к., а въ Сибири падала до 30 коп. Занятіе непріятелемъ части нашей территоріи и вызванная этимъ огромная волна такъ называемыхъ „бѣженцевъ" создали новый добавочный спросъ на хлѣба на внутреннемъ рынкѣ, и это снова содѣйствовало „укрѣпленію" цѣнъ.

Урожай 1915 г., по даннымъ оффиціальной статистики, так-

* Объяснит. зап. мин. Фин., ч. 2, стр. 1—6.

же оказался близкимъ къ среднему. Но въ текущемъ сельско-хозяйственномъ году произошли значительныя перемѣны. Уменьшилась область сбора хлѣбовъ вслѣдствіе того, что театръ военныхъ дѣйствій отодвинулся вглубь страны. Важную роль сыграло и уменьшеніе площади посѣвовъ и невозможность убрать весь хлѣбъ — изъ-за недостатка рабочихъ рукъ. Въ статьѣ г. Я. Артюхова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ * сообщается слѣдующее:

„Въ настоящее время, къ концу сельско-хозяйственнаго года, обнаружилось, съ одной стороны, сокращеніе площади посѣва, а съ другой — гибель снятаго хлѣба на поляхъ вслѣдствіе невозможности его убрать. Послѣднее произошло только мѣстами и отчасти вслѣдствіе неудовлетворительной погоды. Такъ, напримѣръ, на Сѣверномъ Кавказѣ довольно много хлѣба не удалось убрать, свезти съ полей, и это количество мукомолы этого края (см. „Кубанская Мысль“ отъ 12 ноября и „Кавказское Слово“ отъ 13 ноября) опредѣляютъ въ 40% урожая. Цѣлый рядъ сообщеній съ мѣстъ, появлявшихся на страницахъ „Сѣверо-Кавказскаго Края“, отмѣчалъ названное явленіе.

Что касается сокращенія площади посѣва, то болѣе или менѣе точныхъ данныхъ опубликовано не было, а по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя появлялись въ мѣстной прессѣ, можно со значительной вѣроятностью предполагать, что въ Кубанской области остались незасѣянными 350 тыс. десятинъ, въ Самарской — около 120-ти тыс.; въ Полтавской — около 15% ярового поля, въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ — около 10%, въ Калужскомъ и Елисаветградскомъ — четвертая часть ярового поля; въ разныхъ мѣстахъ Ставропольской губерніи площадь незасѣянныхъ яровыхъ полей колебалась отъ $^1/_{50}$ до $^1/_{30}$, а въ Сычевскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи площадь подъ овсомъ сократилась на 50%“.

Относительно озимыхъ посѣвовъ на 1916 г. мы располагаемъ оффиціальными данными. По свѣдѣніямъ министерства земледѣлія ** вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, рабочаго скота, высокой заработной платы, а также отказа крестьянъ отъ аренды земли и неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій, значительно сократилась площадь озимыхъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ, у крупныхъ владѣльцевъ. Сокращеніе это наблюдалось въ губерніяхъ новороссійскихъ, южныхъ уѣздахъ Самарской и Саратовской, Уфимской, Оренбургской, Астраханской, на Сѣверномъ Кавказѣ. По даннымъ „Извѣстій“, „во многихъ крупныхъ экономіяхъ указанныхъ губерній озимые посѣвы сократились на 25—30% и даже на 50% обычно засѣваемой ими площади“. Въ крестьянскихъ хозяйствахъ этихъ губерній озимый клинъ засѣянъ почти полностью. Значительно сократилась посѣвная площадь въ Пермской губерніи; сокращеніе достигаетъ 10—15%, а мѣстами 20—30% и болѣе. „На остальномъ пространствѣ Европейской Россіи, — по словамъ „Извѣстій“ — площадь озимыхъ хлѣбовъ осталась безъ существеннаго измѣненія“. Въ Западной Сибири и

* Русскія Вѣдомости, 1915 г., отъ 10 декабря, № 283, статья Я. Артюхова, Вѣсти съ полей.

** „Извѣстія Министерства Земледѣлія“. 1915 г., отъ 22 ноября.

Средней Азіи“ площадь посѣва озимыхъ хлѣбовъ подверглась вездѣ весьма сильному сокращенію, въ отдѣльныхъ, нерѣдкихъ, случаяхъ опредѣляемому въ $^1/_3$, $^1/_2$ и даже до $^2/_3$ ея обычныхъ размѣровъ“.

На основаніи приведенныхъ указаній нельзя еще опредѣленно сказать, достаточно ли будетъ обезпечена Россія хлѣбомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что избытка его въ ближайшемъ будущемъ ожидать не приходится. На пониженіе цѣнъ на хлѣбъ поэтому нельзя надѣяться, напротивъ, можно опасаться, что открытіе границы съ окончаніемъ войны вызоветъ новый подъемъ цѣнъ.

Положеніе скотопромышленности также не сулитъ особенно отрадныхъ перспективъ. Недостаточное снабженіе мясомъ крупныхъ центровъ потребленія ближайшимъ образомъ зависитъ отъ разстройства транспорта и существовавшихъ запрещеній вывоза скота изъ отдѣльныхъ мѣстностей. Однако, начинаютъ обнаруживаться явные признаки уменьшенія запасовъ убойного скота. Главная масса нашего населенія, крестьянство, въ преобладающей своей части, мяса почти не потребляла, экспортъ мяса за границу былъ сравнительно не великъ, поэтому запасы убойнаго скота у насъ не могли быть значительны. Новый огромный спросъ на мясо со стороны милліонныхъ армій все болѣе и болѣе поглощаетъ эти запасы. По словамъ „Торгово-Промышл. Газеты“ *, „данныя съ мѣстъ отмѣчаютъ, что сейчасъ (августъ 1915 г.) выбранъ весь крупный тяжеловѣсный скотъ и пошелъ мелкій, „осенній“. Отсюда авторъ статьи заключаетъ, что „осеннія заготовки мяса на зиму неизбѣжно сократятся, и потребительнымъ центрамъ придется считаться съ недостаточными поступленіями привознаго мяса“. По болѣе позднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ констатируется прямо сокращеніе размѣровъ скотоводства. Въ № 5 „Торг.-Пром. Газеты“ за 1916 г. сообщается слѣдующее: „По даннымъ вѣдомства земледѣлія, русское скотоводство сократилось въ 1915 г. на 25%, а въ районахъ наибольшаго производства мяса, по даннымъ Мин. Вн. Дѣлъ, на 50%“.

Въ связи съ вопросомъ о скотоводствѣ умѣстно вкратцѣ коснуться кожевенной промышленности. Армія потребовала огромное количество сапогъ и разныхъ кожаныхъ издѣлій. Кожевенная промышленность, производство которой до войны выражалась въ суммѣ 285 милл. руб., съ наступленіемъ войны за такой же періодъ времени довела свою производительность до 510 милл. рублей **. Обувь и всякаго рода кожаныя издѣлія неимовѣрно вздорожали; по сообщеніямъ газетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

---

* Торгово-Промышл. Газета, 1915 г., № 172, и за 1916 г., № 5.

** Докладъ 9-му Очередн. Съѣзду представ. пром. и торговли о мѣрахъ къ развитію производ. силъ, 1915 г., стр. 59.

крестьяне, раньше имѣвшіе кожаную обувь, стали носить почти исключительно лапти.

Перейдемъ къ горной промышленности. До войны Россія получала значительное количество каменнаго угля и кокса изъ-за границы. Заграничнымъ углемъ обслуживалась вся промышленность Прибалтійскаго и Петроградскаго района, часть польской промышленности и отчасти Юго-Западный край. Занятый непріятелемъ въ самомъ началѣ войны польскій угольный районъ (Домбровскій бассейнъ) снабжалъ до войны углемъ Царство Польское, и, частью, западныя и юго-западныя губерніи. Вся южная и центральная часть Россіи снабжалась углемъ Донецкаго бассейна; кромѣ того, небольшое количество угля добывается на Уралѣ, въ подмосковномъ районѣ и на Кавказѣ. Съ закрытіемъ границъ и прекращеніемъ дѣятельности Домбровской угольной промышленности, Донецкій бассейнъ оказался единственнымъ источникомъ снабженія страны твердымъ минеральнымъ топливомъ. Правда, требованіе на топливо со стороны Польши съ самаго начала войны рѣзко упало вслѣдствіе остановки важнѣйшихъ отраслей польской промышленности (желѣзодѣлательной и мануфактурной). Прибалтійскій край испытывалъ все время острую нужду въ топливѣ — вплоть до эвакуаціи промышленныхъ заведеній; „угольный голодъ“ въ Петроградѣ длится все время войны. Для Донецкой угольной промышленности открылся, такимъ образомъ, обширный новый рынокъ сбыта, и можно было ожидать, что вывозъ донецкаго минеральнаго топлива значительно увеличится. А вотъ что говорятъ цифры.

Изъ Донецкаго бассейна было вывезено минеральнаго топлива (угля, антрацита и кокса) за годъ, предшествовавшій войнѣ (съ іюля 1913 г. по іюнь 1914 г.), и за первый годъ войны (съ іюля 1914 по іюнь 1915 г.) (въ милліонахъ пудовъ):*

	до войны (1913—14 г.)	во время войны (1914—15 г.)
для нуждъ желѣзныхъ дорогъ	342	479
для остальн. постоянн. потребителей	939	643
для новаго рынка	10	118
	1291	1240

Желѣзныя дороги взяли во время войны на 137 милл. пудовъ больше, новый рынокъ (Петроградскій, Прибалтійскій и Польскій районы), сверхъ прежнихъ 10 милл. пудовъ, получилъ еще 108 м. п.; на долю остальныхъ получателей, постоянныхъ потребителей донецкаго топлива (весь югъ и центральная Россія), пришлось на 296 м. п., или на 30%, почти на треть, меньше

* Доклады Совѣта XXXIX и LX Съѣздамъ горнопром. юга Россіи о современномъ положеніи каменноуг. пром. Донецкаго бассейна. Харьковъ, 1914 и 1915 г.

количества, полученнаго ими до войны. Надо пояснить при этомъ, что, по дѣйствующимъ во время войны правиламъ, перевозки, желѣзныя дороги, военное и морское вѣдомство и заводы, работающіе на оборону государства, получали топливо въ первую очередь, и имъ доставлялось все нужное количество. Остальные потребители получали лишь часть потребнаго имъ топлива, а иные и вовсе не получали. Мы не имѣемъ данныхъ для выдѣленія всей группы привилегированныхъ потребителей топлива, получавшихъ его въ первую очередь. Если выдѣлить только жел. дороги и новый рынокъ (представленный почти исключительно привилегир. потребителями), то оказывается, что для нихъ потребовалось во время войны на 245 милл. пуд. больше, чѣмъ до войны *.

Донецкая промышленность могла-бы дать рынку значительно большее количество каменноугольнаго топлива, но хроническій „вагонный голодъ" въ Донецкомъ бассейнѣ не позволялъ развить производительность рудниковъ до максимально возможнаго размѣра. Мѣсячный нарядъ на вагоны для вывоза минеральнаго топлива изъ Донецкаго бассейна почти все время далеко отставалъ отъ требованій на вагоны со стороны отправителей, а дѣйствительный вывозъ хронически отставалъ отъ выданныхъ нарядовъ на вагоны. На двухъ послѣднихъ съѣздахъ горнопр. юга Россіи (XXXIX и LX) было констатировано, что при достаточномъ количествѣ транспортныхъ средствъ на рынокъ могло бы быть выпущено еще нѣсколько сотъ милліоновъ пудовъ каменноугольнаго топлива **.

. . . .

. . . .

. . . . (Въ средней Россіи уголь, частью, былъ замѣненъ дровами и нефтью, поступленіе которой на рынокъ увеличилось вслѣдствіе прекращенія экспорта нефтяныхъ продуктовъ за границу.)

Вывозъ остальныхъ массовыхъ горнозаводскихъ грузовъ изъ южнаго района (руды, чугуна, соли и флюсовъ) находился въ такомъ же положеніи, какъ и вывозъ каменноугольнаго топлива. Наряды на вагоны для этихъ грузовъ также изъ мѣсяца въ мѣсяцъ были меньше требованій отправителей, и эти наряды постоянно не выполнялись. Не привожу цифръ, чтобы не загромождать статью ***.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

** „Горно-заводское дѣло" за 1914 и 1915 г. См. также „Труды" XXXIX и LX съѣздовъ горнопр. юга Россіи.

*** Тамъ же.

. . . .
. . . .
. . . .

Въ печати не опубликованы данныя о распредѣленіи всего произведеннаго металла между заказами, связанными съ нуждами войны, и заказами для частнаго рынка. До войны заказы на военныя цѣли, во всякомъ случаѣ, составляли сравнительно небольшую часть всего потребленія желѣза. Съ началомъ войны „военные заказы“ стали все болѣе и болѣе вытѣснять частные заказы. По словамъ статьи, въ журналѣ „Промышленность и Торговля“, „въ послѣдніе мѣсяцы число частныхъ заказовъ сократилось до минимума... и объединенные обществомъ „Продамета“ металл. заводы заняты выполненіемъ исключительно заказовъ казны и для казны, связанныхъ съ нуждами государственной обороны“ *. Такъ какъ „Продамета“ объединяетъ отъ 80 до 90% всего желѣзнаго производства, а военные заказы выполняютъ и заводы, не принимающіе участія въ этомъ синдикатѣ, то можно сказать, что въ настоящее время преобладающая часть всего желѣза идетъ на нужды войны и для частнаго рынка остается ничтожная доля.

При такомъ положеніи дѣлъ неизбѣжно сокращеніе и даже прекращеніе строительной дѣятельности, не связанной непосредственно съ нуждами обороны (постройки желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и фабрикъ, городскихъ домовъ, трамваевъ и проч.), и сведеніе до минимума производства всякаго рода машинъ и орудій и ремонтныхъ работъ. Условія военнаго времени (недостатокъ свободныхъ капиталовъ, дороговизна кредита и матеріаловъ, недостатокъ обученыхъ рабочихъ и затрудненія въ транспортѣ), конечно, и сами по себѣ не благопріятствовали всякаго рода строительнымъ работамъ и работамъ по возобновленію и ремонту орудій и инвентаря **.

Сокращеніе перечисленныхъ работъ, въ свою очередь, вызвало уменьшеніе спроса на остальные матеріалы, потребные для этихъ работъ (цементъ, кирпичъ, известь, камень, лѣсные матеріалы и проч.). И, дѣйствительно, во всѣхъ этихъ отрасляхъ производства наблюдается полный застой ***.

Изъ остальныхъ отраслей промышленности остановлюсь еще на главнѣйшей — мануфактурной промышленности.

Уменьшеніе привоза иностраннаго хлопка вызвало сокращеніе производства въ хлопчатобумажной промышленности. Въ періодъ 1914—15 г., по даннымъ „Объяснит. записки министра

---

* „Горно-заводское дѣло“, 1915 г., № 51 и № 21.

** „Промышленность и Торговля“, 1915 г., № 25.

*** „Торгово-Пром. Газета“, 1915 г. № 251 и № 171. См. также „Объясн. записку м. ф.“

финансовъ", „изъ числа 609 обслѣдованныхъ предпріятій по обработкѣ хлопка сократили производство 110, изъ которыхъ 89 — вслѣдствіе недостатка матеріала". Несмотря на то, что польская хлопчатобумажная промышленность не работала, вѣроятное сокращеніе производства въ прядильной и ткацкой отрасляхъ учитывалось для центральнаго района въ 25% и прибалтійскаго района — въ 30%*. По другому расчету, въ теченіе истекшаго сезона (1914—15 г.) въ центральномъ районѣ не работало около 8% существующихъ веретенъ и въ прибалтійскомъ — не менѣе 15%**. Въ общемъ, можно констатировать, что хлопчатобумажная промышленность во время войны уменьшила размѣръ производства.

По сообщенію „Торгово-Пром. Газеты" ***, обычно въ апрѣлѣ и маѣ продается около 50% годового оборота ситцевъ и легкихъ тканей, въ текущемъ же году, по расчетамъ большинства мануфактуристовъ, весенній сбытъ едва достигаетъ 20%. Недостаточный спросъ на ситцы и легкія ткани компенсировался требованіями на бумазею и другіе чесаные товары; увеличеніе спроса на эти товары обусловливалось прекращеніемъ подвоза изъ Лодзинскаго района и значительными требованіями на нихъ со стороны интендантства. На нижегородской ярмаркѣ настроеніе было тихое съ хлопчатобумажными товарами, „особенно съ бѣлыми ситцами, которыхъ, несмотря на уменьшенный подвозъ въ нынѣшнюю ярмарку, много осталось на ярмарочныхъ складахъ". Наполовину остались неразмѣщенными одежные товары. Торговцы спѣшили раздѣлаться со своими товарами, учитывая невысокое требованіе со стороны провинціи; при этомъ многіе фабриканты и заводчики, занятые работой на фронтъ, не приняли участія въ ярмарочной торговлѣ ****.

Шерстяная промышленность испытывала недостатокъ въ тонкой шерсти, привозимой изъ-за границы; въ грубой шерсти, которая до войны, напротивъ, вывозилась за границу, недостатка не ощущалось. Спросъ на грубыя сукна со стороны арміи вызвалъ увеличеніе производства въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя перешли на изготовленіе „казенныхъ суконъ". Суконныя фабрики, работавшія на частный рынокъ, напротивъ, сократили производство. По словамъ „Объяснит. записки мин. фин.", „главными причинами сокращенія работъ являются: отсутствіе сбыта, затрудненія въ транспортѣ, недостатокъ матеріала и рабочихъ; довольно много случаевъ и финансовыхъ затрудненій, главнымъ образомъ, въ мелкихъ предпріятіяхъ" *****. На нижегородской ярмаркѣ

* „Объяснит. записка мин. финансовъ", часть 2, стр. 24.
** „Торгово-Пром. Газета", 1915 г., № 251.
*** „Торгово-Пром Газета", 1915 г., № 133.
**** „Торгово-Пром. Газета", 1915 г., № 191.
***** „Объяснит. записка мин. фин.", часть 2, стр. 27.

„наибольшее затишье наблюдалось съ шерстяными издѣліями, хотя въ привозѣ ихъ было крайне немного. Объясняется это слишкомъ высокими цѣнами, что въ свою очередь обусловливается значительнымъ вздорожаніемъ сырья — шерсти, почти цѣликомъ идущей на нужды арміи“ *.

Положеніе льняной промышленности, благодаря крупнымъ требованіямъ для арміи, было сравнительно благопріятнымъ. Въ шелковой промышленности „работы на фабрикахъ велись въ сокращенномъ размѣрѣ“ въ виду значительнаго уменьшенія заказовъ **.

Изъ остальныхъ отраслей промышленности отмѣтимъ еще сокращеніе производства въ стеклянной, бумажной, цементной, производствѣ всякаго рода строит. матеріаловъ. Усиленная дѣятельность въ связи съ войной наблюдалась въ обработкѣ металловъ, въ мѣдной промышленности, золотопромышленности, въ сахарномъ производствѣ, въ кожевенной промышленности, въ нѣкоторыхъ химическихъ производствахъ.

Въ экономическомъ положеніи народныхъ массъ война произвела серьезныя измѣненія. Объ общемъ характерѣ этихъ измѣненій было сказано выше. Покупательная способность массы населенія замѣтно понизилась. Правда, безработица почти прекратилась; заработная плата повысилась, при чемъ повышеніе коснулось преимущественно обученыхъ рабочихъ. Однако, чрезвычайное вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія не только поглотило приростъ заработной платы большинства категорій рабочихъ, но и уменьшило ея реальную величину (т. е. покупательную способность). Многія семьи лишились того заработка, который получали ихъ члены, взятые на войну; частью этотъ заработокъ возмѣщенъ заработками оставшихся членовъ и пособіями семьямъ запасныхъ, но, въ общемъ, благосостояніе этихъ семей должно было понизиться. Такія же перемѣны произошли въ положеніи всякаго рода ремесленниковъ и кустарей. Въ крестьянское хозяйство война внесла значительное разстройство. Здѣсь также дѣйствовали противоположныя вліянія, при чемъ для разныхъ группъ крестьянства результаты ихъ были далеко не одинаковы. Болѣе состоятельные слои крестьянства менѣе пострадали отъ войны, чѣмъ крестьянская бѣднота. Продажа по высокимъ цѣнамъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ увеличила доходы болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго населенія; въ то же время живой и мертвый инвентарь изъ хозяйствъ подвергся уменьшенію и пришелъ въ упадокъ; уменьшеніе рабочихъ силъ семей не могло не отразиться крупнымъ ущербомъ для хозяйства. Бѣднѣйшіе слои крестьянства, стоящіе на границѣ пролетаріата,

* „Торгово-Пром. Газета“, 1915 г., № 191.
** „Объяснит. записка м. ф.“, стр. 26 и 28.

у которыхъ мало излишковъ для сбыта на рынокъ, не могли замѣтно выиграть отъ высокихъ цѣнъ, а всѣ отрицательныя послѣдствія войны испытывали еще въ большей степени. Прекращеніе продажи водки и выдача пособій семьямъ запасныхъ, въ лучшемъ случаѣ, могли задержать упадокъ крестьянскаго хозяйства.

Въ заключеніе намѣчу вкратцѣ главнѣйшія послѣдствія войны для развитія народнаго хозяйства.

Выше было указано основное дѣйствіе войны на народное хозяйство воюющихъ державъ — уменьшеніе національнаго капитала, накопленнаго въ видѣ разнаго рода продуктовъ труда. Какъ ни великъ ущербъ, причиненный этимъ народному хозяйству, онъ могъ бы быть восполненъ въ ближайшіе годы усиленной работой производительныхъ силъ. Но данная общественная форма народнаго хозяйства — капиталистическая система — создаетъ чрезвычайныя затрудненія для развитія производительныхъ силъ послѣ войны.

Другое мнѣніе по этому вопросу было высказано въ газетѣ „Рѣчь"* въ двухъ статьяхъ М. Туганъ-Барановскаго. Въ первой статьѣ высказывается увѣренность, что „живительная сила капиталистическаго хозяйства" вызоветъ расширеніе производства, которое „съ избыткомъ покроетъ всѣ затраты и убытки, связанные съ войной". Во второй статьѣ для ближайшаго будущаго авторъ рисуетъ уже довольно мрачную картину:

„Послѣ окончанія войны міровое хозяйство окажется въ слѣдующемъ положеніи. Колоссальные капиталы уничтожены войной и образованіе новыхъ замедлено. Денежное обращеніе ряда важнѣйшихъ государствъ переполнено неразмѣнными бумажными деньгами. Международная торговля разстроена, учредительская дѣятельность парализована войной. Въ то же время весь усиленный спросъ, созданный потребностями войны, прекращается одновременно съ окончаніемъ войны и приведеніемъ арміи на мирное положеніе.

При такой міровой промышленной конъюнктурѣ слѣдуетъ ожидать съ окончаніемъ войны тяжелаго промышленнаго застоя. Пройдетъ не мало мѣсяцевъ раньше, чѣмъ промышленная дѣятельность придетъ въ нормальное состояніе. И потому нельзя думать, что вслѣдъ за окончаніемъ войны послѣдуетъ немедленно тотъ небывалый расцвѣтъ промышленности, котораго иногда ожидаютъ. Расцвѣтъ промышленности придетъ, но позже".

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Б. Авиловъ.

---

* „Рѣчь", 1915 г., № 352 и 354, статьи М. Туганъ-Барановскаго.

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ И КООПЕРАЦІЯ.

6—9 апрѣля текущаго года состоящій при московскомъ об-вѣ сельскаго хозяйства комитетъ о сельскихъ промышленныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ устроилъ рядъ засѣданій по вопросамъ дѣятельности земскихъ кассъ мелкаго кредита *. Среди иногородннхъ членовъ комитета преобладали представители „третьяго элемента“ земскихъ кассъ, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, а потому и настроеніе совѣщанія было характерно для представителей этого элемента вообще.

Одно изъ теченій совѣщанія призывало къ работѣ даже съ нынѣшнимъ несовершеннымъ земствомъ. Другое теченіе, рѣзко отрицая современное земство, требовало размежеванія земской и кооперативной работы, передачи капиталовъ земскихъ кассъ мелкаго кредита въ руки союза кооперативовъ, передачи сельско-хозяйственныхъ складовъ тоже въ руки кооперативовъ и устраненія земства отъ организаціи посредническихъ операцій.

Къ первому теченію относилось большинство докладчиковъ; но они не принадлежали къ числу представителей третьяго элемента: это были москвичи — теоретики кооперацін. Второе же теченіе, которое было представлено на съѣздахъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, было группой провинціальныхъ работниковъ кооперацін, почти сплошь состоявшей изъ представителей „третьяго элемента“.

Борьба на совѣщаніи началась уже съ тезиса доклада извѣстнаго кооператора В. А. Кильчевскаго, который гласилъ: „слѣдуетъ признать очередной задачей земства содѣйствовать образованію кооперативовъ по переработкѣ и сбыту, принявъ на себя на первое время заботу объ инструктированіи кооперативовъ“. Казалось бы, что кооператоры могутъ только радоваться такому благожелательному для нихъ предложенію. Однако, представитель полтавскаго земства возражалъ противъ инструктированія земствами кооперативовъ; заявленіе представителя казанской земской кассы, что эта касса успѣшно шла навстрѣчу кооперативамъ по переработкѣ, встрѣтило болѣе чѣмъ холодный пріемъ; инструкторъ же тульской кассы вообще возражалъ противъ ссылки на факты и стремился перенести вопросъ въ „категорію идеальнаго“.

То же происходило и при обсужденіи другихъ докладовъ.

Напрасно одинъ докладчикъ обращалъ вниманіе засѣданія, что не всѣ жители организовались въ кооперативы, что земство,

---

* Излагаю по замѣткѣ г-жи Е. Рожновской-Останковой въ № 10 „Земскаго Дѣла“ за 1915 г. Ср. также отчетъ А. В. Меркулова въ № 6 „Вѣстника Кооперацін“ за 1915 г.

какъ публично-правовой институтъ, имѣетъ больше гарантій плодотворной работы, чѣмъ кооперативы — учрежденія частно-правовыя — отъ этихъ указаній отмахивались, говоря, что въ будущемъ идеальное земство и идеальный кооперативъ будутъ совпадать. А отсюда (по вѣрѣ работниковъ коопераціи) слѣдуетъ, что земство перестанетъ существовать. „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, Мавръ можетъ уйти".

Интересно посмотрѣть, насколько широко это антиземское теченіе среди кооператоровъ?... Вотъ что пишетъ по этому поводу г. Б. Веселовскій*:

„Быстрый ростъ кооперативнаго движенія совпалъ у насъ съ моментомъ земскаго кризиса 1906—7 г., съ моментомъ переоцѣнки многихъ цѣнностей, въ томъ числѣ и съ переоцѣнкой широкими кругами земской интеллигенціи, земскихъ цѣнностей. Въ идеологіи этой интеллигенціи произошелъ сдвигъ, при чемъ въ значительной своей части теченіе устремилось по руслу коопераціи... Наряду съ этимъ въ широкихъ кругахъ кооперативныхъ дѣятелей наростало и другое теченіе, — антиземское. Оно ярко сказалось и на кустарномъ съѣздѣ 1913 г. и на кооперативныхъ съѣздахъ".

Въ частности оно рѣзко обозначилось, — по мнѣнію г. Веселовскаго, — и на этомъ совѣщаніи, о которомъ мы только что говорили.

„Для новыхъ формъ умретъ несовершенное старое, — пишетъ по поводу настроенія совѣщанія г. С. Б. въ „Кооперативной жизни". — Было время, когда налицо была одна кооперативная работа земства: мы переживаемъ другое время, когда ярко говоритъ о себѣ кооперативная самодѣятельность населенія. Эти двѣ работы встрѣчаются: что же слѣдуетъ? Земство отходитъ и д о л ж н о о т х о д и т ь на свою работу въ громадной области общихъ мѣропріятій: все бóльшую и бóльшую область захватываетъ кооперативная работа населенія... О берега земской работы бьютъ кооперативныя волны: бьютъ и отрываютъ куски: это — прочное пріобрѣтеніе коопераціи..." **

„Все, что можетъ быть выполнено населеніемъ (въ сферѣ хозяйственной и даже культурно-просвѣтительной) на началахъ самодѣятельности и взаимопомощи, должно быть отдано населенію". Такъ заявлялъ г. А. Меркуловъ, считавшій своимъ „долгомъ во время преній поставить этотъ вопросъ совершенно обнаженно и во всей остротѣ, т. к. настало время, когда необходимо сказать земству всю правду, чтобы не было прискорбныхъ столкновеній". Мы видѣли, что одинъ изъ цитированныхъ авторовъ все же еще снисходитъ къ современному земству, отводя ему „громадную область общихъ мѣропріятій". Однако, почему инструктированіе кооперативовъ есть частное мѣропріятіе, разъ оно направлено на интересы всѣхъ существу-

* См. № 10 „Земскаго Дѣла" за т. г. стр. 656-658.

** См. № 8 за 1915 г. Но г. С. Б. только повторялъ заявленія г. А. В. Меркулова, бывшаго главнымъ застрѣльщикомъ на совѣщаніи въ этомъ направленіи. См. стр. 68 № 6 „Вѣстн. Коопераціи" за пр. г.

ющихъ уже и могущихъ возникнуть кооперативовъ? Или, напримѣръ, устройство народныхъ школъ, организація внѣшкольнаго образованія, открытіе народныхъ домовъ, — общія или частныя мѣропріятія? Поводъ для постановки этихъ послѣднихъ вопросовъ дала намъ борьба тѣхъ же двухъ теченій на „съѣздѣ по вопросамъ организаціи разумныхъ развлеченій въ Харьковской губ.“, созванномъ 7—12 іюня харьковскимъ о-вомъ распространенія въ народѣ грамотности *. „Кооператорами (гл. обр. представителями полтавскихъ, харьковскихъ и московскихъ центральныхъ кооперативныхъ организацій — моск. союза потребит. о-въ, комитета содѣйствія сельской кооперации и т. д.) — говоритъ г. Арбовъ, — горячо отстаивалось то положеніе, что дѣло руководства и завѣдыванія народными домами, этими будущими центрами сельской общественности, культуры и внѣшкольнаго просвѣщенія, должно быть сосредоточено въ рукахъ мѣстнаго населенія, объединеннаго въ различныя организаціи и, прежде всего, въ кооперативы“.

Кооператоры мотивировали свое недовѣріе къ земству указаніемъ на недостатки его теперешней организаціи: земство сословно; удалено отъ жизни, благодаря своему составу и отсутствію мелкой земской единицы; не всегда оно стойко въ проведеніи начала самоуправленія, въ защитѣ нуждъ и пользъ населенія; оно связано по закону, опутано опекой администраціи **, пагубное вліяніе которой оказывается и на направленіи земской дѣятельности, и на подборѣ земскихъ работниковъ, и т. д.

Ораторы-земцы предостерегали отъ отожествленія современнаго земства, созданнаго Положеніемъ 1890 г., съ самой земской идеей, подлиннымъ выразителемъ которой можетъ быть только земство свободное, демократическое, покоящееся на прочномъ фундаментѣ законности, народной самодѣятельности, волостного самоуправленія (мелкой земской единицы), широкаго права самообложенія. Наконецъ, земцы указывали на недостаточный еще опытъ кооперативовъ въ дѣлѣ внѣшкольнаго просвѣщенія и подчеркивали необходимость идти въ этой работѣ рука объ руку со всѣми культурными общественными силами и, прежде всего, съ земскимъ „третьимъ элементомъ“, обладающимъ большими знаніями, опытомъ, широкимъ кругозоромъ и преданнымъ интересамъ народа.

Мнѣнія о должныхъ взаимоотношеніяхъ функцій земствъ и кооперативовъ вообще довольно разнообразны. Одни кооператоры желали бы отобрать у земства больше функцій, другіе меньше.

Однако, детальная характеристика этихъ оттѣнковъ не пред-

---

* См. отчетъ о немъ г. Арбова № 15—16 „Земскаго Дѣла“ за пр. г.
** А развѣ кооперативы до сихъ поръ не „связаны“ и не „опутаны?“

ставляетъ для насъ существеннаго интереса. Суть разногласій между идеологами земской и вообще муниципальной дѣятельности, съ одной стороны, и кооперативной, съ другой — выяснилась изъ цитированныхъ мнѣній достаточно. Эту суть можно сформулировать такъ: современное земское и городское самоуправленіе неудовлетворительно, а потому — по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ обслуживанія экономическихъ нуждъ населенія — должно уступить мѣсто кооперативамъ.

Что земскія и городскія учрежденія плохи, сословны, недемократичны, бѣдны средствами, стѣснены закономъ и администраціей и т. д. — все это хорошо извѣстно. Но что же представляетъ изъ себя та кооперація, которая требуетъ отъ мѣстнаго самоуправленія только денегъ, духовной помощи и... самоупраздненія земства? Такъ ли эта категорія „идеальна", чтобы съ легкимъ сердцемъ пойти навстрѣчу требованіямъ части кооператоровъ? И не лучше ли продолжать старую борьбу за демократизацію земствъ и городовъ, ожидая попрежнему, что только реформы публично-правового характера могутъ принести максимумъ пользы всему мѣстному населенію, какъ объединенному, такъ и необъединенному въ кооперативы? „Не лучше ли" въ частности потому, что другая часть кооператоровъ — есть даже основаніе думать, что бо́льшая — ожидаетъ и для самой-то коопераціи лучшаго будущаго прежде всего отъ демократизаціи всего строя нашей жизни и мѣстнаго самоуправленія въ частности?.. Не будемъ сейчасъ спорить: пусть цѣлью развитія будетъ совпаденіе идеальнаго кооператива и съ идеальнымъ земствомъ, какъ это говорили нѣкоторые кооператоры. Однако, познакомимся хотя бы немного съ тѣмъ, что такое *современная* кооперація и насколько удачно выполняетъ она лежащія на ней задачи? Только такое же методологически правильное противопоставленіе современнаго мѣстнаго самоуправленія современной же коопераціи дастъ намъ достаточно матеріала для сужденія о желательности упомянутой выше замѣны перваго второю.

Пятидесятилѣтній юбилей нашей потребительской коопераціи вызвалъ много газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, посвященныхъ, между прочимъ, оцѣнкѣ современной русской коопераціи. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Кооперація у насъ, правда, существуетъ, — пишетъ редакція „Вѣстника Коопераціи" въ юбилейномъ номерѣ, — но какой жалкой она представляется, если мы сравнимъ ее съ тѣмъ, что мы видимъ въ тѣхъ странахъ, откуда мы ее заимствовали. Число нашихъ кооперативовъ опредѣляется десятками тысячъ, но среди этихъ тысячъ много ли организацій, основанныхъ на самодѣятельности населенія, проникнутыхъ духомъ самопомощи, существующихъ своей собственной силой, а не „благопріятствующей опекой" бюрократіи, земства или кого либо" *.

* См. № 8 за 1915 г. стр. 4.

„Какъ не похожа наша современная дѣйствительность на чаянія шестидесятыхъ годовъ и какъ мы еще далеки отъ осуществленія не только кооперативнаго идеала (объ этомъ и говорить нечего), но даже отъ самыхъ скромныхъ требованій гражданской общественности!" — восклицаетъ парой строкъ выше та же редакція.

Въ томъ же номерѣ „Вѣстника Кооперации" г. В. Ф. Пекарскій разбираетъ, насколько въ нашей кооперации осуществились мечты Фурье, и приходитъ къ отрицательнымъ выводамъ (стр. 26 и 27).

„Еще менѣе, — продолжаетъ онъ далѣе, — можно говорить о перевоспитаніи кооперацией массъ, даже хотя бы только кооперативныхъ массъ; наоборотъ, мы постоянно слышимъ жалобы на некооперативность членовъ кооперативовъ, на ихъ малосознательность, безразличіе къ кооперативно-культурной работѣ. Такъ же мало воплотился Оуэновскій идеалъ самодовлѣющаго трудового уклада — кооперативы еще очень чувствуютъ тиски капитализма и еще очень далеки массы отъ той культуры трудовой взаимопомощи, которую хотѣлъ воплотить Оуэнъ въ Нью-Гармони. Наконецъ, общинно-артельные идеалы народниковъ тоже потерпѣли фіаско, „хотя кооперация и проявила опредѣленную тенденцію къ кооперированію сельскаго хозяйства въ цѣломъ" (стр. 28) *.

Приведя разныя цифры, иллюстрирующія ростъ кооперации, г. М. Туганъ-Барановскій писалъ въ № 291 „Рѣчи" за 1915 г. слѣдующее:

„По быстротѣ роста наше кооперативное движеніе новѣйшаго времени является безпримѣрнымъ. За одно десятилѣтіе мы стали по числу участниковъ кооперативовъ первой страной во всемъ мірѣ, а по числу кооперативовъ уступаемъ только Германіи.

Однако, не нужно слишкомъ обольщаться статистикой. Статистика нерѣдко замалчиваетъ самое главное — внутреннюю природу даннаго явленія. Такъ и въ данномъ случаѣ. Какими бы грандіозными цифрами ни опредѣлялось число нашихъ кооперативовъ, наша кооперація еще только нарождается.

Вѣдь суть кооперации заключается въ самодѣятельности ея участниковъ. Наша же кооперація, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, опекается сверху. Изъ 12 милліоновъ членовъ нашихъ кооперативовъ на долю кредитныхъ кооперативовъ приходится свыше 9 милліоновъ членовъ. Въ числѣ кредитныхъ кооперативовъ важнѣйшую роль играютъ кредитныя товарищества. Именно они начинаютъ чрезвычайно быстро расти съ 1905 г.

Чѣмъ же былъ вызванъ этотъ ростъ? Не столько перемѣной народной психики послѣ революціоннаго потрясенія этого года, сколько причиной гораздо болѣе простой — закономъ 1904 г. о мелкомъ кредитѣ, создавшимъ кадръ особыхъ чиновниковъ, на которыхъ была возложена миссія устройства кредитныхъ товариществъ и руководительства ими. И инспекторамъ мелкаго кредита блестяще удалось то, на чемъ потерпѣла крушеніе свободолюбивая интеллигенція шестидесятыхъ годовъ, — они создали тысячи вполнѣ жизнеспособныхъ кредитныхъ товариществъ; въ этомъ, однако, ничего удивительнаго нѣтъ, ибо инспектора мелкаго кредита ничего не требовали отъ крестьянъ, а только предлагали имъ распредѣлить между собой казенныя

---

* Ср. ст. Н. Суханова въ №№ 6 и 7 „Завѣтовъ" за 1912 г. и Г. Новоторжскаго въ „Современникѣ" № 4 за 1914 г.

деньги. Крестьяне отъ этого не отказывались, охотно принимали казенныя деньги, и, такимъ образомъ, русская деревня покрылась тысячами кредитныхъ товариществъ, въ большинствѣ которыхъ кооперативнаго духа нѣтъ ни малѣйшаго слѣда.

Въ общемъ наша кооперація, несомнѣнно, существуетъ вполнѣ реально не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности. Однако, не нужно забывать, что дѣйствительные кооперативы составляютъ лишь меньшинство среди тѣхъ десятковъ тысячъ организацій, которыя значатся въ нашей кооперативной статистикѣ и которыя, несомнѣнно, мало-по-малу проникаются кооперативнымъ духомъ и когда-нибудь станутъ кооперативами, но пока таковыми, въ строгомъ смыслѣ слова, считаться не могутъ".

Съ другой стороны, вспомнимъ хотя бы оштрафованіе на 1.000 руб. о-ва оптовыхъ закупокъ въ Петроградѣ, попытку реквизиціи принадлежащихъ ему грузовъ, привлеченіе къ отвѣтственности по 124-й статьѣ кооператоровъ, образовавшихъ всероссійскій центральный кооперативный комитетъ съ мѣстными комитетами и т. п. Можетъ быть, въ будущемъ такіе факты и отойдутъ въ область преданія, но пока кооперативамъ приходится считаться съ ними. Словомъ, что касается общихъ условій, то пока нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что кооперація находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ земства и города. Въ одинаково тяжелыхъ условіяхъ находится она и по части образованія союзовъ.

Далѣе, противопоставляется ли кооперація органамъ мѣстнаго самоуправленія или пропагандируется сама по себѣ, — кооператоры всегда указываютъ на особливое поощреніе ею самодѣятельности населенія. Мы только что слышали о весьма скептическомъ отношеніи къ этой самодѣятельности кооперативовъ со стороны редакціи „Вѣстника Коопераціи" и г. М. Туганъ-Барановскаго. Однако, они имѣли въ виду только одну сторону дѣла, а именно зависимое положеніе кооперативовъ отъ внѣ ихъ стоящихъ силъ. Одна изъ формъ такой зависимости—финансированіе кооперативовъ казной, земствами, городами. Вполнѣ естественно, что всякое финансирующее учрежденіе стремится установить какой-либо контроль надъ расходуемыми имъ на финансированіе средствами. Если таковымъ учрежденіемъ является союзъ публично-правового характера, обязанный къ тому же отчетомъ о законности и цѣлесообразности расходуемыхъ имъ на что-либо средствъ, то мы легко поймемъ, насколько неосновательны претензіи кооператоровъ, выражаемыя формулой: „дайте намъ деньги и ступайте прочь"!

Думается, что претензіи подобнаго рода никогда не смогутъ найти себѣ удовлетворенія.

Эту частность мы отмѣтили только между прочимъ. Въ вопросѣ о самодѣятельности есть другая, болѣе важная съ принципіальной точки зрѣнія сторона. Въ прославленіи кооперативной самодѣятельности пробивается иногда чисто аполитическая

струя, откуда и возникали надежды, что кооперація призвана замѣстить органы самоуправленія. Поэтому любопытно проанализировать специфическія черты кооперативной самодѣятельности.

Очевидно, что какой-нибудь маленькій крестьянскій кооперативъ въ 2—3 десятка членовъ, которому легко устраивать общія собранія всѣхъ членовъ хоть ежедневно, представляетъ собой верхъ самодѣятельности: всѣ члены его могутъ принимать участіе въ обсужденіи и рѣшеніи его дѣлъ самымъ ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ. Вотъ, именно такіе маленькіе кооперативы и имѣются въ виду, когда прославляется кооперативная самодѣятельность не въ примѣръ прочимъ видамъ ея. Но возьмемъ кооперативъ хотя бы въ нѣсколько сотъ, не говоря уже о кооперативахъ въ нѣсколько тысячъ членовъ, или такихъ левіаѳанахъ, какъ созидаемая въ Москвѣ „Кооперація". Что тогда происходитъ съ самодѣятельностью? Вмѣсто частыхъ общихъ собраній — одно въ годъ, дополняемое въ промежуткахъ собраніями уполномоченныхъ по одному отъ 10, 25, 100 и болѣе членовъ, въ зависимости отъ числа членовъ кооператива. Наконецъ, все зданіе увѣнчивается правленіемъ и ревизіонной комиссіей, — словомъ, появляется налицо весь аппаратъ народнаго представительства, примѣняемый лишь въ болѣе узкой сферѣ преслѣдованія чисто экономическихъ интересовъ. Самодѣятельность, какъ и при выборахъ въ законодательныя учрежденія города и земства, сводится къ выборамъ должностныхъ лицъ и подчиненію рѣшеніямъ правленія и, въ лучшемъ случаѣ, уполномоченныхъ; общія же собранія становятся въ той или иной степени фикціей*. Наконецъ, появляются своя бюрократія, вожди и идеологи, словомъ, все то же, что и въ остальныхъ учрежденіяхъ. Потребность въ нихъ усиливается съ образованіемъ союзовъ кооперативовъ. Потребность же въ послѣднихъ тоже не характерная черта коопераціи.

Итакъ, мы видѣли, что, какъ только мы покинули маленькій крестьянскій кооперативъ, такъ сейчасъ же отъ интенсивной кооперативной самодѣятельности не осталось почти и слѣда.

Между тѣмъ, городская потребительская кооперація, по общему правилу, состоитъ изъ крупныхъ ячеекъ; фабрично-заводскіе и другіе профессіональные (служащихъ) кооперативы тоже весьма крупныя единицы. А всѣ крупные кооперативы не могутъ уже обходиться безъ наемныхъ служащихъ, т. е. того же 3-го элемента. Это же, въ свою очередь, опять роднитъ ихъ съ земствами и городами. А разъ всѣ операціи кооперативовъ производятся третьимъ элементомъ, то нельзя возражать противъ того, чтобы земства и города занимались торгово-промышленными

---

* См. блестящее подтвержденіе этому въ описаніи г. Е. Д. Кусковой перваго учредительнаго общаго собранія московской „Коопераціи", куда явилась лишь 1/5 часть членовъ. № 297 „Русск. Вѣд." за 1915 г.

предпріятіями и операціями, такъ какъ въ послѣднихъ эта экономическая дѣятельность производится тоже наемнымъ 3-мъ элементомъ. Роль же правленій потребительскихъ обществъ аналогична роли управъ: дѣятельность послѣднихъ только шире.

Вотъ въ заключеніе одна иллюстрація кооперативной самодѣятельности. „Какая можетъ быть кооперація тамъ, гдѣ люди еще не вышли изъ полудикаго состоянія, — восклицаетъ г. А. Погодинъ, инструкторъ по коопераціи, разъѣзжающій по „чувашскому царству" Казанской губ.* „Вся она — дѣтище этого жалкаго края. Кооперативное сознаніе совершенно отсутствуетъ. Все дѣлопроизводство и счетоводство носитъ печать безпомощности. Администрація кооперативовъ далека отъ истиннаго пониманія своихъ задачъ.

— Ты кто такой?

— Софетъ.

— Членъ Совѣта?

— Та.

— Что же ты дѣлаешь въ т-вѣ?

— Подписыфаю.

— А еще что?

— Ничефо.

Кромѣ этого, подобные Совѣты и Правленія превосходно бѣгаютъ инструктору за папиросами и вообще по всѣмъ его надобностямъ". И такъ далѣе въ этомъ родѣ. Кого же, спрашивается, могутъ просвѣщать подобные кооперативы? Конечно, не мало найдемъ мы на Руси и земствъ, которыя не многимъ просвѣщеннѣе этой первобытной демократіи. Но, повторяемъ, отсюда вытекаетъ необходимость борьбы за реорганизацію земства, а не за передачу его функцій частно-правовымъ учрежденіямъ.

* * *

Мы уже видѣли выше, что съ какой бы стороны ни подходить къ вопросу о занятіи земствъ и городовъ торговой дѣятельностью, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для того, чтобы устранить ихъ отъ этой дѣятельности въ пользу коопераціи.

Намъ небезынтересно будетъ теперь взглянуть на аргументацію нашихъ ультра-кооператоровъ, поскольку она порождена особыми условіями военнаго времени. Такъ г. Э. Клейнъ писалъ слѣдующее нѣсколько мѣсяцевъ назадъ:

„Уже достаточно опредѣлилась тенденція союза земствъ и городовъ сократить до минимума промежуточный между производителями и потребителями слой посредниковъ... Говоря иначе, въ условіяхъ переживаемаго момента, въ которомъ насъ застала война, союзъ земствъ и

---

* См. его весьма поучительную замѣтку въ № 7 „Кооперативной жизни" за 1915 г., стр. 446 и 447.

городовъ неизбѣжно взялъ на себя функціи союзовъ производительныхъ и потребительныхъ обществъ*.

Если не упускать изъ виду того, что эти функціи выполняются неудовлетворительно, главнымъ образомъ, въ количественномъ отношеніи, и прибавить дѣятельность отдѣльныхъ земствъ и городовъ въ томъ же направленіи, то, кажется, слѣдовало бы только пожелать, чтобы эта муниципальная дѣятельность получила дальнѣйшее развитіе.

Но послушайте логическое заключеніе г. Клейна.

„Какова должна быть основная задача продовольственной политики земскаго и городского союзовъ? Очевидно, она должна заключаться не въ томъ, чтобы и дальше развивать непосредственныя закупочныя операціи городовъ и земствъ, а въ томъ, чтобы вызвать усиленный ростъ сельскихъ и городскихъ кооперативовъ съ тѣмъ, чтобы, въ концѣ концовъ, переложить на союзы послѣднихъ продовольственную работу, выпавшую сейчасъ по волѣ русскихъ судебъ на долю земскаго и городского союзовъ“.

Итакъ, въ то время какъ сама жизнь толкаетъ не только отдѣльные земства и города, но и союзы ихъ на чисто торговую дѣятельность, кооператоръ заботится о томъ, какъ бы поскорѣе устранить ихъ отъ этого дѣла. Въ этой аргументаціи грустно не столько то, что она „очевидно“ находится въ противорѣчіи съ формальной и жизненной логикой, сколько то, что она слаще меду для тѣхъ городовъ и земствъ, которые въ силу своего цензоваго и классоваго состава либо совсѣмъ не желаютъ придти на помощь мѣстному населенію, либо дѣлаютъ это скрѣпя сердце и съ радостью готовы передать дѣло снабженія продуктами первой необходимости кому угодно. Между тѣмъ союзы публично-правового характера, земства и города (также союзы ихъ) обязаны взять это дѣло, да и удовлетвореніе всякихъ другихъ экономическихъ потребностей населенія на себя, особенно же въ столь острый періодъ, какъ нынѣ. Отъ мѣстнаго самоуправленія, равно какъ и отъ государства въ цѣломъ, граждане имѣютъ право требовать принятія мѣръ въ борьбѣ съ народными бѣдствіями, тогда какъ кооперативы не обязаны дѣлать что-либо для лицъ, стоящихъ внѣ ихъ. Вотъ хорошая иллюстрація того, что кооперативы прекрасно понимаютъ, чего они не обязаны дѣлать.

На совѣщаніи губернскихъ земскихъ агрономовъ въ г. Костромѣ 17 марта 1915 г., г. А. П. Прохоровъ заявилъ по вопросу о распредѣленіи овса чрезъ кооперативы, что „онъ заблуждался, полагая, что кооперативы могутъ сыграть полезную роль въ распредѣленіи овса. Уѣздной управой было созвано совѣщаніе представителей кооперативовъ по этому поводу, и совѣщаніе заявило: „дайте намъ овесъ, мы его раздѣлимъ между товарищами“. Управа говоритъ: „нужно распредѣлить между нуждающимися, прежде всего между нуждающимися семьями призванныхъ солдатъ. Въ отвѣтъ она услышала: „а что-жъ товари-

* См. 11—12 „Город. Дѣло“ за 1915 г., стр. 638.

щамъ останется?“ Приходится производить работу помимо кооперативовъ“ *.

Это имѣло мѣсто уже не въ чувашскомъ, а въ великоросскомъ царствѣ, и въ средѣ не старыхъ, а новыхъ „товарищей“, прошедшихъ кооперативную школу.

Особенное значеніе муниципальное снабженіе продуктами имѣетъ для рабочихъ въ виду небольшого распространенія среди нихъ кооперативовъ, въ виду малыхъ средствъ, которыми они располагаютъ для учрежденія своихъ лавокъ, и трудностей, связанныхъ съ веденіемъ лавки особливо при нынѣшнихъ условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ 1 янв. 1914 г. въ Россіи было 10.080 потребительныхъ обществъ съ болѣе, чѣмъ полутора милліонами членовъ. Изъ нихъ: сельскихъ — 8.020 (79,5%), посадскихъ и мѣстечковыхъ — 621 (6,3%), городскихъ всесословныхъ — 677 (6,7%), чиновничьихъ — 49 (0,5%), офицерскихъ — 32 (0,3%), фабрично-заводскихъ зависимыхъ отъ администраціи фабрикъ и заводовъ — 522 (5,2%), желѣзнодорожныхъ (тоже зависимыхъ) — 59 (0,6%) и рабочихъ независимыхъ — 100 (0,9%). По составу наша кооперація болѣе чѣмъ на половину крестьянская и на $^1/_3$ рабочая, т. к. изъ 700 тыс. членовъ всѣхъ городскихъ обществъ около 500 тыс. приходится на долю рабочихъ. „Изъ этого ограниченія обществъ одной средой вытекаетъ ихъ слабость: русскій рабочій классъ неустойчивъ, текучъ и плохо обезпеченъ“ **. Такъ какъ русская жизнь до сихъ поръ все только убивала, а отнюдь не поощряла всѣ виды общественной самодѣятельности, и, въ частности, весьма мало благоволила къ потребительскимъ кооперативамъ, то разсчитывать на быстрый ростъ ихъ, даже при весьма энергичныхъ стимулахъ къ нему и благоволеніи начальства, не приходится. Наконецъ, разъ не будетъ подвоза продуктовъ, то и кооперативы не выручатъ.

Предоставимъ теперь слово А. В. Меркулову, который, конечно, хорошо знаетъ, что сдѣлала кооперація во время войны.

„Разъ значеніе спекуляціи въ повышеніи цѣнъ велико, то, казалось бы, на первый планъ должна выступить кооперація, задача которой вѣдь и заключается въ борьбѣ съ посредничествомъ, въ особенности же съ наиболѣе злостными его проявленіями. Къ сожалѣнію, существенныхъ успѣховъ коопераціи въ этомъ отношеніи мы не видимъ. И это совершенно естественно. У кооперативовъ не было значительныхъ запасовъ разныхъ товаровъ, совершенно нѣтъ собственнаго производства, нѣтъ средствъ и нѣтъ союзныхъ организацій. Сдѣлать что-нибудь серьезное кооперація при такихъ условіяхъ

* См. № 4 „Извѣстій Костромского Губ. Земства“ за 1915 г., стр. 40

** См. ст. г. Дорошенко въ № 107 „Торгово-Промышленной Газеты“ за 1915 г. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что часть своихъ средствъ рабочіе помѣщаютъ въ кассы профессіональныхъ союзовъ и соціальнаго страхованія.

не можетъ. И дѣйствительно, просматривая кооперативную печать, вы видите, насколько въ общемъ не велики результаты, достигнутые кооперацiей... Въ городахъ роль коопераціи значительно меньше, чѣмъ въ деревнѣ, и вліяніе ея тѣмъ слабѣе, чѣмъ крупнѣе центръ. Въ столицѣ о регулированіи цѣнъ кооперативами говорить совершенно не приходится" *.

Такъ какъ въ теченіе года-двухъ изъ слабой коопераціи не создать сильной, то все это плохія ауспиціи и для будущей роли нашей коопераціи въ текущей войнѣ.

„Чтобы не повторять, однако, пишетъ г. Клейнъ, всякому общественному дѣятелю доводовъ ** въ пользу именно кооперативнаго, а не муниципальнаго обслуживанія продовольственной нужды городского населенія, позволю себѣ сослаться лишь на тотъ фактъ, что на Западѣ (слѣдуетъ пустая строчка) организація потребленія идетъ исключительно почти только черезъ кооперативы потребителей".

Хотя это такъ и было до войны, но послѣдняя произвела и тутъ огромный переворотъ, послѣдствія котораго будутъ сказываться долго и послѣ ея окончанія. Даже весьма развитой западно-европейской коопераціи оказалась не подъ силу организація снабженія населенія продуктами первой необходимости, и всюду потребовалось вмѣшательство государства и органовъ мѣстнаго самоуправленія. Во Франціи, Италіи ***, Швейцаріи, Голландіи, Швеціи, Англіи и т. д. правительствамъ пришлось принять мѣры для обезпеченія населенія хлѣбомъ (и мясомъ), въ Англіи же и сахаромъ. Швейцарія ввела въ частности хлѣбную монополію, и купленный правительствомъ хлѣбъ продается частнымъ лицамъ, кооперативамъ и муниципалитетамъ ****. Еще болѣе поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Германіи, хотя и тамъ потребительская кооперація развита неизмѣримо больше нашей. Однако, она была вынуждена уже въ началѣ войны прекратить продажу нечленамъ. Въ засѣданіи рейхстага, 21 по 24 августа прошлаго года, — какъ пишетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 2101), — канцлеръ возвѣстилъ о согласіи правительства на удовлетвореніе основного требованія потребляющихъ массъ — на обязательное проведеніе муниципализаціи всего дѣла снабженія населенія пищей въ общеимперскомъ масштабѣ. Это предложеніе было сдѣлано впервые соціалъ-демократами еще 14 августа 1914 года. Послѣ этого, благодаря противодѣйствію аграріевъ, только 1 февраля была введена хлѣбная монополія съ распредѣленіемъ хлѣба при посредствѣ муниципалитетовъ. Затѣмъ подвергались принудительному временному регулированію со стороны государства и общинъ мясо, картофель и другіе предметы. Кромѣ того, рядъ городовъ развилъ эти операціи добро-

* Стр. 86—88, № 3 „Вѣстника Коопераціи" за 1915 г.
** Мы установили выше, что такихъ доводовъ почти нѣтъ.
*** См. № 21 „Нов. Экономиста" за 1915 г.
**** Ст. № 3 „Изв. Моск. Город. Думы" за 1915 г., стр. 111.

вольно за свой счетъ*. Не касаясь частностей весьма интересныхъ полномочій, предоставляемыхъ общинамъ по контролю надъ рынкомъ, отмѣтимъ лишь главное: канцлеръ призналъ, что „всякому мѣстному самоуправленію слѣдуетъ предоставить право силою собственнаго рѣшенія монополизировать каждую опредѣленную отрасль торговли". Рейхстагъ пошелъ еще дальше и предложилъ правительству создать верховное центральное имперское продовольственное вѣдомство съ правами надзора, руководства, секвестра и распредѣленія всѣхъ жизненныхъ продуктовъ во всей продолжительности ихъ бытія отъ производителя до потребителя включительно**.

Какъ видно изъ этого, не на кооперацію, а на государство и его мѣстные органы самоуправленія возлагаютъ германскіе граждане свои надежды при борьбѣ съ дороговизной, недоѣданіемъ и голодомъ. И они безусловно правы. Но, конечно, это не значитъ, что тѣ группы и слои рабочихъ и служащихъ, которые имѣютъ возможность обратиться къ самопомощи въ формѣ кооперации, должны поджидать, ничего не дѣлая, пока города соблаговолятъ осчастливить ихъ снабженіемъ предметами необходимаго потребленія. Война требуетъ усиленной и согласованной работы какъ публично-правовыхъ, такъ и частно-правовыхъ институтовъ.

Подведемъ сказанному итоги. Все говоритъ за то, чтобы земства и города, — порознь и совмѣстно, въ зависимости отъ цѣлесообразности, — удовлетворяли всѣ потребности населенія сами и лишь то представляли другимъ видамъ общественной и, въ частности, кооперативной самодѣятельности, что имъ въ каждый данный моментъ не подъ силу и, что при данныхъ общихъ и мѣстныхъ условіяхъ можетъ быть лучше исполнено не общественно-правовымъ, а частно-правовымъ путемъ. Въ такомъ случаѣ, мѣстное самоуправленіе обязано, конечно, приходить всѣми имѣющимися въ его распоряженіи силами и средствами на помощь общественнымъ организаціямъ, особенно, если послѣднія настаиваютъ на этомъ. Въ свою очередь, если мѣстныя самоуправленія вступаютъ на путь проведенія общеполезныхъ мѣропріятій чрезъ общественныя организаціи (и кооперативы), послѣднія морально обязаны оказывать содѣйствіе первымъ. Въ случаяхъ параллельнаго удовлетворенія одной и той же потребности мѣстными самоуправленіями и кооперативами необходимо сорев-

* Ср ст. Лейтеса въ № 209 „Торг. Пр. Газеты".

** О дѣятельности германскихъ коммунъ въ борьбѣ съ дороговизной ср. замѣтку въ № 43 „Вѣстника Фин., Пр. и Т.", № 3 и „Изв. Моск. Гор. Думы" ст. Я. Неволина и №№ 231, 233, „Торг. Пр. Газеты" за 1915 г. Германская кооперація (потреб. и сельско-хоз.) пострадала отъ военныхъ мѣропріятій правительства (см. № 35 „Вѣстн. Фин., Пр. и Торг." за 1915 г.). Новѣйшія мѣры правительства въ № 245 „Торг. Пр. Газеты" за 1915 г.

нованіе въ лучшемъ удовлетвореніи ея первыми и вторыми, а не жалобы на конкурренцію. Общая неудовлетворенность дѣятельностью нынѣшнихъ органовъ самоуправленія требуетъ повсюду и въ кооперативной средѣ, въ частности, проповѣди демократизаціи этихъ органовъ управленія, а не пропаганды болѣе или менѣе полнаго устраненія ихъ въ настоящемъ или ближайшемъ будущемъ, въ виду явнаго утопизма и принципіальной несостоятельности подобной пропаганды. Попытки въ этомъ направленіи прямо противорѣчатъ закону возрастанія государственной и вообще публично-правовой дѣятельности, сдѣлавшему въ послѣднее время огромныя завоеванія даже въ Англіи, несмотря на могущественную традицію рѣшенія въ ней многихъ вопросовъ путемъ частноправовой общественности, а во время войны и во всѣхъ странахъ. Въ частности, Россія, какъ говоритъ интересная (послѣдняя въ 1915 г.) передовица въ „Городскомъ Дѣлѣ", „стала на путь превращенія въ страну городовъ. А этимъ сказано очень многое. Это означаетъ ускореніе темпа жизни, означаетъ зарожденіе стремленій ко всяческимъ измѣненіямъ, къ исканію разрѣшенія вопросовъ экономическихъ и политическихъ; самая борьба за гармоничное устройство жизни на новыхъ началахъ зарождается именно въ городахъ, какъ протестъ противъ неблагопріятныхъ условій городской жизни. Городской строй означаетъ и прекращеніе рутинно-бытового строя жизни, отражавшагося на всемъ укладѣ государства". А урбанизація Россіи — это дальнѣйшее развитіе того общественнаго класса, который является принципіальнымъ сторонникомъ общественно-правового рѣшенія всѣхъ жизненныхъ вопросовъ. Все это говоритъ противъ кооперативной mania grandiosa, видящей въ кооперація главный путь къ соціальной гармоніи будущаго.

А. Никитскій.

ИЗЪ ХРОНИКИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Несмотря на весь свой „мизонеизмъ" (боязнь новизны), говоря терминомъ Меньшикова *, руководящія группы бюрократіи начинаютъ считаться съ неизбѣжностью, и что самое главное, съ необходимостью развитія просвѣщенія въ странѣ. Въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества заговорили о нашей технической и культурной отсталости, приходя къ выводу, что „насажденіе культуры въ Россіи властно диктуется простымъ инстинктомъ національнаго самосохраненія".

Вполнѣ понятно, почему именно теперь такимъ исключительнымъ вниманіемъ пользуется народное просвѣщеніе, почему

* „Новое время", 2 января 1916 г.

несмотря на тяготы военнаго періода въ смѣтѣ на 1916 годъ предлагаются крупныя ассигновки на улучшеніе матеріальнаго положенія учащихъ и на внѣшкольное образованіе. Неудивительно также то горячее отношеніе къ вопросамъ внѣшкольнаго просвѣщенія, которое проявилось на осеннихъ земскихъ собраніяхъ и выразилось въ организаціи цѣлаго ряда совѣщаній (въ Харьковѣ, Петроградѣ, Ярославлѣ и др. мѣст.).

Просвѣщеніе народныхъ массъ, насажденіе культуры становится лозунгомъ момента. Естественно, что о какой бы формѣ народнаго образованія ни шла рѣчь, наиболѣе серьезнымъ и важнымъ является вопросъ о томъ, к т о будетъ проводникомъ культуры, к т о понесетъ просвѣщеніе въ многомилліонныя массы крестьянства и пролетаріата.

Земскій работникъ, врачъ, агрономъ и народный учитель — вотъ тѣ культурныя силы, которыя проникаютъ въ глубь народа. Изъ нихъ наиболѣе крѣпко съ нимъ связанъ и очень часто самъ вышелъ изъ его среды — народный учитель. Несомнѣнно, что распространеніе просвѣщенія школьнаго и внѣшкольнаго тѣснѣйшимъ образомъ связано съ личностью народнаго учителя. Поэтому, его подготовка, его матеріальное и правовое положеніе изучаются теперь и обсуждаются съ большимъ вниманіемъ.

Народному учителю часто поются диѳирамбы, его прославляютъ, какъ „скромнаго, незамѣтнаго труженика, идейнаго работника, раба долга“ и т. д. Но отъ этихъ похвалъ ему не легче, да и не всякій учитель приметъ ихъ, такъ какъ „мученикомъ“, „рабомъ“ онъ дѣлается не въ силу какого то особаго жертвеннаго настроенія, а благодаря тѣмъ возмутительнымъ условіямъ, въ которыхъ онъ живетъ. Не меньше, чѣмъ кто-либо другой, народный учитель цѣнитъ красоту и радость жизни, мечтаетъ о жизни иной, дѣйствительно человѣческой, а его прославляютъ за жертву, которая очень часто служитъ для него не источникомъ духовной радости, а игомъ и проклятіемъ.

„... меня называютъ „нытикомъ“, пишетъ одинъ изъ учителей, но развѣ я могу пѣть пѣсни, когда я страдаю? Я — лишь орудіе для осуществленія тѣхъ или иныхъ идей и нуженъ обществу лишь какъ это орудіе, а, по использованіи, меня можно и выбросить изъ обихода“ *.

Намъ могутъ возразить — теперь условія улучшились: во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоитъ новый министръ, Дума проводитъ новый законъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей, взглядъ общества на нихъ самый хорошій и пр. и пр. Не будемъ говорить о новомъ министрѣ, — мы слишкомъ хорошо знаемъ условія русской жизни, чтобы повѣрить въ то,

* „Учитель и школа“, № 15—16, стр. 92. „Размышленія народнаго учителя“. Учителя Г. (Балахна, Нижегор. губ.) 1915 г.

что одинъ даже очень благожелательно настроенный администраторъ-бюрократъ могъ измѣнить всю систему, создававшуюся въ теченіе десятилѣтій; о думскомъ законѣ скажемъ тогда, когда онъ воплотится въ жизнь; а объ обществѣ, къ сожалѣнію, намъ придется сказать, что оно несмотря на многія хорошія слова слишкомъ мало дѣлаетъ и слишкомъ мало знаетъ. Чтобы не быть голословнымъ, обратимся къ фактамъ.

Мы не считаемъ преувеличенной оцѣнку условій жизни народнаго учителя, какъ условій возмутительныхъ. Приведемъ нѣсколько цифръ.

По даннымъ анкеты ростовскаго земства, на 1-е іюня 1913 г., т. е. до закона 7 іюля 1913 года, устанавливающаго четыре шестидесяти рублевыя (въ годъ) прибавки, предѣльный окладъ учащихъ былъ:

менѣе	400	рублей	въ	годъ		въ	84	земствахъ
отъ	400	рублей	до	500	рублей	въ	59	земствахъ
„	500	„	„	600	„	„	54	„
„	600	„	„	700	„	„	37	„
„	700	„	„	800	„	„	7	„
„	800	„	„	900	„	„	3	„
„	900	„	„	960	„	„	2	„ *

Первоначальный окладъ, т. е. окладъ перваго пятилѣтія, почти вездѣ — 360 руб., иными словами, первыя пять лѣтъ работы школьный народный учитель долженъ жить въ мѣсяцъ на 30 руб., а съ пенсіоннымъ вычетомъ на 28 руб. 20 коп. Черезъ пять лѣтъ онъ получитъ пятирублевую прибавку, а въ старости, если онъ выдержитъ, и не уйдетъ, онъ получитъ около 60 рублей — въ лучшемъ случаѣ.

Въ нѣкоторыхъ журналахъ была приведена заимствованная изъ Matin таблица средняго годового содержанія народнаго учителя въ различныхъ странахъ. Цитируемъ по вышеназванной статьѣ г. Жарова.

Португалія	555 р. — к.	Венеція	1.398 р. 60 к.
Италія	629 „ — „	Румынія	1.420 „ 80 „
Франція	481 „ — „	Баденъ	1.480 „ — „
Голландія	875 „ 46 „	Пруссія	1.526 „ 25 „
Болгарія	888 „ — „	Испанія	1.539 „ 20 „
Сербія	1 110 „ — „	Данія	1.554 „ — „
Швеція	1 191 „ 40 „	Англія	1.665 „ — „
Австрія	1.196 „ 95 „	Цюрихъ	1.702 „ — „
Баварія	1.295 „ — „	Гамбургъ	2.127 „ 50 „
Саксонія	1.387 „ 50 „		

Сѣверо-Американ. Соедин. Штаты средн. плата учителю. . 1.320 „ — „
„ „ „ „ „ учительн. . 1.032 „ — „
Австралія (Новая Зеландія, по Мижуеву) около . . . . . 2.000 „ — „

* „Учитель и Школа“, Н. 4, 1915 г. стр. 11. Статья Ѳ. Жарова: „Матеріальное положеніе народныхъ учителей въ 40 губерніяхъ земской Россіи“.

Выше было сказано, что законъ 7 іюля установилъ четыре шестидесятирублевыхъ прибавки, это т. н. министерскія прибавки. Но было бы неправильно ихъ присоединять къ предѣльнымъ суммамъ, показаннымъ выше. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя земства послѣ изданія этого закона отняли свои прибавки, оставивъ однѣ министерскія (напр., пошехонское земство Ярославской губерніи, нижегородское и др.).

Положеніе учителя нѣсколько улучшится, если государственный совѣтъ одобритъ думскій законопроектъ о повышеніи начальнаго оклада съ 360 руб. до 480 руб. Но и это только палліативъ.

Въ педагогическихъ журналахъ неоднократно приводились самые детальные расчеты мѣсячныхъ расходовъ одинокихъ и семейныхъ учителей *. Изъ нихъ совершенно очевидно, что минимальнымъ окладомъ можетъ быть лишь окладъ въ 600 руб., такъ какъ, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, расходъ одинокаго учителя въ деревнѣ опредѣляется суммой въ 536 руб. 40 коп., а семейнаго до 1072 руб. 80 к.; если же дѣти учителя обучаются въ городѣ, то послѣднюю цифру слѣдуетъ увеличить еще на 400 руб. (Расчеты сдѣланы до войны.)

Совершенно очевидно, что оклады слишкомъ малы и учителю нужно „дорабатывать" себѣ средства къ жизни. Въ городѣ онъ ищетъ уроковъ, въ деревнѣ уроковъ нѣтъ. И вотъ въ результатѣ такое „бытовое явленіе", о которомъ такъ выпукло говоритъ г. Н. Капраловъ въ своемъ докладѣ Всероссійскому съѣзду имени Ушинскаго:

„Какъ только кончается учебный годъ, . . . онъ поглощенъ заботами о пріисканіи занятій на время лѣтнихъ каникулъ... И въ какихъ только отрасляхъ труда не встрѣтишь лѣтомъ учителя! И на пароходной пристани — среди груды тюковъ и ящиковъ, и за прилавкомъ винной временной лавки (на нижегородской ярмаркѣ), и въ конторкѣ, и въ гостиницѣ — гдѣ, сидя въ темномъ уголкѣ, онъ записываетъ номера кушаній, отпускаемыхъ посѣтителямъ, и на бѣгахъ за тотализаторской кассой, . . . и на вокзалахъ, и въ банкахъ и т. д. Болѣе предпріимчивые занимаются, напр., фотографіей. Съ аппаратомъ въ рукахъ и штативомъ за спиною путешествующій „по образу пѣшаго хожденія" учитель-фотографъ колеситъ изъ веси въ весь, снимая виды и фотографіи съ мѣщанъ, лавочниковъ и духовенства и, такимъ образомъ, прирабатываетъ 100—150 руб. въ лѣто. Одна изъ учительницъ Лукояновскаго уѣзда, обремененная семьей, ежегодно по лѣтамъ нанимается къ мѣстнымъ крестьянамъ на полевыя работы (жнитво, молотьба и т. д.), а въ долгія зимнія ночи занимается шитьемъ на мѣстныхъ богатеекъ-поповенъ, лавочницъ и др."

Въ статьѣ того же г. Капралова, помѣщенной въ журналѣ „Для народнаго учителя" (№ 17, 1915 г.), помѣщенъ рядъ отвѣтовъ на анкету, предпринятую нижегородскимъ филіальнымъ отдѣленіемъ о-ва взаимнаго вспомоществованія учащихъ отно-

* „Для народнаго учителя", № 19—20, 1914 г.; № 8 за 1915 г.

сительно ихъ матеріальнаго положенія. Оказалось, что 60% учащихъ живутъ на 28 р. 20 к., максимальная же сумма оклада со всѣми прибавками 679 р. 40 к., но пользующихся такимъ окладомъ очень мало. Нѣкоторые отвѣты въ высшей степени выразительны.

„Жалованья не хватаетъ. У меня жена и двое дѣтей. Бьемся, какъ рыба объ ледъ. Въ будущее заглядывать страшно!"

„На вопросъ, хватаетъ ли жалованья? — могу отвѣтить только то, что нужда выучила насъ „сводить концы съ концами", но выучиться этому искусству стоило не мало труда... Приходится частенько подумывать о „пользѣ" вегетаріанскаго питанія"..

„Жалованья не хватаетъ, и поневолѣ приходится бросать „посѣвы" добраго, вѣчнаго и идти на ниву болѣе благодарную въ денежномъ отношеніи"...

Положеніе учителей обострилось еще болѣе благодаря дороговизнѣ *. Народные учителя имѣютъ права требовать, чтобы государство обезпечило имъ возможность существованія. Иначе дѣло народнаго просвѣщенія никогда не встанетъ на должную высоту.

Не лучше матеріальнаго и правовое положеніе учителя. Въ общемъ, оно нѣсколько улучшилось, появилось „начальство" иного типа, но слишкомъ долго подбирался составъ училищной инспекціи въ опредѣленномъ духѣ, и не такъ-то скоро освободится наша народная школа отъ инспекторовъ народныхъ училищъ стараго „направленія".

Въ своей интересной книгѣ объ инспекціи народныхъ училищъ г. Звягинцевъ приводитъ очень много яркихъ примѣровъ, характеризующихъ ея дѣятельность. Звягинцевъ рисуетъ картины, такъ сказать, дореформенной инспекціи, хотя книга его и вышла очень недавно. Быть можетъ, теперь другіе нравы? Хроника жизни народной школы убѣждаетъ насъ въ противномъ. Въ печати описанъ цѣлый рядъ фактовъ, заставляющихъ насъ не вѣрить въ волшебное измѣненіе строя нашей школы.

Въ Уфѣ инспекторъ нар. уч. оказывается побѣдителемъ въ борьбѣ съ земствомъ изъ-за учительницы г. Упоровой, которую земство назначило противъ его желанія. Безъ всякихъ мотивовъ учительницу выкидываютъ за бортъ, какъ „нежелательную и вредную для учебно-воспитательнаго дѣла". Отмѣтимъ, что инспекторъ нар. учил. такъ и не представилъ никакихъ доказательствъ вредности г-жи Упоровой **.

---

* Въ этомъ направленіи Мин. Нар. Просв. кое-что уже сдѣлано. Народные учителя получатъ добавочное содержаніе съ 1-го сентября 1915 г. по 1 января 1916 г. Бюджетная комиссія Гос. Думы ассигновала на 1916 г. 17.500.000 руб. на увеличеніе содержанія народнымъ учителямъ (по 10 руб. въ мѣсяцъ). Нѣкоторыя земства также постановили выдавать добавочное содержаніе на время войны. Замѣтимъ, однако, что увеличеніе содержанія при существующей дороговизнѣ относительно не улучшаетъ матеріальнаго положенія народныхъ учителей.

** „Народный Учитель", № 2, 1915.

Цѣлый рядъ фактовъ приводитъ г-нъ Саломатинъ („Школа и Жизнь“, № 47, 1915) изъ жизни учителей Епифанскаго уѣзда Тульской губ. За четыре года тамъ пострадало нѣсколько учителей, не могущихъ теперь нигдѣ устроиться, вѣроятно, благодаря дурнымъ отзывамъ по мѣсту ихъ прежней службы. Такъ, учительницѣ Р. инспекторъ безъ объясненія причинъ прислалъ въ рединѣ учебнаго года переводъ въ глухую деревушку, въ наемную крестьянскую избу. Она поѣхала хлопотать въ городъ, къ губернскимъ властямъ. Тогда инспекторъ уволилъ ее. Учитель С. получилъ бумагу объ увольненіи изъ школы также безъ всякихъ мотивовъ послѣ экстренно произведеннаго по требованію инспектора экзамена и сошедшаго хорошо и т. д.

Нужно ли удивляться, что учитель, нѣкій Г., вернувшись раненымъ изъ дѣйствующей арміи, намѣревается бросить учительство и пойти въ . . . урядники.

— Во-первыхъ, — объясняетъ онъ свое рѣшеніе, — и жалованіе выше и, знаете, почетъ вамъ и уваженіе цѣлой волости. А теперь я что? Мнѣ, въ своей деревнѣ, мои ученики, подчасъ, не кланяются, и прогнать меня всякій можетъ. Сегодня служишь, а завтра пожалуйте вонъ! И обидѣть всякій можетъ. А поди-ка, обидь урядника?!

Это говоритъ учитель, проработавшій 15 лѣтъ и считавшійся „первымъ въ уѣздѣ преподавателемъ“ *.

Во многихъ случаяхъ далеко не на высотѣ стоитъ и земство. Вотъ, наприм., что пишетъ корреспондентъ „Школы и Жизни“ изъ Крапивенскаго уѣзда той же Тульской губ.

„Добрая половина школьныхъ помѣщеній — обыкновенныя семи-восьми и 9-аршинныя избы, сырыя, полутемныя, холодныя. Снимаетъ ихъ земство черезъ десятниковъ и не желаетъ лично удостовѣриться въ дѣйствительной пригодности помѣщенія подъ школу. Комната учителя — отгороженный въ избѣ уголъ... Одинъ изъ членовъ управы на ходатайства о лучшихъ школьныхъ помѣщеніяхъ заявилъ учащимъ: „Хотите — служите, но лучшихъ помѣщеній у насъ нѣтъ и будуаровъ доставить вамъ не можемъ“ **.

Корреспондентъ „Учителя и Школы“ изъ Николаевска, Самар. губ., описывая положеніе учителя, такъ заканчиваетъ свою корреспонденцію:

„Плохо понимаетъ душу народнаго учителя инспекторъ-чиновникъ м. н. п., но не лучше понимаютъ ее и гласные земства съ тысячами въ карманѣ, чуждые учебнаго дѣла“.

По мнѣнію этого корреспондента, у учителя слишкомъ много начальства, его трудно даже перечислить. „И всѣ эти начальствующіе имѣютъ право спрашивать, безпокоить учителя и писать, куда и кому вздумается“ ***.

---

* „Школа и Жизнь“, № 47, 1915 г.
** „Школа и Жизнь“, № 40, 1915 г.
*** „Учитель и Школа“, № 8, 1915 г.

Другой корреспондентъ того же журнала* приводитъ донесеніе одного изъ начальствующихъ — попечителя училища, который въ отсутствіе учительницы въ ея квартирѣ случайно нашелъ на печи старый незаполненный классный журналъ, оставшійся отъ предыдущей (больной) учительницы. Этотъ „руководитель и покровитель училища" (какъ онъ самъ себя называетъ) написалъ между прочимъ слѣдующее:

„Въ Николаевской уездной училищной Советъ отъ Попечителя Бартеневской земской школы. Покорнеще имею четь донисти о ходѣ обученія дитей и оспитанія етихъ молышей. А о собинно веденій порятка класнова журнала и протчихъ книгъ и журналовъ классныхъ. Попринятію мною школнаго имущества отъ учитилихи Арловой согласно претписаенне Гоинискт. народныхъ училищъ поуезде учитилихи Я вашолъ для осмотра нутринова порятка" и т. д.

Корреспондентъ совершенно резонно замѣчаетъ, что такой доносъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе, особенно, если инспекторъ нар. учил. почему-нибудь недоволенъ учителемъ, — и приводитъ факты увольненія двухъ учителей, уже прослужившихъ болѣе чѣмъ по 25 лѣтъ. Г. уволенъ за то, что по требованію фельдшерицы не собралъ учениковъ для привитія имъ оспы (ученики были въ полѣ на бороновкѣ), З. за то, что не далъ помѣщенія подъ патріотическій спектакль (онъ полагалъ, что спектакль долженъ состояться не въ его школѣ). За эти преступленія училищный совѣтъ вынесъ резолюцію: „Уволить Г. и З. безъ права поступленія вновь на службу въ Николаевскій уѣздъ".

Нужно ли говорить о семейной жизни учителя? Возможна ли настоящая семейная жизнь при современныхъ матеріальныхъ условіяхъ? Дѣйствительно, число учительскихъ браковъ относительно невелико. Учитель боится связать себя семьей, да у него и нѣтъ средствъ для семейной жизни въ началѣ работы. Учительница замужняя находится въ условіяхъ еще болѣе тяжелыхъ: работа въ школѣ становится часто фактически невозможной. Еще тяжелѣе положеніе учительницы незамужней, за нравственностью которой слѣдятъ всѣ съ особеннымъ вниманіемъ. Возможно ли, наконецъ, воспитаніе дѣтей, можетъ ли дать учитель дѣтямъ то образованіе, котораго онъ хотѣлъ бы? Въ какихъ условіяхъ придется жить его семьѣ?

Вотъ снимокъ съ натуры** одной изъ квартиръ семейнаго учителя.

„Крестьянская изба размѣромъ 7 × 9 аршинъ. Въ ней отгорожена досчатой переборкой по длинѣ каморка въ 2 аршина ширины. Полъ земляной. Стѣны кирпичныя, осклизлыя отъ сырости, холодныя. Въ классномъ помѣщеніи на пространствѣ 45 кв. арш. собирается до 45 дѣтей; вентиляція черезъ дверь въ сѣни, гдѣ стоитъ скотъ".

---

* „Учитель и Школа", № 15—16, 1915 г.

** „Школа и жизнь", № 18, 1915 г. П. Саломатинъ. „Семейное положеніе народнаго учителя".

Въ такой-то школѣ и каморкѣ живутъ учитель съ женой и грудной ихъ ребенокъ.

Но довольно примѣровъ. Возможно, что многіе найдутъ здѣсь сгущеніе красокъ, обобщеніе единичныхъ случаевъ. На это мы отвѣтимъ категорическимъ протестомъ: вѣдь мы приводимъ лишь тѣ факты, которые попали въ печать, о которыхъ уже можно говорить. Каждому изъ дѣятелей по народному образованію хорошо извѣстно, какъ обычны, какъ, если хотите, шаблонны эти факты. О многихъ случаяхъ нельзя даже писать, такъ какъ этимъ можно повредить тому же учителю. Народные учителя хорошо знаютъ, что ихъ жизнь богата такими фактами, такими примѣрами, передъ которыми блѣднѣютъ приведенные здѣсь. На интереснѣйшемъ съѣздѣ по народному образованію зимою 1913—1914 гг. въ Петроградѣ, собравшемъ свыше 6.000 участниковъ, было приведено много очень яркихъ примѣровъ. И недаромъ третья секція этого съѣзда приняла слѣдующую резолюцію о правовомъ положеніи учащихъ: „Секція находитъ, что всѣ мѣры, намѣченныя ею въ дѣлѣ усовершенствованія подготовки учительскаго персонала для народныхъ училищъ, только тогда принесутъ благотворные результаты, когда положеніе народнаго учителя въ матеріальномъ и правовомъ отношеніи кореннымъ образомъ измѣнится къ лучшему“ *.

Во многомъ обвиняютъ народнаго учителя: и въ отсутствіи общественныхъ интересовъ, и въ невѣжествѣ, и въ грубости... Однако, прежде чѣмъ обвинять его, пусть обвиняющіе подумаютъ и о томъ, какъ живетъ онъ... И, можетъ быть, тогда они удивятся, какъ сохраняетъ онъ живую и пытливую душу, какъ онъ сохраняетъ въ себѣ ту жажду знанія, которая въ общемъ такъ характерна для него. Спросите лекторовъ, читавшихъ на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ, объ отношеніи къ лекціямъ учителей и учительницъ, — вы услышите самые восторженные отзывы, такъ какъ эта аудиторія на рѣдкость чутка, и работа съ ней даетъ громадное удовлетвореніе. Спросите крестьянъ въ деревняхъ, и вы узнаете много фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что душа народнаго учителя, этого „культурнаго одиночки“, не погибаетъ, но очень часто несетъ ближнимъ своимъ прекрасные цвѣты любви и добра.

И, можетъ быть, нашему „образованному обществу“ было бы очень полезно поближе приглядѣться къ дѣятельности народныхъ учителей, среди которыхъ оно встрѣтило бы много представителей новой подлинно-народной интеллигенціи.

Ад. Бѣльскій.

---

* „Народный Учитель“, № 9, 1915 г.

ГОРОДСКІЕ ВЫБОРЫ И МУНИЦИПАЛЬНЫЯ ПАРТІИ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

При той роли, какую теперь приходится играть нашимъ земствамъ и особенно городамъ, большое значеніе пріобрѣтаютъ выборы гласныхъ. Обыкновенно земскіе и городскіе выборы протекаютъ тихо. Высокимъ имущественнымъ цензомъ составъ избирателей въ органы мѣстнаго самоуправленія суженъ до послѣдней степени. Въ среднемъ избирательное право предоставлено въ городахъ не болѣе, чѣмъ 1% населенія изъ числа наиболѣе крупныхъ домовладѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ. Естественно, что выборы въ средѣ небольшого кружка „своихъ людей“ не сопровождались большою борьбой. Интересы были въ своей основѣ настолько общи, что ожесточенные конфликты и непримиримыя столкновенія не имѣли почвы. Самое большее, если сталкивались требованія различныхъ городскихъ районовъ, центра и окраинъ; подъ флагомъ этихъ территоріальныхъ интересовъ и происходили обычно группировки городскихъ избирателей. Бывало и такъ, что въ городахъ съ болѣе развитой торгово-промышленною жизнью выдѣлялись промышленные элементы и боролись съ домовладѣльческимъ большинствомъ.

Но эти группировки были далеки отъ какихъ бы то ни было партій, а еще дальше отъ этого были группировки на „стародумцевъ“ и „новодумцевъ“, все различіе которыхъ заключалось обычно не въ разницѣ соціально-политическихъ и муниципальныхъ взглядовъ тѣхъ и другихъ, а лишь въ разномъ культурномъ уровнѣ и въ вытекающихъ отсюда иныхъ пріемовъ общественнаго поведенія. Подобныя примитивныя муниципальныя группировки не только не вызывали необходимости выставленія какихъ-либо программъ и платформъ, не только не благопріятствовали обостренію избирательной борьбы, но даже вообще устраняли всякую надобность участія въ выборахъ; и мы видимъ, что избиратель систематически уклонялся отъ участія въ выборахъ. Анкета городской группы, Государственной Думы, произведенная въ 1913 году, показала (такъ же какъ появлявшіяся ранѣе оффиціальныя данныя), что на выборы обычно является въ среднемъ не болѣе 33,5% избирателей *.

Однако, въ настоящее время муниципальные выборы въ провинціи должны нѣсколько измѣнить свой характеръ. По крайней мѣрѣ, тѣ первыя свѣдѣнія, какія проникли въ печать сейчасъ, показываютъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ размежеванія среди избирателей происходили болѣе энергично, чѣмъ ранѣе; вызвано это явленіе, повидимому, тѣмъ, что въ муници-

* „Гор. Дѣло“ № 2, 1915 г. „Анкета гор. группы Гос. Думы“ М. Петровъ.

пальную среду проникли вѣянія нашей общей текущей политики. Связавъ мѣстныя самоуправленія съ нуждами государственными, обстоятельства военнаго времени должны придать городскимъ выборамъ болѣе политическій, чѣмъ ранѣе характеръ. Особенно ярко проглядываетъ этотъ процессъ дифференціаціи городскихъ избирателей и проникновенія въ ихъ среду новыхъ общественно-политическихъ пріемовъ на избирательной компаніи въ Петроградѣ.

Съ городскими выборами въ столицѣ произошла весьма характерная заминка. Сначала выборы были отсрочены благожелательно настроенной къ умѣренно-прогрессивному большинству гласныхъ властью. Но затѣмъ выборы снова были назначены (правда, по ходатайству думы), когда благожелательность смѣнилась инымъ отношеніемъ. Явилась надежда, пользуясь общественной сумятицей и разноголосицей, царящими сейчасъ, нанести ударъ думскимъ обновленцамъ и вновь насадить, какъ и встарь, черносотенныхъ стародумцевъ. Чисто политическая задача предстоящихъ выборовъ ставилась справа совершенно опредѣленно. Дальнѣйшій ходъ событій вполнѣ подтверждаетъ политическое значеніе предстоящей избирательной компаніи въ столицѣ.

Со времени выборовъ 1912 года въ петроградской городской думѣ получила большинство т. н. группа гласныхъ обновленія. Составъ этой группы былъ чрезвычайно пестрый, включающій въ себѣ представителей, начиная отъ крайнихъ лѣвыхъ теченій и до правыхъ октябристовъ. Въ группѣ не только не было политическаго единомыслія, но отсутствовала въ ней и общая муниципальная программа. Вожакамъ группы, главнымъ образомъ примыкающимъ къ прогрессистамъ, приходилось умѣло лавировать между буржуазнымъ и умѣренно настроеннымъ большинствомъ обновленцевъ и интересами широкихъ слоевъ населенія. При такихъ условіяхъ обновленіе городской думы не могло пойти далѣе изгнанія изъ муниципальныхъ стѣнъ недобросовѣстныхъ и антиобщественныхъ стародумскихъ пріемовъ управленія; работа обновленцевъ, главнымъ образомъ, свелась къ насажденію въ думѣ болѣе здоровой общественной атмосферы, въ буквальномъ смыслѣ слова къ думскому „обновленію“. Эта была задача хотя и необходимая, но только первая, предварительная, за которой должны были слѣдовать другія — въ плоскости конкретнаго муниципальнаго строительства и достиженія тѣхъ хозяйственно-общественныхъ цѣлей, какія съ особой остротой встали передъ городскимъ управленіемъ подъ вліяніемъ войны.

И вотъ, наканунѣ выборовъ въ группѣ обновленія и среди избирателей проявился новый въ исторіи нашего городского дѣла процессъ. Обнаружились тенденціи къ дифференціаціи, къ раздѣленію на новыя группировки болѣе компактныя по своимъ взглядамъ и объединенныя конкретными муниципальными про-

граммами. Самымъ естественнымъ выходомъ изъ обновленческаго болота было бы выдвинуть на выборахъ партійно-муниципальныя платформы и вокругъ этихъ отчетливыхъ знаменъ вести борьбу... Но на все свое время, а для такой совершенной въ политическомъ смыслѣ постановки вопроса время, повидимому, еще не пришло. Политическія партіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, не пожелали вести городскіе выборы въ столицѣ. Это рѣшеніе было плодомъ, съ одной стороны, недоразумѣнія, а съ другой — распространеніемъ на муниципальную область той оріентаціи, какая утвердилась пока въ нашей политической жизни.

Вопросъ о характерѣ и задачахъ городскихъ выборовъ наиболѣе энергично среди всѣхъ партійныхъ теченій былъ поставленъ у конституціоналистовъ-демократовъ, адепты которыхъ посвятили обсужденію своей муниципальной тактики не мало времени. Въ этихъ обсужденіяхъ выдвигалось соображеніе, что въ области городского хозяйства политическія дѣленія непримѣнимы, что въ благоустройствѣ города одинаково заинтересованы всѣ жители, а слѣдовательно, всѣ политическія теченія и т. д. Въ частности, противъ распаденія группы обновленія и противъ выдѣленія изъ нея ядра болѣе компактнаго и цѣльнаго и въ то-же время болѣе демократическаго выступали лидеры к.-д. и указывали, что группа обновленія совершила большую работу въ городской думѣ и не сдѣлала ничего дурного, изъ-за чего слѣдовало бы мѣнять въ городской думѣ сложившееся положеніе вещей. Такая позиція конституціонно-демократическихъ лидеровъ была вполнѣ понятна, т. к. соотвѣтствовала позиціямъ, принятымъ этой партіей въ парламентѣ, вступившей въ составъ прогрессивнаго блока, объединяющаго, такъ же какъ и группа обновленія, кадетовъ, прогрессистовъ, октябристовъ и даже болѣе правыя теченія. Такимъ образомъ, лозунгъ, насколько намъ извѣстно, данный А. И. Шингаревымъ, беречь группу обновленія, являлся, въ конечномъ счетѣ, приложеніемъ требованій поведенія въ политической области къ сферѣ муниципальной. У кадетовъ, въ концѣ концовъ, вопросъ о необходимости выдѣленія изъ группы обновленія новаго объединенія остался открытымъ. А такъ какъ въ то-же время уже успѣла образоваться новая группа: прогрессивно-демократическая, то членамъ к.-д. партіи и была предоставлена свобода дѣйствій.

Иныя рѣшенія были приняты у сосѣдей к.-д. слѣва. Тамъ, наоборотъ, сознавали, что, какъ задачи непосредственно городского хозяйства, такъ и общая политическая обстановка, требуютъ выясненія смѣшанныхъ обновленческихъ картъ. Съ той точки зрѣнія привѣтствовалось появленіе муниципальной прогрессивно-демократической группы, хотя и не являющейся организаціей партійной, но имѣвшей гораздо болѣе опредѣленное муниципальное и общественное лицо, чѣмъ у обновленцевъ.

Прогрессивно-демократическая группа представляетъ собой явленіе большого значенія, которое, несомнѣнно, войдетъ въ исторію городского дѣла въ Россіи. Оно характерно не только тѣмъ, что вноситъ большую отчетливость и ясность въ построеніе муниципальной политики, имѣя цѣлью основать послѣднюю на точныхъ программныхъ требованіяхъ, но и тѣмъ, что въ лицѣ этой группы демократически настроенные круги избирателей впервые дѣлаютъ попытку принять самостоятельное участіе въ жизни городского самоуправленія. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ насъ остановиться на прогрессивно-демократической группѣ нѣсколько подробнѣе.

Сложившаяся въ короткій промежутокъ времени, наканунѣ выборовъ, прогрессивно-демократическая группа не имѣетъ еще разработанной программы и пока приняла лишь краткую избирательную платформу, т. е. тѣ основные лозунги, которые должны направлять работу гласныхъ по опредѣленному руслу.

Платформа прогрессивныхъ демократовъ съ первыхъ словъ устанавливаетъ главную и необходимую задачу современной муниципальной политики, заключающуюся въ достиженіи реформы городского самоуправленія.

„Тяжкій кризисъ, — говоритъ платформа, — переживаемый петроградскимъ городскимъ самоуправленіемъ, безсиліе городской думы настоящаго состава справиться съ грандіозными задачами, выдвинутыми современнымъ исключительнымъ моментомъ, окончательно вскрыли полную негодность дѣйствующаго Положенія объ общественномъ управленіи г. Петрограда *. Лишенное при существующемъ имущественномъ цензѣ живой связи съ широкими кругами городского населенія; лишенное права приводить въ исполненіе свои рѣшенія безъ согласія полицейской власти; лишенное права привлекать на службу городу лицъ, неугодныхъ администраціи; лишенное права вѣдать многими отраслями городского хозяйства; ограниченное закономъ въ правѣ обложенія и не располагающее достаточнымъ количествомъ финансовыхъ источниковъ вообще — наше городское самоуправленіе въ дѣйствительности совершенно не является правомочнымъ и самостоятельнымъ органомъ общественнаго управленія городомъ

Поэтому прогрессивно-демократическая группа признаетъ, что главной обязанностью гласныхъ городской думы въ настоящій моментъ является борьба за раскрѣпощеніе, демократизацію и полновластіе городского самоуправленія. Городская дума должна добиваться реформы закона о городскомъ самоуправленіи на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Къ участію въ городскомъ самоуправленіи населеніе должно быть привлечено на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

б) Наряду съ центральными органами необходимо учрежденіе и районныхъ органовъ городского управленія.

в) Вѣдѣнію городского самоуправленія должны быть предоставлены

---

* Сѣверная столица имѣетъ особый муниципальный законъ, введенный въ 1903 г., отличающійся, главнымъ образомъ, тѣмъ, что избирательное право распространено и на квартиронанимателей, платящихъ за квартиру 90 р. безъ дровъ, или 105 р. съ отопленіемъ въ мѣсяцъ.

и тѣ дѣла городского управленія и хозяйства, которыя находятся въ завѣдываніи администраціи.

г) Городскому самоуправленію должна быть предоставлена полная независимость въ подвѣдомственныхъ ему дѣлахъ, т. е. право приводить въ исполненіе свои постановленія, не ожидая разрѣшенія правительственной власти, а также выбирать и назначать должностныхъ лицъ независимо отъ отношенія къ нимъ администраціи; надзоръ за законностью дѣйствій органовъ городского самоуправленія долженъ принадлежать общимъ судебнымъ установленіямъ.

д) Финансовыя права городского самоуправленія должны быть немедленно расширены, для чего необходимо предоставить городу нѣкоторые новые налоговые объекты, а также и новые финансовые источники; городская дума должна получить право усиленнаго обложенія имуществъ, доходность которыхъ возросла вслѣдствіе муниципальныхъ мѣропріятій по благоустройству; казенныя и удѣльныя имущества должны быть привлечены къ уплатѣ оцѣночнаго сбора; городское самоуправленіе не только должно быть освобождено отъ общегосударственныхъ расходовъ, но государство обязано принять участіе въ расходахъ городского управленія Петрограда, какъ столицы государства".

Само собой разумѣется, что какъ ни важна эта задача, но пока она еще будетъ разрѣшаться, отъ городского управленія, потребуются отвѣты и на текущіе запросы городского хозяйства. Прогрессивно-демократическая группа въ нѣсколькихъ словахъ обрисовала направленіе своей будущей работы и въ этихъ основныхъ задачахъ текущей городской политики.

Въ области основныхъ задачъ городского хозяйства — гласила платформа — внутренней организаціи городского управленія, финансово-экономической дѣятельности, общаго городского благоустройства, духовной культуры и соціальныхъ мѣропріятій — прогрессивно-демократическая группа ставитъ себѣ слѣдующія цѣли:

1. До осуществленія реформы городская дума должна широко привлекать къ городскому дѣлу общественныя силы, вводя ихъ, съ одной стороны, въ свои органы, съ другой — обращаясь за содѣйствіемъ къ общественнымъ организаціямъ (ученымъ обществамъ, рабочимъ организаціямъ, профессіональнымъ союзамъ, кооперативамъ и т. д.).

2. Въ своей финансовой политикѣ городу слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы городскіе налоги и сборы ложились, главнымъ образомъ, на болѣе обезпеченные слои городского населенія; необходимы частыя переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ и отмѣна больничнаго сбора, падающаго исключительно на малоимущихъ жителей города; городскіе финансы должны быть улучшены проведеніемъ возможной экономіи и развитіемъ производительныхъ затратъ.

3. Городское самоуправленіе обязано выработать въ кратчайшій срокъ нормальный планъ развитія и благоустройства города; расширить городскіе земельные запасы; безотлагательно принять мѣры къ оздоровленію города — особенно его окраинъ, и добиться включенія въ городскую черту пригородовъ.

4. Для всесторонняго удовлетворенія духовныхъ запросовъ широкихъ слоевъ населенія, городское управленіе должно выработать нормальный планъ образованія: достигнуть осуществленія всеобщаго обученія путемъ не только увеличенія ежегоднаго прироста школъ, но и широкой организаціей внѣшкольнаго образованія; приступить къ развитію профессіональнаго образованія и создать разнообразныя культурныя учрежденія и развлеченія для заполненія досуга народныхъ массъ.

5. Городское самоуправленіе должно принимать мѣры къ улучшенію положенія неимущихъ и трудящихся классовъ населенія и оказывать вліяніе на хозяйственно-экономическую жизнь столицы; вести планомѣрную борьбу съ дороговизной предметовъ первой необходимости и жилищной нуждой; организовывать дешевыя столовыя и чайныя; провести реформу городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ; достигнуть кореннаго улучшенія положенія городскихъ служащихъ и рабочихъ, а также рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ, обслуживающихъ городъ, и добиться отмѣны ограниченій, стѣсняющихъ право городскихъ служащихъ и рабочихъ организовывать союзы.

Какъ ни кратки эти положенія въ области обычнаго городского хозяйства, но и они уже рисуютъ обширный, хотя и схематическій планъ всесторонняго благоустроенія столицы, планъ, осуществленіе котораго потребуетъ большого времени и многихъ усилій. А между тѣмъ въ этомъ общемъ планѣ есть пункты, имѣющіе особую остроту, созданную общимъ кризисомъ, вызваннымъ войной. Эти вопросы, такъ сказать, военнаго времени несомнѣнно будутъ гвоздемъ предстоящей дѣятельности новой думы, и муниципальная группа вполнѣ естественно говорила о нихъ въ своей платформѣ особо.

„Прогрессивно-демократическая группа, — значилось въ платформѣ, — считаетъ необходимымъ выдвинуть на первый планъ своей работы въ городской думѣ борьбу съ продовольственнымъ кризисомъ и жилищной нуждой, обострившимися подъ вліяніемъ обстоятельствъ военнаго времени до крайнихъ предѣловъ.

1. Однако, группа должна указать, что въ борьбѣ съ продовольственнымъ кризисомъ при отсутствіи у города правъ и полномочій, при явно недоброжелательномъ отношеніи къ городу администраціи и при дезорганизаціи правительственныхъ органовъ, — особенно въ области транспорта, — городское самоуправленіе оказывается не въ силахъ достигнуть устраненія недостатка предметовъ первой необходимости и существенно понизить дороговизну.

Поэтому городская дума должна добиваться устраненія указанныхъ выше препятствій и сосредоточенія дѣла снабженія населенія предметами первой необходимости въ вѣдѣніи городского самоуправленія съ тѣмъ, чтобы это дѣло производилось его распоряженіемъ, и чтобы право осуществленія реквизиціи и установленія цѣнъ, равно какъ и право нормировки потребленія продуктовъ и организаціи правильнаго ихъ распредѣленія, было предоставлено городскому самоуправленію.

2. Для ослабленія остраго жилищнаго кризиса помимо непосредственныхъ мѣропріятій въ этой области дума должна добиваться передачи ей права изданія обязательныхъ постановленій, регулирующихъ жилищныя условія, и предоставленія права выработки и введенія въ дѣйствіе нормальныхъ квартирныхъ контрактовъ“.

Мало, однако, сказать о томъ, „что“ предстоитъ совершить группѣ въ городской думѣ. Нужно было указать и „какъ“, какимъ путемъ проводить свою программу. И это предусмотрѣно платформой, заканчивающейся слѣдующими словами:

„Такъ какъ успѣшное разрѣшеніе городскихъ задачъ, особенно при данныхъ условіяхъ, возможно лишь при содѣйствіи центральной государственной власти, то городская дума должна гораздо болѣе рѣшительно, чѣмъ она это дѣлала до сихъ поръ, отстаивать интересы города

передъ правительствомъ и администраціей, не забывая, что за ней стоитъ двухмилліонное населеніе, которое терпитъ тяжелыя лишенія и которому въ дальнѣйшемъ угрожаютъ, быть можетъ, еще болѣе тяжелыя испытанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ городскіе гласные должны опираться на широкіе слои населенія, прислушиваться къ общественному мнѣнію и обращаться къ гражданамъ съ отчетами о своей дѣятельности и съ докладами о положеніи городскихъ дѣлъ".

Какъ ни спѣшно составлена платформа „прогрессивныхъ демократовъ", все же въ основѣ своей она построена совершенно правильно, ибо не только даетъ отвѣтъ на всѣ основныя злобы муниципальнаго дѣла, но и вполнѣ опредѣляетъ демократическій характеръ предстоящей работы прогрессивно-демократической группы. Правда, эта группа — явленіе временное, возможное лишь благодаря уродливому избирательному закону; не нужно забывать, что избирательный корпусъ состоитъ всего изъ 0,9% населенія. Широкихъ демократическихъ избирателей здѣсь, конечно, нѣтъ, хотя и есть нѣкоторая группа демократически настроенныхъ интеллигентовъ. Поэтому прогрессивно-демократическая группа явилась блокомъ, примиряющимъ какъ лѣвыя, такъ и нѣкоторыя либеральныя теченія, не пытаясь продолжить возможную дифференціацію еще дальше, въ виду риска блестящаго провала обѣихъ группъ, въ случаѣ ихъ самостоятельнаго выступленія.

Такъ или иначе, но прогрессивно-демократическая группа сдѣлала попытку собрать наличныя демократически настроенныя силы городскихъ избирателей и отмежеваться отъ группы обновленія, ревниво охраняющей до сихъ поръ свое „прогрессивное" реномэ. Что выступленіе прогрессивныхъ демократовъ было какъ нельзя болѣе своевременно, лучше всего показываютъ заявленія обновленческихъ лидеровъ, опубликованныя недавно въ связи съ вопросомъ о реформѣ городового положенія.

Въ „юбилейной" книжкѣ „Вѣстника Европы" одинъ изъ безусловно лучшихъ и прогрессивнѣйшихъ представителей группы обновленія и виднѣйшихъ ея лидеровъ пр. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ выступилъ съ пространными доказательствами непріемлемости... всеобщаго избирательнаго права *. Профессоръ поставилъ себѣ задачу опредѣлить тотъ кругъ городского населенія, который является „заинтересованнымъ" въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, и нашелъ, что единственными признаками этой заинтересованности оказываются: во-первыхъ, обладаніе недвижимой собственностью и торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, и, во-вторыхъ, владѣніе въ теченіе года квартирой. Отсюда вытекаетъ, что тѣ массы рабочихъ, которыя набиваютъ собою окраины города и которыя, уплачивая городскому управленію косвенные налоги въ видѣ высокой платы за пользованіе

* „Вѣстн. Евр.", декабрь, 1915, г., стр. 376—379.

городскими предпріятіями, являются кровно заинтересованными въ правильномъ развитіи городского благоустройства, — эти массы, какъ извѣстно, не „снимающія въ теченіе года на свое имя“ квартиръ, не принадлежатъ къ категоріи лицъ, „заинтересованныхъ“ въ мѣстныхъ дѣлахъ?! Но зато, по мнѣнію профессора, явствуетъ, что такимъ „заинтересованнымъ“ лицомъ является каждый домовладѣлецъ, хотя бы и не живущій въ городѣ, ибо „имущественная заинтересованность“, оказывается, „смѣло можетъ конкурировать съ заинтересованностью личной“... Что говорить, рабочій, не имѣющій сносныхъ условій существованія въ городѣ, и г. домовладѣлецъ, безвыѣздно проживающій въ какой-нибудь Ниццѣ, „равно“ заинтересованы въ мѣстныхъ дѣлахъ, только вотъ заинтересованность-то у нихъ различная; первый заинтересованъ въ томъ, чтобы добиться въ городѣ, въ которомъ онъ работаетъ бо́льшую часть года, сносныхъ и культурныхъ условій, а второй, которому, съ позволенія сказать, „наплевать“ на культуру города, которой онъ не пользуется, — заинтересованъ въ томъ, чтобы съ его дома и земли брали какъ можно меньше налоговъ, слѣдовательно, и въ томъ, чтобы расходы города, т. е. благоустройство его не „слишкомъ“ развивалось. Вотъ каково „равенство“ заинтересованностей этихъ обѣихъ группъ населенія, изъ которыхъ первыя В. Д. Кузминымъ-Караваевымъ лишены избирательныхъ правъ, а вторыя ими надѣлены. Подобная же осторожность въ „прогрессивности“ обнаружена В. Д. Кузминымъ-Караваевымъ и по вопросу о возрастномъ цензѣ избирателей; профессоръ соглашается лишь на 25-лѣтній возрастъ, на томъ основаніи, что, при пониженіи этой нормы до 21-го года, избирательныя права получатъ учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на что основаній В. Д. Кузминъ-Караваевъ не усматриваетъ. Подходя съ такой, мы бы сказали, „профессіональной“ стороны, профессоръ не принялъ во вниманіе, что въ рабочей средѣ да и вообще въ демократическихъ слояхъ населенія, т. е. въ большинствѣ населенія, молодые люди не обучаются въ университетахъ и къ 20-ти годамъ уже прочно стоятъ на ногахъ, являясь взрослыми работниками, ничѣмъ не отличающимися по своему положенію отъ двадцатипятилѣтнихъ... Въ этой же юбилейной книжкѣ „Вѣстн. Европы“ разсказывается о тѣхъ карахъ, которыя претерпѣлъ журналъ за свои стремленія къ достиженію конституціоннаго строя и за неуклонное проведеніе либеральныхъ взглядовъ. Надо думать, что въ настоящее время положеніе журнала значительно тверже, ибо та „умѣренная прогрессивность“, съ образцомъ которой мы познакомились выше, конечно, не будетъ сочтена опасной для существующаго режима, ибо и министерскіе проекты городской реформы стоятъ на точкѣ зрѣнія необходимости квартирнаго ценза. Походъ противъ всеобщаго избирательнаго права, противъ этого основного требованія всякаго демократиче-

скаго теченія, открытый въ торжественный моментъ пятидесятилѣтія журнала, тѣмъ характернѣе, что въ другомъ мѣстѣ той же книжки „Вѣстника Европы", на стр. 9-й редакція заявляетъ, что журналъ въ 1905 году призналъ „необходимость всеобщей подачи голосовъ"...

Другой представитель обновленческаго прогрессизма, членъ Государств. Думы, принадлежащій къ партіи народной свободы и къ лѣвому крылу обновленцевъ, — Л. А. Велиховъ, — въ „Городскомъ Дѣлѣ" * такъ же обрушивается на всеобщее избирательное право. Выставленіе послѣдняго требованія въ муниципальной программѣ Л. А. Велиховъ называетъ тезисомъ, пересаженнымъ изъ „трафарета партійно-политическихъ таблицъ", и предлагаетъ удовольствоваться „расширеніемъ избирательныхъ правъ посредствомъ привлеченія къ нимъ квартирохозяевъ". Однако, Л. А. Велиховъ, повидимому, не возражаетъ по существу противъ всеобщаго избирательнаго права вообще и находитъ лишь, что такое требованіе въ настоящій моментъ не будетъ поддержано муниципальными и умѣренными кругами и потому окажется не реальнымъ. Надо признать, что Л. А. Велиховъ, отрекаясь отъ всеобщаго избирательнаго права, являетъ примѣръ большой самостоятельности мысли и независимости отъ „трафарета партійно-политической таблицы" своей собственной партіи, ибо послѣдняя своимъ первымъ лозунгомъ до сихъ поръ, насколько извѣстно, считаетъ всеобщую подачу голосовъ.

Итакъ, прогрессивные обновленцы демонстрируютъ явный кренъ направо и отнюдь не проявляютъ своихъ демократическихъ симпатій. Еще менѣе повинна въ нихъ обновленческая группа въ цѣломъ. А при такомъ положеніи вещей выступленіе болѣе послѣдовательной и выдержанной группы прогрессивныхъ демократовъ, не побоявшихся вспомнить забытые кое-кѣмъ лозунги демократіи и поставить ихъ во главу угла своей платформы, оказывается крайне своевременнымъ, и нужно пожелать, чтобы демократически настроенные элементы городскихъ избирателей, сознавъ все общественное значеніе муниципальныхъ выборовъ, оказали группѣ свою поддержку.

Что же касается дальнѣйшихъ перспективъ этой группы, то съ проникновеніемъ въ муниципальную жизнь болѣе широкихъ слоевъ населенія, — а можетъ быть и еще ранѣе — обстоятельства, несомнѣнно, потребуютъ новой формы организаціи, и прогрессивные демократы въ свою очередь расколятся и выдѣлятъ еще болѣе компактное единеніе болѣе лѣваго, какъ у насъ принято выражаться, демократическаго характера.

М. Петровъ.

---

* „Гор. Д.", № 24, 1915 г., стр. 1299—1305.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ВКЛАДЪ БЕЛЬГІИ.

Представленіе о бельгійцахъ, какъ рѣзко очерченномъ и единомъ національномъ типѣ, донынѣ оставалось для насъ непривычнымъ: единство это впервые утвердили передъ лицомъ исторіи трагическія событія настоящей войны. Намъ не случалось произносить слова „бельгіецъ" съ тою опредѣленностью, съ тѣмъ чувствомъ осязательной и слитной конкретности, съ какими мы говоримъ: „французъ" „испанецъ", „пруссакъ" или даже „румынъ". Характерный обликъ, нравъ, и повадка бельгійцевъ отнюдь не рисуются воображенію каждаго сами собою, съ упрощеніемъ и подчеркнутостью подобныхъ собирательныхъ образовъ; грани здѣсь чрезвычайно расплывчаты и наполовину стерты. Въ самомъ дѣлѣ, населеніе маленькой страны носитъ явственную печать своей внутренной племенной разобщенности, „анонимный" капиталъ ея мы привыкли встрѣчать повсемѣстно, какъ дѣятельный ферментъ международной промышленной жизни, ея столицы: Брюссель, это предмѣстье Парижа и Анвера, выдвинутый форпостъ Лондона, представляются узловыми станціями мірового обмѣна, самая государственность ея не опирается на длительную традицію, не имѣетъ той давности, которая опредѣлила бы и упрочила ея укладъ. Такъ и литературное творчество, возникшее на этой, лишенной естественныхъ или преемственныхъ рубежей, почвѣ, мы склонны пріобщать,—по непосредственной смежности,—къ словесности французской. Бельгійскіе писатели, сумѣвшіе обрѣсти міровое значеніе, Морисъ Матерлинкъ и Эмиль Верхарнъ обязаны столь всеобщимъ признаніемъ прежде всего посредничеству французскихъ символистовъ; но въ то же время въ самую толщу французской публики имъ такъ и не удалось проникнуть, въ особенности второму изъ нихъ; наоборотъ, нѣмецкая, интеллигенція сдѣлала все, чтобы ближе узнать и „присвоить" творчество Верхарна; вѣдь именно въ Германіи онъ нашелъ такихъ проникновенныхъ переводчиковъ, толкователей и біографовъ, какъ „пролетарскій поэтъ" Людвигъ Шарфъ и Стефанъ Цвейгъ, чья образцовая книга о великомъ бельгійцѣ, въ свою очередь, удостоилась напечатанія на французскомъ языкѣ. Мы всѣ привыкли чтить въ Матерлинкѣ и Верхарнѣ, этихъ контрастныхъ воплощеніяхъ бельгійскаго генія, прежде всего „представителя человѣчества". Да существуетъ ли вообще (какъ не спросить себя объ этомъ?) бельгійская литература, какъ таковая? Въ чемъ заключена ея самобытная стихія и каковы ея специфическіе „мѣстные" признаки? Чѣмъ обязаны ея участники землѣ, крови и предкамъ?

Самыя условія возникновенія подобной литературы противорѣчивы и парадоксальны въ корнѣ. Народъ Бельгіи, двойственный по расовому составу, не спаянъ и единствомъ языкового общенія: валлонская струя естественно стремится къ своимъ латинскимъ истокамъ; фламандскій ручей, отведенный въ тѣсный каналъ провинціальнаго

нарѣчія, тяготѣетъ то къ безвыходной и притязательной обособленности діалекта, то къ сліянію съ германскимъ моремъ. Это соперничество „фламингантизма“ съ французской оріентаціей, живо напоминавшее по политической и культурной своей остротѣ „споръ о языкѣ“ въ Финляндіи, упразднено лишь въ наши дни общимъ порывомъ и общей жертвой всего народа. Однако, буржуазія и сельское населеніе, фламандцы и валлоны, какъ и прежде, говорятъ, по „разному“. Возможно ли вообще „свое“ творчество тамъ, гдѣ нѣтъ своего языка? Такъ или иначе, послѣдствія этой распри отяготѣли надъ судьбою бельгійской литературы. Самый терминъ этотъ умѣстенъ и оправданъ лишь по отношенію къ какимъ-нибудь тремъ десятилѣтіямъ развитія и самоопредѣленія. И все же такова сосредоточенность совершеннаго въ этотъ срокъ усилія, такова дѣйствительность мѣстной „закваски“, что скороспѣлое творчество горсти писателей можетъ съ достовѣрностью быть отмежевано отъ „материнской“ литературы Франціи.

Бѣдствія, испытанныя Бельгіей въ эти дни, заставили встрепенуться друзей и стороннихъ зрителей; явилась потребность разгадать смыслъ ея героическаго поведенія, расшифровать показанія литературы и искусства о душѣ этого народа. Изъ этого побужденія и возникли попытки дополнить наши разрозненныя воспоминанія до нѣкоторой живой и органической цѣльности: статья поэта Альберта Мокеля въ альманахѣ издательства Crès, томикъ Реми де Гурмона, вышедшій незадолго до смерти этого писателя и посвященный „Литературной Бельгіи“, обзоръ, данный въ новомъ „Journal de Hollande“, органѣ бельгійской литературной эмиграціи въ Парижѣ и Амстердамѣ. Появившееся же за годъ до войны систематическое изслѣдованіе Альберта Геймана (A. Heumann. Le mouvement littéraire belge d'expression française depuis 1880) служитъ для этихъ очерковъ примѣромъ и руководствомъ.

* * *

Еще полвѣка тому назадъ Бельгія играла передъ лицомъ первенствующей французской культуры роль своего рода Беотіи. Въ отношеніи собственно литературномъ Брюссель былъ извѣстенъ преимущественно, какъ производитель несчислимыхъ издательскихъ контрафакцій и всяческихъ покушеній на авторское право; въ этой отрасли онъ наслѣдовалъ старому Амстердаму. Но бельгійское издательское дѣло служитъ въ то же время коррективомъ къ ограниченіямъ свободы печати во Франціи при режимахъ „juste milieu“ и Второй Имперіи. Здѣсь, вдали отъ бдительнаго ока правительственной цензуры и полиціи нравовъ, осуществляются изданія какъ политическихъ памфлетовъ, такъ и запретнаго эротическаго наслѣдія XVIII вѣка; здѣсь нашелся первый издатель для „Несчастныхъ“ изгнанника Гюго. Но всѣ эти книги, выпускаемыя Бранкаромъ или Кистемкерсомъ, предназначены обслуживать контрабанднымъ товаромъ зарубежнаго, по преимуществу, французскаго читателя, — минуя дѣловитую и клерикальную буржуазію самой Бельгіи. Провинціальная тишина бельгійскихъ городовъ нерѣдко привлекала большихъ французскихъ писателей, какъ желанное убѣжище; здѣсь залѣчивалъ свои раны презрительный Шарль Бодлэръ, отплатившій, впрочемъ, бельгійскимъ „пошехонцамъ“ за ихъ гостепріимство кровавой ироніей (ср. его дневники: „Мое обнаженное сердце“); сюда перенесъ свои пенаты также и издатель его, извѣстный Пуле-Малассн; здѣсь бродяжилъ и читалъ публичныя лекціи „бѣдный Леліанъ“—Поль Верлэнъ. Однако, для писателей бельгійскихъ долго не находилось мѣста въ мелочномъ житейскомъ укладѣ ихъ тѣсной родины. Художественное слово не рождало отголосковъ. Октавъ Пирмезъ — благородный и

меланхолическій поэтъ, бельгійскій парнассецъ, авторъ „Дней одиночества“ и „Философическихъ часовъ“, влачилъ въ своемъ родовомъ замкѣ столь же одинокое и безвѣстное существованіе, что и чудесный Шарль де Костэръ — этотъ валлонецъ, навсегда возвеличившій въ своемъ „Тиллѣ Юленшпигелѣ“ освободительную борьбу фламандскаго племени, — въ своей жалкой мансардѣ. Бельгія вообще не читала; централистическая же Франція естественно игнорировала эту окраинную литературу. Матеріальный духъ тучной и богатой Фландріи умѣлъ до нѣкоторой степени чтить своихъ живописцевъ, какъ отобразителей быта и создателей эстетическаго комфорта; французская Валлонія, край угля и стали, удовлетворяла свою потребность въ духовности исключительнымъ развитіемъ политической мысли, — воздавая, однако, должное также музыкѣ и скульптурѣ. Писатели же оставались изгнанниками въ собственной родинѣ. Валлонская интеллигенція не допускала мысли о какомъ-либо дерзновенномъ соперничествѣ съ писателями Франціи; „языковой сепаратизмъ“ Фландріи, который начинали раздѣлять подъ давленіемъ пропаганды „фламангантизма“ также и культурные классы Анвера или Гента, безусловно требовалъ отъ писателей обращенія къ голландскому языку; еще въ недавніе сравнительно годы была возможна безпощадная кампанія печати противъ Жориса Роденбаха за отказъ отъ языка предковъ; до самаго послѣдняго времени нерѣдки были яростные полемическіе выпады противъ „ренегатства“ Матерлинка и Верхарна. Нужна была иниціатива могучей воли, чтобы — при столь „запретительныхъ“ условіяхъ — вывести бельгійскую литературу изъ этихъ тѣснинъ равнодушія и предразсужденій. Подобный подвигъ оказался по плечу Камиллу Лемонье. Чествованіе автора романа „Самецъ“, которому было отказано офиціальнымъ комитетомъ въ присужденіи пятилѣтней преміи, вотъ ужъ 34 года тому назадъ сдѣлалось отправной точкой обширнаго движенія. Тѣсно связанный въ своемъ пониманіи задачъ искусства съ ученіемъ натурализма, онъ не былъ, однако, безличнымъ данникомъ французской литературы, всего лишь подражателемъ, подобно многочисленнымъ бельгійскимъ поэтамъ (Теодоръ Ганнонъ и др.), лишь перепѣвавшимъ Бодлэра; наоборотъ, его „Седанъ“ написанный подъ впечатлѣніемъ событій 1870 года, оказалъ несомнѣнное воздѣйствіе на замыселъ и выполненіе „Разгрома“ Эмиля Зола; точно также его „Happe-Chair“, патетически обобщенная картина труженичества рабочихъ массъ и демонической власти капитала, предшествуетъ „Жерминалю“. Мы не даемъ здѣсь общей оцѣнки творчества Лемонье а пытаемся всего лишь опредѣлить мѣру вліянія; оно предопредѣлено лозунгомъ „быть самимъ собою или погибнуть“; роль Лемонье заключалась, по опредѣленію выдающагося критика Эдмона Пикара, въ томъ, что онъ „сталъ символомъ бельгійской литературной дѣятельности на французскомъ языкѣ въ ея цѣлокупности; отъ него почти все исходило, на него почти все опиралось, непосредственно или косвенно“. Лемонье представляется живымъ средоточіемъ круга, отъ котораго радіусами расходятся творческія устремленія Мориса Матерлинка, Верхарна или Жоржа Экоута. Онъ коренится въ бельгійской почвѣ; по собственному признанію, онъ „никогда не отдѣлялъ себя отъ вещей и людей, его окружавшихъ... онъ съ настойчивостью жилъ жизнью людей своей страны“. Онъ заключилъ въ себѣ тяжкую, полнокровную чувственность рубенсовскихъ кермессъ и простодушную мистику фламандскихъ примитивовъ; самый стиль его шедевра „Адама и Евы“ точно насыщенъ обильной растительной жизнью влажной и щедрой родной почвы. Той же грузной дремотой стихійныхъ инстинктовъ объяты и герои Экоута, бродяги кампинской равнины, землеробы и штейгеры; такъ же пропитаны они запахами земли или моря, также переходятъ отъ аскетическихъ искусовъ къ пароксизмамъ не-

обузданнаго, трагическаго сладострастія. По стилю и пріемамъ композиціи плѣнительный Жоржъ Роденбахъ можетъ быть оцѣненъ, какъ разсказчикъ мопассановской школы; но проникающее его произведенія сладостное и меланхолическое предвкушеніе смерти расцвѣтаетъ словно мистическая роза надъ порталомъ древняго готическаго собора; очертанія часовенъ и каналовъ „Мертваго Брюгге“ обрамляютъ душевную жизнь его героевъ: благовѣсту кружевныхъ колоколенъ онъ обязанъ ритмическихъ строемъ своихъ скорбныхъ и ласковыхъ поэмъ. А Шарль Ванъ Лербергъ, расположившій земной рай своей идиллической мечты, неплотные образы „Предвидѣній“ и „Пѣсни Евы“, среди дюнъ и полей родной Фландріи! А развѣ лирическія драмы Матерлинка не облекаютъ въ дивную прозрачность и простоту французской рѣчи мистическія чаянія, кошмары и прозрѣнія сѣверной, фламандской души? Въ Эмилѣ Верхарнѣ мы привыкли видѣть прежде всего поэта современности, мощныхъ стихій технической культуры, воцарившихся надъ міромъ, гигантскихъ городовъ - спрутовъ и трагическихъ закатовъ надъ опустѣвшими полями. Апокалиптическія картины крушенія стараго міра и грозный апоѳеозъ желѣзнаго вѣка не могли предстать передъ его взоромъ на родной землѣ; извѣстно, что его городскіе циклы навѣяны зрѣлищемъ Лондона; самыя непривычныя для французскаго слуха особенности своего словаря поэтъ объясняетъ, какъ слѣдствіе расширенія творческаго кругозора; „деформація“ языка возникаетъ у него не изъ діалектическихъ навыковъ, не изъ голландскихъ атавизмовъ а изъ особыхъ свойствъ изображаемыхъ предметовъ. И все-таки мѣстные признаки его призванія обозначаются съ очевидностью. Недаромъ Реми де Гурмонъ, видѣвшій въ примѣрѣ Верхарна залогъ самобытной будущности бельгійской литературы, утверждалъ, что Верхарнъ заимствовалъ отъ Франціи всего лишь ея языкъ и нѣкоторыя общія идеи, но не переставалъ живописать окружавшую его природу, природу фламандскую. „Раса его“, такъ развиваетъ Гурмонъ свое положеніе, „говорила въ немъ громче, чѣмъ его культура. Прежде, чѣмъ быть поэтомъ, онъ туземецъ Фландріи и онъ свелъ почти всѣ свои изображенія жизни къ изображеніямъ жизни фламандской“.

Конечно, всего труднѣе: стать пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Нужна была санкція Парижа, чтобы Верхарнъ былъ признанъ великимъ поэтомъ. Нужно было одному изъ тридцати напечатанныхъ экземпляровъ „Принцессы Малэнъ“ попасть въ руки Октава Мирбо, этого дерзкаго „открывателя“ талантовъ, для того, чтобы образъ „мистика обыденности“, Матерлинка, былъ бы явленъ Франціи, міру... и Бельгіи. Такъ или иначе, эти героическія времена борьбы за созданіе и признаніе національной литературы смѣнились, наконецъ, обильнымъ и безбурнымъ цвѣтеніемъ, которому могла положить временный предѣлъ лишь война. Объ этомъ изобиліи даетъ непосредственное, количественное, такъ сказать, представленіе перечень бельгійскихъ писателей, сегодняшняго и вчерашняго дня, которыхъ мы воспроизводимъ по страстному и лаконическому панегирику Альбера Мокеля:

„Мощь Лемонье, страстное увлеченіе Эдмона Пикара, героическіе клики Верхарна, легендарная поэзія и нравственное величіе Матерлинка, несказанная чистота Шарля Ванъ Лерберга, благородныя изліянія Фернанда Северэна, восхищенность Луи Делаттра и дѣтское его изумленіе передъ лицомъ природы; восторженная искренность Бланшъ Руссо, суровая нѣжность Жана Доминикъ, простодушная свѣжесть Поля Жерарди; отягощенныя мыслью страницы Кристіана Бека и Леона Вери, ясная логика Дюмонъ-Вильдена, утверждающаго державныя права интеллекта; надменная гордость Альбера Жиро; лиризмъ и пылкость Андрэ Фонтэна; сила и грація Жоржа Марло; краснорѣчіе Франсуа Леонара и Рамакорса; волнующая простота Макса Эльскампа; идеальность Жиль-

кена, Мобеля; чарующая находчивость Изи-Коллэна и музыка его поэзіи; иронія и печаль Эдмона Глезенера, всеобъемлющее состраданіе Дельшевальри и братская теплота Жоржа Вирэсъ, сила и доблесть „пламеннаго града", воображеннаго Картономъ де Віаръ... все это, а также великодушная мысль Леона Сугнэ и совѣты объ изяществѣ, вкусѣ и стилѣ, сдержанно преподаваемые Морисомъ Вильмоттъ, — таковъ живой посѣвъ, что былъ брошенъ на вѣтеръ и воспринятъ наконецъ отечественной землей". Таковы тѣ художественныя и идеологическія силы, которыя состоятъ на учетѣ, въ ожиданіи грядущаго возрожденія Бельгіи.

* * *

Чрезвычайно своеобычны тѣ столь дѣйствительные средства и пріемы пропаганды, которымъ Бельгія обязана подобнымъ творческимъ расцвѣтомъ. Вѣдь литературное бытіе страны было буквально порождено — писатели подготовлены и публика воспитана къ ихъ пониманію, — такъ называемыми „маленькими журналами". То — цѣлый сонмъ эфемерныхъ въ большинствѣ періодическихъ изданій, существованіе которыхъ обычно ограничено немногими годами или мѣсяцами, а кругъ читателей нерѣдко всего лишь сотнями или даже десятками подписчиковъ. Здѣсь появляются манифесты кружковъ и первые опыты поэтовъ; въ этихъ тощихъ тетрадкахъ дебютируютъ даже нѣкоторые изъ будущихъ вождей „символистскаго" толка во Франціи. Юноша Верхарнъ, въ бытность свою студентомъ Лувенскаго университета, руководилъ журнальчикомъ „Недѣля", гдѣ ломалъ копья за свое исповѣданіе страстнаго католика противъ „безбожныхъ либераловъ"; послѣдніе также имѣли свой сатирическій органъ „Типъ", во главѣ котораго стоялъ Максъ Валлеръ, будущій соратникъ Верхарна на страницахъ „Молодой Бельгіи", образованіе которой ознаменовало наступленіе новой эры. Собирателемъ и объединителемъ является здѣсь, какъ и всюду, Камиллъ Лемонье, наиболѣе зрѣлый мастеръ (род. 1844, ум. 1912). Среди всей этой литературной молодежи одинъ за другимъ возникаютъ боевые журналы — „Современное искусство", „la Basoche" и, наконецъ, „Валлонія", руководимая Альберомъ Мокель въ сотрудничествѣ съ французскимъ поэтомъ Анри де Ренье. Журналъ этотъ и „Молодая Бельгія" долго образуютъ два враждующихъ лагеря, между которыми распредѣляются наличныя силы. Переходъ Верхарна, Роденбаха и Лемонье изъ послѣдняго органа, воспринявшаго „парнасскую" доктрину „безчувственной" поэзіи въ „Валлонію" — оплотъ символизма — вызвалъ бурю полемикъ. Миновали годы, пока слились параллельныя теченія. Однако, эта дифференціація литературныхъ направленій не ограничивалась указанной двойственностью; возникаютъ новыя группировки, по признакамъ какъ эстетическимъ, такъ и мѣстнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждаются журналы „Антей" и его продолженіе „Лики жизни", фантастическая „Маска" и сатирическое „Почему же нѣтъ?"; въ Гентѣ образуется „Пробужденіе", въ Льежѣ „Флореаль", „Валлонское Обозрѣніе" и нѣкоторыя другія изданія, въ Монсѣ „Свободная мысль"... Нетрудно насчитать свыше тридцати журналовъ, сыгравшихъ роль насадителей новой литературы въ Бельгіи. Эта кажущаяся распыленность общаго усилія, постоянная шумная разноголосица обезпечивала свободу самоопредѣленія всѣмъ проявленіямъ національнаго характера, всѣмъ устремленіямъ и уклонамъ бельгійскаго генія. Этимъ скромнымъ начинаніямъ суждено было придать живую, ощутимую и полноцѣнную реальность тому отвлеченному лишь и весьма условному понятію, какимъ являлась вплоть до 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія литература Бельгіи.

Андрей Левинсонъ.

СИСТЕМА МОНТЕССОРИ.

Докторъ мед. Марія Монтессори. *Методъ научной педагогики, примѣняемый къ дѣтскому воспитанію въ домахъ ребенка.* Пер. со 2-го итальянскаго, исправленнаго и дополненнаго изданія. Со многими рисунками и таблицами. Съ предисловіемъ И. М. Соловьева. Изд. „Задруга". Стр. 316 + III. М. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к. (Въ 1913 г. вышла въ пер. г. Займовскаго, подъ названіемъ „Домъ Ребенка".)

Она-же. *Руководство къ моему методу.* Пер. Р. Ландсбергъ. Изд. Горб.-Посадова. Ц. 65 к. М. 1916.

Т. Л. Сухотина. *Марія Монтессори и новое воспитаніе.* Съ 18 иллюстраціями, изображающими занятія дѣтей въ „Домахъ ребенка" Монтессори и пособія для этихъ занятій. Изд. Горбунова-Посадова. Стр. 58 М. 1914 г. Ц. 50 к.

Наталія Лубенецъ. *Фребель и Монтессори.* Стр. 137. Кіевъ. Изд. магазина „Дошкольное воспитаніе". Ц. 40 к.

Е. И. Тихѣева. *Дома ребенка Монтессори въ Римѣ, ихъ теорія и практика. По личнымъ впечатлѣніямъ.* Изд. автора. Стр. 70. Пгр. 1915. Ц. 50 к.

Ю. Фаусекъ. *Мѣсяцъ въ Римѣ въ „Домахъ Дѣтей" Маріи Монтессори.* Складъ изд. у Башмакова. Стр. 189 + II. Петр. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Багатурова. *Монтессори и новый способъ обученія грамотѣ.* Кн-во „Наука". М. 1915 г. Стр. 64. Ц. 35 коп. Съ приложеніемъ „Азбуки Монтессори" — 55 к.

П. П. Блонскій. *Введеніе въ дошкольное воспитаніе.* (Вып. 2 Общедоступныхъ курсовъ по дошкольному воспитанію). М. 1915. К-ство „Прак. Занятія". Глава о Монтессори. Стр. 95 + III.

Начало XX вѣка принесло новую педагогическую систему воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. Система эта принадлежитъ итальянкѣ Маріи Монтессори. Послѣ Фребеля (ум. въ 1852 г.) не было системы, которая возбудила бы такой интересъ и получила бы такое быстрое признаніе. Первый опытъ практическаго осуществленія идей Монтессори относится къ 1907 году, а въ настоящее время школы Монтессори существуютъ во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Америкѣ, Англіи, даже въ Индіи. Ея книга переводится на многіе языки, создается огромная литература, въ Римъ къ Монтессори и въ ея „Дома ребенка" совершаются настоящія паломничества.

Успѣхъ необыкновенный, но вполнѣ естественный. Послѣднія 10—15 лѣтъ характеризуются расцвѣтомъ новой экспериментальной педагогики, — дѣло воспитанія становится на опытную почву. Во всѣхъ странахъ экспериментальная педагогика быстро завоевываетъ себѣ признаніе и не характерно ли, что въ Россіи уже состоялось три съѣзда дѣятелей опытной педагогики, привлекшихъ большое количество участниковъ и виднѣйшія силы нашей науки. Но въ то время какъ экспериментальная психологія учила изучать ребенка, создавала приборы для измѣренія остроты его чувствъ, дѣло воспитанія практически почти не выигрывало. Было необходимо методъ эксперимента примѣнить къ воспитанію — изъ области теоріи перейти къ практикѣ: почва была подготовлена. И заслуга Маріи Монтессори въ томъ, что она сдѣлала это. Для этого у нея были прекрасныя данныя; она получила

широкое медицинское образованіе, много работала надъ изученіемъ нервной системы въ Лондонѣ и Парижѣ, затѣмъ, уже будучи докторомъ медицины и начальницей пріюта для умственно-отсталыхъ дѣтей, она прослушала курсъ философскаго отдѣленія въ Римскомъ университетѣ, гдѣ ознакомилась съ методами и принципами экспериментальной психологіи. Такимъ образомъ, въ школу Монтессори пришла съ широкой естественно-научной и педагогической подготовкой.

Свою практическую дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ Монтессори начала съ воспитанія недоразвитыхъ дѣтей и только потомъ уже перенесла на дѣтей нормальныхъ. Своими предшественниками она считаетъ французскихъ врачей — Итара (1775—1828), извѣстнаго своими работами надъ развитіемъ слуха у глухонѣмыхъ и своей замѣчательной попыткой воспитанія полудикаго „мальчика изъ Авейрона“, и Сегена (1812—1889), посвятившаго себя воспитанію идіотовъ. Сущность „физіологическаго метода“ Сегена, метода, принятаго и разработаннаго Монтессори, заключается въ томъ, чтобы „вести ребенка за руку отъ воспитанія мускульной системы къ воспитанію нервной системы и органовъ чувствъ“. Сегенъ, отдавшій тридцать лѣтъ своей жизни изученію ненормальныхъ дѣтей, высказывалъ мысль, что „физіологическій методъ, методъ, въ основѣ котораго лежитъ индивидуальное изученіе ребенка, и воспитательные пріемы котораго построены на анализѣ физіологическихъ и психологическихъ явленій, долженъ быть примѣненъ и къ воспитанію нормальнаго ребенка, какъ путь къ полному перерожденію человѣчества“. Эта мысль для Монтессори была откровеніемъ, и ея дальнѣйшая дѣятельность обращается на примѣненіе разработаннаго и видоизмѣненнаго метода Сегена къ воспитанію нормальныхъ дѣтей. Случай далъ ей возможность провѣрить свои выводы на практикѣ. Инженеръ Эдуардо Таламо, главный директоръ „Римскаго Общества дешевыхъ квартиръ“, предложилъ ей организовать школы для дѣтей въ возрастѣ отъ 3 и 7 лѣтъ при большихъ домахъ о-ва въ рабочемъ кварталѣ С. Лоренцо. 6 января 1907 года былъ открытъ первый „Домъ ребенка“, а въ январѣ 1909 года итальянская Швейцарія стала преобразовывать свои пріюты по типу школъ Монтессори.

Монтессори видитъ въ своихъ домахъ ребенка двойное значеніе: значеніе общественное и чисто педагогическое, заключающееся въ провѣркѣ методовъ воспитанія.

„Домъ ребенка“, по ея мнѣнію, знаменуетъ собою первый шагъ къ соціализаціи дома. Жильцы даннаго дома могутъ оставить дѣтей въ школѣ, находящейся въ этомъ же домѣ. Всѣ матери пользуются этимъ, свободно уходя на работу. До сихъ поръ только нѣкоторыя общественныя группы пользовались такимъ преимуществомъ: богатыя женщины могли уходить изъ дому, оставляя своихъ дѣтей на гувернантку или няньку. „Теперь и женщина изъ народа, живя въ такомъ реформированномъ домѣ, можетъ, не хуже знатной дамы, сказать: „я оставила своихъ дѣтей съ нянькой и гувернанткой“. Даже больше, — какъ какая нибудь принцесса крови, она можетъ добавить еще: „и домашній врачъ ежедневно слѣдитъ за нимъ и направляетъ его здоровый ростъ“. (Изъ рѣчи Монтессори на открытіи „Дома ребенка“.) Идея соціализацій — одна изъ самыхъ дорогихъ для Монтессори идей. Ей кажется, что

имъ на порогѣ соціализаціи многихъ учрежденій, — больницы,
т. п. По ея мнѣнію, „соціализованный домъ будущаго, жизне-
ный, предусмотрительный заботливый домъ — воспитатель и
ель — вотъ истинно-достойный домъ человѣческой семьи, стремя-
овершенствовать свой родъ и побѣдно вести его къ вѣчной жизни!"
новнымъ принципомъ школьной реформы Мон-
ри считаетъ — торжество свободы въ школѣ. Духъ
, — пишетъ она, — проникаетъ старую школу. Ей странно
вѣкъ борьбы за соціальное раскрѣпощеніе пролетаріата, въ шко-
ритъ подавленіе индивидуальности. На смѣну старой
должна придти новая, которая давала бы „просторъ свободнымъ
твеннымъ проявленіямъ личности ребенка". Изученіе личности
должно производиться только такимъ способомъ, при которомъ
детъ заключаться въ наблюденіи надъ свободнымъ ре-
».

акъ, главными принципами новой школы является наблюденіе
, его индивидуальное изученіе и свобода учащагося въ его
роизвольныхъ, непосредственныхъ проявлені-
Отсюда совершенно особенный характеръ этой школы. Нѣтъ
громоздкихъ, тяжелыхъ и неподвижныхъ, и вмѣсто нихъ легкіе
дѣти сами могли ихъ переносить съ мѣста на мѣсто), устойчи-
столы и стулья, креслица. Дѣти могутъ переходить съ мѣста на
такъ какъ они свободны въ этой свободной школѣ, а свобода
ятельность. Но какъ же водворяется дисциплина въ этой шко-
Дисциплина въ свободѣ, — отвѣчаетъ на это Монтессори, —
икій принципъ, который нелегко понять стороннику традиціон-
колъ". „Мы называемъ человѣка дисциплинированнымъ, когда
етъ владѣть и свободно распоряжаться собой, слѣдуя тому или
жизненному правилу", — пишетъ она далѣе. Свобода ре-
ограничивается лишь интересами коллектива,
й служитъ то, что мы называемъ воспитанностью въ человѣкѣ.
енкѣ подавляется все то, что можетъ оскорбить или повредить
, „все же остальное, каждое проявленіе, каково бы оно ни было
кой бы формѣ ни выражалось, не только дозволяется, но и долж-
всегда уважаемо".

еніе этихъ принциповъ оказалось очень труднымъ для учи-
учительницъ, воспитанныхъ на пріемахъ старой, деспотической
Учитель привыкъ быть единственнымъ активнымъ лицамъ
лѣ, и онъ не можетъ примириться съ идеей активности учени-
рвое, чему долженъ научить учитель ребенка для развитія ак-
дисциплины, — это различіе между добромъ и зломъ. И за-
питателя слѣдить, чтобы ребенокъ не смѣшивалъ добра съ не-
остью, а зла съ активностью".

свобода неразрывно связана съ самостоятель-
о и самодѣятельностью. По мнѣнію Монтессори, мы не
усвоили идею самостоятельности, такъ какъ живемъ въ раб-
оціальныхъ формахъ. Мы слишкомъ часто „миримся съ рабс-
услугами, называя ихъ такими красивыми именами, какъ
сть, деликатность, доброта". На самомъ же дѣлѣ, тотъ, кому
ограниченъ въ своей независимости. Отсюда выводъ — все-

питаніе въ дѣтяхъ самостоятельности. „Мы должны учить ихъ ходить безъ посторонней помощи, бѣгать, подыматься и спускаться по лѣстницамъ, подбирать оброненныя вещи, самостоятельно одѣваться, раздѣваться, мыться, произносить отчетливо слова и точно выражать свои желанія. Мы должны, наконецъ, развивать въ дѣтяхъ умѣніе добиваться своихъ цѣлей и стремленій... Обыкновенно мы прислуживаемъ дѣтямъ... Мы обращаемся съ ними, какъ съ куклами; мы умываемъ и кормимъ совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ съ куклами... Всякій понимаетъ, что обученіе ребенка самостоятельно ѣсть, умываться и одѣваться — гораздо дольше и труднѣе, что эта работа требуетъ неизмѣримо больше терпѣнія, чѣмъ если самому кормить, умывать и одѣвать ребенка Но первое — работа воспитателя, второе — легкій, но низменный трудъ слуги".

Логическимъ выводомъ изъ приведенныхъ принциповъ является упраздненіе наградъ и наказаній. Человѣкъ, воспитанный и дисциплинированный свободой, сознаетъ ту награду, „которую никто не можетъ отнять у него — ростъ человѣческихъ силъ и внутреннюю свободу души". Ребенка, безпокойнаго и мѣшающаго работать другимъ, подвергаютъ изоляціи въ томъ же помѣщеніи и окружаютъ его самымъ заботливымъ вниманіемъ, какъ больного.

Уроки въ „Домахъ ребенка" индивидуальны. Ихъ характерными особенностями является краткость, простота, объективность. И тутъ нужно заботиться, чтобы не подавить свободы ребенка, не нужно настаивать на чемъ-либо, и не давать понять ученику, что онъ ошибся. Примѣръ пояснитъ суть метода. „Положимъ, учительница хочетъ научить ребенка различать два цвѣта — красный и синій. Сначала, чтобы привлечь его вниманіе, она говоритъ: „смотри сюда". Потомъ, чтобы научить его распознавать цвѣта, показывая на красный, она произноситъ: „это красное", (при этомъ слегка повышаетъ голосъ и слово „красный" выговариваетъ медленно и отчетливо), и показывая на другой, говоритъ: „это — синій". Чтобы провѣрить, хорошо ли ребенокъ понялъ ее, она говоритъ ему: „Подай красный. Подай мнѣ синій". Предположимъ, что ребенокъ ошибся. Учительница не повторяетъ и не настаиваетъ. Она улыбнется, приласкаетъ его и уберетъ образцы цвѣтовъ".

Монтессори протестуетъ противъ элементовъ насилія, которые проникли въ обученіе. Она вѣритъ въ дѣтскую любовь къ знанію. Она вѣритъ въ то, что страсть къ знанію „врождена человѣку, страсть, которая ведетъ мысль человѣка къ постепенной побѣдѣ, отъ вѣка въ вѣкъ разрушая оковы рабства во всѣхъ его формахъ и видахъ".

Главнымъ содержаніемъ уроковъ въ „Домахъ ребенка" является воспитаніе органовъ чувствъ. И здѣсь наиболѣе сильная и оригинальная сторона системы Монтессори. Не нужно забывать, что всѣ методы и пріемы ея относятся къ дѣтямъ дошкольнаго возраста (отъ 3 до 7 лѣтъ), а этотъ періодъ имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ въ это время формируется весь организмъ ребенка. Поэтому именно въ этотъ періодъ слѣдуетъ облегчить развитіе чувствъ. Это физіологическое воспитаніе готовитъ организмъ къ воспитанію психическому. Оно развиваетъ въ ребенкѣ ту наблюдательность, которая такъ

необходима въ современной культурной жизни. „Монтессори убѣждена, что, лишь овладѣвъ методомъ наблюденія, человѣкъ можетъ продолжать дѣло прогресса". Воспитаніе чувствъ важно не только для практической жизни, но оно необходимо и для эстетическаго и нравственнаго воспитанія. Лишь утончивъ наши органы чувствъ, мы можемъ чувствовать ту эстетическую гармонію природы, искусства, которая не существуетъ для человѣка съ грубыми чувствами. Для послѣдняго нужны сильныя ощущенія, такъ какъ тонкія имъ не воспринимаются.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ методахъ, при помощи которыхъ Монтессори достигаетъ цѣли — воспитанія чувствъ. Это такъ называемый „дидактическій матеріалъ". Онъ разнообразенъ и умно задуманъ. Есть спеціальныя упражненія для различенія величины, цвѣтовъ, формъ и пр. Особые приборы – игры подобраны для воспитанія зрѣнія, слуха, мускульнаго чувства и т. д. Здѣсь все и ново и оригинально. Отмѣтимъ чрезвычайно интересный методъ обученія чтенію и письму, своеобразные методы обученія счету и пр.

И вездѣ прежняя единственно активная въ классѣ сила — учитель — отходитъ на задній планъ. Здѣсь не столько воспитываютъ дѣтей, сколько эти послѣднія сами себя воспитываютъ. Здѣсь нѣтъ учителя, говоритъ Монтессори, а есть только руководитель, онъ сталъ пассивной силой, безмолвнымъ наблюдателемъ.

По заявленію Монтессори, „Домъ ребенка" явно производитъ на всѣхъ окружающихъ какое-то особое психическое воздѣйствіе, даже на случайныхъ посѣтителей. „Я видѣла людей дѣловыхъ, политическихъ дѣятелей, постоянно занятыхъ и утомленныхъ. У насъ всѣ они словно сбрасывали съ себя гнетъ своихъ обязанностей и, забывая все постороннее, погружались въ нашъ міръ радости и тишины. Ихъ глубоко трогаетъ видъ человѣческой души, раскрывавшейся на свободѣ во всей своей истинной природѣ. Вотъ почему, мнѣ кажется, нашихъ дѣтей называютъ чудесными дѣтьми, счастливыми дѣтьми, дѣтствомъ человѣчества болѣе высокой стадіи развитія, чѣмъ наша".

* * *

Система Монтессори была встрѣчена во многихъ странахъ съ энтузіазмомъ. Въ Россіи къ ней отнеслись болѣе сдержанно, тѣмъ не менѣе, почти всѣ педагогическіе журналы помѣстили статьи о ней. Кромѣ того, рядъ извѣстныхъ русскихъ педагоговъ посѣтилъ Римъ и „Дома ребенка"; появилось нѣсколько брошюръ съ описаніемъ домовъ и изложеніемъ теоріи новаго воспитанія. Таковы книги г-жъ Ю. И. Фаусекъ, Нат. Лубенецъ, Т. Л. Сухотиной, Е. И. Тихѣевой, Н. Багатуровой. Въ книгѣ П. П. Блонскаго „Введеніе въ дошкольное воспитаніе" Монтессори отведена особая глава.

Книга Ю. И. Фаусекъ „Мѣсяцъ въ Римѣ" въ „Домахъ Дѣтей" Маріи Монтессори написана на основаніи собственныхъ наблюденій автора и даетъ поэтому яркую картину жизни нѣсколькихъ „Домовъ ребенка". Изъ имѣющихся на русскомъ языкѣ описаній это наиболѣе полное и интересное. Цѣнны критическія замѣчанія автора — педагога, много работавшаго въ данной области и организовавшаго въ Россіи одинъ изъ первыхъ дѣтскихъ садовъ по системѣ, близкой къ системѣ Монтес-

сори. Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы дополнить и сдѣлать болѣе конкретнымъ свое представленіе о работѣ въ „Домахъ ребенка", лучшей книги нельзя найти. Отмѣтимъ лишь, что изложеніе порою мало объективно, восторженно и многія сомнительныя стороны въ системѣ Монтессори не разсматриваются авторомъ. Это чувствуетъ и сама Ю. И. Фаусекъ, оговариваясь въ предисловіи и объясняя это своимъ пристрастіемъ къ Италіи, Риму. Но и въ книгѣ такъ много фактовъ, что читатель всегда сможетъ самъ разобраться и оцѣнить ихъ такъ или иначе.

Далеко не такъ горячо относится къ „Домамъ ребенка" г-жа Е. Тихѣева, также побывавшая въ Римѣ. Не являясь противницей идей Монтессори, она, на основаніи личныхъ наблюденій, утверждаетъ, что эти идеи въ домахъ ребенка далеко не осуществлены. Дома эти представляются г-жѣ Тихѣевой типичными школами, скроенными на новый ладъ, „но изъ стараго матеріала", — съ переполненными классами, неподвижными ребятами, дисциплиной, сковавшей чуть ли не младенцевъ, съ всесильнымъ „матеріаломъ", замѣнившимъ собой всесильную книгу. Конечно, наблюденія г-жи Тихѣевой были очень кратковременны, четырехъ посѣщеній — по одному на каждый „Домъ" — слишкомъ мало и очень вѣроятно, что отъ многихъ выводовъ ей дѣйствительно придется отказаться, однако, на ряду съ книгой г-жи Фаусекъ полезны, какъ нѣкоторый коррективъ къ слишкомъ восторженной ея оцѣнкѣ.

Живое изложеніе, но почти безъ всякихъ критическихъ замѣчаній новой педагогической системы даетъ и г-жа Сухотина. Для лицъ, читавшихъ книгу Монтессори, новаго здѣсь будетъ очень мало. Книга г-жи Сухотиной — хорошій рефератъ, который до нѣкоторой степени можетъ замѣнить чтеніе оригинала.

Критическая оцѣнка идей Монтессори дана въ книгѣ г-жи Лубенецъ и въ курсѣ г-на Блонскаго. Г. Лубенецъ излагаетъ систему Фребеля, сравниваетъ съ ней систему Монтессори и приходитъ къ выводу, что большинство идей перваго принимается послѣдней. По ея мнѣнію, „Фребель и Монтессори не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга". Г. Блонскій дѣлаетъ нѣсколько возраженій теоретическаго характера. Онъ находитъ, что параллель между отсталымъ и нормальнымъ ребенкомъ у Монтессори мало доказательна; онъ находитъ, что нѣтъ нужды въ добавочномъ искусственномъ развитіи органовъ чувствъ, такъ какъ „наша нормальная способность различенія ощущеній уже и сейчасъ безусловно превышаетъ дѣйствительную жизненную потребность; недоумѣніе вызываетъ и то, какъ могутъ совмѣститься у Монтессори свобода ребенка и дисциплина съ ея уроками мистической тишины" и т. д. Замѣтимъ, что эта глава изъ курса Блонскаго о Монтессори заслуживаетъ быть отмѣченной, какъ ясное, толковое и объективное изложеніе данной системы. Критическія замѣчанія автора, однако, мало обоснованы.

Въ заключеніе укажемъ на книгу г-жи Багатуровой: „Монтессори и новый способъ обученія грамотѣ". Г. Багатурова излагаетъ методъ Монтессори, опираясь на свой собственный опытъ. Къ книжкѣ приложенъ алфавитъ наждачныхъ русскихъ буквъ, т. н. „Азбука Монтессори".

А. Пинкевичъ.

* * *

Гумилевъ. *Колчанъ. Стихи.* Изд. „Гиперборей“. Пгр. 1916 г., стр. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Стихи Гумилева очень недурно ѣланы — объ этомъ говорить изшне. Выученикъ г. Брюсова съ ой стороны достаточно себя заремендовалъ прежними своими кними. Есть, впрочемъ, и смѣхотворlе lapsus'ы, вродѣ:

Марія держитъ сына своего
'дряваго, съ румянцемъ благо-
родным ъ;

ıи: „дама съ грудью выдающейся“; ıи „истлѣвающія“ цимбалы (инрументъ, какъ извѣстно, метал-ıческій) и пр.

Все это, въ концѣ концовъ, не такъ зъ и важно. Зато какое великолѣе, какое ослѣпительное богатство званій, знаменитыхъ мѣстъ всего ра, прекрасныхъ словъ и велиıхъ именъ разсыпано по всей игѣ! Кажется, нѣтъ ни единаго ихотворенія, въ которомъ не бы- бы серафимовъ, музъ, архангевъ, италійскихъ городовъ и друхъ эстетическихъ украшеній! Веція, Фра Беато Анджелика, Римъ, иза, Юдиѳь, Персей, Падуанскій боръ, Африканская ночь, Генуя, итайская дѣвушка — это все тольназванія отдѣльныхъ стиховъ алеко не всѣхъ!), а что въ сахъ стихахъ!..

О, янтарный мраморъ Сіены —
молочно-бѣлый Каррары!..
Ненасытная страсть Содомы —
голодный вопль Уголино!..
(стр. 27)

И ликъ Мадоны вдохновенный
храмъ Святого Петра!.. (стр. 22)

Ты, для кого искалъ я на Левантѣ
этлѣнный пурпуръ Королевскихъ мантій,
проигралъ тебя, какъ Дамаянти
эгда-то проигралъ безумный Наль. (?) (стр. 24)

Какой мудрѣйшею изъ мудрыхъ
пиеій
Повѣданъ будетъ намъ велицемѣрный
Разсказъ объ іудеянкѣ Юдиѳи
О вавилонянинѣ Олофернѣ? (стр. 29)

и т. д. и т. д. — словомъ, почти вся книга столь шикарна, что она можетъ уступить въ богатствѣ развѣ только Игорю Сѣверянину.

Говорю — почти вся книга потому, что часть стиховъ относится къ русской современности — къ войнѣ.

Можно весьма откровенно разсказать о своей дырѣ въ душѣ — это блестяще сдѣлалъ Гумилевъ своими блестящими стихами. Но говорить въ такомъ же тонѣ о войнѣ — это выше всякой мѣры! Вѣдь война — не „молочно-бѣлый мраморъ Каррары“, вѣдь тамъ люди умираютъ.

... И воистину свѣтло и свято
Дѣло величавое войны,
Серафимы ясны и крылаты,
За плечами воиновъ видны.
Тружениковъ, медленно идущихъ,
На поляхъ, омоченныхъ въ крови,
Подвигъ сѣющихъ и славу жнущихъ,
Нынѣ, Господи, благослови...
(стр. 9)

... Мы четвертый день наступаемъ,
Мы не ѣли четыре дня,
Но не надо яства земного...
... Оттого, что Господне слово
Лучше хлѣба питаетъ насъ,
И залитыя кровью недѣли
Ослѣпительны и легки... (стр. 55)

Какая идиллія!

Н. Венгровъ.

Рюрикъ Ивневъ. *Самосожженіе.* Кн. I. Листъ 3. Изд. „Очарованный Странникъ“. Стр. 16. Цѣна 35 к.

Стихи Ивнева — это изступленная, стремящаяся дойти до послѣдней обнаженности исповѣдь „искалѣченной“, „полоумной“, обезумѣвшей отъ сознанія своей мерзости души — „сознаніе въ своей гадкости“...

... „Бейте, бейте желѣзомъ, за дѣло! Чей ударъ сильнѣе, тому поклонъ, покаянье!“

За что?

И поэтъ кричитъ объ этомъ съ какой-то изступленной радостью почти въ каждомъ стихотвореніи: за то, что „кривлю душой“ и „душно отъ мыслей нехорошихъ“; за то, что

...„Сюсюкая, пришептывая, сантиментальничая,
Подъ видомъ сострадательнаго добряка
Стою надъ трупомъ собаки раздавленной“...;
За то, что душа „грязная и рыхлая“,
„Неправильно поставленная“;
За то, что она „исполосана трусливой ложью“

и т. д. и т. д.

И ему

...„Стыдно смотрѣть на воду и сушу,
Горько смотрѣть на цвѣты и лѣсъ“...

И „такъ мучительно хочется пройтись раздѣтымъ, плача, ударяя себя и крестясь“...

Поэтъ истязуетъ себя своей исповѣдью, бьетъ себя по щекамъ и для него

„Горькая радость въ оскорбленьи,
Въ ударѣ, въ визгѣ, въ плачѣ кнута“.

„Мучительно хочу исправиться“ — и это исправленіе — черезъ ударъ:

...„Если буду лучше отъ злобнаго смѣха,
Если стану чище отъ удара кнута —
Сильнѣе надъ сердцемъ, надъ грязной прорѣхой,
Издѣвайтесь, смѣйтесь до пѣны у рта“

Исповѣдь Ивнева — это нѣчто отъ карамазовщины, передоновщины. И если стихи его еще не всѣ убѣдительны до конца, то, какъ явленіе, они характерны и чрезвычайно показательны для нашего „сегодня“.

Н. Венгровъ.

К. Бальмонтъ. *Поэзія какъ волшебство.* К-во „Скорпіонъ“. Москва. 1916 г. Ц. 80 к.

...„Міръ есть всегласная музыка“...

... „Поэзія есть внутренняя (міровая А. С.) музыка, внѣшне выраженная размѣренной рѣчью“...

Звуковыя волны стиха взяты нами изъ довременныхъ ритмовъ природы, таково, напримѣръ, — ритмическое чередованіе морскихъ волнъ.

... „Стихъ напоминаетъ человѣку о томъ, что онъ (подобно волнѣ А. С.) безсмертный сынъ Солнца и Океана“.

Такова, по мнѣнію Бальмонта, природа человѣческой рѣчи, и главное рѣчи размѣрной, т. е. — поэзіи. Будучи порожденіемъ глубочайшихъ процессовъ природы, отраженныхъ въ человѣкѣ, поэзія имѣетъ въ то же время повелѣвающую, волшебную власть надъ природой. Достаточно вспомнить о заклинаніяхъ, заговорахъ, рунахъ и всей вообще магіи словъ, столь знакомой первобытнымъ народамъ и олицетворенной въ такихъ могучихъ образахъ, какъ Брингильда — Эдды, и Вэйнамэйненъ—финской Калевалы

Слово способно творить чудеса· а это возможно только при томъ — что оно само по себѣ — чудо.

... „Слово есть чудо, а въ чудѣ волшебно все, что его составляетъ“. Составляютъ слово — звуки; — они тоже — волшебны.

Бальмонтъ доказываетъ это звуковымъ анализомъ азбуки, иллюстрируя эмоціональные оттѣнки отдѣльныхъ звуковъ рѣчи — прекрасными поэтическими примѣрами.

Анализъ этотъ—самое интересное и остроумное, что есть въ брошюрѣ. Разбираясь съ большимъ знаніемъ и вкусомъ въ звуковой природѣ человѣческаго слова, авторъ, для себя лично, упускаетъ изъ виду одно изъ существенныхъ условій словеснаго „волшебства“ — а именно — простоту. Отъ этого его интересная книга, написанная приподнятымъ вычурнымъ языкомъ, много проигрываетъ въ искренности и непосредственности.

А. Н. С.

Слово. Сборникъ пятый. *Ив. Бунинъ.* Господинъ изъ Санъ-Франциско. *Бор. Зайцевъ.* Маша. *И. Сургучевъ.* Мельница. *Н. Тимковскій.* Неугасимая. *К. Треневъ.* По тихой

водѣ. *Ив. Шмелевъ.* На большой дорогѣ. К-во писателей. М. 1915. 288 стр. Ц. 1 р. 75. к.

Въ отличiе отъ другихъ литературныхъ сборниковъ московскiе альманахи „Слово“ объединены единствомъ литературнаго направленiя — въ нихъ почти исключительно помѣщаются произведенiя такихъ представителей новаго реализма, какъ И. Бунинъ, Ив. Шмелевъ, Б. Зайцевъ, А. Н. Толстой и др. Поэтому, каждая новая книга „Слова“ весьма интересна, являсь, до нѣкоторой степени, показателемъ тѣхъ достиженiй, которыя дѣлаетъ это направленiе. И въ высшей степени характерно, что все больше и больше привлекаютъ эти сборники вниманiе, все опредѣленнѣе выдвигаются они на первое мѣсто среди другихъ альманаховъ.

Пятый сборникъ заключаетъ въ себѣ произведенiя Сургучева, Бунина, Тренева, Зайцева, Тимковскаго, Шмелева. Среди нихъ, безспорно, наиболѣе значительнымъ является разсказъ И. Бунина — „Господинъ изъ Санъ-Франциско“. Фабула разсказа очень несложна. Безымянный „господинъ изъ Санъ-Франциско“, повидимому, милліонеръ, одинъ изъ тѣхъ, кто посвятилъ свою жизнь одной идеѣ — накопленiю денегъ и сумѣлъ достичь цѣли, рѣшилъ отдохнуть и поѣхать въ Старый Свѣтъ „единственно для развлеченiя“ на цѣлыхъ два года. Онъ переѣзжаетъ океанъ на знаменитой „Атлантидѣ“, посѣщаетъ Италiю, Неаполь, Капри, гдѣ внезапно умираетъ. Отсюда везутъ его обратно въ Новый Свѣтъ. Вотъ и все. Но не въ фабулѣ дѣло. Значительность разсказа въ изображенiи, въ удивительно сжатомъ, насыщенномъ образами описанiи „Атлантиды“, Неаполя, Капри. Особенно ярко изображенiе океанскаго парохода. Читаешь это блестящее описанiе, видишь этотъ великолѣпный, похожiй „на самый дорогой европейскiй отель со всѣми удобствами, съ ночнымъ баромъ, съ восточными банями, съ собственной газетой“ пароходъ, видишь его обитателей — однихъ, погруженныхъ въ сосредоточенное и утонченное служенiе своему тѣлу, другихъ, — мерзнущихъ на вахтенной вышкѣ или обливающихся потомъ у топокъ, и начинаешь чувствовать большой и глубокiй символъ, органически заключенный въ этомъ изображенiи, и невольно думаешь о томъ, что не пароходъ описывается художникомъ, а весь нашъ соцiальный строй, вся наша культура нашла здѣсь изумительно сжатое и сильное отраженiе. Прямо поразительно совершенство формы, котораго достигаетъ въ разсказѣ авторъ. Его стиль строгъ, мужественъ и сжатъ, это поистинѣ однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ въ современной литературѣ.

Самое большое по размѣрамъ произведенiе принадлежитъ И. Сургучеву — повѣсть „Мельница“. Она не окончена и говорить о ней, въ сущности, преждевременно. Это настоящая бытовая повѣсть, интересно задуманная. Авторъ знаетъ то, о чемъ онъ пишетъ, и тамъ, гдѣ онъ пишетъ, не мудрствуя лукаво, его разсказъ сочень и крѣпокъ. Къ сожалѣнiю, такихъ мѣстъ въ повѣсти немного. Слишкомъ часто автору кажется недостаточнымъ простое изображенiе, и онъ тогда начинаетъ „углублять“ свое описанiе. Эта нарочитость, сочиненность „психологiи“ чрезвычайно расхолаживаетъ читателя. Эти неискреннiя сравненiя тишины съ некрасивой дѣвушкой, „волосами которой не хочетъ (?) пошевелить даже (?) вѣтеръ“, вечера со скучнымъ старикомъ, „который торговалъ казанскимъ мыломъ или занимался адвокатскимъ дѣломъ“, эти авторскiя сообщенiя о психологiи героевъ, а не изображенiе ея въ дѣйствiи, разводятъ вино таланта Сургучева самой подлинной водой.

Блѣдна повѣсть Зайцева, какъ-то досадно тускло и порою прямо нехорошо написана она. Непрiятно читать у Зайцева такiя строки: „Здѣсь онъ занялся хлѣбопашествомъ и дѣторожденiемъ“; „не-

смотря на здоровье и цвѣтущій видъ, въ ней стала появляться застѣнчивость и смущеніе съ молодыми мужчинами" и др.

Красочно и живо сдѣланъ очеркъ Тренева; отъ подлинныхъ наблюденій идетъ авторъ, подлинная жизнь въ образахъ его. Можетъ быть, очеркъ выигралъ бы, если бы онъ былъ написанъ болѣе сжато; теперь ему вредитъ нѣкоторая растянутость.

Такъ же реалистически тонко написанъ разсказъ И. Шмелева. Какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, такъ и здѣсь Шмелевъ проникновеннымъ изображеніемъ мелочей быта достигаетъ созданія жизненнаго и четкаго образа.

Въ общемъ, все же московскій сборникъ далъ на этотъ разъ меньше, чѣмъ обычно. Позиція, занятая его руководителями, очень отвѣтственна, и хотѣлось бы видѣть въ немъ лучшія произведенія нашего возрождающагося реализма.

Ад. Б.

„Земля". *Сборникъ XVII.*

Нѣтъ ничего печальнѣй судьбы литературныхъ сборниковъ, возникшихъ въ застойную, унылую пору 1907—1908 годовъ.

Читатели, дружно объединившіеся тогда вокругъ нихъ, мало-по-малу отходили, таяли, а сейчасъ ихъ почти нѣтъ и интересъ къ этимъ сборникамъ, видимо, окончательно пропалъ. Участники же и составители этихъ сборниковъ или не сознаютъ своего полнаго одиночества или сознаютъ, но не хотятъ въ этомъ признаться.

Вотъ новый, 17 сб. „Земля". Незыблемымъ колоссомъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ М. Арцыбашевъ — „Женщина, стоящая посреди". Тема этой повѣсти—добросовѣстный перепѣвъ всѣхъ предыдущихъ повѣстей и романовъ того же автора.

„Мы всѣ прекрасно знаемъ,— резонерствуетъ нѣкій „свободолюбивый" индѣецъ Высоцкій, — что никто изъ насъ не питаетъ ни малѣйшаго уваженія къ женщинѣ. Мы всѣ ихъ считаемъ развратными, лживыми и доступными.

Мужчина презираетъ женщину, но преслѣдуетъ ее, какъ совершеннѣйшее орудіе наслажденія"...

„Женщина-товарищъ намъ не только не нужна, но даже враждебна, ибо конечная мечта мужчины — женщина-раба, покорная ласкамъ и не стѣсняющая его свободу ни въ чемъ. Чистыя дѣвушки дороги намъ только тѣмъ, что ихъ еще можно лишить невинности".

Эти открытія сдѣланы г. Арцыбашевымъ, какъ извѣстно, еще въ „Санинѣ", затѣмъ устами героевъ всѣхъ послѣдующихъ произведеній сіе глубокомысліе развивается на всякіе лады.

Мы оставляемъ въ сторонѣ т. н. художественную цѣнность этой новой повѣсти. Какъ по своему построенію, такъ и по исполненію — „Женщина, стоящая посреди" настолько сѣрое, многословное, чисто бульварное твореніе, что къ нему не слѣдуетъ и приступать съ художественнымъ критеріемъ. Всѣ герои и героини — отъ главныхъ до второстепенныхъ — кажутся цѣликомъ взятыми сюда частью изъ „Санина", частью изъ романа „У послѣдней черты", „Исторія одной женщины" и др. Такими повѣстями, какъ „Женщина, стоящая посреди", трудно создать себѣ нерукотворный памятникъ.

Сознаетъ ли авторъ, что его изображеніе провинціальнаго общества вызываетъ только улыбку? Волна „свободной" любви давно схлынула (да и была ли она такъ сильна?). Жизнь въ провинціальныхъ городахъ за послѣдніе годы выровнялась, отстоялась и отлилась въ формы самой разнообразной дѣятельности. Отсюда понятна та пропасть, которая теперь отдѣляетъ „свободолюбивыхъ" писателей отъ массоваго жизнедѣятельнаго читателя. Быть можетъ, сборники въ родѣ „Земли" и имѣютъ сбытъ, какъ выгодное послѣобѣденное чтеніе, но всякая духовная связь ихъ съ читателемъ навсегда порвана.

„Волжскія сказки" Евг. Чири-

кова, помѣщенныя въ сборникѣ, — много выигрываютъ отъ сосѣдства съ арцыбашевской „философіей". Зато совсѣмъ непонятенъ помѣщенный въ сборникѣ послѣднимъ разсказъ И. Рукавишникова „Убійство". Это какой-то нарочитый, торжественно-мрачный экстрактъ формъ и настроеній, взятыхъ изъ Ремизова, Сологуба, А. Бѣлаго, Пришвина, отчасти и Андреева.

Въ общемъ, сборникъ производитъ унылое, безотрадное впечатлѣніе. Да будетъ ему легкой земля!

Д. Волковъ.

Юрій Слезкинъ. *„Глупое сердце"*. Разсказы. Изд. книжн. маг. бывш. М. В. Попова. Петроградъ.

Отъ этой книги вѣетъ холодкомъ ремесла. Въ прежнихъ книгахъ Юрія Слезкина было несомнѣнное искусство, въ нынѣшней — шестой по счету — одна лишь искусственность, хорошая поддѣлка подъ хорошую литературу. Не то плохо, что чтеніе послѣднихъ его разсказовъ вызываетъ въ сознаніи знакомые, когда-то волновавшіе образы, и раньше гдѣ-то слышанныя рѣчи. Нѣтъ въ нихъ живой души, того внутренняго горѣнія, которое одно только и придаетъ произведенію искусства убѣдительность, яркость, заразительность. Безъ такого горѣнія ни занимательность сюжета, ни великолѣпіе стиля, никакія вообще внѣшнія достоинства не спасутъ автора отъ читательскаго безразличія. Въ лучшемъ случаѣ холодное творчество даетъ красивыя, но мертвыя формы; ими любуются, оставаясь глубоко равнодушными; въ худшемъ — ремесленныя произведенія, нерѣдко тонкія и технически совершенныя, но никому (кромѣ автора) ненужныя. Слезкину грозятъ обѣ эти опасности, и послѣдняя чаще, чѣмъ первая.

Заброшенный городокъ, пронизанный унылой тоской; мчатся мимо поѣзда, вѣстники иной, „настоящей" жизни и одинокіе люди, бродя по желѣзнодорожной насыпи, повторяютъ знакомыя (мы помнимъ, гдѣ мы слышали ихъ) слова:

— Мы уѣдемъ, о! мы скоро уѣдемъ отсюда. Это будетъ такое счастье!... („Н а с ы п ь".)

Разсказецъ этотъ — милая (хотя блѣдноватая) копія яркой, до Слезкина нарисованной картины. Онъ испорченъ пристрастіемъ автора къ „трагическому" (въ кавычкахъ). Мечтательницѣ, рвавшейся къ иной жизни („въ Москву, въ Москву"!) — отрѣзало поѣздомъ обѣ ноги и, конечно, она лежала въ „глубокомъ" (еще бы!) обморокѣ, „окровавленная", „съ отрубленными по колѣни ногами" — и, при воспоминаніи объ этой исторіи, у разсказчика „стынетъ кровь въ жилахъ". Ахъ, эта кровь, стынущая въ жилахъ автора! Какъ она неубѣдительна! Не лучше ли писать такъ, чтобы меньше было словъ о страданіи, и больше подлиннаго страданія! Беллетристъ клянется: ужасъ, ужасъ! — а читатель, кромѣ словъ объ ужасѣ, ничего передъ собой не видитъ Желая, напр., повѣдать намъ исторію знатной аристократки — m-lle Иренъ-де-ла-Гизъ („Нищенка"), которая полюбила своего лакея и, опозоренная, докатилась вмѣстѣ съ нимъ до самаго „дна", г. Слезкинъ предупреждаетъ, что эта — „странная, жуткая исторія", но увы! — обѣщанія не сдерживаетъ. Жуткаго въ „Нищенкѣ" маловато, страннаго (послѣ того, что мы знаемъ о женщинѣ и вообще о человѣкѣ) — тоже не много. При этомъ авторъ показываетъ намъ удивительнаго калѣку, который не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ, но зато писалъ ж и в о т о м ъ. Къ сожалѣнію, и этому рѣдкому экземпляру не удалось выручить г. Слезкина. „Нищенка" — блѣдна, невыразительна, несмотря на цвѣтистость словъ и экзотику красокъ.

Дѣло здѣсь не въ недостаточной талантливости Юрія Слезкина, но въ томъ, что онъ не холоденъ и не горячъ, равнодушенъ къ своимъ темамъ и своимъ героямъ, не живетъ ихъ радостями и скорбями, а всего только литераторствуетъ, какъ это дѣлаютъ сотни поэтовъ и беллетристовъ на-

шихъ дней. Изображаетъ ли Слезкинъ m-lle Иренъ-де-ла-Гизъ, или загадочнаго тапера, трагически влюбленнаго въ проститутку („Таперъ"), говоритъ ли объ интеллигентѣ, твердящемъ что-то несуразное о Богѣ, небѣ и мужикѣ („Пыль"), или повѣствуетъ о трогательной любви некрасивой дѣвушки, которая подъ покровомъ темноты похитила не ей предназначавшіяся ласки влюбленнаго юноши, („Полина Печальная") — онъ неизмѣнно остается равнодушнымъ и благодушнымъ. „Удачно сработано", „хорошо сдѣлано" — хочется сказать про эти разсказы, обильно, снабженные эпиграфами. Эпиграфъ изъ Эдгара По, эпиграфъ изъ Достоевскаго, эпиграфъ изъ М. Кузьмина, romance въ качествѣ эпиграфа, — какъ будто эпиграфъ можетъ создать глубину и значительность тамъ, гдѣ никакихъ глубинъ не имѣется.

Но авторъ — талантливъ, и потому, все-таки, книга занимательна. Есть въ ней даже совсѣмъ хорошая вещица — „Глупое сердце" — разсказъ о трехъ жалкихъ и милыхъ „чеховскихъ" сестрахъ, жестоко обиженныхъ роднымъ братомъ. Но и на этомъ разсказѣ лежатъ отблески свѣта заемнаго, слышна въ немъ музыка чужой души, Общее же впечатлѣніе, оставляемое книгой, далеко не высокое. Она возбуждаетъ грустныя мысли о томъ, какъ быстро у насъ обезцвѣчиваются молодыя и, нерѣдко, большія дарованія. Успѣхъ-ли кружитъ голову, или здѣсь сказываются болѣе общія свойства нашей культуры (точнѣе — некультурности), но часто свѣжая кисть художника превращается въ скоропишущую машину, и надъ вчерашней надеждой литературы спѣшно воздвигается многотомный мавзолей изъ печатной бумаги.

Вяч. Полонскій.

„Война и культура". Серія брошюръ, издаваемая Исторической комиссіей при уч. отд. О. Р. Т. З. *А. И. Содомовъ.* Славяне, ихъ прошлое и настоящее — ц. 18 к.; Сербія — ц. 18 к.; Черногорія — ц. 10 к.; Болгарія — ц. 15 к.; Чехія — ц. 15 к. *А. К. Дживелеговъ.* Нѣмецкая культура и война — ц. 18 к. *Н. А. Кунъ,* Магометъ и магометанство — ц. 15 к. *Е. Елеонская.* Турція — ц. 12 к. *С. Наркирьеръ.* Египетъ — ц. 15 к. Москва 1915 г.

Эта серія, по словамъ издательства, — „ставитъ своей задачей дать широкимъ массамъ рядъ недорогихъ и доступныхъ по языку и содержанію книжекъ, въ которыхъ можно было бы найти отклики на всѣ событія текущаго момента".

Задача очень почтенная, и при серьезномъ, добросовѣстномъ къ ней отношеніи ея начинатели заслуживаютъ полнаго одобренія.

Однако, задача эта не изъ легкихъ, особенно въ наше время, когда общественные вопросы, и въ первую очередь вопросы объ отношеніяхъ къ разнымъ государствамъ и національностямъ, стоятъ чрезвычайно въ острой формѣ и требуютъ большой осторожности отъ авторовъ, приступающихъ къ ихъ разрѣшенію. Легко увлечься субъективными симпатіями и антипатіями и преподнести читателю вмѣсто исторической правды свои субъективныя сужденія.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые авторы перечисленныхъ брошюръ этого грѣха не избѣгли. Г. Содомовъ значительно искажаетъ факты, когда утверждаетъ, что — „лучшіе люди между ними (славянами И. Ф.) мечтаютъ о томъ времени, когда всему славянству можно будетъ слиться въ одно цѣлое, въ одинъ великій народъ" (1-я бр. стр. 56). Утвержденіе, несомнѣнно, говоритъ о мечтѣ реальной, дѣйственной, а въ дѣйствіи по славянскому единенію мы пока видимъ лишь доблестныя фигуры Бобринскихъ, Башмаковыхъ, Дмовскихъ и др., которые современниками врядъ ли могутъ быть причислены къ лику „лучшихъ людей". Ссылка же автора на манифестъ Верховнаго Главнокомандующаго въ началѣ войны къ полякамъ и австро-венгерскимъ народамъ отнюдь не до-

казываетъ объективной исторической возможности всеславянскаго единенія. Исторія славянства, изложенная авторомъ на 58 стр. небольшаго формата, даже въ его до нелѣпости краткомъ сообщеніи, говоритъ совершенно противоположное авторскому чувству и утверждаетъ для славянскихъ государствъ и народностей пути свои, самобытные, и пока не въ направленіи, желательномъ автору. Не удержался на позиціи строгой объективности и А. Джвелеговъ, взявшій на себя особенно жгучую тему о „нѣмецкой культурѣ". Подъ соусомъ, для демократическаго сердца достаточно пріятнымъ, онъ преподноситъ читателю изъ народа вмѣсто исторической истины опять-таки сужденія, окрашенныя плохо обоснованнымъ субъективизмомъ. Вотъ какъ онъ говоритъ:

„Въ ней (нѣмецкой культурѣ И. Ф.) творчество играетъ самую ничтожную роль, и механическая комбинація (!) чужихъ идей и гигантское напряженіе простой рабочей энергіи — все. Народная душа, изсушенная дисциплиной, не освѣженная порывами бунта, теряетъ творческія силы"... (59) „Освобожденные отъ дисциплины, нѣмцы оказались элементарно нечестны, вопіюще не культурны, лишены малѣйшихъ признаковъ внутренней порядочности. Когда будетъ объявлено, что дисциплина возстановлена... звѣриный оскалъ снова смѣнится пріятной улыбкой" (60 с.).

Не напоминаютъ ли читателю эти выпады извѣстнаго историка и публициста многое изъ того, что появлялось на страницахъ газетной прессы въ первые дни шовинистическаго возбужденія, которому такъ легко поддались газетные умы?

Недочетовъ субъективнаго отношенія къ исторической правдѣ у авторовъ означенныхъ брошюръ, къ сожалѣнію, немало. Мы, конечно, лишены возможности въ короткой рецензіи перечислить ихъ съ достаточной полнотой. Но они крайне непріятны, и книжки много бы выиграли, еслибъ обходились безъ отраженій авторскихъ чувствъ. Такъ дѣлаетъ г-жа Елеонская — ея книжка о Турціи положительно хороша и достигаетъ цѣли. А цѣль-то этихъ брошюръ, въ сущности, простая — ознакомить читателя съ политической географіей страны и народовъ. И поскольку авторы пишутъ въ этихъ предѣлахъ, — ихъ брошюры хороши. Правда, языкъ далеко не у всѣхъ простъ и доступенъ — приведенная выше цитата Джвелегова врядъ ли удобоварима для читателя изъ народа. Другіе авторы говорятъ проще, и это большое достоинство ихъ работъ. Изданы книжки прекрасно, хотя цѣны „для народа" нельзя считать дешевыми. Жаль, что издательство не озаботилось приложить къ брошюрамъ соотвѣтствующія географическія карты.

И. Флеровскій.

В. В. Розановъ. *„Война 1914 г. и Русское Возрожденіе".* **Петроградъ, 1915 г.**

Насъ соблазнило заглавіе книжки. „Возрожденіе" — какая волнующая тема! И, вѣроятно, вотъ-вотъ осуществимая, потому что не станетъ же искушеннѣйшій В. В. Розановъ перестраивать свою „замирающую" лиру на новый ладъ. Еще недавно онъ признавался, что ему „все равно", „на все наплевать", что ему „спать хочется", а тутъ, вдругъ, нѣкое новое повтореніе пьесы, разыгранной десять лѣтъ назадъ. Новое возрожденіе! Ужъ не вновь ли думаетъ „уходить начальство"? То-то бы заиграло, заискрилось розановское перо? И опять, какъ десять лѣтъ назадъ, — вновь стала бы ему близкой Гекуба, до которой въ обычное время Розанову, конечно, никакого дѣла нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: что ему Гекуба?

Но вотъ — война, новое потрясеніе, быть можетъ, новый ураганъ — и В. В. Розановъ тутъ какъ тутъ: спѣшитъ, суетится, что-то доказываетъ, о чемъ-то хлопочетъ. Ужъ не знаменіе ли это времени? Неужто опять мертвые воскресаютъ? И мы съ любопытствомъ развернули

книжку. Съ первыхъ страничекъ на насъ повѣяло давно позабытымъ оживленіемъ, похожимъ на оживленіе эпохи, „когда начальство ушло". Такъ же, какъ и тогда, „что-то неописуемое дѣлается вездѣ", „что-то неописуемое чувствуется въ себѣ и вокругъ". „Какой-то приливъ молодости". „На улицахъ народъ моложе сталъ"... „И вотъ бьются наши сердца тревогою, готовностью и героизмомъ"... и т. д. и т. д. Но все это только на первыхъ страничкахъ. Дальше насъ ожидало разочарованіе. „Книга" — на дѣлѣ оказалась сборникомъ маленькихъ газетныхъ статеекъ о томъ, что дѣлалось на улицахъ въ первые дни объявленія войны, о германскихъ звѣрствахъ, о Польшѣ и Червонной Руси, о нѣмцахъ, еще о нѣмцахъ и еще разъ о нѣмцахъ — и все это въ казенно-приподнятомъ тонѣ, на уровнѣ обычнаго патріотическаго фельетона. „Розанова" въ этихъ фельетонахъ не видно ни капельки. Такъ могли бы писать и М. О. Меньшиковъ, и г. Анатолій Бурнакинъ,— и даже лучше, чѣмъ г. Розановъ.

Съ жадностью искалъ я: гдѣ же это долго жданное наше „возрожденіе"? Но когда, наконецъ, нашелъ его... увы! не поздоровится Россіи отъ этого возрожденія. Заключается оно, попросту, въ стремительномъ маршѣ назадъ, на востокъ. Ex oriente lux! Съ востока свѣтъ! Переживаемая война понимается г. В. В. Розановымъ, какъ крахъ европейской культуры; для него неоспоримо — затѣмъ, что „крахъ" этотъ означаетъ торжество русскаго славянофильства. Вотъ, мечтаетъ онъ, наступятъ скоро чудные дни, когда изъ гробовъ возстанутъ Хомяковъ, Кирѣевскіе. Аксаковы, Леонтьевъ, Данилевскій и др. и зададутъ тонъ міровой исторіи. „Европу спасать" — на меньшемъ не мирится г. В. В. Розановъ. Онъ называетъ тѣни славянофиловъ „забытыми и *нынѣ оправданными*". А для вящшей убѣдительности ссылается на мнѣніе С. Н. Булгакова, „профессора политической экономіи, знатока революціонныхъ движеній въ Европѣ, члена 2-й нашей Думы, автора серіи крупныхъ книгъ". Вотъ онъ — „ученый папа" новаго русскаго возрожденія!.. И г. Розановъ азартно рекомендуетъ читать и учиться у этихъ, сданныхъ въ архивъ исторіи, учителей россійскаго „назадничества" (да позволено намъ будетъ такъ переиначить слово Ламанскаго).

Предоставимъ В. В. Розанову и его единомышленникамъ возлагать надежды на мертвыхъ.

Интереснѣе другихъ статья „изъ арміи и возлѣ арміи". Составилась она изъ писемъ съ фронта, сопровождаемыхъ комментаріями В. В. Розанова. Подобраны письма весьма умышленно; есть среди нихъ даже такія, которыя посрамляютъ какихъ-то „извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей", какихъ-то „лѣвыхъ" и воздаютъ хвалу „почтеннѣйшему и глубокоуважаемому" Василію Васильевичу Розанову. Одно мѣсто въ этой статьѣ привлекло наше вниманіе. Г. Розановъ, разумѣется, весьма „ѣдко" относится къ нѣмцамъ. Онъ подчеркиваетъ ихъ дурныя стороны и, прежде всего, высокомѣрное истинно-нѣмецкое отношеніе къ русскому народу. Онъ очень неодобрительно цитируетъ слова какого-то нѣмца, который въ своемъ нѣмецкомъ великолѣпіи увѣрялъ какъ-то его, В. В. Розанова, что „русскій народъ — вездѣ свинья".

Безобразное самодовольство нѣмецкихъ буршей сквозитъ въ этомъ заявленіи. И, конечно, заслуженныя укоризны посылаетъ имъ В. В. Розановъ. Но при чтеніи этихъ укоризнъ въ памяти нашей всплыли другія слова о русскомъ народѣ. „И денегъ сунешь, и просишь, и все-таки русская свинья сдѣлаетъ тебѣ свинство..." Боже мой, какой нѣмецъ написалъ эти злыя, дикія слова? Откуда они? Это изъ второго короба „Опавшихъ листьевъ", принадлежащихъ перу маститаго В. В. Розанова (стр. 408). А вотъ еще: „Я безспорно прези-

раю русскихъ, до отвращенія" — слова, хотя и съ нѣмецкой душой, но сказанныя человѣкомъ истинно-русскимъ, все тѣмъ же В. В. Розановымъ (Уединенное, 119).

Не для того мы выписали ихъ, чтобы уязвить почтеннаго публициста изъ „Новаго Времени". Знаемъ, что отъ нихъ онъ, быть можетъ, и не поморщится: „быль молодцу не укоръ; всякое бывало". Но люди его лагеря присвоили себѣ монополію на любовь къ Россіи и къ русскому народу. Мы хотѣли только намекнуть, что намъ эта любовь не внушаетъ довѣрія. Весьма часто и, право, не безъ основанія сомнѣніе закрадывается въ душу: подлинно ли они любятъ его? Такъ ли любятъ? Быть можетъ, все это лишь слова, слова, слова?.. Впрочемъ, будемъ откровенны, и не оставимъ этого вопроса безъ отвѣта. Да, конечно, мы ни на іоту не вѣримъ черносотеннымъ ламентаціямъ о любви къ русскому народу. Все это ложь, неправда, выдумка. Ибо несовмѣстима любовь съ презрѣніемъ, да еще „до отвращенія".

В. Гусинъ.

А. Коллонтай. *„Общество и материнство".* I. Государственное страхованіе материнства. Ц. 2 р. 50 к. Петроградъ, 1916 г. Изд. „Жизнь и Знаніе".

Въ предисловіи къ своей книгѣ г-жа Коллонтай указываетъ на то, что трудъ ея былъ задуманъ задолго до современныхъ міровыхъ событій, но благодаря имъ еще больше выдвигается важность изслѣдуемаго ею вопроса. „Безумное истребленіе человѣческихъ жизней превращаетъ актъ дѣторожденія изъ акта частно-семейнаго въ актъ соціальной важности. Подъ грохотъ пушекъ, на фонѣ міроваго пожара — проблема материнства встаетъ во весь свой гигантскій ростъ". — Въ сущности, основная задача автора сводится именно къ тому, чтобы освѣтить всю важность охраны материнства, поставивъ ее какъ соціальную задачу.

Семья, это — ячейка общества, государства. Пока она носитъ индивидуалистически-эгоистическій характеръ, ни о какихъ соціальныхъ преобразованіяхъ думать нельзя. Но съ другой стороны, при существованіи современнаго капиталистическаго строя вопросъ о материнствѣ не можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно. „Только та борьба за разрѣшеніе проблемы материнства является дѣйствительной, — говоритъ авторъ, — которая направлена противъ совокупности соціально-трудовыхъ отношеній, угнетающихъ женщину одновременно и какъ мать и какъ работницу". Самая проблема материнства, какъ говоритъ г-жа Коллонтай, „является непосредственнымъ порожденіемъ капиталистическаго строя". Участіе женщины въ народномъ хозяйствѣ принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, все чаще женщина выноситъ свой трудъ за предѣлы семьи, работаетъ на общественный коллективъ, этимъ самымъ устанавливая за собой признаніе отдѣльной соціальной единицы. Какъ таковая, она требуетъ и заботы о ней со стороны коллектива. „Конфликтъ, существующій между обязанностями материнства и участіемъ въ народно-хозяйственной жизни, а, слѣдовательно, и въ классовой борьбѣ пролетаріата — задѣваетъ не только интересы женщинъ. Онъ отражается на всемъ ходѣ развитія рабочаго движенія".

Въ то же время проблема материнства жгуче затронула и интересы государственности, заставляя правительственную власть волей-неволей считаться съ даннымъ вопросомъ. Сокращеніе рождаемости и ростъ дѣтской смертности явились грозными признаками ослабленія государственной мощи въ будущемъ. Дѣти, выживающія въ трудныхъ условіяхъ капиталистическаго строя, при оторванности матери отъ семьи, при отсутствіи заботы и призора, упадкѣ силъ матери-роженицы, не могутъ быть опорой страны, не могутъ выдѣлить изъ своей среды здоровыхъ

рекрутовъ, которые необходимы государству. Экономическій упадокъ страны тоже неизбѣженъ, какъ слѣдствіе уменьшенія здоровыхъ рабочихъ силъ, не говоря уже о томъ, что порѣдѣніе арміи безработныхъ на рынкѣ, какъ говоритъ г-жа Коллонтай, далеко не въ интересахъ буржуазіи, на которой покоится современный строй.

Г-жа Коллонтай даетъ въ своей книгѣ исторію борьбы за охрану материнства, давно уже выдвигаемую, какъ очередную общественную задачу, классомъ рабочихъ.

Въ заботѣ о приростѣ населенія правительство приняло подъ охрану лишь женщину-роженицу, оставляя безъ вниманія охрану матери, какъ трудящейся единицы. Эту важную задачу взяла на себя въ большинствѣ европейскихъ государствъ организованная демократія. Подъ ея давленіемъ въ передовыхъ странахъ Европы проведенъ рядъ законовъ о страхованіи материнства, больничныхъ кассахъ и т. д.

Авторъ приводитъ различные типы страхованій въ тѣхъ или иныхъ государствахъ и ту финансовую систему, на которой это страхованіе базируется. Въ заключеніе г-жа Коллонтай указываетъ, что „ни одинъ изъ дѣйствующихъ законовъ нельзя признать не только совершеннымъ, но и удовлетворяющимъ минимальнымъ требованіямъ рабочаго класса. Одни законы (напр., австралійскій и французскій) удовлетворительнѣе разрѣшаютъ финансовую проблему, другіе охватываютъ болѣе полный кругъ страхуемыхъ (англійскій законъ), третьи даютъ пособіе въ большемъ объемѣ или на большій срокъ (Германія). Но каждый изъ изъ нихъ обладаетъ и своими недостатками".

Основнымъ идеаломъ въ дѣлѣ соціальнаго обезпеченія материнства авторъ считаетъ не холодно-формальный откупъ общества деньгами отъ заботъ о судьбѣ родильницы и младенца, а чуткую заботу коллектива о матери. „Только учрежденіе яслей, врачебныхъ консультацій (совѣтовъ) для дѣтей, клиникъ для новорожденныхъ, только широко поставленная врачебная помощь, только организація столовыхъ для кормящихъ матерей, раздача молока младенцамъ и т. д. дѣйствительно переложитъ хотя часть матеріальныхъ заботъ съ плечъ матери на коллективъ". Этимъ закрѣпилась бы и связь матери съ коллективомъ, воспитался бы духъ общественности и соціальнаго единства, безъ чего, по словамъ автора, женщина будетъ тормозомъ въ рабочемъ движеніи.

Въ книгѣ Коллонтай дается и полная картина вопроса о материнствѣ въ Россіи.

Основное достоинство труда г-жи Коллонтай это — широта захвата и глубина въ постановкѣ темы. Спеціальный, казалось бы, вопросъ о страхованіи материнства выведенъ г-жей Коллонтай далеко за узкія рамки его нормальной постановки. Онъ захваченъ во всей своей жизненности и тѣсной связи съ соціальными реформами.

Т. Ганжулевичъ.

М. Г. Диканскій. *„Постройка городовъ, ихъ планъ и красота"*. Пгр. изд. Н. Карбасникова. Ц. 2 р. 50 к. 1915 г.

Книга М. Г. Диканскаго — не первый трудъ въ русской спеціальной литературѣ, посвященной вопросу о жилищахъ и постройкѣ городовъ. Но не являясь первымъ по времени, книга М. Г. Диканскаго безусловно сохраняетъ за собой первое мѣсто по своимъ достоинствамъ, превосходя другую тоже хорошую русскую работу о благоустройствѣ городовъ — В. В. Семенова, выпущенную въ 1912 году.

Несмотря на то, что книга М. Г. Диканскаго составилась изъ отдѣльныхъ статей автора, помѣщенныхъ раньше въ періодическихъ изданіяхъ, вся работа представляетъ собой самостоятельное и законченное цѣлое. Давъ схематическій набросокъ возникновенія и исторіи города, авторъ затѣмъ

знакомитъ съ общими принципами планировки и постройки городовъ, съ регулированіемъ городского плана и существующими видами права отчужденія земли, съ зависимостью гигіенической проблемы и жилищнаго вопроса отъ планировки, съ городской эстетикой, съ значеніемъ зеленыхъ насажденій и съ идеями „городовъ будущаго“.

Постройка городовъ является, по существу, технической научной дисциплиной, совершенно самостоятельной, которая не можетъ быть замѣнена наукой о постройкѣ домовъ. Въ то время какъ послѣдняя преимущественно даетъ чисто техническіе отвѣты въ плоскости частно-хозяйственныхъ интересовъ собственниковъ-строителей, наука о градостроеніи — есть наука технико-соціальная, обслуживающая запросы государственные и коммунальные. Ибо нормально устроенный городъ является необходимымъ условіемъ для правильнаго развитія, какъ физическаго, такъ и психическаго, гражданъ. „Предметъ градостроенія, — говоритъ авторъ, — является, такимъ образомъ, сложнымъ комплексомъ вопросовъ экономическо-юридическихъ съ одной стороны и санитарно-гигіеническихъ и художественныхъ съ другой“.

М. Г. Диканскій главнымъ образомъ сосредоточилъ свое вниманіе на второй половинѣ задачи, на технической сторонѣ дѣла. Изъ вопросовъ общественно-юридическихъ книга больше всего удѣляетъ мѣсто праву принудительнаго отчужденія недвижимости въ цѣляхъ правильной планировки и застройки города. И дѣйствительно, этотъ вопросъ безспорно координальный въ осуществленіи правильнаго градостроенія. „Прогрессъ строительнаго законодательства вмѣстѣ съ усложненіемъ содержанія гор. плановъ связанъ тѣснѣйшимъ образомъ съ расширеніемъ публично-правового принципа въ сферѣ частно-правовыхъ интересовъ. Ограниченіе права собственности постепенно начинаетъ проводиться во имя положительныхъ требованій общественнаго блага опредѣленнаго соціальнаго содержанія“ (стр. 133). Франція, Бельгія, Баварія, Саксонія, Баденъ, Гессенъ, Гамбургъ, нѣкоторые города Пруссіи и, наконецъ, Англія — особенно послѣднія — закономъ Town plannig Act 1909 г.—широко развили право публичной власти вмѣшиваться въ частные интересы вплоть до принудительнаго отчужденія цѣлыхъ кварталовъ, осуществляемаго органами мѣстнаго самоуправленія. Этотъ процессъ связанъ съ „демократизацiей европейскаго законодательства“. Переходя къ нашему отечеству, авторъ констатируетъ, что „наши муниципіи... юридически безсильны въ осуществленіи утвержденнаго плана“. Т. е. наука градостроенія у насъ въ значительной степени обречена оставаться теоретической дисциплиной, которая въ полномъ объемѣ не всегда можетъ быть осуществлена.

Книга М. Г. Диканскаго даетъ много интереснаго матеріала, разсѣиваетъ многіе застарѣлые предразсудки; напримѣръ: показываетъ, что увлеченіемъ строительствомъ большихъ домовъ-казармъ достигается не удешевленіе, а удорожаніе квартиръ, выясняетъ задачи и понятіе общей архитектурной красоты города, заключающейся не въ „красивости“ отдѣльныхъ строеній, а въ гармоніи и выдержанномъ соотношеніи всѣхъ частей—домовъ, улицъ и кварталовъ, и т. д. Авторъ не является піонеромъ и спеціальнымъ изслѣдователемъ по отдѣльнымъ вопросамъ затронутой имъ проблемы, часто ссылаясь на первоисточники, приводя выдержки. Но эти компиляціи, расположеніе матеріала и обработка его сдѣланы съ такимъ мастерствомъ и живостью, языкъ автора такъ легокъ и разнообразенъ, что книга „Постройка городовъ, ихъ планъ и красота“ читается съ необычайной для техническихъ произведеній легкостью, безъ ущерба, при этомъ, для ея серьезности.

Чрезвычайно пріятно констатировать, что война не помѣшала издателямъ выпустить въ свѣтъ книгу о постройкѣ городовъ, ибо въ ту минуту, когда военный ураганъ сноситъ съ лица земли цѣлые мѣстечки и города, намъ слѣдуетъ думать о томъ, какъ возсоздать разрушенное и позаботиться о томъ, чтобы это новое культурное строительство осуществлялось планомѣрно и раціонально. Напомнимъ, что въ Бельгіи уже создалось движеніе въ пользу разработки плана строительства разрушенныхъ городовъ, съ цѣлью приблизить ихъ къ идеальнымъ планамъ „городовъ будущаго", городовъ-садовъ.

Если книга М. Г. Диканскаго и грѣшитъ чѣмъ-либо, то быть можетъ недостаточно строго выдержанной схемой своего построенія. Но у насъ въ Россіи всякія „схемы" и „системы" вообще въ такомъ пренебреженіи и настолько не пользуются симпатіями, что указанный недостатокъ не можетъ быть поставленъ автору въ серьезную вину.

М. Петровъ.

В. М. Зензиновъ. *Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области.* Съ 20 рисунками въ текстѣ и географической картой. Москва. Книгоизд. „Наука". 1916. 101 стр. Ц. 1 р.

Названные „очерки" принадлежатъ автору книги „Старинные люди у холоднаго океана". Несмотря на спеціальный характеръ темы, они читаются съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ описанія старинныхъ людей, живущихъ въ Русскомъ Устьѣ Якутской области Верхоянскаго округа. Щедринское „фю-ить!" забросило года четыре тому назадъ В. М. Зензинова въ Русское Устье — мѣстечко, столь же гиблое, какъ и весь этотъ край, расположенное при впаденіи рѣки Индигирки въ Ледовитый океанъ и находящееся въ 3000 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Якутска. В. М. Зензиновъ былъ первымъ піонеромъ изъ ссыльныхъ въ краяхъ столь удаленныхъ. Въ результатѣ его невольнаго пребыванія тамъ наши скромныя познанія объ этомъ краѣ обогатились цѣлымъ рядомъ очерковъ, касающихся быта, культуры, нравовъ и хозяйства этихъ гиблыхъ мѣстъ.

Для того, кто читалъ труды по исторіи первобытной культуры, въ „Очеркахъ торговли" найдется рядъ хорошихъ примѣровъ, подтверждающихъ разныя черточки первобытной психологіи и притомъ взятыхъ изъ русской или, если угодно, якутской дѣйствительности. Экономистъ, интересующійся стадіей первоначальнаго накопленія въ сферѣ торговли, найдетъ въ той же якутской дѣйствительности рядъ иллюстрацій натуральнаго обмѣна и самыхъ разнообразныхъ формъ эксплоатаціи инородцевъ на почвѣ кредита. Послѣдствія этой эксплоатаціи — баснословные барыши торговцевъ и полная кабала мѣстнаго инородческаго промыслового населенія, хищническое опустошеніе природныхъ пушныхъ богатствъ края и вымираніе инородцевъ. „Очерки торговли" написаны вполнѣ спокойно и объективно. Однако, когда читаемъ нѣкоторыя страницы, то беретъ такая жуть, какъ будто вьюга и пурга, засыпающая маленькую ватагу промышленниковъ-охотниковъ за пушнымъ звѣремъ или искателей мамонтовой кости, проникаетъ въ душу своимъ ледянымъ дыханіемъ. И это впечатлѣніе вызываютъ не столько картины физическихъ страданій тѣхъ, чьими трудами весь міръ одѣвается въ теплыя шубы, сколько страницы, посвященныя неподвижности этой первобытной жизни, безнадежности и безпросвѣтности этого существованія. „Русская" культура несла до сихъ поръ въ этотъ край „хищничество торгашей, спиртъ, карты, а вмѣстѣ съ чаемъ и табакомъ прививала населенію сифилисъ, туберкулезъ, оспу, корь и другія эпидемическія болѣзни", которыхъ населеніе раньше не знало (стр. 24). Въ результатѣ, рядъ на-

родностей уже вымеръ, другія вымираютъ въ наше время. „Не поддаются пока русской культурѣ, — говоритъ В. М. Зензиновъ, — только якуты, но и у нихъ, благодаря отсутствію медицинской помощи, смертность — особенно среди дѣтей — необычайно высока".

Поучительны и страницы, посвященныя дѣятельности администраціи края. Словомъ, книга получилась интересная и ей можно пожелать широкаго распространенія.

А. Н-скій.

Р. Штейнметцъ. *Гаага. Философія войны.* Пер. Г. Абрамова. Изд. „Образованія". Петроградъ. 1915. 326 стр. Ц. 2 р.

Авторъ задается цѣлью освѣтить вопросъ о значеніи войны вполнѣ объективно и безпристрастно, исходя изъ положительныхъ, научно-установленныхъ фактовъ, а не изъ абстрактныхъ положеній морали и метафизики, которыя однихъ приводятъ къ „сантиментальному" и „поверхностному" отрицанію войны, другихъ къ ея „мистическому" превознесенію. Попытка эта заинтересовываетъ тѣмъ сильнѣе, что предпринята она задолго до наступленія нашего бурнаго времени. Подлинникъ вышелъ въ свѣтъ еще въ 1907 году, — что пробуждаетъ надежду встрѣтить въ авторѣ дѣйствительно безпристрастнаго изслѣдователя проблемы войны.

По обилію и разнообразію подходовъ къ оцѣнкѣ войны книга и въ самомъ дѣлѣ не оставляетъ желать ничего большаго. Положительныя и отрицательныя стороны войны разсматриваются и взвѣшиваются съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія: и съ точки зрѣнія біологической (индивидуальный и коллективный отборъ), и съ точки зрѣнія національно-государственной, и съ точки зрѣнія общекультурной, и съ точки зрѣнія финансово-экономической. Не забыты даже мельчайшія подробности. Такъ, учитывая отрицательное вліяніе войны на психологію ея участниковъ, авторъ не упускаетъ случая поскорбѣть о томъ „огрубѣніи" чувствъ, которое вызываетъ у артиллеристовъ и обозныхъ солдатъ необходимость „совершенно изнурять своихъ лошадей, заглушая въ себѣ всякое сожалѣніе къ нимъ" (стр. 119). Однако, несмотря на эту нарочитую внѣшнюю объективность изложенія, вы съ первыхъ же страницъ чувствуете, что подлинной, научной объективности въ книгѣ нѣтъ и слѣда, что передъ вами страстная и подчасъ очень наивная апологія войны.

О научности не можетъ быть рѣчи уже по одному тому, что отношеніе автора къ войнѣ совершенно неисторично. Для него война есть абсолютная соціально-біологическая категорія; столкновеніе первобытныхъ племенъ и современныя имперіалистическія войны разсматриваются подъ тѣмъ же самымъ угломъ зрѣнія. Столь же метафизично и абсолютно представленіе нашего позитивиста о человѣческой природѣ, какъ томъ объектѣ, на которомъ война оказываетъ свое благодѣтельное вліяніе. Являясь непримиримымъ врагомъ историко-матеріалистическаго взгляда, авторъ исповѣдуетъ біологическій матеріализмъ въ самой его примитивной формѣ.

Человѣкъ всѣхъ историческихъ эпохъ по природѣ своей стремится къ одному: къ удовлетворенію физіологическихъ потребностей организма. И только крайняя внѣшняя опасность, только необходимость напрячь всѣ силы въ борьбѣ за существованіе пробуждаетъ въ человѣкѣ высшія способности, альтруизмъ, семейныя и соціальныя чувства, работу мысли и фантазіи. „Кто умѣетъ оцѣнить весьма невеликую и условную силу альтруистическихъ склонностей людей и вмѣстѣ съ тѣмъ одушевленъ желаніемъ поднять ихъ воспитаніе на возможно бо́льшую высоту, тотъ никогда не откажется отъ въ высшей степени важнаго и очевиднаго средства воспитанія — войны. Кнутъ не можетъ не быть немного жесткимъ" (стр. 188). Въ этихъ

словахъ квинтъ-эссенція „философіи войны" Штейнметца: война — это тотъ благодѣтельный кнутъ, который пробуждаетъ отъ спячки лѣнивое и пошлое животное, человѣка, и заставляетъ его нехотя брести по пути культурнаго развитія.

Очень мало давая въ смыслѣ научнаго анализа проблемы войны, работа Штейнметца интересна, какъ отраженіе психологіи европейской буржуазіи въ переходную эпоху. Индивидуалистъ въ англійскомъ вкусѣ, дарвинистъ не только въ біологіи, но и въ соціологіи, ярый противникъ соціалъ-демократіи и не менѣе ярый сторонникъ либеральныхъ традицій, Штейнметцъ, по основамъ своего міровоззрѣнія, — типичный представитель европейской буржуазіи классическаго періода. Но неотъемлемой составной частью этого міровоззрѣнія является признаніе государства чисто служебной организаціей, призванною лишь „охранять" законные интересы индивидуумовъ, признаніе свободной и мирной конкурренціи индивидуумовъ главной силой, творящей культуру, и, наконецъ, признаніе милитаризма пережиткомъ средневѣкового „варварства", стѣсняющимъ свободное развитіе современной „индустріалистической" культуры. Штейнметцъ, наблюдая гигантскій размахъ нѣмецкаго индустріализма, видя его тѣсную связь съ нѣмецкимъ милитаризмомъ, отрѣшился отъ пацифизма классической буржуазной идеологіи. Онъ убѣждаетъ голландцевъ въ необходимости проникнуться воинственнымъ духомъ и усвоить себѣ болѣе высокій взглядъ на государство, онъ пишетъ апологію войны, — но онъ еще не въ силахъ возвыситься до того героически-государственнаго міровоззрѣнія, которое даетъ возможность передовымъ нѣмецкимъ имперіалистамъ строить апологію войны вполнѣ послѣдовательно.

Ему нѣмецкая философія государственности кажется излишней „мистикой", ему хочется во что бы то ни стало спасти либерально-демократическіе завѣты буржуазіи классической формаціи. Отсюда — роковая половинчатость его позиціи: не будучи въ состояніи принципіально оправдать милитаризмъ со всѣми его соціально-политическими послѣдствіями и не желая его принципіально осудить, онъ вынужденъ ограничиться чисто обывательскимъ глазомѣромъ при подсчетѣ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ войны. Къ сколько-нибудь значительнымъ и цѣннымъ выводамъ такой методъ привести, разумѣется, не можетъ, — тѣмъ болѣе, что автору почти никогда не удается побороть въ себѣ искушеніе подтолкнуть чашку вѣсовъ, разъ она не слишкомъ быстро опускается въ сторону войны.

Переводъ далеко не безупреченъ. На стр. 285 переводчикъ восклицаетъ: „что такое другое стремленіе рабочихъ въ профессіональные союзы... если не проявленіе эгоизма..." На стр. 157 утверждается: „Для того, чтобы воровать у богачей, нужно уже обладать богатствомъ, а потому никогда нельзя найти начала богатства". Авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что богатство должно быть въ наличности, для того чтобы его можно было украсть, — а у переводчика вышло, что воръ долженъ уже обладать богатствомъ, для того чтобы обокрасть богача. На стр. 162: „Бѣдный народъ не есть народъ гордый, уважающій себя, и не умѣющій принудить свое правительство къ точному исполненію своихъ обязанностей". „Не есть не умѣющій!" Что же: умѣетъ или не умѣетъ бѣдный народъ принуждать свое правительство? проблема остается трудно разрѣшимой. Стр. 168: „Если всѣ свойства и пріобрѣтенія народа оказываютъ свое вліяніе, какъ я попытался показать выше, на исходъ войны, то никакой экспериментъ не сможетъ выяснить намъ значенія этихъ вліяній при условіи, что мы признаемъ значеніе этого рѣшенія" (какого?). Такихъ недоразумѣній, искажаю-

щихъ или скрывающихъ смыслъ подлинника, въ книгѣ довольно много.

В. Базаровъ.

Н. Каблуковъ. *О повышеніи производительности труда въ русской промышленности.* (Къ вопросу объ иноземномъ засильѣ.) М. 1915. Стр. 63. Цѣна 40 коп.

Въ нашу удивительную эпоху, когда сдвинуты съ мѣстъ жизненные устои, опрокинуты принципы, забыты самыя простыя истины — крайне пріятно отмѣтить напоминаніе о нѣкоторыхъ культурныхъ „цѣнностяхъ“ вообще; и, въ частности, въ эти странные дни, когда слова объ иноземномъ засильѣ ассоціируются лишь съ погромной агитаціей и шовинистскими воплями, когда „независимость отечественной промышленности“ мыслится лишь какъ результатъ вооруженнаго воздѣйствія, когда иные искренніе демократы, въ угоду „совѣту съѣздовъ“, хлопочутъ о сохраненіи зловредной таможенной стѣны — крайне пріятно отмѣтить работу московскаго профессора Н. А. Каблукова, которая среди современной экономической вакханаліи стремится поставить вопросъ объ иноземномъ засильѣ на его настоящее мѣсто. Забытая нынѣ „старая истина“ была высказана авторомъ еще 27 лѣтъ тому назадъ; перепечатка брошюры до войны въ сущности не имѣла бы значенія, такъ какъ читатель не найдетъ въ ней ни сколько-нибудь обширнаго и исчерпывающаго фактическаго матеріала, ни такихъ выводовъ, которые до войны не были бы достояніемъ самыхъ широкихъ читающихъ слоевъ населенія. Заслуга автора и значеніе брошюры совсѣмъ не научно-теоретическія; они — общественно-публицистическія.

Н. А. Каблуковъ, въ своей брошюрѣ, совершенно правильно привлекаетъ вниманіе къ дѣйствительнымъ источникамъ иноземнаго преобладанія, — въ отличіе отъ тѣхъ ложныхъ и фиктивныхъ факторовъ „засилья“, къ которымъ, въ политическихъ цѣляхъ, стараются приковать вниманіе обывателей гг. І. М. Гольдштейнъ, М. И. Туганъ-Барановскій и др. Торговая политика злокозненныхъ враговъ, ихъ таможенная система и „невыгодные“ торговые договоры — это все жупелы, созданные въ цѣляхъ политической агитаціи, не имѣющей ничего общаго съ защитой общенаціональныхъ хозяйственныхъ интересовъ и направленной къ защитѣ интересовъ классовыхъ и узко групповыхъ. Н. А. Каблуковъ, напротивъ, настаиваетъ, что народно-хозяйственное равноправіе можетъ быть достигнуто „единственнымъ средствомъ“ — „только подъемомъ производительности труда“, „что внѣ подъема нашихъ производительныхъ силъ нѣтъ никакой возможности избавиться отъ иноземнаго засилья, отъ какой бы страны оно ни исходило и какія бы другія мѣры для этого ни принимались“. Что же касается факторовъ подъема производительности труда, то въ качествѣ главнѣйшихъ факторовъ Н. А. Каблуковъ выдвигаетъ положеніе рабочаго класса и развитіе профессіональнаго образованія. „Трудъ лучше оплачиваемаго и находящагося въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ рабочаго производительнѣе труда рабочаго, поставленнаго въ худшія условія“, и „по различныхъ странамъ бóльшая производительность труда находится въ соотвѣтствіи съ болѣе высокою заработною платою и болѣе короткимъ рабочимъ днемъ“. Своевременно напоминаетъ авторъ и о „солидарности интересовъ трудового населенія, къ какой бы національности оно ни принадлежало“.

И наконецъ, изъ числа забытыхъ нынѣ, но дѣйствительныхъ факторовъ повышенія производительности труда и избавленія отъ иноземнаго засилья, авторъ указываетъ на „жизненную необходимость... безпрепятственнаго развитія у насъ профессіональныхъ организацій рабочихъ“.

Н. С.

I. М. Гольдштейнъ. *Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, война и наши торговые договоры.* Изд. 2-е (испр. и доп.). Москва. 1915. Ц. 1 р. 35 к. Стр. 182.

Книга, вышедшая подъ этимъ громоздкимъ заглавіемъ, заполнена безконечнымъ рядомъ статистическихъ таблицъ и цифръ съ комментаріями къ нимъ. Вся она посвящена доказательству двухъ тезисовъ: „прорытіе панамскаго канала создастъ переворотъ въ міровой торговлѣ нѣкоторыми продуктами" и „съ окончаніемъ войны, когда открытіе панамскаго канала и новыя трансконтинентальныя желѣзныя дороги создадутъ новые громадные очаги земледѣльческой культуры на тихоокеанскомъ побережьи Америки, и когда затѣмъ неизбѣжное наступленіе періода съ болѣе нормальными урожаями въ экспортирующихъ зерновые продукты странахъ создастъ большіе излишки для экспорта, наблюдавшаяся за послѣдніе годы понижательная тенденція должна будетъ проявиться еще рѣзче". И, говоритъ г. Гольдштейнъ въ предисловіи къ 1-му изданію, „если своимъ трудомъ я заставлю русскихъ экономистовъ и практиковъ, которые, съ легкой руки П. Б. Струве и М. И. Туганъ-Барановскаго, до сихъ поръ единогласно держались точки зрѣнія, будто намъ предстоитъ пережить эпоху длительнаго подъема хлѣбныхъ цѣнъ, пересмотрѣть свои взгляды на этотъ вопросъ, я буду считать свою задачу исчерпанной". Наконецъ, общія заключенія автора въ предисловіи ко 2 му изданію таковы: „съ окончаніемъ войны воздѣйствіе панамскаго канала вступитъ въ свои права, и передъ земледѣльческимъ хозяйствомъ Россіи, уступившимъ временно свою долю сбыта зерновыхъ продуктовъ заокеанскимъ странамъ, встанетъ трудная задача обратнаго отвоеванія этихъ рынковъ. Для успѣшнаго ея выполненія Россіи придется напрячь всѣ силы, такъ какъ затраты, вызванныя войной, потребуютъ усиленнаго экспорта для оплаты процентовъ по увеличившейся задолженности. Съ этой точки зрѣнія и съ точки зрѣнія покрытія растущаго спроса въ самой Россіи передъ нашимъ земледѣліемъ встаетъ давнишняя необходимость крупнаго увеличенія производительности сельскаго хозяйства. Помня объ этой цѣли, правительству, несмотря на войну, не слѣдовало бы, по моему мнѣнію, сокращать ассигнованія, посвященныя прямо или косвенно повышенію производительности народнаго труда, такъ какъ всякое сокращеніе расходовъ на народное образованіе, на оборудованіе страны элеваторами, желѣзными и шоссейными дорогами, водными путями сообщенія, на улучшеніе портовъ и въ особенности на развитіе техники нашего земледѣлія должно невыгодно отозваться не только на нашей способности конкуррировать на міровомъ рынкѣ, но и на залѣчиваніе многочисленныхъ ранъ, нанесенныхъ войной нашему народному хозяйству". Общее же заключеніе всей книги гласитъ: „Заключеніе выгодныхъ торговыхъ договоровъ, и избѣжаніе періода затяжного аграрнаго кризиса будетъ возможнымъ для Россіи при такомъ положеніи конъюнктуры только тогда, когда всѣ силы страны будутъ направлены къ подъему производительныхъ силъ земледѣлія и къ кореннымъ улучшеніямъ качества и организаціи сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Безъ этого Россія такъ же быстро потеряетъ рынки для сбыта большинства своихъ зерновыхъ продуктовъ въ Бельгіи, Голландіи, Франціи, Даніи и другихъ странахъ, какъ ею почти потерянъ подъ вліяніемъ заокеанской конкурренціи лучшій рынокъ для зерновыхъ продуктовъ въ мірѣ—Англія".

Однако, центръ тяжести работы г. Гольдштейна не въ общихъ заключеніяхъ, а въ томъ, какъ и насколько убѣдительно доказывается тезисъ о неизбѣжности на міровомъ рынкѣ эпохи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ или, говоря иначе, эпохи аграрнаго кризиса.

Обращаясь къ этой центральной части работы, мы находимъ въ ней изслѣдованіе условій производства, а также хлѣбныхъ цѣнъ съ перспективами на ближайшее будущее въ рядѣ странъ, какъ-то: Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатахъ, Аргетинѣ, Канадѣ, Австраліи, Румыніи, Остъ-Индіи и Россіи.

Приводимыя г. Гольдштейномъ данныя достаточно убѣдительны для того, чтобы ожидать послѣ окончанія войны болѣе или менѣе длительной эпохи низкихъ или, во всякомъ случаѣ, медленно растущихъ цѣнъ. Площадь свободныхъ земель у нашихъ заокеанскихъ конкуррентовъ еще весьма велика; слѣдовательно, культура зерновыхъ продуктовъ можетъ тамъ быстро развиваться въ ширь (экстенсивно) и при низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ. Темпъ же развитія будетъ прежде всего зависѣть отъ постройки чрезматериковыхъ магистралей и примыкающихъ къ нимъ желѣзныхъ дорогъ, а также отъ роста иммиграціи, такъ какъ заокеанское земледѣліе нуждается для быстраго развитія, главнымъ образомъ, въ дорогахъ и рабочихъ рукахъ. Вопросъ заключается теперь въ томъ, будетъ ли въ состояніи обнищавшая отъ войны Зап. Европа финансировать ж.-д. строительство въ заокеанскихъ странахъ и усилится ли заокеанская эмиграція изъ Европы? Дѣло въ томъ, что первое время послѣ войны потребуетъ затраты большихъ капиталовъ въ самой Европѣ на возстановленіе погибшихъ недвижимостей, промышленныхъ предпріятій, желѣзныхъ дорогъ и производительныхъ силъ испорченной военными дѣйствіями почвы на театрахъ войны. Въ частности, Франціи и особенно Англіи придется тратить относительно значительно больше на финансированіе своихъ промышленныхъ предпріятій въ цѣляхъ конкурренціи съ Германіей. Поэтому притокъ западно-европейскихъ капиталовъ въ заокеанскія страны, вѣроятно, надолго сократится — тѣмъ болѣе, что на нихъ будетъ высоко оплачиваемый спросъ въ Восточной Европѣ. Эмиграція же за океанъ, надо думать, усилится; однако, одного увеличенія рабочихъ рукъ для быстраго развитія заокеанскаго земледѣлія мало. Словомъ, послѣдствія войны, которыя пока трудно предусмотрѣть во всей ихъ сложности, могутъ еще сильно модифицировать положеніе міроваго производства и рынка сельско-хоз. продуктовъ въ ту или другую сторону.

А. Н-скій.

В. А. Киселевъ. *Электропромышленность въ ея прошломъ и настоящемъ.* (XII выпускъ трудовъ семинарія по политич. экономіи при юрид. фак. моск. университета подъ рук. І. М. Гольдштейна.) Москва. 1915. Ц. 1 р. 75 к. Стр. 498.

Содержаніе этой работы нѣсколько уже ея названія, такъ какъ она посвящена электропромышленности только въ Германіи и представляетъ собою вводный томъ къ изслѣдованію русской электропромышленности. Выборъ темы навѣянъ желаніемъ „создать болѣе самостоятельную русскую электротехническую промышленность", такъ какъ существующая, какъ извѣстно, находится подъ сильнымъ вліяніемъ германской. Но и помимо этихъ соображеній, выборъ темы для изслѣдованія можно одобрить, такъ какъ германская электрическая промышленность — одна изъ наиболѣе развитыхъ отраслей капиталистической индустріи и порядочно синдицирована и трестирована. А разъ это такъ, то она является прообразомъ судебъ электропромышленности и въ другихъ странахъ болѣе молодыхъ въ капиталистическомъ отношеніи.

Все изслѣдованіе распадается на четыре главы. І-я посвящена исторіи развитія электротехнической промышленности, ІІ-я — финансирующей дѣятельности электро-техническихъ фирмъ, ІІІ-я — комбинаціи и концентраціи производства въ э.-т. промышленности и ея синдикатской организаціи и IV-я — борьбѣ между крупными и средними предпріятіями въ этой промышлен-

ности, вмѣшательству государства въ эту борьбу и перспективамъ будущихъ судебъ электрической промышленности.

Мы не имѣемъ возможности излагать здѣсь выводы этой скучно, но основательно сдѣланной работы, тѣмъ болѣе, что она носитъ преимущественно описательный характеръ. Широкому кругу читателей она не особенно доступна; но для лицъ, имѣющихъ достаточную подготовку и серьезно интересующихся новѣйшей фазой въ развитіи крупной промышленности, проанализированной въ „финансовомъ капиталѣ“ Р. Гильфердинга, ознакомленіе съ работой г. Киселева будетъ интересно.

Въ особенности же привлекательны для изученія роль и дѣятельность финансоваго капитала въ данной спеціальной отрасли — главы II-я и III-я.

Что касается послѣдней главы, то она, кромѣ того, интересна для тѣхъ земскихъ, городскихъ и, вообще общественныхъ дѣятелей, которые являются сторонниками развитія муниципальныхъ предпріятій, вообще, и въ сферѣ элетрической, въ частности.

Финансовый капиталъ оказалъ такое могущественное воздѣйствіе на концентрацію, синдицированіе и трестированіе германской эл. и эл.-технической промышленности, что уже нынѣ вся она находится подъ вліяніемъ двухъ группъ: Всеобщей Компаніи Электричества и „Сименсъ-Шуккертъ“, простирающей это вліяніе и на цѣлый рядъ другихъ странъ. Ближайшее будущее должно привести въ этой отрасли къ образованію электрическаго треста. Въ виду этихъ перспективъ, а также въ виду предстоящей электрофикаціи дорогъ дальняго слѣдованія, наличность такой могущественной фактической монополіи въ дѣлѣ электростроительства и электроснабженія стала угрозой не только для отдѣльныхъ лицъ, потребляющихъ электрическую энергію въ промышленныхъ и освѣтительныхъ цѣляхъ, и не только для маленькихъ коммунъ и странъ (въ родѣ Бадена), но и для болѣе крупныхъ государствъ, какъ Баварія, Пруссія. Поэтому, послѣ безнадежныхъ и реакціонныхъ попытокъ поддержанія въ цѣляхъ конкурренціи среднихъ электрическихъ предпріятій, правительство германскихъ государствъ, совѣтъ имперскаго союза нѣмецкихъ городовъ и массы населенія германской имперіи стали приходить къ убѣжденію, что „дѣло электростроительства и электроснабженія неминуемо должно будетъ перейти во всемъ своемъ объемѣ въ руки государства“ (стр. 408).

Въ заключеніе отмѣтимъ еще, что среди причинъ успѣха германской эл.-т. промышленности не только у себя дома, но и въ другихъ странахъ слѣдуетъ указать наряду съ организаціонной работой финансоваго капитала и хорошо оплачиваемыхъ рабочихъ (стр. 17) „заслуги германскихъ ученыхъ и техниковъ въ сферѣ разработки кардинальныхъ вопросовъ электротехники“ (стр. 47), „чисто академическія изслѣдованія, которыя велись въ лабораторіяхъ крупныхъ фирмъ“ (стр. 269), затраты со стороны частныхъ фирмъ колоссальныхъ суммъ, на научныя работы и изысканія“ (стр. 319, 320), а — *не* таможенное покровительство, какъ въ другихъ странахъ, которое, какъ это ни парадоксально, только способствовало расцвѣту этой отрасли германской индустріи (стр. 49, 50).

А. Н—скій.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Абрамовичъ, Н. Я. *„Русское слово“*. № 1. Изд. „Памфлетъ“. П. 1916 г. Стр. 31. Ц. 50 к.

Аверченко, Аркадій. *О маленькихъ — отецъ большихъ.* Разсказы о дѣтяхъ. Изд. журн „Новый Сатириконъ“. П. 1916 г. Стр. 80.

Авто въ облакахъ. *Стихи.* Э. Багрицкій, И. Бобовичъ, Н. Воскресенская, П. Сторицинъ, С. Третьяковъ, А. Фіолетовъ, Т. Цагарели, В. Шершеневичъ. Скл. изд.: Одесса, ул. Жуковскаго, 4. Одесса. 1915 Стр. 64. Ц. 1 р.

Адамовичъ Георгій. *Облака.* Стихи. Изд. „Гиперборей“. П. 1916. Стр. 40. Ц. 1. р.

Афанасьевъ, Г. Е. *Причины теперешней войны.* Кн-во „Сотрудникъ“. П. 1916. Стр. 95. Ц. 60 к.

Бемъ, А. Л. *Къ исторіи изученія Толстого.* Изд. Русскаго Библіологическаго Об-ва. П. 1916. Стр. 63.

Бертенсонъ, Левъ. *Необходимъ ли Петрограду медицинскій факультетъ и ощущается ли въ Россіи нужда во врачахъ?* Скл. изд. въ кн. маг. К. Л. Риккера. П. 1916 г. Стр. 25. Ц. 30 к.

Бертенсонъ, Л. и Никольскій, Д. *Руководство по поданію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ.* Изд. К. Л. Риккера. П. 1915. Стр. 120. Ц. 75 к.

Бондаревъ, С. И. *Будемъ трезвы.* № 3. Серія „Война и трудъ“. Изд. „Задруга“. М. 1915. Стр. 31. Ц. 8 к.

Винъ. *Трудъ и здоровье рабочихъ.* (Гигіена промышленнаго труда.) Изд. „Прибой“. П. 1916. Стр. 63. Ц. 35 к.

Воиновъ, Владиміръ. *Сильные духомъ.* Разсказы. Кн-во б. М. В. Попова. П. 1915 г. Стр. 184. Ц 1 р. 50 к.

Вопросы *преподаванія исторіи въ средней и начальной школѣ.* Сб. I, подъ ред. И. М. Катаева, при бл. участіи В. Бочкарева, Г. Вебера, Б. Жаворонка и В. Уланова. Кн-во „Наука“. М. 1916 г. Стр. 255. Ц. 1 р. 75 к.

Война, еврейство и Палестина. *Статьи:* А. Гольдштейна, А. Идельсона, Д. Пасманика и Б. Гольдберга. Изд. 2-е, доп. „Дешевая Еврейская Библіотека“. № 10. Изд. „Востокъ“. П. 1915. Стр. 64. Ц. 15 к.

Война *въ цифрахъ.* Статистическій обзоръ войны XIX ст. Сост. Р. М. Марковичъ. П. 1915.

Вѣстникъ *трудовой помощи среди евреевъ.* Декабрь. № 1. 1915. Стр. 40.

Галантъ, И. *Черта еврейской осѣдлости съ письмомъ Л. Н. Толстого.* 2-е изд. Изд. автора. М. 1915 г. Стр. 28.

Галичина, *Буковина, — Угорская Русь.* Сост сотр. жур. „Украинская жизнь“. 2-е изд., дополн. Изд. „Задруга“. М. 1915 г. Стр. 280. Ц. 1 р. 40 к.

Григорьевъ, С. Г. *Вокругъ южнаго полюса.* Изд. 2-е, доп. Изд. „Задруга“. М. 1915. Стр. 198. Ц. 1 р. 20 к

Гумилевъ, Н. *Колчанъ.* Стихи. Изд.

„Гиперборей". П. 1916 г. Стр. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Гюнтеръ, Г. *Маленькіе химики.* Пер. Г. и Л. Муляръ. „Наука и забава" № 2. Изд. „Образованіе". П. 1915 г. Стр. 127.

Гюнтеръ, Г. *Физика въ опытахъ и забавахъ.* Ч. I. Пер. Г. и Л. Муляръ. „Наука и забава" № 1. Стр. 149 Ц. 1 р. Изд. „Образованіе".. П. 1915 г. Стр. 149. Ц. 1 р.

Дарскій, Д. *Маленькія трагедіи Пушкина.* Скл. изд. въ кн. маг. „Наука". М. 1915 г. Стр. 72. Ц. 75 к.

Деревня *и запрещеніе продажи питей въ Моск. у.* Изд. Статист. Отд. Моск. Уѣз. Управы. М. 1915. Стр. 107. Ц. 60 к.

Джорджъ Саундерсъ. *Послѣдній изъ гунновъ.* Пер. съ англ. Т. Запковской. Изд. „Трудъ". М. Стр. 111. Ц. 75 к.

Дневникъ *Льва Николаевича Толстого.* Т. I. 1895—1899. Изд 1-е подъ ред. В. Г. Черткова. Скл. изд. у И. Д Сытина и „Посредникъ" въ Москвѣ и изъ др. кн. маг. М. 1916. Стр. 292. Ц. 1 р.

Естествознаніе *въ школѣ.* Непер. изд., выход. подъ общей ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сб. № 8. Общіе вопросы преподаванія естествознанія III. Изд. „Образованіе" П. 1915 г. Стр. 116. Ц. 80 к.

Ждановъ, Левъ. *Въ стѣнахъ Варшавы (1814—1831 г.)* Т. I. Стр. 408. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Стр. 428. Ц. 1 р. 50 к. Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова.

Ждановъ, Левъ. *Историческія поэмы.* I. Шпатія. II. Мирра. Изд. 2-е. Скл. изд.; „Прометей", Поварской, 10. П. 1914. Стр. 218. Ц. 1 р. 50 к.

Ждановъ, Левъ. *Собр. соч. т. III.* Осажденная Варшава. Романъ-хроника. (1830—1831 гг.). Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. П. 1913. Стр. 307. Ц. 1 р. 50 к.

Ждановъ, Левъ. *Собр. соч. т. V.* Сгибла Польша! Романъ-хроника. Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. П. 1913. Стр. 394. Ц. 1 р. 50 к.

Ждановъ, Левъ. *Собр соч. т. V.* Послѣдній фаворитъ. (Екатерина и Зубовъ). Романъ-хроника. (1789—1796 гг.) Книга I. Изд. 2-е. Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. П. 1914. Стр. 200. Ц. 1 р. 25 к.

Ждановъ, Левъ. *Собр. соч. т. VII и VIII.* Былые дни Сибири. Романъ-хроника. (1711—1721 гг.). Книга I. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 к. Книга II. Стр. 268. Ц. 1 р. 25 к. Кн-во „Прометей, Н. Н. Михайлова. П. 1914.

Ждановъ, Левъ. *Собр. соч. т. X.* Грозное время. Романъ-хроника (1552—1584 гг). Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. П. 1914. Стр. 420. Ц. 2 р.

Ждановъ, Левъ. *Собр. соч. Новая Русь. Т. XV.* Романъ-хроника конца XVII в. Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. П. 1915. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

Жуэнъ, Алиса. *Женщина и кооперація.* Пер. съ фр. М. Багдасарьянъ. Изд. „Трудъ". М. 1915 г. Стр. 31. Ц. 15 к.

Загряцковъ, М. Д., проф. *Земская служба и третій элементъ.* Вып. I. Изд. ред. журн. „Земское Дѣло". П. 1914. Стр. 36. Ц. 40 к.

Загряцковъ, М. Д. *Всероссійскій земскій союзъ.* (Общіе принципы организаціи и юридическая природа.) Изд. журн. „Земское Дѣло". П 1915. Стр. 29. Ц. 50 к.

Земскій *народный театръ и передвижная условная сцена.* Изд. Оханской зем. управы. Оханскъ. 1915. Стр. 16. Ц. 20 к.

Зензиновъ, В. М. *Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области.* Кн-во „Наука" М. 1916. Стр. 97. Ц. 1 р.

Ивневъ, Рюрикъ. *Самосожженіе (Откровенія).* Изд. „Очарованный Странникъ". П. 1916. Стр. 16. Ц. 35 к.

Извѣстія *кіевской рентгеновской комиссіи.* № 6. 1915 г. Стр. 241. Ц. 40 к.

Къ жизни новой. *Собраніе сочиненій Алексѣя Плетнева.* Т. 3. Одесса. 1913. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

Календарь - *справочникъ Городского Дѣятеля на 1916 годъ.* Изд. журн. „Городское и Земское Дѣло“. П. 1916 г. Стр. 448. Ц. 1 р. 50 к.

Календарь - *справочникъ Земскаго дѣятеля на 1916 годъ.* Изд. журн. „Городское и Земское Дѣло“. П. 1916 г. Стр. 450. Ц. 1 р. 50 к.

Кананъ, И. *Польско-еврейскія отношенія (34-я война).* Сб. статей. Изд. „Востокъ“. П. 1915. Стр. 156. Ц. 75 к.

Каррикъ, Валерій. *Сказки-картинки. № 6.* Собака и волкъ. Стр. 16. Ц. 10 к. № 4. Хромая уточка. Стр. 16. Ц. 10 к. Изд. „Задруга“. М. 1916 г.

Каррикъ, Валерій. *Сказки-картинки. № 32.* Рѣпка. Рукавичка. Стр. 16. Ц. 10 к. № 33. Про лисицу, сову и ворону. Стр. 16. Ц. 10 к. Изд. „Задруга“. М. 1916 г.

Каталогъ пьесъ. *Театральный инвентарь.* Практическій указатель Изд. Оханской уѣз. зем. управы. Оханскъ. 1915. Стр. 33. Ц. 25 к.

Клейнъ, В. *О задачахъ музея слѣпковъ.* Пер. В. Фриче, прив.-доц. съ пред. Н. Самсонова, прив.-доц. Изд. Н. В. Некрасова. М. 1916. Стр. 61. Ц. 70 к.

Книга для чтенія *по древней исторіи.* Ч. III. Римъ — Имперія. Сб. статей подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н Перцева и К. В. Сивкова. Изд. „Задруга“ М. 1916 г. Стр. 420. Ц. 2 р. 10 к.

Коробовъ Ив. *Въ дыму шрапнели.* Изд. автора. М. 1915. Стр. 16. Ц. 20 к.

Кошкаровъ, С. Н. *Чары земли.* Стихи. Изд. автора. М. 1916. Стр. 20. Ц. 20 к.

Краткій очеркъ *возникновенія и развитія общества имени А. И. Герцена въ Ниццѣ.* 1914 г. Стр. 6 + 8.

Крачковскій, Дм. *Человѣческая весна.* Разсказы. Т-во бывш. М. В. Попова. П. 1915. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.

Кудряшовъ, П. *Идейные горизонты міровой войны.* Изд. „Трудъ“ М. 1915. Стр. 206. Ц. 1 р. 25 к.

Курловъ, Евгеній. *Полымя.* Изд. „Жатва“ М. 1915 г. Стр. 47. Ц. 2 р.

Курочкинъ, А. Я. *Изъ жизни растеній.* Вып. 1. *Какъ питается растеніе.* 5-е изд., испр. и дополн. Кн-во Т. И. Сергѣева и В. Н. Чешихина. Нижн.-Новгородъ. 1915 г. Ст. 67. Ц. 25 к.

Кюнтцель, В. *Учебникъ метеорологіи. Для учащихся въ средней школѣ.* Изд. „Образованіе“. П. 1915 г. Стр. 101. Ц 60 к.

Лоцосъ, К. *Елена Милина.* (Записки влюбленнаго.) Изд. автора. П. 1913 Стр. 58. Ц. 30 к.

Луццати, Л. *Избранныя рѣчи по кооперации и экономикѣ.* Пер. свѣт. М. Ваньоли, Е. Блиновой и А. Гурвича, съ пред. автора. Изд. „Трудъ“. М. 1915. Стр. 152. Ц. 1 р.

Марголинъ, М. М. *Національное движеніе въ еврействѣ 1881—1918.* Изд. „Востокъ“ П. 1915. Стр. 64. Ц. 40 к.

Маревъ, Глебъ. *Первая ароологія.* Послесловіе „Чемпіоната поэтовъ“. П. 1916. Стр. 16. Ц. 1.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II. Подъ ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изд. „Задруга“. М. 1915 г. Стр. 265.

Медынскій, Е. Н. *Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника.* 2-е изд., доп. и перер. Кн-во „Наука“. М. 1916 г. Стр. 327. Ц. 2 р.

Мижуевъ, П. Г. *Сады-города въ Англіи.* Изд. Т-ва А. Суворина. П. 1916 г. Стр. 496. Ц. 5 р. 50 к.

Народный лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. Сост. вет. врачъ И. М. Любомудровъ. 3-е испр. изданіе. Изд. автора. С. Лысково. 1915. Стр. 108. Ц. 40 к.

Новалисъ. *Фрагменты въ пер. Григорія Петникова.* Кн-во „Лирень“ М. MCMXIV. Стр 32. Ц. 70 к.

Новыя идеи въ біологіи. Непер. изд., выход. подъ ред. проф. В. А. Вагнера. Сб. № 8. Общіе вопросы эволюціи. I. Изд. „Образованіе“. П. 1915 г. Стр. 118. Ц. 80 к.

Огановскій, Николай. *Враги ли русскому народу евреи.* Изд. „Задруга“. М. 1916. Стр. 47. Ц. 12 к.

Огановскій, Н. П. *Отчего загорѣлась великая европейская война.*

№ 1. Серіи „Война и трудъ". 4-е изд. Изд. „Задруга". М. 1915. Стр. 31. Ц. 8 к.

Протоколъ соединеннаго засѣданія Правленія и Совѣта Новозыбковской Земской Кассы. Мелк. Кред. съ уч. предст. коопер. уѣзда. Подъ ред. А. П. Савича. Изд. Новозыб. Зем. Кассы Мелк. Кредита. Новозыбковъ. 1915. Стр. 41.

Пруссакъ, Владиміръ. *Цвѣты на свалкѣ.* Стихи. Изданіе автора. П. 1915 г. стр. 151. Ц. 1 р.

Путь студенчества. *Сборникъ статей.* Скл. изд. въ кн. маг. въ Москвѣ: „Высшая Школа" и „Студенческое издательство". М. 1916 г. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказы по русской исторіи. *Общедоступная хрестоматія.* Подъ ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Изд. 3-е. Изд. „Задруга". М. 1916. Стр. 488. Ц. 1 р. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. *Среди книгъ.* Т. III, ч. I. Кн-во „Наука". М. 1915 г. Стр. 200. Ц. 2 р.

Савельевъ, М. *Металлическіе промыслы Нижегородской губерніи.* Вып. I. Изд. Кустарнаго отдѣла Нижег. Губ. Земства. Нижній-Новгородъ. 1916 г. Стр. 152. Ц. 1 р.

Сивковъ, К. В. *Великая европейская война сто лѣтъ назадъ и теперь.* № 2. Серія „Война и трудъ". Изд. „Задруга". М. 1915. Стр. 31. Ц. 8 к.

Слезкинъ, Юрій. *Глупое сердце.* Разсказы. Кн-во б. М. В. Попова. П. 1915. Стр. 179. Ц. 1 р. 50 к.

Слезкинъ, Юрій. *Ольга Оргъ.* Романъ. Изд. 2-е. Кн-во б. М. В. Попова. П. 1915. Стр. 186. Ц. 1 р. 25 к.

Соколинскій, Александръ. *Дѣвъ смерти и др. разсказы.* Изд. автора. М. Стр 185. Ц. 1 р.

Сухановъ, Ник. *Наши лѣвыя группы и война.* Изд. 3-е. Изд. автора. Скл. изд. въ кн. маг. Яснаго, бывш. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 104. Ц. 50 к.

Толстовская библіографія *за 1913 г.*, подъ ред. А. Л. Бема. Изд. Толстовскаго музея. П. 1915. Стр. 54. Ц. 50 к.

Тэнъ, Ипполитъ. *Путешествіе по Италіи,* пер. П. П. Перцова. Т. II. Флоренція и Венеція. Кн-во „Наука". М. 1916 г. Стр. 318. Ц. 2 р. 75 к.

Украинскій вопросъ. *Сост. сотр. „Украинская жизнь".* Изд. 2-е. Изд. „Задруга". М. 1915 г. Стр. 162. Ц. 1 р.

Харьковскій календарь *на 1916 г.* Изд. Харьк. Губ. Статист. Комитета. Харьковъ. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цыперовичъ, I. *Синдикаты и тресты.* Изд. „Прибой". П. 1916. Стр. 30. Ц. 15 к.

Черный, Борисъ. *Вторая тетрадь.* Разсказы. Изд. автора. М. 1916. Стр. 32. Ц. 25 к.

Чролли Гуингмъ. *Стихи.* Скл. изд. въ кн. магаз. „Книжный Посредникъ". П. 1915. Стр. 32. Ц. 25 к.

Штейнметцъ, Р. *Философія войны.* Пер. Г. Абрамова. Изд. „Образованіе". П. 1915 г. Стр. 326. Ц. 2 р.

Якушкинъ, В. Е. *Геній русскаго военнаго искусства А. В. Суворовъ.* Изд. „Задруга". М. 1915. Стр. 96. Ц. 40 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АРГУСЪ.

Первый и единственный въ Россіи общедоступный художественный ежемѣсячникъ. 4-й годъ изданія. Открыта подписка на 1916 годъ. Цѣна за годъ съ 7 преміями 7 руб. Все, интересующее широкіе читательскіе круги, „въ Аргусѣ". Лучшіе писатели. Лучшіе художники. Лучшіе фотографы-корреспонденты. Въ 1916 году „Аргусъ" предлагаетъ годовымъ подписчикамъ: семь богатыхъ премій, исполненныхъ въ мастерск. поставщ. Двора Е. И. В. Голике и Вильборгъ. Пять картинъ въ краскахъ, исполненныхъ лучшими русскими художниками: 1) И. Билибинымъ, 2) Н. Ре-ми, 3) проф. Н. С. Самокишемъ, 4) Степаномъ Колесниковомъ и 5) О. Шарлемановымъ. Двѣ роскошныхъ геліогравюры: 6) Подвигъ казака — Н. И. Кравченко. 7) Оскверненная святыня — меццотинто. Первая премія разослана будетъ годовымъ подписчикамъ съ январьскимъ нумеромъ „Аргуса". Подписная цѣна на „Аргусъ" съ семью преміями: 7 р. въ годъ, съ перес. 4 р. на полг., съ перес. Разсрочка: 4 р. при подп., 3 р. въ іюнѣ Подписка на журналъ „Аргусъ" съ преміями принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ Россійской Имперіи, книжныхъ магазинахъ и въ Главной Конторѣ журнала „Аргусъ". Петроградъ, Сергіевская, д. 17-б. Редакторъ Вас. Регининъ. Издатель Акц. О-во „Біохромъ".

Открыта подписка на 1916 годъ на кооперативные журналы изданія Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ.

I.

„Союзъ Потребителей".

посвященный интересамъ русской кооперации вообще и потребителей въ особенности. Выходитъ 48 разъ въ годъ. Всѣ подписчики „Союза Потребителей" получаютъ безплатно: 1) Одинъ изъ двухъ популярныхъ кооперативныхъ журналовъ — „Объединеніе" или Общее дѣло" по своему выбору и 2) Кооперативный настольный календарь на 1917 г. Подписная плата: за 1 г. — 5 р., за ½ г. — 2 р. 60 к., за ¼ 1 р. 40 к., за 1 м. — 50 к.

II.

„Объединеніе".

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ VI годъ изданія Безплатное приложеніе: Кооперативный календарь на 1917 г. При отдѣльной подпискѣ подписная плата за годъ 1 р. 50 к.

III.

„Общее Дѣло".

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ членовъ потребительныхъ обществъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Безплатное приложеніе: Кооперативный настольный календарь на 1917 г. При отдѣльной подпискѣ за годъ 1 р. 50 к. Потребительныя Общества, желающія упрочить свое положеніе путемъ поднятія интереса къ Обществу въ средѣ членовъ и окрестнаго населенія, имѣютъ возможность это сдѣлать путемъ выписки за счетъ Общества и раздача членамъ и покупателямъ журналовъ: городскія и рабочія о-ба — „Объединенія", а сельскія — „Общаго дѣла". При выпискѣ какого-либо изъ популярныхъ журналовъ по одному адресу въ большомъ количествѣ назначена льготная подписная плата. Отъ 2 до 5 экз. по 1 р. 40 к. за годов. экз., отъ 6 до 10 экз. 1 р. 20 к., отъ 11 до 20 экз. 1 р. 10 к., отъ 21 до 50 экз. 1 р., отъ 51 до 100 экз. по 95 к., отъ 101 до 200 экз. по 90 к., отъ 201 до 500 экз. по 85 к., отъ 501 до 1000 экз. по 80 к. Св. 1000 по 75 к. Подписная плата, начиная отъ 50 экземпл., можетъ быть вносима въ разсрочку по четвертямъ года. Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи — Москва, Новая Переведеновка, с. д. 2) Кіевъ, Агентура Московскаго Союза, Подолъ, Воздвиженская, № 1. 3) Ростовъ-на-Дону, Агентура Союза, Старо-Почтовая, 98. 4) Одесса, Агентура Союза, ул. Кондратенко, № 29. 5) Рыбинскъ, Закупочн. пунктъ М. С., уг. Б. и Мал. Казанской, д. Соловьева. Въ лавкахъ потребительныхъ обществъ, въ кооперативныхъ союзахъ, земскихъ кассахъ мелкаго кредита, въ книжныхъ магазинахъ и черезъ почтовыя учрежденія.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій. Издатель А. Н. Тихоновъ.

